1
том 23
2021

ВЕСТНИК

КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2078-8975 (print) 2078-8983 (online) Bulletin of Kemerovo State University. 2021, 23(1): 1–296

ВЕСТНИК КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

2021
том 23 № 1

«Вестник Кемеровского государственного университета» – национальный рецензируемый журнал, публикующий результаты новейших научных исследований в области истории, археологии, психологии и языкознания. Междисциплинарность издания раскрывается в оригинальных и обзорных статьях, рецензиях, посвященных толерантности, идентичности, межкультурной коммуникации в современности и ретроспективе, поликультурному образовательному пространству, истории языка, билингвизму, психолингвистике, национальным, этническим и этнокультурным вопросам (национальной политике, определению себя в рамках нации, национальным языкам). Журнал ориентирован на интегрирование основных тенденций и достижений современных научных исследований, на установление и укрепление научных связей между учеными из разных регионов России и других стран.

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет».

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77-67989. Выдано Роскомнадзором.

Издается с 1999 года. Выходит 4 раза в год.

ISSN 2078-8975 (print); 2078-8983 (online).

Адрес учредителя, издателя: Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6; 8(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru.

Адрес редакции: Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6; 8(3842)58-13-01; vestnik@kemsu.ru.

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» – 42150.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых журналов Высшей аттестационной комиссии РФ.

Журнал включен в базы данных: EBSCO, ErichPlus, DOAJ, Scilit, Ulrich's Periodicals Directory, РИНЦ.

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов.

Журнал не взимает платы за публикацию, издается за счет средств Кемеровского государственного университета.

Все научные статьи, поступившие в редакцию журнала, проходят двойное слепое рецензирования (Double-blind review).

Сведения о политике журнала, правилах для авторов, архив полнотекстовых выпусков (с 2007 г.) размещены на сайте издания http://vestnik.kemsu.ru

16+

Главный редактор: *Серый А. В.*, д-р психол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Зам. главного редактора: *Овчинников В. А.*, д-р ист. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Редакционная коллегия:
Аникин А. Е., д-р филол. наук, проф., академик СО РАН, Институт филологии РАН (Новосибирск, Россия).
Араева Л. А., д-р филол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Бобров В. В., д-р ист. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Васютин С. А., д-р ист. наук, доцент, КемГУ (Кемерово, Россия).
Зиновьев В. П., д-р ист. наук, проф., ТГУ (Томск, Россия).
Лукьянов О. В., д-р психол. наук, доцент, ТГУ (Томск, Россия).
Лушникова Г. И., д-р филол. наук, проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Ялта, Россия).
Микляева А. В., д-р психол. наук, доцент, РГПУ им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия).
Молодин В. И., д-р ист. наук, проф., академик РАН, Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск, Россия).
Невзоров Б. П., д-р пед. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Пелех Ю. В., dr. hab., проф., Академия им. Иоанна Длугоша (Ченстохова, Польша).
Пименова М. В., д-р филол. наук, проф., Институт иностранных языков (Санкт-Петербург, Россия).
Проскурин С. Г., д-р филол. наук, проф., НГУ (Новосибирск, Россия).
Серкин В. П., д-р психол. наук, проф., Высшая школа экономики (Москва, Россия).
Тюпа В. И., д-р филол. наук, проф., РГГУ (Москва, Россия).
Хьюитт К., магистр гуманитарных наук, проф., Институт непрерывного образования Оксфордского Университета (Оксфорд, Великобритания).
Эрдэнэболд Л., д-р ист. наук, проф., Монгольский университет науки и технологии (Улан-Батор, Монголия).
Юревич А. В., д-р психол. наук, проф., чл.-корр. РАН, Институт психологии РАН (Москва, Россия).
Яницкий М. С., д-р психол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

© Кемеровский государственный университет, 2021
© Авторы, 2021

BULLETIN KEMEROVO STATE UNIVERSITY

2021
vol. 23 no 1

The Bulletin of Kemerovo State University is a Russian peer-reviewed journal that provides the latest research achievements of history, archeology, psychology, and linguistics. The Bulletin publishes research papers, review articles, and book reviews. As an interdisciplinary periodical, we publish articles that promote tolerance and identity issues. Our authors write about intercultural communication, multicultural education, language history, bilingualism, and psycholinguistics. They develop both national and ethnocultural issues, e.g. national politics, self-identification, national languages, etc. Our mission is to promote the main trends and achievements of contemporary science in order to establish links between Russian and foreign scientific communities.

Founder: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kemerovo State University".

Certificate of registration: PI no. FS 77-67989. Registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications.

Founded in 1999. Published 4 times a year.

ISSN 2078-8975 (print); 2078-8983 (online).

Address of the founder and publisher: Russia, Kemerovo region, 6, Krasnaya St., Kemerovo, 650000, Kemerovo region, Russia 8(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru.

Editorial Office Address: 6, Krasnaya St., Kemerovo, 650000, Kemerovo region, Russia, 8(3842)58-13-01; vestnik@kemsu.ru.

Subscription indices: 42150 – in the United catalogue "The Press of Russia".

The Bulletin is on the Russian List of Leading Peer-Reviewed Journals recommended by the Higher Attestation Commission of the Russian Federation.

The journal is registered in the following databases: EBSCO, ErichPlus, DOAJ, Scilit, Ulrich's Periodicals Directory, RSCI.

Opinions expressed in the articles published in the Bulletin are those of their authors and may not reflect the opinion of the Editorial Board.

The Bulletin is funded by Kemerovo State University. Authors do not have to pay any article processing charge or open access publication fee.

All manuscripts undergo a double-blind review.

For more information about our publishing politics, instructions for authors, and archives of full-text issues, please visit our website: http://vestnik.kemsu.ru.

16+

© Kemerovo State University, 2021
© Authors, 2021

Editor-in-Chief: *Andrey V. Seryy*, Dr. of Psychology, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
Deputy Editor-in-Chief: *Vladislav A. Ovchinnikov*, Dr. of History, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
Editorial board:
Alexander E. Anikin, Dr. of Philology, Prof., Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Institute of Philology of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
Ludmila A. Araeva, Dr. of Philology, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
Vladimir V. Bobrov, Dr. of History, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
Sergey A. Vasyutin, Dr. of History, Assoc. Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
Vasily P. Zinoviev, Dr. of History, Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).
Galina I. Lushnikova, Dr. of Philology, Prof., V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Yalta, Russia).
Oleg V. Lukyanov, Dr. of Psychology, Assoc. Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).
Anastasiya V. Miklyaeva, Dr. of Psychology, Assoc. Prof., Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg, Russia).
Vyacheslav I. Molodin, Dr. of History, Prof., Member of the RAS, Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
Boris P. Nevzorov, Dr. of Pedagogic, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
Yurii Pelekh, Dr. hab., Prof., Jan Dlugosz University (Czestochowa, Poland).
Marina V. Pimenova, Dr. of Philology, Prof., Institute of Foreign Languages (St. Petersburg, Russia).
Sergey T. Proskurin, Dr. of Philology, Prof., Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia).
Vladimir P. Serkin, Dr. of Psychology, Prof., Higher School of Economics (Moscow, Russia).
Valeriy I. Tyupa, Dr. of Philology, Prof., Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia).
Karen Hewitt, M.B.E., M.A. (Oxon.), Prof. of Department for Continuing Education, University of Oxford (Oxford, England).
Lhagvasuren Erdenebold, Ph.D. History, Prof., Mongolian University of Science and Technology (Ulan Bator, Mongolia).
Andrey V. Yurevich, Dr. of Psychology, Prof., Corresponding Member of the RAS, Institute of Psychology of the RAS (Moscow, Russia).
Mikhail S. Yanitskiy, Dr. of Psychology, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1

История и Археология

Кадровое обеспечение физической культуры и спорта Кемеровской области в конце XX – начале XXI в.
Казьмин В. Н., Казьмина М. В., Юзупкина Е. С. 1

Оглахтинско-томские петроглифы Нижнетомского очага наскального искусства
Ковтун И. В. 10

Ассимиляция русскими чулымских тюрок в первой половине XIX в. (на примере семьи Колмогоровых – старожилов села Чумай)
Кузьмин О. Ю. 20

Трансформация общественного и семейного статуса дагестанки в 1920-е гг.
Мирзабеков М. Я. 34

Нож и пояс: опыт анализа сейминско-турбинского бронзового оружия
Михайлов Ю. И. 44

Стоянка Карасор-3 в верховьях Притоболья
Подзюбан Е. В. 52

Фронт после победы: причины роста преступности в СССР в послевоенные годы (1945–1950-е гг.)
Попова А. Д. 62

Развитие сельской медицинской сети в Томской губернии на рубеже XIX–XX вв.
Почеревин Е. В. 71

Этноконфессиональная ситуация в субъектах Российской Федерации: к проблеме организации мониторинга
Садовой А. Н., Овчинников В. А. 80

Взаимодействие Центра и регионов в период разработки Федеративного договора 1992 г.
Шевелев Д. Н., Мельник А. Г. 95

Психология

Проективные показатели эмоциональной дестабилизации у детей в практике психолого-педагогической экспертизы
Адмакина Т. А. 105

Опросник «Типология киберагрессии»: структура и первичные психометрические характеристики
Антипина С. С. 113

Компромисс скорость–точность как предмет психологического анализа
Баланев Д. Ю., Бредун Е. В. 123

Эмоциональные компетенции в структуре параметров психологического здоровья старшеклассников с разной степенью вовлеченности в виртуальные коммуникации
Белашева И. В., Шумакова С. В. 133

Идентичность как предиктор субъективной оценки качества жизни студентов: кросскультурный аспект
Бохан Т. Г., Шабаловская М. В., Терехина О. В., Ульянич А. Л., Бородич Ю. В., Танабасова У. В. 143

Технологические задачи психологического обеспечения мониторинга действий пользователей в электронной образовательной среде современного вуза
Бредун Е. В., Ваулина Т. А., Шамаков В. А., Щеглова Э. А. 156

Доминирующее психическое состояние и настроение субъектов с разными видами отношения к себе как профессионалу
Духновский С. В., Мищенко В. А. 166

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1

Особенности отношения к режиму самоизоляции в период пандемии у студентов с разными показателями ответственности и ценностных ориентаций
Кудинов С. И., Кудинов С. С., Кудинов В. С. 174

Особенности стратегии конкуренции у работающих субъектов с Я-ориентированной и ориентированной на других перфекционистской направленностью
Тузлукова А. В. 183

Особенности переживания жизненной ситуации, обусловленной пандемией COVID-19, в контексте жизнестойкости личности
Цариценцева О. П., Елфимова М. М. 191

Языкознание

Концепт как лингвокультурная единица в когнитивной лингвистике: концептосфера *Гаилэ* (Семья) в башкирском языке
Гимашева Г. М. 202

Отражение семейных отношений в пословицах и поговорках русского и китайского языков (на материале фреймов *свекровь – невестка, теща – зять, золовка – невестка*)
Го Л. 211

Юридический дискурс как многомерный интегративный феномен и юрислингвистика как синкретическая наука
Дединкин А. Л. 220

Стратегии и тактики формирования бренда (на материале рекламных слоганов компаний на французском, английском и русском языках)
Желудкова Е. Г., Пургина К. М.

Истинность / ложность как свойства рекламного дискурса: адресатоцентрический аспект
Ким Л. Г., Рафикова Е. А. 237

Специфика концептуализации стыда и совести в эвенской языковой картине мира
Кузьмина Р. П. 247

Лексико-семантический анализ прилагательного *poor* в английском языке: дефиниции, синонимы и антонимы
Мендешева М. М. 256

Глаголы-светообозначения в русском и французском языках (лексико-семантическая классификация, грамматические признаки глаголов)
Полежаева Ж. Ю., Письмак Т. Г. 265

Письмо сибирского поэта президенту США: отражение социально-политических взглядов в текстах естественной письменной речи
Синегубова К. В. 278

Система скриптов и черный юмор в пьесах М. Макдонаха
Усатова А. С., Прохорова Л. П. 286

Памяти Людмилы Алексеевны Араевой vii

BULLETIN
Kemerovo State University
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1

History & Archeology

Physical Training and Sports in the Kemerovo Region: Human Resourcing in the Late XX – Early XXI Centuries
Kazmin V. N., Kazmina M. V., Yuzupkina E. S. 8

The Oglakhty-Tom Petroglyphs of the Lower Tom Rock Art Complex
Kovtun I. V. 18

Assimilation of the Chulym Turkic People by the Russians in the First Half of the XIX Century: the case of the Kolmogorov Family from Chumay Village
Kuzmin O. Yu. 30

Transformation of the Social and Family Status of Dagestani Women in the 1920s
Mirzabekov M. Ya. 42

Knife and Belt: Analysis of Seima-Turbino Bronze Weapons
Mikhailov Yu. I. 49

Karasor-3 Site in the Upper Tobol
Podzuban E. V. 60

Battle after Victory: Causes of the Post-War Crime Rate Increase (1945–1950)
Popova A. D. 69

Development of a Rural Healthcare System in Tomsk Province in the Late XIX – Early XX centuries
Pocherevin E. V. 78

Regional Ethnic and Confessional Situation in the Russian Federation: Arrangements for Monitoring
Sadovoy A. N., Ovchinnikov V. A. 92

Interaction between the Center and the Regions during the Development of the Treaty of Federation in 1992
Shevelev D. N., Melnik A. G. 103

Psychology

Projective Indicators of Emotional Destabilization in Children in the Practice of Psychological and Pedagogical Expertise
Admakina T. A. 111

Cyber-Aggression Typology Questionnaire: Structure and Primary Psychometric Characteristics
Antipina S. S. 121

The Speed–Accuracy Tradeoff as a Subject of Psychological Analysis
Balanev D. Yu., Bredun E. V. 131

Emotional Competencies as Part of the Parameter Structure of Psychological Health in High School Students with Different Virtual Communication Engagement Rates
Belasheva I. V., Shumakova S. V. 140

Identity as a Predictor of Subjective Assessment of Quality of Campus Life: Cross-Cultural Aspect
Bokhan T. G., Shabalovskaya M. V., Terekhina O. V., Ulyanich A. L., Borodich J. V., Tanabasova U. V. 153

Activity Monitoring in the Digital Learning Environment of a Modern University: Technological Tasks of Psychological Support
Bredun E. V., Vaulina T. A., Shamakov V. A., Shcheglova E. A. 164

Dominant Mental State and Mood in People with Different Professional Self-Awareness
Dukhnovsky S. V., Mishchenko V. A. 172

BULLETIN
Kemerovo State University
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1

Attitudes to Lockdown in Students with Different Indicators of Responsibility and Value Orientations
Kudinov S. I., Kudinov S. S., Kudinov V. S. 181
Competitive Strategy in Employees with Self-Oriented and Socially-Oriented Perfectionism
Tuzlukova A. V. 188
Coping with the Reality Situation during the COVID-19 Pandemic in the Context of Individual Resilience
Tsaritsentseva O. P., Elfimova M. M.

Linguistics

Concept as a Linguacultural Unit in Cognitive Linguistics: Conceptual Framework *Fail*ə (Family) in the Bashkir Language
Gimasheva G. M. 209
Reflection of Family Relations in the Russian and Chinese Languages (Based on Frames *husband's mother – daughter-in-law, wife's mother – son-in-law, husband's sister – sister-in-law*)
Guo L. 218
Legal Discourse as a Multi-Dimensional Integrated Phenomenon and Legal Linguistics as a Syncretic Science
Dedinkin A. L. 227
Strategies and Tactics of Brand Formation (Based on the Material of Advertising Slogans in French, English, and Russian)
Zheludkova E. G., Purgina K. M. 235
Truth / Falsity as Properties of Advertising Discourse: Addressee-Centered Aspect
Kim L. G., Rafikova E. A. 244
Conceptualization of Shame and Remorse in the Even Linguistic World View
Kuzmina R. P. 254
Lexical-Semantic Analysis of the Adjective *Poor* in English: Definitions, Synonyms, and Antonyms
Mendesheva M. M. 262
Verbs of Light in Russian and French: Lexical-Semantic Classification and Grammatical Characteristics
Polezhaeva Zh. Yu., Pismak T. G. 276
A Letter from a Siberian Poet to the President of the United States of America: Natural Written Speech as a Reflection of Socio-Political Views
Sinegubova K. V. 283
Script System and Black Humor in Plays by M. McDonagh
Usatova A. S., Prokhorova L. P. 295

https://vestnik.kemsu.ru

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-1-9

История и Археология
History & Archeology

оригинальная статья
УДК 796.071.4(571.17)

Кадровое обеспечение физической культуры и спорта Кемеровской области в конце XX – начале XXI в.

Владимир Николаевич Казьмин
Кемеровский государственный университет, Россия, г. Кемерово

Евгения Сергеевна Юзупкина
Губернаторский многопрофильный лицей-интернат, Россия, г. Кемерово

Маргарита Васильевна Казьмина
Кемеровский государственный университет, Россия, г. Кемерово
Rita-KMV@yandex.ru

Поступила в редакцию 24.01.2021. Принята к печати 19.03.2021.

Аннотация: Рассмотрено кадровое обеспечение физкультуры и спорта Кузбасса в условиях перехода от советской к постсоветской модели развития. В основу исследования был положен широкий круг источников, в том числе извлеченных из нескольких фондов Государственного архива Кемеровской области. Применен ряд методологических принципов: научности, историзма, сравнительный. Их комплексное использование позволило выявить основные факторы, повлиявшие на кадровый потенциал отрасли. Во-первых, это политика ускорения социально-экономического развития страны, провозглашенная в середине 1980-х гг. Во-вторых, переход к рыночной модели экономики с начала 1990-х гг., сопровождавшийся полномасштабным кризисом. Данные процессы, носившие системный характер, аналогично (системно) отразились на развитии физической культуры и спорта, в том числе ее кадрового потенциала, как в общегосударственном, так и в региональном масштабе. Доказано, что кадровое обеспечение отрасли характеризовалось неравномерностью. Наиболее благополучно оно было представлено в высших учебных заведениях, техникумах, в целом в учреждениях физкультуры и спорта городов Кузбасса. Однако в сельской местности сохранялся дефицит работников отрасли.
Ключевые слова: Кузбасс, физкультура, тренер, кадровая политика, уровень квалификации, результаты

Цитирование: Казьмин В. Н., Казьмина М. В., Юзупкина Е. С. Кадровое обеспечение физической культуры и спорта Кемеровской области в конце XX – начале XXI в. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 1. С. 1–9. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-1-9

Введение

В истории нашей страны и Кузбасса конец XX – начало XXI в. занимают особое место. В это время заканчивается функционирование социалистической системы и происходит болезненный для широких слоев населения переход к рыночной модели. Столь существенные изменения сказались на всех сторонах жизни общества, в том числе и на системе физкультуры и спорта (ФКиС). Одним из главных элементов этой системы, наряду с финансированием, материально-технической базой, правовым регулированием и др., являлось кадровое обеспечение отрасли. Именно от квалификации, количественного и качественного состава работников в значительной степени зависело функционирование и развитие отрасли. Цель работы – выявить факторы, повлиявшие на кадровое обеспечение отрасли, его характерные черты и особенности в указанных хронологических рамках.

Историография проблемы требует определения принципа, на основе которого будут рассмотрены проблемы данной статьи. Таковым является принцип общего (территория РФ) и особенного (региональная специфика) в характеристике кадров для ФКиС. Это позволяет выделить в историографическом обзоре три группы.

Первую группу составляет специальная литература, где содержатся материалы по общим вопросам истории ФКиС в РФ. В этой связи следует выделить работы Б. Р. Голощапова [1], А. В. Починкина [2], А. А. Исаева [3], Е. Н. Герасимовой и А. А. Шахова [4] и др. Естественно, что они не могли обойти в своих трудах такую ключевую проблему, как подготовка и характеристика состава кадров для сферы ФКиС. Значимость этого вопроса подтверждает интерес к данной проблеме, прозвучавший в выступлениях исследователей на научных и научно-практических конференциях. Они показывали содержание и специфику развития ФКиС как в целом в РФ, так и в отдельных регионах. Правда, рассмотрение кадровой политики в этой сфере носило эпизодический характер [5–11].

Во вторую группу следует включить исследования регионального уровня. Особый интерес представляет анализ проблем ФКиС в Западно-Сибирском регионе.

© 2021. Авторы. Статья распространяется на условиях международной лицензии CC BY 4.0

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-1-9

Проблема состояния кадрового потенциала в различные исторические периоды получила развитие в ряде научных, в том числе диссертационных исследований. Положительные моменты и негативные явления в подготовке кадров для ФКиС в 1980–2000 гг. отмечены в трудах Б. В. Кимейши [12; 13] и С. В. Осипова [13]. Комплексно проблемы ФКиС в 1960–1991 гг. в Западной Сибири проанализировала Т. В. Сарычева, отразив состояние кадровой политики [14–16].

К третьей группе следует отнести труды кузбасских исследователей. Среди них особо следует выделить кандидатскую диссертацию Я. Ю. Ратушной, которая посвящена правовому регулированию различных направлений ФКиС. Однако проблема кадрового состава в области ФКиС в Кузбассе ею рассматривалась эпизодически [17]. Интересный фактический материал, посвященный отдельным командам и спортивным коллективам, достижениям спортсменов и их тренерам содержится в материалах «Балибаловских чтений», изданиях, посвященных истории Кузбасса[1] [18–20] и городов Кемеровской области [21–23], а также учебных заведений [24; 25]. Однако и здесь проблема кадрового обеспечения ФКиС носит локальный характер, касается отдельных сторон их деятельности и подготовки, как правило, в узких хронологических рамках.

Таким образом, историографический обзор позволяет сделать вывод об актуальности комплексного изучения данной проблемы в хронологических рамках конца XX – начала XXI в. в Кузбассе.

В статье использован ряд методологических принципов. Принцип научности позволил определить уровень состояния изученности данной темы. Принцип историзма способствовал выявлению изменений в кадровом потенциале отрасли ФКиС Кузбасса в различные исторические эпохи, особенностей и характера произошедших изменений. Главным методом при раскрытии содержания заявленной темы был сравнительный. Он позволил выявить важнейшие направления, характерные черты, особенности состава кадров для ФКиС в советский и постсоветский периоды.

Кадровый потенциал физической культуры и спорта Кузбасса: характерные черты и особенности развития (конец XX – начало XXI в.)

Проблема кадрового обеспечения является одной из важнейших составляющих эффективности работы ФКиС. В 1980-е гг. в Кузбассе ощущалась существенная нехватка специалистов в области ФКиС. Об этом свидетельствуют следующие факты. Только в 1986 г. в области не хватало 220 учителей по физкультуре, особенно в сельской местности. Проблемы существовали и с подготовкой специалистов с высшим образованием. Например, в Крапивинском районе их насчитывалось 18 из 41 штатного работника. Подобная картина была характерна и для других территорий.

На предприятиях области физкультурно-массовую работу осуществляли инструкторы-методисты. Среди них специалисты с высшим образованием составляли только 19 %. Ситуация с этой категорией усугублялась низкой заработанной платой, отсутствием жилья, что приводило к большой текучести кадров[2]. Ко всему этому следует добавить использование ставок инструкторов-методистов вообще не по профилю работы. Эти вакансии занимали культработники, специалисты отделов кадров и фондов оплаты труда и т. д. В частности, ставка инструктора в колхозе «Искра» Ленинск-Кузнецкого района была занята секретарем комсомольской организации. Это не способствовало качеству физкультурно-спортивной работы. Подобное явление было характерно и для других территорий области[3].

Существенной проблемой в кадровой политике в сфере ФКиС являлась большая сменяемость руководящих кадров – председателей спорткомитетов. В городах области председатели комитетов работали в этой должности не более двух лет, а в некоторых сельских районах в течение нескольких лет их не было вообще (Прокопьевский и Мариинский районы). Высокая текучесть среди председателей спорткомитетов объяснялась зачастую тем, что активисты, приходившие на эту должность с шахт и предприятий, теряли полагавшиеся на прежнем месте работы льготы, что приводило к снижению их материального благосостояния[4].

В кадровом составе работников ФКиС исключительно важная роль в подготовке спортсменов высокого уровня принадлежала тренерскому составу. В Кузбассе в 33 ДЮСШ профсоюзов и системы образования работало 379 тренеров. Однако только 125 человек (33 %) из них были штатными работниками. Остальные были либо совместителями, либо почасовиками[5]. Проблема нехватки тренеров решалась за счет активного привлечения общественных тренеров-инструкторов. Для примера приведем ситуацию, которая складывалась в таком виде спорта, как плавание. В 1985 г. число штатных тренеров здесь составляло немногим более 10 %, а общественных тренеров-инструкторов – более 80 %[6]. Таким образом, нехватка специалистов по плаванию покрывалась за счет тренеров-общественников.

Подобная тенденция проявлялась и в других видах спорта. Об этом свидетельствуют статистические данные

[1] Золотые страницы Кузбасса: справочник. Кемерово: ПризмаДоК, 1998. 427 с.
[2] Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. Р-411. Оп. 1. Д. 777. Л. 4; ГАКО. Ф. Р-411. Оп. 1. Д. 778. Л. 1.
[3] ГАКО. Ф. Р-411. Оп. 1. Д. 778. Л. 2.
[4] ГАКО. Ф. Р-411. Оп. 1. Д. 779. Л. 15.
[5] ГАКО. Ф. Р-411. Оп. 1. Д. 778. Л. 5.
[6] ГАКО. Ф. Р-411. Оп. 1. Д. 764. Л. 78.

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-1-9

областного спорткомитета, где указано, что только в 1987 г. численность общественных инструкторов и тренеров составляла около 25 тыс. человек. Данный факт нельзя рассматривать однозначно. С одной стороны, среди выделенной категории наблюдался низкий образовательный уровень (с высшим образованием – 1,2 %; средним специальным – 2,5 %)[7]. С другой стороны, следует отметить их огромную роль в привлечении широкого круга граждан к занятиям ФКиС, энтузиазм и преданность делу.

Конечно, ответственность за развитие ФКиС в Кузбассе главным образом лежала на штатных профессиональных работниках. Таковых на 1 января 1987 г. насчитывалось 3514 человек. Остановимся более подробно на их качественной характеристике. Профильное образование из них имели 2222 человека (63 %). Высшее физкультурное образование было у 1556 человек (47 %). Из 50 председателей городских и районных спорткомитетов 34 % имели высшее образование. Из 23 работников аппарата комитетов таковых было 35 %. Все преподаватели физической культуры в вузах имели высшее образование[8]. В ССУЗах таковых было 80 %, в ПТУ – 70 %, среди тренеров – 57 %, инструкторов-методистов – 19 %, работников ДЮСШ (без тренеров) – 42 %[9]. Данные свидетельствуют о достаточно высоком уровне квалификации преподавательского корпуса, особенно вузов. Остальные категории нуждались в существенном повышении своего профессионального уровня.

Функции контроля за этим и другими качественными показателями кадрового состава осуществляли Комитет по физической культуре и спорту при Совете Министров РСФСР и Управление учебных заведений и научно-методической работы. Их решениям должен был следовать спорткомитет Кемеровской области. Он подводил итоги приема в учебные заведения, утверждал планы мероприятий по подготовке специалистов в сфере ФКиС. К функциям спорткомитета относилась и агитационная работа среди выпускников общеобразовательных школ, выпускников ДЮСШ, ШВСМ, спецклассов спортивного профиля Кузбасса. Использовались такие формы профориентационной деятельности, как дни открытых дверей, беседы, чтение лекций. Профориентация предполагала закрепление учащихся физкультурно-образовательных учреждений за определенными школами.

Использование столь разнообразных форм приносило в целом положительные результаты. Так, из 75 поступивших на спортивный факультет Новокузнецкого педагогического института было 2 мастера спорта, а остальные имели спортивные разряды. Положительно, что среди поступивших около 30 % были из сельской местности[10].

Существенную роль в подготовке кадров в Кузбассе играл учебно-консультационный пункт Омского института физической культуры, где на заочном отделении большинство студентов училось по специальности *методика преподавания физической культуры*.

В целом в учебные заведения Кузбасса по направлениям ФКиС ежегодно поступало около 300 человек. Более 50 % училось в высших учебных заведениях, остальные – в средне-технических учреждениях. Существовала и практика целевого набора в Омский институт физкультуры. Но квота туда была небольшой (не более 7 человек в 1987 г.)[11]. Проблема подготовки кадров для работы на селе также частично решалась с помощью предоставления квот. В какой-то степени это помогало снизить дефицит кадров ФКиС в сельской местности.

Повышение качества работы специалистов по ФКиС тесно связано с повышением их квалификации на курсах, существовавших в высших учебных заведениях, стажировках в командах. Контроль за исполнением этой функции был возложен на областной спортивный комитет, который работал на основе целевой программы «Физкультурные кадры РСФСР» и областного плана повышения квалификации[12].

В Кузбассе сложилась целостная система повышения квалификации специалистов по ФКиС. Преподаватели всех типов учебных заведений, а их насчитывалось в середине 1980-х гг. более 1,5 тыс. человек, проходили плановую переподготовку на базе своих министерств и ведомств один раз в пять лет[13]. Штатные физкультурные работники проходили переподготовку на курсах при институтах физкультуры (Омск) или в Новокузнецком педагогическом институте. На курсах, организованных различными видами отраслевых профсоюзов, проходили обучение председатели советов коллективов и спортивных обществ, инструкторы-методисты и другие категории работников.

Областной спортивный комитет делал акцент на проведении семинаров, где изучался и распространялся положительный опыт. Был одобрен и рекомендован к применению опыт Кемеровского производственного объединения «Азот» по массовому привлечения работников к занятию физкультурой на стадионах, созданию восстановительных

[7] ГАКО. Ф. Р-304. Оп. 1. Д. 441. Л. 32.
[8] ГАКО. Ф. Р-411. Оп. 1. Д. 778. Л. 2.
[9] Там же. Л. 3.
[10] ГАКО. Ф. Р-411. Оп. 1. Д. 764. Л. 35.
[11] ГАКО. Ф. Р-411. Оп. 1. Д. 778. Л. 2.
[12] ГАКО. Ф. Р-411. Оп. 1. Д. 779. Л. 7; ГАКО. Ф. Р-411. Оп. 1. Д. 777. Л. 3.
[13] Там же.

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-1-9

центров, а также опыт г. Новокузнецк по созданию спортивных клубов по месту жительства[14].

В конце 1980-х гг., когда страна погрузилась в экономический и политический кризис, появились негативные процессы в проведении кадровой политики в области ФКиС. В 1989 г. началось сокращение физкультурных работников в Кузбассе. Число их по сравнению с 1987 г. уменьшилось на 355 человек. Внимание власти к проблемам ФКиС существенно ослабло. Резко сократилось финансирование отрасли в связи с переходом предприятий на систему хозрасчета и самоокупаемость. Это привело к сокращению средств на оплату штатных работников отрасли[15].

В таких условиях началось реформирование спортивных обществ. На основе постановления ВЦСПС от 20 февраля 1987 г. «О мерах по совершенствованию руководства физкультурным движением профсоюзов» создается единое Всесоюзное добровольное физкультурно-спортивное общество (ВДФСО) профсоюзов. Реализация постановления привела к уменьшению финансирования ФКиС со стороны профсоюзов и сокращению численности работников советов ДСО. Эта тенденция проявила себя и в 1990-е гг.

Попытку преодолеть кризисную ситуацию с кадрами государственные структуры сделали в июле 1990 г., приняв постановление «О совершенствовании организации заработной платы, введении новых условий оплаты труда, ставок и окладов работников физической культуры и спорта, окладов тренеров и стипендий спортсменов-инструкторов сборных команд СССР, ведомств и физкультурно-спортивных организаций». 15 августа 1990 г. с аналогичным названием вышло постановление Госкомспорта СССР[16]. Суть решений сводилась к следующему: 1) исходя из состояния фонда оплаты труда, руководители предприятия имели право повышать зарплату и оклады работникам физической культуры независимо от ведомственной принадлежности; 2) увеличивались должностные оклады лицам, имевшим почетные звания; 3) появилась возможность премировать работников физкультуры в тех же размерах, что и производственного персонала.

Усилившийся кризис в условиях перехода к рыночной модели развития способствовал тому, что предприятия стремились передать в муниципальную и областную собственность объекты ФКиС[17] . Это привело к тому, что материальное положение работников ФКиС не улучшилось, а наоборот, ухудшилось. Началось массовое сокращение кадров и финансирования. В Кузбассе за 1991–1999 гг. расходы на ФКиС по Федерации профсоюзных организаций в долевом отношении сократились более чем в 7 раз[18].

Решить проблему материального обеспечения кадров ФКиС в рыночных условиях попытались посредством привлечения негосударственных источников финансирования. На это был направлен Указ Президента РФ 1996 г. «О дополнительных социальных гарантиях спортсменам, работникам физической культуры, спорта и туризма». В Указе говорилось о создании специального фонда для дополнительного пенсионного обеспечения ветеранов спорта, работников ФКиС[19]. В развитие данного постановления на региональном уровне был принят документ о надбавках к заработной плате работникам ФКиС. Однако выполнить это решение оказалось очень сложно в связи с ухудшившейся финансовой ситуацией в области. Задолженность по заработной плате возросла. Например, задолженность областным спортивным учреждениям на начало 2001 г. составила более 50 % месячного фонда 2000 г.[20]

В сложных рыночных условиях 1990–2000 гг. произошли изменения в функционировании системы подготовки и повышения квалификации кадров. Новым моментом в деятельности высших и средних специальных учреждений стало финансирование из разных источников, сложность в получении лицензии для ведения работы в сфере дополнительного образования, прохождение аттестации, недостаток специалистов – профессионалов по отдельным видам спорта[21].

Проблему подготовки кадров в Кузбассе в 1990–2000 гг. решали несколько учебных заведений. Если в 1990-е гг. этим занимались 9 образовательных учреждений, то в 2000-е гг. их число возросло до 12. Среди учебных заведений, которые внесли значительный вклад в подготовку кадров, следует отметить: Новокузнецкий пединститут, УКП (затем филиал) Сибирской Академии по физической культуре, Кемеровский индустриально-педагогический колледж, Ленинск-Кузнецкое училище олимпийского резерва, Прокопьевский техникум физической культуры и др. Значимым событием для Кузбасса

[14] ГАКО. Ф. Р-411. Оп. 1. Д. 779. Л. 8; ГАКО. Ф. Р-411. Оп. 1. Д. 777. Л. 3.

[15] ГАКО. Ф. П-75. Оп. 63. Д. 102. Л. 112.

[16] О совершенствовании организации заработной платы, введении новых условий оплаты труда, ставок и окладов работников физической культуры и спорта, окладов тренеров и стипендий спортсменов-инструкторов сборных команд СССР, ведомств и физкультурно-спортивных организаций новых условий оплаты труда, ставок и окладов работников физической культуры и спорта, окладов тренеров и стипендий спортсменов-инструкторов сборных команд СССР, ведомств и физкультурно-спортивных организаций. Постановление Госкомспорта СССР от 15.08.1990 № 9/4а-22.

[17] ГАКО. Ф. Р-411. Оп. 1. Д. 944. Л. 3; ГАКО. Ф. Р-411. Оп. 1. Д. 763. Л. 2 об.; ГАКО. Ф. Р-411. Оп. 1. Д. 945. Л. 3.

[18] ГАКО. Ф. Р-794. Оп. 1. Д. 1658. Л. 120–121; ГАКО. Ф. Р-794. Оп. 1. Д. 1698. Л. 2, 11; ГАКО. Ф. Р-794. Оп. 1. Д. 1717. Л. 5; ГАКО. Ф. Р-794. Оп. 1. Д. 1737. Л. 1; ГАКО. Ф. Р-794. Оп. 1. Д. 1753. Л. 1; ГАКО. Ф. Р-794. Оп. 1. Д. 1762. Л. 109.

[19] ГАКО. Ф. Р-411. Оп. 1 доп. Д. 42. Л. 17; ГАКО. Ф. Р-1253. Оп. 1. Д. 596. Л. 136.

[20] ГАКО. Ф. Р-1253. Оп. 1. Д. 1144. Л. 22.

[21] ГАКО. Ф. Р-411. Оп. 1 доп. Д. 42. Л. 10 об.

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-1-9

стало открытие факультета физвоспитания в Кемеровском государственном университете[22]. Увеличение числа учебных заведений по подготовке кадров являлось положительным фактом, т. к. росло и количество спортивных направлений, для которых готовились специалисты.

Более качественными стали и занятия по повышению квалификации и профессиональной переподготовки. Акцент стал делаться на целевой заказ переподготовки, план которого составлял областной департамент, ответственный за ФКиС.

В начале 2000 г. особую актуальность вызывала проблема подготовки и повышения квалификации кадров для спортивного туризма. Кузбасс имел хорошие возможности для развития отрасли. Администрация региона стала уделять этому направлению большое внимание. Началась интенсивная подготовка таких профессий, как проводник-гид и инструктор спортивного туризма[23].

В новых рыночных условиях особенно острой проблемной для Кузбасса оставалась кадровая обеспеченность сельской местности. Новая экономическая ситуация привела к резкому ухудшению спортивной материально-технической базы. Постоянная реорганизация управленческих структур привела к неразберихе в ответственности за этот участок работы. Произошло существенное сокращение ставок и размеров заработной платы. Это привело к оттоку кадров специалистов, занимавшихся вопросами ФКиС[24].

Значимую роль в развитии ФКиС играл тренерский состав. От его квалификации, человеческих качеств, отношения к делу зависели успехи спортсменов. Таких энтузиастов своего дела в Кузбассе было немало. Приведем только один пример – становление известного в свое время в Кузбассе и стране футбольного клуба «Заря». История его начинается в 1985 г., когда детский тренер С. В. Васютин создал специализированный детский клуб «Заря», которому материальную и финансовую поддержку оказывало предприятие «Кузбассэлектромотор». В дальнейшем на базе этой команды в г. Ленинск-Кузнецкий была создана перспективная футбольная команда, которая стала успешно выступать в первом дивизионе чемпионата России. В клубе начали свою карьеру А. Смертин, С. Кормильцев – игроки сборной России. К сожалению, кризисные 1990-е гг., отсутствие финансирования не позволили нарастить достигнутый успех. Возрождение команды началось лишь в 2000 г. опять на базе детско-юношеских спортивных школ, в создании которых активно принимал участие С. В. Васютин. Его заслуги в развитии российского и кузбасского футбола получили признание со стороны коллег-тренеров. В частности, известный тренер футбольного клуба ЦСКА (2009–2016 гг.) и сборной России (2015–2016 гг.) Л. В. Слуцкий сказал: «Пусть Сергей Николаевич продолжает креативить идеями, что всегда было его отличительной способностью. Передайте этому замечательному тренеру огромное спасибо за то, что он сделал для российского футбола»[25].

Примеров самоотверженной творческой работы тренеров-энтузиастов кузбасского спорта можно приводить достаточно много. Под руководством В. В. Китькова – тренера кемеровской школы русского хоккея, а потом тренера юношеской сборной России команда выиграла золото чемпионата мира в 2017 г.[26] В. А. Садовиков, тренер по гимнастике, воспитал большое количество мастеров спорта и олимпийскую чемпионку в этом виде спорта Е. Грудневу. Несмотря на все трудности и препятствия в тренерской работе, его девизом являются слова «Любите работу, а не место, которое занимаете»[27].

Творческое отношение, энтузиазм, подвижничество и преданность своему делу характеризуют многих тренеров Кузбасса. Именно благодаря им в трудные кризисные годы спорт в Кузбассе не только выжил, но и развивался по некоторым видам сорта (гимнастика, хоккей, шахматы и т. д.). Звание «Заслуженный тренер России» за 2000–2003 гг. получили 17 человек, знаком «Отличник физической культуры» были награждены 295 человек. Почетный знак «За заслуги в развитии физической культуры и спорта» был вручен 53 кузбассовцам. Семь были удостоены Почетного знака «Заслуженный работник физической культуры». На счету тренерского корпуса – сотни подготовленных мастеров спорта, которые достойно защищали честь России и Кемеровской области на соревнованиях различного уровня.

Поднятию авторитета и престижа работы в сфере ФКиС способствовало учреждение администрацией региона почетного знака «Спортивная доблесть Кузбасса». Он вручался спортсменам и тренерам, физкультурным работникам за заслуги, большие достижения в соревнованиях международного статуса, многолетнюю работу по развитию массовой ФКиС.

С середины 1990-х гг. появляются признаки, свидетельствующие о постепенном улучшении в сфере кадрового потенциала Кузбасса в сравнении с концом 1980-х – началом 1990-х гг. Число штатных сотрудников за десять лет,

[22] ГАКО. Ф. Р-353. Оп. 2. Д. 3169. Л. 2; ГАКО. Ф. Р-353. Оп. 2. Д. 2867. Л. 5.

[23] ГАКО. Ф. Р-353. Оп. 2. Д. 3169. Л. 2; ГАКО. Ф. Р-353. Оп. 2. Д. 2867. Л. 12.

[24] ГАКО. Ф. Р-411. Оп. 1 доп. Д. 135. Л. 13.

[25] Алексей Смертин подарил тренеру «Зари» московское «Динамо», а Головин – призы детям // Кузбасс. 30.08.2017.

[26] Там же.

[27] Антонов В. Потом, нервами и кровью, завоеванный почет // Кузбасс. 16.06.2017.

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-1-9

с 1995 г. по 2005 г., увеличилось на 30 %, а доля лиц с высшим образованием возросла в 1,5 раза[28].

Положительным фактом в кадровой политике являлось увеличение штатных сотрудников физкультурно-оздоровительной направленности более чем в 2 раза. В рамках этого направления важная роль принадлежала школе, где занятия физкультурой носили обязательный характер. Роль учителя физической культуры для формирования здорового образа жизни трудно переоценить. Однако здесь происходили противоречивые процессы.

Постоянная реорганизация среднего и высшего образования нередко приводила к негативным последствиям в организации учебной и учебно-методической работы, сокращению штатных работников, в том числе и учителей физкультуры. Например, в 2001 г. их число в области уменьшилось на 29 человек, несмотря на то, что в школы, особенно на селе, требовались преподаватели физкультуры. Небольшой удельный вес среди них был и преподавателей с высшим образованием. В 2005 г. их число составляло только 58 %[29]. Этот показатель значительно уступал кадровому составу преподавателей физкультуры профессионально-технических училищ. Там доля преподавателей с высшим образованием составляла около 90 %[30].

В конце 1990-х – начале 2000 гг. в Кузбассе увеличилось число высших учебных заведений и особенно их филиалов, соответственно и число штатных работников – преподавателей физкультуры. В вузах удельный вес лиц с высшим образованием приближался к 100 %[31].

Особо следует охарактеризовать кадровый состав спортивных школ Кемеровской области. Наблюдался, особенно в 2000-е гг., количественный и качественный рост этой категории. Для примера можно обратиться к анализу кадрового состава СДЮШОР по горнолыжному спорту г. Междуреченск. В 2004 г. там работало 10 тренеров-преподавателей. Все имели высшее образование, а шесть из них – высшую категорию (60 %), один – первую (10 %) и три человека – вторую (30 %). Шесть преподавателей имели знак «Отличник физической культуры» и один – звание «Заслуженный тренер России»[32]. Качественный состав тренеров СДЮШОР был характерен и для других видов спорта Кузбасса.

Заключение

На обеспечение кадрового потенциала ФКиС Кемеровской области повлияли коренные изменения в стране, произошедшие в конце XX – начале XXI в., связанные с политикой ускорения социально-экономического развития страны, а затем переходом к рыночной модели, сопровождавшимся полномасштабным кризисом. Выявлено, что на кадровое обеспечение повлияло изменение законодательной и управленческой основы, системы подготовки и повышения квалификации кадров, состояние финансирования, материально-технической базы отрасли, степени привлечения населения к занятиям ФКиС.

Отличительной чертой советского периода было наращивание числа штатных работников в области ФКиС с широким привлечением тренеров-общественников. Большое внимание кадрам уделяли ДСО и ВДФСО профсоюзов. Но в период перехода к рыночной модели произошло резкое сокращение финансирования отрасли с их стороны, что привело и к сокращению работников ФКиС. Такая категория физкультурных кадров, как общественные тренеры-инструкторы, прекратила существование.

Выявлено, что на протяжении рассматриваемого периода стабильно высоким был образовательный уровень преподавателей физкультурно-спортивных дисциплин высших учебных заведений и их филиалов (94–100 %). В начале 2000-х гг. произошло резкое увеличение численности этой категории работников. Высокой оставалась доля лиц с высшим образованием и среди преподавателей средних профессиональных учреждений (более 80 %).

Для школ Кемеровской области было характерно постоянное увеличение числа педагогов физической культуры вплоть до конца 1990-х гг. Сокращение их численности имело место в конце 1990-х – начале 2000-х гг. в связи с закрытием ряда школ. За рассматриваемый период произошло небольшое увеличение доли учителей, имеющих высшее образование. Однако данная категория не превышала 60 % от их общего числа. Потребность в учителях с высшим образованием сохранялась и была существенной, особенно остро она проявлялась в сельской местности.

Применительно к составу штатных физкультурно-спортивных работников выявлена тенденция сокращения их численности в 1987–1990 гг. В 1990–2005 гг. наблюдался постоянный рост этого контингента. Опережающим темпом росла та его часть, которая имела высшее образование. Существенную роль играл субъективный фактор. В кризисные годы многое держалось в спортивной работе на плечах тренеров-энтузиастов, подвижников в своем деле.

[28] ГАКО. Ф. Р-411. Оп. 1. Д. 778. Л. 2; ГАКО. Ф. Р-411. Оп. 1. Д. 967. Л. 1, 5, 7; ГАКО. Ф. Р-411. Оп. 1. Д. 917. Л. 1; ГАКО. Ф. Р-411. Оп. 1. Д. 913. Л. 2; ГАКО. Ф. Р-411. Оп. 1. Д. 944. Л. 1; ГАКО. Ф. Р-411. Оп. 1 доп. Д. 53. Л. 3; ГАКО. Ф. Р-411. Оп. 1 доп. Д. 135. Л. 1, 2, 11; ГАКО. Ф. Р-411. Оп. 1 доп. Д. 1144. Л. 32; ГАКО. Ф. Р-1366. Оп. 1. Д. 410. Л. 1; ГАКО. Ф. Р-1366. Оп. 1. Д. 307. Л. 1.

[29] ГАКО. Ф. Р-304. Оп. 1. Д. 441. Л. 32; ГАКО. Ф. Р-411. Оп. 1. Д. 913. Л. 2; ГАКО. Ф. Р-411. Оп. 1. Д. 962. Л. 1; ГАКО. Ф. Р-411. Оп. 1. Д. 967. Л. 7; ГАКО. Ф. Р-1366. Оп. 1. Д. 307. Л. 1.

[30] ГАКО. Ф. Р-1366. Оп. 1. Д. 307. Л. 1.

[31] ГАКО. Ф. Р-304. Оп. 1 Д. 441. Л. 32; ГАКО. Ф. Р-411. Оп. 1. Д. 913. Л. 2; ГАКО. Ф. Р-411. Оп. 1. Д. 962. Л. 1; ГАКО. Ф. Р-304. Оп. 1. Д. 441. Л. 32; ГАКО. Ф. Р-411. Оп. 1. Д. 962. Л. 1; ГАКО. Ф. Р-411. Оп. 1. Д. 967. Л. 7.

[32] ГАКО. Ф. Р-1366. Оп. 1. Д. 201. Л. 117 об.

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-1-9

В целом по кадровому обеспечению сферы физкультуры Кузбасс к концу 2000-х гг. занимал в РФ 26 место по числу работников с высшим и средним образованием среди всех субъектов федерации, опережая Томскую область, но уступая Алтайскому краю, Омской и Новосибирской областям[33].

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Литература

1. Голощапов Б. Р. История физической культуры и спорта. 12-е изд., стер. М.: Академия, 2017. 312 с.
2. Починкин А. В. История физической культуры и спорта в вопросах и ответах с кратким комментарием. 9-е изд., доп. и перераб. Малаховка: МГАФК, 2012. 168 с.
3. Исаев А. А. Спортивная политика России. М.: Совет. спорт, 2002. 511 с.
4. Герасимова Е. Н., Шахов А. А. Образование в сфере физической культуры и спорта: история и современный опыт // Теория и практика физ. культуры. 2018. № 8. С. 6–8.
5. Утишева Е. В., Будылин Д. Ю., Полатайко С. В., Патрикеева О. А., Костюченко В. Ф., Пономарев Г. Н., Григорьев В. И., Закревская Н. Г., Круглова Т. Э., Козлов А. А., Родоманова С. С., Борилкевич В. Е. Традиции и инновации российского высшего образования в сфере физической культуры. Опыт транскультурного ориентирования. СПб.: Стратегия будущего, 2011. 274 с.
6. Пономарев Г. Н. Научно-педагогическая школа кафедры теории и организации физической культуры: подготовка специалистов для системы образования // Научно-педагогические школы в сфере физической культуры и спорта: мат-лы Междунар. науч.-практ. конгресса, посв. 100-летию ГЦОЛИФК. (Москва, 30–31 мая 2018 г.) М.: РГУФКСМиТ, 2018. Ч. 1. С. 475–478.
7. Ворожко Ю. В., Реперьяш Ю. Д. История Сибирского государственного университета физической культуры и спорта: юбилей факультета спорта – 60 лет // Организационно-методические аспекты подготовки спортсменов: мат-лы V науч.-практ. конф. преподавателей и аспирантов, посв. 60-летию факультета спорта. (Омск, 30 ноября – 2 декабря 2016 г.) Омск: СибГУФК, 2017. С. 4–12.
8. Кетов Г. Б. История физической культуры и спорта в профессиональном становлении педагога по физической культуре // Физическая культура, спорт, туризм: научно-методическое сопровождение: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. с Междунар. участием. (Пермь, 26–27 апреля 2018 г.) Пермь: ПГГПУ, 2018. С. 77–80.
9. Баршай В. М., Тулупчи Н. В. Вехи истории и кадровый потенциал становления и развития Академии физической культуры и спорта Южного федерального университета // Физическая культура, спорт, здоровье и долголетие: сб. мат-лов восьмой Междунар. науч. конф. (Ростов-на-Дону, 11–13 декабря 2019 г.) Ростов н/Д: ЮФУ, 2019. С. 10–15.
10. Пономарев В. В., Казакевич Н. Н. Формирование кадрового и научного потенциала преподавателей кафедры физического воспитания в вузе // Кадровая политика в области физической культуры и спорта: вызовы, проблемы, перспективы развития: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. (Красноярск 19–20 ноября 2018 г.) Красноярск: Литера-принт, 2018. С. 20–23.
11. Котляров А. В. Анализ кадровой политики отрасли физической культуры и спорта в Красноярском крае // Кадровая политика в области физической культуры и спорта: вызовы, проблемы, перспективы развития: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. (Красноярск 19–20 ноября 2018 г.) Красноярск: Литера-принт, 2018. С. 69–73.
12. Кимейша Б. В. Физкультурно-спортивное движение Западной Сибири: история, опыт, проблемы (1981–2000 гг.): автореф. дис. … д-ра ист. наук. Омск, 2004. 36 с.
13. Кимейша Б. В., Осипов С. В. Состояние физкультурных кадров Западной Сибири в 80–90 годы прошлого века // Физическое воспитание и спорт в системе образования: современное состояние и перспективы: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (Омск, 29 апреля 2020 г.) Омск: ОмГТУ, 2020. С. 38–46.
14. Сарычева Т. В. Кадровая обеспеченность Западно-Сибирского региона в период становления и развития советской системы физической культуры в 1920–1930-е гг. // Актуальные вопросы физической культуры и спорта: мат-лы XXI Всерос. науч.-практ. конф. с Междунар. участием. (Томск, 29–30 марта 2019 г.) Томск: ТГПУ, 2019. С. 72–77.
15. Сарычева Т. В. Становление и развитие советской системы физической культуры в Западной Сибири (1920–1991 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2017. 1000 с.
16. Сарычева Т. В. Советская система физической культуры как социокультурный феномен XX века (на примере Западной Сибири, 1920–1991 гг.). Томск: Печатная мануфактура, 2019. 695 с.

[33] Министерство спорта Российской Федерации. Режим доступа: http://www.minsport.gov.ru/sport/physical-culture/statisticheskaya-inf/642/ (дата обращения: 12.10.2017).

BULLETIN
Kemerovo State University
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-1-9

17. Ратушная Я. Ю. Государственная политика по развитию физической культуры и спорта в Кемеровской области: 1991–2007 гг.: дис. … канд. ист. наук. Кемерово, 2012. 245 с.
18. Зырянова Н. А. Иван Голофаст – первый мастер спорта в Кузбассе // Балибаловские чтения: мат-лы Пятой науч.-практ. конф., посв. 90-летию города Кемерово. (Кемерово, 11–13 июня 2008 г.) Кемерово: АРФ, 2008. Вып. 5. С. 177–180.
19. Кузбасс. Начало XXI века / ред. Т. И. Калицкая. Томск: GalaPress, 2002, 195 с.
20. Кузбассовцы на зимних Олимпиадах / сост. Т. Н. Соколова. Междуреченск, 2014. 80 с.
21. Галкин Н. В. История Юрги. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2001. 471 с.
22. Шуранов Н. П., Савинцев В. В. Города Кузбасса. Новокузнецк: МАСС-Медиа-Центр, 2002. 223 с.
23. Сорокин М. Е. Гурьевск. Кемерово: Кн. изд-во, 1996. 271 с.
24. Кемеровская государственная медицинская академия / отв. ред. В. М. Ивойлов. Кемерово: АРФпринт, 2015. 251 с.
25. Кузбасская государственная педагогическая академия. Страницы истории / под ред. Т. А. Козяевой, Т. В. Тулуповой. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2002. 224 с.

original article

Physical Training and Sports in the Kemerovo Region: Human Resourcing in the Late XX – Early XXI Centuries

Vladimir N. Kazmin
Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

Margarita V. Kazmina
Kemerovo State University, Russia, Kemerovo
Rita-KMV@yandex.ru

Evgeniya S. Yuzupkina
The Governor's Multidisciplinary Boarding School, Russia, Kemerovo

Received 24 Jan 2021. Accepted 19 Mar 2021.

Abstract: The present study featured the issues of human resourcing in the sphere of physical training and sports in Kuzbass during the transition period from the Soviet to the post-Soviet model. The research was based on a wide range of documents, including those from several collections of the Regional State Archive. The research united scientific, historicist, and comparative methods, which made it possible to identify two factors that affected the personnel potential in the sphere of physical education and sports. The first one was the policy of advanced socio-economic development, proclaimed in the mid-1980s. The second was the transition to the market economy, which started in the early 1990s and was accompanied by a serious crisis. These two processes systematically affected the sphere of physical training and sports, including its national and regional human resources. The staffing proved uneven: while it was satisfactory in urban institutions of higher education and sports, the rural areas saw a severe labor shortage.
Keywords: Kuzbass, physical education, coach, personnel policy, skill level, results

Citation: Kazmin V. N., Kazmina M. V., Yuzupkina E. S. Physical Training and Sports in the Kemerovo Region: Human Resourcing in the Late XX – Early XXI Centuries. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(1): 1–9. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-1-9

Conflicting interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

References

1. Goloshchapov B. R. *The history of physical training and sport: textbook for universities*, 12th ed. Moscow: Akademiia, 2017, 312. (In Russ.)
2. Pochinkin A. V. *History of physical culture and sports in questions and answers with a short comment*, 9th ed. Malakhovka: MGAFK, 2012, 168. (In Russ.)
3. Isaev A. A. *Sports policy of Russia*. Moscow: Sovet. sport, 2002, 511. (In Russ.)
4. Gerasimova E. N., Shakhov A. A. Specialist training for national physical education and sport sector: history and modern experience. *Teoriya i praktika fiz. kultury*, 2018, (8): 6–8. (In Russ.)

© 2021. The Author(s). This article is distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-1-9

5. Utisheva E. V., Budylin D. Yu., Polatayko S. V., Patrikeeva O. A., Kostyuchenko V. F., Ponomarev G. N., Grigoriev V. I., Zakrevskaya N. G., Kruglova T. E., Kozlov A. A., Rodomanova S. S., Borilkevich V. E. *Traditions and innovations of Russian higher education in the field of physical training. Experience of transcultural orientation*. St. Petersburg: Strategiia budushchego, 2011, 274. (In Russ.)
6. Ponomarev G. N. Scientific and pedagogical school of the department of theory and organization of physical culture: training of specialists for the system of education. *Scientific and pedagogical schools in the field of physical training and sports:* Proc. Intern. Sci.-Prac. Congress, dedicated to the 100th anniversary of Russian State University of Physical Culture, Sports, Youth and Tourism, Moscow, 30–31 May 2018. Moscow: RGUFKSMiT, 2018, pt. 1, 475–478. (In Russ.)
7. Vorozhko Yu. V., Reperyash Yu. D. History of the Siberian State University of Physical Training and Sports: the 60th anniversary of the Department of Sports. *Organizational and methodical aspects of training of athletes*: Proc. V Sci.-Prac. Conf. teachers and graduate students, dedicated to the 60th anniversary of the Faculty of Sports, Omsk, 30 Nov – 2 Dec 2016. Omsk: SibGUFK, 2017, 4–12. (In Russ.)
8. Ketov G. B. History of physical culture and sports in the professional development of a PE teacher. *Physical culture, sports, and tourism: scientific and methodological support*: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf. with Intern. participation, Perm, 26–27 Apr 2018. Perm: PGGPU, 2018, 77–80. (In Russ.)
9. Barshai V. M., Tulupchi N. V. Milestones of history and human potential formation and development of the Academy of Physical Culture and Sports of the South Federal University. *Physical culture, sports, health, and longevity*: Proc. eighth Intern. Sci. Conf., Rostov-on-Don, 11–13 Dec 2019. Rostov-on-Don: UFU, 2019, 10–15. (In Russ.)
10. Ponomarev V. V., Kazakevich N. N. Formation of personnel and scientific potential of PE teachers at university. *Personnel policy in the field of physical training and sports: challenges, problems, and development prospects*: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf., Krasnoyarsk, 19–20 Nov 2018. Krasnoyarsk: Litera-print, 2018, 20–23. (In Russ.)
11. Kotlyarov A. V. Analysis of personnel policy in the field of physical training and sports in the Krasnoyarsk Territory. *Personnel policy in the field of physical culture and sports: challenges, problems, and development prospects*: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf., Krasnoyarsk, 19–20 Nov 2018. Krasnoyarsk: Litera-print, 2018, 69–73. (In Russ.)
12. Kimeisha B. V. *Physical training and sports movement in Western Siberia: history, experience, and problems (1981–2000)*. Dr. Hist. Sci. Diss. Abstr. Omsk, 2004, 36. (In Russ.)
13. Kimeisha B. V., Osipov S. V. The state of physical education personnel in Western Siberia in 1980s–1990s. *Physical education and sports in the educational system: modern state and prospects*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Omsk, 29 Apr 2020. Omsk: OmGTU, 2020, 38–46. (In Russ.)
14. Sarycheva T. V. The personnel security of the Western Siberian region during the formation and development of the Soviet physical culture system in 1920–1930's. *Topical issues of physical training and sports*: Proc. XXI All-Russian Sci.-Prac. Conf. with Intern. participation, Tomsk, 29–30 Mar 2019. Tomsk: TGPU, 2019, 72–77. (In Russ.)
15. Sarycheva T. V. *Formation and development of the Soviet system of physical culture in Western Siberia (1920–1991)*. Dr. Hist. Sci. Diss. Tomsk, 2017, 1000. (In Russ.)
16. Sarycheva T. V. *The Soviet system of physical culture as a socio-cultural phenomenon of the XX century (the case of Western Siberia, 1920–1991)*. Tomsk: Pechatnaia manufaktura, 2019, 695. (In Russ.)
17. Ratushnaya Ya. Yu. *The State policy on development of physical culture and sports of the Kemerovo region: 1991–2007*. Cand. Hist. Sci. Diss. Kemerovo, 2012, 245. (In Russ.)
18. Zyryanova N. A. Ivan Golofast, the first Master Athlete in Kuzbass. *Balibalov readings*: Proc. 5th Sci.-Prac. Conf., dedicated to the 90th anniversary of the city of Kemerovo, Kemerovo, 11–13 June 2008. Kemerovo: ARF, 2008, iss. 5, 177–180. (In Russ.)
19. *Kuzbass. The beginning of the XXI century*, ed. Kalitskaya T. I. Tomsk: GalaPress, 2002, 195. (In Russ.)
20. *Kuzbass residents at the Winter Olympics,* comp. Sokolova T. N. Mezhdurechensk, 2014, 80. (In Russ.)
21. Galkin N. V. *History of Yurga*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2001, 471. (In Russ.)
22. Shuranov N. P., Savintsev V. V. *City of Kuzbass*. Novokuznetsk: MASS-Media-Tsentr, 2002, 223. (In Russ.)
23. Sorokin M. E. *Guryevsk*. Kemerovo: Kn. izd-vo, 1996, 271. (In Russ.)
24. *Kemerovo State Medical Academy*, ed. Ivoilov V. M. Kemerovo: ARFprint, 2015, 251. (In Russ.)
25. *Kuzbass State Pedagogical Academy. History pages*, eds. Koziaeva T. A., Tulupova T. V. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2002, 224. (In Russ.)

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/ 2078-8975-2021-23-1-10-19

оригинальная статья
УДК 902/904

Оглахтинско-томские петроглифы Нижнетомского очага наскального искусства

Игорь Вячеславович Ковтун
Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН, Россия, г. Кемерово
ivkovtun@mail.ru

Поступила в редакцию 16.11.2020. Принята к печати 01.02.2021.

Аннотация: Статья посвящена культурно-хронологическому контексту петроглифов оглахтинско-томской группы Нижнего Притомья. Представлен общий перечень геометрических петроглифов Южной Сибири. Приведена малочисленная серия изобразительных параллелей, удостоверяющих вероятный хронологический диапазон геометрических зооморфных персонажей в западносибирских культурах эпохи бронзы. Рассмотрены изобразительные параллели геометрическим петроглифам из раннеандроноидного комплекса в Васюганье и из лугавского захоронения со Среднего Енисея. Уточнены датировки по ^{14}C для ряда хронологически значимых памятников раннеандроноидного и предшествующего периода из бассейна р. Васюган. Выделены археологические и петроглифические комплексы ранне- / андроноидного переходного времени от развитой к эпохе поздней бронзы в Нижнем Притомье. Впервые приведены основания хронологии и обоснованы абсолютные даты петроглифов геометрического стиля, а также их связь с раннеандроноидным комплексом в Нижнетомском очаге наскального искусства. Пересмотрена абсолютная хронология петроглифов младшей тувино-алтайской группы, удревненных до раннего сейминско-турбинского времени. Представлены палимпсесты и ритуально-обрядовые комплексы, удостоверяющие сосуществование оглахтинско-томских и позднеангарских изображений. Высказано предположение о бытовании петроглифов геометрического стиля и реалистических позднеангарских изображений в составе единых раннеандроноидных сообществ. Указаны различные истоки данных изобразительных традиций.

Ключевые слова: раннеандроноидные культуры, оглахтинско-томская группа, Нижнее Притомье, хронология, наскальное искусство

Цитирование: Ковтун И. В. Оглахтинско-томские петроглифы Нижнетомского очага наскального искусства // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 1. С. 10–19. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-10-19

Введение

Сводная стилистическая группа петроглифов Среднего Енисея и Нижнего Притомья была выделена нами [1, с. 73–83, табл. 46, *2–6*, табл. 47, *1, 3, 13*] на основании обособленных Я. А. Шером геометрических изображений комплекса Оглахты III [2, с. 233]. Характерным признаком данной стилистической серии изображений представляется ее малочисленность. Помимо указанного памятника стилистически схожие петроглифы зафиксированы на среднеенисейских комплексах Оглахты I, Шалаболинская писаница, Усть-Туба I, Усть-Туба III, Шаман-камень и, возможно, в стилизованном виде на г. Шишка [3, с. 122, табл. 57, с. 125, табл. 63, с. 129, табл. 68, 69].

Основания датировки: орнаментальные мотивы, стратиграфия, кельт и данные ^{14}C

В настоящее время известна серия рисунков оглахтинско-томского типа на крайней северо-западной периферии Саяно-Алтая, происходящих из Нижнего Притомья и Томского Приобья вплоть до бассейна р. Васюган. Особую разновидность оглахтинско-томской изобразительной манеры как составной части геометрической традиции представляют горно-алтайские материалы. Даже в материалах одного Калбак-Таша усматривается не менее четырех типов геометрических вариаций. Это собственно горно-алтайская реплика оглахтинско-томских изображений; смешанные рисунки, сочетающие черты оглахтинско-томской и более древней младшей тувино-алтайской групп; горно-алтайская позднейшая вариация рисунков младшей тувино-алтайской группы; изображения, сочетающие геометрическую стилистику с джурамальской манерой как истоком горно-алтайского аналога тепсейского (предварчинского) иконографического стандарта [1, с. 67, 73–79].

В Нижнетомском очаге наскального искусства такие изображения найдены на Томской, Новоромановской и писанице Висящий Камень (рис. 1, 2). На Тутальской писанице петроглифы, близкие оглахтинско-томской группе, зафиксированы на пятой и седьмой плоскостях памятника. В первом случае они расположены на верхней периферии многофигурной композиции, состоящей из изображений, выполненных в ангарском стиле (рис. 3). На седьмой плоскости геометрические рисунки сочетаются с петроглифами, близкими варчинскому стандарту, и, видимо,

© 2021. Авторы. Статья распространяется на условиях международной лицензии CC BY 4.0

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-10-19

одновременны им (рис. 4). В обоих случаях эти изображения Тутальской писаницы не производят впечатления исходных образцов подобной манеры передачи зооморфных персонажей. Так, в отличие от них, среднеенисейские рисунки оглахтинско-томского типа контурны и декоративны, отличаются поперечной орнаментацией и стилизованной акцентировкой задней части крупа зооморфного изображения. При этом на пятой плоскости тутальского комплекса геометризованные рисунки животных выполнены не в контурном, а в силуэтном исполнении. Особо примечательно, что задние ноги данных персонажей подогнуты под корпус, напоминая позу внезапной остановки. Такая манера изображения появилась в сейминско-турбинскую эпоху [4, с. 18–19], но ее широкое распространение, как известно, связано с представительными сериями анималистических образов скифского времени. Симптоматично, что аналогичная черта отличает поздне- или постварчинские изображения коней на каменных плитках из жилищ 2 и 3 поселения Торгажак [5, с. 30, рис. 6], нижняя дата которого связывается со II (карасук-лугавским) этапом эпохи поздней бронзы Среднего Енисея, датированным XII–XI вв. до н. э. [6, с. 41, 53; 7, с. 202; 8, p. 12], а наиболее древние даты по ^{14}C относятся к 1260–923 и 1208–917 гг. до н. э. [8, p. 8].

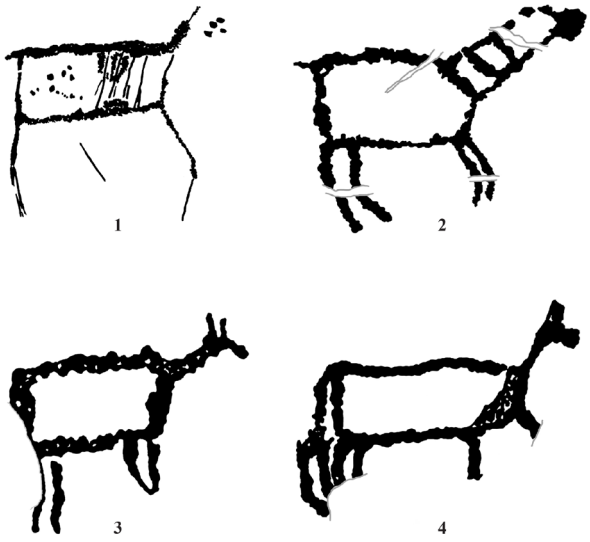

Рис. 1. Оглахтинско-томские петроглифы Томи. 1–3 – Висящий Камень; 4 – Томская писаница (прорисовки И. Д. Русаковой)
Fig. 1. Oglakhty-Tom petroglyphs of the River Tom. 1–3 – Visyashchiy Kamen; 4 – Tomskaya Pisanitsa (sketches by I. D. Rusakova)

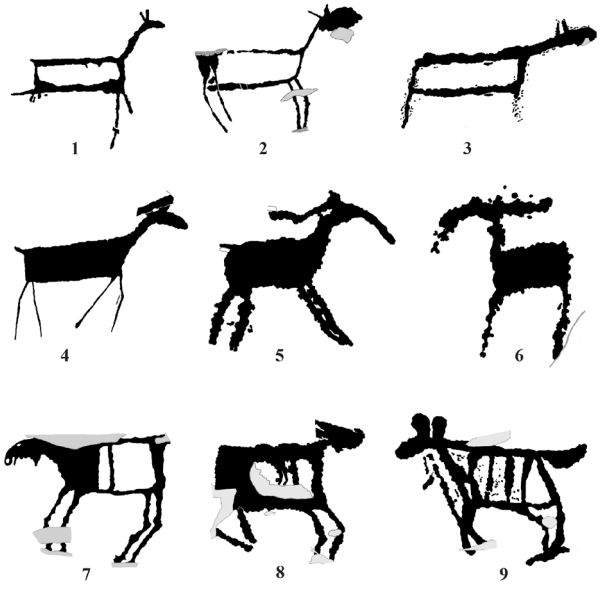

Рис. 2. Оглахтинско-томские петроглифы Томи. Новоромановская писаница (1–6, 8, 9 – прорисовки И. Д. Русаковой)
Fig. 2. Oglakhty-Tom petroglyphs of the River Tom. Novoromanovskaya pisanotsa (1–6, 8, 9 – sketches by I. D. Rusakova)

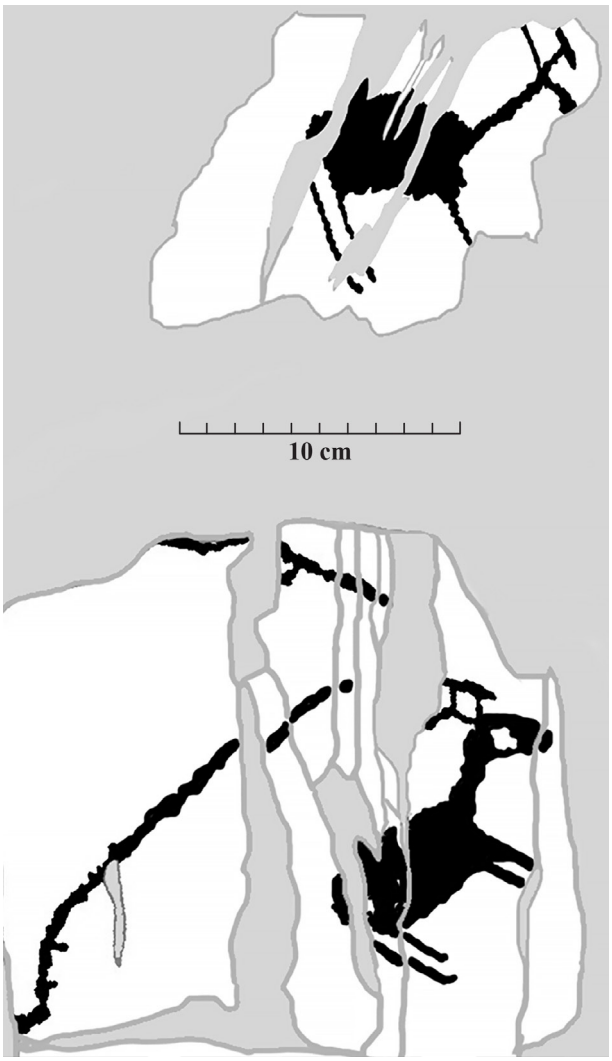

Рис. 3. Геометрические петроглифы Томи. Тутальская писаница, плоскость 5 (прорисовка И. Д. Русаковой)
Fig. 3. Oglakhty-Tom petroglyphs of the River Tom. Tutalskaya Pisanitsa, panel 5 (sketches by I. D. Rusakova)

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-10-19

Для датировки геометризованных оглахтинско-томских изображений небезынтересны уникальные рисунки на западносибирских керамических сосудах, относимых к эпохе поздней бронзы. Зооморфное изображение в геометрическом стиле известно на сосуде из лугавского комплекса Подсиняя I («Абакан у моста»). В двух версиях, представленных Н. Л. Членовой и И. П. Лазаретовым, детали этого рисунка отличаются, но геометризованный абрис корпуса животного передан одинаково (рис. 5). Данное захоронение отнесено к карасук-лугавскому периоду II-б эпохи поздней бронзы Среднего Енисея, датируемому, как уже отмечалось, концом всего II этапа, т. е. XII–XI вв. до н. э. [6, с. 43, 53; 7, с. 202; 8, p. 12].

К северу от Нижнего Притомья в Васюганье уникальные фрагменты керамики с зооморфным изображением оглахтинско-томского типа найдены в заполнении жилища V поселения Малгет (рис. 6). Ранее отмечалось, что в данном жилище находилась еловская керамика: как с гребенчато-ямочным субстратом (1-й тип, он же – 1-я группа, по М. Ф. Косареву и В. И. Матющенко, и V группа, по Ю. Ф. Кирюшину), так и со следами андроновского влияния [9, с. 19, 20, рис. 5, с. 94, рис. 34, *1, 2, 4*]. Появление данной группы посуды Ю. Ф. Кирюшин и А. М. Малолетко относили к XII или XIII вв. до н. э. [9, с. 105]. Позднее сообщалось, что жилище V поселения Малгет относится к числу наиболее ранних комплексов памятника, и в нем найдена только керамика выделенной Ю. Ф. Кирюшиным 1-й группы. Данная группа аналогична выделенной М. Ф. Косаревым 1-й группе посуды еловского типа или т. н. раннееловской. Она характеризуется сочетанием орнаментальных приемов эпохи развитой бронзы с нарастающим геометризмом и датируется автором XIII–X вв. до н. э. [10, с. 89–90, 93–94].

На хронологию керамики этой группы из жилища V поселения Малгет, включая фрагменты с зооморфным изображением оглахтинско-томского облика (рис. 6), указывает сосуд с андроновскими треугольниками «горизонтального» типа с вертикально-сомкнутой компоновкой элементов – «флажками» (рис. 7, *3*) [11, с. 116, 118, рис. 3, *2*; 12, с. 18, 195, табл. 8, *III*]. На этом же горшке фигурируют два пояса андроновских замкнутых линейных меандров и разделитель зон из чередующихся ямочных вдавлений и двух коротких оттисков гребенки, присущий ближайшим раннеандроноидным культурам: еловской и танайской (рис. 7, *3*). Аналогичные треугольные орнаментальные элементы-«флажки» запечатлены еще на одном сосуде с поселения

Рис. 4. Геометрические петроглифы Томи. Тутальская писаница, плоскость 7 (прорисовка И. Д. Русаковой)
Fig. 4. Oglakhty-Tom petroglyphs of the Tom river. Tutalskaya Pisanitsa, panel 7 (sketches by I. D. Rusakova)

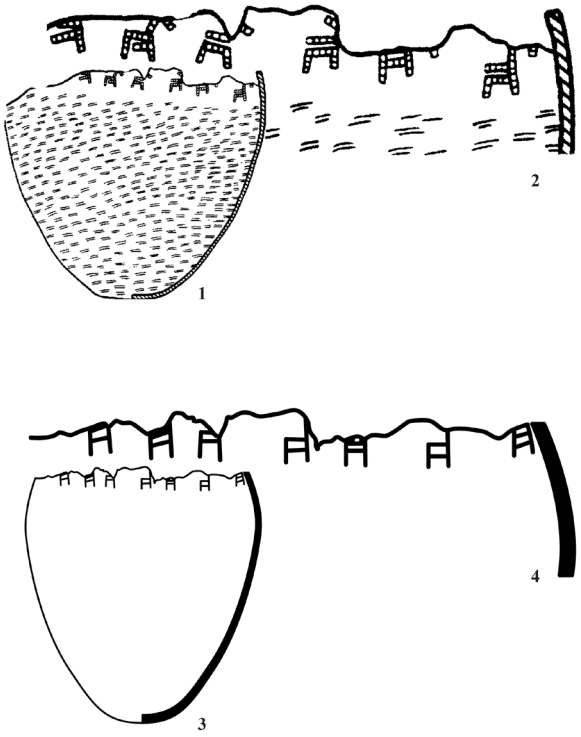

Рис. 5. Геометрические параллели оглахтинско-томской группы. Подсиняя I («Абакан у моста»): 1, 2 [1, с. 80, табл. 53]; 3, 4 – рисунок И. П. Лазаретова
Fig. 5. Geometric parallels of the Oglakhty-Tom group. Podsinyaya I ("Abakan at the bridge"): 1, 2 [1, c. 80, tab. 53]; 3, 4 – sketches by I. P. Lazaretov

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-10-19

Малгет и на горшке с поселения Тух-Сигат IV (рис. 7, *1, 2*). Эти орнаментальные мотивы представляются частью Васюганского ранне- / андроноидного комплекса и следствием генерации раннеандроноидных образований на юге Западной Сибири.

На поселении Тух-Сигат IV подобная керамика перекрывала заполнение жилища 4 с фрагментами сосудов, орнаментированных, по нашему мнению, самусоидными и отчасти степановскими композициями [10, с. 93, 232, рис. 122]. Думается, это васюганские производные самусьского суперстрата, ранний постсамусьский комплекс, на что указывает и полученная Ю. Ф. Кирюшиным по ^{14}C дата жилища 4 в пределах 3300±90 BP или калиброванная – 1470 г. до н. э. [10, с. 93]. При этом современная калибровка конвенциональной даты дает иные значения: 1780–1406 гг. до н. э. (92,8 %) или 1689–1496 гг. до н. э. (65,4 %). Эти уточненные даты в большей степени отвечают приведенной культурно-исторической характеристике данных находок. Таким образом, время самусоидного и / или постсамусьского комплекса жилища 4 Тух-Сигата IV без крайних значений приходится на XVII–XVI вв. до н. э., а при более широкой интерпретации – с XVIII до XV вв. до н. э. Соответственно, нижняя дата перекрывающей этот комплекс керамики, включающей в т. ч. и посуду Васюганского ранне- / андроноидного комплекса, не старше XV в. до н. э.

Указанную веху возможно принять и за экстраполируемую нижнюю дату керамики с изображением оглахтинско-томского типа из жилища V поселения Малгет, найденной вместе с ранне- / андроноидной посудой. Период бытования и верхнюю дату этого керамического комплекса, вероятно, удостоверяет дата углей по ^{14}C из сосуда первой группы (по Ю. Ф. Кирюшину), найденного в жилище VI поселения Малгет: 2890±45 BP [10, с. 94]. Калиброванные значения этой даты составили 1213–971 гг. до н. э. (91,5 %) или 1128–1004 гг. до н. э. (64,0 %). Полученные диапазоны соотносятся с предложенным Ю. Ф. Кирюшиным периодом XIII–X вв. до н. э., но не в качестве периода бытования всего комплекса [10, с. 94], а лишь его верхнего хронологического

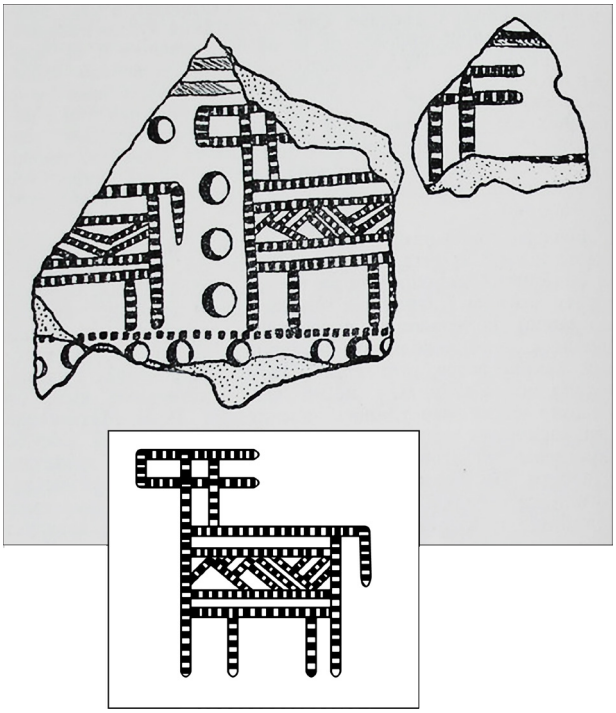

Рис. 6. Геометрические параллели оглахтинско-томской группы. Керамика из жилища 5 поселения Малгет [9, с. 168, рис. 43]
Fig. 6. Geometric parallels of the Oglakhty-Tom group. Ceramics from dwelling 5 of Malget settlement [9, p. 168, fig. 43]

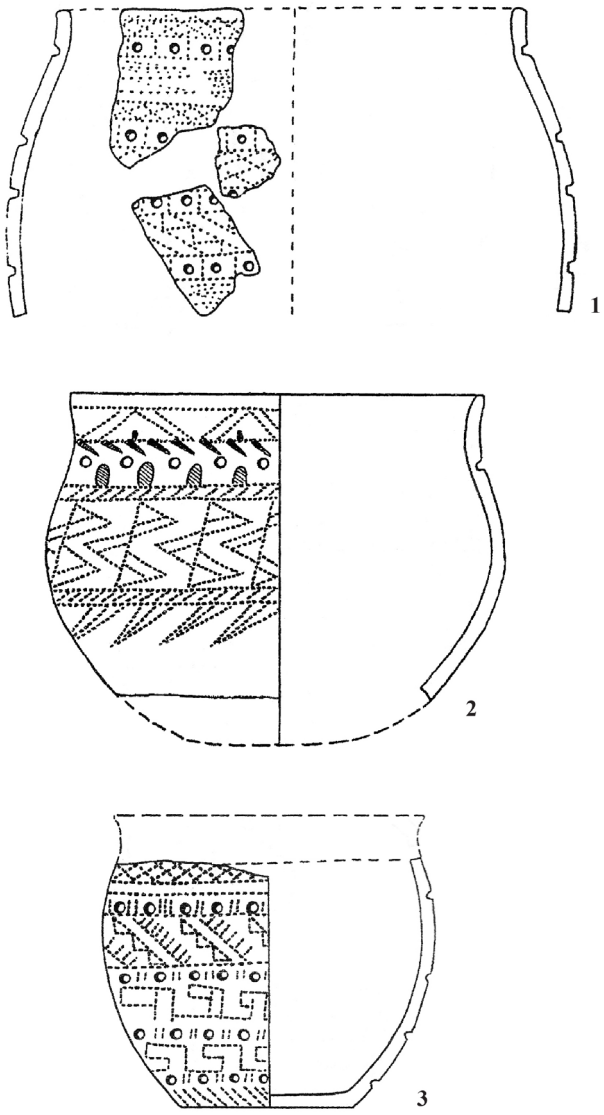

Рис. 7. Сосуды Васюганского ранне- / андроноидного комплекса с мотивом «флажки». 1 – Малгет; 2 – Тух-Сигат IV; 3 – Малгет, жилище 5 [10, с. 256, рис. 184, *1*, с. 252, рис. 180, *2*, с. 237, рис. 165, *3*]
Fig. 7. Vessels from Vasyugan Early-Andronian and Andronian complexes with the flag theme. 1 – Malget; 2 – Tukh-Sigat IV; 3 – Malget, dwelling 5 [10, p. 256, fig. 184, *1*, p. 252, fig. 180, *2*, p. 237, fig. 165, *3*]

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-10-19

рубежа. На это обстоятельство указывает отсутствие в декоре керамики из жилища VI, в отличие от посуды из жилища V, собственно андроновских орнаментальных элементов [10, с. 237, табл. 165, *1, 2, 4*].

Подтверждением более ранней даты керамики первой группы (по Ю. Ф. Кирюшину), включающей ранне- / андроноидные образцы, представляются обстоятельства находки кельта самусьско-кижировского типа на поселении Тёнга. По информации Ю. Ф. Кирюшина он был найден вместе с наиболее ранней керамикой эпохи поздней бронзы, отнесенной им к 1-й и 2-й группам [10, с. 93]. Согласно сообщению автора раскопок: «На Тёнге, памятнике эпохи финальной бронзы, находящемся в 300 м от впадения р. Тёнги в р. Невагу (левый приток р. Парабели), в 5 км от с. Прокоп Парабельского р-на вскрыто 24 кв. м. Обнаружено много фрагментов керамики, обломки литейных форм и шишек, кельт турбинско-сейминского типа» [13, с. 226]. Типологически подобные кельты отнесены к самусьско-кижировским типам бронзовых изделий к КТР-50 [14, с. 154–155, рис. 79, *1–7*]. Традиция самусьско-кижировской металлообработки «укоренилась… в самусьской, крохалёвской, андроноидных, гребенчато-ямочной керамики и других культурах северной лесостепи, лесной и горно-лесной зон Западной и Восточной Сибири» [15, с. 54]. По мнению С. В. Кузьминых, кельт с поселения Тёнга синхронен времени таких раннеандроноидных образований, как еловская, позднекротовская и другие культуры этого периода (устная консультация С. В. Кузьминых). Таким образом, культурно-хронологический диапазон подобных изделий также удостоверяет нижнюю границу керамики первой группы (по Ю. Ф. Кирюшину), включая посуду Васюганского ранне- / андроноидного комплекса и найденных с ними фрагментов с изображением оглахтинско-томского типа, в пределах XV в. до н. э.

Опираясь на вышеприведенные доводы, хронологический период бытования геометризованных изображений оглахтинско-томского типа следует определять XV–XII(XI) вв. до н. э.

Геометрические петроглифы Томи: истоки и хронология

Оглахтинско-томские петроглифы Нижнетомского очага наскального искусства образуют немногочисленную серию изображений (рис. 1–3). Судя по иконографическим особенностям и предельной стилизации, заключительную стадию бытования подобных изображений олицетворяют соответствующие экземпляры тутальского комплекса. На это указывает и круг параллелей в материалах культур сопредельных районов, бытовавших от эпохи поздней бронзы до раннего железного века.

Об относительной хронологии и нижней дате изображений оглахтинско-томской группы в Нижнетомском очаге наскального искусства можно судить по палимпсесту с Новороmановской писаницы. Здесь оглахтинско-томское изображение перекрыто позднеангарскими рисунком лося без признаков геометризации (рис. 8). Эта стратиграфическая ситуация удостоверяет факт вероятно кратковременного сосуществования в Нижнетомском очаге наскального искусства двух кардинально отличных изобразительных традиций. Реалистическая или близкая к ней манера нижнетомского анимализма сложилась задолго до возникновения абстрактных обобщений, воплощенных в предельной геометризации форм. Петроглифы оглахтинско-томской группы создавались спустя не менее 500–700 лет с момента нанесения на притомские скалы первого рисунка. Согласно вышеизложенным доводам, появление в Нижнем Притомье таких зооморфных изображений состоялось около или не ранее середины II тыс. до н. э. При этом оглахтинско-томский, а равно и варчинский изобразительные каноны олицетворяют генерацию принципиально иной доктринальной идеи, игнорирующей реалистическое сходство копии и оригинала.

В этой революционной парадигме стиля смысловые значения схематичных персонажей обусловлены изменившимися представлениями о признаках и необходимости

Рис. 8. Палимпсест с рисунками оглахтинско-томской группы и позднеангарского облика. Новороmановская писаница, плоскость 5 (прорисовка И. Д. Русаковой)
Fig. 8. A palimpsest with petroglyphs of the Oglakhty-Tom group and the Late Angara type. Novoromanovskaya Pisanitsa, panel 5 (sketches by I. D. Rusakova)

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-10-19

изобразительного подобия. В раннеандроноидной протоидеографии образов реального мира семантика изображения потеряла зависимость от его сходства с оригиналом. Такое состояние представляется промежуточным звеном между реалистическим образом и знаком, когда первое уже утрачено, а процесс абстрагирования еще не окончился формированием второго. Изображения с реалистическими чертами замещаются схематичными образами, распознавание которых предполагает знание системы абстрактных семантических признаков различных персонажей. В этом проявляется иносказательность природы рафинированной коммуникативной модели, провозгласившей достаточность символизации смысла взамен идентифицирующего значения аналогии. При фигуральном сравнении с современными технологиями такую культурную ситуацию в высшей степени условно можно уподобить различию принципов работы аналоговых и цифровых устройств.

Таким образом, первопричина абстрагирования, присущего оглахтинско-томским и варчинским изображениям, обусловлена стремлением сохранить и воспроизвести содержательное значение образов. Поэтому инвариантность ключевых признаков геометрических петроглифов, визуально воспринимаемая как воспроизводство ортогонального стиля, по сути, олицетворяет воспроизведенный смысл. Данный вывод справедлив и для иных стилистических разновидностей наскальных изображений, и не только наскальных. В этом качестве стиль и есть смысл. Не случайно соотношение смысла и стиля напоминает взаимосвязь мифа с ритуалом. Сохранение и повторение кардинальных элементов стиля сопоставимо с ритуальным актом, многократно передающим ключевые аспекты содержания мифа. Посредством подобного ритуала инвариантность смысла из жанра устного повествования переносилась в область изобразительной практики, предопределяя иконографический контекст. Так, ментальность культуры формирует атрибуты ее самовыражения, включая и изобразительный стиль. Полагаем, что стилистический критерий явственнее прочих характеризует мировоззренческое единство одной культурной традиции и демонстрирует ее отличие от другой. Следовательно, ассимилятивным трансформациям стилистических традиций предшествует столкновение фундаментальных культурных представлений и генерация социокультурного базиса нового мировосприятия.

Ментальные трансформации в среде западносибирских культур во второй четверти II тыс. до н. э. обусловлены эпохальной пертурбацией традиционного мировоззренческого уклада. Эти изменения вызвали вторжения мигрантов, сопровождавшиеся индоктринацией привнесенных древне- и / или уже восточноиранских ритуально-обрядовых практик, пантеона и образа мироздания. Таковыми оказались последствия культурно-исторического разлома, спровоцированного андроновской экспансией, сопровождавшейся андроноизацией автохтонных зауральских и западносибирских популяций и сложением свиты ранне- / андроноидных образований. Произошедшее столкновение двух отличных социокультурных миров породило новые изобразительные формы, адекватные композитной мифологической системе ранне- / андроноидных сообществ. Оглахтинско-томская серия представляется фрагментарным локусом этого субконтинентального процесса, составившего историческое содержание переходного времени от развитой к эпохе поздней бронзы Северо-Западной Азии.

Феномен геометрического стиля второй половины II тыс. до н. э. представляется постандроновским компромиссом между андроновской протологографической орнаментально-знаковой системой и реалистическим искусством ряда западносибирских культур. Поэтому оглахтинско-томская и варчинская манеры изображения в качестве частного примера опосредованного следствия данного синтеза восходят к андроновскому табу на фигуративные изображения. Подобно семантически значимым андроновским композициям им присуща передача содержательно свернутой, схематично-формульной информации о мифологических образах и сюжетах.

Вместе с тем мы далеки от признания андроновского вторжения единственным фактором, обусловившим появление различных серий петроглифов геометрического стиля. Вероятные истоки феномена геометризации усматриваются и в наскальных рисунках, связываемых с автохтонными культурами. В частности, подобные иконографические тенденции заметны по ряду изображений ранее выделенной младшей тувино-алтайской группы. Спустя два десятилетия стилистическое единство данной серии по-прежнему не вызывает сомнений [1, с. 81, табл. 55]. Но в связи с глобальным удревнением абсолютной хронологии культур бронзового века Северной Евразии датировка младшей тувино-алтайской группы также нуждается в пересмотре. По сопровождающему фигуру быка «хвостатому» антропоморфу в грибовидном головном уборе из Кара-Чада [1, с. 81, табл. 55, 7], типологически аналогичному младенцу с кинжалом сопкинско-каракольского типа из Бага Ойгура II [12, с. 64–71; 16], нижний рубеж подобных рисунков относится к раннему периоду сейминско-турбинской эпохи, т. е. не моложе последней трети II тыс. до н. э. Ю. Н. Есин связывает подобные рисунки из Усть-Тубы II с периодом становления окуневской культуры [17, с. 69], что, вероятно, подтверждается находкой плитки со схожим рисунком у окуневской (?) могилы в кургане 25 Итколя II [18, с. 125–127]. Поэтому андроновский геометризм мог быть привнесен на восприимчивую культурную почву, сформировавшуюся в отдельных окуневских коллективах.

Реалистичные формы переживают проникшую в Нижнее Притомье геометрическую изобразительную манеру. Как уже отмечалось, данный факт удостоверяется палимпсестом Новороmановской писаницы (рис. 8). При этом очевидно, что ангарские лоси предшествуют оглахтинско-томской группе, а значит и сосуществуют с ней. Соответственно, определенные серии петроглифов ангарского стиля непосредственно

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-10-19

предшествуют и синхронны свите ранне- / андроноидных культур второй трети II тыс. до н. э. [19, с. 29–34]. Имеются и другие доводы в пользу подобного предположения. Так, в памятниках ранне- / андроноидных культур исключительно редки находки предметов мелкой пластики. Но в Еловском поселении обнаружена реалистичная костяная фигурка лося (рис. 9), принадлежащая раннеандроноидной культуре. Еловская скульптурка найдена в регионе, расположенном между Нижним Притомьем и Васюганьем, и территориально связывает приводимые культурные и изобразительные схождения из этих районов. Ближайшие петроглифические параллели этой уникальной фигурке известны среди изображений ангарского стиля на Томи. Следовательно, синхронные серии позднеангарских и оглахтинско-томских наскальных изображений одновременны Нижнетомскому ранне- / андроноидному комплексу.

В Нижнетомском очаге наскального искусства обнаружены два ритуально-обрядовых комплекса, демонстрирующие сакральность жертвенного образа лося в переходное время от развитой к эпохе поздней бронзы и позже. Такие свидетельства жертвенных практик раннеандроноидного и позднебронзового периодов косвенно удостоверяют вероятность существования и реалистических петроглифов этого времени.

Рис. 9. Костяная фигурка лося. Еловское поселение (раскопки В. И. Матющенко, фото И. В. Ковтуна)
Fig. 9. A moose figurine (bone). Elovo settlement (excavations by V. I. Matyushchenko, photo by I. V. Kovtun)

Первый комплекс ирменского времени зафиксирован на стоянке Долгая I, детально исследован и интерпретирован ранее [20, с. 64–86]. Второй найден на поселении Верхняя Санюшка (Ивановка-1). Его публикации сопутствует ограниченный комментарий: «Гребенчато-ямочный комплекс периода развитой бронзы также представлен преимущественно фрагментами посуды с предельно простой орнаментацией из чередующихся "гребенчатых" мотивов (ряды наклонных оттисков подтреугольного штампа, "ёлочка", сетка из печатных оттисков зубчатого инструмента) и поясов ямочных вдавлений… В одной из ям фрагменты сосуда с подобной орнаментацией выложены над костями лосиного черепа. Назначение этого объекта пока остаётся неясным, но он определённо придает колорит всему комплексу» [21, с. 10].

Обнаруженный объект отличают показательные этнографические соответствия [20, с. 73; 22, с. 108–109, 112, 154–155, 158], хотя его ритуально-обрядовое предназначение и остается непостижимой проблемой для соавторов публикации. При этом уникальный колорит поселению придает не лосиный череп с керамикой, а раннеандроноидные древности памятника, включая и данное свидетельство жертвы головы сохатого божеству-духу или деифицируемому мифологическому персонажу. Орнаментальная композиция сосуда из жертвенного комплекса сочетает чередуемые ряды диагональных оттисков сравнительно мелкого пятизубчатого штампа (судя по фото) с однорядными ямочными вдавлениями. Подобные орнаментальные схемы представлены в ранне- / андроноидных комплексах Западной Сибири и фигурируют, например, на керамике из ЕК-II, Еловского поселения, Красного Яра I, васюганских поселений Тух-Сигат IV и Тух-Сигат VII, соответствующего комплекса Самусь IV. Похожий, но выполненный гладким штампом орнаментальный сюжет известен и на сосуде из смешанного танайско-ирменского поселения Саратовка 6 [23, с. 191, рис. 285, *5*, с. 246, рис. 357, *2*; 24, рис. 37, *4*; 25, с. 178, табл. 24, *18*; 10, с. 241, рис. 169, *1*, с. 243, рис. 171, *2*; 26, табл. 8, *2*; 27, с. 28, рис. 8, *15*] и т. д. Таким образом, орнаментальная схема сосуда из Верхней Санюшки I (Ивановки-1) располагает широким кругом параллелей, надежно датированных ранне- / андроноидным временем. Поэтому рассматриваемый сосуд относится не к гребенчато-ямочному комплексу развитой бронзы, как полагают соавторы публикации, а к трансэпохальному раннеандроноидному периоду.

Показательно, что ритуальный жертвенный комплекс с лосиным черепом из Верхней Санюшки I (Ивановки-1) сопровождался керамикой не со специфически андроноидной, а с гребенчато-ямочной орнаментацией. Подобные экземпляры восходят к автохтонному, возможно, субкультурному, западносибирскому субстрату в составе раннеандроноидных сообществ. Это свидетельствует о связи данного компонента с реалистической изобразительной традицией, кратковременно сосуществовавшей в раннеандроноидных образованиях с оглахтинско-томской манерой.

Заключение

На севере Нижнего Притомья древности ранне- / андроноидного облика обнаружены в захоронениях Томского могильника на Малом мысу, в Томском могильнике на Большом мысу, на поселениях Самусь IV, Самусь III и, возможно (?), на Старом Мусульманском кладбище. Керамические сосуды указанных памятников демонстрируют главным образом две стилистические разновидности орнаментальных композиций. Первая представлена производными от андроновских построений меандровидными,

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-10-19

треугольными и зигзаговыми, а также иными мотивами, нередко комбинированными с поясково-сетчатыми бордюрами. Другая группа объединяет в основном моносюжетные орнаментальные схемы с однообразным повторением ямочных и подтреугольных вдавлений либо коротких оттисков двух-трехзубчатого, реже гладкого, штампа. Сюда же отнесены сосуды с елочными, каннелюрно-елочными, гребенчато-ямочными и другими омпозициями. Южнее, в Нижнетомском очаге наскального искусства керамика раннеандроноидного времени впервые обнаружена на поселении Новороманово II в непосредственной близости от писаницы Висящий Камень и на поселении Верхняя Санюшка I (Ивановка-1). Возможно (?), немногочисленные фрагменты керамики этого времени найдены и на стоянке Долгая I, расположенной непосредственно на Новороmановской писанице и давшей самую представительную серию оглахтинско-томских рисунков (рис. 2). Согласно вышеприведенным доводам именно с ранне- / андроноидным археологическим комплексом, вероятнее всего, соотносятся наскальные изображения оглахтинско-томской группы в Нижнем Притомье.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Финансирование: Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 20-49-420003 р_а «Наскальное искусство Кузбасса: хронология, мифология и культурная принадлежность».

Литература

1. Ковтун И. В. Изобразительные традиции эпохи бронзы Центральной и Северо-Западной Азии: Проблемы генезиса и хронологии иконографических комплексов северо-западного Саяно-Алтая. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2001. 184 с.
2. Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Наука, 1980. 328 с.
3. Ковалева О. В. Наскальные рисунки эпохи поздней бронзы Минусинской котловины. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2011. 160 с.
4. Ковтун И. В. Конь и лыжник: Труды Музея археологии и этнографии Сибири ТГУ. Томск: ТГУ, 2012. Т. IV. 128 с.
5. Савинов Д. Г. Древние поселения Хакасии. Торгажак. СПб.: Петерб. востоковедение. 1996. 112 с.
6. Лазаретов И. П., Поляков А. В. Хронология и периодизация комплексов эпохи поздней бронзы Южной Сибири // Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи бронзы / отв. ред. А. Б. Шамшин. Барнаул: Концепт, 2008. С. 33–55.
7. Поляков А. В., Лазаретов И. П. Современная хронология эпохи палеометалла Минусинских котловин // Прошлое человечества в трудах петербургских археологов на рубеже тысячелетий (к 100-летию создания российской академической археологии). СПб.: Петерб. востоковедение, 2019. С. 188–202. DOI: 10.31600/978-5-85803-525-1-188-202
8. Poliakov A. V., Lazaretov I. P. Current state of the chronology for the palaeometal period of the Minusinsk basins in southern Siberia // Journal of Archaeological Science: Reports. 2020. Т. 29. DOI: 10.1016/j.jasrep.2019.102125
9. Кирюшин Ю. Ф., Малолетко А. М. Бронзовый век Васюганья. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1979. 182 с.
10. Кирюшин Ю. Ф. Энеолит и бронзовый век южно-таёжной зоны Западной Сибири. Барнаул: АлтГУ, 2004. 295 с.
11. Ковтун И. В. Основы морфологии андроновского орнамента // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 4-4. С. 115–124.
12. Ковтун И. В. Андроновский орнамент (морфология и мифология). Казань: Казанская недвижимость, 2016. 547 с.
13. Ложникова Г. В. Работы в Молчановском и Парабельском районах Томской области // Археологические открытия. 1973. Т. 1972. С. 225–226.
14. Черных Е. Н., Кузьминых С. В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М.: Наука, 1989. 320 с.
15. Кузьминых С. В. Сейминско-турбинский транскультурный феномен: миграция или распространение технологии // Мобильность и миграция: концепции, методы, результаты: программа и тезисы докладов V Междунар. симпозиума. (Денисова пещера, Алтай, 19–24 августа 2019 г.) Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. С. 52–56.
16. Ковтун И. В. Изображение младенца с кинжалом (постсейминский тип кинжалов в контактной зоне Евразийской и Центральноазиатской металлургических провинций) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2004. Т. 10. № 1. С. 277–285.
17. Есин Ю. Н. Проблемы выделения изображений афанасьевской культуры в наскальном искусстве Минусинской котловины // Афанасьевский сборник / отв. ред. Н. Ф. Степанова, А. В. Поляков. Барнаул: Азбука, 2010. С. 53–73.
18. Поляков А. В., Лазаретов И. П., Есин Ю. Н. Исследования Саянской экспедиции ИИМК РАН памятников эпохи ранней бронзы на озере Итколь в 2016–2017 гг. // Бюллетень Института истории материальной культуры РАН: (охранная археология). № 8 / науч. ред. Н. Ф. Соловьева. СПб.: Периферия, 2018. С. 123–139. DOI: 10.31600/978-5-907053-11-3-2018-8-123-139
19. Ковтун И. В. Танайская культура и переходное время от развитой к поздней бронзе в Северо-Западной Азии // Теория и практика археологических исследований. 2020. № 4. С. 20–42. DOI: 10.14258/tpai(2020)4(32).-02

BULLETIN
Kemerovo State University
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-10-19

20. Ковтун И. В. Шепот духов (Этнолингвокультурные очерки мифологии нижнетомских писаниц). Кемерово: Азия-принт, 2014. 171 с.
21. Марочкин А. Г., Юракова А. Ю., Плац И. А., Сизёв А. С., Веретенников А. В., Конончук К. В., Щербакова А. В., Минина К. П., Фальман А. В. Итоги раскопок разновременного памятника Ивановка-1 в Нижнетомском очаге наскального искусства (по материалам 2013–2018 гг.) // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2018. № 8. С. 5–15.
22. Карьялайнен К. Ф. Религия югорских народов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. Т. 2. 282 с.
23. Матющенко В. И. Еловский археологический комплекс. Ч. 2: Еловский II могильник. Доирменские комплексы. Омск: Изд. ОмГУ, 2004. 468 с.
24. Матющенко В. И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Ч. IV: Еловско-ирменская культура. Томск: ТГУ, 1974. Вып. 12. 196 с.
25. Матвеев А. В. Ирменская культура в лесостепном Приобье: Источники. Проблемы периодизации и хронологии. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1993. 181 с.
26. Баранес А. П., Косарев М. Ф., Славнин В. Д. Еловский археологический комплекс // Ученые записки Томского гос. ун-та. Вопросы археологии и этнографии Западной Сибири. 1966. № 60. С. 58–70.
27. Ковалевский С. А., Илюшин А. М. Керамический комплекс эпохи поздней бронзы поселения Саратовка-6 // Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи бронзы / отв. ред. А. Б. Шамшин. Барнаул: Концепт, 2008. С. 18–32.

original article

The Oglakhty-Tom Petroglyphs of the Lower Tom Rock Art Complex

Igor V. Kovtun
Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia, Kemerovo
ivkovtun@mail.ru

Received 16 Nov 2020. Accepted 1 Feb 2021.

Abstract: The present research featured the cultural and chronological context of the Oglakhty-Tom petroglyphs found in the lower valley of the Tom river. The author compiled a complete list of geometric petroglyphs of South Siberia, as well as a series of representational parallels that can help to date geometric zoomorph characters carved by the Bronze Age peoples of West Siberia. The author also illustrated some representational parallels for geometric petroglyphs from the early Andronian period found in the Vasyugan complex and the Lugavskoye burial mound in the Middle Yenisei. The paper introduces some results of carbon dating for these petroglyphs. The author detected some new archaeologic and petroglyphic complexes in the Lower Tom that go back to the epoch between Early Andronian time and the Bronze Age. He established the connection between the geometric petroglyphs and the Early Andronian complex in the Lower Tom, while the Minor Tuva-Altai petroglyphs proved to be as old as the Early Seyma-Turbino period. The paper contains palimpsests and ritual assemblages that prove that Oglakhty-Tom and Late Angara petroglyphs once co-existed. The author believes that the geometric petroglyphs and the realistic Late Angara petroglyphs date back to the same Early Andronian communities. The research also traces back various sources of these art traditions.
Keywords: Early Andronian cultures, Oglakhty-Tom group, Lower Tom river valley, chronology, rock art

Citation: Kovtun I. V. The Oglakhty-Tom Petroglyphs of the Lower Tom Rock Art Complex. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(1): 10–19. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-10-19

Conflicting interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Funding: The research was done in terms of Russian Foundation for Basic Research project No. 20-49-420003 r_a Kuzbass Rock Art: chronology, mythology and cultural attribution.

References

1. Kovtun I. V. *Pictorial traditions of the Bronze Age of Central and North-West Asia: problems of the genesis and chronology of the iconographic complexes of the north-west of hte Sayano-Altai*. Novosibirsk: IAET SO RAN, 2001, 184. (In Russ.)
2. Sher Ya. A. *Petroglyphs of Central and Central Asia*. Moscow: Nauka, 1980, 328. (In Russ.)

© 2021. The Author(s). This article is distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-10-19

3. Kovaleva O. V. *Rock carvings of the Late Bronze Age of the Minusinsk Basin*. Novosibirsk: IAET SO RAN, 2011, 160. (In Russ.)
4. Kovtun I. V. *Horse and Skier: Proceedings of the Tomsk State University Museum of Archeology and Ethnography of Siberia.* Tomsk: TGU, 2012, vol. IV, 128. (In Russ.)
5. Savinov D. G. *Ancient settlements of Khakassia*. *Torgazhak*. St. Petersburg: Peterb. vostokovedenie, 1996, 112. (In Russ.)
6. Lazaretov I. P., Polyakov A. V. Chronology and dating of the complexes of the Late Bronze Age in Southern Siberia. *Ethnocultural processes in the Upper Ob and the neighboring regions at the end of the Bronze Age,* ed. Shamshin A. B. Barnaul: Kontsept, 2008, 33–55. (In Russ.)
7. Polyakov A. V., Lazaretov I. P. Modern chronology of the Paleometal Ages of the Minusinsk Depressions. *The past of humankind as seen by the Petersburg archaeologists at the dawn of the Millennium (100th anniversary of the Russian Academic Archaeology)*. St. Petersburg: Peterb. vostokovedenie, 2019, 188–202. (In Russ) DOI: 10.31600/978-5-85803-525-1-188-202
8. Poliakov A. V., Lazaretov I. P. Current state of the chronology for the palaeometal period of the Minusinsk basins in southern Siberia. *Journal of Archaeological Science: Reports*, 2020, 29. DOI: 10.1016/j.jasrep.2019.102125
9. Kiryushin Yu. F., Maloletko A. M. *Bronze age of Vasyugan.* Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1979, 182. (In Russ.)
10. Kiryushin Yu. F. *Eneolithic and Bronze Age of the southern taiga zone of Western Siberia*. Barnaul: AltGU, 2004, 295. (In Russ.)
11. Kovtun I. V. Principles of morphology of Andronovo ornament. *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2009, (4-4): 115–124. (In Russ.)
12. Kovtun I. V. *Andronovo ornament (morphology and mythology)*. Kazan: Kazanskaia nedvizhimost, 2016, 547. (In Russ.)
13. Lozhnikova G. V. Excavations in Molchanovsky and Parabelsky districts of the Tomsk region. *Arkheologicheskie otkrytiia*, 1973, 1972: 225–226. (In Russ.)
14. Chernykh E. N., Kuzminykh S. V. *Ancient metallurgy of Northern Eurasia (Seima-Turbino phenomenon)*. Moscow: Nauka, 1989, 320. (In Russ.)
15. Kuzminykh S. V. Seima-Turbino transcultural phenomenon: migration or technological expansion. *Mobility and migration: concepts, methods, results*: Proc. V Intern. Symposium, Denisova Cave, Altai, August 19–24, 2019. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2019, 52–56. (In Russ.)
16. Kovtun I. V. Image of a baby with a dagger (post-Seima type of daggers in the contact zone of the Eurasian and Central Asian metallurgical provinces). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredelnykh territorii,* 2004, 10(1): 277–285. (In Russ.)
17. Esin Yu. N. Problems of dating the images of the Afanasyev culture in the rock art of the Minusinsk depression. *Afanasyev collection*, eds. Stepanova N. F., Polyakov A. V. Barnaul: Azbuka, 2010, 53–73. (In Russ.)
18. Polyakov A. V., Lazaretov I. P., Esin Yu. N. Investigations by the Sayan expedition of IIMK RAS at sites of the Early Bronze Age on Itkol Lake in 2016–2017. *Bulletin of the Institute for the History of Material Culture Russian Academy of Sciences: (rescue archaeology),* no. 8, ed. Solovyova N. F. St. Petersburg: Periferiia, 2018, 123–139. (In Russ.) DOI: 10.31600/978-5-907053-11-3-2018-8-123-139
19. Kovtun I. V. Tanay Culture and transitional time from the developed to the Late Bronze Age in Northern-Western Asia. *Teoriya i praktika arheologicheskih issledovanij*, 2020, (4): 20–43. (In Russ.) DOI: 10.14258/tpai(2020)4(32).-02
20. Kovtun I. V. *Whisper of the spirits (Ethnolinguocultural essays on the mythology of the Nizhny Tomsk writings)*. Kemerovo: Aziia-print, 2014, 171. (In Russ.)
21. Marochkin A. G., Yurakova A. Yu., Plats I. A., Sizyov A. S., Veretennikov A. V., Kononchuk K. V., Shcherbakova A. V., Minina K. P., Falman A. V. Results of excavations of the time-diverse Ivanovka-1 site in the Lower Tom center of rock art (based on the materials of 2013–2018). *Uchenye zapiski muzeia-zapovednika "Tomskaia Pisanitsa"*, 2018, (8): 5–15. (In Russ.)
22. Karjalainen K. F. *Religion of the Ugra peoples*. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1995, vol. 2, 282. (In Russ.)
23. Matiushchenko V. I. *Elovo archaeological complex. Pt. 2. Yelovsky II burial ground. Doirmen complexes*. Omsk: Izd. OmGU, 2004, 468. (In Russ.)
24. Matiushchenko V. I. *Ancient history of the population of forest and forest-steppe Ob region (Neolithic and Bronze Age)*. Pt. IV. Yelovsko-Irmenskaya culture. Tomsk: TGU, 1974, 196. (In Russ.)
25. Matveev A. V. *Irmen culture in the forest-steppe Ob region: Sources. Problems of periodization and chronology*. Novosibirsk: Izd-vo Novosib. un-ta, 1993, 181. (In Russ.)
26. Baranes A. P., Kosarev M. F., Slavnin V. D. Elovsky archaeological complex. *Uchenye zapiski Tomskogo gos. un-ta. Voprosy arkheologii i etnografii Zapadnoi Sibiri*, 1966, (60): 58–70. (In Russ.)
27. Kovalevsky S. A., Ilyushin A. M. Ceramic complex of the Late Bronze Age of the settlement of Saratovka-6. *Ethnocultural processes in the Upper Ob and the neighboring regions at the end of the Bronze Age,* ed. Shamshin A. B. Barnaul: Kontsept, 2008, 18–31. (In Russ.)

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-20-33

оригинальная статья
УДК 94(57)+908

Ассимиляция русскими чулымских тюрок в первой половине XIX в. (на примере семьи Колмогоровых – старожилов села Чумай)

Олег Юрьевич Кузьмин
Управление МВД России по г. Кемерово, Россия, г. Кемерово
ol.kuzmin1975@yandex.ru

Поступила в редакцию 24.12.2020. Принята к печати 14.01.2021.

Аннотация: Рассматриваются вопросы ассимиляции ясачных инородцев и включение их в состав русского старожильческого населения в северных районах Кемеровской области – Кузбасса. На основе историко-генеалогического метода и микроисторического анализа образования отдельного населенного пункта выявлена специфика обрусения и окрестьянивания чулымских тюрок, проживавших в бассейне реки Кия. В качестве примера ассимиляции выбран старожильческий род Колмогоровых из села Чумай, расположенного в Чебулинском муниципальном округе Кемеровской области – Кузбасса. На основе впервые введенных в научный оборот источников (документы церковного учета, воспоминания старожилов села Чумай) реконструирован процесс изменения сословного статуса ясачных Колмогоровых. Кроме того, исследуются локализация ясачных волостей и причисление к ним Колмогоровых, устанавливаются причины и условия, способствующие вхождению ясачных инородцев в крестьянское сословие. Сделан вывод, что процесс включения инородцев Колмогоровых в чумайское крестьянское общество был не одномоментным, а длился в течение 25 лет. Вначале был довольно длительный этап окрестьянивания ясачных, и только после этого происходило причисление к крестьянскому обществу и закрепление за ними сословного статуса крестьян. Вместе с тем констатируется факт, что массового причисления ясачных в крестьянское сословие в анализируемый период времени не происходило.
Ключевые слова: Сибирь, Причулымье, русские старожилы, ономастика, генеалогия, обрусение

Цитирование: Кузьмин О. Ю. Ассимиляция русскими чулымских тюрок в первой половине XIX в. (на примере семьи Колмогоровых – старожилов села Чумай) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 1. С. 20–33. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-20-33

Введение

В условиях продолжающихся процессов разрушения сельской поселенческой структуры и фактического вымирания российской деревни, непрекращающегося оттока сельских жителей России в города изучение истории формирования крестьянского старожильческого населения Сибири приобретает большое практическое значение, помогает выработать соответствующие предупредительные меры и понять пути дальнейшего развития российского села. Учитывая, что процесс складывания старожильческой общности в Сибири неразрывно связан с процессом ассимиляции коренных народов, особую актуальность приобретает исследование вопросов межэтнических взаимоотношений. Обращение к историческому опыту взаимодействия русских первопоселенцев и аборигенов Сибири способствует выявлению факторов толерантного отношения в сфере межэтнических контактов в современности.

В настоящее время в науке накоплен богатый материал по изучению русской колонизации Сибири. Общепризнано, что основную роль в складывании старожильческого населения Сибири сыграли русские служилые люди, переселенцы и ссыльные. Вместе с тем в исторической науке незаслуженно мало уделяется внимания исследованиям участия иноэтнических компонентов в формировании старожильческого населения Сибири, изучению вопросов вхождения в состав старожилов местного коренного населения. Между тем еще в 1973 г. по итогам экспедиционных исследований был поднят вопрос о смешениях старожилов с автохтонным населением и локальных вариациях физического типа сибиряков-старожилов [1].

В дореволюционный период вопросы ассимиляции инородцев Сибири рассматривались в трудах А. П. Щапова [2], С. С. Шашкова [3], Н. М. Ядринцева [4], Г. Н. Потанина [5], А. А. Кауфмана [6], Н. Н. Козьмина [7]. Предметом исследований в их работах выступали демографические процессы, оценка влияния на инородцев русской колонизации и роли государства. В советское и постсоветское время к проблемам ассимиляции сибирских инородцев и интеграции их в структуру русского населения обращались С. В. Бахрушин [8], Б. О. Долгих [9], Н. А. Миненко [10], М. М. Федоров [11], Л. М. Дамешек [12; 13], С. Г. Скобелев [14], Б. Е. Андюсев [15], Л. И. Шерстова [16], В. Н. Асочакова [17]. В целом, давая характеристику исследованиям советского и современного периодов, необходимо отметить достаточно глубокую разработку общих вопросов ассимиляции сибирских народов. В то же время отмечается довольно слабая изученность процессов включения аборигенного населения в крестьянское

© 2021. Авторы. Статья распространяется на условиях международной лицензии CC BY 4.0

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-20-33

общество в отдельных регионах Сибири. Данной теме посвящены работы О. А. Мурашко [18], А. А. Крих [19], А. Ю. Конева [20].

К изучению процессов формирования старожильческого населения Притомья в разное время обращались Н. П. Григоровский [21], Д. Н. Беликов [22], З. Я. Бояршинова [23], Н. Ф. Емельянов [24; 25], Л. А. Скрябина [26], И. П. Каменецкий [27], И. Ю. Усков [28], Т. А. Гончарова [29], А. А. Чурсина [30]. Вопросы освоения русскими отдельных территорий Кемеровской области рассматривали В. М. Кимеев [31], В. И. Косовец [32]. В своих работах исследователи изучали в основном центральную и южную части Кузбасса, история формирования старожильческого населения севера области не анализировалась. Данный факт был отмечен в 2017 г. И. Ю. Усковым [33]. Отсутствие исследовательского интереса связано прежде всего с тем, что территория севера Кузбасса (т. н. Нижнее Причулымье, преимущественно охватывающее бассейн р. Кия с притоками) была заселена русскими позднее, чем центр и юг региона. Отдельные аспекты формирования русского старожильческого населения в бассейне р. Кия освещались в рамках изучения колонизации русскими Причулымья и Приенисейскго края в трудах Г. Ф. Быкони [34], Д. Я. Резуна [35], В. Н. Асочаковой [36; 37].

Среди немногих работ, посвященных истории возникновения населенных пунктов в бассейне р. Кия и заселения Московского тракта в этом районе, – труды В. Н. Добжанского [38], А. Н. Ермолаева [38; 39], О. Н. Катионова [40], Л. А. Скрябиной [41]. Краеведческие исследования по истории образования старожильческих селений севера Кузбасса представлены работами В. А. Карманова [42], Ф. В. Зеленина [43], О. Б. Беликовой [44], С. Копылова и Ф. Лапкина [45], О. В. Костюнина [46], А. А. Вайкутиса [47]. Как правило, краеведами исследовались городские поселения и крупные районные центры.

Необходимо отметить, что в работах вышеперечисленных авторов вопросы ассимиляции коренного аборигенного населения и его интеграции в состав русских старожилов не затрагивались.

Отдельные стороны ассимиляции коренного населения Причулымья отражены в работах, посвященных истории и этнографии чулымских тюрок, населявших бассейн р. Кия до прихода русских. Это исследования Н. А. Кострова [48], А. А. Ярилова [49], А. П. Дульзона [50], Н. Н. Козьмина [51], Л. П. Потапова [52], Э. Л. Львовой [53], В. Я. Бутанаева [54], Н. А. Томилова [55–57], И. А. Грачева [58], В. Н. Асочаковой [59; 60]. Однако основным предметом изучения в их работах были этногенез и этнография чулымцев, процессы обрусения и окрестьянивания чулымских тюрок затрагивались в этих исследованиях фрагментарно.

Таким образом, представленный краткий историографический обзор подтверждает отсутствие отдельных публикаций и работ, посвященных ассимиляции русскими кийских татар и вхождению их отдельных групп в состав русских старожилов.

Целью данной статьи является изучение особенностей процесса ассимиляции коренного населения бассейна р. Кия в первой трети XIX в. на примере обрусения ясачных Колмогоровых, впоследствии ставших старожилами с. Чумай Томской губернии. В основу работы был положен микроисторический подход, предполагающий детализированное изучение конкретного человека, семьи, их поведенческих мотивов в условиях изменения социально-экономической и политической конъюнктуры на отдельно взятой территории. Использование микроисторического анализа в сочетании с историко-генеалогическим методом позволяет проследить во времени изменение сословного статуса семьи Колмогоровых, выявить причины и условия вхождения их в состав крестьянского общества с. Чумай. В качестве источников использовались законодательные акты Российской империи, документы церковного учета Кийского прихода (метрические книги, исповедные росписи) и неопубликованные воспоминания старожилов с. Чумай. Временные рамки исследования охватывают период времени с 1808 г. (образование крестьянского общества с. Чумай) по 1834 г. (юридическое закрепление статуса государственных крестьян за ясачными Колмогоровыми).

Происхождение фамилии ясачных Колмогоровых

Деревня Чумайская была основана русскими переселенцами из Кавказской губернии в 1808–1809 гг. [61]. Территория для заселения кавказским переселенцам (более 25 семей) была отведена властями в месте традиционного проживания местного инородческого населения – на берегу р. Кия. По воспоминаниям одного из потомков кавказских переселенцев Федора Григорьевича Ачкасова (19.02.1895–06.07.1983), «по приезду [кавказских переселенцев] на Чумай был населен местными жителями-инородцами», и «государственные власти», желая разделить переселенцев и ясачных, «предложили всем инородцам переселиться на правый берег реки Кия»[1]. При этом, по сведениям Ф. Г. Ачкасова, инородцам было объявлено, что если кто не пожелает переселяться, будут нести воинскую повинность, от которой они были в то время освобождены. Согласно существовавшему законодательству, для инородцев это означало причисление к сословию государственных крестьян и обложение подушной податью. Ф. Г. Ачкасов сообщает, что все проживавшие в Чумае инородцы подчинились, за исключением одной семьи – Колмогоровых[2]. Так ясачные инородцы Колмогоровы стали жителями

[1] Воспоминания Федора Григорьевича Ачкасова в 2-х тетрадях. Перепечатано точно по тексту писателем-историком В. Новокшеновым // Личный архив Ф. Ф. Ачкасова (ЛАА). Тетрадь 1.1.

[2] Там же.

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-20-33

русского села, впоследствии полностью обрусели и вошли в состав крестьянского старожильческого общества. В настоящее время потомки чумайских старожилов Колмогоровых считают себя этническими русскими, не догадываясь о своем происхождении.

Принято считать, что фамилия *Колмогоров* является традиционным русским фамильным прозванием, образованным от названия старинного поморского села Холмогоры (Колмогоры), расположенного на р. Северная Двина. По мнению ученых-ономастов, фамилия *Колмогоров* или *Холмогоров* была распространена на Русском Севере [62, с. 247; 63, с. 113; 64, с. 47]. Учитывая, что заселение Урала и Сибири в XVII в. преимущественно шло с севера России, представители фамилии *Колмогоров* проживали едва ли не в каждом сибирском старожильческом селении. Таким образом, требует разъяснения вопрос появления у кийских татар северорусской фамилии *Колмогоров*. На наш взгляд, происхождение фамильного прозвания ясачных Колмогоровых связано с этнической историей кийских инородцев.

Татары, населявшие бассейн р. Кия, являлись частью чулымских тюрок и были известны русским с начала XVII в. Первоначально они являлись данниками (кыштымами) енисейских киргизов, а впоследствии были объясачены русскими властями. В документах XVII в. территория по р. Кия называлась Кийской ясачной волостью. В начале XVIII в. кийские татары были приняты в русское подданство и христианизированы.

Известно, что этноним *чулымские татары* объединял несколько различных этнических групп. По мнению этнографа и историка В. Я. Бутанаева, на р. Кия проживали представители этнической группы *аргын*, составной частью которой был сеок (род) *халмах* [54, с. 23]. Аргыны или аргунцы в свою очередь считались одним из родов хакасов-кызыльцев [51, с. 20]. Кызыльцы называли членов сеоков аргын и халмах *кий суг* – т. е. жители долины р. Кия [54, с. 23]. Аргыны являются древним тюркоязычным племенным образованием, но происхождение их до конца не выяснено [65]. Вполне вероятно, что аргыны были частью тюркоязычных кыпчаков, позднее принявших участие в формировании казахов и сибирских татар. Так, по некоторым данным, после разгрома Кучума часть сибирских (ишимских, тобольских, барабинских) татар вошла в состав кызыльцев [54, с. 21; 56, с. 70; 66, с. 1]. Возможно, это и были аргунцы.

Название сеока *халмах* или *калмах*, скорее всего, связано с этнонимом *калмык*. По сведениям Н. А. Аристова [67, с. 345], Л. П. Потапова [52, с. 172] и В. Я. Бутанаева [54, с. 22], кызыльский сеок *халмах* в основном состоял из переселившихся телеутов, которых русские называли белыми калмаками. В источниках отмечается, что часть белых калмаков в XVII–XVIII вв. проживала по притокам Кии, рекам Тисуль и Серта [4, с. 43; 52, с. 172–173; 54, с. 22]. Трудно сказать, почему этноним монголоязычных калмыков передался тюркоязычным телеутам. По одним данным, потому что в формировании телеутов принимали участие монгольские ойратские племена, по другим – телеутов прозвали белыми калмаками в противоположность черным калмакам [68; 69, с. 123; 70, с. 276; 71]. В XVII в. телеуты, которых называли *белые калмаки*, входили в состав Джунгарского ханства, господствующее положение в котором занимали ойраты, известные как черные калмыки [72, с. 81, 128], поэтому они противопоставлялись друг другу.

Уже в начале XVII в. в соответствии с этнонимами кызыльцев, аргунцев и калмахов образовались ясачные окладные волости Кызыльская, Аргунская, Калматская, располагавшиеся в бассейнах рек Чулым и Кия. Есть основания полагать, что Аргунская и Калматская ясачные волости – это два разных названия одной и той же волости. Так, в середине XIX в. князь Н. А. Костров писал, что в числе 10 кизильских родов малоаргунский также назывался *калмах* [48, с. 14]. Э. Л. Львова фиксирует второе название Аргунской волости – Калмах [53, с. 14]. Известный сибирский краевед А. А. Ярилов, напротив, в своей работе «Кизильцы и их хозяйство» приводил данные о том, что в числе 10 кызыльских родов были отдельно кызыл, камнар, шуй, курчик, аргын, калмак и др. [49, с. 1]. В пользу того, что аргунцы и калмаки являлись одной этнической группой, говорит тот факт, что в составе Больше-Аргунской волости были юрты Калмацкие [56, с. 73]. Вместе с тем Н. А. Томилов не отрицает и возможного смешения тюрков-аргунов и телеутов-калмаков во второй половине XVII – первой четверти XVIII в. [55, с. 158].

Исходя из вышеизложенного, можно предположить, что происхождение фамильного прозвания ясачных инородцев Колмогоровых связано с их этнической принадлежностью к сеоку *халмах* или *калмах*. Фамильные окончания во множественном числе у хакасов оканчиваются на *-лар*, *-нар*, *-тар*. Не исключено, что предки Колмогоровых из сеока *халмах* представлялись русским как *халмахлар* или *халмахар*. А русские переписчики записывали их в более понятной им форме *Халмагоровы*, позднее окончательно русифицированной в фамилию *Калмагоров* или *Колмогоров*. Наличие фамилии *Колмогоров* у кызыльцев исследователи отмечали еще в XIX в. По данным А. А. Ярилова, фамилия *Колмогоров* существовала в Малоаргунском роде кызыльцев [49, с. 38]. В одной из своих работ, посвященной происхождению хакасских фамилий, В. Я. Бутанаев фиксирует, что фамилия *Калмагоров* была распространена в сеоке *халмах* Малоаргунского рода [54, с. 45].

Ученые сходятся во мнении, что большинство хакасских фамилий образовано от личных имен [54, с. 25; 73]. Между тем ряд исследователей считает, что некоторые инородческие фамилии были производными от названий родов-сеоков, а наиболее крупные сеоки имели несколько фамилий, имеющих общее родовое происхождение [74, с. 130]. Например, у хакасов есть фамилия *Тюльберовы*, произошедшая, по-видимому, от сеока *тюльбер*.

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-20-33

В источниках упоминается также фамилия ясачных Казылдеевых из Кызыльдейской ясачной волости[3].

Появление фамилий у чулымских татар относится к началу XVIII в., после их массового крещения. Поголовным «офамиливанием» инородцев русской администрацией достигалась цель более точного учета при сборе ясака. Необходимо отметить, что возникновение у чулымцев фамилий, безусловно, способствовало их русификации. «Поморская» фамилия ясачных Колмогоровых маскировала их этническое происхождение и способствовала адаптации среди русских переселенцев.

Ясачные окладные волости

Согласно сохранившимся записям в метрических книгах Николаевской (Никольской) церкви села Кийского, ясачные Колмогоровы являлись ее прихожанами еще в XVIII в. При этом в метрических книгах конца XVIII – начала XIX в. представители рода Колмогоровых записывались как ясачные Камральской, Калматской (Калмацкой), Малоаргунской и Кумыльской ясачных волостей. Так, в метрической книге Кийской Николаевской церкви имеется запись о том, что 25 января 1803 г. ясачный Камральской волости Кузнецкой округи Агапий Иванов Колмогоров женился на «Курчиковой волости умершего ясашного Василия Буланакова дочери девице Марье»[4]. В 1804 г. в метрической книге Кийской церкви родственник Агапия Колмогорова Григорий Федоров Колмогоров записан как ясачный Камральской волости[5]. В 1807 г. ясачные Колмогоровы числятся в Калматской ясачной волости. В метрической книге Кийской церкви за 1807 г. зафиксировано рождение у «ясашного Калмацкой волости» Агапа Колмогорова дочери Пелагии[6]. В метрической книге Николаевской церкви за 1810 г. Петр и Агап Колмогоровы записаны ясачными Кумыльской ясачной волости[7].

Камральская, Кумыльская и Калматская (Малоаргунская) ясачные волости располагались в районах Причулымья Томской губернии, однако в XVIII – начале XIX в. конкретные территории за ними закреплены не были. По всей видимости, Камральская волость – это известная с 1706 г. т. н. Камларская ясачная волость[8], получившая название от кызыльского сеока *хамнар* [54, с. 22], а под Кумыльской волостью надо понимать Кымысскую (Кумысскую или Кумышскую) ясачную горную порубежную волость, известную с начала XVIII в.[9] Калматская ясачная волость, как выше было установлено, имела второе, более позднее название – Малоаргунская. В метрической книге Николаевской церкви за 1813 г. все ясачные Колмогоровы снова записаны ясачными Калматской волости. Все вышеперечисленные ясачные волости объединяло то, что их населяли близкородственные сеоки кызыльцев.

Инструкция Сената, данная секунд-майору А. Щербачеву в 1763 г.[10], закрепляла ясачную волость как неделимую податную единицу, поэтому произвольно ясачные переходить из одной волости в другую не могли. Однако на практике такие переходы ясачных осуществлялись. Н. А. Томилов отмечает, что в XVIII – начале XIX в. чулымские тюрки вели достаточно подвижный образ жизни, приводивший к смешению населения разных ясачных волостей [55, с. 161]. Как правило, переходы осуществлялись по экономическим мотивам. По мнению А. А. Ярилова, инородцы стремились перейти из одной волости в другую «в виду хозяйственных удобств» [66, с. 66]. Иногда таким способом ясачные уклонялись от отбывания податных обязанностей. Ввиду того, что ясачные волости не имели четких территориальных границ, инородцы одной волости зачастую оказывались проживающими на землях другой. В. Я. Бутанаев отмечает, что русская администрация в ходе образования ясачных волостей, с одной стороны, объединяла в один род представителей разных сеоков, с другой – представители одного сеока оказывались расчлененными между разными аймаками [75, с. 261]. К примеру, в XVIII в. аргунцы жили совместно с населением Камларской волости [52, с. 155]. Самовольное причисление инородцев к волостям сохранялось до принятия Устава об управлении инородцев в 1822 г. [76, с. 96]. Но еще в середине XIX в. не редкостью было, когда инородцы были приписаны сразу к нескольким ясачным волостям и одновременно к русской и ясачной.

Переходы из одной волости в другую характеризуют ясачных Колмогоровых как достаточно мобильных в хозяйственно-экономическом отношении людей, видимо, поэтому они стали одними из первых инородцев, кто вступил во взаимодействие с русскими переселенцами.

Причины проживания ясачных в русском селе

По мнению Н. А. Томилова, часть чулымцев начала постепенно переселяться в русские деревни уже во второй половине XVIII в., когда в Причулымье появились первые русские поселения [55, с. 170]. Источники не фиксируют сколько-нибудь значимых конфликтов между ясачными и русскими переселенцами. Напротив, немецкий исследователь

[3] Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 173. Оп. 1. Д. 107. Л. 89 об.

[4] Там же. Л. 12.

[5] Там же. Л. 21 об.

[6] Там же. Л. 57 об.

[7] Там же. Л. 99.

[8] Приходные окладные ясачные книги Томского уезда, 1706–1718 / изд. И. Кузнецов-Красноярский. Томск: Типо-лит. П. И. Макушина, 1893. С. 10.

[9] Там же. С. 121.

[10] Булычев И. Путешествие по Восточной Сибири. Ч. 1. Якутская область, Охотский край. СПб.: Тип. Акад. наук, 1856. С. 251–268.

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-20-33

И. Г. Георги в конце XVIII в. сообщал, что чулымские татары сами просили власти «о заведении между ними русских деревень» [77, с. 144]. Учитывая, что русские деревни часто возникали на месте татарских юрт, многие инородцы предпочитали оставаться проживать на своих местах. Такое положение устраивало как русских поселенцев, так и инородцев. Русские перенимали от них способы проживания в суровых условиях горно-таежной местности, методы охоты, рыболовства и собирательства. В свою очередь ясачные усваивали быт русских, заимствовали земледельческую культуру, ремесла, обзаводились русскими избами. По свидетельству многих современников, к началу XIX в. чулымские татары уже достаточно обрусели [77, с. 92; 78, с. 128]. Правительство выступало гарантом спокойствия в отношениях между русскими переселенцами и инородцами. Согласно вышеупомянутой инструкции секунд-майору А. Щербачеву, инородцев запрещалось сгонять с мест, предписывалось обходиться с ними при сборе ясака «ласково», не допускалось вмешиваться в самоуправление[11].

Несмотря на охранительную политику государства в отношении инородцев, на протяжении XVIII в. доля пушнины в ясаке неуклонно снижалась. В связи с этим к началу XIX в. пушной промысел для многих ясачных становится второстепенным, происходит переход на уплату ясака деньгами либо в смешанной форме. Инородцы постепенно осваивают хлебопашество, возрастает степень их оседлости. Некоторые ясачные видят привлекательность проживания в русских деревнях путем поступления в работники к крестьянам.

Проживание инородцев на правах работников у русских крестьян было достаточно распространенным явлением. Однако не стоит усматривать в этом наличие каких-либо кабальных отношений. Скорее всего, ясачные проживали в русских селениях на правах подворников. Такая форма совместного ведения хозяйства существовала у государственных крестьян в XVIII – первой половине XIX в. В числе подворников у крестьян могли проживать не имеющие своего хозяйства односельчане, ссыльнопоселенцы, переселенцы и даже родственники. Как правило, при поступлении в работники инородцы заключали договора (т. н. обязательные письма), где оговаривались условия проживания на подворье хозяина и размер оплаты [49, с. 134].

Вполне возможно, что первоначально ясачные, проживавшие в д. Чумайской, тоже находились в работниках у русских переселенцев. Поступление «в работу» к крестьянам давало им возможность вносить ясак деньгами. Так, в Кийской волости в 1795–1796 гг. числилось 112 инородческих юрт, в которых проживало 1299 человек, из них 274 человека (60 семей) находилось «в работах» у русских [34, с. 129]. Со временем ясачные обзаводились в русских селениях собственными дворами и хозяйством.

Уже в первые годы после образования Чумая (1809–1810 гг.) в метрических книгах Кийского прихода начинают встречаться записи, указывающие на проживание в деревне инородцев. В метрических записях фигурируют фамилии ясачных Качкиных, Кукарцовых и Колмогоровых. Проживавших в Чумае ясачных в метрических книгах записывали либо как «ясашные деревни Чумайской», либо как «ясашные Калматской волости деревни Чумайской», чем подчеркивался их сословный статус. Так, в метрической книге Николаевской церкви за 1809 г. записано, что у «деревни Чаманской есашного Андрея Тимофеева Качкина» родилась дочь[12], в метрической книге той же церкви за 1813 г. Парфентий Иннокентьевич Колмогоров записан «ясашным Калматской волости деревни Чумайской»[13]. Проживая в русском селении, инородцы в фискальном отношении продолжали подчиняться своим органам управления [79, с. 108].

Показателем успешной адаптации ясачных в Чумае являются семейно-брачные отношения. Анализ метрических книг показывает, что чумайские ясачные часто были восприемниками у крестьянских детей. Согласно церковным канонам, выступая восприемниками (крестными родителями), ясачные вступали с ними в т. н. духовное родство. Уже в 1809 г. в метрической книге был зафиксирован первый в Чумае межэтнический брак между кавказским переселенцем Петром Петровичем Смоляниновым и дочерью ясачного Калматской волости Петра Колмогорова Прасковьей[14]. Необходимо отметить, что крестьяне не только женились на ясачных, но и отдавали замуж за них своих дочерей. Сохранились записи о том, что в январе 1813 г. «ясашный Калматской волости Гаврила Петров Комогоров» женился на дочери крестьянина деревни Кайдатской Ивана Белошапкина Наталье[15], а «ясашный Калматской волости Агап Иванович Колмогоров» в том же году вторым браком женился на Кийской волости деревни Кориковой крестьянской дочери Наталье Ивановне Шадриной[16]. Семейно-брачные отношения крестьян с инородцами были выгодны обеим сторонам и способствовали их сближению во многих отношениях. А. А. Ярилов отмечал, что инородцы, находившиеся у русских крестьян в работниках, перенимали у них земледельческий опыт, зачастую путем женитьбы на русских заводили собственное хозяйство в этом же селении [49, с. 186]. Нельзя недооценивать и роль

[11] Булычев И. Путешествие по Восточной Сибири…
[12] ГАТО. Ф. 173. Оп. 1. Д. 107. Л. 85.
[13] Там же. Л. 155 об.
[14] Там же. Л. 88.
[15] Там же. Л. 154 об.
[16] Там же. 155 об.

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-20-33

церкви в брачных связях инородцев с русскими крестьянами, которая проповедовала равенство всех христиан независимо от их этнической принадлежности и ратовала за увеличение количества прихожан.

Несмотря на проживание в течение нескольких лет в Чумае, ясачные в крестьянское сословие не перечислялись, хотя такой переход в это время по особому разрешению властей был возможен. К тому же данные метрических книг Кийского прихода позволяют говорить о том, что единичные случаи перехода ясачных инородцев в сословие крестьян совершались еще в самом начале XIX в. К примеру, в метрической книге за июнь 1810 г. записана «деревни Шестаковой вдова, солдацкая жена Марина Михайлова Буланакова»[17]. Известно, что Буланаковы происходили из ясачных Курчиковой ясачной волости.

Не исключено, что в это время чумайским ясачным с экономической точки зрения было выгодно оставаться в ясачном состоянии. Выплачивать ясак было менее обременительным, чем подати, налагаемые на государственных крестьян, которые превышали ясак почти в два раза. С 1763 г. размер ясака составлял 85 коп. на душу [3, с. 190], а с 1806 г. осуществлялся еще дополнительный подушный сбор в размере 44 коп.[18] В итоге ясачный должен был внести 1 руб. 25 коп. (иногда выплаты доходили до 1 руб. 50 коп. с души). Кроме этого, инородцы отправляли натуральные повинности: подводная гоньба и устройство дорог. Крестьянский же оклад, напротив, вырос к 1818 г. до 3 руб. с души, и они также несли земские повинности и вносили мирские сборы. По сведениям публициста и этнографа С. С. Шашкова, до реформы 1822 г. ясачная подать была столь незначительной, что за ясачных, находящихся у них в работниках, крестьяне сами ее оплачивали [3, с. 188].

Причисление к сословию государственных крестьян

Механизм перехода ясачных инородцев в сословие государственных крестьян до 1822 г. не был четко определен. Только в Уставе об управлении инородцев, принятом 22 июля 1822 г., в параграфах 22–23 прописывалось, что «поступают в государственные крестьяне все малочисленные племена инородцев, живущих в русских селениях, или смешанно между россиянами, и упражняющиеся в земледелии», а «инородцев, живущих издавна в работах, записать в крестьяне в тех самых селениях, где они по наймам жительствуют до ныне»[19]. При этом в Уставе оговаривалось, что перевод инородцев в разряд крестьян осуществлялся по их собственному желанию. По мнению С. С. Шашкова, в Уставе под инородцами, «проживавшими в русских селениях», надо понимать в первую очередь закабаленных русскими крестьянами инородцев-работников [3, с. 188].

По сведениям метрических книг, в 1820-е гг. сословный статус чумайских ясачных не изменился. Проживая в д. Чумайская Кийской волости ясачные Качкины, Кукарцовы и Колмогоровы, по-прежнему числились приписанными к ясачным волостям. В 1826 г. в метрической книге Кийской церкви имеются записи о «ясашном» деревни Чумайской Павле Колмогорове[20] и уже известном нам «ясашном» Калматской волости Агапе Колмогорове[21]. В исповедных росписях Николаевской церкви Колмогоровы были записаны в разделе ясачных, отдельно от крестьян и их домашних[22].

В соответствии с сибирскими реформами 1822 г. произошли административно-территориальные преобразования в Томской губернии и разделение ясачных волостей на оседлые и кочевые. Малоаргунская ясачная волость, в которой числились чумайские Колмогоровы, оказалась в разряде «кочевых» и территориально вошла в состав Ачинского округа Енисейской губернии. Зачастую распределение инородческих волостей на кочевые и оседлые было необоснованным. По данным А. А. Ярилова, в 1829 г. в Малоаргунском роде основным занятием было земледелие [49, с. 29].

Государственная политика в отношении инородцев была направлена на ассимиляцию ясачных, особенно тех, кто занимался земледелием и проживал в русских селах. Казалось бы, реализация положений Устава об управлении инородцев должна была привести к увеличению количества аборигенных жителей в русских деревнях и волостях, но на практике этого не произошло. Во-первых, в Уставе закреплялось право освобождения инородцев от рекрутской обязанности, что в основном и удерживало ясачных от причисления к крестьянскому сословию. Во-вторых, с переходом в крестьяне ясачные должны были оплачивать крестьянскую подать, размер которой был больше, чем у «кочевых» инородцев. В отличие от «оседлых» инородцев, которые по Уставу 1822 г. приравнивались во всех отношениях (в т. ч. в фискальном) к государственным крестьянам, «кочевые» продолжали вносить ясак в размерах, определенных еще в 1763 г. Так, В. Г. Карцов приводит данные о том, что в 1827 г. красноярские ясачные качинцы и аринцы, проживавшие в русских селениях, не вернулись к своим соплеменникам по требованию властей даже после того, как им пригрозили

[17] Там же. 102 об.

[18] О вновь положенных на кочевых и бродячих инородцев окладах звериными шкурами и деньгами // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание второе: с 12 декабря 1825 по 28 февраля 1881 г. СПб.: Тип. II Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1836. Т. X: 1835. Отд-ие 1. № 7917. С. 187.

[19] Об управлении инородцев // ПСЗРИ. Собрание первое: с 1649 по 12 декабря 1825 г. СПб.: Тип. II Отд-ия Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. Т. XXXVIII: 1822–1823. № 29126. С. 394–417.

[20] ГАТО. Ф. 173. Оп. 1. Д. 107. Л. 335.

[21] Там же. Л. 342.

[22] ГАТО. Ф. 173. Оп. 1. Д. 223. Л. 319–322.

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-20-33

переименованием в крестьяне и обложением подушной податью [80]. Видимо, поэтому чумайские Колмогоровы, числящиеся в «кочевой» Малоаргунской ясачной волости, по-прежнему предпочитали оставаться в ясачном состоянии.

Однако со временем появляются веские причины для перехода ясачных Колмогоровых в крестьяне. Невзирая на то, что размер ясака для кочевых инородцев оставался до 1835 г. прежним, в целом финансовая нагрузка возросла и появились недоимки. Связано это было с уменьшением в волостях наличных душ. Если в 1816 г. мужское население Малоаргунской волости составляло 103 человека, то в 1825 г. числилось 48 душ мужского пола [49, с. 30]. В 1824 г. с одной души в Кызильской степной думе собирали 5 руб. 41 коп. (казенная повинность составляла 4 руб. 44 коп., волостные повинности – 97 коп.) [49, с. 71–72]. Как и прежде, ясак вносился частью пушниной, частью деньгами.

Таким образом, Колмогоровы, проживая в д. Чумайская Томской губернии, вынуждены были платить ясак по месту приписки, т. е. в Ачинское окружное управление Енисейской губернии. Возможно, чумайские Колмогоровы платили взносы в Кызильскую степную думы на содержание письмоводителя, жалованье родовым старостам и ясаулам. Помимо этого, Колмогоровы должны были отправлять общие по Енисейской губернии земские (общинные) повинности либо возмещать их деньгами в Кызильскую степную думу, где делалась раскладка. Кроме этого, Колмогоровы оплачивали взносы по месту проживания за пользование общинной крестьянской землей, сдавали мирские волостные и сельские сборы. При таких условиях Колмогоровым было целесообразно перейти в крестьянское сословие и оплачивать все сборы в одном месте.

Следует отметить, что переход ясачных в крестьяне был не всегда безболезненным. Помимо получения разрешения на причисление крестьянского общества, они должны были получить дозволение от родственников и от инородной управы. Дума выдавала увольнительные свидетельства только в том случае, если отсутствовали недоимки. Судя по всему, для ясачных Колмогоровых, уже длительное время проживавших в д. Чумайская и породнившихся с чумайскими крестьянами, затруднений при переходе из одного сословия в другое не было. А. А. Ярилов писал, что обычно ясачные обосновывали свой переход так: «такой-то с давняго времени находясь в работниках у крестьян, навыкши к оседлости и домоводству, желает поступить в крестьяне» [49, с. 189]. По Уставу об управлении инородцев, перечисление инородцев в крестьяне приурочивалось к очередной ревизии.

Согласно данным из метрических книг прихода села Кийского, ясачные Калматской (Мало-Аргунской) волости Колмогоровы с конца 1834 г. записывались крестьянами д. Чумайская. В метрической книге Николаевской церкви за 1834 г. Гавриил Колмогоров записан крестьянином д. Чумайская[23], а его родственник Александр Колмогоров в 1835 г. числился как крестьянин д. Шестакова[24]. Вместе с тем другие родовичи Колмогоровых, Качкины и Кукарцовы остались в сословии ясачных и в Чумае не осели. В соответствии с положениями Устава об управлении инородцев причисление Колмогоровых произошло к 8-й ревизии, проводившейся в 1833–1835 гг. Стоит отметить, что переход ясачных в крестьянское сословие продолжался и в последующие годы. По сведениям А. А. Ярилова, взятым из материалов архива Кызильской степной думы, ясачной комиссией в оседлое состояние в 1850 г. было перечислено еще 3 инородца Мало-Аргунской ясачной волости, «проживавшие в д. Чумуе и Шестоковой» Томской губернии [49, с. 188].

Заключение

Процесс включения инородцев Колмогоровых в чумайское крестьянское общество был не одномоментным, как описывает его в своих воспоминаниях Ф. Г. Ачкасов, а происходил в течение 25 лет. Вначале был довольно длительный этап окрестьянивания ясачных, и только после этого происходило причисление к крестьянскому обществу и юридическое закрепление за ними сословного статуса крестьян. Анализ источников показал, что далеко не все ясачные адаптировались в русском селе. В Чумае это были только ясачные Колмогоровы, остальные семьи инородцев так и остались в прежнем состоянии и впоследствии выехали из села.

Видимо, первоначально инородцы по взаимовыгодному согласию с переселенцами находились у них «в работах», постепенно сближаясь с крестьянами. Уже в первые годы возникновения с. Чумай заключаются браки между русскими переселенцами и ясачными. Со временем ясачные перенимают крестьянский уклад, обзаводятся хозяйством, заводят пашню. Политика власти в отношении ясачных характеризуется неоднозначно. С одной стороны, она была направлена на окрестьянивание и обрусение инородцев, с другой – наблюдается непоследовательность в налоговом обложении. В конце концов в силу экономических причин оставаться в ясачном состоянии для чумайских Колмогоровых стало невыгодно, и к середине 1830-х гг. они перечисляются в сословие государственных крестьян.

Необходимо констатировать, что хотя единичные случаи перехода ясачных в сословие крестьян совершались еще в самом начале XIX в., массового причисления инородцев в рассматриваемое время в крестьянское сословие не происходило. Вместе с тем заселение русскими бассейна р. Кия не повлекло изоляцию местного населения от первопоселенцев, оно было включено в социальную структуру. Аборигены никуда не выселялись, продолжали жить вместе с русскими на своих землях. Толерантность демонстрировали как власти, так и русские поселенцы.

[23] ТГАТО. Ф. 173. Оп. 1. Д. 107. Л. 194 об.

[24] Там же. Л. 159 об.

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-20-33

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Литература

1. Русские старожилы Сибири: ист.-антропол. очерк / отв. ред. В. В. Бунак, И. М. Золотарева. М.: Наука, 1973. 189 с.
2. Щапов А. П. Сочинения. СПб.: Изд. М. В. Пирожкова, 1908. Т. 3. 718 с.
3. Шашков С. С. Исторические этюды. СПб.: Изд. Н. А. Шигина; Тип. А. Моригеровского, 1872. Т. 2. 349 с.
4. Ядринцев Н. М. Сибирские инородцы, их быт и современное состояние. СПб.: Изд. И. М. Сибирякова; Тип. И. Н. Скороходова, 1891. 308 с.
5. Потанин Г. Н. Нужды Сибири // Сибирь, ее современное состояние и нужды / под ред. И. С. Мельника. СПб.: Изд. А. Ф. Девриена, 1908. С. 260–294.
6. Кауфман А. А. Переселение и колонизация. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1905. IX+349+81 с.
7. Козьмин Н. Н. К вопросу о вымирании инородцев // Сибирские записки (Красноярск). 1916. № 2. С. 99–108.
8. Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 3. Избранные работы по истории Сибири XVI–XVII вв. Ч. 2. История народов Сибири в XVI–XVII вв. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 299 с.
9. Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 622 с.
10. Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в.: ист.-этногр. очерк. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1975. 308 с.
11. Федоров М. М. Правовое положение народов Восточной Сибири (XVII – начало XIX в.). Якутск: Кн. изд-во, 1978. 207 с.
12. Дамешек Л. М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX – нач. XX в.). Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1986. 164 с.
13. Дамешек Л. М. Проблемы интеграции коренных народов Сибири в имперскую систему России XVIII – нач. XX в. // Сибирское общество в контексте модернизации XVIII–XX вв.: сб. мат-лов Всерос. науч. конф. (Новосибирск, 22–23 сент. 2003 г.) Новосибирск: НГУ, 2003. С. 94–105.
14. Скобелев С. Г. Демография коренных народов Сибири в XVII–XX вв.: колебания численности и их причины. Новосибирск: Новосиб. ун-т, 1998. 56 с.
15. Андюсев Б. Е. Сибирское краеведение. Хозяйство, быт, традиции, культура старожилов Енисейской губернии XIX – начала XX вв. 2-е изд. Красноярск: КГПУ, 2003. 336 с.
16. Шерстова Л. И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX века. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2005. 312 с.
17. Асочакова В. Н. Политика христианизации коренных народов Сибири в XVII–XIX вв.: историографический аспект // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. 2012. № 1. С. 39–43.
18. Мурашко О. А. Старожилы Камчатки в историко-демографической и социально-экономической перспективе // Межэтнические контакты и развитие национальных культур / отв. ред. И. И. Крупник. М.: Участок оперативной полиграфии Института истории СССР АН СССР, 1985. С. 77–88.
19. Крих А. А. Иноэтнические компоненты в составе русского старожильческого населения Среднего Прииртышья: XVIII в. – 80-е гг. XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2006. 26 с.
20. Конев А. Ю. О включении ясачных в сословие государственных крестьян (на материалах Западной Сибири) // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. 2007. № 3. С. 11–16.
21. Григоровский Н. П. Крестьяне-старожилы Нарымского края // Записки Зап.-Сиб. Отдела ИРГО. Омск, 1879. Кн. 1. С. 7–8.
22. Беликов Д. Н. Первые русские крестьяне-насельники Томского края и разные особенности в условиях их жизни и быта: общий очерк за XVII и XVIII столетия. Томск: Типо-лит. М. Н. Кононова и И. Ф. Скулимовского, 1898. 138 с.
23. Бояршинова З. Я. О формировании сословия государственных крестьян в Сибири (XVIII – первая четверть XIX вв.) // Вопросы истории Сибири / ред. А. П. Бородавкин. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1964. Вып. 1. С. 44–55.
24. Емельянов Н. Ф. Этнический и численный состав коренного населения Томского края в XVII – первой половине XIX вв. // Из истории Сибири. Томск: Томский ун-т, 1976. Вып. 19. С. 90–107.
25. Емельянов Н. Ф. Заселение русскими Среднего Приобья в феодальную эпоху. Томск: Изд-во ТГУ, 1981. 181 с.
26. Скрябина Л. А. Русские Притомья. Историко-этнографические очерки (XVII – начало XX вв.). Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. 130 с.
27. Каменецкий И. П. Русское население Кузнецкого уезда в XVII – начале XVIII вв.: (опыт жизнедеятельности в условиях фронтира Южной Сибири). Омск: [Омский ин-т РГТЭУ], 2005. 338 с.
28. Усков И. Ю. Формирование крестьянского населения Среднего Притомья в XVII – первой половине XIX в. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. 130 с.

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-20-33

29. Гончарова Т. А. История Нижнего Притомья в контексте межэтнической коммуникации (XVII – начало XXI в.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. 226 с.
30. Чурсина А. А. Изменение сословного статуса служилых людей Западной Сибири и их потомков в процессе хозяйственной деятельности: на материалах Томского и Кузнецкого уездов: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2012. 23 с.
31. Кимеев В. М. Касьминские чалдоны. Быт и культура русских старожилов Касьминской волости. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. 250 с.
32. Косовец В. И. Заселение и освоение окрестностей Юрги и прилегающих территорий среднего Притомья и Приобья. Юрга: Юргинский филиал ФГУП ЦНИИ «Комплекс», 2010. 142 с.
33. Усков И. Ю. Динамика численности русского населения левобережного Причулымья в XVIII – первой половине XIX вв. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 3. С. 91–95. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-3-91-95
34. Быконя Г. Ф. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. 2-е изд., доп. Красноярск: КГПУ, 2013. 347 с. Режим доступа: http://elib.kspu.ru/document/8017 (дата обращения: 15.12.2020).
35. Резун Д. Я. Русские в среднем Причулымье в XVII–XIX вв. (Пробл. соц.-экон. развития малых городов Сибири). Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1984. 196 с.
36. Асочакова В. Н. Христианизация коренных народов Сибири в контексте ясачной политики российского правительства в XVIII – начале XIX вв. // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов: мат-лы VIII Междунар. конф. (Горно-Алтайск, 19–23 сентября 2007 г.) Горно-Алтайск: ГАГУ, 2007. Т. I. С. 138–141.
37. Асочакова В. Н. Проблема межэтнического взаимодействия в ходе христианизации коренного населения Хакасско-Минусинского края: XVIII–XIX века // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 38. С. 92–95.
38. Добжанский В. Н., Ермолаев А. Н. Рисунок Каштакского острога и рудника из «Хорографической чертежной книги» С. У. Ремезова // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 3-2. С. 170–175.
39. Ермолаев А. Н. Уездный Мариинск 1856–1917 гг. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. 741 с.
40. Катионов О. Н. Московско-Сибирский тракт и его жители в XVII–XIX вв. Новосибирск: НГПУ, 2004. 568 с.
41. Скрябина Л. А. К истории Московско-Сибирского почтового тракта на территории современной Кемеровской области // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2018. № 7. С. 53–67.
42. Карманов В. А. Тисуль: страницы прошлого и настоящего Тисульского района. Кемерово: Кн. изд-во, 1983. 93 с.
43. Зеленин Ф. В. Земля Мариинская. Краеведческое пособие. Кемерово: Кемер. обл. ин-т усовершенствования учителей, 1999. 195 с.
44. Беликова О. Б. Средневековая история земли Первомайской // Земля первомайская / отв. ред. Я. А. Яковлев. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. С. 70–93.
45. Копылов С., Лапкин Ф. Город на Кии: к 300-летию Мариинска (поселение Кийска). Кемерово: Кемеровский полиграфкомбинат, 2004. 490 с.
46. Костюнин О. В. История земли Тяжинской. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. Т. 1. 461 с.
47. Вайкутис А. А. Этапы сложного пути: к 90-летию образования Чебулинского района. Верх-Чебула, 2014. 48 с.
48. Костров Н. А. Кизильские татары. Казань, 1853. 38 с.
49. Ярилов А. А. Кизильцы и их хозяйство. Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1899. 366 с.
50. Дульзон А. П. Чулымские тюрки и их язык // Уч. зап. ТГПИ. 1952. Т. 9. С. 76–211.
51. Козьмин Н. Н. Хакасы: Историко-этногр. и хозяйственный очерк Минусинск. края. Иркутск: Секция науч. работников Рабпроса, 1925. 184 с.
52. Потапов Л. П. Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 1957. 307 с.
53. Львова Э. Л. Чулымские тюрки: (историко-этнографические очерки): автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1978. 17 с.
54. Бутанаев В. Я. Происхождение хакасских родов и фамилий. Абакан: УПП «Хакасия», 1994. 94 с.
55. Проблемы происхождения и этнической истории тюркских народов Сибири / под. ред. Н. А. Томилова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1987. 206 с.
56. Томилов Н. А. Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины конца XVI – начала XX в. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1992. 271 с.
57. Томилов Н. А. Русские Нижнего Притомья (конец XIX – первая четверть XX вв.). Омск: Изд-во Омск. пед. ун-та, 2001. 198 с.
58. Грачев И. А. Российская империя и этногенез современных хакасов // Сибирь в контексте русской модели колонизации (XVII – начало XX в.) / отв. ред. Л. Р. Павлинская. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 124–139.
59. Асочакова В. Н. Христианизация хакасов в XVIII веке – 1861 г. (до образования Енисейской епархии). Абакан: [Изд-во Хакасского гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова], 2008. 246 с.
60. Асочакова В. Н. Русская колонизация и хозяйственное развитие Хакасско-Минусинского края // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. 2018. № 25. С. 35–38.

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-20-33

61. Кузьмин О. Ю. Заселение русскими бассейна реки Кия (на примере основания села Чумай Чебулинского района Кемеровской области) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 1. С. 28–35. DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-28-35
62. Ганжина И. М. Словарь современных русских фамилий. М.: Астрель; АСТ, 2001. 672 с.
63. Унбегаун Б. О. Русские фамилии. М.: Прогресс, 1989. 440 с.
64. Чайкина Ю. И. Вологодские фамилии. Вологда: Русь, 1995. 122 с.
65. Жабагин М. К., Сабитов Ж. М., Агджоян А. Т., Юсупов Ю. М., Богунов Ю. В., Лавряшина М. Б., Тажигулова И. М., Акильжанова А. Р., Жумадилов Ж. Ш., Балановский О. П., Балановская Е. В. Генезис крупнейшей родоплеменной группы казахов – аргынов – в контексте популяционной генетики // Вестник Московского университета. Серия 23: Антропология. 2016. № 4. С. 59–68.
66. Ярилов А. А. Мелецкие инородцы. Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1899. XVI+150+LXIV с.
67. Аристов Н. А. Заметки об этническом составе тюркских племён и народностей и сведения об их численности // Живая старина. 1896. Вып. III–IV. С. 277–456.
68. Спасский Г. Телеуты или белые калмыки // Сибирский вестник. СПб., 1821. Ч. 13. С. 7–14.
69. Бояршинова З. Я. Население Западной Сибири до начала русской колонизации. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1960. 151 с.
70. Китинов Б. У. Калмак и ойраты: топоним в религиозной истории народов Центральной Азии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2018. Т. 10. № 3. С. 270–281. DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-3-270-281
71. Екеев Н. В. Об этнонимах «белые и черные калмаки» (к этнической истории алтайцев XVII–XVIII вв.) // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий: мат-лы конф., посв. 40-летию ГАНИИИЯЛ. (Горно-Алтайск, 5–6 мая 1992 г.) Горно-Алтайск: Изд-во ГАН ИИИЯЛ, 1992. С. 114–119.
72. Златкин И. Я. История Джунгарского ханства, 1635–1758. 2-е изд. М.: Наука, 1983. 332 с.
73. Боргояков М. П. О происхождении и распространении хакасских фамилий // Учен. зап. ХакНИИЯЛИ. 1972. Вып. 17. С. 235–241.
74. Ульянова М. В., Лавряшина М. Б., Николаев В. В., Октябрьская И. В., Дружинин В. Г. Коренное население северных районов Алтая: отражение демографических процессов конца XIX – начала XXI века в динамике фамильного состава // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. № 3. С. 128–140.
75. Очерки истории Хакасии (с древнейших времен до современности) / гл. ред. В. Я. Бутанаев. Абакан: Изд-во Хакасского гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2008. 671 с.
76. Конев А. Ю. Коренные народы Северо-Западной Сибири в административной системе Российской империи (XVIII – нач. XX вв.). М.: Координац.-метод. центр прикладной этнографии ИЭИА, 1995. 217 с.
77. Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. Ч. 2: О народах татарского племени и других не решенного еще происхождения Северных Сибирских. СПб.: Императорская Академия наук, 1799. 178 с.
78. Пестов И. С. Записки об Енисейской губернии Восточной Сибири, 1831 года. М.: Унив. тип., 1833. 298 с.
79. Шерстова Л. И. Тюркоязычное население Томской губернии на рубеже XIX–XX вв.: административное устройство и этноконфессиональные процессы // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 369. С. 108–110.
80. Карцов В. Г. Из истории красноярских качинцев и аринцев // Учен. зап. ХакНИИЯЛИ. 1960. Вып. 8. С. 90–91.

BULLETIN
Kemerovo State University
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-20-33

original article

Assimilation of the Chulym Turkic People by the Russians in the First Half of the XIX Century: the case of the Kolmogorov Family from Chumay Village

Oleg Yu. Kuzmin
Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia in Kemerovo, Russia, Kemerovo
ol.kuzmin1975@yandex.ru

Received 24 Dec 2020. Accepted 14 Jan 2021.

Abstract: The article deals with the assimilation of Siberian indigenous peoples by the first Russian settlers in the north of the Kemerovo region. The research was based on the historical and genealogical methods and featured a microhistorical analysis of a particular settlement of the Chulym Turkic people who lived in the Kiya river basin in the first half of the XIX century. The paper introduces the case of the Kolmogorov family of old-timers from the village of Chumay (Chebulinsky municipal district of the Kemerovo region). The author studied memoirs and parish documents to trace the changes in the status of the Kolmogorovs: from representatives of the indigenous peoples who paid a regular tribute in furs (yasak) to peasants. The research also helped to define the borders of the yasak territories and establish the conditions that encouraged the yasak-payers to settle down as peasants. The exposure to peasantry and Russification was a long stage: it took the Kolmogorovs 25 years to enter the peasant community of Chumay village. Moreover, the process was small-scale and random in the period under review.
Keywords: Siberia, Prichulym'e, Russian old-timers, onomatology, genealogy, Russification

Citation: Kuzmin O. Yu. Assimilation of the Chulym Turkic People by the Russians in the First Half of the XIX Century: the case of the Kolmogorov Family from Chumay Village. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(1): 20–33. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-20-33

Conflicting interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

References

1. *Russian old-timers of Siberia: Historical and anthropological essay*, eds. Bunak V. V., Zolotariova I. M. Moscow: Nauka, 1973, 190. (In Russ.)
2. Shchapov A. P. *Works*. St. Petersburg: Izd. M. V. Pirozhkova, 1908, vol. 3, 718. (In Russ.)
3. Shashkov S. S. *Historical sketches*. St. Petersburg: Izd. N. A. Shigina; Tip. A. Morigerovskogo, 1872, vol. 2, 349. (In Russ.)
4. Iadrintsev N. M. *Siberian foreigners, their way of life, and the current state*. St. Petersburg: Izd. I. M. Sibiriakova; Tip. I. N. Skorokhodova, 1891, 308. (In Russ.)
5. Potanin G. N. *The needs of Siberia. Siberian city. Siberia, its current state, and needs*, ed. Melnik I. S. St. Petersburg: Izd. A. F. Devriena, 1908, 260–294. (In Russ.)
6. Kaufman A. A. *Resettlement and colonization*. St. Petersburg: Tip. t-va "Obshchestvennaia polza", 1905, IX+349+81. (In Russ.)
7. Kozmin N. N. On the issue of extinction of non-Slavs. *Sibirskie zapiski (Krasnoyarsk)*, 1916, (2): 99–108. (In Russ.)
8. Bakhrushin S. V. *Scientific works. Vol. 3: Selected works on the history of Siberia XVI–XVII centuries. Pt. 2: The history of the peoples of Siberia in the XVI–XVII centuries*. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1955, 299. (In Russ.)
9. Dolgikh B. O. *Clan and tribal composition of the peoples of Siberia in the XVII century.* Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1960, 622. (In Russ.)
10. Minenko N. A. *North-West Siberia in the XVIII – first half of the XIX century: a historical and ethnographic sketch*. Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-nie, 1975, 308. (In Russ.)
11. Fedorov M. M. *The legal status of the peoples of Eastern Siberia (XVII – early XIX centuries)*. Yakutsk: Kn. izd-vo, 1978, 207. (In Russ.)
12. Dameshek L. M. *Internal policy of tsarism and the peoples of Siberia (XIX – early XX centuries)*. Irkutsk: Izd-vo Irkut. un-ta, 1986, 164. (In Russ.)
13. Dameshek L. M. Integration problems of the indigenous peoples of Siberia into the imperial system of Russia in the XVIII – early XX century. *Siberian society in the context of modernization of the XVIII–XX centuries*: Proc. All-Russian Sci. Conf., Novosibirsk, 22–23 Sep 2003. Novosibirsk: NGU, 2003, 94–105. (In Russ.)

© 2021. The Author(s). This article is distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-20-33

14. Skobelev S. G. *Demography of the indigenous peoples of Siberia in the XVII–XX centuries: fluctuations in numbers and their causes*. Novosibirsk: Novosib. un-t, 1998, 56. (In Russ.)
15. Andiusev B. E. *Siberian regional studies: Agriculture, everyday life, traditions and culture of the long-time residents of Yenisei province of the XIX – early XX centuries*. Krasnoyarsk: KGPU, 2003, 336. (In Russ.)
16. Sherstova L. I. *Turkic peoples and Russians in Southern Siberia: ethnopolitical processes and ethnocultural dynamics of the XVII – early XX centuries*. Novosibirsk: IAET SO RAN, 2005, 312. (In Russ.)
17. Asochakova V. N. Christianization of the indigenous peoples of Siberia in the XVII–XIX centuries: historiography aspect. *Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. F. Katanova*, 2012, (1): 39–43. (In Russ.)
18. Murashko O. A. Old-timers of Kamchatka in the historical-demographic and socio-economic perspective. *Interethnic contacts and the development of national cultures*, ed. Krupnik I. I. Moscow: Uchastok operativnoi poligrafii Instituta istorii SSSR AN SSSR, 1985, 77–88. (In Russ.)
19. Krikh A. A. *Non-ethnic components in the composition of the Russian old-time population of the Middle Irtysh region: XVIII century – 1980s.* Cand. Hist. Sci. Diss. Abstr. Omsk, 2006, 26. (In Russ.)
20. Konev A. Yu. Inclusion of the yasak people in the class of state peasants (based on materials from Western Siberia). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2007, (3): 11–16. (In Russ.)
21. Grigorovskii N. P. Old-time peasants of the Narym region. *Notes of the West Siberian Department of the Imperial Russian Geographic Society*. Omsk, 1879, book 1, 7–8. (In Russ.)
22. Belikov D. N. The *First Russian peasants-inhabitants of the Tomsk region and different features in the conditions of their life and life: General essay for the XVII and XVIII centuries*. Tomsk: Tipo-lit. M. N. Kononova i I. F. Skulimovskogo, 1898, 138. (In Russ.)
23. Boiarshinova Z. Ia. On the formation of the class of state peasants in Siberia (XVIII – first quarter of the XIX centuries). *Issues of Siberia history*, ed. Borodavkin A. P. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1964, iss. 1, 44–55. (In Russ.)
24. Emelianov N. F. Ethnic and numerical composition of the indigenous population of the Tomsk region in the XVII – first half of the XIX centuries. *From the history of Siberia*. Tomsk: Tomsk. un-t, 1976, iss. 19, 90–107. (In Russ.)
25. Emelianov N. F. *Russian colonization of the Middle Ob' in the feudal age*. Tomsk: Izd-vo TGU, 1981, 181. (In Russ.)
26. Skryabina L. A. *Russians of the Tomsk region. Historical and ethnographic essays (XVII – early XX centuries)*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1997, 130. (In Russ.)
27. Kamenetskiy I. P. *Russian population of Kuznetsk province in the XVII – early XVIII centuries: (Life experience in the conditions of the frontier of Southern Siberia)*. Omsk: [Omskii in-t RGTEU], 2005, 338. (In Russ.)
28. Uskov I. Yu. *Formation of the peasant population of the Middle Tomsk region in the XVII – first half of the XIX centuries*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2005, 130. (In Russ.)
29. Goncharova T. A. *History of the Lower Tomsk region in the context of interethnic communication (XVII – early XXI century)*. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2006, 226. (In Russ.)
30. Chursina A. A. *Changing the estate status of service people in Western Siberia and their descendants in the process of economic activity: materials of the Tomsk and Kuznetsk districts*. Cand. Hist. Sci. Diss. Abstr. Tomsk, 2012, 23. (In Russ.)
31. Kimeev V. M. *Siberian natives from Kasminsk. Daily life and culture of Russian old-settlers of Kasminsky volost*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1997, 250. (In Russ.)
32. Kosovets V. I. *Settlement and development of the environs of Yurga and the adjacent territories of the middle Volcano and Ob*. Yurga: Iurginskii filial FGUP TsNII "Kompleks", 2010, 142. (In Russ.)
33. Uskov I. Yu. Dynamics of the number of the Russian population of the Left-bank Prichulym'e in the XVIII – first half of the XIX century. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2017, (3): 91–95. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-3-91-95
34. Bykonia G. F. *Russian settlement of the Yenisei region in the XVIII century*, 2nd ed. Krasnoyarsk: KGPU, 2013. 347. Available at: http://elib.kspu.ru/document/8017 (accessed 15 Dec 2020). (In Russ.)
35. Rezun D. Ia. *Russians on average Prichulymye in the XVII–XIX centuries. (Problems of social and economic development of small towns in Siberia)*. Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-nie, 1984, 196. (In Russ.)
36. Asochakova V. N. Christianization of the indigenous peoples of Siberia in the context of the yasak policy of the Russian government in the XVIII – early XIX centuries. *Natural conditions, history, and culture of Western Mongolia and adjacent regions*: Proc. VIII Intern. Conf., Gorno-Altaisk, 19–23 Sep 2007. Gorno-Altaisk: GAGU, 2007, vol. I, 138–141. (In Russ.)
37. Asochakova V. N. The problem of interethnic interaction during the Christianization of the indigenous population of the Khakass-Minusinsk Territory: XVIII–XIX centuries. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2009, (38): 92–95. (In Russ.)
38. Dobzhansky V. N., Ermolaev A. N. The figure of Kashtaksky jail and mine from "Chorografic drawings book" by S. U. Remezov. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, (3-2): 170–175. (In Russ.)

BULLETIN
Kemerovo State University
https://vestnik.kemsu.ru
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-20-33

39. Ermolaev A. N. *The Province of Mariinsk 1856–1917*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2008, 741. (In Russ.)
40. Kationov O. N. *The Moscow-Siberian tract and its inhabitants in the XVII–XIX centuries*. Novosibirsk: NGPU, 2004, 568. (In Russ.)
41. Skryabina L. A. On the history of the Moscow-Siberian postal tract in the territory of modern Kemerovo region. *Uchenye zapiski muzeia-zapovednika "Tomskaia Pisanitsa"*, 2018, (7): 53–67. (In Russ.)
42. Karmanov V. A. *Tisul: pages of the past and present of the Tisul region*. Kemerovo: Kn. izd-vo, 1983, 93. (In Russ.)
43. Zelenin F. V. *Mariinsky land. Local history manual*. Kemerovo: Kemer. obl. in-t usovershenstvovaniia uchitelei, 1999, 195. (In Russ.)
44. Belikova O. B. Medieval history of the Pervomaiskaya land. *Pervomaiskaya land,* ed. Iakovlev Ia. A. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2001, 70–93. (In Russ.)
45. Kopylov S., Lapkin F. *City on Kii: to the 300th anniversary of Mariinsk (Kiisk settlement)*. Kemerovo: Kemerovskii poligrafkombinat, 2004, 490. (In Russ.)
46. Kostiunin O. V. *History of Tyazhinskaya land*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2008, vol. 1, 461. (In Russ.)
47. Vaikutis A. A. *Stages of a difficult path: to the 90th anniversary of the formation of the Chebulinsky region*. Verkh-Chebula, 2014, 48. (In Russ.)
48. Kostrov N. A. *Kizilsky Tatars*. Kazan, 1853, 38. (In Russ.)
49. Iarilov A. A. *Kizilians and their economy*. Yuriev: Tip. K. Mattisena, 1899, 366. (In Russ.)
50. Dulson A. P. Chulym Turkic peoples and their language. *Uch. zap. TGPI*, 1952, 9: 76–211. (In Russ.)
51. Kozmin N. N. *Khakasy: historical, ethnographic and economic sketch of the Minusinsk territory*. Irkutsk: Sektsiia nauch. rabotnikov Rabprosa, 1925, 184. (In Russ.)
52. Potapov L. P. *Origin and formation of the Khakass people*. Abakan: Khakas. kn. izd-vo, 1957, 307. (In Russ.)
53. Lvova E. L. *Chulym Turks: (historical and ethnographic essays)*. Cand. Hist. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 1978, 17. (In Russ.)
54. Butanaev V. Ya. *The origin of the Khakass tribes and families*. Abakan: UPP "Khakasiia", 1994, 94. (In Russ.)
55. *Problems of the origin and ethnic history of the Turkic peoples of Siberia,* ed. Tomilov N. A. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1987, 206. (In Russ.)
56. Tomilov N. A. *Ethnic history of the Turkic-speaking population of the West Siberian Plain in the late XVI – early XX centuries.* Novosibirsk: Izd-vo Novosib. un-ta, 1992, 271. (In Russ.)
57. Tomilov N. A. *Russians of the Lower Tomsk Region (late XIX – first quarter of the XX centuries)*. Omsk: Izd-vo Omsk. ped. un-ta, 2001, 198. (In Russ.)
58. Grachev I. A. Russian Empire and ethnogenesis of modern Khakass. *Siberia in the context of the Russian model of colonization (XVII – early XX century)*, ed. Pavlinskaya L. R. St. Petersburg: MAE RAN, 2014, 124–139. (In Russ.)
59. Asochakova V. N. *Christianization of the Khakass in the XVIII century – 1861 (before the formation of the Yenisei diocese)*. Abakan: [Izd-vo Khakasskogo gos. un-ta im. N. F. Katanova], 2008, 246. (In Russ.)
60. Asochakova V. N. Russian colonization and economic development of the Khakass-Minusinsk Region. *Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. F. Katanova*, 2018, (25): 35–38. (In Russ.)
61. Kuzmin O. Yu. Settlement of the Kiya river basin by the Russians: case study of the foundation of the village of Chumay in the Chebulinsky district of Kemerovo region. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(1): 28–35. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-28-35
62. Ganzhina I. M. *Dictionary of modern Russian surnames*. Moscow: Astrel; AST, 2001, 672. (In Russ.)
63. Unbegaun B. O. *Russian surnames*. Moscow: Progress, 1989, 440. (In Russ.)
64. Chaikina Iu. I. *Vologda surnames*. Vologda: Rus, 1995, 122. (In Russ.)
65. Zhabagin M. K., Sabitov Zh. M., Agdzhoyan A. T., Yusupov Yu. M., Bogunov Yu. V., Lavryashina M. B., Tazhigulova I. M., Akilzhanova A. R., Zhumadilov Zh. Sh., Balanovsky O. P., Balanovska E. V. Genesis of the largest tribal-clan group of Kazakhs – Argyns – in the context of population genetics. *Moscow University Anthropology Bulletin*, 2016, (4): 59–68. (In Russ.)
66. Iarilov A. A. *The Mielec non-Slavs*. Yuriev: Tip. K. Mattisena, 1899, XVI+150+LXIV. (In Russ.)
67. Aristov N. A. Notes on the ethnic composition of the Turkic tribes and peoples and information on their numbers. *Zhivaia starina*, 1896, iss. III–IV, 277–456. (In Russ.)
68. Spasskii G. Teleuts or white Kalmyks. *Siberian Bulletin*. St. Petersburg, 1821, pt. 13, 7–14. (In Russ.)
69. Boiarshinova Z. Ia. *The population of Western Siberia before the Russian colonization*. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1960, 151. (In Russ.)
70. Kitinov B. U. Kalmak and Oirats: toponym in the religious history of the peoples of Central Asia. *RUDN Journal of World History,* 2018, 10(3): 270–281. (In Russ.) DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-3-270-281

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-20-33

71. Ekeev N. V. Ethnonyms "white and black Kalmaks" (ethnic history of the Altai in the XVII–XVIII centuries). *Problems of studying the history and culture of Altai and adjacent territories*: Proc. Conf. dedicated to the 40th anniversary of the Gorno-Altai scientific research institute of history, language, and literature, Gorno-Altaisk, 5–6 May 1992. Gorno-Altaisk: Izd-vo GAN IIIIaiL, 1992, 114–119. (In Russ.)
72. Zlatkin I. Ia. *History of the Dzungar Khanate, 1635–1758*, 2nd ed. Moscow: Nauka, 1983, 332. (In Russ.)
73. Borgoiakov M. P. Origin and distribution of Khakass surnames. *Uchen. zap. XakNIIIaLI*, 1972, iss. 17, 235–241. (In Russ.)
74. Ulyanova M. V., Lavryashina M. B., Nikolaev V. V., Oktyabrskaya I. V., Druzhinin V. G. Native populations of the northern Altai: demographic processes of the late XIX – early XXI century as reflected in surname dynamics. *Arkheologiia, etnografiia i antropologiia Evrazii*, 2014, (3): 128–140. (In Russ.)
75. *Essays on the history of Khakassia (from ancient times to the present)*, ed. Butanaev V. Ya. Abakan: Izd-vo Khakasskogo gos. un-ta im. N. F. Katanova, 2008, 671. (In Russ.)
76. Konev A. Yu. *Indigenous peoples of North-West Siberia in the administrative system of the Russian Empire (XVIII – early XX centuries)*. Moscow: Koordinats.-metod. tsentr prikladnoi etnografii IEIA, 1995, 217. (In Russ.)
77. Georgi J. G. *Description of all peoples living in the Russian state: their everyday rites, customs, clothes, dwellings, exercises, amusements, religions and other memorials. Pt. 2: About the peoples of the Tatar tribe and other not yet decided origin of the Northern Siberian*. St. Petersburg: Imperatorskaia Akademiia nauk, 1799, 178. (In Russ.)
78. Pestov I. S. *Notes on the Yenisei province of Eastern Siberia, 1831*. Moscow: Univ. tip., 1833, 298. (In Russ.)
79. Sherstova L. I. Turkic inhabitants of Tomsk province at the turn of 19 and 20 centuries: administrative structure, ethnic and religious processes. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, (369): 108–110. (In Russ.)
80. Kartsov V. G. From the history of the Kachins and the Arintsians from Krasnoyarsk region. *Uchen. zap. XakNIIIaLI*, 1960, iss. 8, 90–91. (In Russ.)

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/ 2078-8975-2021-23-1-34-43

оригинальная статья
УДК 93/94

Трансформация общественного и семейного статуса дагестанки в 1920-е гг.

Мирзабек Яхьяевич Мирзабеков
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Россия, г. Махачкала
yash831@mail.ru
https://publons.com/researcher/1939248/mirzaek-i-mirzabekov/

Поступила в редакцию 15.11.2020. Принята к печати 25.12.2020.

Аннотация: Развитие современного Российского государства по пути построения демократического правового общества предполагает анализ и использование позитивного исторического опыта предшествующих десятилетий. Особый интерес представляет изучение изменения статуса женщины в первые десятилетия советской власти в национальных районах страны, где данные процессы имели свои региональные особенности. Цель – показать деятельность властных структур и общественных формирований Дагестана по изменению общественного и семейного статуса дагестанки в 1920-е гг. на основе принципа историзма с использованием сравнительно-исторического, статистического, системного и описательного методов, проведенного комплексного анализа достоверного фактического материала, значительная часть которого впервые вводится в научный оборот, результатов наработок отечественных и зарубежных историков, затрагивающих в своих трудах данную научно-исследовательскую проблему. Сделан вывод, что развернувшаяся в рассматриваемое десятилетие работа органов власти и общественных формирований многонационального региона была направлена на экономические, политические и социально-культурные преобразования и изменения и привела к определенным позитивным изменениям и результатам в общественно-политическом и семейном положении дагестанки. Однако к концу 1920-х гг. в этом контексте сохранялись немалые трудности и нерешенные проблемы. Значительная часть женской половины дагестанского общества продолжала оставаться под существенным влияниям мусульманского духовенства, консервативно настроенной части мужского населения и следовала традиционным нормам и адатам, особенно в семейно-брачной сфере.

Ключевые слова: Дагестан, органы власти, общественно-политическая жизнь, семейно-бытовая сфера, равноправие, традиционное общество, образовательный уровень

Цитирование: Мирзабеков М. Я. Трансформация общественного и семейного статуса дагестанки в 1920-е гг. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 1. С. 34–43. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-34-43

Введение

В современный период усиление интереса к женской тематике в исторической науке обусловлено необходимостью обеспечения ее равноправия в экономической, общественно-политической, социально-культурной, семейно-бытовой и иных сферах жизнедеятельности. Это привело к появлению в исторической науке направления, изучающего роль женщины в истории. Начало полномасштабному и всестороннему исследованию женской истории в России положили труды Н. Л. Пушкаревой [1–3]. В региональной историографии общественное и семейное положение женщины в традиционном обществе с привлечением архивного и этнографического материала рассмотрено в трудах С. Ш. Гаджиевой [4–7], Г. А. Сергеевой [8], Б. Р. Рагимовой [9], М. Б. Гимбатовой [10] и др.

В работе С. Ш. Гаджиевой и А. Г. Мелешко [5], а также в монографии историка-исследователя А. И. Гасановой [11] затронуты вопросы вовлечения дагестанки в общественно-политическую жизнь, изменения ее положения в семейно-бытовой сфере в послеоктябрьский период. Они преимущественно носят очерковый характер. Им не хватает глубины анализа, мероприятия советской власти в условиях идеологического диктата рассмотрены исключительно в позитивном плане. Следует отметить, что в отмеченных исследованиях 1920-м гг. уделено недостаточное внимание. Отдельные данные по данной проблеме встречаются в работах Г. Ш. Каймаразова [12, с. 285–289;13, с. 140–152], А. Д. Даниялова [14, с. 182–202], Б. Б. Булатова [15, с. 212–216], М. Я. Мирзабекова [16, с. 127–136].

Данная проблематика на материалах многонационального Российского государства нашла определенное отражение и в западной историографии [17; 18]. В работах зарубежных авторов рассмотрены проблемы гендерной истории в послеоктябрьский период на материалах центральных и некоторых региональных архивов. Однако проблема вовлечения мусульманок в экономику, общественно-политическую, социально-культурную и иные

© 2021. Авторы. Статья распространяется на условиях международной лицензии CC BY 4.0

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-34-43

сферы жизнедеятельности не нашла в этих исследованиях должного отражения.

В статье на примере многонационального региона нами предпринята попытка восполнить этот пробел, опираясь на фактический материал дагестанских архивов и другие источники, на примере одного из сложных и переломных периодов развития страны, а именно 1920-х гг., рассмотреть деятельность органов власти по изменению общественно-политического и семейного статуса дагестанки в сравнительном контексте с дореволюционным временем, показать достижения и просчеты в этой социально значимой работе к концу первого десятилетия советской власти.

Методы и материалы. Статья основывается на принципах научности, историзма, системности, используются количественный и сравнительно-исторический методы, которые позволили воссоздать полноценную картину интересующей нас темы.

Развитие общественно-политической активности дагестанок

Октябрьская революция и приход к власти новых политических сил, принципиально отличные преобразования и изменения в экономическом, политическом и социально-культурном развитии обеспечили возможности к созданию и реализации нормативно-правовой базы равноправного участия женщин в общественно-политической, культурной, семейно-бытовой и иных сферах жизни страны. Новой властью был принят ряд документов, направленных на обеспечение равноправия женщин с мужчинами. 16 декабря 1917 г. был опубликован декрет СНК «О расторжении брака», который ликвидировал привилегированное положение мужчин при расторжении брака[1]. 18 декабря 1917 г. был издан декрет ВЦИК и СНК «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния», в котором указывалось, что Российская Республика впредь признает лишь гражданские браки, а церковный брак наряду с обязательным гражданским объявлялся частным делом вступающих в брак[2]. Эти декреты советской власти имели большое значение для улучшения положения женщины, повышения политической и производственной активности, обеспечения ее равенства с мужчиной в семейно-брачной сфере.

В новых условиях важным инструментом организации и развертывания работы среди женской половины дагестанского общества, как и в других мусульманских регионах страны, явились женские отделы при обкоме, городских, окружных, районных комитетах партии. Работа областного отдела сначала велась только в Темир-Хан-Шуре. К ноябрю 1920 г. женские отделы были созданы при горкомах и окружных комитетах партии в Дербенте, Петровске, Темир-Хан-Шуре, Хасавюрте, Кумухе и Гунибе [5, с. 29–30]. Работа по созданию женотделов в республике продолжалась до конца 1924 г. и завершилась организацией такого отдела в Кайтаго-Табасаранском округе в октябре 1924 г. [11, с. 32].

Несмотря на усилия властных структур республики, в первые годы советской власти работой женотделов охватывалась незначительная часть женской половины населения, особенно в сельской местности. Сказывалась высокая религиозность населения, преобладание патриархально-феодальных норм и адатов среди горцев, острая нехватка культурных сил, способных вовлечь женщин в общественно-политическую и культурную жизнь, развернуть практическую работу по разъяснению их прав в семейно-бытовой сфере в новых условиях.

На первых порах острая нехватка подготовленных кадров из числа представительниц дагестанских народов, хорошо знакомых с местными обычаями и традициями, вынуждала властные структуры республики привлекать к работе женотделов русских, что негативно отражалось на эффективности работы органов власти по изменению общественно-политического и семейного статуса дагестанки. Другими факторами, негативно влияющими на развертывание массово-разъяснительной работы среди дагестанок, являлись низкий образовательный уровень, высокая религиозность, подверженность традициям и обычаям.

Значительную роль в вовлечении женщин в общественно-политическую жизнь Дагестана сыграли съезды женщин-горянок. Первый республиканский съезд женщин-горянок состоялся 25 мая 1921 г. в Темир-Хан-Шуре. На нем присутствовало 70 делегаток от 6 округов и 2 городов республики, были представлены женщины почти всех национальностей Дагестана. На съезде были заслушаны доклады: Что дала советская власть женщине-мусульманке; Охрана материнства и младенчества; Профсоюзы и роль женщины в них; Значение съезда женщин Востока. В заключение съезд избрал 12 делегаток на Всероссийский съезд женщин Востока, который был намечен на 20 июня 1921 г. [5, с. 31–32]. Разруха и голод в стране не позволили его провести.

В 1922–1925 гг. были проведены еще три съезда горянок Дагестана, которые оказали позитивное влияние на пробуждение политического самосознания женщин, усиление их активности в хозяйственном и культурном строительстве республики. Однако трудности хозяйственного строительства не позволяли подкрепить принятые на съездах горянок решения достаточными финансово-материальными ресурсами, что негативно сказывалось на их реализации.

В первое десятилетие советской власти важной формой вовлечения женской половины дагестанского общества

[1] О расторжении брака. Декрет СНК от 16 декабря 1917 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. Сб. важнейших декретов 1917–1918 гг. М.: СУ РСФСР, 1919. С. 150.

[2] О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния. Декрет ВЦИК и СНК от 18 декабря 1917 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства … С. 161–163.

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-34-43

в общественно-политическую жизнь республики явились делегатские собрания и непосредственно делегатки, которые осуществляли общественный контроль и оказывали практическую помощь в улучшении деятельности учреждений народного образования, здравоохранения, кооперативных и иных учреждений и организаций. Делегатки выбирались на собраниях работниц трудовых коллективов.

Первые делегатские собрания в Дагестане начали созываться в 1921 г. Начало этой работе было положено в Петровске. Здесь делегатские собрания проводились ежемесячно по пятницам. Городской женотдел привлекал женщин к участию в советском строительстве, контролю, обследованию различных детских учреждений и улучшению их деятельности. Делегатки были привлечены к сбору на вокзале и устройству беспризорников в детские дома[3]. К концу 1921 г. выборы делегаток были проведены на всех предприятиях и во всех учреждениях города.

К концу 1923 г. в республике, преимущественно в городах, насчитывалось 500 делегаток. Среди них женотделами были проведены беседы по вопросам правовой защиты интересов горянок и участия их в советском строительстве, а также о просвещении, о задачах женотделов и т. д. За год было проведено 6 конференций женщин-горянок среди работниц различных предприятий и учреждений республики[4]. Постепенно усилиями властных структур, которые развернули активную разъяснительную работу среди горянок, делегатский актив начал формироваться в округах и районах республики. Делегатки прикреплялись к школам, больницам, детским учреждениям. Они осуществляли общественный контроль и оказывали помощь этим учреждениям, организовывали субботники и другие мероприятия. Через делегаток проводилась работа и по ликвидации неграмотности среди женщин [5, с. 36].

Другой формой пробуждения политической активности горянок, вовлечения их в общественно-политическую и культурную жизнь городов, округов и районов явились женские беспартийные конференции. Так, 20 мая 1921 г. состоялась 3-я беспартийная конференция женщин г. Петровск, в которой приняли участие 75 женщин. На конференции с докладом о женщинах Востока выступила Тату Булач. Участницы конференции заслушали доклады о работе среди женщин швейной промышленности, фабрики им. III Интернационала, водного транспорта, связи, завода «Рыбак», среди советских работников, пищевиков и др. [11, с. 31–32].

В первые годы советской власти проведение аналогичных конференций в округах встречало со стороны патриархально настроенной части мужской половины населения непонимание и противодействие. Тем не менее усилиями властных структур и общественных формирований беспартийные женские конференции в 1924 г. прошли в Кюринском, Андийском, Даргинском и других округах [19, с. 442]. Общее количество делегаток-горянок в республике в 1924 г. составило 369 человек[5]. В 1925 г. их количество в Дагестане возросло и составило 531 женщину, из которых 188 были кумычками, 103 – аварками, 100 – ногайками, 98 – лезгинками, 21 – еврейками, 21 – даргинками и лачками[6].

Важным показателем эмансипации горянок Дагестана явилось их вовлечение в деятельность Советов и других властных структур, вступление в коммунистическую партию, комсомол и другие общественные формирования. В первые годы становления новых общественных отношений их роль в Советах депутатов трудящихся и общественных формированиях была незначительной, не оказывала практического влияния на их деятельность. В 1922 г. в состав сельских Советов республики было избрано 9 женщин, в 1923 г. – 16, в 1924 г. – 191, в 1925 г. – 1004. В состав четырех городских Советов Дагестана в 1922 г. была избрана 31 женщина, в 1923 г. – 29, в 1924 г. – 69, а в 1925 г. – 76[7].

Не лучше обстояло дело с вступлением женщин-горянок в коммунистическую партию, комсомол, профсоюзы и другие общественные формирования. В 1923 г. в Дагестанской областной партийной организации насчитывалось 49 женщин (4,6 % к общему числу коммунистов)[8]. В 1924 г. в республике имелось 130 женщин-комсомолок (7,5 % от общего числа)[9]. К сожалению, из-за отсутствия в те годы соответствующего учета невозможно определить число женщин-горянок в составе партийной и комсомольской организаций Дагестана. В 1924 г. в профсоюзных организациях региона состояло 1378 работников, из них 35 – дагестанки[10].

Ситуация начала меняться с середины 1920-х гг., когда партийно-государственное руководство страны во главе с И. В. Сталиным взяло курс на форсированное строительство социализма. На этом этапе была развернута целенаправленная агитационно-пропагандистская и разъяснительная работа о необходимости и важности

[3] Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 703. Л. 29.

[4] Кулакова М. О работе среди женщин // Красный Дагестан. 07.03.1924.

[5] ЦГА РД. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 980. Л. 62.

[6] Там же.

[7] 10 лет автономии ДАССР. Материалы к отчету правительства ДАССР о состоянии советского, хозяйственного и культурного строительства к десятилетию автономии Дагестана (1921–1931). Махачкала: Дагкнигоиздат, 1931. С. 14.

[8] Дагестанская областная организация КПСС. Стат. справочник / сост. Р. И. Джамбулатова, В. Г. Иванцов. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1988. С. 40.

[9] Дагестанская областная организация ВЛКСМ. 1920–1987 гг. Стат. сборник / сост. Р. И. Джамбулатова, Г. И. Какагасанов, В. Г. Иванцов. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1988. С. 40.

[10] ЦГА РД. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 703. Л. 16.

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-34-43

усиления роли женщины в производственной, общественно-политической, социально-культурной и иных сферах жизни многонациональной страны. Позитивное воздействие на этот процесс оказывал и наметившийся рост образовательного уровня женской половины общества, в том числе в мусульманских регионах страны.

В этот период властные структуры Дагестана широко стали применять административный нажим, судебное преследование членов семьи и других лиц мужской половины дагестанского общества, препятствующих равноправному участию дагестанок в общественно-политической жизни городов и сельских населенных пунктов. Так, 16 ноября 1928 г. газета «Красный Дагестан» выступила с разоблачением неблаговидных действий председателя Даггостраха Д. Апаева, который запрещал своей жене Патимат участвовать в общественной работе. Статья получила широкую огласку в республике, обсуждалась на партийных и делегатских собраниях, носители старых традиций подверглись осуждению.

Во второй половине 1920-х гг. факты ущемления прав дагестанок в общественно-политической, культурной и семейно-бытовой сферах начали рассматриваться в народных судах. В 1929–1930 гг. в среднем на каждый из 31 народного суда Дагестана за полугодие приходилось до 20 дел, связанных с преступлениями в семейно-бытовой сфере[11].

Параллельно с этим властные структуры Дагестана начали активно использовать такие меры административного нажима и преследования, как лишение избирательных прав, раскулачивание за отказ от участия в выборах и в деятельности Советов депутатов трудящихся разного уровня. Вместе с тем определенное влияние на повышение общественно-политической активности городского и сельского населения республики, в том числе его женской половины, оказывали и позитивные изменения, наметившиеся в образовательном уровне. В 1924 г. в выборах в городах участвовало 51,9 % избирателей, а в сельской местности республики – 30,3 %. В 1926 г. эти цифры возросли и соответственно равнялись 56,9 % и 50 %[12]. В перевыборах городских Советов 1924 г. участвовало 32,8 % женщин, а в 1926 г. – 51,7 %. В сельской местности региона эти цифры составили 2,6 % и 32,5 % соответственно[13]. Усилиями органов власти и общественных формирований во второй половине 1920-х гг. избирательная активность населения республики еще более повысилась.

Наблюдалось и увеличение представительства женщин в составе Советов депутатов трудящихся. Так, в состав сельских Советов Дагестана в 1926 г. было избрано 1004 женщины, тогда как в 1924 г. – 191[14]. В целом женщин в составе сельсоветов, горсоветов, районных исполкомов и ДагЦИК в 1924 г. насчитывалось 886 (4,9 %), а в 1930/1931 бюджетном году – 2759 (16,3 %)[15].

При местных Советах были созданы секции здравоохранения, благоустройства, местного хозяйства. Секция местного хозяйства Дербентского горсовета 30 декабря 1926 г. заслушала доклад о состоянии и о воде, находящейся в Дугалганской канаве, и приняла решение о необходимости обеспечить чистоту водопроводных линий. Секция просила лесхоз отпустить Водосвету средства, необходимые для освещения Еврейской слободки. В этой работе деятельное участие принимали и женщины-депутаты.

На II Вседагестанском съезде Советов депутатов трудящихся (декабрь 1922 г.) две дагестанки – Хадижат Нахибашева и Шагум Омарова-Чохская – были избраны членами ДагЦИК. В 1925 г. V Вседагестанский съезд Советов избрал Сапият Шапиеву первой делегаткой на Всероссийский съезд Советов. Однако этими результатами не приходилось обольщаться. О достижении равноправного участия женщин республики в деятельности Советов разного уровня к концу анализируемого периода не приходилось говорить. Нередки были случаи и зверской расправы с ними. Так, в середине 1920-х гг. в Даргинском округе в селении Уллучара (ныне Акушинского района) председатель сельского Совета Салихат Юсупова за отказ уйти с этой должности была убита мужем, который нанес ей до 30 ножевых ран [5, с. 43–44].

Рассматривая участие женщин многонационального региона, в том числе дагестанок, в деятельности партийных, комсомольских организаций городов и районов республики, следует отметить, что к концу анализируемого десятилетия в дагестанском обществе усиливалось осознание необходимости и важности их активного и равноправного участия в деятельности общественных формирований. Такое участие способствовало и карьерному росту дагестанок, что помимо престижности сопровождалось и улучшением материального благосостояния их семей.

У. Багаева в 1920-е гг. активно участвовала в деятельности комитета общественной взаимопомощи, избиралась в состав сельского Совета, вступила в коммунистическую партию. Была направлена на курсы по подготовке женских работников. В последующем она была выдвинута на должность инструктора обкома партии. Работала заведующей женским отделом Махачкалинского горкома партии. В 1936 г. она окончила Московский институт рыбной промышленности, была назначена заместителем директора крупного промышленного предприятия

[11] 10 лет автономии ДАССР… С. 20.

[12] Там же. С. 19, 31.

[13] Перевыборы Советов в Дагестанской АССР. Итоги избирательной кампании 1926 г. сравнительно с 1924–1925 г. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1926. С. 19, 31.

[14] Там же. С. 35.

[15] ЦГА РД. Ф. Р-37. Оп. 19. Д. 8. Л. 48–49.

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-34-43

республики[16]. Однако таких фактов и примеров активного участия дагестанок в партийных и комсомольских организациях республики было мало. В основной массе они в силу низкого образовательного уровня, подверженности традициям и обычаям местных этносов не проявляли особого политического рвения и выступали исполнителями указаний и распоряжений своих мужей и других авторитетных старших представителей семьи и тухума.

Семейно-бытовая сфера, шариатские и народные суды

Важным аспектом гендерных отношений является взаимоотношение мужчин и женщин в семейно-бытовой сфере. Как отмечала профессор С. Ш. Гаджиева: «В семье всех типов бытовали патриархальные принципы: господство мужчины над женщиной, подчинение младших старшим, почти неограниченная власть отца над домочадцами и т. п. Одной из характерных черт семейного быта являлось строгое соблюдение половозрастного разделения и кооперации труда, в соответствии с которыми во всех районах на плечи женщин ложились многочисленные обязанности по дому, а во многих – и вне дома. Этническая пестрота, особенности социально-экономического развития разных народов и сельских обществ, специфические культурные факторы способствовали сохранению у них своеобразия семейно-бытовых форм, в которых отражались не только прогрессивные народные традиции, но и негативные пережитки прошлого» [4, с. 345–346].

В новых условиях основополагающими факторами внесения изменений в семейный уклад народов Дагестана являлись раскрепощение дагестанки, рост ее производственной, общественно-политической и культурной активности. Целенаправленную работу в этом направлении развернули женотделы, созданные в первые годы советской власти, которые при поддержке властных структур республики учили дагестанок отстаивать свои права в семейно-брачной сфере, вели активную работу по искоренению фактов ущемления имущественных и иных прав в семье, в равноправном участии в общественно-политической жизни села и города.

Органам власти Дагестана, особенно в первые годы советской власти, приходилось идти на серьезные уступки, учитывать своеобразие и особенности многонационального региона, проявлять гибкость и осторожность при реализации различных нормативно-правовых актов и иных правовых установлений. Так, исходя из положений Гражданского кодекса РСФСР решением ДагЦИК и СНК республики от 7 мая 1923 г. предусматривался отказ от положений шариата, регулировавших вопросы наследования имущества. Однако, учитывая высокую религиозность населения и иные особенности региона, было определено, что «мусульманское население Дагестана в течение тысячелетия при разделе наследства и в завещаниях руководствовалось писаным законом мусульман – шариатом и обычаем – адатом. Дабы не вводить коренную ломку в установившийся веками правопорядок у народа, временно до особого рассмотрения этого вопроса на Вседагестанском съезде Советов, оставить в силе ныне действующий среди мусульманского населения Дагестанской республики порядок наследования и завещания по шариату и адату»[17].

В силу этих обстоятельств властные структуры Дагестана вынуждены были сохранить автономные шариатские суды в республике, которым были «подсудны уголовные дела и споры об имущественных и личных правах и интересах мусульман за исключением: 1) дел, подсудных революционным трибуналам; 2) дел, по которым обе или одна из сторон не согласны судиться в шариатском суде и по-новому, подлежащих рассмотрению в народном суде, и 3) дел о подделке денежных знаков и официальных документов, также подлежащих передаче в революционные трибуналы и народные суды по подсудности»[18].

Параллельно с шариатскими судами в республике были созданы народные суды. Первые народные суды в Дагестане стали функционировать в городах Махачкала (Петровск, который декретом ВЦИК от 10 июля 1922 г. был переименован в г. Махачкала), Дербент и Буйнакск, Аварском и Андийском округах в июле 1920 г. В 1923 г. уже существовало 17 народных судов, 19 следственных участков. Существование народных судов в республике было определено «Положением о судах в Дагестане», утвержденным Дагестанским ревкомом 21 июня 1920 г. Этим Положением было установлено, что «в Дагестане, как и везде в пределах РСФСР, действует единый народный суд».

Затруднения в расширении сети народных судов объяснялись тем, что этому шариатскому суду было представлено право судить исключительно мусульман, как потерпевших, так и совершивших преступление. Являлось характерным требование шариатского суда, если преступником будет мусульманин, а потерпевшим – европеец, то все равно должен судиться шариатским судом. Ввиду чего народные суды принимали в свое производство дела исключительно русских граждан.

Наркомат юстиции РСФСР, обеспокоенный положением дел с организацией советских судов в Дагестане, 26 февраля 1921 г. обратился за разъяснением. Наркомат юстиции Дагестана 21 марта того же года сообщил, что «народные суды существуют только в 3-х городах республики, по одному в каждом из них для мусульманского населения, а на всей остальной территории республики действуют суды шариатские – для мусульман. Но так как в городах

[16] Багаева У. Я инженер // Дагестанская правда. 08.03.1937.

[17] ЦГА РД. Ф. Р-566. Оп. 3. Д. 1. Л. 45.

[18] ЦГА РД. Ф. Р-37. Оп. 19. Д. 66. Л. 43.

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-34-43

население смешанное, в каждом из них существует также и шариатский суд для мусульман» [20, с. 82].

Несмотря на декларирование автономности шариатских судов, властные структуры республики все активнее вмешивались в их деятельность, ограничивая их права и правомочность при регистрации религиозных браков. Так, решение НКВД ДАССР от 21 июня 1921 г. определило, что «В развитие ст. 66 Кодекса законов об актах гражданского состояния, Наркомвнудел предписывает всем служителям религиозных культов в пределах городов ДАССР не совершать религиозных браков прежде, чем такой брак не будет зарегистрирован в соответствующем отделе актов гражданского состояния. Всякое уклонение от исполнения сего обязательного постановления будет рассматриваться как подрыв основных законов советской власти Дагестана и караться по всем строгостям революционных законов»[19].

С первых же шагов работы шариатских судов в республике проявилось несоответствие их решений по уголовным делам целям и задачам строительства нового общества. Как сообщал Нарком юстиции республики А. Далгат в письме на имя председателя Дагестанского ревкома от 11 мая 1921 г.: «Шариатские суды выносят приговоры о выдаче убийц родственникам убитого для убиения, а также обрубания рук ворам. Есть случаи, когда смертный приговор шариатского суда должен быть приведен в исполнение через три года, так как сын убитого малолетний и не в состоянии убить своего кровника. Таким образом, приговоренный к смерти должен ждать 3 года своей казни. Причем в случае примирения родственников убитого убийца освобождался от всякого наказания. Подобные нелепые приговоры недопустимы в социалистической республике и считаю необходимым издать Дагревкому декрет, чтобы шариатские суды смертную казнь убийцам и членовредительство ворам заменили при вынесении приговоров тюремным заключением на определенный срок»[20].

Учитывая эти факты и усиление размаха уголовной преступности, приказом ревкома Дагестана от 26 октября 1921 г. все уголовные дела были изъяты из ведения шариатских судов[21]. Однако нарушения норм нового уголовного законодательства в брачно-семейной сфере в силу непонимания их сути и низкого образовательного и профессионального уровня работников окружного и сельского уровня были нередки в практике их работы. Так, вопиющий факт произошел в сентябре 1923 г. в Андийском округе. Здесь по распоряжению председателя окружного исполкома сельские Советы депутатов трудящихся обязывались насильственно выдавать вдов и девушек замуж. За отказ выйти замуж по такому указанию женщины подвергались аресту. Организаторы этой аморальной акции объясняли ее тем, что они хотели таким путем вести в округе борьбу с проституцией[22].

Такие нарушения прав и свобод дагестанок встречали негативную оценку и соответствующие оргвыводы со стороны республиканского руководства. Оно понимало, что необходимо наряду с активной разъяснительной работой среди населения усилить меры административного воздействия и уголовного преследования к нарушителям прав горянок в семейно-брачной сфере. СНК республики обратилось в соответствующие органы власти РСФСР с предложениями о дополнении статей Уголовного Кодекса РСФСР статьями, учитывающими местные условия.

Президиум ДагЦИК 3 мая 1925 г. принял постановление «О дополнении Уголовного Кодекса РСФСР». Это, как отмечалось в документе, имело целью усиление «борьбы с бытовыми преступлениями, нарушающими мирную жизнь трудящихся Дагестана и в корне подрывающими их хозяйство». Предлагалось ввести главу IX Уголовного Кодекса РСФСР, предусматривающую «бытовые преступления, наказуемые на территории автономной Дагестанской АССР». Статьи этой главы, по мнению ДагЦИК, должны были предусмотреть наказание на разные сроки за совершение следующих преступлений:

a) похищение женщины для вступления в брак против ее воли;
b) принуждение женщины, достигшей брачного возраста, к вступлению в брак против ее воли со стороны ее родителей, опекунов или родственников;
c) вступление в брак лицом, не достигшим половой зрелости, или принуждение к заключению такого брака со стороны родителей, опекунов или родственников;
d) принуждение женщины к выходу замуж вопреки ее воле, в частности путем уплаты калыма (выкупа за невесту);
e) убийство из кровной мести;
f) двоеженство и многоженство[23].

Большое значение для вовлечения женщин в социалистическое строительство, улучшения их быта и повышения культуры имела созданная в 1926 г. при ЦИК ДАССР Междуведомственная комиссия по изучению труда и быта дагестанок. Систематическая культурно-массовая и политико-просветительная работа среди женщин проводилась Домами и саклями горянок, другими культурно-

[19] О регистрации браков. Постановление № 4 НКВД ДАССР от 21 июня 1921 г. // Революционные комитеты Дагестана и их деятельность по упрочению Советской власти и организации социалистического строительства. (Март 1920 г. – декабрь 1921 г.). Сб. документов и материалов / сост. М. А. Абдуллаев, В. А. Волкова, А.-М. К. Исрапилов, А. М. Магомедов, Р. А. Соломко, Эфендиев А.-К. М., Т. А. Яременко. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1960. С. 139.

[20] ЦГА РД. Ф. Р-37. Оп. 19. Д. 8. Л. 6.

[21] Об изъятии из ведения шариатских судов уголовных дел. Приказ ревкома ДАССР от 26 октября 1921 г. // Власть и мусульманская религия в Дагестане (ноябрь 1917 г. – декабрь 1991 г.). Документы и материалы / сост. Г. И. Какагасанов, М. Д. Бутаев, М. М. Амирханова. Махачкала: Алеф, 2007. С. 35.

[22] ЦГА РД. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 58. Л. 221.

[23] Там же.

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-34-43

просветительными учреждениями республики. В них велась пропаганда правовых знаний, работа по охране материнства и младенчества, по внедрению в быт основ санитарии и гигиены.

Обстоятельный анализ состояния и определения направлений работы по улучшению семейно-бытового положения дагестанок был дан на первом Вседагестанском съезде женщин-членов Советов депутатов трудящихся в октябре 1927 г. В работе съезда участвовала 91 делегатка, из них 90 % представляли сельские районы.

Отмечая трудности развертывания работы по обеспечению прав дагестанки в семейно-бытовой сфере, съезд в резолюции по докладу «О работе Советов и об участии женщин-работниц и крестьянок в ней» подчеркнул, что «лишь экономическая база создает ей новые семейно-бытовые условия». Было обращено внимание судебных органов на усиление борьбы с нарушителями новых законов о правах женщин, их популяризации среди трудящихся масс и увеличения показательных процессов на местах в целях воспитательной работы среди трудящихся масс[24].

По новому законодательству республики девушки могли вступать в брак лишь по достижении ими 16-летнего возраста, при наличии согласия и обязательном присутствии невесты при регистрации брака органами ЗАГСа. Как было ранее отмечено, важнейшим направлением деятельности шариатских судов, функционировавших в республике до 1927 г., оставалось заключение брака между представителями дагестанских этносов. При этом они руководствовались нормами шариата, которые при вступлении в брак и создании семьи возлагают главенство на мужчину. При этом учитывается согласие женщины на брак. «О вы, которые уверовали! Не разрешается вам наследовать женам по принуждению. И не препятствуйте им уносить часть того, что вы им даровали, разве что они совершать мерзость очевидную. Обходитесь с ними достойно»[25]. Мужчине предоставлено право иметь несколько жен (до 4-х). Однако традиционно многоженство у дагестанских народов, хотя и имело место, не было широко распространенным явлением.

Дагестанские народы были ориентированы на сохранение крепких семейных уз, взаимное уважение и доверительное отношение между супругами. В обществе, где развивающиеся феодальные отношения переплетались со значительными пережитками патриархальных отношений, женщина не могла не быть независимой по отношению к мужчине. Однако этнографические исследования и материалы показывают, что эта была зависимость младшего по отношению к защитнику и опекуну, менее опытного и мобильного – к более опытному и мобильному. К женщине, жене, матери и хозяйке, несущей на себе неимоверно тяжелый семейный груз, мужчина – муж, отец, брат – относился бережно и уважительно. Ни один из важных вопросов, касающихся имущества, бюджета семьи, женитьбы сына, замужества дочери и др., практически не решался без участия жены, хозяйки дома. Брань в адрес жены, высказывание оскорблений в ее адрес, рукоприкладство общественным мнением резко осуждалось. Ярлык – «бьющий жену», «наносящий жене побои» – для мужчины считался унизительным, наносил ущерб его достоинству. Приданое и все подарки, полученные женщиной при замужестве (в том числе и подаренное родней мужа), составляли ее личную собственность. При заключении брака согласно шариатскому установлению оговаривалась определенная сумма денег, уплачиваемая мужем жене в случае развода по его инициативе. Все это не могло положительным образом не влиять на чувство уверенности женщины в завтрашнем дне, на ее относительную материальную независимость и в конечном счете на ее положение в семье, в обществе.

Тем не менее, согласно сложившимся нормам, жена ни в семейном кругу, ни тем более при посторонних не позволяла себе демонстрировать свои исключительные права на то или иное имущество; нарушил бы элементарные нормы и муж, подчеркивающий ее право в присутствии родственников, соседей, односельчан. Нельзя сбрасывать со счетов и того очевидного факта, что любая женщина всю свою жизнь находилась под защитой и покровительством отцовского дома, отцовской родни, тухума, всегда готовых выступить, если в этом возникала необходимость, на ее защиту – в случае чрезмерных притеснений женщины в ее новой семье. Не оставалась в стороне в подобных случаях и материнская родня. Значительная часть внутритухумных, межтухумных и межджамаатских конфликтов, столкновений и других серьезных неурядиц происходила из-за обиды, нанесенной женщине, что уже само по себе говорит о ее высоком статусе в семье и в обществе. Не случайно поэтому в обществах Дагестана существовал целый ряд обычаев, неписаных правил, поведенческих норм, говорящих о почитании женщины, об исключительно уважительном отношении к ней [21, с. 79–80].

Адатно-шариатские нормы раздела наследственного имущества в Дагестане унифицированы не были. По адату вдове и дочерям ничего не полагалось, а по шариату вдова получала восьмую часть имущества; свою долю получали и дочери, т. е. четвертую часть от доли сына. По унифицированным под непосредственным влиянием шариата адатам бежтинцев мужчина при разделе имущества получал часть двух женщин. При этом жена имела права на половину того, что причиталось мужчине только в том случае, если у нее имелись дети, а если нет, она получала лишь четвертую часть. После смерти главы семьи дом обычно наследовал младший сын, с которым оставалась мать, а старший из сыновей, обязанный больше других нести материальные расходы при женитьбе братьев и замужестве сестер, кроме своей доли получал

[24] ЦГА РД. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 4085. Л. 23.

[25] Коран. Сура 4, аят 23.

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-34-43

и добавку – долю старшего брата. «При живом отце сыновья без его согласия не отделялись. Общественное мнение резко осуждало нарушителей этой адатной нормы» [22, с. 108].

В условиях социалистического строительства, исходя из целей и задач активного вовлечения женщин в общественное производство, общественно-политическую и культурную жизнь, уравнения имущественных прав с мужчинами, новая нормативно-правовая база была нацелена на первоочередную защиту имущественных и иных их прав.

Новые народные суды Дагестана, руководствуясь советскими законами, при рассмотрении вопроса о расторжении брака и раздела имущества супругов, как правило, выносили решения в пользу горянок. Аналогичным образом они действовали и при выдаче замуж несовершеннолетних девушек и даче калыма. Однако общественность, особенно сельская, к такого рода преступлениям относилась снисходительно и многие случаи не доводила до судебного разбирательства. Так, за 1929–1930 гг. в республике на одном уровне оставалось количество дел о выдаче замуж несовершеннолетних, о даче и получении калыма (в среднем 1 дело на народный суд в полугодие). Дела о многоженстве давали некоторое увеличение, объясняющееся повышением активного участия женщин в борьбе со скрытыми формами многоженства[26].

Значительное число правонарушений, связанных с семейно-бытовой сферой, неправильным отношением к горянке оставалось вне поля внимания правоохранительных и правоприменительных органов. Зачастую общественность была примирительно настроена к виновникам преступления против горянки на семейно-бытовой почве и старалась скрыть такие факты, выступая в защиту нарушителей закона.

Заключение

С учетом важности научного осмысления различных аспектов социально-культурного развития, удовлетворения возросшего интереса широкой общественности к прошлому народов страны нами предпринята попытка комплексного анализа изменений гендерных стереотипов общественного и семейного статуса дагестанки в динамике в 1920-е гг.

В рассматриваемое десятилетие на основе экономических, политических, социально-культурных преобразований и изменений властными структурами и общественными формированиями республики была развернута целенаправленная работа по повышению общественно-политической активности, достижению равноправия дагестанки в семейно-брачной сфере эмансипации дагестанки. Были созданы специальные органы по работе среди них, созывались съезды женщин, выбирались делегатки, проводились конференции делегаток, беспартийные конференции, наблюдались позитивные изменения в образовательном уровне, которые способствовали повышению общественно-политической и культурной активности женской половины дагестанского общества. Однако крайне отрицательно на этот процесс влиял административный нажим, судебные и иные преследования, а также негативное отношение определенной части мужской половины – носителей традиций и адатов дагестанских народов. К концу анализируемого периода значительная часть женской половины дагестанского общества продолжала следовать традиционным нормам и адатам, особенно в семейно-брачной сфере. Следует подчеркнуть, что трансформация статуса коснулась небольшого количества женщин.

Материал статьи может представить определенный интерес для органов власти и общественных формирований по дальнейшему развертыванию работы среди дагестанок в плане повышения их общественно-политической и социально-культурной активности. Этому будет способствовать и дальнейшее углубленное исследование данной научной проблемы, особенно рассмотрение ее особенностей в различных зонах республики.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Литература

1. Пушкарева Н. Л. Русская женщина: история и современность: Два века изучения «женской темы» русской и зарубежной наукой, 1800–2000. М.: Ладомир, 2002. 526 с.
2. Пушкарева Н. Л. Гендерная теория и историческое знание. СПб.: Алетейя, 2007. 495 с.
3. Пушкарева Н. Л. Частная жизнь русской женщины XVIII века. М.: Ломоносовъ, 2012. 203 с.
4. Гаджиева С. Ш. Семья и брак у народов Дагестана в XIX – начале XX в. М.: Наука, 1985. 359 с.
5. Гаджиева С. Ш., Мелешко А. Г. Женщины советского Дагестана. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1960. 144 с.
6. Гаджиева С. Ш. Семья и семейный быт народов Дагестана. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1967. 104 с.
7. Гаджиева С. Ш., Янкова З. А. Дагестанская семья сегодня. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1978. 120 с.
8. Сергеева Г. А. Положение женщины в дореволюционном и советском Дагестане // КЭС. 1969. Вып. 4. С. 147–182.
9. Рагимова Б. Р. Женщина в традиционном дагестанском обществе XIX – начале XX в (роль и место в семейной и общественной жизни). Махачкала: ДНЦ РАН, 2001. 158 с.
10. Гимбатова М. Б. Мужчина и женщина в традиционной культуре тюркоязычных народов Дагестана (XIX – начало XX в.). Махачкала: Эпоха, 2014. 390 с.

[26] 10 лет автономии ДАССР… С. 20.

BULLETIN
Kemerovo State University
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-34-43

11. Гасанова А. И. Раскрепощение женщины горянки в Дагестане (1920–1940 гг.). Махачкала: Дагкнигоиздат, 1963. 157 с.
12. Каймаразов Г. Ш. Очерки истории культуры народов Дагестана. М.: Наука, 1971. 475 с.
13. Каймаразов Г. Ш. Образование и наука в Дагестане в XX веке. Махачкала: Дагкнигоиздат, 2007. 464 с.
14. Даниялов А. Д. Строительство социализма в Дагестане 1921–1940 гг. М.: Наука, 1975. 303 с.
15. Булатов Б. Б. Дагестан на рубеже XIX–XX вв. Махачкала: Радуга, 1996. 286 с.
16. Мирзабеков М. Я. Культура дагестанского села. XX век: история, проблемы. Махачкала: Бари, 1998. 306 с.
17. Бернстейн С. Воспитанные при Сталине: комсомольцы и защита социализма. М.: РОССПЭН, 2018. 302 с.
18. Делалой М. Усы и юбка. Гендерные отношения внутри кремлевского круга в сталинскую эпоху (1928–1953). М.: РОССПЭН, 2018. 375 с.
19. Даниялов Г. Д. Социалистические преобразования в Дагестане (1920–1941 гг.). Махачкала: Дагкнигоиздат, 1960. 543 с.
20. Баймурзаев А. Б. Формирование социалистического правосознания народов Дагестана. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1984. 140 с.
21. Лугуев С. А. Культура поведения и этикет дагестанцев: XIX – начало XX века. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2006. 304 с.
22. Лугуев С. А., Магомедов Д. М. Бежтинцы в XIX – начале XX вв. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 1994. 286 с.

original article

Transformation of the Social and Family Status of Dagestani Women in the 1920s

Mirzabek Ya. Mirzabekov
Dagestan Scientific Center of Russian Academy of Sciences, Russia, Makhachkala
yash831@mail.ru
https://publons.com/researcher/1939248/mirzaek-i-mirzabekov/

Received 15 Nov 2020. Accepted 25 Dec 2020.

Abstract: Positive historical experience facilitates the democratic development of the modern Russia. The present research featured the changes that occurred in the status of women in the first decades of Soviet power in the national regions and their regional peculiarities. The research objective was to study the measures that the Dagestani authorities took to change the social and family status of local women in the 1920s. The study was based on the principle of historicism and involved comparative-historical, statistical, systemic, and narrative methods. The paper introduces a complex analysis of novel material and scientific publications. The Dagestani authorities and public institutions were aimed at the economic, political, and socio-cultural transformations of the multiethnic region. They proved to have some positive effect on the socio-political and family status of local women. However, by the end of the 1920s, a significant part of Dagestani women still remained under the influence of the Muslim clergy and conservative men. They followed traditional norms and adats – the customary law of certain Muslim peoples – especially in the family and marriage sphere.
Keywords: Dagestan, authorities, socio-political life, family and household sphere, equality, traditional society, educational level

Citation: Mirzabekov M. Ya. Transformation of the Social and Family Status of Dagestani Women in the 1920s. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(1): 34–43. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-34-43

Conflicting interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

References

1. Pushkareva N. L. *Russian woman: history and modernity: Two centuries of study of the "female topic" in Russian and foreign science, 1800–2000*. Moscow: Ladomir, 2002, 526. (In Russ.)
2. Pushkareva N. L. *Gender theory and historical knowledge*. St. Petersburg: Aleteiia, 2007, 495. (In Russ.)
3. Pushkareva N. L. *The private life of a Russian woman of the XVIII century*. Moscow: Lomonosov, 2012, 203. (In Russ.)
4. Gadzhieva S. Sh. *Family and marriage among the peoples of Dagestan in the XIX – early XX centuries.* Moscow: Nauka, 1985, 359. (In Russ.)
5. Gadzhieva S. Sh., Meleshko A. G. *Women of Soviet Dagestan.* Makhachkala: Dagknigoizdat, 1960, 144. (In Russ.)

© 2021. The Author(s). This article is distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-34-43

6. Gadzhieva S. Sh. *Family and family life of the peoples of Dagestan*. Makhachkala: Dagknigoizdat, 1967, 104. (In Russ.)
7. Gadzhieva S. Sh., Iankova Z. A. *Dagestan family today*. Makhachkala: Dagknigoizdat, 1978, 120. (In Russ.)
8. Sergeeva G. A. The position of women in pre-revolutionary and Soviet Dagestan. *KES*, 1969, iss. 4, 147–182. (In Russ.)
9. Ragimova B. R. *Woman in traditional Dagestan society of the XIX – early XX century (role and place in family and social life)*. Makhachkala: DNTs RAN, 2001, 158. (In Russ.)
10. Gimbatova M. B. *Man and woman in the traditional culture of the Turkic-speaking peoples of Dagestan (XIX – early XX century)*. Makhachkala: Epokha, 2014, 390. (In Russ.)
11. Gasanova A. I. E*mancipation of a mountain woman in Dagestan (1920–1940)*. Makhachkala: Dagknigoizdat, 1963, 157. (In Russ.)
12. Kaimarazov G. Sh. *Essays on the history of the culture of the peoples of Dagestan*. Moscow: Nauka, 1971, 475. (In Russ.)
13. Kaimarazov G. Sh. *Education and science in Dagestan in the XX century.* Makhachkala: Dagknigoizdat, 2007, 464. (In Russ.)
14. Daniialov A. D. *Building socialism in Dagestan 1921–1940*. Moscow: Nauka, 1975, 303. (In Russ.)
15. Bulatov B. B. *Dagestan at the turn of the XIX–XX centuries.* Makhachkala: Raduga, 1996, 286. (In Russ.)
16. Mirzabekov M. Ya. *The culture of the Dagestan village. XX century: history and problems*. Makhachkala: Bari, 1998, 306. (In Russ.)
17. Bernstein S. *Raised under Stalin: young communists and the defense of socialism*. Moscow: ROSSPEN, 2018, 302. (In Russ.)
18. Delaloy M. *Mustache and skirt. Gender relations within the Kremlin circle in the Stalin era (1928–1953)*. Moscow: ROSSPEN, 2018, 375. (In Russ.)
19. Daniialov G. D. *Socialist transformations in Dagestan (1920–1941)*. Makhachkala: Dagknigoizdat, 1960, 543. (In Russ.)
20. Baimurzaev A. B. *Formation of socialist legal consciousness of the peoples of Dagestan*. Makhachkala: Dagknigoizdat, 1984, 140. (In Russ.)
21. Luguev S. A. *Culture of behavior and etiquette of Dagestanis: XIX – early XX century*. Makhachkala: IIAE DNTs RAN, 2006, 304. (In Russ.)
22. Luguev S. A., Magomedov D. M. *Bezhtintsy in the XIX – early XX centuries*. Makhachkala: IIAE DNTs RAN, 1994, 286. (In Russ.)

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/ 2078-8975-2021-23-1-44-51

оригинальная статья
УДК 902

Нож и пояс: опыт анализа сейминско-турбинского бронзового оружия

Юрий Иннокентьевич Михайлов
Научно-производственное объединение «АрхеоПолис», Россия, г. Кемерово
kerbalyk@yandex.ru

Поступила в редакцию 05.03.2021. Принята к печати 26.03.2021.

Аннотация: Бронзовый нож из могильника у д. Ростовка был обнаружен в могиле под костями черепа ребенка 9–10 лет. В кротовских погребениях некрополя Сопка-2/4Б в двух случаях кинжалы находились под костяками ребенка и мужчины. Возможно, эта ритуальная особенность была связана с особым способом размещения (на шее за спиной), который магически обеспечивал неуязвимость владельца. Сходной функцией наделялись ожерелье и пояс. Традиция поясного крепления клинкового оружия для сейминско-турбинского хронологического горизонта реконструирована весьма условно. В коллекциях сейминско-турбинских изделий неизвестны предметы поясной гарнитуры. Возможно, пояса были шерстяными. Различные приемы ткачества установлены по материалам синташтинских и петровских комплексов. Детали художественных изображений на сейминско-турбинских ножах позволяют предполагать, что обрядовая практика пополнилась новой атрибутикой и соответствующими магическими приемами.

Ключевые слова: выгнутообушковый нож, бронзовый кинжал, клинковое оружие, бронзовые изделия, ткацкий станок, магический прием

Цитирование: Михайлов Ю. И. Нож и пояс: опыт анализа сейминско-турбинского бронзового оружии // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 1. С. 44–51. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-44-51

Введение

Для выгнутообушкового ножа из могильника Ростовка и подобных ему сейминско-турбинских бронзовых изделий исследователи пользуются определением *оружие «княжеского» ранга* [1]. Данная характеристика свидетельствует о том, что актуально-историческое содержание этой категории художественно оформленных престижных изделий воспринимается как прочно установленное. Указанное обстоятельство с необходимостью заставляет вернуться к собственно археологическому контексту и еще раз проанализировать хорошо известные факты. В связи с этим особый интерес представляет обрядовый сценарий, в соответствии с которым бронзовый нож из могильника у д. Ростовка был обнаружен в могиле под костями черепа ребенка 9–10 лет [2, с. 8].

Этот прием размещения престижного оружия в погребении ребенка может быть сопоставлен с данными, полученными в ходе исследования некрополя бронзового века Сопка-2/4Б. В трех погребениях этого могильника (могила 420 – мужчина 20–30 лет; могила 425 – 1–1,5 лет; могила 443 – 14–15 лет), которые были компактно расположены в западной части погребального поля, обнаружены цельнолитые бронзовые кинжалы. В двух случаях кинжалы находились под костяками ребенка и мужчины. По мнению В. И. Молодина, с ребенком находился лучший из них, который никак не мог быть игрушкой [3, с. 4–11]. В качестве возможного объяснения данной обрядовой особенности привлечено свидетельство из дальневосточной традиции, согласно которому местоположение кинжалов соответствует способу ношения оружия в обрядах Дадао, когда меч помещали на спине, рукоятью вверх. Этот прием позволял скрывать оружие от противника или метать его из-за спины [4, с. 100]. Приведенное сопоставление представляет несомненный интерес и заслуживает детального анализа, особенно в связи с перспективой обнаружения истоков формирования сейминско-турбинских бронз и цельнолитых кинжалов в Синьцзяне [5].

Поскольку цельнолитые кинжалы относятся к двулезвийному оружию, обратим внимание на следующее: в отличие от цзянь – двулезвийного оружия, под *дао* понимаются однолезвийные клинки. В одном из смысловых контекстов понятие *дао* означает «то, что полностью разрубает», хотя существуют и иные толкования [6, с. 28]. В целом оно используется применительно к однолезвийному, как правило, изогнутому оружию, причем способы применения этого оружия достаточно разнообразны: длиннодревковое – гуаньдао, двуручное – дадао (большой меч), поясное или портупейное – пэйдао, нювейдао. Мечи *дао* с кольцевидным навершием рукояти широко использовались в Китае в VII–XII вв. н. э. После монгольского завоевания у оружия появился сабельный изгиб и кочевая традиция поясного ношения – на левом боку. В эпоху Мин двуручные сабли дадао заменили прямые мечи. Значительно позднее дадао,

© 2021. Авторы. Статья распространяется на условиях международной лицензии CC BY 4.0

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-44-51

оснащенные длинной рукоятью с большим кольцевидным навершием, носили в ножнах за спиной ихэтуани. Длинная рукоять обеспечивала удобный хват двумя руками, а веревочная петля, продетая через кольцо, не позволяла потерять оружие во время боя. Техника боя сводилась к двум основным ударам. Первый – по диагонали снизу – отбивал оружие противника, а второй (обратный) – разрубал противника от плеча до груди (об этой технике см. [7, с. 149]).

Выгнутообушковые ножи

На данный момент есть фактические свидетельства, позволяющие по достоинству оценить тактико-технические возможности сейминско-турбинского оружия. В прииртышской коллекции бронзовых изделий отметим массивный кинжал с кольцевидным навершием рукояти. Это изделие имеет двойные орнаментированные долы на каждой из плоскостей клинка. Прием орнаментации клинка был также использован и для выгнутообушкового массивного ножа с навершием рукояти в виде парных фигурок лошадей из той же коллекции. Бронзовая рукоять последнего имеет углубление, разделяющее эти фигурки [8, с. 65, рис. 15]. Указанную морфологическую деталь можно рассматривать как особое техническое приспособление, благодаря которому рукоять ножа наделена своеобразными «ушами». Они позволяют более уверенно удерживать ее в руке и во время рубящего удара компенсируют действие центробежной силы. Подобными специфическими расширениями («ушами») наделены, например, рукояти ятаганов, которые, подобно сейминско-турбинским ножам, имеют вогнутый клинок. Судя по всему, конструкция рукояти выгнутообушкового ножа из прииртышской коллекции – одна из новаций сейминско-турбинских оружейников.

Вогнутый клинок, или клинок с обратным изгибом, хорошо известен в истории холодного оружия. В качестве наиболее ярких примеров можно привести древнегреческий копис и непальский боевой нож кукри, которые позволяли наносить мощные рубящие удары. Обратный изгиб массивного клинка у сейминско-турбинских ножей превращал их в эффективное оружие, но, возможно, не менее существенное значение имели параметрические характеристики не только клинка, но и рукояти. Длина рукояти омского ножа без навершия составляет 7,7 см [8, с. 65]. В свою очередь, длина рукояти ножа из Ростовки – 9,5 см [9, с. 121]. По мнению И. В. Ковтуна, рукоять этих изделий просто мала для кисти [10, с. 211, 212].

Совокупность конструктивных особенностей ростовкинского и омского ножей (небольшая длина рукояти, уступ пятки клинка и уступы опорных площадок фигурных наверший) можно рассматривать как адаптацию оружия к особой технике рубящего удара. Скорее всего, они не случайно снабжены небольшой по размерам рукоятью. Конструктивное оформление маленьких рукоятей индийских тальваров [11, с. 186–188] препятствовало любому движению запястья, усиливая силу реза и рубящего удара. При зафиксированном запястье удар производится с помощью мышц плеча и спины, причем сам удар получается не только рубящим, но и режущим. Отрубленные одним ударом тальвара головы и руки демонстрировали технику секущих движений, которая поразила европейцев, и бытовавший в XIX в. миф о маленьких индийских руках так и остался вымыслом.

В этом контексте показательна профессиональная характеристика бронзового меча из собрания Лувра. Согласно компетентному мнению исследователя, форма рукояти меча напоминает рукояти индийских сабель. Клинок суживается перед входом в рукоять для того, чтобы дать место указательному и среднему пальцам. Поскольку рукоять охватывали только тремя пальцами, она могла быть очень короткой. «Таким образом, величина рукояти в этом случае должна быть объяснена способом держания оружия в руке, а не величиной последней, как думали некоторые археологи» [12, с. 43]. Возможно, размеры рукоятей сейминско-турбинских ножей также связаны с особой техникой хвата. Завершая этот аспект оружиеведческой проблематики, отметим, что использование коротких рукоятей для клинкового оружия – явление универсальное, которое в каждом конкретном случае было обусловлено потребностями, далеко не всегда понятными исследователям. «У египетских образцов часто можно видеть странную рукоять: очень короткую, настолько, что на ней не умещается ладонь, у ручки большое плоское округлое навершие с двумя отверстиями. Как держали в руках эти кинжалы, как пользовались ими – до сих пор загадка» [13, с. 17].

Сейминско-турбинские выгнутообушковые ножи с декоративными навершиями демонстрируют различные проективные решения, которые обеспечивали эффективность рубящего удара. Обратим внимание на то, что клинок ростовкинского ножа с лыжником заметно расширяется ближе к несохранившемуся острию. Считается, что подобная особенность клинка с обратным изгибом связана с правильным распределением его веса. Благодаря этому он наносил рубящие удары с импульсом топора. Подобная геометрия клинка древнегреческого кописа – обратный изгиб и расширенный к острию боевой конец – также приближала его к топору по балансу. Изгиб рукояти и расширение клинка выделяют ростовкинский нож в ряду подобных изделий, но вместе с тем указывают на основную функцию этого вида оружия – нанесение рубяще-режущих ударов. В пользу того, что они могли наноситься от плеча с разворотом корпуса и использованием энергии мышц всего плечевого пояса, свидетельствует фигурка лыжника. Видимо отнюдь не случайно мастер из Ростовки смоделировал рельефные лопатки и мощную правую руку, которая натягивает повод упряжного коня.

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-44-51

Пояс, ожерелье и перевязь

Относительно вероятных способов крепления сейминско-турбинских выгнутообушковых ножей и кинжалов пока можно только догадываться. Тем не менее пояс у фигурки ростовкинского лыжника указывает на один из возможных путей объективной реконструкции. В исследовательской перспективе несомненный интерес представляют стилизованные изображения голов медведя из обожженного капа, обнаруженные в комплексах могильников Сопка-2/4 и Абрамово-11 [14; 15, рис. 3]. Эти изделия использовались в качестве поясных пряжек [16]. Идентичные предметы из капа найдены в двух погребениях могильника Крохалевка-5 [17, рис. 1, *3*]. В связи с этим возникает вопрос, почему два цельнолитых кинжала из могильника Сопка-2/4Б обнаружены под костяками мужчины и ребенка? Обратим внимание на один вероятный аспект этой проблемы.

Е. А. Гуревич специально проанализировала два эпизода, в которых героя от смертельного удара спасает нож, подвешенный на шее за спиной (Сага а Халльфреде Трудном Скальде (гл. 7) и Сага о людях из Речной Долины (гл. 19)). Очевидно, что в обоих случаях нож на шее выступает в качестве оберега. Вероятно, описанный способ размещения ножа диктовали особые обстоятельства, поскольку традиционно его носили на поясе [18]. Универсальная охранительная символика пояса тесно связана с его расположением на теле владельца [19]. Обернутый вокруг талии, он делил телесную вертикаль и одновременно служил границей, отделявшей тело от внешнего враждебного пространства. Подобно этому защитные функции выполняли расшитый ворот одежды и ожерелье.

В могильнике Сопка-2/4А (погребение 569) обнаружено ожерелье из бус, в состав которого входили каменные изображения медведя и его головы [20, рис. 177, *3, 4*]. В неординарном женском погребении из окуневского могильника Карасук II (могила 3) обнаружены роговые подвески в виде изображений медведя и двух головок этого животного, а также роговая бусина [21, с. 78–83, рис. 4, *4, 6, 7, 8*]. Скорее всего, эти изделия входили в состав ожерелья. Каменные подвесные фигурки медведя и птицы обнаружены вместе с каменными бусами в разрушенном погребении у с. Утинка [22]. «Медвежьи» пояса и ожерелья демонстрируют вероятное семантическое родство и особую роль в охранительной символике. В ростовкинском погребении, вместе с вертикально помещенным ножом под черепом ребенка, найдено ожерелье из каменных бусин (нефрит, бирюза), двух бусин растительного происхождения и бронзовой фигурки птички [10, с. 201–209]. Нож с опоясанным лыжником и ожерелье очерчивают круг наиболее значимых атрибутов, охранявших владельца при жизни и после смерти. Таким образом, расположение кинжалов в погребениях из могильника Сопка-2/4Б, возможно, было связано с особым способом размещения (на шее за спиной), который магически обеспечивал неуязвимость владельца. Подобно этому в качестве оберега мог служить просверленный мраморный диск, помещенный под тазовыми костями женщины 14–15 лет, просверленный зуб медведя, найденный в заполнении могилы № 65 могильника Сопка-2/4Б [23, с. 52, 53]. Исследователи неоднократно отмечали, что подвешенные к поясу клыки медведя служили оберегами [24, с. 128; 25, с. 139]. В связи с этим показательно, что ханты и коми на мужских поясах крепили их со стороны спины.

В могильниках Сопка-2 и Абрамово-11 пояса находились в расстегнутом состоянии [20, с. 170, 171]. Установленная особенность обрядового сценария позволяет предполагать существование ритуала опоясывания, связанного с наступлением зрелости и обретением должной физической мощи. В этногенетических преданиях необычайная сила героя и пояс тесно связаны в сюжетах обретения верховной власти. Скьёльд – внук первого короля Дана – связал на охоте огромного медведя собственным поясом, т. к. под рукой не оказалось копья. Это героическое деяние и другие проявления его природных способностей были столь убедительны, что после него датские короли стали называться одним общим именем Скьёльдунги [26, 1.3.1]. Еще раньше младший из трех братьев с эпонимом Скиф, сумевший натянуть тетиву лука, оказался достоин отцовского пояса с золотой чашей [27, с. IV, 9, 10]. Массивный ростовкинский нож с фигуркой лыжника, натягивающего повод мощного коня, мог выступать главным атрибутом в гипотетическом ритуале опоясывания. В могильнике Елунино I с крупным мужчиной высокого роста поместили нож, точило и сосуд [28]. Рукоять бронзового ножа украшена изображением головы коня с пышной гривой. Если предполагать, что нож и точило крепились к поясу (как это позднее изображали на оленных камнях), то сосуд мог быть еще одним важным атрибутом в ритуалах обретения власти и последних проводов ее обладателя.

Позиция «оселка» в комплексе – перпендикулярно клинку ножа, а также высокое качество исполнения и изящная форма этого изделия позволяют со всей осторожностью высказать следующее предположение: «точило» могло быть накладной деталью ножен, а выемки с двух сторон этого изделия позволяли подвешивать ножны к поясу. Это предположение, возможно, удостоверяют находки из карасукских комплексов в курганах 1 и 2 могильника Бейская Шахта. В установленных случаях поперек клинка ножа в районе гарды лежала сдвоенная бляшка с рифленой перемычкой [29, с. 160, рис. 1]. В могильнике Кюргеннер I (курган 28, могила 1) обнаружена бронзовая накладка на кожаные ножны. Верхняя кромка рамки этого изделия оформлена в виде аналогичной сдвоенной бляшки [30, с. 58, рис. 34, *1, 2*]. В карасукских погребениях ножи вместе с шилом обычно помещали с мясной пищей («столовый прибор»), но в более редком варианте они обнаружены на правом крыле таза или рядом с ним [30, с. 57].

Ножи с грибовидной шляпкой, подобные тому, что был обнаружен вместе с накладкой на ножны в могильнике

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-44-51

Кюргеннер I, появляются на втором этапе карасукской культуры вместе с ножами с зооморфными навершиями рукояти. Их аналогии известны в погребениях Северного Китая и на оленных камнях Монголии [31, с. 413]. В бейском комплексе нож с грибовидным навершием и сдвоенная бляшка – накладка на ножны – обнаружены вместе с «пряжкой колесничего» (ПНН). Твердо установлено, что упрощенные экземпляры этого колесничного атрибута бытуют вплоть до скифского времени [32]. Поэтому существенно, что нож из Елунино I изначально рассматривался в рамках колесничной символики [33].

Факты размещения кинжалов за спиной позволяют допускать использование перевязи. Поэтому следует признать, что традиция поясного крепления клинкового оружия для сейминско-турбинского хронологического горизонта реконструирована весьма условно. Это объясняется не только малым числом достоверных фактических свидетельств. Оружие с высоким социальным статусом, соответственно, обладало особым ритуальным статусом, который мог определять тот или иной способ размещения оружия в погребальном комплексе. Выгнутообушковый нож из могильника Ростовка был воткнут в грунт вертикально под черепом ребенка. В могильнике Цыганкова Сопка 2 один выгнутообушковый нож находился под черепом погребенного, а второй сходный экземпляр располагался поверх локтевых костей правой руки и плечевой кости левой руки [28, с. 113, 114]. В «шаманском» погребении могильника Боровлянка-XVII (могила 103) бронзовый нож со слабым изгибом обушка был помещен поверх нагрудника [34, с. 58]. О вероятной связи выгнутообушкового ножа с поясом объективно свидетельствует лишь погребение в могильнике у д. Ростовка (могила 29), где цельнолитой нож с рукоятью без навершия находился на тазовых костях мужчины 35 лет перпендикулярно позвоночному столбу [2, с. 40, рис. 49]. Эту обрядовую ситуацию можно рассматривать как свидетельство существования традиции поясного крепления, возможно, на горизонтальном или диагональном подвесе рукоятью, судя по рисунку, вправо лезвием вниз. Данный вариант крепления, скорее всего, предполагает хват рукояти правой рукой, а не левой, как представлено в популярной реконструкции [35, рис. 15].

В имеющихся коллекциях сейминско-турбинских изделий пока нет уверенно атрибутированных предметов поясной гарнитуры. Возможно, пояса были шерстяными. В Турбинском I могильнике, с которым, скорее всего, связан выгнутообушковый нож с изображениями баранов, медный вислообушный топор (могила 1) и медный кельт (могила 62) были обернуты в шерстяную ткань [36, с. 27, 36]. Поэтому, возможно, не случайно пятку клинка турбинского ножа с баранами украшает «жгутовой» мотив [36, рис. 113]. В пользу того, что пояса могли быть ткаными, свидетельствует следующий факт. На сейминском выгнутообушковом ноже с фигурками лошадей в верхней части лезвия сохранились следы прилегавшей к ножу тонкой плотной ткани [37, с. 102]. Отпечатки подобной ткани полотняного переплетения есть на петровских сосудах [38, с. 156]. Ажурную рукоять сейминского изделия украшает ромбическая решетка, которая символически соответствует мотиву плетения – переплетения нитей. В связи с этим укажем, что в более позднее время на оленных камнях изображались пояса, украшенные ромбической сеткой [39, табл. 16, *66, 74, 79*]. Остатки тканых поясов в могильнике Чепкуль-9 (лесостепное Притоболье), по мнению специалистов, свидетельствуют о широком распространении этого элемента костюма на территории Западной Сибири в разные периоды у представителей различных этнических групп [40, с. 57]. По имеющимся данным, уже в III тыс. до н. э. население Среднего Прииртышья с помощью миниатюрных костяных иголок шило вещи из ткани [20, с. 136].

С учетом вероятного использования перевязей обратим внимание на семантически важную изобразительную деталь – подвязанный хвост коня. «Судя по изображению, нижняя половина хвоста ростовкинской лошадки последовательно перевязалась или переплеталась несколькими узлами от окончания репицы до соприкосновения волос с "постаментом"» [10, с. 173, фото 62, *1–5*]. Семантика узла весьма многообразна, но прежде всего сгущается вокруг идеи охранения. Сакральная сила узла – оберега – наращивается посредством дублирования. Не случайно обычная сеть с ее многочисленными узлами ячеек могла символически выполнять защитную функцию. Поэтому специально подчеркнем, что не только парные лошадки, но и ажурная ромбическая сетка рукояти также является частью общей декоративной композиции ножа из Сеймы. Если следовать традиционной интерпретации фигурок как изображений жеребца и кобылы, то в данном случае символика «узлов» ажурной сетки рукояти раскрывается в одном из универсальных приемов животноводческой магии. Узлы завязывали для повышения плодовитости скота. В традициях, знакомых с ткацким станком, например в славянской, часть холста с большим количеством узелков клали на голову корове при первом отеле или скармливали ей «ткаческие» узелки перед случкой [41, с. 56]. Возможно, по замыслу мастера, от гривы сейминской кобылы вниз спускаются именно магические привязи для повышения ее плодовитости.

Заключение

Ткачество и ткацкий станок, хорошо известные синташтинскому и петровскому населению, позволяют предполагать, что в период бытования сейминско-турбинских комплексов сфера сакрального пополнилась новой атрибутикой и соответствующими магическими приемами. Разумеется, эти новшества не исчерпали возможности традиционных видов магической практики. Однако сакральный инструментарий, который обеспечивал успех нового вида хозяйственной деятельности – специализированного коневодства,

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-44-51

насыщался атрибутикой, заимствованной из других прогрессивных технологий – металлообработки и ткачества. В этих культурных изменениях особо следует отметить роль дальнего (престижного) обмена, который в эпоху бронзы связал весьма отдаленные территории. В погребении № 588 могильника Сопка-2/4 были обнаружены бусы ожерелья из разных сортов камня среднеазиатского происхождения и керамический сосуд нестандартной ладьевидной формы, более свойственной традициям таежных территорий [20, с. 134, 163, 164]. Соединение в одном ритуальном сценарии специфических атрибутов из «северной» и «южной» традиций представляется достаточно показательным примером в ряду подобных свидетельств. Среди них особо выделим уже упомянутые бусины из нефрита и бирюзы в составе ожерелья из могильника у д. Ростовка, которое было помещено в комплексе с выгнутообушковым ножом. Статусная комбинация престижных атрибутов эпохи бронзы – нож, пояс, ожерелье – может быть сопоставлена с более поздним социально значимым сочетанием – меч, пояс, гривна.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Литература

1. Студзицкая С. В., Кузьминых С. В. Галичский «клад»: (К проблеме становления шаманизма в бронзовом веке Северной Евразии) // Мировоззрение древнего населения Евразии / отв. ред. М. А. Дэвлет. М.: Старый сад, 2001. С. 123–165.
2. Матющенко В. И., Синицкая Г. В. Могильник у д. Ростовка вблизи Омска. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1988. 136 с.
3. Молодин В. И. Новый вид бронзовых кинжалов в погребениях кротовской культуры // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока / отв. ред. В. Е. Медведев, Ю. С. Худяков. Новосибирск: Наука, 1993. С. 4–16.
4. Молодин В. И. Феномен бронзовых кинжалов из погребальных комплексов кротовской культуры (хронология, территория распространения, истоки) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2-6. С. 97–107.
5. Молодин В. И., Комиссаров С. А., Пэн В. Бронзовые наконечники копий сейминско-турбинского типа из Китая // V (XXI) Всероссийский археологический съезд. (Барнаул, 2–7 октября 2017 г.) Барнаул: АлтГУ, 2017. С. 715–716.
6. Эгертон Э. Индийское и восточное оружие. От державы Маурьев до империи Великих Моголов. М.: Центрполиграф, 2007. 294 с.
7. Вернер Э. Оружие Китая. Развитие традиционного оружия. М.: Центрполиграф, 2009. 157 с.
8. Молодин В. И., Нескоров А. В. Коллекция сейминско-турбинских бронз из Прииртышья (трагедия уникального памятника – последствия бугровщичества XXI века) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010. № 3. С. 58–71.
9. Черных Е. Н., Кузьминых С. В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М.: Наука, 1989. 320 с.
10. Ковтун И. В. Предыстория арийской мифологии. Кемерово: Азия-Принт, 2013. 702 с.
11. Носов К. С. Традиционное оружие Индии. М.: Эксмо, 2011. 384 с.
12. Винклер П. П. фон. Оружие. Руководство к истории, описанию и изображению ручного оружия с древнейших времен до начала XIX в. М.: Софт-Мастер, 1992. 330 с.
13. Горелик М. Д. Оружие Древнего Востока (IV тысячелетие – IV в. до н. э.). М.: Восточная литература, 1993. 352 с.
14. Молодин В. И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 1985. 200 с.
15. Соболев В. И., Панфилов А. Н., Молодин В. И. Кротовский могильник Абрамово-11 в Центральной Барабе // Культурные и хозяйственные традиции народов Западной Сибири / отв. ред. В. И. Молодин. Новосибирск: НГПИ, 1989. С. 37–51.
16. Молодин В. И. Оригинальные поясные пряжки эпохи развитой бронзы из Горного Алтая и Западно-Сибирской лесостепи // Древние культуры Южной Сибири и Северо-Восточного Китая / отв. ред. В. Е. Ларичев, Линь Юнь. Новосибирск: Наука, 1994. С. 82–86.
17. Гришин А. Е., Марченко Ж. В., Кишкурно М. С., Галямина Г. И., Назарова Л. В. Новые погребальные комплексы эпохи бронзы в Новосибирском Приобъе (работы 2016 года в Кудряшовском бору) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2016. Т. XXII. С. 269–273.
18. Гуревич Е. А. «Нож и ремень»: об одном неисследованном общем месте в древнеисландской прозе // Древнейшие государства Восточной Европы. 2018. № 2016. С. 82–96.
19. Байбурин А. К. Пояс (к семиотике вещей) // Сборник музея антропологии и этнографии. Т. 45. Из культурного наследия народов Восточной Европы / отв. ред. Т. В. Станюкович. СПб.: Наука. Санкт-Петербургское отд-ние, 1992. С. 5–13.
20. Молодин В. И. Памятник Сопка-2 на реке Оми: культурно-хронологический анализ погребальных комплексов одиновской культуры. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2012. Т. 3. 220 с.
21. Комарова М. Н. Своеобразная группа энеолитических памятников на Енисее // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха камня и бронзы / отв. ред. Т. Н. Троицкая. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1981. С. 76–90.
22. Бобров В. В., Волков П. В., Герман П. В. Утинкинское погребение // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010. № 4. С. 76–84.

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-44-51

23. Молодин В. И., Гришин А. Е. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Т. 4. Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов кротовской культуры. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2016. 452 с.
24. Чернецов В. Н. Бронза усть-полуйского времени // Древняя история Нижнего Приобья / под ред. А. В. Збруевой. М.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 121–178.
25. Гемуев И. Н. Некоторые аспекты культа медведя и их археологические параллели // Урало-Алтаистика: Археология. Этнография. Язык / отв. ред. Е. И. Убрятова. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1985. С. 137–143.
26. Саксон Грамматик. Деяния данов. М.: Русская панорама, 2017. 1224 с.
27. Геродот. История в девяти книгах. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1972. 600 с.
28. Кирюшин Ю. Ф. Новые могильники ранней бронзы на Верхней Оби // Археологические исследования на Алтае, отв. ред. Ю. Ф. Кирюшин. Барнаул: АГУ, 1987. С. 100–125.
29. Новгородова Э. А. Древняя Монголия (Некоторые проблемы хронологии и этнокультурной истории). М.: Наука, 1989. 383 с.
30. Грязнов М. П., Комарова М. Н., Лазаретов И. П., Поляков А. В., Пшеницына М. Н. Могильник Кюргеннер эпохи поздней бронзы Среднего Енисее. СПб.: Петербургское востоковедение, 2010. 200 с.
31. Поляков А. В. Ранние этапы развития эпохи поздней бронзы Среднего Енисея // Бегазы-дандыбаевская культура Степной Евразии / отв. ред. А. З. Бейсенев. Алматы: НИЦИА, 2013. С. 401–416.
32. Савинов Д. Г. ПНН: новые материалы и наблюдения // Южная Сибирь в древности / ред. Д. Г. Савинов. СПб.: ИИМК РАН, 1995. С. 57–66.
33. Пяткин Б. Н. Повозка – колесница – «скифский Арес» (трансформация семантики мотива) // Проблемы археологии степной Евразии: тез. докл. конф. (Кемерово, 1 января – 31 декабря 1987 г.) Кемерово: КемГУ, 1987. Ч. 1. С. 125–127.
34. Погодин Л. И., Полеводов А. В. «Шаманские» погребения могильника эпохи бронзы Боровлянка-XVII в Среднем Прииртышье // Социально-демографические процессы на территории Сибири (древность и средневековье) / отв. ред. В. В. Бобров. Кемерово: КемГУ, 2003. С. 56–60.
35. Соловьев А. И. Оружие и доспехи. Сибирское вооружение: от каменного века до средневековья. Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2003. 219 с.
36. Бадер О. Н. Древнейшие металлурги Приуралья. М.: Наука, 1964. 176 с.
37. Бадер О. Н. Бронзовый нож из Сеймы с лошадьми на навершии // Краткие сообщения Института Археологии. 1971. № 127. С. 98–103.
38. Кузьмина Е. Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М.: Калина, 1994. 463 с.
39. Волков В. В. Оленные камни Монголии. М.: Науч. центр, 2002. 248 с.
40. Зах В. А., Глушкова Т. Н. Тканые пояса из саргатского кургана 7 могильника Чепкуль-9 // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 4. С. 57–66.
41. Валенцова М. М. Узел в традиционной культуре славян // Славяноведение. 2011. № 6. С. 53–59.

original article

Knife and Belt: Analysis of Seima-Turbino Bronze Weapons

Yuriy I. Mikhailov
Research and Production Association ArkheoPolis, Russia, Kemerovo
kerbalyk@yandex.ru

Received 5 Mar 2021. Accepted 26 Mar 2021.

Abstract: A bronze knife from the burial site near Rostovka village was found in a grave under the skull bones that belonged to a nine–ten-year-old child. Sopka-2/4B Krotovo necropolis has two burials, in which daggers were found under the bones of a child and a man. This ritual might have been associated with the belief that wearing a knife around one's neck behind one's back could make the owner invulnerable. Necklaces and belts are known to have a similar magic function. The Seima-Turbino tradition of belt weapons still remains understudied: in fact, no belt weapon has been described for this culture so far, as the belts might have been made of wool. Various weaving techniques are based on the materials of the Sinthashta and Petrovka sites. The newly-discovered images on the Seima-Turbino knives add new information to the known ceremonial practice.
Keywords: knife with curved spine, bronze dagger, bladed weapon, bronze items, loom, magic trick

© 2021. The Author(s). This article is distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License

BULLETIN
Kemerovo State University
https://vestnik.kemsu.ru
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-44-51

Citation: Mikhailov Yu. I. Knife and Belt: Analysis of Seima-Turbino Bronze Weapons. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(1): 44–51. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-44-51

Conflicting interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

References

1. Studzitskya S. V., Kuzminykh S. V. The Galich "treasure": formation of shamanism in Northern Eurasia in the Bronze Age. *Worldview of the ancient population of Eurasia,* ed. Devlet M. A. Moscow: Staryi sad, 2000, 123–165. (In Russ.)
2. Matyuschenko V. I. Sinitsyna G. V. *The burial site by the village of Rostovka near Omsk*. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1988, 136. (In Russ.)
3. Molodin V. I. New kind of bronze daggers in the burials of the Krotovo culture. *Military crafts of the population of Southern Siberia and the Far East*, eds. Medvedev V. E., Khudyakov Yu. S. Novosibirsk: Nauka, 1993, 4–16. (In Russ.)
4. Molodin V. I. The phenomenon of bronze daggers from burial complexes of the Krotovo culture (chronology, area of distribution, beginnings). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, (2-6): 97–107. (In Russ.)
5. Molodin V. I., Commissarov S. A., Peng W. Bronze spear-heads of the Seima-Turbino type from China. *V (XXI) All-Russian Archaeological Congress*, Barnaul, 2–7 Oct 2017. Barnaul: AltGU, 2017, 715–716. (In Russ.)
6. Egerton E. *Indian and Eastern weapons. From the Maurya Empire to the Mogul Empire*. Moscow: Tsentrpoligraf, 2007, 294. (In Russ)
7. Werner E. *Weapons of China. The development of traditional weapons.* Moscow: Tsentrpoligraf, 2009, 157. (In Russ.)
8. Molodin V. I., Neskrov A. V. Private collection of Seima-Turbino bronzes from the Irtysh: the tragedy of a unique site destroyed by unauthorized excavations. *Arkheologiia, etnografiia i antropologiia Evrazii*, 2010, (3): 58–71. (In Russ.)
9. Chernykh E. N., Kuzminykh S. V. *Ancient metallurgy of Northern Eurasia: the Seima-Turbino phenomen*. Moscow: Nauka, 1989, 320. (In Russ.)
10. Kovtun I. V. *Prehistory of Indo-Aryan mythology*. Kemerovo: Asiia-Print, 2013, 702. (In Russ.)
11. Nosov K. S. *Traditional weapon of India*. Moscow: Eksmo, 2011, 384. (In Russ.)
12. Winkler P. P. von. *Weapon. A guide to the history, description and image of hand-held weapons from ancient times to the early XIX century*. Moscow: Soft-Master, 1992, 330. (In Russ.)
13. Gorelick M. D. *Weapons of the Ancient East (IV millennium – IV century BC)*. Moscow: Vostochnaia literatura, 1993, 352. (In Russ.)
14. Molodin V. I. *Baraba in the Bronze Age*. Novosibirsk: Nauka, 1985, 200. (In Russ.)
15. Sobolev V. I., Panfilov A. N., Molodin V. I. Krotovo burial ground Abramovo-11 in Central Baraba. *Cultural and economic traditions of the peoples of Western Siberia*, ed. Molodin V. I. Novosibirsk: NGPI, 1989, 37–51. (In Russ.)
16. Molodin V. I. Original belt buckles of the era of the High Bronze Age from the Altai Mountains and the West Siberian Forest steppes. *Ancient cultures of South Siberia and Northeast China*, eds. Larichev V. E., Yun Lin. Novosibirsk: Nauka, 1994, 82–86. (In Russ.)
17. Grishin A. E., Marchenko Zh. V., Kischkurno M. S., Galyamina G. I., Nazarova L. V. New Bronze Age burial complexes in the Novosibirsk Ob' river basin (researches in the Kudryashovsky Pine-Forest in 2016). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredelnykh territorii*, 2016, XXII: 269–274. (In Russ.)
18. Gurevich E. A. "Knife and belt": an uninvestigated locus communis inold Icelandic prose texts. *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy*, 2018, (2016): 82–96. (In Russ.)
19. Baiburin A. K. Belt (to the semiotics of things). *Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography. Vol. 45. From the cultural heritage of the peoples of Eastern Europe*, ed. Staniukovich T. V. St. Petersburg: Nauka. Sankt-Peterburgskoe otd-nie, 1992, 5–13. (In Russ.)
20. Molodin V. I. *Sopka-2 site on the Om' River: cultural and chronological analysis of the burial complexes of single culture*. Novosibirsk: IAET SO RAN, 2012, vol. 3, 220. (In Russ.)
21. Komarova M. N. A group of Eneolitic monuments on Yenisei. *Issues of Western Siberian archaeology. The Age of Stone and Bronze*, ed. T. N. Troitskaya. Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-nie, 1981, 76–90. (In Russ.)
22. Bobrov V. V., Volkov P. V., German P. V. The Utinka burial. *Arkheologiia, etnografiia i antropologiia Evrazii*, 2014, (4): 76–84. (In Russ.)
23. Molodin V. I., Grishin A. E. *Archaeological site of Sopka-2 on the Om river. Vol. 4. Cultural and chronological analysis of the burial complexes of Krotovo culture*. Novosibirsk: IAET SO RAN, 2016, 452. (In Russ.)
24. Chernetsov V. N. Bronze of the Ust-Polui epoch. *Ancient history of Lower Ob River Valley*, ed. Zbrueva A. V. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1953, 121–178. (In Russ.)

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-44-51

25. Gemuev I. N. Some aspects of the bear cult and their archaeological parallels. *Uralo-Altaistics: Archaeology. Ethnography. Language*, ed. E. I. Ubriatova. Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-nie, 1985, 137–143. (In Russ.)
26. Saxon Grammar. *Acts of the Danes*. Moscow: Russkaia Panorama, 2017, 1224. (In Russ.)
27. Herodotus. *History in nine books*. Leningrad: Nauka. Leningr. otd-nie, 1972, 600. (In Russ.)
28. Kiryushin Yu. F. New burial grounds of early bronze on Upper Ob'. *Archaeological research on the Altai,* ed Kiryushin Yu. F. Barnaul: AGU, 1987, 100–125. (In Russ.)
29. Novgorodova E. A. *Ancient Mongolia (Some problems of chronology and ethnocultural history)*. Moscow: Nauka, 1989, 383. (In Russ.)
30. Gryaznov M. P., Komarova M. N., Lazaretov I. P., Polyakov A. V., Pshenitsyna M. N. *Kyurghenner – a Late Bronze Age cemetery in the Middle Yenisei region*. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 2010, 200. (In Russ.)
31. Polyakov A. V. Early stages of the development of the epoch of the Late Bronze Age of Middle Yenisei. *The Begazy-Dandybayev culture of Steppe Eurasia*, ed. Beysenev A. Z. Almaty: NITsIA, 2013, 401–416. (In Russ.)
32. Savinov D. G. PNN: new materials and observations. *Southern Siberia in antiquity*, ed. Savinov D. G. St. Petersburg: IIMK RAN, 1995, 57–66. (In Russ.)
33. Pyatkin B. N. From carriage to chariot and the Scythian Ares (transformation of motif semantics). *Problems of archaeology of steppe Eurasia:* Proc. Conf., Kemerovo, 1 Jan – 31 Dec 1987. Kemerovo: KemGU, 1987, pt. 1, 125–127. (In Russ.)
34. Pogodin L. I., Polevodov A. V. "Shamanskoe" burial ground of the Bronze Age of Borovlyanka-XVII in the Middle Irtysh River Valley. *Social-demographic processes in Siberia (Antiquity and the Middle Ages)*, ed. Bobrov V. V. Kemerovo: KemGU, 2003, 56–60. (In Russ.)
35. Soloviov A. I. *Weapons and Armor. Siberian weapons: from the Stone Age to the Middle Ages.* Novosibirsk: INFOLIO-press, 2003, 219. (In Russ.)
36. Bader O. N. *Ancient metallurgists of the Cis-Urals*. Moscow: Nauka, 1964, 176. (In Russ.)
37. Bader O. N. Bronze Knife from Seimya with horses on the overboard. *Kratkie soobshenya Instituta Arheolotgii*, 1971, (127): 98–103. (In Russ.)
38. Kuzmina E. E. *Where did the Indoaries come from? The material culture of the tribes of the Andronian community and the origin of the Indo-Iranians.* Moscow: Kalina, 1994, 463. (In Russ.)
39. Volkov V. V. *Stone stelaes from Mongolia.* Moscow: Nauch. tsentr, 2002, 248. (In Russ.)
40. Zakh V. A., Glushkova V. A. Woven belts from Sargat mound 7 at Chepkul-9. *Arkheologiia, etnografiia i antropologiia Evrazii*, 2009, (4): 57–66. (In Russ.)
41. Valentsova M. M. Knot in the traditional culture of the Slavs. *Slavianovedenie*, 2011, (6): 53–59. (In Russ.)

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-52-61

оригинальная статья
УДК 903.2

Стоянка Карасор-3 в верховьях Притоболья

Елена Викторовна Подзюбан
Костанайский социально-технический колледж, Казахстан, г. Костанай
podzuban@mail.ru

Поступила в редакцию 23.01.2021. Принята к печати 24.02.2021.

Аннотация: В научный оборот вводится коллекция находок материальной культуры доисторического периода, полученная на стоянке Карасор-3 в ходе стационарного исследования археологического объекта Карасор за время полевого сезона 1999 г. Группа памятников Карасор располагается в Верхнем Притоболье, вблизи г. Лисаковск. В географическом отношении Верхнее Притоболье приурочено к северной части Тургайского прогиба. Территория Тургайского прогиба соединяет Западно-Сибирскую и Туранскую равнины. С запада Тургайский прогиб ограничен Зауральским плато, а с востока – Казахским мелкосопочником и отрогами гор Улутау. Природно-географические особенности этого региона не способствуют сохранению культурного слоя на памятниках. В этой связи на стоянке Карасор-3 находки, представленные фрагментами керамики и каменными изделиями, были собраны с поверхности по причине разрушенного культурного слоя. В публикации керамике дана описательная характеристика, а каменный инвентарь был исследован с помощью технико-типологического метода. Основными параметрами технико-типологического анализа являются продукты первичного расщепления, морфологические параметры пластин, размеры пластин и орудий на пластинах, процентное соотношение заготовок и орудий из пластин и отщепов, приемы вторичной обработки, типологический состав орудийного набора. Как самостоятельный показатель учитывается характер используемого сырья. Сделаны выводы, что на рассматриваемом памятнике оставлена каменная индустрия эпохи позднего энеолита, которая находит прямые аналогии с каменной индустрией терсекской культуры. Временной диапазон собранной с поверхности коллекции керамики на представленной стоянке предположительно определяется периодом от позднего энеолита до раннего железного века.
Ключевые слова: энеолит, Тургайский прогиб, каменная индустрия, технико-типологический анализ, скребки, ножи, кварцитопесчаник, наконечники

Цитирование: Подзюбан Е. В. Стоянка Карасор-3 в верховьях Притоболья // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 1. С. 52–61. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-52-61

Введение

В степных просторах Верхнего Притоболья, относящегося географически к северной части Тургайского прогиба, на берегу высохшего озера, в 15 км к югу от г. Лисаковск (район Б. Майлина, Костанайская область), находится группа памятников Карасор[1]. Археологические работы на памятнике Карасор проводились в полевые сезоны 1998–1999 гг. В ходе исследований было выявлено восемь памятников, которые распространяются вокруг озера и располагаются преимущественно западнее от него (ситуационный план местности Карасорской группы памятников см. в [1, с. 637, рис. 1]). Общая площадь, которую занимает группа памятников Карасор, составляет примерно 196 га. На этом археологическом объекте культурный слой сильно разрушен песчаным выдувом. Раскопы закладывались только на Карасор-1, где за два года было исследовано около 3000 м^2. На остальных объектах проводились сборы с поверхности.

На противоположном берегу высохшего озера, в 320 м к юго-востоку от Карасора-1, находится памятник Карасор-3[2]. Находки на этом памятнике были приурочены к разрушающейся части останца и собирались с поверхности в полевые сезоны 1998–1999 гг. В полевой сезон 1999 г. сбор находок с поверхности производился только в пункте А, а в 1998 г. сбор производился по двум пунктам (А, В). Для того чтобы проследить стратиграфию на этих пунктах, закладывались разведочные траншеи[3]. В разведочной траншее пункта А была выявлена следующая стратиграфия: сверху – слой перевеянного песка желтого цвета толщиной до 0,2 м; ниже – слой гумусированной супеси мощностью от 0,25 до 0,9 м, включающий линзы супеси черного цвета толщиной до 0,01 м; ниже – прослойка супеси, насыщенной золой, толщиной от 0,1 до 0,4 м; подстилает

[1] Логвин А. В., Подзюбан Е. В. Раскопки поселения Карасор-1. Исследование карасорской группы памятников // Отчёт о полевых исследованиях отряда Лисаковской археологической экспедиции летом 1998 г. Костанай: Архив Лисаковского музея истории и культуры Верхнего Притоболья, 1999. С. 5.

[2] Логвин А. В., Подзюбан Е. В. Раскопки поселения Карасор-1. Дополнительные исследования карасорской группы памятников // Отчёт о полевых исследованиях ТАЭ летом 1999 г. Костанай: Архив научно-исследовательского археологического центра при КГУ, 2000. С. 41–43.

[3] Логвин А. В., Подзюбан Е. В. Раскопки поселения Карасор-1. Исследование карасорской группы памятников … С. 45.

© 2021. Авторы. Статья распространяется на условиях международной лицензии CC BY 4.0

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-52-61

его материковый песок желтого цвета. Не исключено, что траншеей была затронута часть жилищного котлована.

В данной публикации исследовалась коллекция, собранная с поверхности на Карасоре-3 в полевой сезон 1999 г. (пункт А). В ходе сбора с поверхности было получено 200 артефактов, которые представлены фрагментами керамики (128 экз.) и изделиями из камня (72 экз.).

В силу природно-географических условий на территории Тургайского прогиба происходит медленное накопление почвенного слоя, что обуславливает плохую сохранность культурного слоя на большинстве памятников. В этой связи культурный слой многих археологических объектов в этом регионе полностью или частично разрушен, поэтому их отложения содержат смешанный разновременный материал. Группа памятников Карасор является ярким примером таких объектов. Кроме того, на территории Тургайского прогиба отсутствуют многослойные стратифицированные памятники каменного века, на которых культурные слои разделены стерильными прослойками. Радиоуглеродные даты крайне редки и имеются преимущественно для терсекских памятников. Ввиду этих особенностей такие методы, как описательный, технико-типологический, сравнительный, применялись для исследования коллекции, полученной на стоянке Карасор-3.

Цель данной публикации – определить хронологическую и культурную принадлежность стоянки Карасор-3. Вытекающие задачи: ввести в научный оборот новые сведения о материальной культуре доисторического периода, полученные на стоянке Карасор-3; дать характеристику каменной индустрии при помощи технико-типологического анализа.

Результаты

Собранная с поверхности керамика (128 фр.) на стоянке Карасор-3 в 1999 г. сильно фрагментирована. Были выделены *орнаментированные стенки сосудов* (16 фр.). Все фрагменты украшены зубчатым штампом. Поскольку орнаментированные фрагменты стенок сосудов небольших размеров, то проследить завершенный узор не удалось. Однако на двух фрагментах хорошо просматриваются две линии горизонтальных оттисков (рис. 1, *3*). Еще два фрагмента орнаментированы сочетанием горизонтальных и наклонных оттисков (рис. 1, *2*). На остальных фрагментах в силу крайне малых размеров или же отсутствия возможности увидеть узор можно лишь констатировать наличие оттисков зубчатого штампа (рис. 1, *1*). Тесто всех орнаментированных фрагментов плотное, с примесью песка (5 фр.), с примесью песка и шамота (2 фр.), с примесью песка и талька (4 фр.), с примесью крупнозернистого песка (5 фр.). Внешняя поверхность орнаментированных фрагментов стенок сосудов – от светло-коричневого до темно-коричневого цвета, толщина стенок – от 7 до 12 мм.

На памятнике были получены *неорнаментированные стенки сосудов* (101 фр.). Преимущественно эти фрагменты небольших размеров, а в некоторых случаях сохранилась только внешняя поверхность стенок сосудов. При этом внешняя поверхность стенок красно-коричневого цвета отмечена на 36 фрагментах, а темно-коричневого цвета – на 65 фрагментах. Среди 36 фрагментов визуально отмечена примесь песка и шамота в 32 фрагментах, а песка и ракушки – в 4 фрагментах. Тесто этих фрагментов плотное, толщина стенок – от 4 до 12 мм. Из 65 фрагментов визуально выявлена примесь песка (13 фр.), песка и ракушки (9 фр.), крупнозернистого песка (9 фр.), песка, талька и слюды (10 фр.), песка и шамота (24 фр.). Тесто этих фрагментов плотное, толщина стенок – от 5 до 12 мм.

В коллекции керамики присутствуют неорнаментированные фрагменты *придонных частей сосудов* (2 фр.). Судя по фрагментам, вероятно, они от одного плоскодонного сосуда. Внешняя поверхность этих фрагментов – красно-коричневого цвета, а тесто – плотное, с примесью песка и шамота. Внутренняя поверхность на фрагментах не сохранилась.

Кроме того, в коллекции керамики, судя по обжигу и примеси в тесте, отмечены *пять неорнаментированных фрагментов, которые происходят от одного сосуда* (рис. 1, *8–11*). Среди них представлены верхняя часть сосуда (1 фр.), стенки сосуда (3 фр.) и придонная часть (1 фр.) от плоскодонного сосуда. Венчик верхней части сосуда существенно отогнут наружу, срез венчика – округлый. Тесто этих фрагментов слоистое, с примесью песка, шамота и ракушки, толщина – от 9 до 11 мм. Внешняя и внутренняя поверхности рассмотренных фрагментов темно-коричневого цвета. С внешней стороны фрагментов сосуда поверхность грубо заглажена.

Среди представленной керамики имеются *стенки сосуда* (4 фр.), которые являются частью сосуда (133 фр.), полученного в ходе полевых исследований на Карасоре-3 (пункт А) в 1998 г. Эти фрагменты сосуда были орнаментированы фигурным штампом в виде горизонтальных лент треугольников, состоящих из двух рядов, и рядов «уточек». На внешней и внутренней поверхностях сосуда отмечены следы заглаживания, похожие на тонкие прямые линии (рис. 1, *4*). Тесто сосуда очень плотное, с примесью мелкозернистого песка. Внешняя поверхность сосуда коричневого цвета, а толщина стенок – от 4 до 6 мм.

Выявленные в рассматриваемой коллекции керамики четыре небольших фрагмента происходят от этого же сосуда. Один фрагмент орнаментирован, на нем прослеживаются треугольник и несколько рядов «уточек» (рис. 1, *5*). Три других фрагмента неорнаментированные, однако на всех фрагментах присутствуют аналогичные следы заглаживания (рис. 1, *6, 7*). Тесто фрагментов плотное, с примесью мелкозернистого песка. Внешняя поверхность сосуда коричневого цвета, а толщина стенок – 4 мм.

Технико-типологический анализ каменного инвентаря на памятнике проводился с учетом следующих показателей: продукты первичного расщепления; морфологические

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-52-61

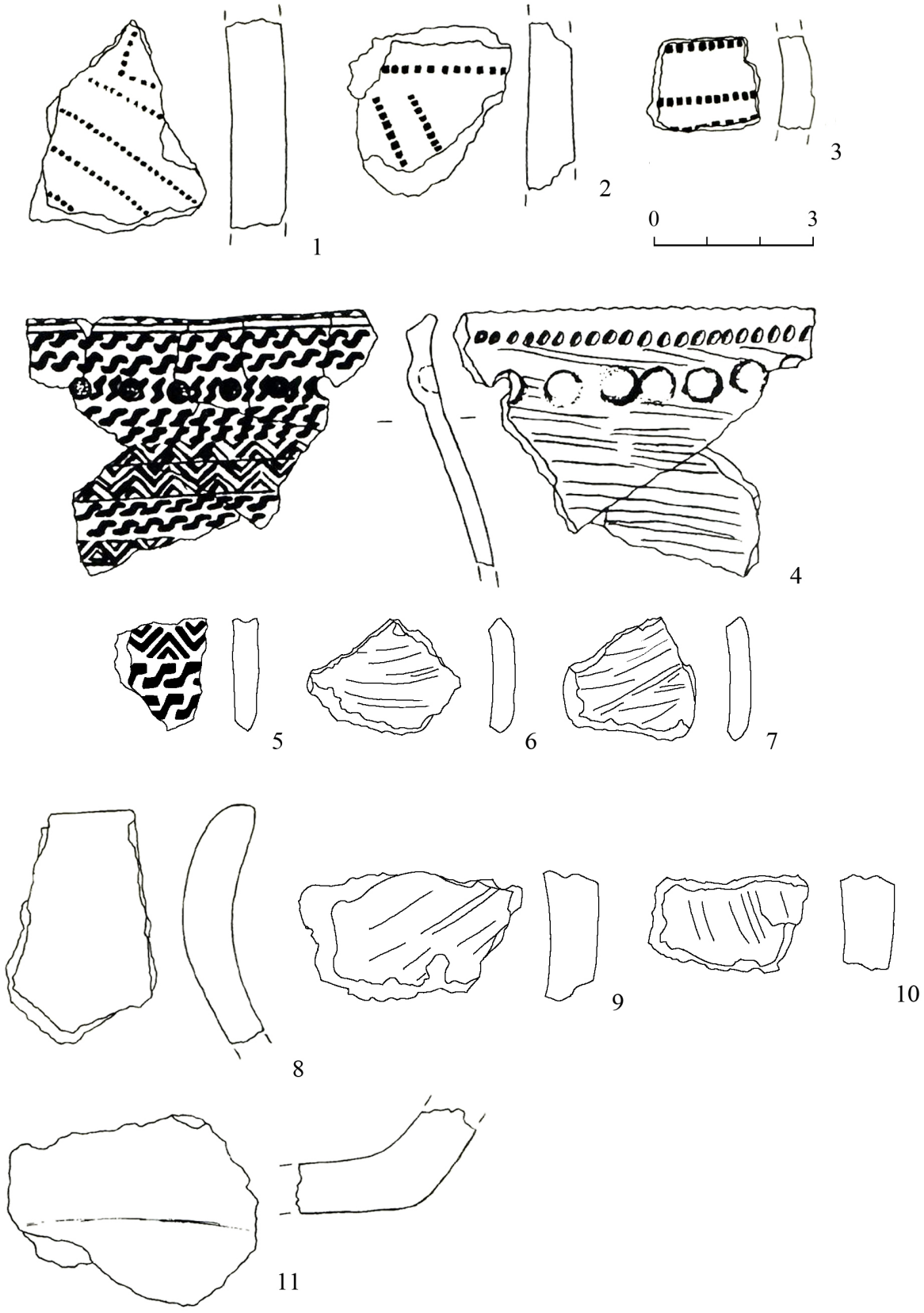

Рис. 1. Фрагменты керамики со стоянки Карасор-3
Fig. 1. Pottery fragments from Karasor-3

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-52-61

параметры заготовок (отщепы, пластины, пластинчатые отщепы); размеры пластин и орудий на пластинах (основное внимание уделяется ширине заготовки); процентное соотношение заготовок и орудий из пластин и отщепов; признаки, отражающие приемы вторичной обработки; типологический состав орудийного набора. Как самостоятельный показатель учитывался характер используемого сырья [2, с. 4]. Под каменной индустрией понимается «совокупность устойчиво повторяющихся типов заготовок (техника расщепления), типов вторичной обработки продуктов расщепления (техника ретуширования) и типов изделий (набор типов форм)» [3, с. 9].

Как и на большинстве памятников Тургайского прогиба, на стоянке Карасор-3 каменный инвентарь изготовлен из традиционных для этого региона видов сырья. Основная доля каменных изделий приходится на кварциты и кварцитопесчаники (90 %). В оставшиеся 10 % входят такие породы, как халцедонолит, яшма, фтанит и кахолонг.

Под *первичным расщеплением* понимается процесс подготовки нуклеуса (ядрище) из сырья с целью его дальнейшего раскалывания для получения сколов-заготовок (вторичных заготовок) – отщепов и пластин. В рассматриваемой коллекции отсутствуют изделия первичного расщепления.

В ходе первичного расщепления появляются *отходы производства*, к которым относятся отщепы, сохранившие полностью или частично желвачную корку; обломки сырья; пластины с коркой (краевые сколы); неправильные пластины с аморфным сечением, отходы вторичной обработки. В рассматриваемой коллекции каменного инвентаря выявлены *отходы производства* (22,4 % каменных изделий), которые представлены отщепами, сохранившими полностью (5 экз.) (рис. 2, *1*) или частично (5 экз.) желвачную корку, обломками сырья (3 экз.), пластинами с коркой (краевые сколы) (2 экз.) и отходами вторичной обработки (1 экз.).

Отщепы-отходы по наибольшему диаметру распределяются в пределах от 11 до 40 мм. Среди них преобладают экземпляры с наибольшим диаметром от 11 до 30 мм (9 экз.). По наибольшему размеру отщепы-отходы распределяются следующим образом: от 11 до 20 мм – 5 экз., от 21 до 30 мм – 4 экз., от 31 до 40 мм – 1 экз.

Среди обломков сырья представлены экземпляры диаметром от 11 до 30 мм (3 экз.). По наибольшему диаметру они распределяются таким образом: от 11 до 20 мм – 2 экз., от 21 до 30 мм – 1 экз. Среди обломков кремня желвачная корка сохранилась частично только на 1 экз. Все обломки кремня происходят от одной конкреции кварцитопесчаника коричневато-серого цвета.

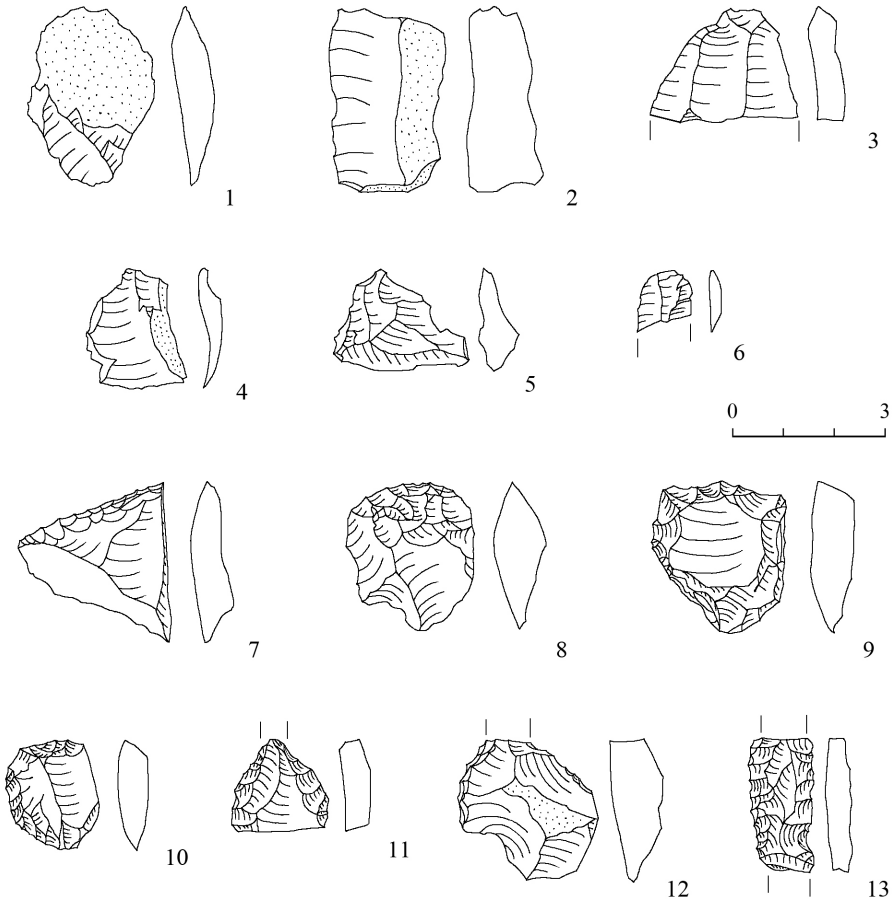

Рис. 2. Каменные изделия со стоянки Карасор-3. Отходы производства: 1 – отщепы-отходы; 2 – краевые пластины; 3 – вертикальный скол; 4, 5 – отщепы-заготовки; 6 – проксимальная часть пластины; 7 – обломок ножа; 8–12 – скребки; 13 – обломок наконечника
Fig. 2. Stone tools from Karasor-3. Production wastes: 1 – waste flakes; 2 – edge plates; 3 – vertical cleavage; 4, 5 – blank flakes; 6 – proximal part of a plate; 7 – knife fragment; 8–12 – scrapers; 13 – arrowhead fragment

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-52-61

Пластины с коркой (краевые сколы) сохраняют параметры, характерные для пластин, за исключением следов предшествующих сколов на поверхности, поскольку их дорсальная поверхность покрыта желвачной коркой. В рассматриваемой коллекции выявлены краевые сколы с частично сохранившейся (2 экз.) желвачной коркой. Они представлены дистальной (1 экз.) и проксимальной (1 экз.) частями. Параметры одного краевого скола – 30×21×10 мм (рис. 2, *2*), второго – 12×10×3 мм. Отходы вторичной обработки представлены чешуйкой (1 экз.), размеры менее 10 мм.

В процессе расщепления нуклеус нуждался в «подживлении» с целью получения правильных пластин с параллельными краями. В ходе «подживления» появлялись *технические сколы или продукты «омоложения» нуклеуса*, к которым принадлежат вертикальные сколы, ребристые пластины, сколы с основанием, сколы с ударной площадкой. В данной коллекции к *техническим сколам* принадлежит 1 экз. (1,4 % каменных изделий), он представлен обломком вертикального скола (рис. 2, *3*), размеры – 18×26×5 мм. На поверхности вертикальных сколов фиксируются негативы от снятия пластин шириной от 6 до 11 мм и визуально прослеживаются следы утилизации по боковым краям.

В коллекции каменного инвентаря присутствуют *вторичные заготовки*, к которым отнесены отщепы без вторичной обработки (34 экз.) и пластины без вторичной обработки (1экз.). Отщепов без вторичной обработки насчитывается 47 % от общего количества каменных изделий (рис. 2, *4, 5*), они распределяются по наибольшему диаметру таким образом: от 11 до 20 мм – 23 экз., от 21 до 30 мм – 11 экз. Следует отметить особенность среди отщепов без вторичной обработки – они преимущественно расколоты.

Пластины без вторичной обработки составляют 1,4 % от общего количества каменного инвентаря. В коллекции имеется только один экземпляр проксимальной части пластины (рис. 2, *6*). Эта сломанная часть пластины изготовлена их халцедонолита с точечной площадкой и прямым профилем, а также треугольным сечением и параллельными краями. Ширина проксимальной части пластины – 9 мм.

Коллекция орудий (*орудийный набор*) на памятнике Карасор-3 состоит из 20 экз. (28 % каменных изделий). Все они входят в группу орудий из отщепов. В свою очередь группа орудий делится на категории, а они на типы и варианты.

В качестве техники вторичной обработки использовалось только ретуширование. Классификация ретуши производилась по следующим признакам: расположение на плоскостях орудия (*дорсальная, вентральная, бифасиальная, чередующаяся*); степень покрытия ретушью поверхностей орудия (*покрывающая* – распространяющаяся на всю плоскость изделия, *распространенная* – занимает более трети ширины орудия, *захватывающая* – занимает менее трети ширины орудия, *краевая*) [4, с. 107–108]; наклон ретуши (*стелющаяся* – нанесена под углом до 10°, *плоская* – от 10° до 30°, *полукрутая* – от 30° до 60°, *крутая* – от 60° до 90°, *вертикальная* – 90°); соотношение размеров фасеток (*равнофасеточная* и *разнофасеточная*; *протяженная* и *прерывистая*) [5, с. 150–153].

Большинство орудий из отщепов содержат краевую, протяженную и равнофасеточную ретушь с дорсала (17 экз.). Среди орудий из отщепов бифасиальная обработка отмечена на 3 экз. Из всех видов ретуши среди орудий из отщепов превалирует крутая (8 экз.) и плоская (8 экз.), а также отмечена полукрутая (1 экз.) и вертикальная (3 экз.). Орудия этой группы были изготовлены из отщепов, которые по наибольшему размеру распределяются от 11 до 30 мм (100 %). При этом 60 % приходится на отщепы, укладывающиеся в интервал от 11 до 20 мм.

Категория *скребков* включает только орудия из *отщепов* (9 экз.). Они представлены орудиями с одним лезвием – 2 экз. (рис. 2, *8*), с двумя – 3 экз. (рис. 2, *9, 10*), с участком скребковой ретуши – 1 экз. и обломком скребка. Помимо концевых выделены скребки с «носиком» (2 экз.). Одно орудие изготовлено из целого отщепа (рис. 2, *12*), а второе – из рассеченного (рис. 2, *11*). «Носики» в обоих случаях обломаны, а прилегающие к излому боковые края оформлены крутой ретушью с дорсала. Преимущественно скребковое лезвие оформлялось крутой ретушью (55 %) и вертикальной (33 %).

Нож (1 экз.) представлен обломком и выполнен из *отщепа*. Частично сохранившееся лезвие оформлено плоской ретушью с дорсала (рис. 2, *7*).

Категория *двусторонне обработанных орудий* представлена только обломками срединных частей наконечников стрел (3 экз.) (рис. 2, *13*).

Отщепов с участком ретуши найдено 7 экз. Преимущественно участок на отщепах оформлялся плоской или крутой ретушью.

Следует подвести итоги технико-типологической характеристики каменной индустрии, полученной на стоянке Карасор-3 в 1999 г., опираясь на следующие показатели: продукты первичного расщепления; морфологические параметры заготовок; размеры пластин и орудий на пластинах; процентное соотношение заготовок и орудий из пластин и отщепов; признаки, отражающие приемы вторичной обработки; типологический состав орудийного набора. Как самостоятельный показатель учитывается характер используемого сырья.

Каменный инвентарь на стоянке преимущественно изготавливался из кварцитов и кварцитопесчаников (90 %). Незначительное количество приходится на фтанит (2,7 %), халцедонолит (2,7 %), яшму (2,7 %), кахолонг (1,4 %). Для сравнения обратим внимание, что на эталонных памятниках маханджарской культуры (Соленое Озеро-2, Екидин-24) каменные изделия из кварцитов и кварцитопесчаников составляют более 90 %, а на памятниках позднеэнеолитического времени «абсолютно преобладают орудия, изготовленные из кварцитови кварцитопесчаников» [6, с. 40]. Наличие в коллекции стоянки Карасор-3, полученной в 1999 г., малого

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-52-61

количества каменных изделий из фтанита, яшмы, халцедонолита и кахолонга мы объясняем присутствием в этой коллекции мезолитического материала. В коллекции этой же стоянки, собранной в 1998 г. (пункт А), на сырьё (фтанит, халцедонолит, яшма), характерное для мезолитических памятников Тургайского прогиба, приходится 13 %, а изделия из кварцитов и кварцитопесчаников составляют 69 %.

Ближайшие выходы упомянутого сырья находятся в пределах координат 51–52° с. ш., 66–68° в. д. на территории Тургайского прогиба. Это Тас-Обинское проявление яшм и фтанитов; Красивинское проявление яшм и фтанитов [7, с. 218]. Переход на новый источник сырья преимущественно из кварцитов и кварцитопесчаников приходится на период раннего неолита в этом регионе. Выходы кварцитов и кварцитопесчаников отмечены по р. Кайынды. Координаты этой территории: 49–50° с. ш., 66–67° в. д. [8, с. 449–450]. Эти ближайшие выходы сырья расположены в радиусе 300–350 км от рассматриваемого памятника. Не исключено, что древнейшие обитатели Тургайского прогиба для получения изделий из камня использовали сырье и с Южного Урала.

В коллекции каменного инвентаря рассматриваемой стоянки отсутствуют продукты первичного расщепления. Однако наличие среди продуктов «омоложения» вертикального скола и краевых сколов среди отходов производства позволяет предполагать, что на этом памятнике также велось раскалывание нуклеусов. В пользу этого утверждения могут свидетельствовать конусовидный нуклеус и обломки нуклеусов, найденные на стоянке Карасор-3 в 1998 г. (пункт В). Расстояние между пунктами А и В – 40–50 м.

Из двух видов заготовок доминирующее положение занимают отщепы (97 %). Судя по наибольшему диаметру устойчивой заготовкой являлись отщепы от 11 до 30 мм, составляющие 100 %. При этом из них на отщепы-заготовки размером от 11 до 20 мм приходится 68 %. Как среди заготовок, так и среди орудий отщепы размером от 11 до 30 мм являются абсолютно доминирующими. Орудия из отщепов размером от 11 до 20 мм составляют 60 %. Среди заготовок на пластины приходится всего 2,8 %. Это одна проксимальная часть пластины, изготовленная из халцедонолита с точечной площадкой. Ширина проксимальной части пластины – 9 мм.

В силу того, что в коллекции отсутствуют орудия из пластин, а заготовки из них представлены одним экземпляром, такой технико-типологический показатель, как размеры пластин и орудий из них, опущен.

В рассматриваемой коллекции орудий среди приемов вторичной обработки применялось только ретуширование. Чаще всего край заготовки намеренно отделывался краевой ретушью с дорсала. По характеру краевая ретушь преимущественно прослеживается равнофасеточная, протяженная, крутая или плоская. Единично представлена бифасиальная обработка. В коллекции орудий, полученной с пункта А в 1998 г. на Карасоре-3, помимо ретуширования прослеживаются такие приемы вторичной обработки, как шлифование и оббивка[4]. По данному показателю провести сопоставление с материалами памятников каменного века Тургайского прогиба не представляется возможным.

С пункта А в полевой сезон 1999 г. на Карасоре-3 был получен незначительный в количественном отношении и слабо выразительный орудийный набор (20 экз.), который представлен только изделиями из отщепов. В этой связи крайне мало орудий, которые могут выступать маркерами для уточнения времени обитания человека на данном памятнике. К ним относятся прежде всего скребки из отщепов, на которые приходится 45 % среди орудий из отщепов. Из них скребки с «носиком» наиболее примечательны в этой категории орудий. Категория двусторонне обработанных орудий составляет 15 % среди группы орудий из отщепов, из них это только срединные части двусторонне обработанных наконечников.

В 1998 г. на данном памятнике был получен более многочисленный выразительный орудийный набор (119 экз.), поэтому для проведения аналогий и сопоставлений мы обратимся к нему. Среди орудийного набора 1998 г. орудия из отщепов составляют 87 %, а орудия из пластин – только 4 %. При этом среди орудий из отщепов на скребки приходится 48 %, а на двусторонне обработанные орудия – 21 %. При доминирующей доле концевых скребков широко представлены округлые, подтреугольные, секторовидные, сегментовидные, биполярные и скребки с лезвием углом (рис. 3, *1, 2, 4–6, 9*). В категорию двусторонне обработанных орудий вошли дисковидное орудие, наконечники и обломки ножей (рис. 3, *3, 7, 8, 11*). При этом наконечники существенно преобладают среди категории двусторонне обработанных орудий, из них два наконечника – листовидной формы с прямым основанием и слабо выделенным черешком, а среди обломков тыльных частей имеются наконечники с прямым основанием, округлым и вогнутым. На ножи, изготовленные краевой ретушью, приходится 6 %, а один из них выполнен из крупного обломка кремнистого сланца (рис. 3, *10, 12, 14*).

Подобные типы орудий устойчиво присутствуют в орудийных наборах памятников (Кожай-1, Кумкешу-1, Каинды-3) терсекской культуры [6, с. 53–57; 9, с. 14–43]. Сопоставления прослеживаются по орудийному комплексу с материалами стоянки Карасор-2, а также поселения Белкарагай-1, расположенными на территории рассматриваемого региона [1, с. 641–643; 10, с. 134]. Наиболее ярким маркирующим типом являются дисковидные орудия, которые присутствуют в орудийных наборах памятников Карасор-2 (1998 г.) и Карасор-3 (1998 г.) [1]. На сопредельной территории ближайшее сходство по каменной индустрии мы прослеживаем с ботайскими древностями [11, с. 22–26; 12, с. 466–479; 13, с. 21–67] и материалами южно-уральских энеолитических памятников [14, с. 128–131, 177; 15, с. 158–177].

[4] Там же. С. 49.

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-52-61

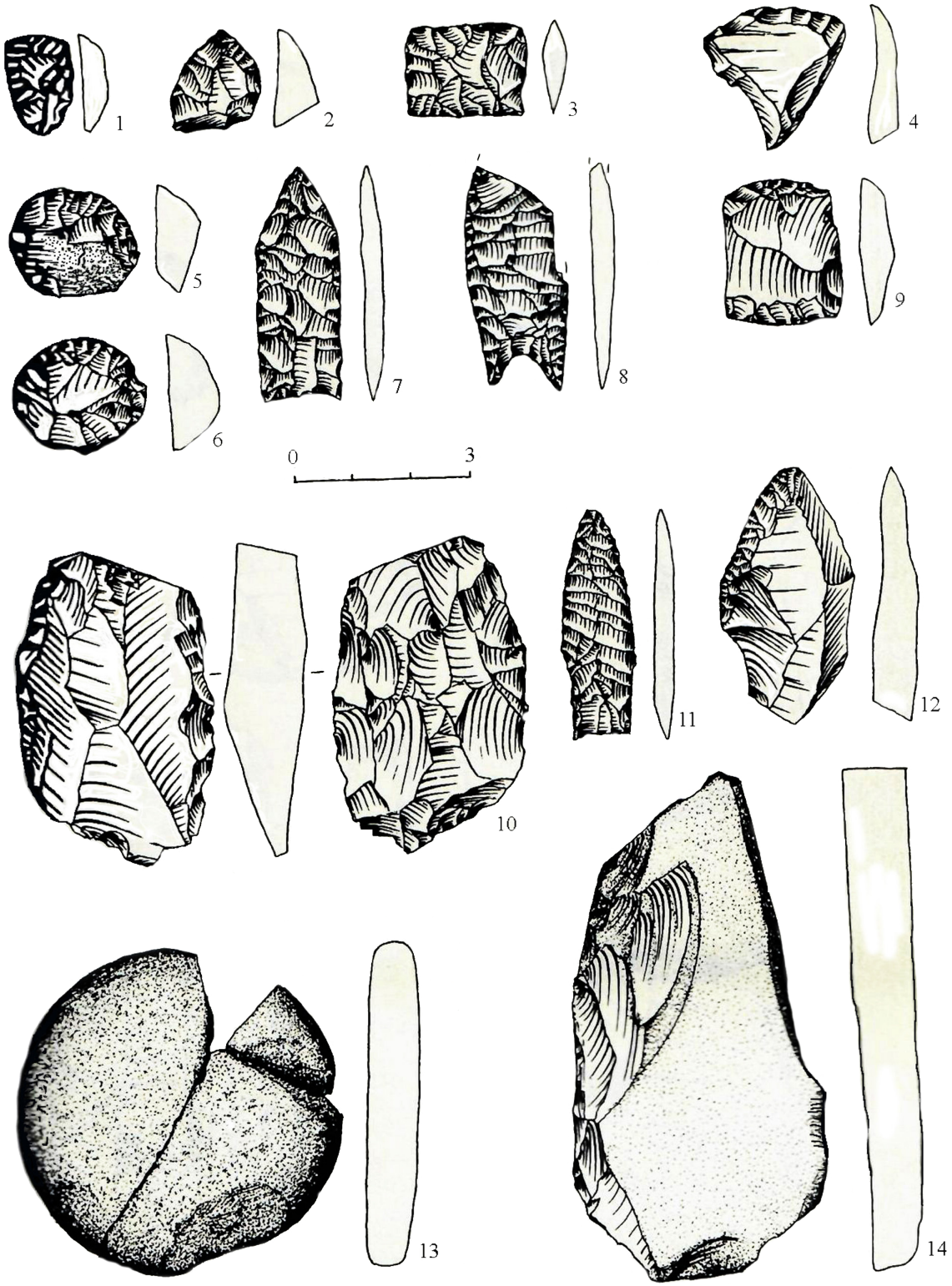

Рис. 3. Каменные изделия со стоянки Карасор-3: 1, 2, 4–6, 9 – скребки; двусторонне обработанные орудия: 3 – дисковидное орудие; 7, 8, 11 – наконечники; 10, 12, 14 – ножи; 13 – абразив
Fig. 3. Stone tools from Karasor-3: 1, 2, 4–6, 9 – scrapers; double-sided finished tools: 3 – disc tool; 7, 8, 11 – arrowheads; 10, 12, 14 – knives; 13 – abrasive

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-52-61

Заключение

Преимущественно основываясь на орудийном наборе Карасора-3 (1998–1999 гг., пункт А), следует признать его однородность и сходство с позднеэнеолитическим комплексом памятников Тургайского прогиба и сопредельных территорий. Отсутствие орудий из пластин на Карасоре-3 (1999 г.), а также маловыразительный состав и малое их количество (5 экз.) на Карасоре-3 (1998 г.) не противоречит выводу о принадлежности орудийного набора позднему энеолиту, поскольку на терсекских памятниках орудия из пластин составляют от 0,9 % до 3 % от суммы орудий из отщепов и пластин [6, с. 40]. Превалирующее положение отщепового комплекса как среди заготовок, так и орудий на данном памятнике, а также сырьевой показатель согласуются с выводами о том, что коллекция каменных изделий Карасора-3 (1999 г.) датируется в рамках относительной хронологии эпохой позднего энеолита.

Фрагменты керамики представленной коллекции в пределах относительной хронологии определяются не так однозначно. На памятнике Карасор-3 в полевой сезон 1999 г. были обнаружены крайне фрагментированные экземпляры керамики, которые не могут выполнить в полной мере возложенную на них функцию. Однако оттиски зубчатого штампа на некоторых фрагментах керамики в рассматриваемой коллекции позволяют косвенно предполагать, что она имеет позднеэнеолитическое происхождение, поскольку эти орнаментальные приемы преобладают на керамических сосудах терсекских памятников Тургайского прогиба [6, с. 79–85]. Эти выводы согласуются с заключением по коллекции каменных изделий.

Кроме того, многочисленные неорнаментированные фрагменты с красно-коричневой и темно-коричневой внешней поверхностью – более позднего происхождения. По нашему мнению, в рамках относительной хронологии они относятся ко времени от поздней бронзы до раннего железного века включительно. Подобные неорнаментированные фрагменты встречаются на памятниках Тургайского прогиба, где были получены разновременные коллекции находок.

С ранним железным веком мы связываем и фрагменты керамики, орнаментированные фигурным штампом в виде горизонтальных лент треугольников, состоящих из двух рядов, и рядов «уточек». Данный сосуд является привнесенным извне, поскольку не типичен для Тургайского прогиба. Ближайшие аналогии по элементам орнамента фрагментов этого сосуда прослеживаются на памятниках кулайской культурно-исторической общности Томского и Нарымского Приобья [16, с. 47–51]. Таким образом, рассмотренная коллекция керамики укладывается во временной промежуток от позднего энеолита до раннего железного века.

Благодарности

Автор выражает признательность и благодарность сотрудникам Лисаковского музея истории и культуры Верхнего Притоболья в лице руководителя музея Ш. Е. Ермагамбетовой и заместителя руководителя Ю. П. Будановой за предоставленную возможность обработать коллекцию со стоянки Карасор-3. Рисунки для публикации материала со стоянки Карасор-3 за полевой сезон 1999 г. были подготовлены Еленой и Алиной Николенко.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Литература

1. Подзюбан Е. В. Стоянка Карасор-2 в Верхнем Притоболье // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 3. С. 636–647. DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-3-636-647
2. Подзюбан Е. В. Каменные индустрии мезолитических и неолитических комплексов Кустанайского Притоболья: автореф. дис. … канд. ист. наук. Новосибирск, 2010. 30 с.
3. Коробкова Г. Ф. Культуры и локальные варианты мезолита и неолита Средней Азии (по материалам каменной индустрии) // Советская археология. 1975. № 3. С. 8–27.
4. Деревянко А. П., Маркин С. В., Васильев С. А. Палеолитоведение: введение и основы. Новосибирск: Наука: Сиб. изд. фирма, 1994. 284 с.
5. Васильев С. А. К методике изучения элементов вторичной обработки каменных орудий // Проблемы археологии Северной и Восточной Азии / отв. ред. С. В. Маркин, С. А. Гладышев. Новосибирск: Б. и., 1986. С. 147–161.
6. Калиева С. С., Логвин В. Н. Скотоводы Тургая в третьем тысячелетии до нашей эры. Кустанай: Б. и., 1997. 180 с.
7. Палант Л. И., Тимеева Л. В. Отчёт по теме: «Обобщение геологических материалов по Тургайской области и составление карты перспектив на камнесамоцветное сырьё в м-бе 1:500000 по территории деятельности СКПГО». Кустанай: Б. и., 1983. Т. 1–2. 254 с.
8. Гуськова А. И. Восточный склон Тургайского прогиба и западная часть Казахского щита // Геология СССР. Т. XX. Центральный Казахстан. М.: Недра, 1972. Кн. 1. С. 444–464.
9. Калиева С. С. Поселение Кожай 1. Алматы: Б. и., 1998. 255 с.
10. Логвин А. В., Шевнина И. В. Поселение Белкарагай 1 // Древний Тургай и Великая степь: часть и целое / отв. ред. А. З. Бейсенов. Костанай-Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2015. С. 122–141.

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-52-61

11. Заитов В. И. Характеристика каменных орудий поселения Ботай (предварительный анализ) // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья / отв. ред. С. Я. Зданович. Челябинск: ЧелГУ, 1985. С. 17–33.
12. Зайберт В. Ф. Ботайская культура. Алматы: ҚазАқпарат, 2009. 576 с.
13. Зайберт В. Ф. Энеолит Урало-Иртышского междуречья. Петропавловск: Наука, 1993. 244 с.
14. Матюшин Г. Н. Энеолит Южного Урала. М.: Наука, 1982. 328 с.
15. Мосин В. С., Григорьев С. А., Таиров А. Д., Боталов С. Г. Древняя история Южного Зауралья. Т. 1: Каменный век. Эпоха бронзы. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2000. 532 с.
16. Рыбаков Д. Ю., Степанова Н. Ф. Результаты технико-технологического анализа керамики памятников кулайской культурно-исторической общности из Томского и Нарымского Приобья // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 49. С. 46–53. DOI: 10.17223/19988613/49/9

original article

Karasor-3 Site in the Upper Tobol

Elena V. Podzuban
Kostanay Social and Technical College, Kazakhstan, Kostanay
podzuban@mail.ru

Received 23 Jan 2021. Accepted 24 Feb 2021.

Abstract: The paper introduces a collection of prehistoric artifacts from Karasor-3 archeological site (1999). The Karasor cluster is located in the Upper Tobol region near the town of Lisakovsk, in the northern part of the Turgai depression, which connects the West Siberian and Turan plains. The Turgai depression borders on the Trans-Ural Plateau on the west and on the Kazakh hummocks and the Ulutau Mountains on the east. This environment does not contribute to the preservation of the cultural layer. As a result, the pottery and stone fragments found at the Karasor 3 site were collected from the surface. The article contains a detailed description of the pottery. The stone tools underwent a technical and typological analysis based on the products of primary splitting, morphological parameters and size of plates, the ratio of blanks and tools made of plates and flakes, methods of secondary processing, and typological composition of the tool kit. The nature of the raw materials was considered as an independent indicator. The stone industry of the Late Eneolithic era proved similar to the Tersek culture. The pottery ranged from the Late Eneolithic to the Early Iron Age.
Keywords: Eneolithic period, Turgai depression, stone industry, technical and typological analysis, scrapers, knives, quartzite sandstone, arrowheads

Citation: Podzuban E. V. Karasor-3 Site in the Upper Tobol. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(1): 52–61. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-52-61

Conflicting interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

References

1. Podzuban E. V. Karasor-3 site in the Upper Tobol. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(3): 636–647. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-3-636-647
2. Podzuban E. V. *Stone industries of the Mesolithic and Neolithic complexes of the Kustanai Tobol area*. Cand. Hist. Sci. Diss. Abstr. Novosibirsk, 2010, 30. (In Russ.)
3. Korobkova G. F. Cultural and local variations of medieval Asia (based on materials from the stone industry). *Sovetskaia arkheologiia*, 1975, (3): 8–27. (In Russ.)
4. Derevyanko A. P., Markin S. V., Vasilev S. A. *Paleolithology: introduction and basics*. Novosibirsk: Nauka: Sib. izd. firma, 1994, 284. (In Russ.)
5. Vasilev S. A. To the methodology of studying the elements of the secondary processing of stone tools. *Problems of Archeology of North and East Asia*, eds. Markin S. V., Gladyshev S. A. Novosibirsk, 1986, 147–161. (In Russ.)
6. Kalieva S. S., Logvin V. N. *Turgai pastoralists in the third millennium*, BC. Kostanay, 1997, 180. (In Russ.)

© 2021. The Author(s). This article is distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-52-61

7. Palant L. I., Timeeva L. V. *Report on the topic: "Generalization of geological materials in the Turgai region and roadmap for gemstone raw materials in a scale of 1:500000 in the area of operation of the SKPGO"*. Kostanay, 1983, vol. 1–2, 254. (In Russ.)
8. Guskova A. I. The eastern slope of the Turgai depression and the western part of the Kazakh highlands. *Geology of the USSR. Vol. XX. Central Kazakhstan.* Moscow: Nedra, 1972, book 1, 444–464. (In Russ.)
9. Kalieva S. S. *Settlement Kozhai 1*. Almaty, 1998, 255. (In Russ.)
10. Logvin A. V., Shevnina I. V. Settlement Belkaragai 1. *The ancient Turgai and the Great Steppe: part and whole*, ed. Beisenov A. Z. Kostanay-Almaty: Institut arkheologii im. A. Kh. Margulana, 2015, 122–141. (In Russ.)
11. Zaitov V. I. Characteristics of stone tools of the Botay settlement (preliminary analysis). *Eneolithic and Bronze Age of the Ural-Irtysh interfluves*, ed. Zdanovich S. Ya. Chelyabinsk: ChelGU, 1985, 17–33. (In Russ.)
12. Zaibert V. F. *Botay culture*. Almaty: KazAkparat, 2009, 576. (In Russ.)
13. Zaibert V. F. *Eneolithic of the Ural-Irtysh interfluve*. Petropavlovsk: Nauka, 1993, 244. (In Russ.)
14. Matiushin G. N. *Eneolithic of the Southern Urals.* Moscow: Nauka, 1982, 328. (In Russ.)
15. Mosin V. S., Grigorev S. A., Tairov A. D., Botalov S. G. *Ancient history of the Southern Trans-Urals. Vol. 1: The Stone Age. The Bronze Age*. Chelyabinsk: Izd-vo IuUrGU, 2000, 532. (In Russ.)
16. Rybakov D. Yu., Stepanova N. F. The results of technical and technological analysis of ceramics of the Kulai cultural-historical community's sites from the Tomsk and Narym Ob Region. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 2017, (49): 46–53 (In Russ.) DOI: 10.17223/19988613/49/9

История и Археология

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-62-70

https://vestnik.kemsu.ru

оригинальная статья
УДК 94(47)

Фронт после победы: причины роста преступности в СССР в послевоенные годы (1945–1950-е гг.)

Анна Дмитриевна Попова
Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина, Россия, г. Рязань
a.d.popova@mail.ru
https://orcid.org/0000-0002-9524-3886

Поступила в редакцию 10.05.2020. Принята к печати 16.11.2020.

Аннотация: Цель – выявить причины роста преступности в СССР в послевоенные годы. Изучен большой ряд документов: архивы Главного управления по борьбе с бандитизмом МВД СССР, мемуары сотрудников милиции и граждан. Показано, что рост бандитизма и других тяжких преступлений стал серьезной проблемой для общества, которое только что выиграло кровопролитную войну. Анализ исторических источников позволил многопланово выявить причины роста преступности в послевоенные годы. В качестве одной из наиболее значимых причин выделены особенности повседневной жизни послевоенной поры – бедность населения, детская беспризорность, неустроенность бытовой и досуговой жизни. Кроме того: распространение националистического движения в ряде регионов страны, наличие оружия у населения, ошибки самой власти – проведение масштабных амнистий. Сделан вывод о комплексных причинах роста преступности в послевоенные годы и необходимости сотрудникам советской милиции проявлять большое упорство и мужество в выполнении своего профессионального долга.

Ключевые слова: правопорядок, амнистия, беспризорность, национализм, советская милиция, послевоенный период

Цитирование: Попова А. Д. Фронт после победы: причины роста преступности в СССР в послевоенные годы (1945–1950-е гг.) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 1. С. 62–70. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-62-70

Введение

Борьба с преступностью и поддержание правопорядка во все времена являлись важнейшими задачами органов власти. Однако в истории многих стран встречались периоды, когда эта задача приобретала особую актуальность. В истории нашего государства было несколько таких периодов, в том числе серьезным испытанием для общества в этом аспекте стали трудные военные и послевоенные годы (1941–1950-е гг.). История деятельности советской милиции в 1945–1950-е гг. вызывала большой интерес и у ученых, что обусловило довольно широкий пласт работ на эту тему [1–3].

Анализ исторических документов (мемуаров современников, архивных документов МВД, в том числе и Главного управления по борьбе с бандитизмом МВД СССР) показывает, что рост уголовной преступности в послевоенные годы стал очень серьезной проблемой, которую была вынуждена решать страна, пережившая страшную войну. Во многих городах граждане уже в мирное время столкнулись с риском быть убитыми или ограбленными. Если в 1944 г. было зарегистрировано 7131 убийство, то в 1945 г. – 7969, а в 1946 г. – 10218. За два года в два раза увеличилось число разбоев. Число разбоев в 1945 г., по сравнению с 1944 г., увеличилось на 20 % [1, с. 18]. В целом за первый послевоенный 1946 г. в СССР было зарегистрировано 1014274 преступления, что было на 20 % больше, нежели в 1945 г. В 1947 г. этот показатель был еще выше: зарегистрированных преступлений оказалось уже 1234377. Прирост, в сравнении с 1945 г., составил чуть более 46 % [2, с. 139]. Представляется важным проанализировать причины роста преступности в послевоенные годы и показать основные направления работы советской милиции по борьбе с этим криминальным взрывом.

Криминальный мир в послевоенные годы

Анализ исторических источников показывает, что в послевоенные годы советское общество столкнулось с новой проблемой – высоким уровнем преступности. Наиболее серьезную проблему представляли организованные банды, которые действовали дерзко и нагло: грабили квартиры, магазины, склады, при этом с безжалостными убийствами жильцов или сторожей. Только за 1947 г. было уничтожено 3462 банды, ликвидировано или арестовано 32095 человек преступного элемента[1]. Во многих городах ходили слухи о страшной банде «Черная кошка», зловещий образ которой довольно точно отражен в знаменитом романе братьев Вайнеров. Согласно мемуарам современников такие разговоры

[1] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 709. Л. 230.

© 2021. Авторы. Статья распространяется на условиях международной лицензии CC BY 4.0

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-62-70

имели место не только в Москве, но и в Севастополе, Рязани. И на самом деле банд, которые вполне могут претендовать на роль прототипа банды Горбатого из известного фильма, было много.

В Рязани в 1943 и 1944 годах страшный след оставили банды Барабанова и Петрова-Метелёва, на счету последней было даже убийство двух сотрудников правоохранительных органов. В 1949 г. в Одессе пришлось ликвидировать банду Марщука, в 1952 г. в Московской области печальную известность приобрела банда И. А. Митина, которая в общей сложности совершила 15 вооруженных налетов, ими было убито 7 человек, ранено 3 человека и похищено 292 тыс. руб.[2] Бандит Н. С. Круцик организовал банду в Иркутской области из 8 человек. У этой банды был богатый послужной список, в котором значились кражи на железнодорожной станции, два вооруженных ограбления квартир, побег из тюрьмы, и даже группой планировалось вооруженное нападение на команду парохода с целью захвата судна и бегства на нем в Японию[3]. Важным вопросом являются причины этого криминального взрыва. Можно выделить целый ряд факторов, которые способствовали этому росту.

Особенности послевоенной повседневной жизни как фактор высокого роста преступности

Высокий уровень преступности в послевоенные годы во многом обуславливался особенностями повседневной жизни. Одной из таких особенностей, которая наиболее сильно влияла на криминогенную обстановку, была бедность населения. После войны обществу приходилось переживать испытание бедностью. Многие люди едва сводили концы с концами. С 1941 до середины 1947 г. розничные цены выросли в 3,2 раза [4, с. 33]. В городах только в 1954 г. был достигнут уровень жизни 1928 г., который, в свою очередь, едва достигал уровня 1913 г. [5, с. 377]. Уровень бедности позволяет представить анализ писем людей в органы власти. Положение некоторых семей было так тяжело, что им приходилось, как к последней надежде, обращаться к депутатам Верховного Совета СССР в надежде получить хоть какую-нибудь помощь. Письма этих людей показывают, что они и в самом деле оказались за гранью самой настоящей нищеты, граждане были вынуждены просить помочь приобрести самые элементарные вещи: одежду, зимнюю обувь, товары для школы. Например, в 1946 г. с просьбой помочь в Верховный Совет обращалась жительница Курской области В. Д. Новикова: у нее на иждивении оказалось 5 детей, а муж погиб на фронте. Дети не имели обуви и одежды, пособия или пенсии на мужа она не получала[4]. Еще один житель Курской области – ученик 3 класса Виноградовский – в своем письме просил купить ему валенки, он сообщал, что живет с теткой, мать умерла, а отец погиб на фронте. Он очень хочет учиться, но у него нет обуви и он вынужден пропускать занятия в школе[5].

Как выразился известный зарубежный историк Дж. Боффа: «война продолжала уносить человеческие жизни долго еще после того, как бои закончились» [6, с. 267]. Именно бедность толкала людей совершать преступления, похищая постельное белье, одежду, бытовые предметы, продукты или корм для животных. Как подчеркивает И. В. Упоров, основная часть осужденных в послевоенные годы принадлежала к малооплачиваемым категориям населения – крестьянам и рабочим [1, с. 19]. Например, в 1957 г. в Свердловской области 59 колхозников были осуждены за хищение сена и соломы, совершенные ими вследствие того, что они абсолютно не имели кормов для своего личного скота[6].

На уровень преступности негативно повлияла еще одна черта повседневной жизни послевоенной поры – детская беспризорность и безнадзорность. Эвакуации, стремительное наступление врага в первые годы войны, разрушение населенных пунктов, большие человеческие потери становились причинами беспризорности. Надо отдать должное советской милиции и другим органам власти, которые приложили колоссальные усилия, чтобы как можно больше детей, потерявших родных, оказались в детских учреждениях или в приемных семьях. В органах милиции создавались специальные отделы по борьбе с беспризорностью, расширялась система детских комнат милиции. В 1941 г. их было 260, к концу войны стало более тысячи. Только за 1942 и 1943 гг. и первый квартал 1944 г. органами милиции было выявлено более миллиона беспризорников и приняты меры к их устройству [3, с. 100]. С возвращением советской власти в населенных пунктах старались наладить работу с детьми: выявляли беспризорных, определяли их в детские дома, организовывали работу с детьми, которые не потеряли родных, но без дела шатались по улице.

Георгию Задорожникову выпало провести детские годы в Севастополе, там с родными пережить оккупацию. Когда в мае 1944 г. город был освобожден от фашистов, ему было 13 лет. Он вспоминает: «Чтобы детвора не шаталась по развалкам и чтобы подкормить дистрофиков, при школах и просто в брошенных усадьбах были созданы детские площадки. Я попал на такую площадку в районе "Рудольфы". Просторный дом с большим садом. Пребывание под надзором с 8.00 до 18.00. Трехразовое питание. Небольшая библиотека и незатейливые детские игры»[7]. Однако объем

[2] ГАРФ. Ф. Р-9415. Оп. 3. Д. 230. Л. 2–4.

[3] Там же. Л. 143.

[4] ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 92. Д. 26. Л. 340 об.

[5] ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 92. Д. 52. Л. 9 об.

[6] ГАРФ. Ф. Р-9415. Оп. 3. Д. 337. Л. 174.

[7] Задорожников Г. Мемуары старого мальчика (Севастополь 1941–1945 гг.). 2013. С. 123.

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-62-70

задач был огромный, страна просто не успевала решать все вопросы сразу.

После окончания войны многие дети даже если и имели в живых родных, часто оказывались без надлежащего присмотра: взрослым приходилось много работать, а их дети значительную часть дня были предоставлены самим себе. Тот же Задорожников вспоминает про первые месяцы работы возрожденной советской школы осенью 1945 г.: «Школа переживает смутное время восстановления. Вначале преобладает школьная вольница. Мы часто пропускаем занятия, это называется "говеть". Собираемся группками в полуразрушенных домах, жжем костры, взрываем патроны. Часто из разных концов города приходят известия о покалеченных или погибших мальчишках». Прерванные жизни или покалеченные конечности были не единственным последствием безнадзорности: «Спустя несколько лет примерно половина моих приятелей пошла по тюрьмам»[8]. И только по прошествии некоторого времени учебный процесс наладился, укрепилась дисциплина.

Некоторых подростков, которым не хватило родительской любви, разумных организованных развлечений, вполне естественная для подростков тяга к романтике увлекла к романтике криминальной. В Москве и Ленинграде милиция выявляла компании подростков, которые пытались подражать легендарной «Черной кошке», придумывали соответствующую атрибутику – клятву, клички, символические наколки. Ученики средней школы в селе Борисовка в Курской области в 1953 г. проявили фантазию и придумали свое название для преступной организации – «Банда Лук». В нее входило 6 учеников 5–7 классов, они давали устную клятву о неразглашении существования группы и беспрекословном выполнении любого задания. В летний период группа проводила т. н. сборы, во время которых договаривались совершать налеты на сады и нападения на девушек. Апофеозом их деятельности была кража патефона и 16 пластинок и покушение на директора школы. К счастью, все их действия осуществлялись довольно неумело: первое же нападение на девушку провалилось – она подняла крик, выстрел из обреза в педагога прогремел мимо[9].

Это был еще один вызов времени, с которым должны были справиться общество и государство. С этой целью в Главном управлении милиции МГБ СССР в 1952 г. был создан отдел по предотвращению преступности со стороны несовершеннолетних, при детских комнатах милиции были созданы активы из педагогов, комсомольцев, родителей. Уже через год появились первые результаты. Если в 1951 г. было задержано 20984 беспризорных ребенка, то в 1952 г. их стало 18994. Уменьшилось число безнадзорных: в 1951 г. их было 198211, в 1952 г. – 188470 человек[10].

Были проанализированы причины побегов детей из детских домов и ФЗУ. Не всегда подростков манил ветер странствий, иногда побег был вызван неудовлетворительными условиями содержания, наличием непрофессионального персонала, который допускал грубое обращение и даже рукоприкладство. Можно согласиться с мнением Е. Д. Гординой, которая отмечала, что хоть и трудности послевоенного времени были важными объективными обстоятельствами, определяющими работу детских учреждений, но обстановка в каждом конкретном учреждении зависела прежде всего от руководства [7, с. 222]. Поэтому было обращено внимание и на работу комнат милиции, привлечение к ней комсомольцев и педагогов, улучшение кадровой политики в детских домах и ФЗУ.

Можно выделить и некоторые другие черты повседневной жизни после войны, которые тоже обуславливали рост преступности. Послевоенный быт был полон забот, но беден на разнообразные виды досуга. Ради справедливости надо заметить, что даже в условиях военного времени общество не забывало о духовной пище: работали кинотеатры, библиотеки. Среди граждан были популярны занятия физкультурой, что всячески популяризовалось и пропагандировалось властью. Однако существовавшие учреждения культуры не всегда могли удовлетворить спрос: лишний билетик спрашивали не только в театры, но и в кинотеатры, которых в небольших городах, а уж тем более в поселках и селах могло быть мало или не быть совсем. С другой стороны, образовательный уровень некоторых категорий населения был невысокий, обуславливая и очень примитивные потребности в плане досуга. Многие заводские рабочие – это вчерашние крестьяне, которым удалось завербоваться на стройку или завод, где была потребность в рабочих руках. Это имело опредленные последствия: «Утрачивая свои крестьянские корни, эти люди далеко не сразу, зачастую весьма болезненно адоптировались к городскому образу жизни» [5, с. 377].

Поэтому повседневная жизнь многих людей была отмечена самым примитивным способом проведения досуга – распитием спиртных напитков. К тому же в это время, как считает О. Л. Лейбович, «Водка была самым доступным продуктом. Власти не делали ничего, чтобы как-то ограничить ее продажу навынос и распивочно» [8, с. 289]. «Пьяные» деньги пополняли бюджет страны, как и доход от продажи табачных изделий.

Злоупотребление алкоголем провоцировало людей на хулиганство и другие преступления. Порой рабочие общежития превращались в очаг преступности, что отмечалось в докладе Министра МВД Н. П. Дудорова. В 1958 г. он был вынужден констатировать, что в рабочих общежитиях рабочие не знают, чем себя занять в часы досуга,

[8] Там же. С. 127.

[9] ГАРФ. Ф. Р-9415. Оп. 3. Д. 245. Л. 309.

[10] ГАРФ. Ф. Р-9415. Оп. 3. Д. 244. Л. 109.

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-62-70

соответственно имеют место коллективные пьянки, азартные игры, драки и поножовщина. В городе Березняки Молотовской области[11] центром хулиганства и других преступлений стали женские общежития: именно они манили молодых людей, которые чинили беспорядки: хулиганили, воровали вещи, покушались на честь девушек [8, с. 281]. В Томской области питательной средой для преступности стали рабочие леспромхозов, которые были завербованы в разных уголках страны. Только в течение 1951–1952 гг. в регион приехало 4970 человек, тогда же 325 были осуждены за различные преступления [5, с. 379].

Националистическое движение и его роль в усилении криминогенной обстановки

Криминогенную обстановку в последние годы войны и в послевоенные годы очень сильно осложнило возникновение националистического движения. В докладе министру МВД С. Н. Круглову констатировалось, что к началу 1946 г. националистические банды в западных республиках и областях действовали под руководством нескольких бюро. Центральное бюро руководило тремя основными краевыми проводами: западный охватил Львовскую, Тернопольскую, Станиславскую, Дрогобычевскую, Закарпатскую и Черновскую области. Северо-западный провод, зашифрованный под названием «Москва», охватил Волынскую, Ровенскую и частично Львовскую область, северо-восточный провод, зашифрованный под названием «Одесса», охватил частично Ровенскую, Житомировскую и Киевскую область, часть Белорусской ССР[12].

Особенно активно националисты действовали в Украинской ССР и Литовской ССР. В совокупности с деятельностью уголовных банд это создавало очень напряженную ситуацию. В 1946 г. в западных областях Украины имело место 2095 бандпроявлений, в западных областях Белоруссии – 271, в Литве – 2354, в Латвии – 724, в Эстонии – 350[13]. Благодаря усилиям органов правопорядка это было меньше, чем в 1945 г. (в 1945 г. было зафиксировано 8632 бандпроявления, в 1946 г. – 5794). Борьба продолжалась и в 1946 г.: в западных регионах УССР было ликвидировано 337 банд, связанных с националистическим подпольем, в Литовской ССР – 375. В Белоруссии их было уничтожено 59, в Латвии – 288, в Эстонии – 110[14].

Определенные современные политические силы пытаются представить участников этих националистических движений героями, которые якобы боролись за свободу своего народа. Однако перечень «подвигов» националистов только за пару суток показывает насколько «благородными» были их помыслы. Справки о результатах борьбы с бандитизмом подавались начальнику Главного управления МВД СССР ежесуточно. Справка от 31 мая 1946 г. обобщала насыщенные события нескольких дней. В Волынской области (Докачевский район) 24 мая с. г. в селе Пустомыты была сожжена контора лесничества и забраны две лошади с повозками. 27 мая в с. Копытов бандиты обстреляли и ранили двух местных жителей. В Головнянском районе в ночь на 31 мая между селами Кушнище и Полапы убит боец истребительного батальона. Бандпроявления имелись и в других областях Украинской ССР. В Дрогобычской области (Меденицкий район) 30 мая в селах Горудко и Кривица было убито 8 местных жителей. В Ровенском районе 22 мая в с. Городок убиты два бойца истребительного батальона, в Острожском районе 22 мая в с. Теремно повешен бывший командир группы истребительного батальона и один боец истребительного батальона. В Станиславской области (Жабьевский район) 29 мая в районе с. Ясины Горные была обстреляна машина 53 погранотряда, убиты два офицера, два бойца и 6 бойцов ранено, в Яремчанском районе 30 мая в с. Луги убит местный житель. На стене дома обнаружена листовка: «Всех доносчиков МВД ждет такая же участь. Вы продаете своего брата и ведете подлую работу против украинского народа». На листовке подпись – «украинские повстанцы». Следствие установило, что убитый имел раньше связь с бандитами. В Ланчинском районе 30 мая в с. Свенты сожжено помещение сельсовета, убито два местных жителя, один ранен, трое уведено, в Войниловском районе 31 мая были сожжены две автомашины, прибывшие за дровами. В Тернопольской области (Лановецкий район) 29 мая на станции Карначевка бандиты сняли два телефонных аппарата, затем у дежурного отобрали сапоги и фуфайку, после чего бросили в окно в доме, где проживал заведующий складом Заготозерно, противотанковую гранату. Граната взорвалась на улице, погиб один бандит. В Тлуснянском районе 30 мая в с. Попивцы бандитами повешен председатель сельсовета. В Будановском районе 31 мая в с. Вербовцы бандиты сожгли документы сельсовета, сняли телефонный аппарат и убили местного жителя, бывшего члена банды, явившегося с повинной. В Черновицкой области (Путиловский район) 28 мая в с. Устье-Путила бандиты пытались совершить ограбление сельпо, но встретили вооруженное сопротивление патрулировавших местность бойцов истребительного батальона и разбежались. Ранен участковый[15].

Естественно, сотрудники милиции, органов госбезопасности, бойцы советской армии прилагали все силы, чтобы ликвидировать националистическое движение.

[11] Город Молотов – сейчас Пермь.

[12] ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 3. Д. 703. Л. 1.

[13] ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 709. Л. 69.

[14] Там же. Л. 64.

[15] ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 649. Л. 47.

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-62-70

Только за один день – 31 мая 1946 г. – на территории западных областей Украины было проведено 170 операций. Из них – 35 засад, в результате которых было убито 29 и задержано 56 бандитов. При этом было разрушено 17 схронов оружия и изъято 72 единицы оружия[16]. В целом общее число бандпроявлений – 2095 – в Украине в 1946 г. обозначало, что имело место 727 террористических акта, 80 диверсионных актов, 124 нападения на органы власти, объекты связи, 224 нападения на бойцов истребительных батальонов и 940 прочих бандпроявлений[17]. Вполне обосновано в научной литературе подчеркивается, что цели деятельности националистического подполья никак не могут быть возведены в ранг освободительного движения: «Часто деятельность структур антисоветского вооруженного подполья была тесно связана с бандитизмом или со временем вырождалась в бандитизм, который прикрывался политическими и национальными идеями» [9, с. 31].

Изъятие оружия у населения – одно из направлений борьбы с преступностью

Проблема борьбы с националистическим движением пересекалась с еще одной чертой послевоенной жизни – наличием у населения боевого оружия. Как только советские войска вступали в населенный пункт, местная милиция начинала проводить работу по изъятию у жителей оружия [10, с. 11]. За 1947 г. было изъято 1332 автомата, 13693 винтовки, 16716 пистолетов и револьверов, 522 гранаты[18]. В научной литературе отмечалось, что особенностью совершения преступлений организованной группой в послевоенные годы было наличие у каждой банды огнестрельного оружия [11, с. 159].

Имели место и нападения на сотрудников милиции с целью завладеть оружием. Например, сотрудник Одесского уголовного розыска Давид Михайлович Курлянд в своих мемуарах приводит пример, когда в одном из рабочих клубов Одессы во время танцев было совершено нападение на участкового милиционера, который дежурил и следил за порядком. Его ударили по голове и вытащили табельный пистолет, который тут же был пущен в дело. На ул. Пушкина с угрозой применения оружия преступники выбросили из машины таксиста, выстрелили в него, пытаясь убить. Потом они на ул. Орджоникидзе зашли в буфет с целью грабежа, увидели там еще одного милиционера и выстрелили в него. Его табельное оружие тоже было похищено. Следы бандитов были обнаружены в городе Жданове, где они совершили вооруженное ограбление продовольственного магазина и были задержаны[19].

Амнистии послевоенных лет как фактор дестабилизации обстановки в стране

На криминогенную ситуацию в стране повлияли и ошибки самой власти: проведение двух масштабных амнистий 1946 и 1953 гг. Амнистия – акт милости государства к человеку, преступившему закон, и цель этого акта – помочь амнистированному начать новую жизнь. Однако далеко не все освобожденные по амнистии 27 марта 1953 г. стремились к честной жизни. Многие амнистированные начинали совершать преступления сразу же после того, как покидали территорию лагеря. Этому способствовал и тот факт, что на местах работники исправительных учреждений не всегда быстро отправляли освобожденных по месту жительства. Затягивание этого процесса становилось причиной напряжения обстановки в местах, где было много лагерей. Согласно письму заместителя министра внутренних дел И. Серова на имя начальника ГУЛАГа И. В. Долгих, ненормальная ситуация сложилась в г. Соликамск Молотовской области. С 26 апреля 1953 г. туда стали прибывать бывшие заключенные Ныробского исправительно-трудового лагеря. Однако в лагере только объявили об амнистии и ознакомили с текстом указа об амнистии под расписку. Непосредственно справки об освобождении и билеты на проезд им должны были выдать в Соликамске, где освобожденным приходилось ждать свои документы по 1–2 суток. Это ожидание амнистированные скрашивали пьянством, хулиганством в общественных местах и приставанием к женщинам. Не успев уехать из Соликамска, некоторые из них успевали совершить новое преступлением. И. Серов настаивал на том, чтобы в город из лагеря освобожденных доставляли под конвоем, процедуру освобождения проводили непосредственно перед посадкой в эшелон[20]. Аналогичная ситуация сложилась летом 1953 г. и на Колыме в Магадане[21]. От преступлений страдали и сами амнистированные. Были случаи, когда освобожденные уголовные элементы устраивали разборки с применением холодного оружия. 17 августа в поселке Певек Чаунского района Чукотского национального округа произошла массовая драка между враждующими группировками, в которой приняли участие 200 человек. Только за 10 дней сентября 1953 г. в этом поселке было убито 8 освободившихся заключенных[22].

Прибыв на место прописки, освобожденные по амнистии далеко не всегда спешили трудоустроиться и начать честную жизнь. В докладе начальника главного управления

[16] Там же. Л. 44.
[17] ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 709. Л. 4.
[18] Там же. Л. 731.
[19] Курлянд Д. М. Воспоминание ветерана уголовного розыска города-героя Одесса // Фонд музея истории Одесской милиции. Б. м. и г. и. Л. 72.
[20] ГАРФ. Ф. Р-9415. Оп. 3. Д. 244. Л. 305.
[21] ГАРФ. Ф. Р-9415. Оп. 3. Д. 245. Л. 33.
[22] Там же. Л. 251.

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-62-70

милиции МВД СССР Н. П. Стаханова на имя Л. П. Берии от 4 июня 1953 г. обобщалась ситуация с трудоустройством освобожденных. На 1 июня 1953 г. по всей стране прибыло на место прописки и прописалось 603130 человек. Из этого количества 167784 человека прописано в Москве, республиканских, краевых и областных центрах, 199145 – в остальных городах, 235201 – в сельской местности.

Из общего числа прописанных на жительство было трудоустроено 57,2 %. В Москве, областных, республиканских и краевых центрах было трудоустроено 70675 человек. В Москве с этим обстояло дело хуже всего, там было трудоустроено 28,7 % прибывших, в Ленинграде ситуация была лучше: процент трудоустроенных составил 43 %. В других городах Союза в среднем получалось трудоустроить 57,5 % освобожденных. Лучше всего дело обстояло в сельской местности (67,7 %)[23].

Проблемы по трудоустройству возникали с двух сторон. С одной стороны, не все освобожденные стремились к честной жизни, но с другой – их неохотно брали на работу, особенно в больших городах. До лета 1953 г. действовали старые инструкции по приему на работу, которые запрещали принимать лиц, имеющих судимость, на оборонные предприятия, а именно в столицах таких было больше, чем в глухой провинции [8, с. 271]. В сельской местности рабочих рук не хватало, оборонных предприятий не было, там найти работу было проще.

Поэтому неслучайно, что кривая преступности в 1953 г. не просто стремительно пошла вверх, а наблюдался рост именно тяжких преступлений. Работники милиции были вынуждены докладывать наверх о случаях настоящего бандитизма: вооруженные ограбления складов и магазинов, сопровождаемые убийствами сторожей.

В Астраханской области 17 октября 1953 г. в д. Рыжово Каспийского района в три часа ночи двое преступников ударили тупым предметом сторожа промтоварного магазина, взломали запоры и похитили товаров на 4 тыс. руб. Сторож в больнице умер. Работники милиции задержали одного из преступников, им оказался Баркалов 1932 г. рождения без определенных занятий, освобожденный по амнистии[24].

В Тюменской области в с. Новая Заимка в ночь на 5 октября был убит ударом ножа сторож чайной райпотребсоюза. Было похищено 1900 руб., в результате агентурной работы был арестован убийца – недавно освобожденный по амнистии Плосков, неоднократно судимый за кражи[25]. В Казахской ССР Алмаатинской области 28 октября в 4 часа утра был убит сторож магазина, похищено товаров на 3 тыс. руб. Милиция задержала троих с похищенными товарами, один из них – Меркулов – отпущен по амнистии[26]. Некоторые освобожденные быстро сколачивали преступную шайку для новых криминальных подвигов. В ноябре 1953 г. в Ворошиловградской области (ныне Луганская) на Украине была ликвидирована группа, вооруженная пистолетом ТТ, в количестве 6 человек, которая совершила 10 разбойных нападений, грабежей, краж[27].

Выросла и уличная преступность: бандиты нападали на прохожих с целью ограбления. Дерзость криминального элемента не имела границ, от их действий страдали сами работники правоохранительных органов. 23 ноября в Москве трое мужчин в 21.30 напали на постового милиционера, пытались отобрать оружие, обороняясь, милиционер Патрушев произвел 6 выстрелов, ранил одного нападавшего, которым оказался освобожденный по амнистии Фролов, вскоре был задержан его подельник, трижды судимый за кражи и тоже освобожденный по амнистии Алексеев[28]. 29 сентября в Ростове-на-Дону была ограблена квартира начальника тюремного отдела, в ноябре преступники найдены, их было двое, оба неоднократно судимые и оба освобождены из мест заключения по амнистии[29].

В Ростове-на-Дону сложилась наиболее сложная криминогенная обстановка. В 4 квартале 1953 г. в городе имели место 5 убийств, 67 ограблений, 8 дерзких хулиганских проявлений. Для оказания практической помощи в город была направлена большая группа численностью 100 оперативных сотрудников сроком на два месяца[30]. «Подвиги» амнистированных провоцировали совершать преступления и лиц, которые до этого не нарушали закон. Особенно это касалось подростков. С одной стороны, они надеялись, что все спишут на бывалых рецидивистов, с другой стороны, как замечает О. Л. Лейбович, «если слово "амнистированный" внушало мистический ужас, грех было местным озорникам этим не воспользоваться» [8, с. 274]. В Томске общая криминогенная волна стала захлестывать даже студентов местных вузов: на фоне общего роста преступности появился «замечательный» предлог постоянно носить с собой холодное оружие. И как говорил классик про ружье на стене, при удобном случае (а часто этот случай был спровоцирован 40-градусным напитком) эти финки и заточки шли в дело, обрывая человеческие жизни [5, с. 402].

[23] ГАРФ. Ф. Р-9415. Оп. 3. Д. 230. Л. 293–294.
[24] ГАРФ. Ф. Р-9415. Оп. 3. Д. 242. Л. 25.
[25] Там же. Л. 29.
[26] Там же. Л. 35.
[27] ГАРФ. Ф. Р-9415. Оп. 3. Д. 1096. Л. 50.
[28] ГАРФ. Ф. Р-9415. Оп. 3. Д. 242. Л. 152.
[29] Там же. Л. 90.
[30] ГАРФ. Ф. Р-9415. Оп. 3. Д. 230. Л. 78.

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-62-70

В целом по стране во 2 квартале 1953 г. преступность выросла по сравнению с первым кварталом на 16,3 %. При этом убийства при разбойном нападении с целью хищения имущества выросли на 51,5 %; бандитизм – на 34 %; разбойные нападения с целью хищения государственного и общественного имущества – на 60,8 %; разбойные нападения с целью завладения личным имуществом – на 82,3 %; раздевания пьяных – на 105,1 %; карманные кражи – на 162 %[31].

Естественно, на органы милиции упала огромная нагрузка, и поэтому раскрываемость во 2 квартале сократилась на 7,3 % и составила 79,8 %[32]. Однако сотрудники милиции, забыв про отдых и сон, старались дать достойный отпор разгулявшейся преступности. В докладе о политико-моральном состоянии и служебной дисциплине личного состава милиции за первое полугодие 1953 г., подготовленном начальником главного управления милиции МВД СССР генерал-лейтенантом Н. П. Стахановым на имя министра МВД СССР С. Н. Круглова от 20 августа 1953 г., отмечалось: «Необходимость усиления постовой и патрульной службы, агентурно-оперативных мероприятий вынудила многих руководителей органов милиции временно удлинить рабочий день, отменить дни отдыха, предъявить повышенные требования ко всему личному составу»[33].

Некоторые сотрудники милиции совершили подвиг, пресекая преступления. Участковый уполномоченный Кинешменского горотдела милиции Ивановской области лейтенант милиции С. П. Шербинин 20 июля 1953 г., находясь на своем участке, ночью заметил подозрительного гражданина с винтовочным обрезом в руках. Участковый попытался его задержать, но тот ранил участкового. Несмотря на ранение, С. П. Шербинин вступил в противоборство, сумел обезвредить преступника и доставить в отдел[34].

Инспектор отдела наружной службы УМ Западно-Казахстанской области Ткачев в составе опергруппы несколько суток преследовал бандита Толмачева, которого никак не могли взять, т. к. он все время открывал огонь из автомата. Однако благодаря упорству Ткачева бандит был задержан. Участковый Журавического райотдела Белорусской ССР Шоферов узнал, что двое бандитов ограбили квартиру. Шоферов обнаружил бандитов в лесу и, хоть они были вооружены обрезами, сумел их обезвредить и задержать. В первом полугодии 1953 г. 60 сотрудников погибли при исполнении своего долга[35].

Заключение

Возвращение к мирной жизни в послевоенные годы было осложнено большим ростом преступности. Анализ источников показал, что произошел рост именно тяжких преступлений – убийств, грабежей, бандитизма. Обобщение фактического материала позволяет сделать вывод, что причины имели комплексный характер и были взаимосвязаны. Большую роль играли некоторые особенности повседневной жизни советского общества в послевоенный период – бедность населения, высокий уровень детской беспризорности и безнадзорности, нехватка возможностей для культурного досуга и злоупотребление спиртным. Кроме этого, в качестве значимых криминогенных факторов выступало наличие оружия у населения и деятельность националистических группировок.

Органам государственной власти приходилось принимать разноплановые меры по ликвидации этих причин. Труднее всего было повысить уровень жизни населения. Другие причины нейтрализовывались в процессе серьезной и упорной работы. В частности, большое внимание было обращено на выявление детей, оставшихся без родителей, и помещение их в детские учреждения, на улучшение условий содержания детей в детских учреждениях. Еще одним направлением работы по снижению безнадзорности стало восстановление школьного образования, организация детских площадок. Однако в то же время сама власть допустила некоторые грубые ошибки, которые ухудшили криминогенную ситуацию в стране. В частности, росту преступности содействовали две широкомасштабные амнистии, а также недостаточно продуманный механизм освобождения заключенных из мест лишения свободы. Все это потребовало проявления колоссальных усилий со стороны сотрудников правоохранительных органов, и только к концу 1950-х гг. ситуация стала улучшаться.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Литература

1. Упоров И. В. Послевоенная преступность в СССР: общая характеристика и статистика // Инновационное развитие. 2017. № 3. С. 17–20.
2. Богданов С. В., Орлов В. Н. Тоталитарная государственность и экономическая преступность в Советской России: тайная история разработки постановления ЦИК СССР и СНК СССР от 7 августа 1932 г. // Современное право. 2009. № 5. С. 139–143.

[31] ГАРФ. Ф. Р-9415. Оп. 3. Д. 396. Л. 20.

[32] Там же. Л. 21.

[33] Там же. Л. 17.

[34] Там же. Л. 19.

[35] Там же. Л. 20.

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-62-70

3. Сёмик А. А. Советская милиция в годы Великой Отечественной войны // Экономика. Право. Печать. Вестник КСЭИ. 2015. № 2-3. С. 97–102.
4. Кузнецова Н. В. Снижение розничных цен и материальный уровень жизни населения СССР в 1947–1952 годах // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2008. № 1. С. 32–42.
5. Ларьков Н. С., Чернова И. В., Войтович А. В. 200 лет на страже порядка: очерки истории органов внутренних дел Томской губернии, округа, области в XIX–XX вв. Томск: Крас. знамя, 2002. 519 с.
6. Боффа Дж. История Советского Союза. Т. 2: От Отечественной войны до положения второй мировой державы. Сталин и Хрущев, 1941–1964. М.: Международные отношения, 1994. 631 с.
7. Гордина Е. Д. Материальное положение детских домов Нижегородской (Горьковской) области во второй половине 1940-х – начале 1950-х годов // Новейшая история России. 2020. Т. 10. № 1. С. 217–228. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2020.114
8. Лейбович О. Л. В городе М. Очерки социальной повседневности советской провинции. 2-е изд., испр. М.: РОССПЭН, 2008. 294 с.
9. Краско Г. Г. Деятельность антисоветского вооруженного подполья как один из основных факторов дестабилизации обстановки на территории БССР в первые послевоенные годы // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. 2016. № 1. С. 31–34.
10. Гусак В. А. Деятельность милиции по изъятию оружия в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2012. № 7. С. 10–13.
11. Кузнецова О. А., Нестеров С. В. Исторические аспекты появления и развития уголовной ответственности за бандитизм в России // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 12. С 154–161.

original article

Battle after Victory: Causes of the Post-War Crime Rate Increase (1945–1950)

Anna D. Popova
Ryazan State University S. A. Esenin, Russia, Ryazan
a.d.popova@mail.ru
https://orcid.org/0000-0002-9524-3886

Received 10 May 2020. Accepted 16 Nov 2020.

Abstract: The article features the causes of the crime rate increase that occurred in the Soviet Union after World War II. The author studied archival documents of the Chief Department of Gang Prevention, as well as memoirs written by militia officers and common citizens. The increase in gangsterism and crime in general presented a serious challenge for the country that had just won the most terrible war in human history. The author managed to define two major causes of crime rate increase in the post-war years. The first was poverty, homeless children, substandard living conditions, and poor organization of public leisure time. The second included nationalist movements in some ethnic regions, uncontrolled weapon possession, and numerous large-scale Bills of Oblivion. The post-war crime rate increase had complex causes and was a serious challenge for militia officers.
Keywords: law and order, amnesty, homelessness, nationalism, Soviet militia, post-war years

Citation: Popova A. D. Battle after Victory: Causes of the Post-War Crime Rate Increase (1945–1950). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(1): 62–70. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-62-70

Conflicting interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

References

1. Uporov I. V. The post-war crime in the Soviet Union: general characteristics and statistics. *Innovatsionnoe upravlenie*, 2017, (3): 17–20. (In Russ.)

© 2021. The Author(s). This article is distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License

BULLETIN
Kemerovo State University
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-62-70

2. Bogdanov S. V., Orlov V. N. Totalitarian state and economic criminality in the Soviet Russia Confidential production history of CEC (Central Executive Committee) and CPC (Council of People's Commissars of the USSR) resolution dating from august, 7th, 1932. *Sovremennoe pravo*, 2009, (5): 139–143. (In Russ.)
3. Semik A. A. Soviet militia during the war. *Ekonomika. Pravo. Pechat. Vestnik KSEI*, 2015, (2-3): 97–102. (In Russ.)
4. Kuznetsova N. V. Reduced retail prices and material living standards of the population of the USSR in 1947–1952. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2008, (1): 32–42. (In Russ.)
5. Larkov N. S., Chernova I. V., Voitovich A. V. *200 years of protecting the order: essays on the history of the internal affairs bodies of the Tomsk province, district, and region in the XIX–XX centuries.* Tomsk: Kras. znamia, 2002, 519. (In Russ.)
6. Boffa G. *History of the Soviet Union. Vol. 2: From the Patriotic War to the position of the second world power. Stalin and Khrushchev, 1941–1964*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 1994, 631. (In Russ.)
7. Gordina E. D. Financial situation of orphanages in the Nizhny Novgorod (Gorky) region in the second half of the 1940s and early 1950s. *Noveishaia istoria Rossii*, 2020, 10(1): 217–228. (In Russ.) DOI: 10.21638/11701/spbu24.2020.114
8. Leibovich O. L. *In the city of M. Essays on the social everyday life of the Soviet province*, 2nd ed. Moscow: ROSSPEN, 2008, 294. (In Russ.)
9. Krasko H. H. Anti-Soviet activities of the armed underground as a major factor of destabilization of the situation on the territory of the BSSR in the early postwar years. *Vestnik of Polotsk State University. Series: humanities*, 2016, (1): 31–34. (In Russ.)
10. Gusak V. A. Activity of the militia to seize weapons during the Great Patriotic War (1941–1945). *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Law*, 2012, (7): 10–13. (In Russ.)
11. Kuznetsova O. A., Nesterov S. V. Historical aspects of appearing and development of criminal responsibility for banditry in Russia. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 2014, (12): 154–161. (In Russ.)

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-71-79

оригинальная статья
УДК 94(571)

Развитие сельской медицинской сети в Томской губернии на рубеже XIX–XX вв.

Евгений Владимирович Почеревин
Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет имени В. М. Шукшина, Россия, г. Бийск
pev2@mail.ru
https://orcid.org/0000-0003-0837-216X

Поступила в редакцию 19.01.2021. Принята к печати 25.02.2021.

Аннотация: Предмет – сельская медицинская сеть в конце XIX – начале XX вв. Цель – проследить этапы становления этой сети, показать механизм принятия решений в этой сфере на различных властных уровнях. Для достижения данной цели были проанализированы делопроизводственные материалы и справочная литература изучаемого времени. Особо ценными для исследования явились документы, отражающие процесс обсуждения проблем расширения сельской медицинской сети на уездной ступени власти. Это позволило выявить нужды и потребности крестьянского населения, увидеть споры и разногласия во взглядах на формирование системы врачебных участков. При планировании открытия нового врачебного участка или переноса существующего на новое место учитывались просьбы местных крестьян, участие населения в материальном обеспечении медицинского учреждения, ландшафтно-географические условия и другие факторы. Как правило, при аргументации того или иного решения использовались рациональные доводы. На губернском уровне происходил сбор информации, корректировка поступивших предложений и составление общих перспективных планов. На столичном уровне осуществлялась их оценка и утверждение. Нередко отдельные предложения, исходившие от губернского управления, не находили поддержки центральных ведомств. В исследовании отмечено два этапа масштабного расширения сельско-врачебной части Томской губернии: 1898 г. – первое десятилетие XX в.; 1912–1914 гг. Грандиозные планы на 1915–1917 гг. остались неисполненными из-за Первой мировой войны.
Ключевые слова: история Томской губернии, сельско-врачебная часть, врачебный участок, распорядительный комитет, сельская лечебница, земская смета

Цитирование: Почеревин Е. В. Развитие сельской медицинской сети в Томской губернии на рубеже XIX–XX вв. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 1. С. 71–79. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-71-79

Введение

Сельская медицинская сеть в Сибири создавалась на общих организационных принципах земской медицины. Предполагалось наличие врачебных участков со стационарными больницами и фельдшерскими пунктами, однако в условиях Сибири районы имели огромные размеры. Медицинские учреждения обслуживали значительно большее количество населения, нежели земские больницы в Европейской России. Недостатки ведения местного хозяйства, связанные с отсутствием земской организации, сказывались и в сельско-медицинской сфере. Если в земских губерниях вопросы развития сельско-врачебной части решались выборными, то в Сибири – административными органами. Это не позволяло гибко и своевременно учитывать местные условия. В данной статье рассмотрены особенности развития сети сельских медицинских учреждений в Томской губернии в конце XIX – начале XX в.

В 1950–1960-е гг. одним из первых исследователей истории томской медицины выступал Н. П. Федотов и его научная школа. В соавторстве им были написаны две монографии по истории медицины в Томской области. Тогда были введены в научный оборот ранее не использовавшиеся источники: материалы периодических изданий, делопроизводственные документы, данные статистики [1; 2]. Позднее им было опубликовано два исследования о развитии здравоохранения в Сибири [3; 4]. Одно из них написано совместно с Г. И. Мендриной, в котором они всеобъемлюще осветили вопросы развития дореволюционной медицины, показав особенности системы сибирского здравоохранения [4]. Принадлежащие к школе Н. П. Федотова авторы в 1986 г. выпустили книгу о медицине в Томской области [5].

Исследованию процесса развития сельского здравоохранения в Сибири в конце XIX – начале XX в. посвящено несколько серьезных работ современных историков. Так, организация сельской медицины в Западной Сибири изучена в работах А. И. Татарниковой. Автор приходит к выводу, что сельское здравоохранение в регионе в конце XIX в. – первой четверти XX в. сделало существенный шаг вперед [6; 7]. С. Г. Гончарова в обобщающей работе сосредотачивает внимание на описании трудностей, с которыми сталкивались врачи: большие участки, отсутствие

© 2021. Авторы. Статья распространяется на условиях международной лицензии CC BY 4.0

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-71-79

денег на материалы и снабжение больниц. На основании анализа данных автор делает вывод, что уровень медицинского обслуживания в неземских губерниях был ниже, чем в земских [8]. Представляется весьма ценной работа С. В. Архипова и В. В. Бурукина о правовом регулировании медицинской деятельности в Сибири, где подробно описаны законы о сельско-врачебной части в азиатской части России [9]. Деятельность переселенческих больниц, их место в системе сельской медицины Сибири изучены И. В. Егорышевой и С. Г. Гончаровой [10]. Исследуя историко-демографические процессы в Западной Сибири, С. Е. Глушков уделил внимание проблемам эпидемий и преобразованиям в системе здравоохранения [11–14].

Наиболее полно использованы источники по истории Тобольской губернии. Так, организация медицинской помощи рассмотрена в статьях Е. А. Панишева [15] и Е. П. Ермачковой [16]. Интересной является статья Я. А. Ерофеева, в которой автор исследует институты управления медицинским делом Российской империи, их связь с местными органами (на примере Тобольской губернии). Один из выводов гласит, что губернские органы были оторваны от центральных и во многом зависели от распоряжений губернатора [17]. Проблемам становления медицины на севере губернии посвящены работы В. Ю. Вануйто [18] и В. Я. Темплинга [19].

Сельской медицине Томской губернии указанного периода не уделялось столько внимания. Из крупных работ, посвященных этой теме, следует отметить диссертацию О. А. Гончаровой о здравоохранении в Горном Алтае [20]. Серьезный анализ источников был проделан коллективом авторов А. Г. Сыщенко и В. А. Сыщенко [21]. Отдельные сведения о развитии медицины в Кузнецком уезде имеются в статье И. Ю. Ускова, в основном об Усть-Искитимском врачебном участке [22]. Вопросы строительства и содержания сельских лечебниц, а также финансово-хозяйственная деятельность участковых врачей в Томской губернии были исследованы автором данной статьи [23; 24]. Исходя из анализа современной историографии, представляется актуальным изучение процесса развития сельской медицинской сети в Томской губернии на рубеже XIX–XX вв. Данная статья посвящена не только фиксации этапов развития этой сети, но и рассмотрению механизмов принятия решений органами центральной, губернской и уездной власти.

Формирование сельской медицинской сети в Томской губернии, 1879–1900 гг.

История становления сельской медицины в Томской губернии начинается с апреля 1879 г., когда был утвержден закон «О новых штатах медицинской части в Западной Сибири». В каждом из шести округов губернии планировалось введение должности окружного врача, который должен был обслуживать нужды сельского населения. Кроме того, в Нарымском крае и в с. Алтайское предполагалось наличие объездных врачей[1].

Более развитая сеть сельских врачебных участков появилась после издания закона 1888 г. и состояла из 24 приемных покоев. Восемь из них были укомплектованы врачами, остальные находились под руководством фельдшеров[2]. В 1895 г. по ходатайству местной администрации врачебные пункты были преобразованы в лечебницы[3]. Первые больницы были открыты в с. Покровское (Томский округ), с. Бочатское (Кузнецкий округ), с. Тисульское (Мариинский), с. Спасское (Каинский), с. Крутихинское и с. Тальменское (Барнаульский округ), с. Смоленское (Бийский округ) и с. Шемонаевское (Змеиногорский округ)[4].

Высочайше утвержденное 29 мая 1897 г. мнение Государственного совета «Об изменениях в устройстве сельской врачебной части в Томской губернии» корректировало закон от 10 мая 1888 г. Предполагалось дополнить штат сельской медицинской части четырьмя должностями сельских участковых врачей[5]. Были открыты участки в с. Богородское (Томский округ), с. Каргатский Форпост и с. Юдинское (Каинский округ), в с. Колыонское (Мариинский округ)[6].

Сельский врачебный участок представлял собой довольно обширную территорию. Как правило, в одном из сёл участка располагалась лечебница, которой заведовал врач. В подчинении у него было два фельдшера и фельдшерица-акушерка. Иногда на участке еще имелся отдельный фельдшерский пункт. Некоторое время параллельно существовали старые структуры. Так, в 1896 г. Бийская, Енисейская, Сростинская и Шубинская волости были приписаны к участку бийского окружного врача. Алтайская, Сычёвская, Уймонская, Катандинская, Ануйская волости и станица Чарышская – к алтайскому объездному врачу[7].

[1] О новых штатах медицинской части в Западной Сибири // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание второе: 12 декабря 1825 – 28 февраля 1881 г. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1881. Т. LIV. Отд-е I: 1879–18.02.1880. № 59563. С. 329.

[2] Об устройстве сельской медицинской части в губерниях Тобольской и Томской // ПСЗРИ. Собрание третье: 1 марта 1881 – 1913 гг. СПб.: Государственная типография, 1890. Т. VIII: 1888 г. № 5189. С. 212.

[3] Об учреждении восьми сельских лечебниц в Томской губернии // ПСЗРИ. Собрание третье: 1 марта 1881 – 1913 гг. СПб.: Государственная типография, 1899. Т. XV: 1895 г. № 11484. С. 147.

[4] Краткий обзор сельско-врачебной части в губернии // Памятная книжка Томской губернии на 1908 год. Томск: Издание Томской губернской типографии, 1908. Ч. 2. С. 43.

[5] Об изменениях в устройстве сельской врачебной части в Томской губернии // ПСЗРИ. Собрание третье. 1900. Т. XVII: 1897. № 14183. С. 336.

[6] Краткий обзор сельско-врачебной части... С. 43.

[7] Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 170. Оп. 1. Д. 21. Л. 80.

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-71-79

Существенное расширение сельской медицинской сети последовало в июне 1898 г. после издания закона «Об устройстве врачебной части в уездах Томской губернии». Он упразднял почти все медицинские должности, введенные предшествующим законодательством. Предполагалось создание 41 врачебного участка с лечебницами и введение одной должности врача для командировок[8]. Развертывание медицинских участков началось с 1902 г.[9]

Министерство императорского двора 20 декабря 1899 г. изъявило согласие открыть и содержать в Алтайском округе ряд врачебных пунктов с лечебницами. Вскоре, 12 июня 1900 г., последовало Высочайшее утверждение мнения Государственного совета «Об усилении врачебной части в Томской губернии». Закон предполагал создание пяти врачебных участков в губернии. Причем их содержание, исчисленное в сумме 12665 руб. в год, должно было производиться за счет Кабинета. Далее планировалось постепенно перевести эти участки на обеспечение из средств губернского земского сбора. Переход этот был увязан с процессом землеустройства на кабинетских землях губернии[10]. Были учреждены пункты в Новониколаевске (10 кроватей), в селах Спирино, Карасук, Волчиха, Локтевское (по шесть кроватей)[11].

Участие уездного и губернского уровней власти в расширении медицинской сети

Инициатива открытия новых участков исходила не только от центральной власти. В процессе обсуждения вопросов развития медицинской сети принимали участие местные органы власти, привлекалось профессиональное сообщество и население. Механизм выработки и принятия решений о расширении и усовершенствовании сельской врачебной сети можно рассмотреть изучая работу губернской и уездной администрации в этом направлении.

Врачебное отделение Томского губернского управления постоянно принимало от населения и крестьянских начальников просьбы об открытии новых медицинских участков. Ввиду этого губернатор циркуляром от 20 июля 1909 г. предложил уездным распорядительным комитетам, при участии врачей, обсудить места для открытия новых лечебниц. Все выразили мнение, что врачебная сеть мала, районы участков большие, а население многочисленное. Наличие медицинского персонала «недостаточно даже для простого констатирования заболеваемости и смертности населения», указывал журнал Барнаульского уездного распорядительного комитета. На каждый участок уезда приходилось по 100000 жителей. Некоторые населенные пункты в Мариинском и Каинском уездах находились в 200 верстах от сельских лечебниц[12]. Несмотря на то, что в 1910 г. в губернии было 46 участков, врачебная помощь была доступна далеко не всем жителям сельской местности[13].

В июне 1910 г. вышел закон о дополнении штатов сельско-врачебной части сибирских губерний и областей. В Томской губернии планировалось учредить шесть новых лечебниц[14]. Центрами новых участков должны были стать п. Тайга, с. Камень, с. Курья, с. Риддерское, с. Черный Ануй, с. Верхне-Ануйское[15]. Эти изменения были зафиксированы в «Памятной книжке Томской губернии» на 1911 г.[16]

В рамках подготовки земской сметы на 1912–1914 гг. губернской властью было инициировано обсуждение состояния и перспектив расширения медицинской сети. В результате уездные распорядительные комитеты предлагали открыть 23 новых сельских врачебных пункта. В Мариинском и Каинском уездах заявляли о необходимости фельдшерских пунктов в каждой волости. При рассмотрении поступивших предложений Общее присутствие Томского губернского управления отметило, что некоторые комитеты «не считаются с реальностью, предлагая открыть пункты в глуши, где еще нет людей». Так присутствие согласилось с планами открытия в Мариинском уезде только двух лечебниц, в с. Зырянское и с. Итатка. В последнем общество ещё в 1905 г. ходатайствовало об открытии больницы и хотело участвовать в ее содержании. В момент рассмотрения проектов это село уже содержало за свой счет фельдшерский пункт, внося по 750 руб. ежегодно. Несколько других проектов были признаны неэффективными, т. к. либо на территории не было достаточно населения, либо уже имелись резиденции переселенческих врачей. В Томском, Кузнецком и Каинском уездах планировалось открыть по два пункта, что не вызвало возражений Общего присутствия.

Барнаульский уезд, имея полтора миллиона населения, был наименее обеспечен медицинской помощью. Поэтому уездный распорядительный комитет постановил открыть восемь участков – в с. Косиха, с. Баевское,

[8] Об устройстве врачебной части в уездах Томской губернии // ПСЗРИ. Собрание третье. 1901. Т. XVIII: 1898. Отд-ние II. № 15612. С. 533–535.

[9] Труды первого съезда врачей Томской губернии (9–14 сентября 1917 г.) / под общ. ред. П. И. Чистякова. Томск: Тов-во «Печатня С. П. Яковлева», 1917. Вып. 1. С. 22.

[10] Об усилении врачебной части в Томской губернии // ПСЗРИ. Собрание третье. 1902. Т. XX: 1900. Отд-ние I. № 18864. С. 793.

[11] ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 459. Л. 2, 3.

[12] Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 573. Оп. 2. Д. 4034. Л. 150.

[13] Памятная книжка Томской губернии на 1910 год. Томск: Типография Губернского правления, 1910. С. 216–217.

[14] О дополнении штатов сельско-врачебной части губерний Тобольский, Томской, Енисейской и Иркутской и областей Якутской, Забайкальской, Амурской, Приморской и Камчатской и об изменении порядка отпуска кредитов на нужды сельско-врачебной части // ПСЗРИ. Собрание третье. 1913. Т. XXX: 1910. Отд-ние I. № 33900. С. 854–860.

[15] РГИА. Ф. 573. Оп. 15. Д. 20396. Л. 60 об.–61.

[16] Памятная книжка Томской губернии на 1911 год. Томск: Типография губернского управления, 1911. С. 163–164.

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-71-79

с. Лянинское, с. Тополинское, п. Павловский, п. Сузунский завод, с. Панкрушиха и с. Кочки (или с. Алексеевское). Кроме того, было указано, что имелось два приговора крестьянских обществ, желающих иметь больницу[17]. В Бийском уезде планировалось открыть два участка с центрами в с. Новиковское и с. Усть-Чарышская Пристань, где местное сельское общество обязывалось добровольно вносить в 1911–1913 гг. на содержание лечебницы ежегодно по 300 руб.

В Змеиногорском уезде, где в 1910 г. уже были открыты два участка, Риддерский и Курьинский, распорядительный комитет планировал создать еще один в с. Шелковниковское или с. Озерно-Кузнецовское. Кроме того, в документе указывалось, что с освоением Бель-Агачской степи необходимо открыть лечебницу в с. Бородулиха, где с 1909 г. на средства местного кредитного товарищества содержался фельдшерский приемный покой. С разрешения губернатора ему уже отпускались средства на медикаменты в ежегодном объеме 300 руб. Причем товарищество уведомило врачебное отделение о том, что если откроется лечебница, то имущество амбулатории стоимостью около 1200 руб. будет пожертвовано ей[18].

Что касается фельдшерских пунктов, то врачебное отделение посчитало самостоятельное их открытие нежелательным, а внедрение системы, когда в каждой волости служит по фельдшеру, – невозможным. Однако медицинская администрация губернии ходатайствовала о введении должностей третьего фельдшера и второй акушерки на каждом участке[19]. Любые планы и проекты, касающиеся функционирования местного хозяйства губернии, имевшие вид трехлетних земских смет, поступали на рассмотрение высшей инстанции. Это было специальное Совещание представителей правительственных ведомств, которое и вносило окончательные коррективы, сообразуясь с законодательством, возможностями губернского бюджета и целесообразностью.

В данном случае это учреждение не поддержало указанного начинания. В смете на следующее трехлетие комплект медперсонала остался прежним[20]. Однако требуемое количество врачебных участков действительно открылось во всех уездах. К 1913 г. было учреждено 20 новых сельских врачебных участков[21]. В частности, известно, что в апреле 1913 г. в с. Усть-Искитимское Кузнецкого уезда был назначен врач для заведывания новой лечебницей [22, с. 306]. В 1914 г. в губернии было 72 участка[22].

Подготовка планов по расширению медицинской сети на 1915–1917 гг.

В декабре 1913 г. Томское губернское управление разработало программу уездных совещаний по подготовке материалов к составлению земской сметы на 1915–1917 гг. по врачебной части. Требовалось обсудить дальнейшее развитие сети сельских врачебных участков. При этом предлагалось учитывать численность и состав населения, качество путей сообщения, степень нужды населения во врачебной помощи. Требовалось определить, какие нормы участков представлялись достаточными и вполне осуществимыми по местным условиям. Было необходимо выяснить, в каких населенных пунктах желательно открытие врачебных учреждений в целях «выправления радиуса и лучшего обеспечения населения врачебной помощью». Основным требованием к размещению лечебницы была возможность «безотлагательного устройства… больницы в готовом здании, наём и приспособление которого для надобностей лечебницы должны производиться за счет местного населения». Необходимо было обсудить возможность учреждения межуездных участков. При составлении проекта сметы губернское врачебное отделение руководствовалось как показателями численности населения, так и расстояниями между селениями. Условно губерния была разделена на два района – степной и горный. В первом радиус врачебного участка устанавливался в 20–35 верст с числом жителей 25–30 тыс. человек; во втором – 40–150 верст с числом жителей 10–25 тыс. человек. Главным образом учитывалось расстояние между пунктами и качество дорог, естественные границы участков, создаваемые реками и горами[23].

Проект земской сметы включал список сельских лечебниц, предполагаемых к открытию или переносу в другой населенный пункт. В частности, в Томском уезде планировалось учредить 11 участков. Богородскую больницу предполагалось перенести в с. Больше-Трубачево, Нарымскую – в с. Парабельское как в «более центральные места». Нарым же предполагалось сделать местожительством объездного врача. Мотивом для этого явились ходатайства сельского населения и самого нарымского врача. В Барнаульском уезде планировалось открыть 29 врачебных участков, с переносом Маслянинского в с. Суенчанское Николаевской волости. В Бийском, Змеиногорском и Каинском – по восемь участков. Причем указывалось, что Нижне-Чарышская лечебница располагалась близко

[17] РГИА. Ф. 573. Оп. 2. Д. 4034. Л. 151 об.

[18] Там же. Л. 152.

[19] Там же. Л. 152 об.

[20] Свод предположений местного начальства и заключения Совещания представителей подлежащих ведомств по проекту сметы земских повинностей по Томской губернии на 1915–1917 гг. Пг, 1915. С. 11–27.

[21] Памятная книжка Томской губернии на 1913 год / под ред. П. Т. Виноградова. Томск: Типография губернского управления, 1913. С. 176–177.

[22] Труды первого съезда врачей Томской губернии… С. 23.

[23] Государственный архив Кемеровской области (ГАКО) Ф. 35. Оп. 1. Д. 71. Л. 40–40 об.

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-71-79

к Усть-Чарышской, к тому же первая имела собственное здание, поэтому предполагалось сохранить только ее. В Кузнецком уезде планировалось открытие семи, в Мариинском – четырех участков. Автор статьи в сборнике, посвященном Мариинскому уезду, в 1914 г. надеялся на более обширные преобразования. Он ожидал от трехлетия 1915–1917 гг. «новой эры» – открытия шести врачебных участков, 10 фельдшерских пунктов, расширения плана постройки больниц, введения должности уездного санитарного врача и создания санитарной организации [25].

На заседании Бийского уездного распорядительного комитета в феврале-марте 1914 г. обсуждался вопрос о перспективах развития врачебного дела, рассматривался проект земской сметы на трехлетие 1915–1917 гг.[24] В журнале было зафиксировано пожелание приглашать на заседания сельских и переселенческих участковых врачей как лиц наиболее сведущих. Предложенный проект сметы предполагал образование в уезде восьми врачебных участков и введение должностей двух объездных врачей.

Комиссия, работавшая во время заседаний уездного распорядительного комитета, пришла к выводу о необходимости создания одиннадцати сельских врачебных участков, одного межуездного и четырех фельдшерских пунктов. Было принято решение о переносе врачебного пункта из с. Сибирячиха в с. Усть-Кокса, поскольку Уймонский край из-за своей «отрезанности от ближайшего участка горным хребтом и реками» оставался совершенно без медицинской помощи. Однако с переносом Сибирячихинского врачебного пункта центром данной местности становилось бы с. Малый Бащелак. В связи с этим было принято решение ходатайствовать об открытии врачебного пункта в с. Малый Бащелак. Кроме того, там уже имелись ветеринарный пункт, кооперативное учреждение и волостное правление, при котором производились почтовые операции. В данный участок радиусом 110 верст должны были войти три волости с населением 13433 человека[25].

Вместо планируемого к открытию пункта в с. Черга рабочей комиссией предлагалось открыть его в с. Мыюта, поскольку оно являлось волостным центром. Вместо запланированного участка в с. Быстрянка предлагалось открыть его в с. Сростки, поскольку данный населенный пункт был оптимален в качестве центра района, имеющего естественные границы – р. Иша, р. Катунь и р. Бия[26]. Предложенные в проекте сметы места размещения врачебных пунктов в с. Огнёвское и с. Макарьевское было предложено заменить на с. Михайловское и с. Старая Барда соответственно как более населенные и экономически развитые. Было рассмотрено ходатайство Сычевской волости об открытии лечебницы в с. Сычевское, поскольку весной и осенью р. Ануй полностью прерывала сообщение с внешним миром. Комиссия, учитывая ряд факторов: значительность населения (4000 человек в с. Сычевка и 22000 человек в волости), географически центральное положение села в волости, удаленность от врачебных пунктов (38–48 верст), – признала ходатайство заслуживающим удовлетворения. Предлагалось открыть один межуездный участок в с. Сузоп, т. к. данный район не был обеспечен медицинской помощью, как и население соседнего района Кузнецкого уезда. Высказывалось мнение о переносе части расходов по содержанию данного участка на Переселенческое управление, поскольку в с. Сузоп имелось большое количество переселенцев[27].

Комиссия пришла к выводу о неэффективности содержания объездных врачей. Было высказано мнение, что врачебная помощь приносит пользу только в лечебнице, в условиях же кочевого образа жизни, в неприспособленных помещениях оказать ее должным образом невозможно. Кроме того, объездной врач всегда находился бы в дороге и найти его, чтобы сообщить о заболевшем человеке, было бы затруднительно. Было принято решение учредить в с. Усть-Башкаус и с. Кош-Агач фельдшерские пункты. Такой пункт предлагалось учредить и в с. Кебезень, которое отстояло от ближайших врачебных участков в с. Улала на 80 верст и с. Озеро-Куреево на 90 верст. Более того, отсутствие надежных путей сообщения, в некоторых случаях даже проселков и троп, разливы р. Бия и р. Лебедь делали для 2800 жителей данной местности недоступным медицинское обслуживание. Создание пункта в с. Чемал обуславливалось его труднодоступностью и удаленностью от существующих и проектируемых врачебных пунктов. Также с. Чемал и соседнее с. Элекмонар являлись главными курортными местами уезда, и там имелось значительное число местных жителей[28]. Говорилось об открытии фельдшерских пунктов в с. Ново-Обинское и с. Калманское ввиду их отдаленности от ближайших врачебных пунктов и густонаселенности волостей. К тому же Новообинская волость выказала желание сделать сторублевый взнос на оборудование пункта. Комиссия «приняла к сведению» информацию о возможности изыскать средства Переселенческим управлением, чтобы открыть два фельдшерских пункта в с. Турочак и с. Гурьяновка и преобразовать фельдшерский пункт во врачебный участок в с. Нижне-Пьянково[29].

На заседании Змеиногорского распорядительного комитета 1–6 марта 1914 г. рассматривался проект сметы,

[24] ГААК. Ф. 65. Оп. 1. Д. 244. Л. 55–57.
[25] Там же. Л. 61.
[26] Там же. Л. 62.
[27] Там же. Л. 62 об.
[28] Там же. Л. 63.
[29] Там же. Л. 65.

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-71-79

присланный губернатором[30]. На совещании разгорелся спор о распределении волостей между врачебными участками и месте расположения лечебниц. Распорядительный комитет предложил выделить из Риддерского врачебного участка Бобровскую волость, а из состава Красноярского участка – Владимирскую волость. Также предполагалось открыть лечебницу в с. Секисовское Владимирской волости, поскольку последнее являлось центральным по отношению к Владимирской и Бобровской волостям, в то время как проект губернской сметы предусматривал учреждение ее в с. Тарханское. Старшина Бобровской волости настоятельно ходатайствовал об учреждении врачебного пункта в с. Бобровское, а старшина Владимирской волости – об открытии лечебницы в с. Верх-Убинское. Последний указывал, что это волостное село и торгово-промышленный центр, к которому тяготеет население окружающих сел. Распорядительный комитет не согласился с мнением обоих волостных начальников[31].

Рассматривая вопрос о создании лечебниц в горных волостях, комитет признал необходимым учредить врачебный пункт в с. Березовское Покровской волости, вместо предложенных в проекте сметы населенных пунктов. Хотя в Покровской волости проживало менее 35000 человек, она была отделена р. Чарыш от соседних волостей уезда. Населением волости на открытие больницы было ассигновано 5000 руб., что позволило комитету склониться к принятию этого решения. Для другой изолированной волости, Колыванской, отстоящей от лечебниц на 100–130 верст, предлагалось открыть врачебный пункт в с. Усть-Беловское. В степной части уезда комитет предложил учредить резиденцию участкового врача не в с. Поспелиха, а в с. Красноярское Ново-Алейской волости ввиду его более центрального расположения по отношению к окружающим селениям. Кроме запланированных сметой врачебных пунктов, комитет счел «неотложно необходимым» открытие ряда лечебниц: в с. Угловское, отстоящем от ближайшей больницы на 60 верст и отделенном от нее лесом; в с. Ново-Шульбинское, где, по заявлению крестьянского начальника, крестьяне готовы ассигновать до 30000 руб.; в с. Николаевка Калмыцко-Мысовской волости для обслуживания населения этой волости, части селений соседней Поспелихинской и некоторых переселенческих поселков. Учреждение объездных врачей комитет счел бесполезным и ходатайствовал о замене их участковыми. Таким образом, комитет считал необходимым открытие в уезде 14 врачебных пунктов вместо запланированных сметой восьми участковых и двух объездных[32].

В итоговом варианте земской сметы предполагалось учреждать ежегодно по 25 новых сельских участков в течение трехлетия 1915–1917 гг. На момент составления проекта в губернии существовало 13 переселенческих врачебных участков, еще 10 предполагались к открытию. При условии объединения сельско-врачебной части с переселенческой медициной в губернии было бы 170 врачебных участков. Кроме того, планировалось введение семи должностей объездных врачей и 14 должностей объездных фельдшеров, создание санитарной службы, состоящей из 12 врачей и 12 фельдшеров. Столь грандиозный план получил одобрение со стороны Совещания представителей правительства почти в полном объеме. Создание санитарной организации было признано преждевременным, а учреждение объездных медицинских служащих не соответствовало законодательству. Что касается самой амбициозной части проекта – открытия 75 лечебниц, то со стороны столичного начальства было лишь рекомендовано сдвинуть сроки открытия больниц[33]. В условиях войны развертывание масштабной врачебной сети оказалось невозможным. В «Памятной книжке Томской губернии» на 1915 г. значилось 86 участков, включая 14 переселенческих. Новых врачебных участков в губернии не появилось[34]. Об этом же говорилось на заседаниях Первого съезда врачей Томской губернии в 1917 г.[35]

Заключение

С момента создания сельской врачебной сети инициативы по ее расширению, исходившие от губернского уровня власти, как правило, находили отклик в высших правительственных учреждениях. В свою очередь верховная власть законодательно утверждала масштабные проекты. Ведомство императорского двора также принимало участие в наращивании медицинского потенциала региона.

Губернская администрация, планируя изменения в сельско-врачебной части, привлекала к обсуждению не только уездные органы власти, но и профессиональное сообщество и население. Для этого в рамках работы уездных распорядительных комитетов создавались специальные комиссии. Именно эти институты были источниками информации о проблемах и требованиях сельской медицины. Они формулировали запросы общества по расширению сети медицинских учреждений. Нередко возникали разногласия по поводу размещения того или иного медицинского пункта. Для аргументации своих просьб участники рабочих комиссий использовали рациональные доводы – численность населения, расстояние до ближайшего медпункта,

[30] Там же. Л. 77 об.

[31] Там же. Л. 81 об.

[32] Там же. Л. 82.

[33] ГАКО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 71. Л. 37; Свод предположений местного начальства... С. 12, 20–21.

[34] Памятная книжка Томской губернии на 1915 год. Томск: Типография губернского управления, 1915. С. 185–189.

[35] Труды первого съезда врачей Томской губернии… С. 38.

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-71-79

наличие природно-географических препятствий, согласие крестьян на софинансирование открываемого учреждения.

Губернское управление вносило правки в поступавшие из уездов материалы и давало им дальнейшее движение. Специальное Совещание представителей правительственных ведомств делало окончательные коррективы, сообразуясь с законами, возможностями губернской земской кассы и практической необходимостью.

Не все мероприятия по масштабному расширению сельской врачебной сети можно признать удачными. Если в трехлетие 1912–1914 гг. открылось 20 новых врачебных участков, то в следующий бюджетный период выполнить намеченное не удалось.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Литература

1. Федотов Н. П., Камчатка И. Е. Здравоохранение в Томской области. Томск, 1957. 80 с.
2. Федотов Н. П., Бова П. А., Березин В. П. Очерки по истории здравоохранения Томской области. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1967. 184 с.
3. Федотов Н. П. История становления здравоохранения Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1975. 254 с.
4. Федотов Н. П., Мендрина Г. И. Очерки по истории медицины и здравоохранения Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1975. 260 с.
5. Бова А. А., Олейниченко В. Ф. Очерки по истории здравоохранения Томской области. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1986. 146 с.
6. Татарникова А. И. Сельское здравоохранение и сеть медицинских учреждений в Западной Сибири под воздействием модернизационных процессов (конец XIX – первая четверть XX в.) // Теория и практика общественного развития. 2015. № 22. С. 137–140.
7. Татарникова А. И. Противохолерные мероприятия в Томской губернии во время эпидемии 1892 г. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 12- 3. С. 185–187.
8. Гончарова С. Г. Сельская медицина неземских губерний во второй половине XIX – начале XX вв. // Актуальные вопросы истории медицины и здравоохранения: мат-лы Междунар. симпозиума. (15 ноября 2019 г.) М.: Национальный НИИ общественного здоровья им. Н. А. Семашко, 2019. С. 74–82. DOI: 10.25742/NRIPH.2019.08.010
9. Архипов С. В., Бурукин В. В. Правовое регулирование организации медико-санитарной помощи в колонизируемых областях Азиатской России в конце XIX – начале XX вв. // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8. № 2. С. 125–128. DOI: 10.26140/bgz3-2019-0802-0093
10. Егорышева И. В., Гончарова С. Г. Медицинское обеспечение переселения крестьян в Сибирь в ходе столыпинской реформы // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2013. № 3. С. 58–60.
11. Глушков С. Е. Методология исследования историко-демографических процессов здоровья и заболеваемости населения Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. // Философия образования. 2011. № 5. С. 78–84.
12. Глушков С. Е. Преобразование системы здравоохранения и снижение смертности населения в Западной Сибири конца XIX – начала XX в. // Мир науки, культуры, образования. 2011. № 6-2. С. 346–349.
13. Глушков С. Е. Заболеваемость населения Томской губернии инфекционными болезнями в последней трети XIX – начале XX в.: историко-демографический анализ // Известия Алтайского государственного университета. 2012. № 4-1. С. 63–67
14. Глушков С. Е. Эпидемическая смертность населения Западной Сибири в конце имперского периода (конец 1880-х – 1916 гг.) //Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых: сб. мат-лов Всерос. молодеж. науч. школы-конф. (Новосибирск, 25–27 августа 2016 г.) Новосибирск: Апельсин, 2016. С. 105–114.
15. Панишев Е. А. Медицинское обслуживание и охрана здоровья населения Тобольской губернии во второй половине XIX – начале XX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 4-3. С. 161–164.
16. Ермачкова Е. П. Организация медицинской помощи сельским жителям Приишимья // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2016. Т. 2. № 1. С. 178–188. DOI: 10.21684/2411-197X-2016-2-1-178-188
17. Ерофеев Я. А. Центральные и губернские органы «охранения народного здравия» в XVIII – начале XX в. // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых: сб. мат-лов II Всерос. молодеж. науч. конф. (Новосибирск 22–24 августа 2012 г.) Новосибирск: Нонпарель, 2012. С. 86–92.
18. Вануйто В. Ю. Развитие здравоохранения на севере Тобольской губернии // Вестник Тобольского государственного педагогического им. Д. И. Менделеева. 2003. № 2. С. 126–131.
19. Темплинг В. Я. Здравоохранение на Крайнем Севере Тобольской губернии (XIX – начало XX в.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 4. С. 136–142.

BULLETIN
Kemerovo State University
https://vestnik.kemsu.ru
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-71-79

20. Гончарова О. А. История становления и развития системы здравоохранения в Горном Алтае в XIX–XX вв.: дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2002. 370 с.
21. Сыщенко А. Г., Сыщенко В. А. Хроника и аналитика оказания медицинской помощи населению юга Западной Сибири 1890–1933 гг. Барнаул: Алтайский Дом печати, 2006. 911 с.
22. Усков И. Ю. Развитие здравоохранения в Верхотомской волости и городе Щегловске в конце XIX – первой четверти XX вв. // Научный диалог. 2017. №5. С. 303–318. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-5-303-318
23. Почеревин Е. В. Строительство и содержание помещений сельских лечебниц Алтайского округа в начале XX в. // Актуальные вопросы истории Алтая / отв. ред. В. А. Скубневского, Е.В. Демчик. Барнаул: Пять Плюс, 2017. С. 217–221.
24. Почеревин Е. В. Финансово-хозяйственная деятельность сельских участковых врачей Томской губернии в начале XX в. // Актуальные проблемы современного гуманитарного знания: мат-лы II Всерос. науч.-практ. конф. с Междунар. участием. (Кемерово, 5 декабря 2018 г.) Кемерово: КемГУ, 2019. С. 79–82.
25. Кармилов В. Положение врачебного дела // Вопросы Мариинского уезда: сборник. Мариинск: Некрасов, 1914. С. 21–26.

original article

Development of a Rural Healthcare System in Tomsk Province in the Late XIX – Early XX centuries

Evgeny V. Pocherevin
Shukshin Altai State University for Humanities and Pedagogy, Russia, Biysk
pev2@mail.ru
https://orcid.org/0000-0003-0837-216X

Received 19 Jan 2021. Accepted 25 Feb 2021.

Abstract: The present research featured the rural healthcare system in the late XIX – early XX centuries in the Tomsk Guberniya (Province). The research objective was to deduce the stages of formation of the rural healthcare system and to show the decision-making mechanism at the different levels of government. The author analyzed administrative acts and reference books, as well as various documents that reflect discussing the problems of expanding the rural healthcare system at lower administrative levels. The analysis made it possible to identify the needs of rural population, as well as to see differences in views on the formation of the health districts. Before opening a new medical district or relocating an existing one, many factors were taken into account, e.g. the requests of local residents, the level of their material support of the medical institution, landscape and geographical aspects, etc. As a rule, decisions were based on rational arguments. The government of the province was responsible for gathering data, correcting proposals, and planning further development. The results were assessed and approved on the central level. Some proposals coming from the provincial administration did not find support of the center. The author identified two stages of large-scale expansion of the rural medicine in the Tomsk Province: 1898–1910 and 1912–1914. The First World War ruined the plans for 1915–1917.
Keywords: history of Tomsk guberniya, province, rural medical institution, medical department, administrative committee, rural hospital, local estimate

Citation: Pocherevin E. V. Development of a Rural Healthcare System in Tomsk Province in the Late XIX – Early XX centuries. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(1): 71–79. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-71-79

Conflicting interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

References

1. Fedotov N. P., Kamchatka I. E. *Health care in the Tomsk region*. Tomsk, 1957, 80. (In Russ.)
2. Fedotov N. P., Bova P. A., Berezin V. P. *Essays on the history of healthcare in the Tomsk region*. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1967, 184. (In Russ.)
3. Fedotov N. P. *The history of the formation of healthcare in Siberia*. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1975, 254. (In Russ.)

© 2021. The Author(s). This article is distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-71-79

4. Fedotov N. P., Mendrina G. I. *Essays on the history of medicine and healthcare in Siberia*. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1975, 260. (In Russ.)
5. Bova P. A., Oleinichenko V. F. *Essays on the history of healthcare in the Tomsk region*. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1986, 146. (In Russ.)
6. Tatarnikova A. I. Rural health care and health centers network in Western Siberia under the influence of modernization processes (the late XIX – first quarter of the XX centuries). *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 2015, (22): 137–140. (In Russ.)
7. Tatarnikova A. I. Anticholeraic measures in Tomsk province during epidemic of 1892. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kulturologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki,* 2016, (12-3): 185–187. (In Russ.)
8. Goncharova S. G. Rural medicine sezemsky provinces in the second half of XIX – early XX centuries. *Current issues in the history of medicine and healthcare*: Proc. Intern. Symposium, Moscow, 15 Nov 2019. Moscow: Natsionalnyi NII obshchestvennogo zdorovia im. N. A. Semashko, 2019, 74–82. (In Russ.) DOI: 10.25742/NRIPH.2019.08.010
9. Arkhipov S. V., Burukin V. V. The organization of the legal regulation of medical and sanitary assistance in colonized areas of the Asian part of Russia at the end of the XIX – the beginning of the XX century. *Baltic Humanitarian Journal*, 2019, 8(2): 125–128. (In Russ.) DOI: 10.26140/bgz3-2019-0802-0093
10. Egorysheva I. V., Goncharova S. G. The medical support of resettlement of peasants in Siberia during the Stolypin reform. *Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine*, 2013, (3): 58–60. (In Russ.)
11. Glushkov S. E. A methodology of research of the historical-demographic processes, related to health and sickness of the Western Siberian population in the second part XIXth century and the beginning of the XXth century. *Philosophy of education*, 2011, (5): 78–84. (In Russ.)
12. Glushkov S. E. Transformation of health and decrease mortality of population in Western Siberia late XIX – early XX century. *Mir nauki, kultury, obrazovaniya,* 2011, (6-2): 346–349. (In Russ.)
13. Glushkov S. E. Infectious disease rate in the Tomsk province at the last third of the XIXth century – the beginning of the XXth century: historical demographic analysis. *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2012, (4-1): 63–67. (In Russ.)
14. Glushkov S. E. Epidemic mortality of the population of Western Siberia at the end of the Imperial period (late 1880s – 1916). *Actual problems of historical research: the view of young scientists*: Proc. All-Russian youth Sci. School-Conf., Novosibirsk, 25–27 August 2016. Novosibirsk: Apelsin, 2016, 105–114. (In Russ.)
15. Panishev E. A. Medical care and health protection in Tobolsk province at the second half of XIXth – the beginning of XXth centuries. *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2009, (4-3): 161–164. (In Russ.)
16. Ermachkova E. P. The organization of medical care to villagers of the Ishim river region. *Vestnik Tiumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniia. Humanitatis*, 2016, 2(1): 178–188. (In Russ.) DOI: 10.21684/2411-197X-2016-2-1-178-188
17. Erofeev Ia. A. Central and provincial bodies of "protection of people's health" in the XVIII – early XX century. *Actual problems of historical research: the view of young scientists:* Proc. II All-Russian youth Sci. Conf., Novosibirsk, 22–24 Aug 2012. Novosibirsk: Nonparel, 2012, 86–92. (In Russ.)
18. Vanuito V. Iu. Development of healthcare in the North of the Tobolsk Province. *Vestnik Vestnik Tobol'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo im. D. I. Mendeleeva*, 2003, (2): 126–131. (In Russ.)
19. Templing V. Ia. Health care in the Far North of the Tobolsk Province (XIX – early XX century). *Vestnik arkheologii antropologii i etnografii*, 2015, (4): 136–142. (In Russ.)
20. Goncharova O. A. *History of formation and development of the healthcare system in the Altai Mountains in the XIX–XX centuries.* Dr. Hist. Sci. Diss. Tomsk, 2002, 370. (In Russ.)
21. Syshchenko A. G., Syshchenko V. A. *Chronicle and analysis of medical care to the population of the South of Western Siberia 1890–1933*. Barnaul: Altaiskii Dom pechati, 2006, 911. (In Russ.)
22. Uskov I. Yu. Development of healthcare in Verkhotomsk volost and Shcheglovsk in late 19th – first quarter of 20th centuries. *Nauchnyi dialog*, 2017, (5): 303–318. (In Russ.) DOI: 10.24224/2227-1295-2017-5-303-318
23. Pocherevin E. V. Construction and maintenance of premises of rural hospitals of the Altai District in the early XX century. *Actual issues of the history of Altai*, eds. Skubnevsky V. A., Demchik E. V. Barnaul: Piat Plius, 2017, 217–221. (In Russ.)
24. Pocherevin E. V. Financial and economic activity of rural district doctors of the Tomsk Province at the beginning of the XX century. *Actual problems of modern humanities*: Proc. II All-Russian Sci.-Prac. Conf. with Intern. participation, Kemerovo, 5 Dec 2018. Kemerovo: KemGU, 2019, 2019, 79–82. (In Russ.)
25. Karmilov V. State of medical affairs. *Issues of the Mariinsk District*. Mariinsk: Nekrasov, 1914, 21–26. (In Russ.)

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-80-94

оригинальная статья
УДК 94(470)+323.1

Этноконфессиональная ситуация в субъектах Российской Федерации: к проблеме организации мониторинга

Александр Николаевич Садовой
Субтропический научный центр Российской академии наук, Россия, г. Сочи
https://orcid.org/0000-0002-2153-6459

Владислав Алексеевич Овчинников
Кемеровский государственный университет, Россия, г. Кемерово
rpcsib@rambler.ru
https://orcid.org/0000-0001-9050-1850

Поступила в редакцию 05.01.2021. Принята к печати 01.02.2021.

Аннотация: Предлагается ряд методологических принципов исследования современной этноконфессиональной обстановки в субъектах Российской Федерации. Акцентируется внимание на необходимости использования при организации регионального мониторинга принципов системного, выборочного и процессного подходов. Современные этнические и конфессиональные процессы рассматриваются в логической взаимосвязи как проявление процессов трансформации традиционных социальных институтов и коммуникационных связей (в сфере традиционной экономики и социальной организации) под воздействием государственной политики. При анализе конфессиональных организаций предлагается использование структурно-функционального и ретроспективного методов, позволяющих выявить исторический контекст их воздействия на традиционные социальные институты многонационального населения России. Апробирован системный подход анализа этносоциальной и этноконфессиональной ситуации на межгосударственном (макро-) уровне (трансграничные зоны юга России), региональном (мега-) уровне (фрактальная и сетевая социальная организация) и микроуровене (в границах выборочных полигонов). Акцентируется внимание на проблемах вторичного анализа историографических источников по истории национальной и конфессиональной политики российского государства XIX – начала XXI в. Приводятся определения базовых дефиниций, используемых при развертывании регионального этносоциального мониторинга. Обосновывается основание расширения предметного поля интеграционных, научно-прикладных исследований по заданной проблематике.

Ключевые слова: методы исследования, конфессиональная ситуация, этносоциальная ситуация, межгосударственный уровень, региональный уровень, микроуровень

Цитирование: Садовой А. Н., Овчинников В. А. Этноконфессиональная ситуация в субъектах Российской Федерации: к проблеме организации мониторинга // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 1. С. 80–94. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-80-94

1. Введение

В последние десятилетия одной из устойчивых тенденций выступает формирование социального заказа на развертывание системы этносоциального мониторинга как формы научно-прикладных исследований, направленных на выявление реакции населения страны на проводимый федеральным центром курс национальной политики. Правовым основанием мониторинга выступает п. 32 «Стратегии государственной национальной политики Российского Федерации до 2025 года»[1], в котором предусматривается мониторинг состояния межнациональных (межэтнических) отношений в субъектах РФ и муниципальных образованиях. Развертывание системы мониторинга неразрывно связано с моделированием системы коммуникационных (социальных) связей, преобразуемых в ходе социальных реформ, и определением их этнической и конфессиональной оставляющих как потенциального источника дестабилизации этносоциальной обстановки.

Отличием этносоциального мониторинга от широко распространенной практики социологических опросов является его ориентация на выявление, анализ и научный прогноз направленности социальных процессов и характера социального взаимодействия (внутри- и межэтнического, межконфессионального и т. д.) за достаточно длительный отрезок времени: от нескольких десятилетий до столетий. Связано это с тем, что современные межэтнические и межконфессиональные конфликты являются следствием не только и не столько современной социальной политики, сколько отражением многовековой истории десятков этносов, входящих в состав российского государства. Формы проявления этнической и конфессиональной идентификации в общественном сознании вплоть до настоящего времени

[1] Стратегия государственной национальной политики РФ до 2025 года. Указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 // СЗ РФ. 24.12.2012. № 52. Ст. 7477.

© 2021. Авторы. Статья распространяется на условиях международной лицензии CC BY 4.0

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-80-94

во многом опираются на исторические мифы, отражающие коллективное восприятие исторических событий, составляющих историю российского государства. Во многом это определяется и тенденциями развития отечественной историографии, для которой в течение последних двух-трех столетий не было характерно рассматривать логическую взаимосвязь и взаимообусловленность истории российского государства («государственная школа»), истории ведущих конфессий (христианства, мусульманства, буддизма) и собственно этнической истории (титульных, коренных малочисленных народов и др.), в том числе этносов, имеющих многовековой опыт государственного строительства.

Накопленный в России опыт проведения этнологических экспертиз [1–8], ориентированных на исследование широкого спектра социальных процессов, отражает наличие не только информационных лакун, не позволяющих дать полновесную научную критику феномена исторического мифотворчества, проявляющегося на платформах национальных общественных объединений, оказывающих воздействие на национальную и конфессиональную политику, но и ограничения методологического характера, определяемые тем, что современная этносоциальная и конфессиональная ситуация в стране выступает предметным полем исследования представителей широкого спектра гуманитарных наук (истории, социологии, этнологии, экономики, социальной экологии и т. д.). Вследствие этого при серьезных отличиях понятийного аппарата спектр применяемых методов объективно способствует использованию аксиологического подхода. При применении последнего внимание исследователей акцентируется не столько на анализе исторических источников, позволяющих выявить направленность и содержание социальных процессов, сколько на их качественной оценке (прогресс, регресс и т. д.) – широком спектре мнений, суждений, представлений, содержащихся в зарубежных и отечественных историографических источниках. В этой связи в ходе интеграционных исследований, направленных на выявление механизма (комплекса причинно-следственных связей) современных социальных процессов, прослеживается необходимость корректировки научной парадигмы: изменения предметной области, терминологии, методологических подходов, определения критериев оценки эффективности национальной и конфессиональной политики на всех этапах российской государственности.

2. Методологические подходы исследования этноконфессиональных процессов и обстановки

Проводимая социальная политика объективно выступает перманентным фактором воздействия на широкий спектр социальных отношений как в структуре традиционных социальных институтов (кровно-родственных, территориальных, конфессиональных), так и экономических моделей, что позволяет рассматривать ее в качестве одной из составляющих как национальной, так и конфессиональной политики. В силу этого выход на уровень научного прогнозирования средне- и долгосрочных последствий социальной политики допустим только на основе использования принципов системного подхода [9–12]. Согласно последним феномен *этносоциальная и этноконфессиональная обстановка* рассматривается в качестве многоуровневой, многокомпонентной, динамично меняющейся системы внутри- и межэтнических [13], внутри- и межконфессиональных коммуникаций, оказывающих воздействие (прямое или косвенное) на региональные процессы – политические, социально-экономические, социокультурные и т. д. Подход подразумевает и выявление обратной связи – воздействие региональных политических и социально-экономических процессов на изменение этносоциальной и конфессиональной обстановки на региональном и межрегиональном уровнях.

Следует особо отметить, что традиционные социальные институты, как этнические, так и конфессиональные, имеют принципиальное отличие от институтов гражданского общества. Это проявляется в их многовековой преемственности, не определяемой процессами генезиса и развития государства как социального института. При этом и родовую, и конфессиональную (церковную) форму организации (фрактальную, сетевую) можно рассматривать в качестве первоосновы государственного строительства. Прецеденты, при которых органы верховной власти выступали источником формирования клерикальной организации на основе раскола традиционных институтов и формирования новых (англиканская церковь Британии – 1534 г., Украинская православная церквь – 2019 г.) или фактором ее полного упразднения (Россия – 1917 г.), на наш взгляд, являются исключением из правил, а не проявлением исторических закономерностей. Определяется это, с одной стороны, устойчивостью религиозного мировоззрения, сохраняющегося в среде значительной части населения мира и в условиях глобальных экологических катастроф и системных политических кризисов. С другой стороны, тем, что социальным регулятором традиционных систем жизнеобеспечения (и выживания) этнических групп выступает не только правовое поле, формируемое государством, но и нормы обычного права, опирающиеся в традиционном обществе на то же религиозное мировоззрение. Эта закономерность характерна не только для этносов, сохраняющих вплоть до настоящего времени архаичные формы природопользования, но и для ряда форм этнического предпринимательства, представленного в мегаполисах мира.

Применение системного подхода формирует условие, при котором объектом исследования выступает механизм (комплекс причинно-следственных связей) трансформации традиционных систем коммуникаций в сфере традиционной социальной организации, хозяйственной специализации, мировоззренческих конструктах – религиозного, псевдорелигиозного, атеистического восприятия окружающей действительности. Предметная область при этом подходе ограничивается *хронологически* – пиками воздействия

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-80-94

на традиционные системы социальной организации и жизнеобеспечения институтами государственной власти, прослеживаемыми не столько по принятию нормативных актов, определяющих курс национальной и конфессиональной политики, сколько по реакции населения – переорганизаций социальных связей (коммуникаций), определяющих традиционный уклад жизни и повседневной деятельности. Реакции могут быть различными – от эмиграции до оказания силового противостояния органам государственной власти. Анализ этносоциальной и конфессиональной ситуации по нескольким хронологическим срезам дает теоретическое допущение наличия цикличных закономерностей во взаимоотношении органов государственной власти и доминирующих конфессиональных организаций. И здесь интерес представляет то, насколько на эту систему отношений оказывают влияние формы государственного устройства, политический режим, идеологические конструкты, заданные государством.

Территориально предметная область исследований в зависимости от поставленных задач ограничивается изопрагмами: а) административно-территориальных единиц (волости, уезды, епископства, муфтиаты, приходы и т. д.); б) территорий традиционного природопользования и жизнеобеспечения этнических групп; в) местами компактного проживания этнических групп; г) историко-этнографических областей; д) природно-территориальных комплексов (ландшафтов) – в случае полиэтничного состава населения – существенными отличиями систем жизнеобеспечения и традиционной хозяйственной специализации и отдельных групп.

Методологические подходы и методики исследования традиционных форм экономики и жизнеобеспечения этнических меньшинств по выборочным полигонам разработаны, апробированы и опубликованы [14]. При исследовании традиционных социальных институтов (включая церковь) прослеживаются перспективы использования разрабатываемых в настоящее время в историографии (по этнической экономике) подходов анализа фрактальной и сетевой форм социальной организации [15]. Не менее перспективным является анализ системы межэтнического и межконфессионального взаимодействия в трансграничных зонах, в которых перманентным фактором выступает не только внутренняя, но и внешняя политика сопредельных государств [16].

К сожалению, в отечественной историографии последних десятилетий круг работ, по которым можно проследить апробированные методологические подходы и методики исследования этноконфессиональных процессов, генезиса и трансформации форм межконфессионального и этноконфессионального взаимодействия, достаточно узок. Так, по состоянию на 02.06.2020, из 43 работ, выявленных по ключевому слову *этноконфессиональные процессы*, в электронной базе данных *e-library* в открытом доступе оказалось только 26 статей и ни одной монографии. Согласно проведенному анализу этих статей как историографических источников, оказалось, что использованный алгоритм исследования был отражен не более чем в половине публикаций [17–27]. Прослеживается тенденция анализа этноконфессиональной обстановки на основе обобщение статистических данных, полученных в результате социологических опросов. При эффективности этого метода при оценке текущей этноконфессиоанльной обстановки на основе мнений и суждений респондентов следует все же отметить, что социологические методы имеют слишком узкие хронологические рамки для анализа латентных по форме этнических процессов.

Ограничение предметного поля исследования хронологическими и территориальными рамками при применении принципов системного подхода (выявление подсистем, иерархически соподчиненных и системообразующих связей, внутренних и внешних факторов воздействия, динамики и направленности трансформации коммуникационных связей при сохранении целостности системы и т. д.) [9–11] или комбинации структурно-функционального и компаративного анализа, позволяющего проследить логику изменения внутренней структуры традиционных социальных институтов и их функций за достаточно длительный исторический период, определяет необходимость использования выборочного подхода. Последний позволяет экстраполировать тенденции и локальные социальные процессы, выявленные по историческим источникам (включая этнографические), на коммуникационные системы более высокого иерархического уровня.

Например, на основе исследования характера межэтнического и межконфессионального взаимодействия в границах нескольких выборочных (локальных) сельских анклавов (волостей, уездов, районов, поселков, сельских администраций, районов и т. д.) при наличии серьезной аргументации, полученной на основе компаративного метода (вариант – сравнительно-типологического), их типичности возникает возможность формирования рабочей гипотезы о причинно-следственных связях (механизме) этих изменений. Следующим шагом может выступить обоснование механизма формирования локальных очагов перманентной межэтнической и межконфессиональной конфронтации. Достаточно перспективен и анализ процессов трансформации системы традиционных социальных коммуникаций в контексте столкновений интересов социальных страт, поиск аналогов в причинах устойчивости межэтнических конфликтов на протяжении нескольких десятилетий или столетий. В этом контексте социальная стратификация (этническая, этносоциальная, конфессиональная и т. д.) может рассматриваться в качестве имманентного по природе и латентного по форме фактора воздействия на текущую этносоциальную и конфессиональную обстановку.

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-80-94

3. Опыт апробации системного подхода анализа этносоциальной и этноконфессиональной ситуации

3.1. Межгосударственный (макро-) уровень. Этносоциальные и конфессиональные процессы в трансграничных зонах юга России

Как уже отмечалось, разработка алгоритма мониторинга этносоциальной и конфессиональной ситуации на основе принципов системного и выборочного подходов определяет выбор полигонов исследования (гнездовой метод выборки) в границах таксонов более высокого иерархического порядка. Выбор этих таксонов в свою очередь определяется наличием идентичных (или близких к идентичным) тенденций политического и социокультурного развития, рассматриваемых нами в качестве типообразующих признаков. Социальные процессы в границах сопредельных таксонов изучаются как самостоятельный объект исследования для выявления региональной специфики этих процессов (по динамике, содержанию, направленности). Здесь мы руководствуемся положением, что специфика российского государства, административно-территориальные структуры которого охватывают несколько географических зон (от субтропической до полярной), определивших полиэтничный и поликонфессиональный состав населения, устойчивость традиционных социальных институтов, поливариантность систем традиционного жизнеобеспечения этнических меньшинств и многоукладность экономики существенно сужают возможности экстраполяции сформированных в отечественной и зарубежной (европейской) историографии концепций и рабочих гипотез по направленности, содержанию и динамике политических, экономических и социокультурных процессов как на страну в целом, так и на ее административно-территориальные составляющие.

С отходом от парадигм научного коммунизма (исторического материализма), позволяющих давать оценку *региональных* социальных процессов в контексте глобальных тенденций столкновений антагонистических социальных интересов, проявилась проблема оценки репрезентативности исторических фактов, выявленных на локальном уровне (в границах сельских поселений, уездов, районов и т. д.). Проблема определяется тем, что при обширности границ российского государства как национальная, так и конфессиональная политика центра, проводимая его правительством в центральных районах и на периферии на всех этапах исторического развития, не могла не иметь существенных отличий.

При акцентировании внимания на этносоциальном аспекте анализа (с позиции меньшинств) ее средне- и долгосрочных последствий мы объективно сталкиваемся с ситуацией вариативности: от принимаемых политических решений отдельные социальные группы одномоментно могли как «проигрывать», так и «выигрывать». В качестве примера можно привести глобальные тенденции решения национальной проблемы путем переселенческой политики, объективно меняющей этническую и конфессиональную карту мира не только российского государства. Повсеместно при проигрыше автохтонных этнических групп (резидентов), теряющих этнические территории, проводимая государством политика объективно кардинально решала проблемы переселенцев, придавая динамику процессам урбанизации и развитию инфраструктуры переселенческих регионов. Это способствовало решению социальных проблем населения в целом (развитие систем образования, здравоохранения), включающего и автохтонные группы.

В процессе отработки алгоритма мониторинга текущей конфессиональной обстановки, направленного на оценку последствий проводимой государством политики, нельзя выпускать из внимания ее исторический контекст. Современные этноконфессиональные процессы являются производным от многих факторов. В силу этого мониторинг как форма научно-прикладных исследований должен быть ориентирован на выявление узловых точек, позволяющих проводить анализ национальной и конфессиональной политики как взаимообусловленного, многокомпонентного, иерархически соподчиненного процесса, в котором на каждом этапе и каждом уровне определяется субъект, объект (объекты) политики, используемые социальные технологии и сфера столкновений групповых интересов. На макроуровне этот процесс может быть отражен при системном анализе форм межгосударственного взаимодействия – от процедур принятия нормативных актов до выявления организационных форм экспансии мировых религий. На следующем уровне (мега-, межрегиональном) выявленные по нескольким хронологическим срезам тенденции рассматриваются в качестве внешнего фактора воздействия на этносоциальную и конфессиональную обстановку.

На наш взгляд, при очерчивании алгоритма перехода с одного уровня на другой, осуществляемого при выявлении (анализе) этнических и конфессиональных процессов, наиболее перспективными выступают трансграничные зоны (далее ТГЗ) юга России, охватывающие горные и прилегающие к ним регионы Южной Сибири (Саяно-Алтайский экорегион) и Западного Кавказа (включая черноморское побережье). Выбор этих полигонов как территориальных объектов исследования в границах ТГЗ (на втором этапе исследования) определен сложным этническим составом, существенными отличиями в истории вхождения автохтонного населения в состав российского государства: мирным путем (Горный Алтай, Тува) и в результате длительного вооруженного конфликта (Западный Кавказ), а также характерной для горных экосистем уязвимостью традиционных систем природопользования и жизнеобеспечения, позволяющей проводить моделирование трансформации традиционных социальных институтов под воздействием национальной политики (в динамике). Основанием для использования компаративного анализа при выявлении механизма изменения этносоциальной и конфессиональной обстановки выступают общие для обоих полигонов признаки:

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-80-94

неопределенный (спорный) характер государственных границ; полиэтничный состав населения, устойчивость традиционных социальных институтов этнических меньшинств, воздействие формируемых государством пограничных режимов на систему межэтнических и межконфессиональных коммуникаций [16]. Обратимся к концепциям и рабочим гипотезам, сформированным в отечественной историографии, которые могут быть использованы в ходе отработки алгоритма исследования механизма (комплекса причинно-следственных связей) изменения этносоциальной и конфессиональной обстановки в ТГЗ исходя из свойственной ей характеристик.

Неопределенный (спорный) характер южных границ в течение почти двух столетий (XVIII–XIX вв.) определял конфликт национальных интересов сопредельных государств: в Южной Сибири – России и Циньского Китая; на Западном Кавказе – России и Османской Турции. С учетом полиэтничного состава империй это оказывало прямое воздействие на проводимую ими политику, как национальную, так и конфессиональную. «Глубина» контакта определялась «спорным» правовым статусом этнических территорий для всех групп населения, проживающих в зоне межгосударственного противостояния. Открытый характер границ России в Горном Алтае с районами Внутренней Монголии сохранялся вплоть до середины 1920-х гг. Только по завершению гражданской войны сформировалась сеть пограничных застав, прервавшая систему традиционных коммуникаций между этническими группами экорегиона. В этой же плоскости неопределенность государственных границ на Западном Кавказе можно рассматривать как ситуацию, сложившуюся после Андрианопольского мирного договора (1829 г.). Этническая территория ряда субэтносов адыгов фактически вошла в состав России только в ходе Русско-Кавказской войны (1817–1864 гг.), определив направление и динамику этнических процессов на территории не только Западного, но и Северного Кавказа в течение последующего столетия. Неопределенность государственных границ при «накладке» на ТГЗ изопрагм (зон контакта) между мировыми религиями по нескольким хронологическим срезам позволяет конкретизировать описание как глобальных, так и региональных конфессиональных процессов. Так, в границах Саяно-Алтайского экорегиона начиная с начала XIX в. прослеживается устойчивая тенденция территориальной экспансии структурных подразделений Русской Православной Церкви (РПЦ), столкнувшейся в начале XX в. с экспансией северного течения буддизма – ламаизма [28–32] и только отчасти – мусульманства, носителями которого являлись мигранты – казахи.

РПЦ активно использовала потенциал миссий, созданных как в приграничных регионах Сибири (фронтирах), так и на территории сопредельных государств. В 1902 г. в Сибири действовало 11 миссий РПЦ, из них эффективно на юге Западной Сибири – Алтайская и Киргизская духовные миссии.

Рост революционного движения в государстве и самосознания у коренных народов Сибири в конце XIX – начале XX в. привел к усилению национально-освободительного движения, сформировавшегося на религиозной основе. В регионе сложилась непростая геополитическая ситуация: нежелание коренного населения отказываться от традиционных верований, широкое распространение раскола и сектантства, усиление антигосударственных настроений и революционные выступления, апатичное отношение русского населения к вере, столкновение интересов мировых религий. Все это делало Сибирь открытой для проникновения ислама и буддизма, за которыми стояли и попытки политической экспансии со стороны соседних государств. Но в конец XIX – начале XX в. миссии РПЦ не только «выжили» в кризисной ситуации, но и, выявив причины недостатков, провели реформы с пониманием перспективы развития миссионерства, с учетом изменений в политической жизни государства.

Особую роль в деятельности духовных миссий РПЦ в Сибири сыграли монастыри. Основанные в Сибири в XVII – начале XVIII в. монастыри стали основой создания организационной структуры РПЦ и миссионерскими центрами. На юге Западной Сибири задачи распространения христианской веры решали Томский Алексеевский и Кузнецкий Христорождественский мужские монастыри.

Монастыри сыграли не менее значимую роль и при распространении православия в Восточной Сибири. В 1681 г. из Москвы в Даурию была направлена миссия под начальством игумена Феодосия. На берегу Байкала был основан Посольский Преображенский мужской монастырь, ставший духовным центром Забайкальской миссии[2]. В Забайкалье были основаны Селенгинский Троицкий монастырь, который стал крупным миссионерским центром. На территории будущей Енисейской губернии дело распространения истинной веры было возложено на Енисейский и Туруханский мужские монастыри, в Якутии – на Спасский мужской монастырь[3] [33, с. 110; 34, с. 158–161]. В Восточной Сибири практически все монастыри несли миссионерские труды. Это было связано с быстрым распространением в XVIII–XIX вв. ламаизма на юге Восточной Сибири. Миссионерские труды вплоть до начала XX в. традиционно несли мужские монастыри. Во второй половине и конце XIX в. миссионерские монастыри продолжали создавать на окраинах империи с иноверческим населением.

Кардинально на развитие монастырского миссионерства на юге Западной Сибири повлияло открытие в 1828 г. Алтайской духовной миссии. К 1917 г. в структуру миссии входили 6 миссионерских монастырей и женских

[2] Сборник сведений о православных миссиях и деятельности Православного миссионерского общества. М.: Тип. В. Готье, 1872. Кн. 2. С. 258–259.

[3] Якутский Спасский монастырь. Омск: Типография окружного штаба, 1873. 32 с.

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-80-94

общин. Местоположение создаваемых новых монастырей соответствовало направлениям продвижения Алтайской миссии на юг и восток. Если провести линии от Бийска и Улалы – центрального стана миссии – к остальным обителям миссии – до Матурской общины на востоке, Чемальской общины на юге, Чулушманского монастыря на юго-востоке, то получится веер, который четко по направлениям лучей соотносится с планами дальнейшего развития миссии. О том, что при этом монастыри рассматривались как опорные миссионерские пункты, свидетельствуют и сведения в отчетах, и попытки открыть как опорный центр Киргизской миссии недалеко от г. Семипалатинск миссионерский монастырь, т. к. на всем протяжении «киргизской степи» от Оренбурга до китайской границы не было ни одной иноческой обители. В 1895 г. Киргизская миссия перешла к вновь образованной Омской епархии, и только в 1902 г. на указанном месте возникла миссионерская женская община. Самым отдаленным монастырем, выдвинутым в сторону «киргизской степи», стал утвержденный в 1882 г. и начавший деятельность в Семиреченской области в 1885 г. Иссык-Кульский Свято-Троицкий миссионерский общежительный мужской монастырь. Необходимо подчеркнуть, что монашеские обители часто основывались в местах, наиболее отдаленных от цивилизации, и там, где отсутствовало русское население и было множество факторов (старообрядцы, родовая знать, близость языческих поселений), негативно влияющих на распространение православия (Чулышманский монастырь, Матурская община, Чемальская община).

В отчете обер-прокурора за 1902 г. было отмечено расширение влияния Алтайской духовной миссии: «Миссия простерла свою деятельность до границ Китая; теперь наступает очередь язычествующих инородцев, кочующих в пределах Китая, но тяготеющих к России. Стремление к православию обнаруживается у сойтов, соплеменных русским крещеным инородцам, живущих вблиз Телецкого озера, у Чуйских телеутов, русских подданных, и их соседей – тербетов, проживающих в Китае. Из китайских инородцев уже крещено до 300 человек, проживающих в пределах миссии»[4]. В будущие задачи миссии входило и продвижение на юг через Усть-Каменогорск и Семипалатинск и в Минусинскую область. На годовом собрании Томского отдела Православного Миссионерского общества в 1910 г. было отмечено, что будущее Алтайской духовной миссии – в проповеди в соседней Монголии[5]. Продвижение Алтайской духовной миссии на юг, юго-восток и восток, меры по распространению православия в ближайших к русским границам округах Китайской империи в начале XX в. тесно переплетались с внешнеполитическими задачами Российской империи, стремившийся закрепить свое влияние на территории Тывы и Внешней Монголии [35].

Необходимо отметить, что Российской духовной миссии, действовавшей в Китае с 1715 г., после открытия особой русской дипломатической миссии в 1861 г. была разрешена проповедь во внутренних областях Китая. В ее работе использовались как методы миссионерской работы, опробованные на территории Российской империи, так и опыт западных христианских церквей. Духовная миссия в Китае активно использовала ресурс православных монастырей. К 1917 г. миссия состояла из мужского и женского монастырей в Пекине, женского скита, 5 подворий, 19 храмов, 32 станов, семинарии, 20 школ, в 670 населенных пунктах проживали 5587 православных [33, с. 246–268; 36, с. 356–357]. Системная работа позволила миссии продолжить работы и в постреволюционные годы, и во время оккупации Маньчжурии японскими войсками, гражданской войны и становления КНР. Миссия прекратила свое существование в период культурной революции в Китае. В начале XXI в. РПЦ предпринимает шаги по восстановлению своего присутствия в Китае, где проживает около 20 тыс. православных.

На территории черноморского побережья отмечается та же тенденция – смена конфессионального состава по всей ТГЗ, проявившаяся в том, что после выселения автохтонного населения (мусульман) приоритетное право заселения пограничных районов получали только представители разных ветвей христианства [37]. В настоящее время здесь прослеживается обратная тенденция – усиление позиций представителей мусульманских общин (Абхазия, Аджария), имеющих устойчивые контакты с бизнес-структурами Турции при невнятной конфессиональной региональной политике правительства и Абхазии, и Грузии. В целом можно отметить, что компаративный анализ соответствия государственных границ с изопрагмами зон экспансии мировых религий (на разных исторических этапах) позволяет актуализировать исследования, посвященные формам взаимодействия на межгосударственном уровне институтов государственной власти и церковных организаций, выступающих фактором (имманентным) воздействия на формирование стратегии национальной политики (вариант – колонизации) в границах ТГЗ. При этом анализ причинно-следственных связей (механизма) курса на изменение этнического состава населения в зонах контакта мировых религий, выявление глобальных, региональных, внутрирегиональных тенденций может выступать отдельным объектом исследования.

На макроуровне в предметную область исследования процессов могут быть включены сюжеты по характеру *воздействия пограничных режимов* сопредельных государств ТГЗ на проводимый ими курс национальной и конфессиональной политики с учетом интересов земельных собственников и бизнес-структур, включенных в систему межгосударственных торговых коммуникаций. Связано это

[4] Отчет обер-прокурора Св. Синода по ведомству православного исповедания за 1902 год. Спб., 1905. С. 174.

[5] Томские епархиальные ведомости. 1910. № 7. Неофиц. часть. С. 313–316.

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-80-94

с тем, что используемые по обе стороны государственных границ социальные технологии при правовой неопределенности института земельной собственности (по всей ТГЗ) были ориентированы на системное решение двух задач, стоящих в течение XIX в. перед правительством России: 1) формирование пограничных режимов в условиях нестабильной этносоциальной и конфессиональной обстановки; 2) организация контроля и управления социальными процессами в пограничных районах с учетом не столько этнических, сколько национально-государственных (общенациональных) интересов. Специфическим признаком ТГЗ выступало то, что в их границах, в отличие от внутренних районов государства, противоречие между этими интересами и этническими интересами населения ТГЗ являлись скорее нормой, чем исключением. В связи с этим национальная политика проявлялась не столько в поиске баланса интересов, сколько в последовательном формировании пограничных режимов и создании необходимых условий для охраны государственных границ.

3.2. Региональный (мега-) уровень. Этнический и конфессиональный состав населения в контексте анализа фрактальной и сетевой социальной организации

Как уже отмечалось, для большинства районов, входящих в ТГЗ юга России, был характерен полиэтничный и поликонфессиональный состав населения. Как на межрегиональном, так и внутрирегиональном уровне это обуславливало формирование зоны контактов (вариант – конфликтов) групповых интересов – как этнических, так и конфессиональных. Во многом это определялось тем, что государственные границы по всей ТГЗ крайне редко соответствовали изопрагмам этнических территорий, идентичным территориям традиционного природопользования и жизнеобеспечения этнических меньшинств. В свою очередь изопрагмы этнических территорий в течение последних двух столетий динамично менялись под воздействием не только переселенческой политики, но и миграционных (этнических) процессов, вышедших из-под контроля государств. Так, в границах Алтае-Саянского экорегиона в XVII – начале XX в. при относительной устойчивости границ этнической территории алтай-кижи, теленгитов, кумандинцев, челканцев (Центральный и Северо-Восточный Алтай) прослеживаются миграции: а) телеутов к северу (формирование бачатской группы в современной Кемеровской области), б) казахов (Юго-Восточный Алтай); в) русских старообрядцев (Центральный Алтай, Уймонская котловина); г) формирование сети населенных пунктов русских переселенцев, прилегающих к миссионерским поселкам Алтайской духовной миссии (Северо-Восточный, Центральный Алтай); д) несколько неконтролируемых правительством волн русских переселенцев в предгорные районы Алтая и Кузнецкого Алатау. В отечественной историографии неоднократно отмечалось, что массовое переселение автохтонного населения Западного Кавказа, инициированное правительствами Османской и Российской империй (мухаджирство), вышло из-под их контроля, что привело к массовой гибели переселенцев в ходе переселения и на местах их временной дислокации на территории Турции.

Изменение границ этнических территорий, формирование социальных институтов в среде переселенцев, формирование системы поземельных отношений этой группы с представителями автохтонного населения, формирование на внутрирегиональном уровне системы межконфессиональных контактов – тематика, фактически не разработанная в региональной историографии, что придает ей особую актуальность. Если акцентировать внимание на обосновании новизны этой проблематики, то здесь прослеживается перспектива апробации новых для отечественных историков методик исследования, органически вписывающихся в системный, выборочный и процессный подходы исследования социальных феноменов, органически связанных с поднятой проблематикой.

Стоит акцентировать внимание на том, что традиционные социальные институты как автохтонных групп населения, так и переселенцев, формирующих сельские анклавы, по своей структуре являлись проявлением *фрактальной организации*. Связано это было с тем, что системы жизнеобеспечения, формируемые отдельными семьями при сохранении норм обычного права, органически вписывались (в качестве подсистемы) и были во многом *идентичны* системам жизнеобеспечения социумов более высокого иерархического уровня (подовые, территориальные общины). Эта закономерность соответствовала основному признаку *фрактальной* природы социумов – образований, состоящих на всех уровнях из элементов, подобных (аналогичных) целому. Системообразующей связью как на горизонтальном уровне (сетевая организация), так и вертикальном, выражавшейся во включении низовых форм этнической экономики (жизнеобеспечения, предпринимательства) в систему региональных и межрегиональных экономических связей, выступали нормы обычного права как социальные регуляторы внутриэтнических отношений, в отдельных случаях – и межэтнических. При этом следует особо акцентировать внимание на том, что нормы обычного права как системообразующая, иерархически соподчиненная связь на всех этапах исторического развития этнических меньшинств имели *сакральную природу*. В этом контексте последовательная смена в среде этнических меньшинств норм обычного права социальными регуляторами, предлагаемыми мировыми религиями (церковью), использующими принципы как сетевой, так и фрактальной организации (основанной на канонах), приводила к крайне сложной для восприятия системе внутрирегиональных межэтнических и конфессиональных отношений. Одним из наиболее ярких примеров воздействия сетевой организации РПЦ на систему региональных связей является деятельность монастырей [38].

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-80-94

Примером может служить Алтайская духовная миссия, к 1917 г. насчитывавшая 31 стан, 95 храмов и молитвенных домов, 84 школы, 434 селения, приюты, Бийский архиерейский дом и 6 монастырей и женских общин. Представители северных алтайских племен (тубаларов, кумандинцев, телеутов), раньше принявшие православие и уже разбавленные в начале XX в. русским населением, практически на 100 % исповедовали православие. В Улале, где долгое время располагался центральный стан миссии, в 1888 г. проживало 2459 крещеных инородцев – 725 оседлых и 1734 кочевых, а также 901 шаманист, при активном участии сестер Улалинского монастыря удалось добиться того, что в 1915 г. все инородцы Улалы – 1367 человек – были оседлыми и православными[6].

Чулышманский монастырь был основан в достаточно изолированной части Алтая, где отсутствовало русское население и которая была населена южными алтайцами – теленгитами. Несмотря на отдаленность, малочисленность братии, монастырь за счет использования экономического рычага и системы льгот сумел добиться того, что к 1915 г. все жители Чулышманской долины приняли крещение[7]. Механизм – земли (пашни, сенокосы, зимние пастбища) в Чулушманской долине были закреплены за монастырем и он сдавал их в аренду местным жителям. И хотя жители вплоть до 1917 г. выражали недовольство высокой арендной платой, устраивали самовольную вырубку леса, угон скота, это не являлось недовольством на религиозной почве[8].

Экономический механизм принуждения к крещению не мог дать стопроцентного положительного эффекта. В 1908 г. монахи сами подтверждали, что даже крещеные местные инородцы до сих пор камлают, но большей частью зимой. Сохранившийся шаманизм теснился и возникшим в это время бурханизмом. Монастырь и миссионерский стан, вводя ограничения на запрет языческих обрядов вблизи монастыря и стана, миссионерских крестов, поставленных на берегу озера и при слиянии рек Чулышмана и Башкауса[9], предлагал различные формы помощи: низкую арендную плату, обучение обработке земли, обучение в школах, содержание в приютах детей, оказание медицинской помощи и др. Такой комплексный подход позволил крестить двоеданцев, откочевывающих в долину Чулышмана на зимние пастбища и присягнувших на верное подданство из-за земель, существенно ограничил противодействие языческой зайсано-байской верхушки, преградил доступ в район старообрядческому населению, позволил поставить под контроль не только достаточно изолированный район Алтая, но и перспективные с точки зрения развития торговли и коммуникаций пути по линии р. Бия – Телецкое озеро – Улаган – Чуйская долина. После открытия в начале XX в. миссионерских станов в Чуйской долине и Улагане район полностью перекрывался и контролировался Алтайской духовной миссией. В 1915 г. в Чулышманском отделении Алтайской духовной миссии проживало 1603 оседлых и православных инородца[10].

Традиционно экономической основой православия была земледельческая культура, в корне отличная от кочевого экстенсивного скотоводства. Показателен пример Чулышманского монастыря. Если до 1890-х гг. население долины закупало хлеб у купцов по завышенным ценам, то под влиянием монастыря стало сеять зерновые, при этом используя соху вместо мотыги, косить сено косами-литовками, а не срезать ножами. Монахи и миссионеры, «первые и единственные учителя земледелия», приучали инородцев к оседлости. В начале XX в. были успешно проведены опытные посевы пшеницы, расширены посевы зерновых, применялась сельскохозяйственная техника, что способствовало повышению уровня хозяйственной культуры жителей Чулышманской долины. В Отчете Алтайской духовной миссии за 1914 г. отмечалось, что жители долины в религиозном плане стоят выше новокрещеных прочих отделений миссии, большинство мужчин грамотны и читают на родном языке. В отчете подчеркивается роль обители в хозяйственном развитии долины и то, что «от монастыря инородцы научились русскому языку, русским обычаям, уважению к русскому народу и его законам»[11].

Безусловно, что на начальном этапе крещение для местного населения носило вынужденный характер, но последовательные меры по укреплению веры привели к положительному результату. Конфликты инородцев и монастыря имели в своей основе экономический или бытовой характер и не переходили на религиозную основу. Тезис о насильственном или вынужденном крещении чулышманских инородцев опровергается данными, полученными в процессе работы полевой экспедиции (сентябрь 2001 г.), приведенной А. П. Адлыковой. По результатам опросов жителей деревень Балыкча (рядом с бывшим монастырем), Коо, Балыктыюль (перевал Кату-Ярык) Улаганского района, они являются в основной массе православными и хранят добрую память о миссии и существовавшем здесь монастыре. В 2001 г. в Коо, Балыктыюль действовали церкви, в Балыкче – молитвенный дом, построенные по желанию местных жителей на их средства и при их непосредственном участии. В воспоминаниях местных жителей отсутствует информация о сложности исторического земельного

[6] Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 184. Оп. 1. Д. 28. Л. 3.

[7] Там же.

[8] Центр хранения архивного фонда Алтайского края (ЦХАФ АК). Ф. 164. Оп. 1. Д. 52. Л. 30; ЦХАФ АК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 138. Л. 1.

[9] ЦХАФ АК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 136. Л. 14.

[10] ГАТО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 28. Л. 3.

[11] ГАТО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 25. Л. 24–27.

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-80-94

вопроса в районе. Большинство опрошенных считает, что их предки именно обители обязаны крещением, обучению земледелию и хозяйственным навыкам, распространению культуры. Про существование миссионерского стана помнят немногие. Особая признательность монахам выражается за «великолепные сады», растущие по всей Балыкче, и яблоки, которыми славится Улаганский район [39, с. 123–124]. Безусловно, односторонние положительные обнародованные результаты опросов могут быть, на наш взгляд, связаны с тем, что экспедиция была организована миссионерским отделом Алтайской епархии.

Принципиально иная ситуация сложилась на Западном Кавказе, где миграционные процессы во многом определились ходом военных действий, вынужденным уходом автохтонного населения с территорий традиционного природопользования за пределы российского государства. Итогом войны стали полная утрата автохтонным населением Западного Кавказа своей этнической территории в результате мухаджирства – переселения на территорию Османской империи, распад традиционных социальных институтов, системы расселения, природопользования и землепользования [40], формирование полиэтничного состава населения экорегиона за счет мигрантов [41–43], исключительно высокие темпы урбанизации, способствующие формированию на побережье городских агломераций. Формирование сетевой организации РПЦ на черноморском побережье (за исключением территории современной Абхазии) осуществлялось не в среде автохтонного населения, а в среде переселенцев, относящихся к разным ветвям христианства, что придавало формируемой системе межконфессионального взаимодействие четко выраженную региональную специфику, не позволяющую строить рабочую гипотезу об идентичности проводимого курса конфессиональной политики по всей ТГЗ юга России.

Акцентирование внимания на возможностях системного анализа национальной и конфессиональной политики формирует перспективу существенного расширения предметной области исследований, с одной стороны, путем выявления генезиса сетевой организационной структуры, охватывающей автохтонное население и мигрантов. С другой – через выявление динамики и внутренней логики формирования в ТГЗ институциональных структур мировых религий. Анализ интеграционных (коммуникационных) связей между этими структурами и составляющими систем жизнеобеспечения и природопользования автохтонного населения и переселенцев как форма проявления «горизонтальных связей» между сетевыми организациями представляет исключительно широкое поле исследования, позволяющее выйти из порочной практики перманентного переписывания историографических источников.

При выявлении «вертикальных» внутрирегиональных социальных связей особое внимание следует обратить на то, что именно *устойчивость традиционных социальных институтов этнических меньшинств* (по всей ТГЗ) во многом и определяло политику патернализма; толерантное отношение государства к традиционным институтам власти и судопроизводству в среде как этнических, так и конфессиональных групп. Терпимость выступала одним из основных принципов имперской национальной политики, используемым в зонах перманентных межэтнических конфликтов. Эта же тенденция прослеживается и в настоящее время. В качестве примера можно привести отношение российского правительства к своим бывшим «противникам» (не врагам): тейпам имама Шамиля в XIX в. и Р. А. Кадырова в начале XXI в. Спецификой ТГЗ является и соблюдение национальными элитами традиционных социальных регуляторов как на основе норм обычного права, так и системе религиозных запретов.

В Саяно-Алтайском экорегионе это проявилось в том, что вплоть до административно-территориальных реформ начала XX в.[12] автохтонное население сохраняло свои традиционные институты самоуправления и судопроизводства. На Западном, отчасти Северном Кавказе это проявилось в том, что социальными причинами мухаджирства, исхода автохтонного населения (шапсугов, убыхов, абадзехов, бжедугов) в Османскую империю после Русско-Кавказской войны выступила *приверженность* традиционным формам социальной организации. Проявилось это в том, что инициаторами переселения выступила национальная элита автохтонного населения, у которой отсутствовали ясные социально-экономические перспективы сохранения традиционных систем социальной организации «при русской власти». Веские основания для принятия этого решения прослеживаются в том, что после буржуазных реформ 1860–1870-х гг. все «зависимые сословия» по ТГЗ юга России получали личную свободу, а территориальные общины – земельные наделы и унифицированные с остальным населением системы волостного самоуправления и судопроизводства.

Региональная специфика современных этнических и конфессиональных процессов, определяющих характер *этносоциального и межконфессионального взаимодействия*, определяется той же устойчивостью традиционных социальных институтов (включая институт церкви). С одной стороны, собственно система межконфессионального взаимодействия повсеместно определялась характером связей (коммуникаций) между иерархически соподчиненными элементами такого социального института, как церковь. Функции структурных составляющих этого института (приходов, умм, монастырей и т. д.) объективно детерминируют систему их взаимодействия как с низовыми институтами государственной

[12] Главные основания поземельного устройства крестьян и инородцев, водворившихся в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской на казенных землях // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье: с 1 марта 1881 г. по 1913 г. СПб.; Пг.: Гос. тип., 1899. Т. XVI: 1986. Отд-ие 1. № 12998. С. 503–505.

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-80-94

власти (губернии, края, области), так и представителями этнических меньшинств (национальными общественными объединениями, бизнес-структурами и т. д.). Характер этого взаимодействия, как показала политическая история России XX в., может быть не только мирным. В районах с полиэтничным составом населения конфликтная ситуация может сформироваться в следующих сферах:

a) трактовке этнической истории (объяснения прошлого, настоящего и будущего) и роли в этом процессе институтов государственной и конфессиональной власти;
b) регламентации повседневного поведения с учетом социальной стратификации;
c) регулировании морального поведения личности (противоречие конфессиональных и государственных норм);
d) оценке (одобрение / критика) предложенных государством форм социального устройства;
e) формах этнической консолидации в кризисные периоды.

Таким образом, конфессиональный фактор можно рассматривать в контексте перманентного воздействия на систему региональных коммуникационных связей в сфере воспроизводства традиционных социальных институтов (семья, клановая, племенная организация и т. д.), экономики (систем жизнеобеспечения этнических и иных социальных групп), политики (включения в сферу межгосударственных связей). Фактически конфессиональные отношения органически вписываются (накладываются) в широкий спектр социальных коммуникаций на только на межгосударственном уровне (ТГЗ в целом), но и на региональном уровне – структуре церкви (стратификация профессионального духовенства), выступающей для государства в качестве юридического лица, владеющего собственностью, составляющей экономическую основу, и как социальный регулятор четко разработанной догматики и детализированного культа.

На уровне любой конфессиональной организации выделяют управляющую и управляемую подсистемы. Первая система включает социальные группы, ориентированные на сохранение (консервацию) мировоззренческих установок, координацию религиозной деятельности и отношений, организацию контроля за соблюдением конфессиональных норм, включая разработку и применение санкций. Ядро этой системы может находиться как в границах ТГЗ, так и за ее пределами. В границах Алтае-Саянского экорегиона управленческое звено РПЦ было представлено с 1828 г. руководством Алтайской духовной миссии (Улала, г. Бийск) и опиралось на сеть динамично разворачиваемых миссионерских станов и селений [35; 44; 45, с. 120–123]. Центры экспансии ламаизма (бурханизма) и мусульманства находились за пределами Российской империи. Для Западного Кавказа характерно, что вплоть до выселения автохтонного населения и смены его переселенцами институты конфессионального управления находились за пределами ТГЗ. У мусульман – в Стамбуле.

3.3. Микроуровень. Исследование этносоциальной и конфессиональной ситуации в границах выборочных полигонов

Организация регионального этнологического и конфессионального мониторинга базируется на проведении социологических опросов и этнологических экспертиз, проводимых в среде локальных групп (этнических, конфессиональных, социальных страт и т. п.). Сам ход проведения полевых исследований подразумевает использование в качестве технического приема гнездовой выборки, при которой тенденции, выявленные в среде локальных групп, экстраполируются на внутрирегиональный, в отдельных случаях – на межрегиональный уровень. В случае использования структурно-функционального и компаративного анализа (в ретроспективе) на основе архивных материалов и историографических источников внимание исследователей акцентируется на функциях традиционных социальных институтов. Так, только на этом уровне можно провести прямое сопоставление между современными формами этнического предпринимательства этнических меньшинств с системами жизнеобеспечения и природопользования на срезе XIX–XX вв., характером влияния институтов церкви (монастырей, миссий и т. д.) на регуляцию социальных отношений на внутри- и межэтническом уровнях. Особое внимание можно обратить и на социальные институты, формируемые в среде верующих (формы социальной организации), воспринимающих конфессиональные нормы в качестве основного социального регулятора повседневной жизни.

В соответствии с этим подходом возникает возможность не только выявить, но и описать составляющие систем нормативно оформленных, иерархически выдержанных отношений, определяющих как управление религиозной деятельностью, так и ее соответствие сохраняющимся нормам обычного права, направленным на сохранение традиционных социальных институтов (семья, родовая организация) и противодействие тем формам социальной политики, которые ведут к их распаду, например проявлениям ювенальной юстиции. Только полевой материал позволяет выявить характер отношений между верующими, священнослужителями различных рангов, руководящими органами организаций и их структурными подразделениями, регламентирующими деятельность, права и обязанности. Необходимо учитывать, что крайне консервативный характер норм обычного права в сфере семейных отношений и традиционной экономики, конфессиональные нормы, затрагивающие повседневную жизнь населения ТГЗ на всех этапах исторического развития, имели сложную для восприятия конфигурацию, динамично меняющуюся как во времени, так и пространстве. Кодификация этих норм, делегирование церкви части функций государства (в области семейного права) выступали проявлением на местном уровне как конфессиональной, но и национальной политики.

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-80-94

4. Заключение

Смена научных парадигм, характерная для отечественной историографии по этнической и конфессиональной истории населения России последних десятилетий, определяет необходимость перехода на этап междисциплинарных исследований. Последние могут быть осуществлены на основе единых методологических подходов, пакетов методик, глоссария, вторичном анализе историографических источников. Такой объект исследования, как современная этноконфессиональная обстановка в субъектах РФ, не является исключением. В ходе организации регионального мониторинга принципов, направленного на выявления очагов перманентной межэтнической и межконфессиональной конфронтации, прослеживается устойчивая тенденция использования универсальных для естественных, общественных и гуманитарных наук методологических принципов системного, выборочного и процессного подходов. При выявлении и анализе латентных по природе этнических и конфессиональных процессов в историческом контексте эти принципы позволяют акцентировать внимание как на их логической взаимосвязи и взаимообусловленности, так и на механизме трансформации традиционных социальных институтов и коммуникационных связей (в сфере традиционной экономики и социальной организации) под воздействием политики, проводимой российским государством на всех этапах его исторического развития.

Изменение методологических подходов и пакет используемых методик и технических приемов исследования объективно способствует существенному расширению предметной области исследования и определяет проблему вторичного анализа историографических источников по поднятой проблематике. Учитывая то, что национальная и конфессиональная политика российского государства XIX – начала XXI в. подвергалась анализу на основе аксиологического (оценочного) подхода, проведение вторичного анализа историографических источников рационально с процедурой формирования рабочих гипотез по направленности, содержанию, динамике современных этнических и конфессиональных процессов на основе полевых этнологических экспертиз и социологических исследований как составляющих регионального мониторинга.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Литература

1. Богоявленский Д. Д., Мартынова Е. П., Мурашко О. А., Хмелева Е. Н., Якель Ю. Я., Яковлева О. А. Оценка потенциального воздействия программы ОАО «Газпром» поисково-разведочных работ в акваториях Обской и Тазовской губ на компоненты устойчивого развития этнических групп малочисленных народов Севера. М.: Радуница, 2002. 134 с.
2. Садовой А. Н., Нечипоренко О. В., Поддубиков В. В., Бойко В. И., Шмаков В. С., Зазулина М. Р., Белозёрова М. В., Шиллер В. В., Счастливцев Е. Л., Борина Л. С., Усков И. Ю. Этнологическая экспертиза. Оценка воздействия ООО «МетАЛ» (ОАО ММК – Магнитогорский металлургический комбинат) и УК «Южный Кузбасс» на системы жизнеобеспечения автохтонного и русского населения Чувашинской сельской администрации МО «г. Мыски». Кемерово: ФГУИПП «Кузбасс», 2005. Вып. 1. 216 с.
3. Мурашко О. А. Этнологическая экспертиза в России и международные стандарты оценки воздействия проектов на коренные народы. М.: АКМНСС и ДВ РФ, 2006. 107 с.
4. Бойко В. И., Нечипоренко О. В., Поддубиков В. В., Белозёрова М. В., Садовой А. Н., Колбаско А. В., Зазулина М. Р., Манаков Ю. А., Куприянов А. Н., Самсонов В. В., Чемчиева А. П. Этнологическая экспертиза. Этнополитические, социально-экономические и этнодемографические процессы в среде телеутов Беловского и Гурьевского районов Кемеровской области. Новосибирск: Параллель, 2008. Вып. 2. 232 с.
5. Звиденная О. О., Новикова Н. И. Удыгейцы: охотники и собиратели реки Бикин (Этнологическая экспертиза 2010 года). М.: Стратегия, 2010. 164 с.
6. Новикова Н. И. Этнологическая экспертиза: на перекрестке истории, этнологии и юридической антропологии // Интеграция археологических и этнографических исследований: сб. тр. XVII Междунар. науч. симпозиума. Омск: Наука, 2010. С. 76–80.
7. Василькова Т. Н., Евай А. В., Мартынова Е. П., Новикова Н. И. Коренные малочисленные народы и промышленное развитие Арктики (Этнологический мониторинг в Ямало-Ненецком автономном округе). М.-Шадринск: Шадринский Дом Печати, 2011. 267 с.
8. Садовой А. Н., Поддубиков В. В. Этнологическая экспертиза в практике регионального управления: опыт Кемеровской области // Вестник Кемеровского государственного университета. 2011. № 1. С. 22–26.
9. Блауберг И. В., Садовский В. Н., Юдин Э. Г. Системный подход, предпосылки, проблемы, трудности. М.: Знание, 1969. 48 с.
10. Юдин Э. Г. Системные идеи в этнографии // Природа. 1975. № 7. С. 23–29.
11. Юдин Э. Г. Системный подход и принцип деятельности: Методологические проблемы современной науки. М.: Наука, 1978. 391 с.

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-80-94

12. Блауберг И. В. Проблема целостности и системный подход. М.: Эдиториал УРСС, 1997. 448 с.
13. Садовой А. Н. Методологические и организационные аспекты формирования источниковой базы по современной системе межкультурных коммуникаций // Проблемы современных социокультурных исследований: мат-лы Всероссийской науч.-практ. конф. (Астрахань, 28 ноября 2019 г.) Астрахань: ИД Астраханский университет, 2019. С. 12–16.
14. Поддубиков В. В., Садовой А. Н., Белозёрова М. В. Экспертиза и мониторинг традиционных форм природопользования коренных малочисленных этносов: методы прикладной этнологии. Кемерово: Практика, 2014. 358 с.
15. Садовой А. Н. Методологические аспекты анализа традиционных форм этнического предпринимательства // Научный диалог. 2019. № 8. С. 345–359. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-8-345-359
16. Садовой А. Н. Национальная политика России в трансграничных зонах. Этнические аспекты исследования социальных технологий // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 442. С. 145–156. DOI: 10.17223/15617793/442/18
17. Дашковский П. К. Современные этноконфессиональные процессы в Монгольском Алтае // Религиоведение. 2012. № 1. С. 134–143.
18. Васильев А. А., Соловьев В. Ю. Этноконфессиональная идентичность: исторический анализ роли этнокультурных факторов в деятельности российского общества (на примере Саратовской губернии) // Власть. 2013. № 11. С. 40–43.
19. Ермоленко Т. Ф., Шевелев В. Н. Этноконфессиональные процессы на Северном Кавказе в условиях вызова модернизации // Социально-гуманитарные знания. 2014. № 11. С. 11–15.
20. Авксентьев В. А., Шульга М. М. Этноконфессиональные отношения в Ставропольском крае: опыт конфликтологического анализа // Конфликтология. 2014. № 3. С. 148–162.
21. Сериков А. В. Этноконфессиональные процессы в поликультурном регионе (на примере Ростовской области) // Этносоциальные процессы: в поисках инновационной методологии: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (Майкоп, 28–29 ноября 2016 г.) Майкоп: Электронные издательские технологии, 2016. С. 139–142.
22. Мокшин Н. Ф., Мокшина Е. Н. Основные тенденции в сфере этноконфессиональных отношений у финно-угорских народов Поволжья и Приуралья (на примере мордвы) // Социально-политические науки. 2017. № 4. С. 164–168.
23. Дашковский П. К., Шершнева Е. А., Цэдэв Н. Этноконфессиональные исследования в Монголии в 2016 г. // Народы и религии Евразии. 2017. № 1-2. С. 115–128.
24. Гурко (Верещагина) А. В. Современные религиозные традиции в белорусской деревне, их трансформация и проявление на белорусско-российском пограничье // Культурный ландшафт пограничья: прошлое, настоящее, будущее: мат-лы II Междунар. науч. конф. (Псков, 5–7 декабря 2016 г.) Псков: ПсковГУ, 2018. С. 185–191.
25. Шарапов А. В. Влияние этноконфессионального фактора на гражданскую активность сельской молодежи Алтайского края (на примере социологического опроса) // Society and Security Insights. 2018. Т. 1. № 1. С. 154–161.
26. Жаде З. А., Кумпилов Т. М. Влияние миграционных процессов на конфессиональное пространство Республики Адыгея // Позитивный потенциал ислама как фактор этносоциальной консолидации России: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (Майкоп, 23–25 мая 2019 г.) Майкоп: Электронные издательские технологии, 2019. С. 84–90.
27. Мокшин Н. Ф., Мокшина Е. Н. Об этноконфессиональных процессах у финно-угорских народов Поволжья и Приуралья (на примере Мордвы) // Финно-угорский мир в полиэтничном пространстве России: культурное наследие и новые вызовы: сб. ст. по мат-лам VI Всерос. науч. конф. финно-угроведов. (Ижевск, 4–7 июня 2019 г.) Ижевск: Изд-во Анны Зелениной, 2019. С. 518–522.
28. Садовой А. Н. Некоторые аспекты анализа бурханизма // Проблемы истории Кузбасса: мат-лы Межрегион. науч.-практ. конф., посв. 60-летию создания Кемеровской области. (Прокопьевск, 6–7 декабря 2002 г.) Кемерово: Инфотех, 2002. С. 8–11.
29. Шерстова Л. И. Бурханизм в Горном Алтае // Этнографическое обозрение. 2005. № 4. С. 22–37.
30. Шерстова Л. И., Зиновьев В. П. Бурханизм: истоки этноса и религии. Томск: Изд-во ТГУ, 2010. 288 с.
31. Насонов А. А. Ламаизм в межконфессиональном взаимодействии на юге Западной Сибири (вторая половина XIX – первая треть XX в.). Кемерово: ИНТ, 2013. 198 с.
32. Насонов А. А. Региональные формы буддизма в Южной Сибири: проблемы распространения и адаптации // Культура в евразийском пространстве: традиции и новации. 2017. № 1. С. 27–30.
33. Ефимов А. Б. Очерки по истории миссионерства Русской Православной Церкви. М.: Изд-во ПСТГУ, 2007. 683 с.
34. Наумова О. Е. Иркутская епархия. XVIII – первая половина XIX в. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. техн. ун-та, 1996. 205 с.
35. Овчинников В. А. Монастыри Русской Православной Церкви на юге Западной Сибири (конец XVIII – начало XXI вв.). Расцвет. Ликвидация. Возрождение. Кемерово: КемГУ, 2011. 544 с.
36. Знаменский П. В. История Русской Церкви. М.: Крутицкое патриаршее подворье, 2000. 464 с.

BULLETIN
Kemerovo State University
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-80-94

37. Ионова З. Н. Христианские конфессии на Черноморском побережье Кавказа в конце XIX–XXI вв.: автореф. дис. … канд. ист. наук. Ставрополь, 2015. 21 с.
38. Овчинников В. А. О применении институционального подхода при исследовании истории монастырей Русской православной церкви // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2011. Т. 10. № 1. С. 55–60.
39. Адлыкова А. П. Монастыри Алтайской Духовной миссии во второй половине XIX – начале XX века. Горно-Алтайск: РИО Горно-Алтайского госуниверситета, 2006. 189 с.
40. Садовой А. Н. Традиционная культура и природопользование (автохтонное население Черноморского побережья Кавказа в XIX веке) // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. 2015. № 32. С. 13–25.
41. Белозёрова М. В. К проблеме межэтнического взаимодействия на территории российского Причерноморья (на примере Большого Сочи) // Homo communicans II: человек в пространстве коммуникации. Szczecin, Poland, 2012. С. 46–52.
42. Тверитинов И. А. Социально-экономическое развитие Сочинского округа во второй половине XIX – начале XX веков. Майкоп: Полиграф-Юг, 2009. 124 с.
43. Щеголькова Е. Ю. Межэтнические взаимодействия населения Большого Сочи // Вестник Института социологии. 2011. № 2. С. 172–186.
44. Садовой А. Н. Территориальная община Горного Алтая и Шории (конец XIX – нач. XX вв.). Кемерово: Кузбассвузиздат, 1992. 198 с.
45. Храпова Н. Ю. К вопросу о содержании и штатах Алтайской духовной миссии во второй половине XIX – начале XX вв. // Актуальные вопросы истории Сибири / отв. ред. Ю. Ф. Кирюшин, В. А. Скубневский. Барнаул: Изд-во АГУ, 1998. С. 120–123.

original article

Regional Ethnic and Confessional Situation in the Russian Federation: Arrangements for Monitoring

Alexander N. Sadovoy
Subtropical Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Russia, Sochi
https://orcid.org/0000-0002-2153-6459

Vladislav A. Ovchinnikov
Kemerovo State University, Russia, Kemerovo
rpcsib@rambler.ru
https://orcid.org/0000-0001-9050-1850

Received 5 Jan 2021. Accepted 1 Feb 2021.

Abstract: The article introduces new methodological foundations for analyzing the current ethno-social and ethno-confessional situation in various constituents of the Russian Federation, namely an ethno-social and confessional monitoring based on systematic, selective, and process approaches. Modern ethnic and confessional processes manifest the transformation of traditional social institutions and communications in traditional economy and social organization as a result of state policy. The structural and functional method made it possible to identify the historical context of the impact that religious organizations produce on traditional social institutions. The authors tested a systematic approach to the analysis of the ethno-social and ethno-confessional situation on three levels: 1) interstate (macro) level in the transboundary zones of southern Russia), 2) regional (mega) level of the fractal and network social organization, 3) micro level within the boundaries of sample polygons. The article also focuses on the problems of secondary analysis of historiographical sources about the history of state national and confessional politics in the XIX – early XXI centuries. It introduces basic definitions used in regional ethno-social monitoring. The topic needs further integrated and applied research.
Keywords: research methods, confessional situation, ethno-social situation, interstate level, regional level, micro level

Citation: Sadovoy A. N., Ovchinnikov V. A. Regional Ethnic and Confessional Situation in the Russian Federation: Arrangements for Monitoring. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(1): 80–94. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-80-94

Conflicting interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

© 2021. The Author(s). This article is distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-80-94

References

1. Bogoiavlenskii D. D., Martynova E. P., Murashko O. A., Khmeleva E. N., Iakel Iu. Ia., Iakovleva O. A. *Assessment of the potential impact of the Gazprom program of prospecting and exploration works in the Obskaya and Tazovskaya lips on the components of sustainable development of ethnic groups of small peoples of the North.* Moscow: Radunitsa, 2002, 134. (In Russ.)
2. Sadovoy A. N., Nechiporenko O. V., Poddubikov V. V., Bojko V. I., Shmakov V. S., Zazulina M. R., Belozerova M. V., Shiller V. V., Schastlivcev E. L., Borina L. S., Uskov I. Yu. *Ethnological expertise. Assessment of the impact of MetAL LLC (OJSC MMK – Magnitogorsk Iron and Steel Works) and Yuzhny Kuzbass Management Company on the life support systems of the autochthonous and Russian population of the Chuvashinskaya rural administration of the Myski*. Kemerovo: FGUIPP "Kuzbass", 2005, iss. 1, 216. (In Russ.)
3. Murashko O. A. *Ethnological expertise in Russia and international standards for assessing the impact of projects on indigenous peoples*. Moscow: AKMNSS i DV RF, 2006, 107. (In Russ.)
4. Bojko V. I., Nechiporenko O. V., Poddubikov V. V., Belozerova M. V., Sadovoy A. N., Kolbasko A. V., Zazulina M. R., Manakov Yu. A., Kupriyanov A. N., Samsonov V. V., Chemchieva A. P. *Ethnological expertise. Ethnopolitical, socio-economic and ethnodemographic processes among the Teleuts of the Belovsky and Guryevsky districts of the Kemerovo region*. Novosibirsk: Parallel, 2008, iss. 2, 232. (In Russ.)
5. Zvidennaia O. O., Novikova N. I. *Udygei: hunters and gatherers of the Bikin River (Ethnological Expertise 2010)*. Moscow: Strategiia, 2010, 164. (In Russ.)
6. Novikova N. I. Ethnological expertise: at the crossroads of history, ethnology and legal anthropology. *Integration of archaeological and ethnographic research*: Proc. XVII Intern. Sci. symposium. Omsk: Nauka, 2010, 76–80. (In Russ.)
7. Vasilkova T. N., Evai A. V., Martynova E. P., Novikova N. I. *Indigenous small peoples and industrial development of the Arctic (Ethnological monitoring in the Yamal-Nenets Autonomous Okrug)*. Moscow-Shadrinsk: Shadrinskii dom pechati, 2011, 267. (In Russ.)
8. Sadovoy A. N., Poddubikov V. V. Ethnological expert examination in regional government practice: the experience of the Kemerovo region. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2011, (1): 22–26. (In Russ.)
9. Blauberg I. V., Sadovskii V. N., Iudin E. G. *System approach, prerequisites, problems, difficulties*. Moscow: Znanie, 1969, 48. (In Russ.)
10. Iudin E.G. System ideas in ethnography. *Priroda*, 1975, (7): 23–29. (In Russ.)
11. Iudin E. G. *Systematic approach and principle of activity: Methodological problems of modern science*. Moscow: Nauka, 1978, 391. (In Russ.)
12. Blauberg I. V. *Integrity problem and systems approach*. Moscow: Editorial URSS, 1997, 448. (In Russ.)
13. Sadovoy A. N. Methodological and organizational aspects of the formation of the source base for the modern system of intercultural communications. *Problems of modern sociocultural research*: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf., Astrakhan, 28 Nov 2019. Astrakhan: ID Astrakhanskii universitet, 2019, 12–16. (In Russ.)
14. Poddubikov V. V., Sadovoy A. N., Belozerova M. V. *Expertise and monitoring of traditional forms of environmental management of indigenous small ethnic groups: methods of applied ethnology*. Kemerovo: Praktika, 2014, 358. (In Russ.)
15. Sadovoy A. N. Methodological aspects of ethnic entrepreneurship traditional forms analysis. *Nauchnyi dialog*, 2019, (8): 345–359. (In Russ.) DOI: 10.24224/2227-1295-2019-8-345-359
16. Sadovoy A. N. The national policy of Russia in cross-border zones. Ethnic aspects of social technologies research. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, (442): 145–156. (In Russ.) DOI: 10.17223/15617793/442/18
17. Dashkovskiy P. K. Ethnic and confessional processes in modern Mongolian Altai. *Religiovedenie*, 2012, (1): 134–143; (In Russ.)
18. Vasiliev A. A., Solovyov V. Yu. Ethno-confessional identity: historical analysis of the role of ethno-cultural factors in the activities of Russian society (as in the case of the Saratov province). *Vlast*, 2013, (11): 40–43. (In Russ.)
19. Ermolenko T. F., Shevelev V. N. Ethnoconfessional processes in the North Caucasus in the context of the challenges of modernization. *Sotsialno-gumanitarnye znaniia*, 2014, (11): 11–15. (In Russ.)
20. Avksentiev V. A., Shulga M. M. Ethno-confessional relations in Stavropol region: experience of conflictological analysis. *Konfliktologiia*, 2014, (3): 148–162. (In Russ.)
21. Serikov A. V. Ethno-confessional processes in a multicultural region (as in the case of the Rostov region). *Ethno-social processes: in search of innovative methodology:* Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Maykop, 28–29 Nov 2016. Maykop: Elektronnye izdatelskie tekhnologii, 2016, 139–142. (In Russ.)
22. Mokshin N. F., Mokshina E. N. Major trends in the sphere of ethnic confectionary relations in the Finnish-Ugorsky people of the Volga region and Priuralya (on the example of Mordva). *Sotsialno-politicheskie nauki*, 2017, (4): 164–168. (In Russ.)

BULLETIN
Kemerovo State University
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-80-94

23. Dashkovskiy P. K., Shershneva E. A., Zchadav N. Ethno-religious research in Mongolia in 2016. *Nations and religions of Eurasia*, 2017, (1-2): 115–128. (In Russ.)
24. Hurko (Vereshchagina) A. V. Modern religious traditions in the Belarusian village, their transformation and manifestation on the Belarusian-Russian borderlands. *Cultural landscape of the borderland: past, present, and future*: Proc. II Intern. Sci. Conf., Pskov, December 5–7, 2016. Pskov: PskovGU, 2018, 185–191. (In Russ.)
25. Sharapov A. V. The influence of the ethno confessional factor on the citizen activism of the rural youth in Altai territory (following the results of the sociological survey). *Society and Security Insights*, 2018, 1(1): 154–161. (In Russ.)
26. Zhade Z. A., Kumpilov T. M. Effect of migration processes on the confessional space of the Republic of Adygea. *Positive potential of Islam as a factor of ethno-social consolidation of Russia*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Maykop, 23–25 May 2019. Maykop: Elektronnye izdatelskie tekhnologii, 2019, 84–90. (In Russ.)
27. Mokshin N. F., Mokshina E. N. Ethno-confessional processes among the Finno-Ugric peoples of the Volga and Ural regions (the case of Mordva). *Finno-Ugric world in the multiethnic space of Russia: cultural heritage and new challenges*: Proc. VI All-Russian Sci. Conf. Finno-Ugric studies, Izhevsk, 4–7 June 2019. Izhevsk: Izd-vo Anny Zeleninoi, 2019, 518–522. (In Russ.)
28. Sadovoy A. N. Some aspects of the analysis of Burkhanism. *Problems of the history of Kuzbass*: Proc. Interregion. Sci.-Prac. Conf., dedicated to the 60th anniversary of the Kemerovo region, Prokopyevsk, 6–7 Dec 2002. Kemerovo: Infotekh, 2002, 8–11. (In Russ.)
29. Sherstova L. I. Burkhanizm in Highland Altai. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2005, (4): 22–37. (In Russ.)
30. Sherstova L. I., Zinoviev V. P. *Burkhanism: origins of ethnos and religion*. Tomsk: Izd-vo TGU, 2010, 288. (In Russ.)
31. Nasonov A. A. *Lamaism in the interconfessional interaction in the south of Western Siberia (the second half of the XIXth – the first third of XXth century)*. Kemerovo: INT, 2013, 198. (In Russ.)
32. Nasonov A. A. Buddhism regional forms in South Siberia: problems of dissemination and adaptation. *Kultura v evraziiskom prostranstve: traditsii i novatsii*, 2017, (1): 27–30. (In Russ.)
33. Efimov A. B. *Essays on the history of missionary work of the Russian Orthodox Church*. Moscow: Izd-vo PSTGU, 2007, 683. (In Russ.)
34. Naumova O. E. *Irkutsk diocese. XVIII – first half of the XIX century*. Irkutsk: Izd-vo Irkut. gos. texn. un-ta, 1996, 205. (In Russ.)
35. Ovchinnikov V. A. *Monasteries of the Russian Orthodox Church in the south of Western Siberia (late XVIII – early XXI centuries). Flourishing. Liquidation. Revival*. Kemerovo: KemGU, 2011, 544. (In Russ.)
36. Znamenskii P. V. *History of the Russian Church*. Moscow: Krutitskoe patriarshee podvore, 2000, 464. (In Russ.)
37. Ionova Z. N. *Christian denominations on the Black Sea coast of the Caucasus at the end of the XIX–XXI centuries.* Cand. Hist. Si. Diss. Abstr. Stavropol, 2015, 21. (In Russ.)
38. Ovchinnikov V. A. Institutional approach to scientific research method of history of the Orthodox monastic cloisters. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2011, 10, (1): 55–60. (In Russ.)
39. Adlykova A. P. *Monasteries of the Altai Spiritual Mission in the second half of the XIX – early XX century*. Gorno-Altaysk: RIO Gorno-Altaiskogo gosuniversiteta, 2006, 189. (In Russ.)
40. Sadovoy A. N. Traditional culture and natural resources (Black Sea coast natives in the XIX century). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, 2015, (32): 13–25. (In Russ.)
41. Belozerova M. V. Interethnic interaction on the territory of the Russian Black Sea region (the case of Greater Sochi). *Homo communicans II: man in the space of communication*. Szczecin, Poland, 2012, 46–52. (In Russ.)
42. Tveritinov I. A. *Socio-economic development of the Sochi District in the second half of the XIX – early XX centuries*. Maykop: Poligraf-Iug, 2009, 124. (In Russ.)
43. Shchegolkova E. Yu. Interethnic interactions of the population of Greater Sochi. *Vestnik instituta sotziologii*, 2011, (2): 172–186. (In Russ.)
44. Sadovoy A. N. *Territorial community of Mountain Altai and Shoria (late – early centuries)*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1992, 198. (In Russ.)
45. Hrapova N. Yu. On the matter of content and staffing of the Altai mission agency in the second half of the XIX – early XX centuries. *Major issues of the history of Siberia*, eds. Kiryushin Yu. F., Skubnevsky V. A. Barnaul: Izd-vo AGU, 1998, 120–123. (In Russ.)

https://vestnik.kemsu.ru

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-95-104

История и Археология

оригинальная статья
УДК 94(47)

Взаимодействие Центра и регионов в период разработки Федеративного договора 1992 г.

Дмитрий Николаевич Шевелев
Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия, г. Томск

Анна Геннадьевна Мельник
Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, Россия, г. Томск
annamelnik71381@gmail.com
https://orcid.org/0000-0002-2365-3501

Поступила в редакцию 18.01.2021. Принята к печати 09.02.2021.

Аннотация: Статья посвящена истории разработки Федеративного договора 1992 г. Формирующиеся в постсоветский период практики построения федеративных отношений рассматриваются, с одной стороны, с точки зрения взаимодействия федерального центра и региональных элит, а с другой – в контексте теоретических постулатов классического федерализма. Особое внимание уделено факторам, препятствовавшим разработке и подписанию Федеративного договора, а также ресурсам целевого воздействия на Центр со стороны региональной элиты. Выявлены противоречия во взглядах на концепцию федеративного устройства среди представителей национальных и территориальных субъектов Федерации. Объект исследования – процесс реформирования федеративного устройства России в 1990-е гг. Предмет – деятельность органов государственной власти Российской Федерации центрального и регионального уровней по поиску компромисса в вопросах перераспределения полномочий. Цель – определить степень влияния Центра на содержание Федеративного договора в период усиления региональной самоидентификации и перехода к новому способу решения вопросов федеративного значения во взаимодействии Центра и регионов. Задачи: 1) выявление и учет степени влияния социальных интересов определенных групп на развитие федеративных отношений в период разработки Федеративного договора 1992 г.; 2) установление связи между действиями Центра и укреплением его позиций; 3) выявление исторических фактов, предопределивших асимметричность Федеративного договора. В работе применялись общенаучные методы; специальные методы исторического исследования: историко-сравнительный и историко-системный; методы междисциплинарного характера: историко-правовой метод, метод сравнительного анализа правовых документов. Сделан вывод, что в ходе поиска и институционализации новой модели федеративных отношений в России, с одной стороны, был найден компромисс между интересами региональных элит и центрального руководства, с другой – произошло укрепление позиций федерального центра и легализация асимметричного характера взаимоотношений с регионами.
Ключевые слова: политический торг, региональная элита, субъект Федерации, федеральный центр, федеративные отношения, федеративное устройство, федеральный договор

Цитирование: Шевелев Д. Н., Мельник А. Г. Взаимодействие Центра и регионов в период разработки Федеративного договора 1992 г. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 1. С. 95–104. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-95-104

Введение

Политико-правовая природа Федеративного договора является предметом междисциплинарного исследования. О его роли в развитии федерализма в России ведутся дискуссии в научных публикациях по истории, политологии, юриспруденции и другим отраслям научного знания, каждая из них рассматривает договор в аспекте своего объекта и предмета исследования. Так, для юриспруденции важным является выяснение таких вопросов, как юридическая сила положений Федеративного договора, его соотношение с Конституцией РФ, правовой статус субъектов РФ, определение перечня правовых актов, требующихся для реализации Федеративного договора, и правовых актов, которые необходимо изменить или признать утратившими силу [1–3]. Политология изучает Федеративный договор как документ, ознаменовавший новый этап развития современного российского федерализма, акцентируя внимание на методах политического управления и эффективности технологий, использованных властвующими субъектами для достижения своих целей [4]. Объектом научного интереса истории является институциональная практика взаимоотношений Центра и регионов в 1990-е гг., процесс становления и развития государственности РФ после провозглашения независимости и выявление факторов, оказавших влияние на содержание Федеративного договора [5; 6].

При изучении Федеративного договора в рамках одного научного направления исследователи предпринимают попытки найти ответы соответственно их отрасли, однако большинство ответов остаются дискуссионными, не получив

© 2021. Авторы. Статья распространяется на условиях международной лицензии CC BY 4.0

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-95-104

общепризнанного подхода. На основной вопрос о роли Федеративного договора и его влиянии на развитие российской государственности большинство исследователей отвечают, что Федеративный договор являлся актом политического согласия, подписание которого позволило избежать судьбы СССР и сохранить территориальную целостность российского государства [7]. Некоторые полагают, что Федеративный договор превратил Россию из конституционной федерации в конституционно-договорную [8–10], а есть и вовсе экстраординарные высказывания, например, о том, что он имел государствообразующее значение для РФ[1]. Представляется, что такое многообразие разных по своему содержанию суждений относительно политико-правовой природы Федеративного договора, несомненно, приближает к истине, но одновременно и делает ее крайне неопределенной.

Идея Федеративного договора: необходимость и обоснование

Теоретические постулаты классического федерализма предполагают построение государства на основе договоренностей между Центром и регионами с целью обеспечения «политической интеграции, основанной на сочетании самоуправления и разделенного правления» [11]. Предполагается, что для построения федерации ее составные части должны делегировать часть полномочий федеральной власти, самостоятельно определяя степень федерального вмешательства. На практике эти положения не всегда реализуются, результатом чего является функционирование целого сонма квазифедераций, например, современные Индия, Пакистан, Малайзия, конституции которых предусматривают возможность введения прямого федерального управления по усмотрению Центра [12, с. 193], что входит в противоречие с федеративной идеей.

Российская концепция договорного способа урегулирования конфликта центральной и региональных властей полностью соотносится с положениями Д. Элазара о сочетании самоуправления и разделенного правления. Однако ход работы над содержанием Федеративного договора показывает, что истинного равноправия участников, как и наличия общей цели – достижения политического согласия, не было. Обсуждение положений Федеративного договора осуществлялось в форме политического торга, который придавал отношениям Центра и регионов новую окраску. Это не был процесс политической интеграции в классическом понимании федерализма, в ходе которого осуществляется поиск баланса интересов различных политических групп, а также поощрение и защита национальных меньшинств. Работа над Федеративным договором представляла собой площадку, где происходил поиск межэлитного компромисса по поводу дальнейшего взаимодействия в рамках обновленного государственного устройства.

Необходимость перехода к договорному процессу распределения полномочий, поиска компромисса в целях сохранения целостности государства отчетливо прослеживается в намерениях центральной власти еще до распада СССР. Например, в Письме Б. Н. Ельцина Р. И. Хасбулатову от 16.09.1990 № 1-1-1842 было отмечено, что «вопрос о Федеративном договоре созрел настолько, что надо выносить эту тему на обсуждение Президиума»[2], а Председатель Совета Национальностей Верховного Совета РСФСР Р. Абдулатипов еще в первом квартале 1991 г. предложил принять Постановление об основных началах национально-государственного устройства РСФСР (о Федеративном договоре) в целом, а Федеративный договор одобрить и открыть для подписания субъектами Федерации[3].

После распада СССР «образ "злого" центра, мешающего строить добрую жизнь для сограждан, ушел в небытие»[4], поэтому, несмотря на социальную напряженность, общество пребывало в ожидании перемен и веры в лучшую жизнь. На этом фоне российскому Центру было важно показать, что у него гораздо больше потенциала, чем у советского руководства, не воплотившего в жизнь идею Союзного договора. Для этого в качестве интегрирующего начала российского государства, которое должно было ознаменовать собой окончание «парада суверенитетов» регионов России, была озвучена необходимость заключения Договора, разграничивающего полномочия Центра и регионов, отношения между которыми на тот момент были предельно персонифицированы, поскольку команде Б. Н. Ельцина приходилось договариваться и торговаться отдельно с каждой региональной элитой [13, с. 145], в результате чего большинство регионов обладало уникальным набором бенефитов в виде налоговых, бюджетных и иных привилегий. Практика общения Центра и регионов выходила за рамки правил, создававшихся в формате советского государства, а «децентрализация регионов выступала реальной угрозой существования государства» [14, с. 75], поэтому переход на договорной уровень регулирования соответствовал интересам акторов, задействованных на федеративной платформе.

Сама идея заключения Федеративного договора базировалась на концепции государственного устройства, в ее основе – построение отношений Центра и регионов на принципах равенства контрагентов, их свободного

[1] Интервью с Председателем Конституционного суда Республики Саха (Якутия) А. Ким-Кимэном // Конституционный суд Республики Саха (Якутия). 29.03.2017. Режим доступа: https://ks.sakha.gov.ru/news/front/view/id/2740419 (дата обращения: 06.12.2020).

[2] Письмо от 16.09.1990 № 1-1-1842 Ельцин – Хасбулатову // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 10026. Оп. 1. Д. 2384.

[3] Записка Председателя Совета Национальностей ВС РСФСР Р. Абдулатипова на имя Б. Ельцина (09.04.1991) // ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 1. Д. 2383. Л. 210–212.

[4] Выступление Р. И. Хасбулатова // Шестой СНД РФ. Стенографический отчет. Т. 1. М., 1992. С. 4.

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-95-104

и добровольного волеизъявления на предмет разграничения сфер компетенции, достижения консенсуса по всем проблемным вопросам, т. е. на ключевых положениях классической теории федерализма, требующих для своего практического воплощения создания базовых институтов и развитого правового сознания политической элиты. Между тем в условиях российской действительности 1990-х гг. эти институты еще не успели сформироваться, поэтому практика создания Федеративного договора представляла собой не переговоры равноправных субъектов, а поле для борьбы за передел властных полномочий между слабым Центром и усиливающими свои позиции регионами.

Как было указано выше, необходимых институтов для функционирования Федерации создано не было, но оба уровня власти отчетливо понимали, что эпоха советского прошлого безвозвратно уходит. Парадокс ситуации состоял в том, что Центр отчетливо осознавал, что он не сможет удержать регионы, пожелавшие покинуть Федерацию, а регионы отдавали отчет в том, что, даже предельно обострив ситуацию, они все равно не найдут в себе сил удалиться окончательно и бесповоротно [15, с. 32]. В этих условиях шаткого баланса интересов необходим был компромисс, который смог бы оформить новую культуру общения Центра и регионов, заложив в свою основу складывающиеся практики персонифицированного урегулирования споров.

На первом Съезде народных депутатов РСФСР, проходившем 16 мая – 22 июня 1990 г., впервые официально было заявлено о необходимости заключения Федеративного договора. Одним из тех, кто стоял у ее истоков, был В. К. Агалов, первый заместитель Председателя Совета Министров Бурятской АССР, заявивший, что государственное устройство России должно базироваться на «договорной основе, то есть на основе добровольного волеизъявления территорий, входящих в состав России»[5]. На этом предложения о необходимости реформирования политики в области федеративных отношений не заканчивались, в течение Съезда на трибуну поднимались представители многих субъектов, выдвигавшие свои идеи и проекты [16, с. 51].

Первый Съезд народных депутатов РСФСР внес существенный вклад в развитие российского федерализма. В ходе его проведения были приняты такие акты, как Декларация о государственном суверенитете РСФСР[6] и Постановление СНД РСФСР от 22.06. 1990 «О разграничении функций управления организациями на территории РСФСР (основы нового Союзного договора)»[7].

Основная работа шла над текстом проекта Декларации как первоочередная задача. Ее положения представляли собой результат сложного политического компромисса между советской и российской властями. «В ней содержались принципиальные положения, признающие вхождение РСФСР в СССР, но трактующие ее как самостоятельное и независимое государство» [17, с. 351]. Россия провозгласила себя «суверенным государством, созданным исторически объединившимися в нем народами», но в составе обновленного СССР, была подтверждена важность существенного расширения прав автономных республик, автономных областей, автономных округов, равно как краев и областей [18, с. 7]. В нормах Декларации прослеживается стремление депутатов создать новое государство, но дальше заявлений декларативного характера их рассуждения не заходили. Мало того, даже приняв новаторское решение, парламентарии не давали ему вступить в силу. Так, включив принцип верховенства российских законов над общесоюзными, установленный в ст. 5 Декларации, депутаты сделали оговорку об исключительности действия данной нормы. По словам Председателя Совета Республики Верховного Совета РСФСР В. Б. Исакова, «в ст. 5 говорится о верховенстве законов союзной республики только в том случае, когда нарушаются ее суверенные права» [19, с. 134]. Подобные высказывания дают основание для утверждения, что в самом начале работы над федеративным устройством государства в условиях «отсутствия продуманной государственной концепции дальнейшего развития федеративных отношений» [20, с. 220] депутаты лишь осознавали необходимость назревших перемен, однако истинного значения, что следует понимать под договорной основой, они не давали, поскольку идеи переустройства России еще не вошли в их сознание.

Высказываниям депутатов над Федеративным договором были свойственны прагматичность в сочетании с наивностью. По словам председателя Совета национальностей Р. Абдулатипова, при согласовании Федеративного договора каждый из его участников имеет право вносить предложения о своей и федеральной компетенции. Сам текст Договора представляет собой «мягкий» вариант, но те, кто не подпишет его, «будут вынуждены подчиняться жестким конституционным нормам»[8]. Приведенное высказывание сочетает в себе посыл о возможности участия субъектов Федерации в политической жизни страны с одновременным этатистским подходом об обязательности подписания Договора и его исполнении. Думается, что такое принуждение к исполнению Договора обесценивает суть федеративной идеи, сводя на нет достигнутые в процессе его разработки решения.

Между тем рассуждения о необходимости заключить Федеративный договор стали обычной составляющей

[5] Первый Съезд народных депутатов РСФСР, 16 мая – 22 июня 1990 г.: Стеногр. отчет. М.: Республика, 1992. Т. 1. С. 355.

[6] Декларация о государственном суверенитете РСФСР от 12 июня 1990 г. // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. 14.06.1990. № 2. Ст. 22.

[7] О разграничении функций управления организациями на территории РСФСР (основы нового Союзного договора). Постановление СНД РСФСР от 22.06.1990 // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. 1990. № 4. Ст. 6.

[8] Народная трибуна. 27.03.1992. № 60(263). С. 1.

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-95-104

выступлений народных депутатов РСФСР[9], в том числе и Б. Н. Ельцина, который при изложении политических основ новой Конституции России закрепил в качестве принципиального положения необходимость заключения Федеративного договора, где субъектам Федерации должны быть гарантированы «суверенитет, экономическая самостоятельность автономий, их культурная, национальная самобытность, право на справедливое и равноправное представительство во всех органах Федерации»[10]. В сочетании с известной формулировкой о том, что регионы могут брать суверенитета столько, сколько смогут проглотить, идеи переформатирования государственного устройства выступали профилактикой любых сепаратистских настроений, уводя их за грань политической реальности.

Спустя месяц после окончания Первого Съезда народных депутатов РСФСР Президиум Верховного Совета РСФСР, признав необходимость преобразования всей Федерации, принял Постановление Президиума Верховного Совета РСФСР от 17.07.1990 № 108-1 «О Федеративном договоре»[11], где были определены основные этапы договорного процесса, составные части Федеративного договора, а также образован орган для координации работы по заключению Федеративного договора – Совет Федерации.

Текст Договора: создание и сроки

С момента принятия решения о необходимости разработки текста Договора прошло более полугода, прежде чем его проект был принят за основу Советом Федерации и направлен в субъекты РСФСР для обсуждения и доработки (23.01.1991). После этого Проект повторно был рассмотрен Советом Федерации и утвержден Постановлением Съезда народных депутатов РФ от 05.04.1991 «Об основных началах национально-государственного устройства Российской Федерации (о Федеративном договоре)». Однако подписание Договора произошло только 31.03.1992, спустя год после достаточно оперативной доработки субъектами Федерации. По словам Р. Г. Абдулатипова, председателя Совета Национальностей Верховного Совета РСФСР, это произошло из-за антифедеративной деятельности некоторых влиятельных депутатов и политических деятелей, которые хотели видеть Россию унитарным государством [21, с. 524]. Действительно, Федеративный договор имел своих противников, однако помимо их подрывной деятельности процесс подписания был затянут и иными причинами объективного характера.

Во-первых, происходило множество событий государственного значения, требовавших немедленного реагирования и полной концентрации внимания со стороны руководства страны. Например, референдум о судьбе СССР, выборы Президента РСФСР 12.06.1991, августовский путч 1991 г. и др.

Во-вторых, основной акцент в законотворческой деятельности был направлен на разработку текста Конституции РФ, в то время как вопрос о Федеративном договоре имел второстепенное значение для парламентариев. Так, если сравнить количество принятых процессуальных актов, направленных на организацию процесса разработки двух названных правовых документов, то можно увидеть следующую картину. За три месяца, предшествующих подписанию Федеративного договора (январь-март 1992 г.), было принято всего пять правовых актов, регулирующих деятельность по разработке его текста. В отношении же конституционной реформы и подготовки проекта Конституции РФ за аналогичный период было принято шесть актов высших органов государственной власти и их должностных лиц (Верховного Совета, его Президиума и заместителя Председателя) и семь постановлений Конституционной комиссии. В данный перечень не включены протоколы пленарных заседаний и рабочих групп, проекты Конституции РФ и предложения по совершенствованию действующей Конституции РСФСР. Кроме того, следует заметить, что период января-марта 1992 г. для текста проекта Конституции не являлся завершающим, однако количество принятых правовых актов в отношении данного документа превышало количество актов по созданию Федеративного договора, для которого взятый период стал окончательным, почти в три раза.

В-третьих, затягивание процесса подписания было обусловлено неопределенностью в вопросах его содержания как со стороны региональной элиты, так и центрального руководства. К примеру, ст. 1 Проекта Федеративного договора Комиссии по национально-государственному устройству от 16.09.1990 предусматривала, что «субъектами радикально реформированной РСФСР становятся как национальные, так и региональные образования. Статус регионального приравнивается к статусу национального субъекта. Устанавливается единый тип субъекта Федерации – республика (национальная или региональная единица) с компетенцией более широкой, чем у нынешней АССР»[12]. Последнее предложение показывает высшую степень правовой неопределенности авторов Проекта, поскольку не позволяет определить степень расширения компетенции новых субъектов Федерации.

Работа над текстом Федеративного договора, несмотря на создание координационного органа, осуществлялась в различных комитетах и комиссиях законодательных органах власти, члены которых зачастую находились в состоянии конфликта, что создавало препятствия для слаженного процесса по созданию текста документа. К примеру, Комитет

[9] Первый Съезд народных депутатов РСФСР… Т. 1. С. 603–604.

[10] Там же. С. 569.

[11] О Федеративном договоре. Постановление Президиума ВС РСФСР от 17.07.1990 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1990. № 8. Ст. 112.

[12] Проект Федеративного договора Комиссии по национально-государственному устройству от 16.09.1990 // ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 3. Д. 451.

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-95-104

Верховного Совета РСФСР по вопросам межреспубликанских отношений, региональной политике и сотрудничеству, проанализировав положения Проекта Федеративного договора, подготовленного и одобренного рабочей комиссией Совета Федерации 21.01.1991, отметил, что данный Проект не выдерживает критики. По мнению членов Комитета, заложенная в проекте Договора структура Федерации сделает последнюю нежизнеспособной. Кроме того, особо отмечается, что равноправие субъектов невозможно, а ряд сфер государственного управления, в том числе управление энергетикой, гражданство, освоение космоса и миграционная политика, нуждается в правовом оформлении[13].

Даже в рамках одного структурного подразделения выдвигалось несколько вариантов проектов. Так, в Комиссии Совета Национальностей Верховного Совета РСФСР по национально-территориальному устройству и межнациональным отношениям были выдвинуты семь вариантов только за сентябрь-октябрь 1990 г.[14]

Роль и участие регионов в создании Федеративного договора

Активная деятельность региональных легислатур в ходе работы над текстом Федеративного договора выражалась как в критике федеральных инициатив[15], так и внесении собственных предложений[16]. В ходе разработки Федеративного договора регионы использовали ранее недоступные им ресурсы целевого воздействия на Центр. В первую очередь, к их числу следует отнести поддержку местного населения, которая в условиях конфронтации властных элит часто оказывала существенное влияние на принятие решения. Формами проявления единения народа с региональной элитой являлись:

- электоральное давление на Центр при проведении выборов Президента или формировании высших органов государственной власти, например, последовательное публичное обнародование выступлений, обращений к народу высших должностных лиц государства в определенном ракурсе, в сочетании с комментариями от редакции и публикациями, придающими Центру негативную оценку. К примеру, под выступлением Ельцина, призывающего граждан России голосовать против Союза, редакция «Кузбасса» поместила свой комментарий следующего содержания: «Прочти, уважаемый читатель, выступление Б. Ельцина на встрече с "демократической" общественностью в Центральном Доме кинематографистов… Прочти и задумайся, с какой стороны надвигается диктатура, к какой катастрофе Союза ССР, России приведет программа действий, которую провозгласил Ельцин. Прочти и задумайся, ЧТО и КОГО поддерживают бастующие шахтеры»[17];
- забастовочные движения, где выдвигались политические требования, входившие в круг интересов региональной элиты;
- участие граждан в публичных мероприятиях, инициатива проведения которых принадлежала региональным властям: собраниях, митингах, шествиях и др.;
- соответствующий ожиданиям региональных элит выбор населения на голосовании, референдуме, общероссийском опросе и т. д.

Иллюстративным примером поддержки населения региональной власти может стать референдум 21.03.1992 в республике Татарстан, где 61,4 % граждан, принявших участие в голосовании, ответили положительно на вопрос о том, что желают видеть республику как суверенное государство, субъект международного права, строящее свои отношения с РФ и другими республиками, государствами на основе равноправных договоров[18]. Президент Татарстана М. Ш. Шаймиев использовал результаты референдума как способ воздействия на Центр при решении вопроса о наделении республики особым статусом. Каких-либо серьезных действий, свидетельствующих о намерении выйти из состава России, он не предпринимал, поэтому проведение референдума следует расценивать только как способ манипулирования Центром.

Следующим ресурсом отстаивания региональных интересов в переговорном процессе обсуждения Федеративного договора стало создание альянсов регионов, имеющих общие цели и интересы. Подобные объединения могли носить как временный, так и постоянный характер. Например, созданная 02.10.1990 Межрегиональная ассоциация «Сибирское соглашение» (МАСС) действует и в настоящее время, а вот Союз объединения Сибири, созданный 01.07.1990 в г. Томск с целью «добиваться суверенитета Сибири и создания действенных органов общесибирского самоуправления… на основе качественного

[13] Письмо Ельцину от Комитета по вопросам межреспубликанских отношений, региональной политике и сотрудничеству // ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 1. Д. 2383. Л. 210–212.

[14] Проекты Федеративного договора, разработанные Комиссией Совета Национальностей ВС РСФСР по национально-территориальному устройству и межнациональным отношениям от 16, 27 сентября, 1, 2, 5, 19, 27 октября 1990 г. // ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 3. Д. 451.

[15] Например, в Постановлении ВС Татарской ССР от 08.02.1991 № 662-XII указано, что «проект Федеративного договора противоречит Декларации о государственном суверенитете Татарской ССР» // ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 1. Д. 2384. Т. 2.

[16] См.: Решение Иркутского областного совета народных депутатов от 24.03.1992 № 8-3 // ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 3. Д. 464; Решение Новосибирского областного СНД от 25.03.92 № 46 «О тексте ФД (Договора о разграничении…. краев, областей, …)» // ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 3. Д. 464.

[17] Кузбасс. 14.03.1991. № 51(20281). С. 2.

[18] Результаты референдума Республики Татарстан 21.03.1992. Протокол Центральной комиссии референдума Республики Татарстан от 25.03.1992. Режим доступа: https://web.archive.org/web/19991023001118/http://www.kcn.ru/tat_ru/politics/pan_for/wb77.htm (дата обращения: 06.12.2020).

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-95-104

обновления местных Советов и в условиях реальной многопартийности; формировать общесибирский рынок на основе приватизации предприятий, ускоренного развития собственных перерабатывающих отраслей в промышленности, выбора крестьянами формы собственности; возрождать культуру народов Сибири»[19], оказался недолговременным политическим проектом и просуществовал чуть более года.

В рамках МАСС был разработан проект Федеративного договора[20], который содержал ряд интересных предложений. К примеру, в п. 13 Проекта предусматривал, что «для осуществления общефедеральных функций субъекты РФ вносят в ее бюджет взнос, соответствующий делегируемым и взятым на себя полномочиям». Это положение проекта Договора, как и ряд других, например, определявших достаточно узкую сферу исключительной компетенции РСФСР, свидетельствовали о намерении членов МАСС построить модель децентрализованной федерации с минимальным участием Центра в вопросах региональной жизни.

Предложения о переустройстве государства подобного типа стали критерием для разделения позиций исследователей относительно роли регионов в процессе обсуждения Федеративного договора. Так, одни авторы полагают, что Федеративный договор был соглашением столичных и региональных властей о перераспределении полномочий в пользу субъектов Федерации [22, с. 175]; по мнению других, он стал победой этнократической номенклатуры в борьбе за власть, ресурсы и собственность, вынудившей федеральный центр пойти на подписание «своего» варианта Федеративного договора [23, с. 53–54; 24, с. 192–193]. Представители третьей позиции полагают, что «даже "на волне безбрежной федерализации" диалог Москвы и регионов походил на взаимоотношения ядра и периферии в классической империи»[21].

Прежде чем высказать собственную точку зрения, следует отметить, что регионы не вынуждали Центр заключать Федеративный договор, поскольку сам Центр был заинтересован в его существовании. Усиление роли регионов в политической и экономической жизни страны стало свершившимся фактом, и Центр не мог это не учитывать [9, с. 57]. Однако уступки, которые он оказывал регионам, не выходили за рамки дозволенного и при необходимости просто снимались с обсуждения. Представители регионов в ответ на свои предложения могли услышать отказы без мотивированного объяснения причин[22]. Общее руководство процессом разработки Федеративного договора, равно как и вопросы его содержания, принадлежали Центру. Именно этот перевес позволил документу сохранить в себе элементы централизованного руководства, проявившиеся в установлении режима жесткого государственного контроля над деятельностью органов власти территориальных образований, процессом их законотворчества [25, с. 101]. Таким образом, развивая мысль о роли регионов и специфике российского федерализма, можно сделать вывод, что наличие дополнительных ресурсов, оказывавших влияние в процессе переговоров, не дает основания утверждать, что регионы являлись силой, которая всерьез могла противостоять Центру.

Кроме того, и сами регионы не выступали в качестве единого монолита, поскольку между территориальными и национальными субъектами Федерации наблюдались серьезные противоречия по вопросу о равенстве их правового статуса. Национальные республики не желали уравнивать себя в правах с субъектами Федерации иного типа, основываясь на том, что этнические и лингвистические группы должны получать максимальную свободу политического самовыражения в составе федеративного государства, тем самым реализуя признанный мировым сообществом принцип права наций на самоопределение. Иллюстративным примером демонстрации своего несогласия с принципом равноправия субъектов Федерации может стать Постановление Верховного Совета Республики Башкортостан от 28.03.1992, в котором сделан вывод, что представленный на обсуждение Проект не является Федеративным договором по своему содержанию, поскольку воспроизводит основные положения проекта Соглашения о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти РФ и органами власти республик, краев, областей, автономной области, автономных округов РФ[23].

Административно-территориальные образования, напротив, выступали за переформатирование российской этнической модели в лишенную национальной компоненты модель американского типа [26, с. 123]. В решениях законодательных органов территориальных субъектов Федерации можно встретить многочисленные высказывания по данномувопросу. Например, в решении Иркутского областного совета народных депутатов от 24.03.1992 № 8-3 отмечено, что исходя из стремления к равноправному статусу всех субъектов преамбулу к Договору следует дополнить указывающим на это положением[24]. Тюменский областной Совет заявил о том, что примет участие в подписании Федеративного договора только при условии, что он будет

[19] Декларация учредительной конференции Союза объединения Сибири // Нар. трибуна. 12.07.1990. С. 6.

[20] Проект Федеративного договора, подготовленный рабочей группой Ассоциации Советов народных депутатов «Сибирское соглашение» от 25.02.1992 № К-11/3 // ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 3. Д. 462.

[21] Вся власть субъектам // Коммерсантъ. 31.03.2018. Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/3585452 (дата обращения: 06.12.2020).

[22] ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 1. Д. 1712.

[23] О проекте Федеративного договора (Договора о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти РФ и органами власти республик в составе РФ). Постановление ВС Республики Башкортостан от 28.03.1992. Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/935100908 (дата обращения: 06.12.2020).

[24] Решение Иркутского областного совета народных депутатов от 24.03.1992 № 8-3 // ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 3. Д. 464. Л. 11.

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-95-104

включать положение о том, что республики, края, области имеют равный государственно-правовой статус[25].

Разное сочетание и количество средств, которыми располагали регионы в момент разработки Федеративного договора, предопределили его асимметричность. Наибольшее количество преференций было предоставлено национальным республикам, получившим статус суверенных субъектов в составе РФ. Так, в Договоре, заключенном с республиками, закрепляется право народов на самоопределение, однако оно даже не обозначено в договорах с территориальными субъектами. И если республики присоединились к РФ добровольно, что прямо подчеркивается в преамбуле к Договору, то в отношении территориальных субъектов Федерации просматривается патерналистский подход. Между тем выгоду от установления дифференцированного статуса субъектов РФ получили не только национальные республики, но и Центр, который, опираясь на явное недовольство большинства территориальных субъектов, выступающих против неравенства, избежал исполнения обязательства о включении положений Федеративного договора в качестве составной части новой Конституции РФ. В этой ситуации отчетливо проявляется стратегическая составляющая Федеративного договора, позволяющая рассматривать его как кратковременный политический проект.

Заключение

Подводя итоги процесса разработки и заключения Федеративного договора, следует сделать вывод, что его значение для развития федеративных отношений имело многоаспектный характер.

1. Центр укрепил позиции в системе властных отношений с регионами, взяв инициативу руководства переговорным процессом по обсуждению основных положений Федеративного договора, а также процедуру его подписания в свои руки.

2. Федеративный договор позволил повысить авторитет власти и степень доверия населения к принимаемым решениям центрального руководства. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что идея Федеративного договора нашла поддержку у многочисленных участников открытого конкурса на лучший вариант проекта Федеративного договора РСФСР, объявленного Президиумом Верховного Совета РСФСР 06.08.1990. Присланные предложения зачастую носили эксцентричный характер. Например, один из авторов предложил предоставить субъектам РФ право выхода из состава Федерации, а за повторное вхождение взимать государственную пошлину; другой – закрепить за автономной республикой право помилования лиц, осужденных судами автономной республики; третий – предусмотреть право выхода только для территориальных субъектов[26]. В силу специфики сделанных предложений они не были учтены авторами Федеративного договора, однако их роль состоит в том, чтобы показать всю палитру взглядов на варианты документа.

3. Был найден компромисс между интересами этнических регионов и центрального руководства в целях препятствия развитию дезинтеграционных процессов в государстве. Занятость республиканских элит освоением «проглоченного» не позволила им тогда, в период слабости центральной власти, поставить под сомнение саму целесообразность федеративного союза в России – в отличие от того, как это случилось в СССР [15, с. 32].

4. Федеративный договор позволил достигнуть компромисс между Центром и регионами, сняв угрозу для территориальной целостности страны.

5. С помощью Федеративного договора произошла легализация асимметричного характера федерализма, в ходе которой субъекты РФ были разделены на неравные по объему политических прав группы.

Федеративный договор 1992 г. был выгоден и необходим как Центру, так и регионам, стремящимся демпфировать воздействие друг друга, а его заключение ознаменовало собой внедрение в практику межрегионального общения нового способа разработки правовых документов, допускающего участие в федеративных отношений субъектов, представляющих интересы регионов. Однако этатизм и патерналистская модель взаимоотношений по-прежнему были характерны для решения большинства вопросов государственного значения, в том числе и переговорного процесса по разработке Федеративного договора.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Литература

1. Митюков М. А. Конституция и федеративный договор: теоретические аспекты соотношения в ретроспективе, настоящем и будущем // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. ст. по итогам Всерос. науч.-практ. конф. (Томск, 28–30 января 2016 г.) Томск: ТГУ, 2016. С. 78–84.
2. Лазарев А. Е. К вопросу о конституционно-правовом статусе республик в составе Российской Федерации. Юридическое значение федеративного договора от 31.03.1992 г. // Уральский журнал правовых исследований. 2019. № 3. С. 386–398.

[25] Документы о ходе подготовки, подписании и реализации положений Федеративного Договора // ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 1. Д. 1715. Л. 67.

[26] Проекты Федеративного договора, присланные на конкурс, объявленный Президиумом Верховного Совета РСФСР (в 2 т.) // ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 3. Д. 452, 453.

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-95-104

3. Кравцова Е. А., Погорелов Д. В. Основные проблемы становления федеративных отношений в России // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 2. С. 18–22.
4. Горохов И. В. Проблемы согласования интересов Центра и регионов в условиях становления российского федерализма: На примере Сибирского региона: дис. … канд. полит. наук. М., 2003. 125 с.
5. Пушмин Д. А. Формирование новой российской государственности в условиях политической трансформации общества: 1990-е гг.: дис. … канд. ист. наук. М., 2010. 237 с.
6. Столяров М. В., Беленко Н. М. Три этапа развития федерализма в постсоветской России // Федерализм. 2006. № 3. С. 33–57.
7. Медведев Н. П. Становление федерализма в России. М.: Молодая гвардия, 1995. 161 с.
8. Беленко Н. М. Становление и развитие федеративных отношений в России: 90-е гг. XX – начало XXI вв.: автореф. дис. … д-ра ист. наук. М., 2006. 44 с.
9. Горохов И. В. Федеральный центр и сибирский регион: проблема взаимоотношений. Красноярск: КГПУ им. В. П. Астафьева, 2016. 144 с.
10. Митюков М. А. Конституция и федеративный договор: проблемы соотношения (политико-правовые дискуссии мая 1992 – сентября 1993 г.) // Lex russica. 2017. № 3. С. 89–105. DOI: 10.17803/1729-5920.2017.124.3.089-105
11. Элазар Д. Федерализм как цель и как средство // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2015. № 1. С. 11–32. Режим доступа: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyy_zapas/99_nz_1_2015/ (дата обращения: 10.12.2020).
12. Гоптарева И. Б. К вопросу о типах федеральных систем // Политическая наука. 2003. № 3. С. 184–204.
13. Рахимкулова Л. А., Фатхутдинов Р. Р. Региональная политика России в постсоветский период: проблемы и решения // История федерализма в России. К 100-летию образования Автономной Башкирской Республики: сб. мат-лов Всерос. науч.-практ. конф. (Стерлитамак, 2 ноября 2018 г.) Уфа: БашГУ, 2018. С. 142–148.
14. Тышта Е. В. Подписание федеративного договора как способ регулирования политико-правовых отношений федерального центра и регионов // Право и государство: история и современность, перспективы развития: сб. мат-лов I Всерос. науч.-практ. конф. (Стерлитамак, 28 сентября 2017 г.) Уфа: БашГУ, 2017. С. 73–78.
15. Захаров А. А. «Спящий институт». Федерализм в современной России и в мире. М.: НЛО, 2012. 134 с.
16. Шашонков П. А. Деятельность Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР в разработке Федеративного договора в 1990–1991 гг. // Встречи в Таврическом 2018. Парламентаризм: история и современность: молодежная (студенч.) науч. конф. (Санкт-Петербург, 6–7 декабря 2018 г.) СПб.: Астерион, 2019. С. 50–54.
17. Шувалов А. А. Становление российского федерализма в контексте противодействия сепаратистским тенденциям // Вестник экономической безопасности. 2016. № 1. С. 351–358.
18. Медведев Н. П. История государства и права. К 25-летию Федеративного договора // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2016. № 4. С. 5–13.
19. Исаков В. Б. Председатель Совета Республики: Парламентские дневники, 1990–1991 гг. Екатеринбург: ИПП «Урал. рабочий», 1997. 491 с.
20. Иналкаева К. С. Теоретические основы конституционно-правового статуса субъекта Российской Федерации в системе федерализма // Право и государство: теория и практика. 2019. № 12. С. 220–221.
21. Абдулатипов Р. Г. Предисловие к сборнику «Федеративный Договор: Документы» // Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия: стенограммы, материалы, документы (1990–1993 гг.). Т. 3. 1992 г. Кн. 3. Строительство новой Федерации / под общ. ред. О. Г. Румянцева. М.: Волтерс Клувер, 2008. С. 521–529.
22. Железнов Б. Л., Губейдуллин Р. Х. Федеративный договор 1992 года и современный российский федерализм // Вестник экономики, права и социологии. 2011. № 4. С. 174–177.
23. Аринин А. Н. Проблемы развития российской государственности в конце XX в. // Федерализм власти и власть федерализма / отв. ред. М. Н. Губогло. М.: ТОО «ИнтелТех», 1997. С. 6–107.
24. Филиппов В. Р. Договорная федерация и эксклюзивная этничность // Федерализм. 2002. № 4. С. 185–216.
25. Ярыгина Ю. В. Теоретико-правовые проблемы федерализма (На примере Российской Федерации): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 183 с.
26. Захаров А. А. Унитарная федерация. Пять этюдов о российском федерализме. М.: Московская шк. политических исслед., 2008. 141 с.

original article

https://vestnik.kemsu.ru

BULLETIN
Kemerovo State University

History & Archeology

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-95-104

Interaction between the Center and the Regions during the Development of the Treaty of Federation in 1992

Dmitry N. Shevelev
National Research Tomsk State University, Russia, Tomsk

Anna G. Melnik
Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, Russia, Tomsk
annamelnik71381@gmail.com
https://orcid.org/0000-0002-2365-3501

Received 18 Jan 2021. Accepted 09 Feb 2021.

Abstract: The article features the reforms of the federal structure in the 1990s and the development of the Treaty of Federation in 1992. It focuses on the practices of federal relations that appeared in the post-Soviet period both in terms of the interaction between the Federal Center and the regional elites and in the context of the classical federalism. The authors described the factors that hindered the signing of the Federal Treaty, as well as the resources the regional elite used to affect the Center. They revealed the opposite views on the concept of federal structure expressed by national and territorial subjects of the Russian Federation and described their attempts to reach a compromise in the redistribution of powers. The research objective was to determine to what degree the Center was responsible for the content of the Treaty of Federation as the regional self-identification was gaining strength and the system of center-regional interaction was changing. The authors also highlighted the role of certain social groups on the development of federal relations, showed how the actions of the Center improved its positions, and identified historical facts that predetermined the asymmetry of the Treaty of Federation. The authors believed that the new model of federal relations was a compromise between the interests of the regional elites and the central government. However, it also strengthened the positions of the Federal Center and legalized the asymmetric nature of its relations with the regions. The research was based on general scientific methods and such historical research tools as comparative and systematic methods. It also involved such interdisciplinary methods as the historical-legal and the comparative analysis of legal documents.
Keywords: political bargaining, regional elite, constituent entity of the Federation, Federal Center, federal relations, federated structure, Treaty of Federation

Citation: Shevelev D. N., Melnik A. G. Interaction between the Center and the Regions during the Development of the Treaty of Federation in 1992. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(1): 95–104. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-95-104

Conflicting interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

References

1. Mityukov M. A. The Constitution and the Treaty of Federation: theoretical aspects of correlation in the past, present, and future. *Legal problems of strengthening the Russian statehood*: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf., Tomsk, January 28–30, 2016, Tomsk: TGU, 2016, 78–84. (In Russ.)
2. Lazarev A. E. The issue of constitutional law status of republics within the Russian Federation. The legal effect of 03.31.1992 Federal Treaty. *Ural Journal of Legal Research*, 2019, (3): 386–398. (In Russ.)
3. Kravtsova E. A., Pogorelov D. V. The main problems of formation of Federative relations in Russia. *Gaps in Russian legislation*, 2014, (2): 18–22. (In Russ.)
4. Gorokhov I. V. *Problems of coordination of the interests of the Center and the regions in the conditions of formation of Russian federalism: case of the Siberian region*. Cand. Polit. Sci. Diss. Moscow, 2003, 125. (In Russ.)
5. Pushmin D. A. *Formation of a new Russian statehood in the context of political transformation of society: 1990s*. Cand. Hist. Sci. Diss. Moscow, 2010, 237. (In Russ.)
6. Stoliarov M. V., Belenko N. M. Three stages of federalism development in the post-Soviet Russia. *Federalizm*, 2006, (3): 33–57. (In Russ.)
7. Medvedev N. P. *Formation of federalism in Russia*. Moscow: Molodaia gvardiia, 1995, 161. (In Russ.)
8. Belenko N. M. *Formation and development of federal relations in Russia: 1990s – early XXI century*. Dr. Hist. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 2006, 44. (In Russ.)
9. Gorokhov I. V. *Federal center and Siberian region: problem relationships.* Krasnoyarsk: KGPU im. V. P. Astafieva, 2016, 144. (In Russ.)

© 2021. The Author(s). This article is distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-95-104

10. Mityukov M. A. The constitution and Federal Treaty: problems of interrelation. *Lex russica*, 2017, (3): 89–105. (In Russ.) DOI: 10.17803/1729-5920.2017.124.3.089-105
11. Elazar D. Federalism as an end and as a means. *Neprikosnovennyi zapas. Debaty o politike i kul'ture*, 2015, (1): 11–32. Available at: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyy_zapas/99_nz_1_2015/ (accessed 10 Dec 2020). (In Russ.)
12. Goptareva I. B. On the matter of the types of federal systems. *Political science (RU)*, 2003, (3): 184–204. (In Russ.)
13. Rakhimkulova L. A., Fatkhutdinov R. R. Regional policy of Russia in the post-Soviet period: problems and solutions. *History of federalism in Russia. To the 100th anniversary of the formation of the Autonomous Bashkir Republic*: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf., Sterlitamak, 2 Nov 2018. Ufa: BashSU, 2018, 142–148. (In Russ.)
14. Tyshta E. V. The signing of a federal agreement as a way of regulating political and legal relations of the federal center and regions. *Law and state: history and modernity, development prospects*: Proc. I All-Russian Sci.-Prac. Conf., Sterlitamak, 28 Sep 2017. Ufa: BashGU, 2017, 73–78. (In Russ.)
15. Zakharov A. A. *The sleeping institute. Federalism in modern Russia and in the world.* Moscow: NLO, 2012, 134. (In Russ.)
16. Shashonkov P. A. Activities of the Congress of People's Deputies and the Supreme Soviet of the RSFSR in the development of the Federal Treaty in 1990–1991. *Meetings in Tauride 2018. Parliamentarism: history and modernity*: youth (student) Sci. Conf., St. Petersburg, 6–7 Dec 2018. St. Petersburg: Asterion, 2019, 50–54. (In Russ.)
17. Shuvalov A. A. Russian federalism development in counter-separatism context. *Vestnik ekonomicheskoi bezopasnosti,* 2016, (1): 351–358. (In Russ.)
18. Medvedev N. P. History of state and law. Marking the 25th anniversary of the Federative Treaty. *Eurasian Union: Issues of International Relations,* 2016, (4): 5–13. (In Russ.)
19. Isakov V. B. *Chairman of the Council of the Republic: Parliamentary Diaries, 1990–1991*. Ekaterinburg: IPP "Ural. rabochii", 1997, 491. (In Russ.)
20. Inalkaeva K. S. Theoretical foundations of constitutional and legal status of the subject of the Russian Federation in the system of federalism. *Law and State: The Theory and Practice*, 2019, (12): 220–221. (In Russ.)
21. Abdulatipov R. G. Preface to the collection Preface to the collection "Federal Treaty: Documents". *From the history of the creation of the Constitution of the Russian Federation. Constitutional Commission: transcripts, materials, documents (1990–1993). Vol. 3: 1992. Book 3. Building a new Federation,* ed. Rumyantsev O. G. Moscow: Volters Kluver, 2008, 521–529. (In Russ.)
22. Zheleznov B. L., Gubeydullin R. Kh. Federative Treaty of 1992 and present day Russian federalism. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii*, 2011, (4): 174–177. (In Russ.)
23. Arinin A. N. Problems of the development of Russian statehood at the end of the XX. *Federalism of power and power of federalism*, ed. Guboglo M. N. Moscow: TOO "IntelTekh", 1997, 6–107. (In Russ.)
24. Filippov V. R. Treaty federation and exclusive ethnicity. *Federalism*, 2002, (4): 185–216. (In Russ.)
25. Iarygina Iu. V. *Theoretical and legal problems of federalism (for example Russian Federation)*. Cand. Jurispr. Sci. Diss. Moscow, 2001, 183. (In Russ.)
26. Zakharov A. A. *Unitary federation. Five etudes on Russian federalism*. Moscow: Moskovskaia shk. politicheskikh issled., 2008, 141. (In Russ.)

https://vestnik.kemsu.ru

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-105-112

Психология
Psychology

оригинальная статья
УДК 159.9.072.59

Проективные показатели эмоциональной дестабилизации у детей в практике психолого-педагогической экспертизы

Татьяна Анатольевна Адмакина
Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, Россия, г. Санкт-Петербург
Центр независимой профессиональной экспертизы «ПетроЭксперт», Россия, г. Санкт-Петербург
admakina.ta@gmail.com

Поступила в редакцию 11.02.2021. Принята к печати 17.03.2021.

Аннотация: Психолого-педагогическая экспертиза назначается в рамках бракоразводных процессов и предназначена для решения споров о праве на воспитание ребенка. Одной из задач психолога при осуществлении данного вида экспертиз является диагностика эмоционального статуса ребенка. С этой целью преимущественно используются проективные методы. В настоящем исследовании предполагается выявить работающие (обладающие высокой дифференцирующей силой) проективные референты эмоциональной дестабилизации и эмоционального конфликта у ребенка в ситуации судебного разбирательства между родителями. Исследуемую выборку составили 63 ребенка, участвующие в психолого-педагогической экспертизе. Для сравнительного анализа был произведен подсчет измеряемых признаков среди детей, чьи родители не разведены и не пребывают в ситуации судебного разбирательства по вопросам права на воспитание ребенка (56 детей). Испытуемым предлагалось изобразить рисунок несуществующего животного с помощью разноцветных карандашей. Измеряемые признаки – штрихованные линии, эскизные линии, стирание и исправление рисунка, сильный нажим, наличие ран или шрамов на теле животного, наличие у животного ног, которые не выполняют функцию опоры, наличие двух и более голов у вымышленного существа, яркость и полихромность рисунка. Признаки оценивались в дихотомической шкале. Для сопоставления частоты встречаемости признаков в двух независимых выборках и оценки достоверности различий использовался критерий углового преобразования φ*-Фишера. Признаком, обладающим высокой дифференцирующей силой, является наличие двух голов у вымышленного существа, что указывает на внутренний конфликт и эмоциональное противоречие у ребенка, формирующие основу для психологической дестабилизации. Отличия выявлены по параметру *полихромность рисунка*. Дети исследуемой группы реже используют цвет, что может указывать на их низкий энергетический тонус и подавленное эмоциональное состояние. В группе детей, участвующих в психолого-педагогической экспертизе, чаще встречается признак *ноги, не выполняющие функцию опоры*, который также можно рассматривать как референт переживания неравновесного, неустойчивого состояния. Такие параметры, как штрихованные, эскизные линии, сильный нажим, стирание и исправление рисунка, раны, шрамы на теле животного, – редкое явление в имеющихся рисунках, они не показали значимых различий между двумя группами детей.

Ключевые слова: эмоциональный конфликт, проективная методика, рисунок несуществующего животного, конфликтный развод родителей, эмоциональный статус ребенка

Цитирование: Адмакина Т. А. Проективные показатели эмоциональной дестабилизации у детей в практике психолого-педагогической экспертизы // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 1. С. 105–112. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-105-112

Введение

Психолого-педагогическая экспертиза (ППЭ) – исследование, которое назначается судом при решении вопросов, связанных с лишением (ограничением, восстановлением) родительских прав, определением места жительства ребенка, определением порядка общения ребенка с отдельно проживающим родителем (как и в каком формате будет происходить общение – по каким дням, с ночевкой / без ночевки, в присутствии обоих родителей, третьих лиц или наедине с отдельно проживающим мамой / папой и т. д.). Эксперт-психолог оценивает индивидуально-психологические особенности каждого из родителей и ребенка, диагностирует наличие / отсутствие индукции (влияния, навязывания) мнения со стороны отца / матери, формирование негативного образа другого родителя, выясняет реальное отношение ребенка к папе и маме, степень привязанности к каждому из них. Также одной из задач эксперта-психолога является оценка актуального эмоционального состояния ребенка [1–3].

Как правило, ППЭ назначается в рамках бракоразводных процессов. Развод родителей довольно тяжело переживается детьми, особенно в ситуации, когда мама с папой не могут договориться между собой. Спор родителей о праве на воспитание несовершеннолетнего зачастую связан с осознанной или неосознанной индукцией одного из родителей,

© 2021. Авторы. Статья распространяется на условиях международной лицензии CC BY 4.0

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-105-112

манипуляцией мнением ребенка, в результате чего их сын / дочь вынуждены предъявлять не свое мнение и демонстрировать такое отношение к отдельно проживающему родителю, которое противоречит его истинным чувствам к нему. Довольно явно переживания несовершеннолетнего подэкспертного проявляются в его невербальном поведении [4]. В процессе беседы эксперта с ребенком на нейтральные темы мальчик / девочка, как правило, ведет себя свободно, мышечно расслабленно, естественно и легко отвечает на различные вопросы. Когда речь заходит на тему судебного разбирательства, у детей меняются просодические характеристики речи – появляются заминки, паузы, повышается / понижается интонация голоса, ускоряется или замедляется темп речи. Ребенок начинает тяжело и глубоко вздыхать, теребить в руках предметы, стучать ногой, дергать волосы, раскачиваться на стуле, закрывать руками рот, натягивать воротник на рот, прятаться под стол, вставать со стула, двигаться по направлению к двери и пр. Становится заметным мышечное напряжение, скованность. Семейный конфликт является неврозогенной почвой для ребенка и формирует у него эмоциональную дестабилизацию [5].

Эксперту-психологу необходимо не только констатировать и описать эмоциональный статус ребенка, но и выяснить его детерминанты (источники). Как правило, негативные переживания ребенка вызваны семейной ситуацией, хотя в их возникновении могут участвовать и другие факторы – отношения со сверстниками, школьная неуспеваемость, отношения со значимыми взрослыми и пр. Для выяснения причин эмоционального дискомфорта в арсенале психолога имеются различные методы и методики: наблюдение, беседа, проективные техники, анализ продуктов спонтанного творчества, способы построения семантического пространства и пр. Наибольшую популярность в работе с детьми завоевали проективные методы, в частности рисунки. Их достоинствами являются возможность оценить бессознательные переживания и стремления человека, доступность и простота использования с несовершеннолетними испытуемыми [6; 7]. Однако они обладают рядом минусов. Рисуночные методики недостаточно стандартизованы, описанные в научной литературе способы трактовки изобразительных признаков – результат общих наблюдений практикующих психологов, а большинство интерпретаций до сих пор не удостоверены в строгом научном исследовании [8].

Ситуация с рисуночными методиками осложняется не только трудностями толкования. В одном из наших исследований мы рассматривали объективность оценки различных параметров рисунка путем подсчета степени согласованности независимых мнений трех экспертов по 39 изобразительным признакам методики «Рисунок несуществующего животного» [9]. Каждый эксперт оценивал 905 рисунков. В результате математико-статистической обработки данных были обнаружены признаки, обладающие высокой субъективностью. Выяснилось, что признаки, которые имеют многообразие изобразительных воплощений (например, оригинальность животного или вызываемое им чувство неприязни), оцениваются экспертами неоднозначно.

В экспертной психологической практике часто используется методика «Рисунок несуществующего животного». Методика была создана М. З. Дукаревич и П. В. Яньшиным [10] и призвана диагностировать большой диапазон индивидуально-типологических особенностей человека – эмоциональное состояние испытуемого, его характерологические, личностные черты, наличие психопатологии и др. Данную методику рекомендуется использовать начиная со старшего дошкольного возраста (с 5–6 лет). Рисунок несуществующего животного многими исследователями подвергается эмпирической верификации. С. Э. Габидулиной [11] была осуществлена попытка сопоставления некоторых признаков рисунка с данными личностных опросников, направленных на диагностику самооценки, агрессивности и др. М. К. Акимовой, Т. Н. Алехиной, Ж. В. Таратутой проведена «психометрическая квалификация методики» [12]. В клинической практике были выделены изобразительные признаки, объединенные в симптомокомплексы, свойственные больным неврозами и психопатиями [13]. Н. Е. Богдановой, А. Г. Соловьевым, П. И. Сидоровым [14] описаны характерные особенности рисунка несуществующего животного для больных алкогольной зависимостью. Г. Ф. Музыченко [15] было реализовано масштабное клинико-психологическое исследование, показывающее связь изобразительных признаков методики «Несуществующее животное» со шкалами опросника MMPI на выборке людей различного возраста с различной психической патологией. Накоплен уже обширный материал, но эмпирическая проверка методики в рамках психолого-педагогической экспертизы не производилась.

Выбор методики «Рисунок несуществующего животного» обусловлен легкостью выполнения, применимостью для широкого возрастного диапазона (от 5 лет и более). Большинство методик, направленных на оценку эмоционального состояния ребенка, имеют узкие возрастные ограничения. Данная методика решает широкий круг задач – от оценки актуального эмоционального состояния до личностных и социально-психологических характеристик ребенка. Процедура судебной психолого-педагогической экспертизы активирует защитные механизмы ребенка, которые необходимо ослабить с целью реализации качественного диагностического процесса. Методика «Рисунок несуществующего животного» обладает высокой проективной силой, т. к. подключается фантазия и воображение, имеющие близкую связь с бессознательными процессами.

Методы и материалы

Предполагается, что не все проективные показатели, описываемые в практических руководствах по использованию рисуночных методик (в частности, методики «Несуществующее животное»), обладают достаточной

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-105-112

содержательной валидностью, другими словами – действительно отражают заявленное психическое / психологическое свойство.

Цель настоящего исследования – выявить работающие (обладающие высокой дифференцирующей силой) проективные референты эмоциональной дестабилизации и эмоционального конфликта у ребенка в ситуации психолого-педагогической экспертизы.

Исследуемую выборку составили 63 ребенка, участвующие в судебной психолого-педагогической экспертизе (г. Санкт-Петербург, ООО «Центр независимой профессиональной экспертизы "ПетроЭксперт"»). Возраст группы варьируется от 8 до 14 лет. Средний возраст – 9,8 лет. 59 % – мальчики, 41 % – девочки.

Для сравнительного анализа был произведен подсчет измеряемых признаков среди детей, чьи родители не разведены и не пребывают в ситуации судебного разбирательства по вопросам права на воспитание ребенка. Контрольную выборку составили школьники в количестве 56 человек. Возраст – от 9 до 13 лет. Средний возраст – 11,3. 55,3 % – мальчики, 44,7 % – девочки. Контрольная группа была сформирована посредством рандомизации – случайного отбора из 348 школьников.

Испытуемым для изображения несуществующего животного был предложен набор из шести карандашей (желтый, синий, зеленый, красный, коричневый и черный), но при этом не делался акцент на обязательном применении всех цветов.

Измеряемые признаки – многократно описанные в литературе, широко известные и постоянно применяемые в психологической практике категории детской изобразительной продукции, свидетельствующие о наличии тревожного и / или невротического состояния у ребенка: штрихованные линии, эскизные линии, стирание и исправление рисунка, сильный нажим, наличие ран или шрамов на теле животного, наличие у животного ног, которые не выполняют функцию опоры, наличие двух и более голов у вымышленного существа. Также были оценены яркость и полихромность рисунка (использование двух и более цветов) как показатели, свидетельствующие о благополучном эмоциональном состоянии испытуемого. Все обозначенные признаки представлены в дихотомической шкале (есть признак – 1, нет признака – 0).

Для сопоставления частоты встречаемости признаков в двух независимых выборках и оценки достоверности различий использовался критерий углового преобразования φ*-Фишера [16].

Результаты

Традиционно принято считать, что признаками тревожности, эмоционального напряжения являются такие графические характеристики рисунка, как сильный нажим, штрихованные и эскизные линии (стремление контролировать свою тревогу), стирание и исправление рисунка. Выраженность штриховки и эскизных линий в настоящем эмпирическом исследовании – редко встречающийся признак в обеих группах, не обладающий дифференцирующей силой (в равных долях представленный как в исследуемой, так и контрольной выборках) (табл.).

Приблизительно в равной степени в обеих группах детей встречается признак *стирание и исправление рисунка*. Согласно К. Маховер [17], данный показатель свидетельствует о тревоге, желании изменить что-то, улучшить. В исследовании Г. Ф. Музыченко [15] обнаружена положительная связь признака *стирание и исправление рисунка* с тревожно-фобическими нарушениями. По нашим наблюдениям, в ситуации экспертизы дети гораздо чаще вносят коррективы в рисунках семьи – неоднократно изменяют свой образ и образ того члена семьи, с которым имеют напряженные отношения. Вероятно, рисунок вымышленного существа в исследуемой группе в этой плоскости анализа не обладает значимой диагностической силой.

Несколько чаще в контрольной группе встречается параметр *сильный нажим*. Большинство авторов рисуночных методик связывают данный признак с повышенной тревожностью. Однако сила нажима может быть обусловлена энергичностью, стеничностью, активностью

Табл. Сравнение параметров рисунка «Несуществующее животное» в двух группах
Tab. Comparison of the parameters of the "Non-existent animal" drawing in two groups

Параметр рисунка	Исследуемая группа (количество человек (%))	Контрольная группа (количество человек (%))	φ*
Штрихованные линии	2 (3,2 %)	5 (8,9 %)	1,339
Эскизные линии	2 (3,2 %)	5 (8,9 %)	1,339
Стирание, исправление	3 (4,8 %)	4 (7,1 %)	0,528
Сильный нажим	9 (14,3 %)	13 (23,3 %)	1,247
Раны, шрамы на теле	0 (0 %)	0 (0 %)	0
Ноги, не выполняющие функцию опоры	27 (42,9 %)	15 (26,8%)	1,857, p<0,05
Наличие двух и более голов	16 (25,4 %)	1 (1,8 %)	4,285, p<0,01
Яркость рисунка	32 (50,8 %)	39 (69,6 %)	2,107, p<0,05
Полихромность рисунка	32 (50,8 %)	54 (96,4 %)	6,387, p<0,01

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-105-112

субъекта как темпераментальной и / или характерологической особенностью. Возможно, дети, пребывающие в ситуации экспертизы, находятся в подавленном состоянии, что отражается на особенностях надавливания карандаша на бумагу. Таким образом, требуются дополнительные исследования и более детальная эмпирическая верификация обсуждаемого признака.

Ни в одной из групп не обнаружен признак *раны и шрамы на теле*. У А. Л. Венгера [18] данный параметр рисунка выступает референтом невротизации. Предположительно, поражение тела – специфичный признак определенного круга психотравмирующих факторов (связанных с физической агрессией, неудовлетворенностью собственным телом и пр.) и неспецифичный для невротизации, вызванной семейным конфликтом.

При проведении рисуночного теста «Несуществующее животное» в ситуации экспертизы было отмечено, что дети склонны изображать существ с ногами, которые не выполняют функцию опоры (тонкие, слабые, висят в воздухе и пр.). Нижние конечности – это базисная часть фигуры. По М. З. Дукаревич и П. В. Яньшину [10], ноги – свидетельство обдуманности, основательности суждений, опоры на существенные положения, а их отсутствие – признак поверхностности, легкомыслия, импульсивности. У Г. Ф. Музыченко [15] ноги животного символизируют опору на реальность, практические, земные ценности, тонкие ноги – идеалистичность, наличие неустойчивой опоры на земную реальность. В нашем исследовании были обнаружены значимые различия в двух выборках по признаку *ноги, не выполняющие функцию опоры* с его преобладанием в группе детей, чьи родители находятся в ситуации судебного разбирательства по вопросу права на воспитание ребенка. Эмоциональное состояние таких детей связано с базовой тревогой и потерей чувства безопасности, стабильности. Предполагается, что обсуждаемый признак может быть рассмотрен как специфичный для исследуемой группы детей, обладающий достаточной дифференцирующей силой.

На уровне практических наблюдений эксперта-психолога было обнаружено, что в рисунках детей, находящихся в ситуации судебного разбирательства родителей по вопросу права на воспитание ребенка, довольно часто возникают вымышленные существа с двумя головами. В настоящем эмпирическом исследовании наблюдаемое в ППЭ явление подтвердилось – признак *наличие двух и более голов* в 16 раз чаще встречается в исследуемой группе. Говоря о мечте животного, дети напрямую заявляют, что хотели бы единения между двумя головами, чтобы две головы смотрели в одну сторону, чтобы два животных превратились в одно, нормальное и т. д.

В литературе можно встретить различные интерпретации обозначенного признака. У Г. Ф. Музыченко [15] признак *две и более головы* может означать как стремление к силе и власти, усиление рационального контроля над импульсами, так и внутренний конфликт, противоречивые желания. Символически число два – двойственность, противоположность, конфликт, расщепление. На наш взгляд, именно такая интерпретация больше подходит для характеристики эмоционального и когнитивного состояния детей из исследуемой группы. Интересно, что число 3 символизирует множественность, творческую силу, созидание, движение вперед, преодолевающее двойственность. Трехголовых существ в рисунках детей конфликтующих родителей не встречается.

Судя по практическим экспертным наблюдениям, двухголовые животные появляются в рисунках, когда в семье имеется конфликт лояльности. Это ситуация, когда ребенок охвачен обвинениями в адрес одного из родителей (как правило, отдельно проживающего) – ранее любимого и близкого человека. При этом такой ребенок излишне идеализирует образ родителя, проживающего с ним. Для описания такого феномена Р. А. Гарднер ввел в литературу термин *синдром отвержения одного из родителей* [19]. В таком положении ребенок вынужден скрывать свое истинное отношение к родителю, транслировать не свое мнение, что формирует у него эмоциональную дестабилизацию и подрывает его адаптационные возможности.

В зарубежной литературе представлены исследования – результаты наблюдения за родителями-алиенаторами (теми, что способствуют формированию у ребенка отчуждения другого родителя), которые систематизированы в определенные поведенческие стратегии. C. Poustie, M. Matthewson и S. Balmer [20] выделили следующие тактики: эмоциональная манипуляция, поощрение неповиновения и союза, нарушение времени посещений и общения между родителем-мишенью и ребенком, утаивание информации, клевета на родителя-мишень, стирание образа родителя из памяти ребенка. A. J. L. Baker и D. Darnell [21] обозначили в своей работе семнадцать стратегий поведения, свойственные таким родителям. E. Kruk [22] выявил двенадцать характеристик родителей-алиенаторов, являющихся показателями крайнего отчуждения другого родителя в психологическом пространстве ребенка.

Ряд исследователей данной проблематики отмечают, что в семьях, где дети пребывают в ситуации выраженного конфликта лояльности, они имеют более высокий уровень тревоги и депрессии по сравнению с детьми, чьи родители развелись, но не вовлекают ребенка в подобное положение [23; 24].

Приведем случаи из реальной практики. Родители на протяжении двух лет живут отдельно. Папа перевез сыновей в Санкт-Петербург (из Восточной части России), в результате – дети пребывают без встреч и общения с мамой на протяжении года. Папа аргументирует свое решение тем, что недоволен воспитательными тактиками бывшей супруги, ее участием в жизни детей (его истинный мотив – вернуть маму в семью, обратить ее внимание на детей). В ситуации экспертизы старший ребенок (12 лет) изобразил животное, состоящее из двух зверей (крокодила и барсука),

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-105-112

с двумя головами, где одна из них выражает злость, вторая – улыбается. Животные смотрят в разные стороны. Мечта животного – стать меньше, повернуться в одну сторону, чтобы крокодил и барсук не препятствовали друг другу, а шли вперед в одном направлении. Другой пример. Мальчик изобразил существо в виде рожка с двумя шариками мороженого, символизирующими две головы – одна голова улыбается, другая смеется. Существо тает, потом залезает в холодильник и превращается в мороженое. В реальной жизни мальчик живет на два дома – ½ недели у мамы, ½ недели у папы. Родители находятся между собой в конфликтных отношениях, и ребенку приходится постоянно лавировать, он не может расслабиться – ни у мамы, ни у папы.

Таким образом, можно констатировать, что такой проективный показатель, как наличие двух голов у вымышленного существа, является референтом эмоционального противоречия и внутреннего конфликта у ребенка.

Еще два параметра предлагается обсудить в настоящей статье – яркость рисунка и полихромность изображения (использование нескольких цветов). Обозначенные признаки чаще встречаются в контрольной группе. У детей, проживающих в условно благополучных семьях, применение нескольких цветов встречается почти в 95 % случаев. Традиционно принято считать, что моно- и ахроматическое изображение является признаком подавленного, астенического эмоционального состояния. Эмпирически доказано, что своеобразный страх ярких, интенсивных цветов наблюдается при неврозах [24]. Можно полагать, что выразительность и цветность несуществующего животного – маркер благополучного актуального состояния изображающего его субъекта. Но к такой интерпретации необходимо подходить крайне осторожно, т. к. корреляция цвета и эмоций является многоуровневой – цвет отражает символическое значение переживания, цветовое предпочтение может зависеть от контекста / наличной ситуации / предшествующего рисунку события и пр., устойчивые эмоциональные особенности субъекта также находят свое отражение в различных вариантах цветовых предпочтений.

Результаты проведенного эмпирического исследования соотносятся с пострисуночным опросом детей из группы № 1 (чьи родители пребывают в ситуации судебного разбирательства по вопросам права на воспитание ребенка). 63,4 % несовершеннолетних демонстрируют подавленное эмоциональное состояние, низкий энергетический тонус, что проявляется в беседе о вымышленном существе: отсутствует мечта, пассивный метод защиты, изображенное животное не нравится, любит спать, предпочитает неактивный образ жизни, одиноко (нет семьи, сородичей). 61,9 % детей находятся в состоянии внутреннего антагонизма и эмоциональной неустроенности, вызванном межличностным конфликтом родителей. Желания несуществующего животного у таких детей часто связаны с потребностью стать другим, переместиться в иное пространство, обладать суперспособностями, иметь семью.

Заключение

В настоящей статье предпринята попытка выделить изобразительные параметры методики «Несуществующее животное», обладающие достаточной дифференцирующей силой и эффективностью, в целях диагностики эмоционального статуса ребенка, пребывающего в ситуации высококонфликтного развода родителей. Признаком, обладающим высокой дифференцирующей силой, является наличие двух голов у вымышленного существа, что указывает на внутренний конфликт и эмоциональное противоречие у ребенка, формирующих основу для психологической дестабилизации. Отличия выявлены по параметру *полихромность рисунка*. Дети исследуемой группы реже используют цвет, что может указывать на низкий энергетический тонус и подавленное эмоциональное состояние. В группе детей, участвующих в ППЭ, чаще встречается признак *ноги, не выполняющие функцию опоры*, который также можно рассматривать как референт переживания неравновесного, неустойчивого состояния. Такие параметры, как штрихованные, эскизные линии, сильный нажим, стирание и исправление рисунка, раны, шрамы на теле животного, – редкое явление в имеющихся рисунках, они не показали значимых различий между детьми, переживающими конфликтный развод родителей, и детьми, воспитывающимися в условно благополучных семьях.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Литература

1. Харитонова Н. К., Сафуанов Ф. С., Востроknутов Н. В., Русаковская О. А. Методологические основы проведения комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз при спорах о праве на воспитание детей: методические рекомендации для экспертов // Теория и практика судебной экспертизы. 2014. № 3. С. 93–106.
2. Сафуанов Ф. С., Русаковская О. А. Индивидуально-психологические особенности родителей как предикторы высококонфликтных разводов // Психологическая наука и образование. 2012. № 2. С. 60–70.
3. Сафуанов Ф. С., Харитонова Н. К., Русаковская О. А. Психолого-психиатрическая экспертиза по судебным спорам между родителями о воспитании и месте жительства ребенка. М.: Генезис, 2011. 192 с.
4. Адмакина Т. А. Проявление поля власти в невербальном поведении ребенка в ситуации психолого-педагогической экспертизы // Ананьевские чтения – 2020. Психология служебной деятельности: достижения и перспективы

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-105-112

развития (в честь 75-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.): мат-лы Междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 8–11 декабря 2020 г.) СПб.: Скифия-принт, 2020. С. 615–616.
5. Адмакина Т. А. Специфика эмоциональных переживаний детей в ситуации высококонфликтного развода родителей // Коченовские чтения «Психология и право в современной России»: сб. тезисов участников Всерос. конф. по юридической психологии с Междунар. участием. (Москва, 11–13 ноября 2020 г.) М.: МГППУ, 2020. С. 70–71.
6. Психодиагностика / под ред. А. К. Белоусовой, И. И. Юматовой. Ростов н/Д: Феникс, 2018. 256 с.
7. Бурлачук Л. Ф. Психодиагностика. СПб.: Питер, 2018. 384 с.
8. Беломестнова Н. В. К вопросу о методологии судебно-психологического исследования в гражданском процессе // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях: мат-лы 4-й Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 30–31 января 2013 г.) М.: Проспект, 2013. С. 32–34.
9. Адмакина Т. А., Басыгысова Т. А., Золотов И. Е. Степень согласованности мнений экспертов при оценке субъективных признаков рисуночного теста «Несуществующее животное» // Интегративный подход к психологии человека и социальному взаимодействию людей: мат-лы III Всерос. науч.-практ. (заоч.) конф. (Санкт-Петербург, 3–4 апреля 2013 г.) СПб.: СВИВТ, 2013. С. 50–57.
10. Дукаревич М. З., Яньшин П. В. Рисунок несуществующего животного // Практикум по психодиагностике. Психодиагностика мотивации и саморегуляции / ред. А. И. Зеличенко, И. М. Карлинская, С. Р. Пантилеев, А. Г. Шмелев, Е. В. Эйдман. М.: МГУ, 1990. С. 54–73.
11. Габидулина С. Э. К обоснованию методики «Рисунок несуществующего животного» // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 1986. № 4. С. 56–57.
12. Акимова М. К., Алехина Т. Н., Таратута Ж. В. Психометрическая квалификация проективной методики «Несуществующее животное» // Психологическая диагностика. 2004. № 4. С. 47–57.
13. Яньшин П. В. Практикум по клинической психологии. Методы исследования личности. СПб.: Питер, 2004. 336 с.
14. Богданова Н. Е., Соловьев А. Г., Сидоров П. И. Психодиагностические возможности проективного теста «Несуществующее животное» в наркологической практике // Наркология. 2007. Т. 6. № 7. С. 58–62.
15. Музыченко Г. Ф. Проективная методика «Несуществующее животное». СПб.: Речь. 2013. 556 с.
16. Высоков И. Е. Математические методы в психологии. Люберцы: Юрайт, 2016. 386 с.
17. Маховер К. Проективный рисунок человека. М.: Смысл, 1996. 158 с.
18. Венгер А. Л. Психологические рисуночные тесты: Иллюстрированное руководство. М.: ВАЛДОС-Пресс, 2003. 160 с.
19. Gardner R. A. The parental alienation syndrome: A guide for mental health and legal professionals. Cresskill, NJ: Creative Therapeutics, 1992. 152 p.
20. Poustie C., Matthewson M., Balmer S. The forgotten parent: The targeted parent perspective of parental alienation // Journal of Family Issues. 2018. Vol. 39. № 12. P. 3298–3323. DOI: 10.1177/0192513X18777867
21. Baker A. J. L., Darnell D. Behaviors and strategies employed in parental alienation // Journal of Divorce and Remarriage. 2006. Vol. 45. № 1-2. P. 97–124. DOI: 10.1300/J087v45n01_06
22. Kruk E. Parental alienation as a form of emotional child abuse: Current state of knowledge and future directions for research // Family Science Review. 2018. Vol. 22. № 4. P. 141–164.
23. Buchanan C., Maccoby E. E., Dornbusch S. M. Caught between parents: Adolescents' experience in divorced homes // Child Development. 1991. Vol. 62. № 5. P. 1008–1029.
24. Clawar S. S., Rivlin B. V. Children held hostage: Identifying brainwashed children, presenting a case, and crafting solutions. Chicago, IL: American Bar Association, 2013. 560 p.
25. Базыма Б. А. Цвет и психика. Харьков: ХГАК, 2001. 203 с.

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-105-112

original article

Projective Indicators of Emotional Destabilization in Children in the Practice of Psychological and Pedagogical Expertise

Tatiana A. Admakina
St. Petersburg Humanities University of Trade Unions, Russia, St. Petersburg
Center for Independent Professional Expertise "Petroexpert" LLC, Russia, St. Petersburg
admakina.ta@gmail.com

Received 11 Feb 2021. Accepted 17 Mar 2021.

Abstract: Psychological and pedagogical expertise is part of divorce proceedings. It is intended to resolve custody disputes and diagnose the emotional status of the child by various projective methods. The research objective was to identify effective projective referents of emotional instability and conflict in 63 children going through a custody trial. The control group included 56 children. The subjects were asked to draw a non-existent animal with crayons. The parameters evaluated on a dichotomous scale included: crosshatching, sketching, erasing and correcting, strong pressure, wounds or scars on the animal's body, weak legs, two or more heads, brightness and polychromy. The φ*-Fischer angular transformation criterion was used to compare the frequency in two independent samples and to assess the reliability of the differences. If the imaginary creature had two heads, it was a sign with a high differentiating power, which indicated an internal conflict and emotional contradiction in the child and, as a result, psychological instability. The polychromic pattern also proved different: the children in the experimental group appeared less likely to use color, which may indicate their low energy tone and depressed emotional state. Imaginary creatures on weak legs also proved more common in the experimental group, suggesting the children were going through an unbalanced state. Other parameters were quite rare in both groups.
Keywords: projective technique, drawing of a non-existent animal, conflicting divorce of parents, emotional status of the child

Citation: Admakina T. A. Projective Indicators of Emotional Destabilization in Children in the Practice of Psychological and Pedagogical Expertise. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(1): 105–112. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-105-112

Conflicting interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

References

1. Kharitonova N. K., Safuanov F. S., Vostroknutov N. V., Rusakovskaya O. A. A methodological framework for conducting a comprehensive forensic psychological and psychiatric examination at the debate on the right to education of children: methodological recommendations for experts. *Theory and Practice of Forensic Science*, 2014, (3): 93–106. (In Russ.)
2. Safuanov F. S., Rusakovskaya O. A. Individual psychological features of parents as predictors of high-conflict divorces. *Psikhologicheskaia nauka i obrazovanie*, 2012, (2): 60–70. (In Russ.)
3. Safuanov F. S., Kharitonova N. K., Rusakovskaya O. A. *Psychological and psychiatric examination of judicial disputes between parents about the upbringing and place of residence of the child.* Moscow: Genesis, 2011, 192. (In Russ.)
4. Admakina T. A. The manifestation of the field of power in the nonverbal behavior of a child in the situation of psychological and pedagogical expertise. Ananiev readings – 2020. *Psychology of service activity: achievements and prospects of development (in honor of the 75th anniversary of the Victory in the Great Patriotic War of 1941–1945)*: Proc. Intern. Sci. Conf., St. Petersburg, 8–11 Dec 2020. St. Petersburg: Skifiia-print, 2020, 615–616. (In Russ.)
5. Admakina T. A. Specificity of emotional experiences of children in the situation of non-conflict divorce of parents. *Kochenov readings "Psychology and Law in modern Russia"*: Proc. All-Russian Conf. on Legal Psychology with Intern. participation, Moscow, 11–13 Nov 2020. Moscow: MGPPU, 2020, 70–71. (In Russ.)
6. *Psychodiagnostics*, eds. Belousova A. K., Iumatova I. I. Rostov-on-Don: Feniks, 2018, 256. (In Russ.)
7. Burlachuk L. F. *Psychodiagnostics*. St. Petersburg: Piter, 2018, 384. (In Russ.)
8. Belomestnova N. V. On the methodology of forensic psychological research in civil proceedings. *Theory and practice of forensic examination in modern conditions*: Proc. 4th Intern. Sci.-Prac. Conf., Moscow, 30–31 Jan 2013. Moscow: Prospekt, 2013, 32–34. (In Russ.)

© 2021. The Author(s). This article is distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-105-112

9. Admakina T. A., Basygysova T. A., Zolotov I. E. The level of experts' consensus during the evaluation of subjective characteristics of the drawing test Non-Existent Animal. *Integrative approach to the psychology of man and social interactions of men*: Proc. III All-Russian Sci.-Prac. (distance) Conf., St. Petersburg, 3–4 Apr 2013. St. Petersburg: SVIVT, 2013, 50–57. (In Russ.)
10. Dukarevich M. Z., Yanshin P. V. Picture of Non-Existent Animal. *Workshop on psychodiagnostics. Psychodiagnostics of motivation and self-regulation*, eds. Zelichenko A. I., Karlinskaya I. M., Pantileev S. R., Shmelev A. G., Eidman E. V. Moscow: MGU, 1990, 54–73. (In Russ.)
11. Gabidulina S. E. On the feasibility of the technique Non-Existent Animal. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14. Psikhologiya*, 1986, (4): 56–57. (In Russ.)
12. Akimova M. K., Alekhina T. N., Taratuta Zh. V. Psychometric qualification of the projective technique Non-Existent Animal. *Psikhologicheskaia diagnostika*, 2004, (4): 47–57. (In Russ.)
13. Yanshin P. V. *Practical training in clinical psychology. Methods of personality research*. St. Petersburg: Piter, 2004, 336. (In Russ.)
14. Bogdanova N. E., Soloviev A. G., Sidorov P. I. Psychodiagnostic possibilities of projective test "Non-existent animal" in narcological practice. *Narkologiia*, 2007, 6(7): 58–62. (In Russ.)
15. Muzychenko G. F. *A projective technique Non-Existent Animal*. St. Petersburg: Rech, 2013, 556. (In Russ.)
16. Vysokov I. E. *Mathematical methods in psychology*. Lyubertsy: Iurait, 2016, 386. (In Russ.)
17. Machover K. *Projective drawing of a person*. Moscow: Smysl, 1996, 158. (In Russ.)
18. Venger A. L. *Psychological drawing techniques: Illustrated guidance*. Moscow: VALDOS-Press, 2002, 160. (In Russ.)
19. Gardner R. A. *The parental alienation syndrome: A guide for mental health and legal professionals*. Cresskill, NJ: Creative Therapeutics, 1992, 152.
20. Poustie C., Matthewson M., Balmer S. The forgotten parent: The targeted parent perspective of parental alienation. *Journal of Family Issues*, 2018, 39(12): 3298–3323. DOI: 10.1177/0192513X18777867
21. Baker A. J. L., Darnell D. Behaviors and strategies employed in parental alienation. *Journal of Divorce and Remarriage*, 2006, 45(1-2): 97–124. DOI: 10.1300/J087v45n01_06
22. Kruk E. Parental alienation as a form of emotional child abuse: Current state of knowledge and future directions for research. *Family Science Review*, 2018, 22(4): 141–164.
23. Buchanan C., Maccoby E. E., Dornbusch S. M. Caught between parents: Adolescents' experience in divorced homes. *Child Development*, 1991, 62(5): 1008–1029.
24. Clawar S. S., Rivlin B. V. *Children held hostage: Identifying brainwashed children, presenting a case, and crafting solutions*. Chicago, IL: American Bar Association, 2013, 560.
25. Bazyma B. A. *Color and the psychic*. Kharkov: KhGAK, 2001, 203. (In Russ.)

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-113-122

оригинальная статья
УДК 159.9+316.6

Опросник «Типология киберагрессии»: структура и первичные психометрические характеристики

Светлана Степановна Антипина
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Россия, г. Санкт-Петербург
sveta-anti@mail.ru
https://orcid.org/0000-0002-6807-8141

Поступила в редакцию 05.02.2021. Принята к печати 26.02.2021.

Аннотация: Проблема агрессии, проявляемой в онлайн-коммуникациях, за последнее десятилетие привлекает все большее внимание. Существует необходимость в инструментах, выявляющих причины киберагрессивного поведения. В статье представлены результаты адаптации англоязычного опросника *Cyber-aggression typology questionnaire* (CATQ) (K. C. Runions) на русскоязычной выборке подростков. В теоретическую основу опросника положен подход, предложенный K. C. Runions, описывающий киберагрессию подростков через их мотивационные цели и способность к поведенческому самоконтролю, сформированные в четыре типа агрессивного поведения в Интернете. Общую выборку составили 421 респондент, учащиеся 5–9 классов общеобразовательных школ Санкт-Петербурга в возрасте 10–15 лет. Участие в исследовании было добровольным, каждый имел информированное согласие родителя. С помощью процедур эксплораторного и конфирматорного факторного анализа подтверждена четырехфакторная модель опросника, пункты в русскоязычной версии распределены в соответствии с оригиналом. В ходе конфирматорного анализа были уравновешены все факторы по количеству утверждений. Итоговый вариант опросника включил в себя 23 утверждения. Структура опросника соответствует авторской и представлена следующими факторами: импульсивно-ответная киберагрессия, произвольно-ответная киберагрессия, произвольно-инициативная киберагрессия, импульсивно-инициативная киберагрессия. Опросник «Типология киберагрессии» обнаружил хорошие показатели дискриминативности и надежности. Полученные результаты свидетельствуют о том, что опросник – надежный психодиагностический инструмент для изучения феномена киберагрессии, который может применяться в научных и практических целях. Понимание мотивов, способствующих киберагрессивному поведению, может помочь в разработке новых мер профилактики, основанных на индивидуальных различиях дезадаптивных факторов онлайн-агрессии.

Ключевые слова: подростки, онлайн-агрессия, самоконтроль, мотивация, надежность, конфирматорный факторный анализ

Цитирования: Антипина С. С. Опросник «Типология киберагрессии»: структура и первичные психометрические характеристики // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 1. С. 113–122. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-113-122

Введение

На сегодняшний день в современном обществе стремительно развиваются информационно-коммуникативные технологии, которые интенсивно входят во все сферы жизнедеятельности человека. Цифровой мир сегодня – существенная часть жизни многих граждан России. Молодые люди осваивают новые цифровые технологии и воспринимают их уже не только как инструменты для достижения целей, но и как полноценную среду обитания. Интернет – это пространство не только для новых возможностей, но и для новых рисков, связанных, как правило, с различными формами деструктивного онлайн-поведения. Высокие темпы освоения цифрового пространства и его особенности, с одной стороны, недостаточный уровень развития информационной грамотности и позитивной онлайн культуры, а также возрастно-психологические особенности подростков – с другой, делают их наиболее уязвимыми к опасностям и угрозам деструктивного поведения в Интернете. По данным исследований, 86 % подростков и молодых людей сталкиваются с агрессией в интернет-пространстве. Лишь один из семи не встречается в сети с агрессией. Каждый второй подросток сталкивался с тремя и более видами онлайн-агрессии [1].

Общение онлайн привлекает подростков своей простотой и удобством. Учитывая особенности данного общения (анонимность, отсутствие прямого контакта, независимость от времени и места, увеличение аудитории наблюдателей, отсутствие физических следов у жертвы, асинхронность онлайн-коммуникации, недостаточная проработка вопроса цифровой культуры, ощущение безнаказанности) [2–5], киберпространство становится платформой для девиантной активности. Отклоняющееся поведение в виртуальной

© 2021. Авторы. Статья распространяется на условиях международной лицензии CC BY 4.0

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-113-122

среде определяют современным термином *киберагрессия*, имеющим англоязычное происхождение.

В качестве наиболее распространенного определения киберагрессии приведем понятие, сформулированное D. W. Grigg: киберагрессия – это нанесение посредством использования цифровых устройств намеренного вреда одному человеку или группе людей, который воспринимается как оскорбительный, уничижительный, наносящий ущерб или нежеланный [6]. Первоначально в зарубежных исследованиях термины *киберагрессия* (*cyber-aggression*) и *кибербуллинг* (*cyber-bullying*) были синонимичны. Неопределенность в понимании формулировок понятий и способов их измерений позволяла применять термин *кибербуллинг* поверхностно [7; 8]. До сих пор во многих зарубежных исследованиях эта синонимичность сохраняется. Впоследствии были сделаны выводы, что киберагрессия – это более широкое понятие и охватывает более широкий спектр явлений. Она включает в себя кибербуллинг, и в более широком смысле определяется как любое преднамеренное злонамеренное действие, совершаемое в Интернете [9; 10]. Отечественные ученые придерживаются аналогичной позиции [11; 12].

По мнению ученых, проявления киберагрессии могут изменяться в зависимости от мотивов, побуждающих к агрессии в интернет-пространстве. В 2009 г. J. J. Dooley, J. Pyzalski и D. Cross предложили рассматривать киберагрессию с позиции реактивной и проактивной агрессии [13]. Реактивная агрессия понимается как импульсивная агрессивная реакция в контексте возмездия за какое-то (мнимое или реальное) оскорбление или нападение. В отличие от мести, реактивная агрессия – необдуманные формы поведения. Проактивная агрессия обычно понимается как неспровоцированные акты агрессии, совершаемые обдуманно.

На основе данной теории в 2013 г. K. C. Runions предложил четырехстороннюю модель киберагрессии, основанную на двух ортогональных измерениях – мотивационных целях (инициативных и ответных) и регулятивном контроле (импульсивном и произвольном) [14]. Импульсивные действия возникают в контексте подсознательной когнитивной оценки сигнала окружающей среды, вызывающего сильную аффективную реакцию и сильную тенденцию к действию или побуждение к действию [15]. В производстве импульсивного поведения это действует без оглядки на последствия, особенно в долгосрочной перспективе. Такое поведение необходимо для немедленной эмоциональной отдачи. В отличие от этого, обдуманные акты киберагрессии совершаются путем привлечения способностей к самоконтролю для достижения определенной цели. Второе измерение в четырехсторонней модели отражает природу этой эмоциональной отдачи. Инициативные мотивы направлены на получение положительного эмоционального состояния для агрессора. Ответные мотивы направлены на снятие негативных эмоциональных состояний. Постулируя два ортогональных измерения (инициативное и ответное; импульсивное и произвольное), эта модель

Рис. 1. Четырехсторонняя типология киберагрессии (на основе четырехсторонней типологии киберагрессии K. C. Runions), различающая мотивационную направленность агрессии и способность к самоконтролю
Fig. 1. Four-sided typology of cyber-aggression, which distinguishes the motivation and self-control

мотива и самоконтроля производит четыре различных квадранта (рис. 1).

Импульсивно-ответный квадрант отражает действия, совершаемые в ответ на воспринимаемую провокацию. Произвольно-ответная киберагрессия также возникает как средство избавления от негативных эмоций в ответ на предполагаемую провокацию. Но здесь проявляются способности к самоконтролю, и производство агрессии, скорее всего, примет форму рассчитанной расплаты или мести. Это отличает ее от произвольно-инициативной агрессии, где самоконтроль осуществляется, но в интересах создания положительного аффекта посредством обдуманных усилий. Акцент – на силовом контроле в погоне за некоторой экологической наградой, такой как достижение социального статуса, посредством запугивания [15]. Импульсивно-инициативный квадрант отражает спонтанно продуцируемое поведение, осуществляемое без учета долгосрочных последствий, возникает из непосредственного положительного аффекта, порожденного агрессивным актом. Получение положительных эмоций здесь и сейчас – развлечение, шутка.

В настоящее время относительно небольшое количество исследований посвящено изучению мотивов киберагрессии в более широком смысле. J. Raskauskas и A. D. Stoltz в своих работах выявили мотивы мести и развлечения [16]. По данным L. Compton, M. Campbell и A. Mergler, среди ключевых мотивов были выделены стремление к власти и статусу, поиск развлечений или избавление от скуки, а также использование киберагрессии в качестве безопасного средства возмездия [17]. Основными мотивами киберагрессии у подростков выступили власть и развлечения, освобождение от накопившегося негатива, возможность слива для негативных переживаний и эмоций, зачастую

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-113-122

за счет переадресации этих эмоций другим, более слабым и уязвимым. Подростки часто выбирают желание отомстить и причинить вред другому, т. е. намеренную агрессию, поддержать свою репутацию и добиться определенной цели или выгоды, желание поэкспериментировать и посмотреть на реакцию других людей [1].

В настоящий момент мировая психология активно разрабатывает методы диагностики киберагрессии. В зарубежной науке с этой задачей успешно справляется целый ряд тестов, среди которых заслуживает внимание опросник «Типология киберагрессии» (*Cyber-aggression typology questionnaire* (CATQ)). В современных отечественных исследованиях диагностика киберагрессии происходит посредством применения анкет, опросников, а также в контексте анализа обращений клиентов на телефонную линию помощи. Таким образом, вопросы выявления, превенции киберагрессии являются актуальным исследовательским полем в отечественной и зарубежной науке.

Методы и материалы

Цель исследования, представленного в статье, заключается в адаптации англоязычного опросника CATQ для русскоязычной выборки подростков. Предварительно нами было получено письменное согласие автора оригинальной методики на ее применение и модификацию в России.

Структура и описание методики «Типология киберагрессии» (CATQ). Англоязычная версия опросника состоит из 29 утверждений, относящихся к 4 факторам. 1 фактор включает двенадцать утверждений, 2 и 3 факторы – по шесть утверждений и 4 фактор – пять утверждений. Первый фактор – импульсивно-ответная киберагрессия, это ответная реакция на провокации других пользователей интернет-пространства, вызванная негативным эмоциональным состоянием агрессора (*ярость*). Второй фактор – произвольно-ответная киберагрессия, предполагает действия, основанные на самоконтроле, призванные компенсировать негативные эмоциональные эффекты, вызванные поведением партнера по интернет-коммуникациям (*месть*). Третий фактор – произвольно-инициативная киберагрессия, активные действия, направленные на достижение положительных эффектов в долгосрочных перспективах (*вознаграждение*). Четвертый фактор – импульсивно-инициативная киберагрессия, проявление спонтанных действий, осуществляются без внимания к долгосрочным последствиям и определяются положительными эмоциями от текущего агрессивного акта (*отдых, развлечение*).

Ответы оцениваются респондентами по шкале Лайкерта (1 – точно про меня, 2 – скорее про меня, 3 – скорее не про меня, 4 – точно не про меня). Респондентам предлагается следующая инструкция: *Прочитай, пожалуйста, утверждения, и отметь, насколько они соответствуют тому, как обычно поступаешь ты. Для этого поставь галочку в одном из столбиков: точно про меня, скорее про меня, скорее не про меня, точно не про меня.*

С практической точки зрения этот опросник является кратким, простым в реализации и интерпретации, экономичным по времени. Кроме того, его можно включать в программу скринингового обследования обучающихся.

Участники исследования. Общая выборка составила 421 респондента: подростки в возрасте от 10 до 15 лет, учащиеся школ г. Санкт-Петербург. Средний возраст респондентов – 12,3 года, 48,5 % мальчиков и 51,5 % девочек. Участие в исследовании было добровольным, проводилось во внеурочное время. От подростков и их родителей (законных представителей) были получены информированные согласия на участие в исследовании. Подобная численность для данного типа исследований является приемлемой, если ориентироваться на Стандарт Европейской федерации психологических ассоциаций EFPA [18].

Методика. Русская версия разрабатывалась посредством перевода англоязычной версии методики CATQ на русский язык. Русскоязычная версия опросника отражает смысловую нагрузку оригинального текста и соответствует лингвистическим нормам русского языка.

Результаты

Факторная структура

Структура опросника проверялась сразу несколькими методами, а именно методами эксплораторного факторного анализа, реализованного в программном пакете IBM SPSS (версия 23.0) (все последующие вычисления проводились в данном программном пакете), и методом конфирматорного факторного анализа с помощью программы моделирования структурными уравнениями IBM SPSS AMOS (версия 23.0) [19; 20]. В первую очередь был проведен экплораторный факторный анализ методом главных компонентов с косоугольным вращением и нормализацией по Кайзеру, который подтвердил четырехфакторное решение (значение критерия выборочной адекватности Кайзера-Мейера-Олкина составило 0,97 при значимом показателе критерия сферичности Бартлетта, равном 8619,3 (df=406), $p<0,001$).

Следующим шагом в подтверждении структуры теста стало проведение конфирматорного факторного анализа [19; 20]. После построения Априорной модели 1 (четырехфакторная структура, включающая 29 утверждений, полностью соответствующая авторской версии) мы зафиксировали некоторые свободные параметры для одной из латентных переменных каждого фактора, задав их равными 1. Модель 1 показала удовлетворительные показатели соответствия исходным данным (χ^2=1112,45, df=371, CMIN/DF=3,023 при $p<0,001$, CFI=0,911, RMSEA=0,069). Таким образом, ее корректировка не требуется. Статистическая значимость регрессионных коэффициентов также не дает оснований для удаления каких-либо переменных из Модели 1 (табл. 1).

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-113-122

Табл. 1. Регрессионные коэффициенты, p<0,001
Tab. 1. Regression coefficients, p<0,001

	Утверждение	Связь с фактором	Регрессионный коэффициент
1	Если мне пытаются навредить, я немедленно отомщу обидчику в Интернете	фактор 1	0,878
2	Если меня дразнят или угрожают, я могу легко разозлиться и ответить, используя Интернет	фактор 1	0,953
3	Я использую Интернет, чтобы отомстить тому, кто отправляет мне обидное сообщение	фактор 1	1,016
4	Если кто-то в Интернете пытается разозлить меня, я резко на это реагирую, размещая соответствующие тексты и репосты в ответ	фактор 1	1,022
7	Если я вижу сообщение в чате, которое меня злит, я могу сильно нагрубить, о чем потом сожалею	фактор 1	0,867
8	Если кто-то пытается унижать меня в онлайн, я отвечаю тем же	фактор 1	0,926
9	Если кто-то пишет мне что-то обидное в сети, я сразу же отправляю негативное сообщение в ответ	фактор 1	0,992
10	Если кто-то критикует меня в онлайн-сообщениях или репостах, я часто реагирую агрессивно, не думая о последствиях	фактор 1	1,008
11	Я могу поспешно ответить на что-то обидное в Интернете, позже сожалею, что так поступил	фактор 1	0,760
12	Я сразу же отвечаю на онлайн-сообщения или репосты, в которых вижу неуважение ко мне	фактор 1	0,872
6	Я слишком остро реагирую, не думая о последствиях, когда кто-то говорит что-то плохое обо мне в социальных сетях	фактор 1	0,898
5	Если кто-то насмехается надо мной в социальных сетях, я расстраиваюсь и сразу же пишу в ответ плохое сообщение	фактор 1	0,990
14	Если кто-то попытается обидеть меня в чате, я отвечу ему в удобное для меня время	фактор 2	0,303
18	Если я вижу неприятное сообщение обо мне в сети, я расстраиваюсь и долго вынашиваю план как бы мне поквитаться с обидчиком	фактор 2	0,836
17	Если бы я хотел отомстить кому-то, я бы воспользовался социальными сетями в Интернете, планируя свои действия	фактор 2	0,903
16	Когда я злюсь на кого-то, я обдумываю план мести в Интернете	фактор 2	1,196
15	Я часто возвращаюсь к переписке с теми, кто высмеивает меня в Интернете, я много думаю об этом и переживаю	фактор 2	0,679
13	Если бы кто-то причинял мне вред в онлайн-переписках, я бы не сразу стал отвечать	фактор 2	0,223
20	Иногда я объединяюсь с друзьями, чтобы над кем-то поиздеваться в онлайн	фактор 3	1,013
24	Я иногда способен кого-то публично унизить, переписываясь в чате	фактор 3	0,990
23	Я могу использовать фэйковую страницу в Интернете, чтобы разрушить чужую дружбу	фактор 3	0,977
22	Когда мне не нравится человек, я могу использовать злостные переписки в чате, делая все возможное, чтобы он не чувствовал себя частью нашей группы	фактор 3	1,047
21	Иногда мне нравится унижать других людей в онлайн-переписках	фактор 3	1,012
19	Если мне кто-то не нравится, я воспользуюсь социальными сетями, чтобы настроить других против него	фактор 3	0,989
26	Я могу высмеивать незнакомых мне людей в Интернете, не переживая за последствия	фактор 4	1,033
29	Шутить онлайн так весело, что меня не беспокоит, могу ли я кого-нибудь обидеть своими шутками или нет	фактор 4	1,076
28	Я постоянно раздражаю людей в онлайн-переписках, считая это забавным	фактор 4	0,929
27	Если я веселюсь и шучу в Интернете, я не думаю, что мои шутки могут кому-то сделать больно	фактор 4	0,865
25	Мне весело обсуждать кого-то в Интернете, а другим кажется, что я злобно высмеиваю кого-то	фактор 4	0,934

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-113-122

Проверка нормальности и оценка приемлемости объема выборки

Корректность применения конфирматорного факторного анализа подтверждается достаточной численностью выборки и многомерной нормальностью распределения переменных. Выборка является приемлемой по численности (N), если выполняется соотношение N>5T (где T – число оцениваемых параметров) [19; 20]. В нашем случае T=64, N=421, т. е. для нашей модели численность выборки является приемлемой. Многомерная нормальность распределения переменных проверяется по значению многомерного эксцесса (*Multivariate Kurtosis*) и его критического отношения (CR), вычисляемых программой AMOS. В нашем случае CR – чуть меньше пяти, следовательно, предположение о многомерной нормальности переменных не нарушено, выбранный метод оценки вполне корректен.

Для того чтобы показатели для разных мотивов киберагрессии были сопоставимы друг с другом, было принято решение уровнять количество утверждений, относящихся к каждому из факторов. Используя полученные данные о регрессионном коэффициенте для каждого утверждения, соответствующего фактору 1, была проведена проверка сравнения различий хи-квадратов, получаемых при удалении утверждений. В ходе данной проверки мы исключили ряд утверждений, получив Модель 2 (сокращенный вариант). Модель 2 продемонстрировала хорошие показатели (χ^2=543,25, df=218, CMIN/DF=2,49 при p<0,001, CFI=0,951, RMSEA=0,059). Значения критериев согласия находятся в допустимых пределах, следовательно, модель можно признать соответствующей данным. Если сравнить полученные результаты с данными конфирматорного факторного анализа четырехфакторной модели оригинального опросника CATQ (χ^2=178,58, df=81, CMIN/DF=2,2 при p<0,001, CFI=0,95, RMSEA=0,061) [21], русскоязычный опросник не уступает по своим показателям англоязычной версии, а даже по некоторым – превосходит.

Как мы видим на рис. 2[1], где представлена структурная модель (сокращенный вариант), факторные нагрузки соответствуют прогнозируемой модели.

Как и следовало ожидать, четыре фактора были взаимосвязаны (табл. 2): два типа ответной киберагрессии коррелируют на уровне 0,91, а два типа инициативной киберагрессии – на уровне 0,92. Обе импульсивные формы киберагрессии были коррелированы на уровне 0,82, а произвольные формы киберагрессии – на уровне 0,87. Наконец, поперечные диагонали показывают, что импульсивно-ответная киберагрессия коррелировала с произвольно-инициативной на уровне 0,89, а импульсивно-инициативная коррелировала с произвольно-ответной на уровне 0,77.

Результаты применения конфирматорного факторного анализа свидетельствуют о четырехфакторной структуре

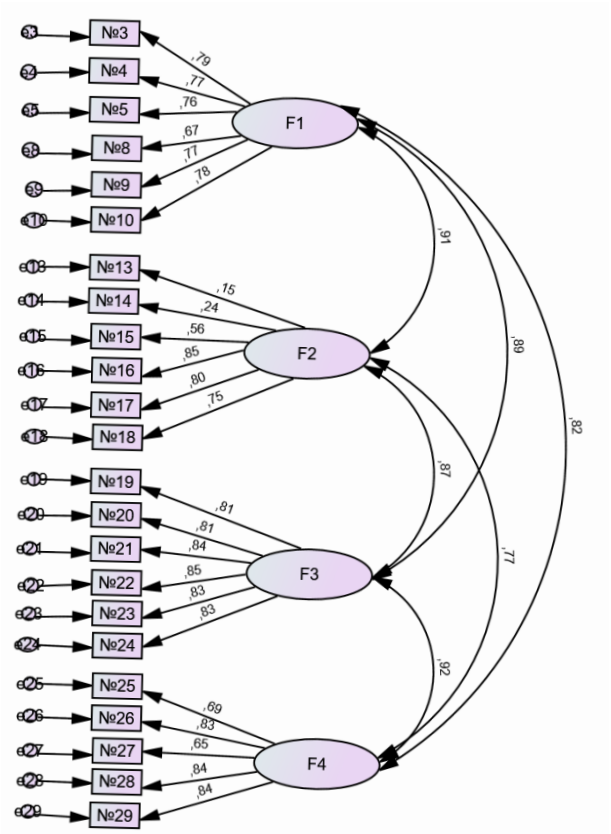

Рис. 2. Структурная диаграмма четырехфакторной модели (сокращенный вариант)
Fig. 2. Structure diagram of the four-factor model (abbreviated version)

опросника. Факторную валидность соответствующих факторов подтверждает отсутствие их пересечений – каждый вопрос (утверждение) опросника статистически значимо связан только с одним из факторов, а связь с другим фактором неотличима от 0, что убеждает в самостоятельности выделяемых этими факторами латентных конструктов.

Дискриминативность и надежность

Для проверки дискриминативности и надежности было проведено несколько измерений. Прежде всего, было рассчитано значение Лямбды Уилкса для четырех факторов. Для фактора 1 – 0,139, для фактора 2 – 0,219, для фактора 3 – 0,078, для фактора 4 – 0,183 при p<0,001. Оценка одномоментной надежности теста осуществлялась с помощью вычисления коэффициента α-Кронбаха [22] (α составила 0,89; 0,75; 0,93; 0,88 соответственно). Опросник продемонстрировал убедительные доказательства своей дискриминативности и надежности.

[1] В прямоугольных контурах – явные переменные-индикаторы, в округлых контурах – латентные факторы и «ошибки» измерения, числа у направленных стрелок – стандартизованные коэффициенты регрессии, числа у ненаправленных стрелок – величины корреляций между переменными.

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-113-122

Далее для каждого респондента рассчитывался суммарный балл по каждому фактору как сумма входящих в него пунктов. В табл. 3 приведены основные статистические показатели факторных значений в зависимости от пола и возраста. Статистики асимметрии и эксцесса по модулю не превышают 1, следовательно, можно считать распределения для каждого фактора приблизительно нормальными.

Таким образом, на русскоязычной выборке подтверждена четырехфакторная структура опросника. Не все 29 пунктов англоязычного варианта методики сохранились, но распределились по факторам в соответствии с зарубежным оригиналом. Представленный опросник расширяет взгляд на феномен девиантной активности в виртуальной среде. Его достоинства состоят в том, что опросник позволяет измерить выраженность как общего уровня киберагрессии, так и разных ее составляющих за короткий временной промежуток.

Заключение

Столкновение с киберагрессией является частью онлайн-коммуникаций в современном обществе. Правила, нормы и формы поведения в цифровом пространстве еще не сформированы в полной мере. Культура поведения в онлайн-мире имеет свою специфику. Распространенность киберагрессии и различных ее форм требует выработки дифференцированных подходов как к профилактике ситуаций киберагрессии, так и к диагностике.

Результаты адаптации опросника CATQ на русский язык демонстрируют возможности опросника оценивать киберагрессию с позиции самоконтроля и мотивации: анализ надежности шкал с помощью метода α-Кронбаха показал высокую надежность теста; факторный анализ (эксплораторный и конфирматорный) подтверждает теоретическую структуру методики, выделяющую 4 фактора киберагрессии; шкальная структура позволяет оценить выраженность общего уровня и конкретного вида киберагрессии (импульсивно-

Табл. 2. Факторная нагрузка и коэффициент корреляции шкал опросника
Tab. 2. Factor load and correlation coefficient of the questionnaire scales

Показатели	1	2	3	4	MS (SD)
Импульсивно-ответная киберагрессия (1)	–	0,91	0,89	0,82	18,5 (5)
Произвольно-ответная киберагрессия (2)	0,72	–	0,87	0,77	17,7 (4)
Произвольно-инициативная киберагрессия (3)	0,80	0,69	–	0,92	19,9 (5,5)
Импульсивно-инициативная киберагрессия (4)	0,72	0,60	0,82	–	16 (4)

Прим.: Значения выше диагонали отражают корреляции между факторами в конфирматорном анализе; значения ниже диагонали отражают коэффициент корреляции Пирсона (при $p<0,01$).

Табл. 3. Описательные статистики (M±S) по каждому фактору, рассчитанные с учетом возраста и пола респондентов
Tab. 3. Descriptive statistics (M±S) for each factor, taking into account age and gender

Фактор / Возраст	Импульсивно-ответная киберагрессия	Произвольно-ответная киберагрессия	Произвольно-инициативная киберагрессия	Импульсивно-инициативная киберагрессия
Девочки				
10 лет	21,2±3,6	19,1±3,6	22,5±3,3	18,7±2
11 лет	19,2±3,6	18,1±3,6	21,8±2,8	17,7±2,7
12 лет	18,7±4,2	17,3±3,8	21±4	16,4±4,2
13 лет	16,6±6,1	16,5±4,5	17,4±7,4	14,2±5,1
14 лет	19,5±3,9	18,5±3,9	20,9±4,1	16,5±3,3
15 лет	16,1±6,6	15,7±5,3	16,4±7,2	13,3±5,5
Мальчики				
10 лет	19,4±4	18,3±4,3	21,5±3,6	17,6±2
11 лет	21,4±3	19±3,9	21,6±4,2	17,9±2,7
12 лет	17,2±5,2	18,3±3,3	18,7±5,9	15,3±4,6
13 лет	16,7±5,8	16,6±4,6	17,9±5,9	14,4±4,9
14 лет	19,1±3,5	18,9±2,7	20,6±3,6	16,2±2,8
15 лет	14,8±6,4	14,9±5,8	15,9±7,3	12,4±5,8

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-113-122

ответная, произвольно-ответная, произвольно-инициативная и импульсивно-инициативная).

Психометрическая проверка позволяет признать русскоязычную методику «Типология киберагрессии» в качестве объективного инструмента для измерения киберагрессии, а также подтвердить четырехфакторную структуру данного опросника. Но в перспективе исследования требуется проведение дополнительных мероприятий, направленных на подтверждение ретестовой надежности. Например, измерение импульсивности или способности к саморегуляции может помочь в более глубоком понимании выраженности факторов.

Необходимы дополнительные исследования с более крупными размерами выборки для подтверждения последовательности факторной структуры в зависимости от пола и возраста. Учитывая, что способности к поведенческой и эмоциональной саморегуляции продолжают развиваться в подростковом возрасте [23], возможно, это позволит объяснить средние различия в описательных статистиках по каждому фактору. Кроме того, требуется дальнейшее тестирование, чтобы лучше установить валидность и надежность опросника «Типология киберагрессии».

Полученные результаты могут быть использованы в процессе планирования и разработки профилактических программ, посвященных проблемам онлайн-коммуникаций и кибербезопасности. Сюда можно отнести повышение осведомленности взрослых (родителей, учителей) о различных видах киберагрессии, о способах их профилактики и поддержки подростков, формирование коммуникативной и конфликтологической компетентности подрастающего поколения, повышение цифровой грамотности.

Благодарности

Автор выражает благодарность и глубокую признательность создателю оригинальной методики *Cyber-aggression typology questionnaire* (CATQ) K. C. Runion за согласие на ее применение и модификацию в России.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Литература

1. Солдатова Г. У., Чигарькова С. В., Дренёва А. А., Илюхина С. Н. Мы в ответе за цифровой мир: Профилактика деструктивного поведения подростков и молодежи в Интернете. М.: Когито-Центр, 2019. 176 с.
2. Бочавер А. А., Холмов К. Д. Кибербуллинг: Травля в пространстве современных технологий // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. Т. 11. № 3. С. 177–191.
3. Heirman W., Walrave M. Assessing concerns and issues about the mediation of technology in cyberbullying // Cyberpsychology: Journal of Psychosocial Research on Cyberspace. 2008. Vol. 2. № 2. Режим доступа: https://cyberpsychology.eu/article/view/4214/3256 (дата обращения: 04.08.2020).
4. Kowalski R. M., Giumetti G. W., Schroeder A. N., Lattanner M. R. Bullying in the digital age: A critical review and meta-analysis of cyberbullying research among youth // Psychological Bulletin. 2014. Vol. 140. № 4. P. 1073–1137. DOI: 10.1037/a0035618
5. Panumaporn J., Hongsanguansri S., Atsariyasing W., Kiatrungrit K. Bystanders' behaviours and associated factors in cyberbullying // General Psychiatry. 2020. Vol. 33. № 3. DOI: 10.1136/gpsych-2019-100187
6. Grigg D. W. Cyber-aggression: definition and concept of cyberbullying // Australian Journal of Guidance and Counselling. 2010. Vol. 20. № 2. P. 143–156. DOI: 10.1375/ajgc.20.2.143
7. Bauman S., Underwood M. K., Card N. Definitions: Another perspective and a proposal for beginning with cyberaggression // Principles of cyberbullying research: Definitions, measures, and methodology / eds. S. Bauman, D. Cross, J. Walker. N. Y.: Routledge, 2013. P. 41–46. DOI: 10.4324/9780203084601
8. Menesini E., Nocentini A., Palladino B. E., Frisén A., Berne S., Ortega-Ruiz R., Calmaestra J., Scheithauer H., Schultze-Krumbholz A., Luik P., Naruskov K., Blaya C., Berthaud J., Smith P. K. Cyberbullying definition among adolescents: A comparison across six European countries // Cyberpsychology, Behavior and Social Networking. 2012. Vol. 15. № 9. P. 455–463. DOI: 10.1089/cyber.2012.0040
9. Schoffstall C. L., Cohen R. Cyber aggression: The relation between online offenders and offline social competence // Social Development. 2011. Vol. 20. № 3. P. 587–604. DOI: 10.1111/j.1467-9507.2011.00609.x
10. Ybarra M. L., Mitchell K. J. Youth engaging in online harassment: Associations with caregiver-child relationships, Internet use, and personal characteristics // Journal of Adolescence. 2004. Vol. 27. № 3. P. 319–336. DOI: 10.1016/j.adolescence.2004.03.007
11. Черенков Д. А. Девиантное поведение в социальных сетях: причины, формы, следствие // Nauka-Rastudent.ru. 2015. № 7. Режим доступа: http://nauka-rastudent.ru/19/2843/ (дата обращения: 15.01.2021).
12. Шаров А. А. Специфика девиантной активности молодежи в интернет-среде // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2019. № 3. С. 255–261.
13. Dooley J. J., Pyżalski J., Cross D. Cyberbullying versus face-to-face bullying: A theoretical and conceptual review // Zeitschrift fur Psychologie. 2009. Vol. 217. № 4. P. 182–188. DOI: 10.1027/0044-3409.217.4.182

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-113-122

14. Runions K. C. Toward a conceptual model of motive and self-control in cyber-aggression: Rage, revenge, reward and recreation // Journal of Youth and Adolescence. 2013. Vol. 42. № 5. P. 751–771. DOI: 10.1007/s10964-013-9936-2
15. Vaillancourt T., Hymel S., McDougall P. Bullying is power: Implications for school-based intervention strategies // Journal of Applied School Psychology. 2003. Vol. 19. № 2. P. 157–176. DOI: 10.1300/J008v19n02_10
16. Raskauskas J., Stoltz A. D. Involvement in traditional and electronic bullying among adolescents // Developmental Psychology. 2007. Vol. 43. № 3. P. 564–575. DOI: 10.1037/0012-1649.43.3.564
17. Compton L., Campbell M., Mergler A. Teacher, parent and student perceptions of the motives of cyberbullies // Social Psychology of Education. 2014. Vol. 17. № 3. P. 383–400. DOI: 10.1007/s11218-014-9254-x
18. Батурин Н. А., Мельникова Н. Н. Технология разработки тестов: часть III // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. 2010. № 4. С. 4–18.
19. Byrne B. M. Structural Equation Modeling With AMOS: Basic Concepts, Applications and Programming. 2nd ed. (Multivariate applications series). N. Y.: Taylor & Francis Group, 2010. 396 p.
20. Наследов А. Д. IBM SPSS 20 и AMOS: профессиональный статистический анализ данных. СПб.: Питер, 2013. 416 с.
21. Runions K. C., Bak M., Shaw T. Disentangling functions of online aggression: The cyber-aggression typology questionnaire (CATQ) // Aggressive behavior. 2017. Vol. 43. № 1. P. 74–84. DOI: 10.1002/ab.21663
22. Шмелев А. Г. Практическая тестология. Тестирование в образовании, прикладной психологии и управлении персоналом. М.: Маска, 2013. 688 с.
23. Steinberg L., Albert D., Cauffman E., Banich E., Graham S., Woolard J. Age differences in sensation seeking and impulsivity as indexed by behavior and self-report: Evidence for a dual systems model // Developmental Psychology. 2008. Vol. 44. № 6. P. 1764–1778. DOI: 10.1037/a0012955

Опросник «Типология киберагрессии» (русскоязычная версия)

Инструкция: Прочитай, пожалуйста, утверждения, и отметь, насколько они соответствуют тому, как обычно поступаешь ты. Для этого поставь галочку в одном из столбиков: точно про меня, скорее про меня, скорее не про меня, точно не про меня.

	Вопрос	**Точно про меня**	**Скорее про меня**	**Скорее не про меня**	**Точно не про меня**
1	Я использую Интернет, чтобы отомстить тому, кто отправляет мне обидное сообщение				
2	Если кто-то в Интернете пытается разозлить меня, я резко на это реагирую, размещая соответствующие тексты и репосты в ответ				
3	Если кто-то насмехается надо мной в социальных сетях, я расстраиваюсь и сразу же пишу в ответ плохое сообщение				
4	Если кто-то пытается унижать меня в онлайн, я отвечаю тем же				
5	Если кто-то пишет мне что-то обидное в сети, я сразу же отправляю негативное сообщение в ответ				
6	Если кто-то критикует меня в онлайн-сообщениях или репостах, я часто реагирую агрессивно, не думая о последствиях				
7	Если бы кто-то причинял мне вред в онлайн-переписках, я бы не сразу стал отвечать				
8	Если кто-то попытается обидеть меня в чате, я отвечу ему в удобное для меня время				
9	Я часто возвращаюсь к переписке с теми, кто высмеивает меня в Интернете, я много думаю об этом и переживаю				
10	Когда я злюсь на кого-то, я обдумываю план мести в Интернете				
11	Если бы я хотел отомстить кому-то, я бы воспользовался социальными сетями в Интернете, планируя свои действия				
12	Если я вижу неприятное сообщение обо мне в сети, я расстраиваюсь и долго вынашиваю план как бы мне поквитаться с обидчиком				
13	Если мне кто-то не нравится, я воспользуюсь социальными сетями, чтобы настроить других против него				
14	Иногда я объединяюсь с друзьями, чтобы над кем-то поиздеваться в онлайн				
15	Иногда мне нравится унижать других людей в онлайн-переписках				

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-113-122

	Вопрос	Точно про меня	Скорее про меня	Скорее не про меня	Точно не про меня
16	Когда мне не нравится человек, я могу использовать злостные переписки в чате, делая все возможное, чтобы он не чувствовал себя частью нашей группы				
17	Я могу использовать фэйковую страницу в Интернете, чтобы разрушить чужую дружбу				
18	Я иногда способен кого-то публично унизить, переписываясь в чате				
19	Мне весело обсуждать кого-то в Интернете, а другим кажется, что я злобно высмеиваю кого-то				
20	Я могу высмеивать незнакомых мне людей в Интернете, не переживая за последствия				
21	Если я веселюсь и шучу в Интернете, я не думаю, что мои шутки могут кому-то сделать больно				
22	Я постоянно раздражаю людей в онлайн-переписках, считая это забавным				
23	Шутить онлайн так весело, что меня не беспокоит, могу ли я кого-нибудь обидеть своими шутками или нет				

Ответы оцениваются: точно про меня – 1 балл, скорее про меня – 2 балла, скорее не про меня – 3 балла, точно не про меня – 4 балла.
По каждому фактору подсчитывается «сырой балл» как сумма оценок по входящим в нее утверждениям:
фактор 1 – импульсивно-ответная киберагрессия, утверждения 1, 2, 3, 4, 5, 6;
фактор 2 – произвольно-ответная киберагрессия, утверждения 7, 8, 9, 10, 11, 12;
фактор 3 – произвольно-инициативная киберагрессия, утверждения 13, 14, 15, 16, 17, 18;
фактор 4 – импульсивно-инициативная киберагрессия, утверждения 19, 20, 21, 22, 23;
общая сумма по всем факторам – Суммарный показатель проявления киберагрессии.

original article

Cyber-Aggression Typology Questionnaire: Structure and Primary Psychometric Characteristics

Svetlana S. Antipina
Herzen State Pedagogical University, Russia, St. Petersburg
sveta-anti@mail.ru
https://orcid.org/0000-0002-6807-8141

Received 5 Feb 2021. Accepted 26 Feb 2021.

Abstract: The problem of online aggression has attracted increasing attention over the past decade. Various studies revealed a need for tools that would identify the causes of aggressive behavior in cyberspace. The article presents the results of the adaptation of the English-language Cyber-Aggression Typology Questionnaire (CATQ) by K. C. Runions on 421 Russian-speaking teenagers aged 10–15 years (St. Petersburg). The method features four types of online aggression. K. C. Runions describes the cyber-aggression in teenagers through their motivational goals and the ability to behavioral self-control. The procedures of exploratory and confirmatory factor analysis confirmed the four-factor model of the original questionnaire. All factors were balanced by the number of statements. The final version of the questionnaire included 23 statements. The structure of the questionnaire was represented by the following factors: impulsive-aversive cyber-aggression, controlled-aversive cyber-aggression, controlled-appetitive cyber-aggression, and impulsive-appetitive cyber-aggression. The questionnaire showed good indicators of discriminativeness and reliability; it can serve as a reliable psychological diagnosis tool for studying the phenomenon of cyber-aggression in scientific and practical purposes. Understanding the motivations behind cyber-aggressive behavior can help to develop new preventive measures based on individual differences in the disadaptive factors of online aggression.
Keywords: adolescents, cyber-aggression, self-control, motivation, reliability, confirmatory factor analysis

Citation: Antipina S. S. Cyber-Aggression Typology Questionnaire: Structure and Primary Psychometric Characteristics. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(1): 113–122. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-113-122

© 2021. The Author(s). This article is distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-113-122

Conflicting interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

References

1. Soldatova G. U., Chigarkova S. V., Dreneva A. A., Iliukhina S. N. *We are responsible for the digital world: Preventing destructive behavior of adolescents and youth on the Internet.* Moscow: Kogito-Tsentr, 2019, 176. (In Russ.)
2. Bochaver A. A., Kholmov K. D. Cyberbullying: Harassment in the space of modern technologies. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 2014, 11(3): 177–191. (In Russ.)
3. Heirman W., Walrave M. Assessing concerns and issues about the mediation of technology in cyberbullying. *Cyberpsychology: Journal of Psychosocial Research on Cyberspace*, 2008, 2(2). Available at: https://cyberpsychology.eu/article/view/4214/3256 (accessed 4 Aug 2020).
4. Kowalski R. M., Giumetti G. W., Schroeder A. N., Lattanner M. R. Bullying in the digital age: A critical review and meta-analysis of cyberbullying research among youth. *Psychological Bulletin*, 2014, 140(4): 1073–1137. DOI: 10.1037/a0035618
5. Panumaporn J., Hongsanguansri S., Atsariyasing W., Kiatrungrit K. Bystanders' behaviours and associated factors in cyberbullying. *General Psychiatry*, 2020, 33(3). DOI: 10.1136/gpsych-2019-100187
6. Grigg D. W. Cyber-aggression: definition and concept of cyberbullying. *Australian Journal of Guidance and Counselling*, 2010, 20(2): 143–156. DOI: 10.1375/ajgc.20.2.143
7. Bauman S., Underwood M. K., Card N. Definitions: Another perspective and a proposal for beginning with cyberaggression. *Principles of cyberbullying research: Definitions, measures, and methodology*, eds. Bauman S., Cross D., Walker J. N. Y.: Routledge, 2013, 41–46. DOI: 10.4324/9780203084601
8. Menesini E., Nocentini A., Palladino B. E., Frisén A., Berne S., Ortega-Ruiz R., Calmaestra J., Scheithauer H., Schultze-Krumbholz A., Luik P., Naruskov K., Blaya C., Berthaud J., Smith P. K. Cyberbullying definition among adolescents: A comparison across six European countries. *Cyberpsychology, Behavior and Social Networking*, 2012, 15(9): 455–463. DOI: 10.1089/cyber.2012.0040
9. Schoffstall C. L., Cohen R. Cyber aggression: The relation between online offenders and offline social competence. *Social Development*, 2011, 20(3): 587–604. DOI: 10.1111/j.1467-9507.2011.00609.x
10. Ybarra M. L., Mitchell K. J. Youth engaging in online harassment: Associations with caregiver-child relationships, Internet use, and personal characteristics. *Journal of Adolescence*, 2004, 27(3): 319–336. DOI: 10.1016/j.adolescence.2004.03.007
11. Cherenkov D. A. Deviant behavior in social networks: causes, forms, investigation. *Nauka-Rastudent.ru*, 2015, (7). Available at: http://nauka-rastudent.ru/19/2843/ (accessed 15 Jan 2021). (In Russ.)
12. Sharov A. A. Specificity of deviant activity of young people in the Internet environment. *Uchenye zapiski. Elektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, (3): 255–261. (In Russ.)
13. Dooley J. J., Pyżalski J., Cross D. Cyberbullying versus face-to-face bullying: A theoretical and conceptual review. *Zeitschrift fur Psychologie*, 2009, 217(4): 182–188. DOI: 10.1027/0044-3409.217.4.182
14. Runions K. C. Toward a conceptual model of motive and self-control in cyber-aggression: Rage, revenge, reward and recreation. *Journal of Youth and Adolescence*, 2013, 42(5): 751–771. DOI: 10.1007/s10964-013-9936-2
15. Vaillancourt T., Hymel S., McDougall P. Bullying is power: Implications for school-based intervention strategies. *Journal of Applied School Psychology*, 2003, 19(2): 157–176. DOI: 10.1300/J008v19n02_10
16. Raskauskas J., Stoltz A. D. Involvement in traditional and electronic bullying among adolescents. *Developmental Psychology*, 2007, 43(3): 564–575. DOI: 10.1037/0012-1649.43.3.564
17. Compton L., Campbell M., Mergler A. Teacher, parent and student perceptions of the motives of cyberbullies. *Social Psychology of Education*, 2014, 17(3): 383–400. DOI: 10.1007/s11218-014-9254-x
18. Baturin N. A., Melnikova N. N. Technology of test development: part III. *Vestnik Iuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Psikhologiia*, 2010, (4): 4–18. (In Russ.)
19. Byrne B. M. *Structural Equation Modeling With AMOS: Basic Concepts, Applications and Programming*, 2nd ed. (Multivariate applications series). N. Y.: Taylor & Francis Group, 2010, 396.
20. Nasledov A. D. *IBM SPSS 20 and AMOS: professional statistical data analysis*. St. Petersburg: Piter, 2013, 416. (In Russ.)
21. Runions K. C., Bak M., Shaw T. Disentangling functions of online aggression: The cyber-aggression typology questionnaire (CATQ). *Aggressive behavior*, 2017, 43(1): 74–84. DOI: 10.1002/ab.21663
22. Shmelev A. G. *Practical testology. Testing in education, applied psychology, and personnel management*. Moscow: Maska, 2013, 688. (In Russ.)
23. Steinberg L., Albert D., Cauffman E., Banich E., Graham S., Woolard J. Age differences in sensation seeking and impulsivity as indexed by behavior and self-report: Evidence for a dual systems model. *Developmental Psychology*, 2008, 44(6): 1764–1778. DOI: 10.1037/a0012955

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-123-132

оригинальная статья
УДК 159.9

Компромисс скорость–точность как предмет психологического анализа

Дмитрий Юрьевич Баланев
Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия, г. Томск
balanevd@gmail.com
https://orcid.org/0000-0001-9461-7973

Екатерина Валерьевна Бредун
Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия, г. Томск
https://orcid.org/0000-0003-4214-8065

Поступила в редакцию 26.01.2021. Принята к печати 29.03.2021.

Аннотация: Предмет исследования – закономерности, в соответствии с которыми точность движений человека связана с протяженностью этих движений и временем как мерой протяженности. Задача *компромисс скорость–точность* рассматривается с точки зрения анализа процессуального аспекта выполнения когнитивных задач. Экспериментальная процедура реализована на портативном устройстве с сенсорным экраном, чувствительным к касанию пера, и учитывает установку испытуемого на решение задач с позиций скорости или точности. При этом основная гипотеза исследования заключается в предположении о возможности выделения существенно отличающихся между собой способов решения задачи *компромисс скорость–точность*. На основании набора данных, собранного с участием более чем тысячи испытуемых, показано, что на уровне мелкой моторики взаимно однозначное соответствие между площадью мишени и временем ее поражения однозначно не выполняется. Эта неоднозначность является проявлением различных когнитивных стратегий выполнения задачи *компромисс скорость–точность*. Выявлено, что закономерности нарушения закона Фиттса могут быть определены при помощи широкого набора статистических методов и проявляются на уровне анализа критериев нормальности распределения данных, различных видов дисперсионного анализа, многомерного анализа данных. При помощи кластерного анализа получено подтверждение наличия различных стратегий выполнения задачи *компромисс скорость–точность*. Использование ряда дополнительных переменных, в том числе относящихся к профессиональному статусу испытуемых, позволяет интерпретировать различия в результатах наличием специфических навыков решения когнитивных задач и уточнить характер этих навыков.

Ключевые слова: закон Фиттса, задача, движение, время, дисперсионный анализ, навык, кластерный анализ

Цитирование: Баланев Д. Ю., Бредун Е. В. Компромисс скорость–точность как предмет психологического анализа // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 1. С. 123–132. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-123-132

Введение

Известный факт, что точность быстрых движений падает в связи с амплитудой, и связь между скоростью, амплитудой и точностью теряется. П. Фиттс изучал разнообразие простых моторных действий со зрительным контролем и без него [1]. Для быстрых, визуально контролируемых действий переменная ошибки повышается от амплитуды и скорости. Предметом рассмотрения стали концепт фиксированной информационной вместимости моторной системы, количественная взаимосвязь амплитуды, длительности и разнообразия двигательной реакции. Если повторяющиеся движения фиксированной средней амплитуды происходят при повышении скорости, тогда в среднем каждое движение предоставляет меньше информации, и разнообразие движений тоже будет расти в специальном объеме. То же самое предполагается, если средняя амплитуда движения растет, тогда разнообразие и средняя продолжительность тоже будут расти [2–4]. Закон, разработанный П. Фиттсом, – чем более точное движение необходимо выполнить, тем больше времени будет затрачено на его выполнение, и наоборот, выступает методологической основой выполнения исследовательских работ в области HCI (взаимодействия человека и компьютера).

Исследования, выполненные S. Zhai, J. Kong, X. Ren, опираются на закон Фиттса [5]. Они указывают, что закон Фиттса, если говорить о задании (компромисс скорость–точность), базируются на условиях задачи и обозначается индексом сложности, основанным на номинальных расстоянии движения и размере мишени. Авторы называют данный ракурс видения проблемы – объективный. Но испытуемый, субъективно смещаясь в сторону скорости или точности выполнения задания, может использовать больше или меньше обозначенной площади мишени. В связи с этим контекстом исследователи, наряду с выделенным П. Фиттсом объективным уровнем, обозначили и субъективный уровень. Чтобы преодолеть влияние субъективного уровня на компромисс скорость–точность,

© 2021. Авторы. Статья распространяется на условиях международной лицензии CC BY 4.0

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-123-132

необходимо использовать первоначально полученный опыт прицеливания вместо ориентации на диаметр мишени. Таким образом, исследования показывают взаимоотношения между объективным и субъективным уровнями решения задачи *компромисс скорость–точность* путем систематического контроля индекса сложности и индекса заполнения (утилизации) мишени. В законе Фиттса индекс сложности вычисляется через точность выполнения задания [6; 7]. В работе S. Zhai, J. Kong, X. Ren показано, что объективный и субъективный уровни решения задачи не являются эквивалентными. Отмечаются трудности использования закона Фиттса с сенсорными устройствами ввода информации (при помощи пальцев), т. к. сенсорный ввод (посредством пальцев) не является точным, особенно в тех случаях, когда цель – маленького размера, а палец испытуемого – крупный.

В настоящее время задача *компромисс скорость–точность* является достаточно популярной среди современных ученых, она рассматривается с точки зрения выполнения задания *компромисс скорость–точность* в условиях временных ограничений. Группой ученых [8] показано, что продолжительность типичных решений участников слишком коротка для того, чтобы участники адаптировали параметры принятия решений к времени испытаний.

Другие группы исследователей [9; 10] выявили, что молодые люди стараются находить баланс между скоростью и точностью, чтобы достигнуть правильного результата за заданный промежуток времени, более взрослые участники стараются минимизировать ошибки, даже если для этого необходимо снизить скорость выполнения заданий. Изучением работы головного мозга в процессе выполнения задач *компромисс скорость–точность* занимается группа исследователей R. Bogacz, E. J. Wagenmakers, B. U. Forstmann, S. Nieuwenhuis [11]. Было показано, что управление решением задачи *скорость–точность–компромисс* происходит в ассоциативных зонах коры головного мозга и первичной моторной коре (pre–SMA), нежели в ранних сенсорных или непосредственно моторных зонах. Полученные данные показывают, что акцентирование на скорости связано с повышением кортикальной интеграции нейронов.

Задача *компромисс скорость–точность* используется в контексте проблемы перцептивного научения. C. C. Liu и T. Watanabe применили диффузионную модель к стандартному заданию по перцептивному научению – обнаружение когерентного хаотического движения точек [12]. Диффузионная модель – процессуальная модель принятия решений, которая может разлагать на составные части, анализировать время реакции и точность в значимые параметры. Исследователи предполагали, что обучение приведет к более быстрым и более точным ответам. Кроме того, диффузионное моделирование позволит выявить, как это преимущество в обучении может быть обнаружено в разных параметрах, что также подтверждено другими научными коллективами [13; 14]. К примеру, повышение точности может быть связано с повышением скорости самопроизвольного движения или увеличения границы раздела, или обеих. Аналогичным образом сокращение времени реакции может быть связано с увеличением скорости самопроизвольного движения, снижением границы раздела или снижением времени непринятия решений. Так как теория обнаружения сигналов предполагает зафиксированную границу раздела, любые изменения в этих параметрах в процессе обучения покажут, что диффузионная модель может предоставить более точное отражение обучения.

Методы

Задача *компромисс скорость–точность* представляет особый интерес с точки зрения анализа процессуального аспекта выполнения когнитивных задач. Этот интерес обеспечивает высокая степень изменчивости экспериментальных переменных и их контроля, характерная для лабораторного эксперимента. В то же время очевидна высокая внешняя валидность, т. к. задача является моделью большого количества реальных трудовых, спортивных, бытовых действий, повторяющихся во времени. Привлекают возможность постановки различных целей при решении одних и тех же задач и высокая степень воспроизводимости результатов. Последнее соображение позволяет рассматривать исследования сенсомоторных реакций с точки зрения проявления психологических новообразований. Наконец, высокую внутреннюю валидность исследования задач *компромисс скорость–точность* обеспечивает возможность использования большого спектра математических методов для оценки результатов отдельно взятого испытуемого – параметрические критерии, многомерные методы обобщения, анализ временных рядов, спектральный анализ.

Основная гипотеза исследования заключается в предположении о возможности выделения существенно отличающихся способов решения задачи *компромисс скорость–точность*, качественно раскрывающих характер закона Фиттса. Иначе говоря, требуется показать неоднозначность выполнения закономерности, в соответствии с которой существует взаимно однозначное соответствие между площадью мишени и временем ее поражения, а также объяснить эту неоднозначность существованием различных когнитивных стратегий выполнения задачи *компромисс скорость–точность*.

Экспериментальная процедура реализована на портативном устройстве с сенсорным экраном, чувствительным к касанию пера. В предложенном нами исследовании задание состоит в выполнении 120 одинаковых операций, каждая из которых предусматривает указание в центр мишени. Процедура состоит в предъявлении 120 стимульных объектов, представляющих собой эллипсы с различными характеристиками – положение центра, эксцентриситет, диаметр, ширина и цвет образующей линии. Все эти характеристики могут быть включены в дополнительную гипотезу исследования как факторы, влияющие на скорость

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-123-132

и точность выполнения заданий, и могут быть рассмотрены в качестве дополнительных независимых переменных. По условиям задачи участнику исследования необходимо последовательно указывать пером в центр каждого объекта, появляющегося на экране. Стимулы предъявляются в 2 этапа, каждый из которых различается только инструкцией, получаемой участником. На первой фазе теста необходимо действовать как можно точнее, на втором – с наибольшей скоростью. На каждом этапе предъявляются 60 стимулов. Время выполнения каждой операции измеряется с точностью до одной сотой доли секунды, точность решения задачи оценивается в минимальных единицах разрешения сенсорного экрана: точках. Точность представляет собой сумму точек по вертикали и горизонтали, находимых как разница между указанным испытуемым центром от его реального положения.

В качестве наиболее значимой независимой переменной в исследовании используется установка, с которой решается задача – с точки зрения минимизации времени решения или точности как меры результативности.

Результаты

Результаты решения теста можно представить в виде диаграммы, отображающей ход каждой задачи, с наложением обобщающих характеристик (рис. 1[1]). В качестве обобщения указаны кумуляты времени T1 и точности A1, показанные в ходе проведения операций на точность (задачи № 1–60), а также на скорость выполнения T2, A2 (задачи 61–120). Шкала номера задач приведена в центре диаграммы. Каждый столбец, направленный вверх, представляет одну операцию и имеет высоту, пропорциональную времени решения. Каждый столбец, направленный вниз, показывает величину точности, выраженную в пикселях экрана. Вертикальная линия в центре, разделяющая левую и правую части диаграммы, предназначена для разграничения задач, решаемых по различным инструкциям. Черным цветом выделены столбцы, указывающие на те задачи, в которых объекты-мишени предъявлялись в частичном виде, выходя за пределы экрана. Линия, огибающая вершины столбцов, выполнена многоуровневым сглаживающим фильтром 4253H из пакета *sleekts* [15] программного комплекса R из репозитория CRAN и предназначается для визуальной оценки характера периодичности выполнения.

Статистическая обработка данных проводилась при помощи свободно распространяемого набора программ R, дополненного пакетом расширений, загружаемых из официального репозитория CRAN. Первым шагом в обработке данных стала проверка на правдоподобность результатов. Для этого оценивался диапазон значений по затраченному времени. В том случае, если время решения в одной операции было ниже значения 0,15 с либо превышало 6 с, все данные испытуемого отбрасывались. Из результатов, полученных в выборке 1031 человека, потерянными оказались 7 самостоятельных испытаний.

Второй шаг предусматривал предварительную обработку, заключавшуюся в процедуре усреднения выбросов – значений, которые по ряду формальных признаков могут быть признаны ошибочными. В дальнейшем анализе мы использовали три варианта набора данных, один из которых был исходным, во втором выбросы сглаживались

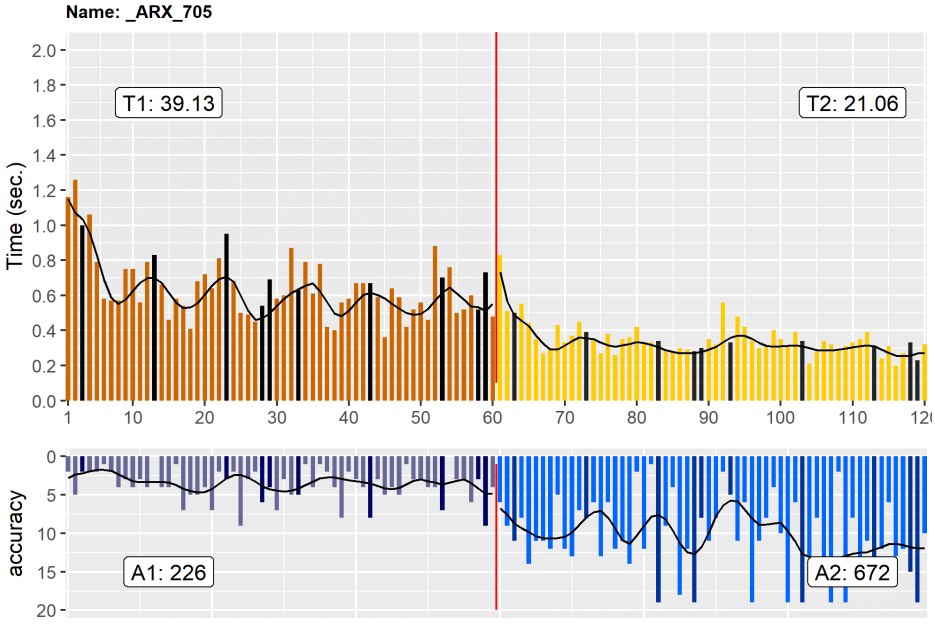

Рис. 1. Визуализация процесса решения задачи *компромисс скорость–точность* испытуемым, характер действий которого соответствует каноническому представлению: уменьшение времени решения уменьшает точность
Fig. 1. Process of solving the *speed–accuracy* tradeoff problem by the canonical representation: a decrease in time decreases the accuracy of the solution

[1] Обозначения для рис. 1 и 2: T1 – общее время решения задачи с инструкцией на точность; T2 – общее время решения задачи с инструкцией на скорость; A1 – сумма всех ошибок с инструкцией на точность в пикселях; A2 – сумма всех ошибок с инструкцией на скорость в пикселях.

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-123-132

исходя из предположения о том, что время является независимой переменной, в третьем в качестве независимой переменной рассматривалась точность. Удаление выбросов производилось при помощи обобщенной линейной модели, реализованной в пакете *outlierTest*, использующем ряд непараметрических методов, нечувствительных к выбросам [16].

Следующий этап предусматривал визуальную оценку результатов по диаграммам, представляющим результаты каждого конкретного участника. На этом этапе можно сделать предварительные выводы стратегии решения задачи испытуемым. Так, на рис. 2 представлен пример парадоксального решения, когда при уменьшении времени точность увеличивается. Парадоксальным мы называем его потому, что этот вариант решения противоречит закону Фиттса.

В целом дизайн исследования можно представить в виде набора связанных переменных. На рис. 3 приведен один из двух основных вариантов дизайна, где в качестве зависимой переменной представлена точность. Вариант со временем выглядит аналогично. В данном случае каждая независимая переменная представлена в виде вертикальной линии с отметкой среднего значения по соответствующему уровню. Показаны следующие переменные: *Instruction* – указывает на установку в решении задачи (уровни: 1 – точнее, 2 – быстрее); *Full* – указывает на то, что фигура замкнута (1) и незамкнута (2); *Square* – площадь объекта, огрублена до 3-х уровней – маленькая, средняя, большая; *Ellipse* – отражает, насколько объект вытянут вдоль одной из осей, огрублена до 3-х уровней; *Color* – отражает цвет линии, огрублена до 2-х уровней (1 – черный, 2 – другие цвета); *Group1* – группа, имеет 5 уровней, разделение в зависимости от рода занятий испытуемого; *Group*2 – огрубленная групповая переменная, уровни *Prof*

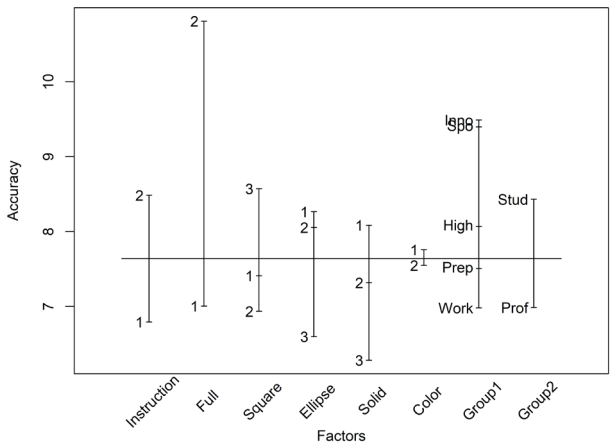

Рис. 3. Дизайн исследования с зависимой переменной *точность*
Fig. 3. Study design with dependent accuracy variable

(профессионалы) и *Stud* (обучающиеся); *Accuracy* – точность как зависимая переменная.

Вопрос о закономерностях распределения данных в нашем случае невозможно решить однозначно. С одной стороны, гипотеза о нормальном распределении данных в целом по выборке всех выполненных операций (1024*60=61440 для каждого из основных показателей T1, T2, A1, A2) не подтверждается, даже если использовать вспомогательные приемы. В качестве таких приемов мы использовали преобразование Бокса-Кокса из пакета PowerTransform [17], а также применяли различные критерии для оценки нормальности: тест Шапиро-Уилка, критерии Лиллиенфорса и Андерсона-Дарлинга из пакета *nortest* [18]. Попытка использовать оценку такого

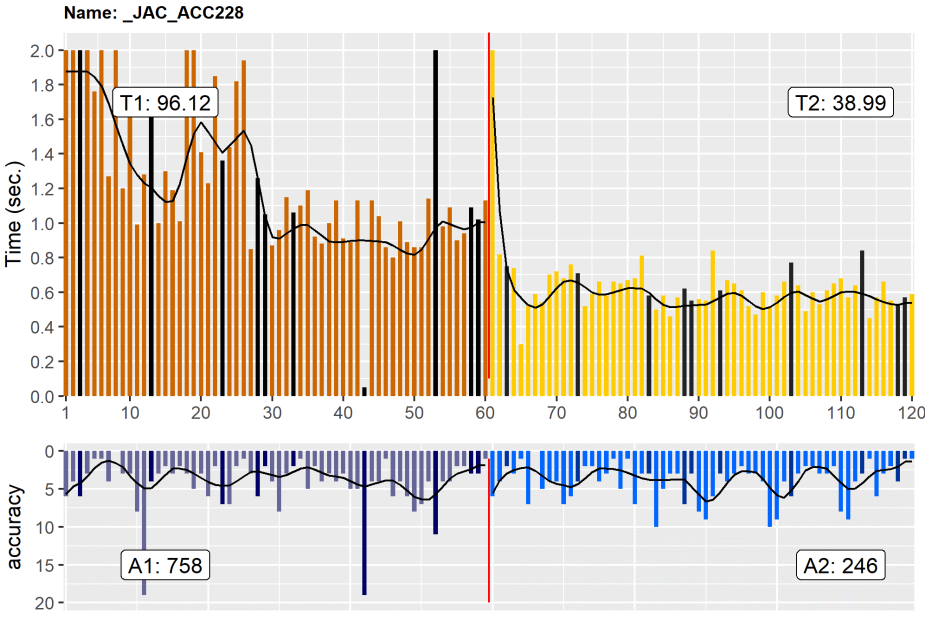

Рис. 2. Визуализация процесса решения задачи *компромисс скорость–точность* испытуемым, характер действий которого представляет парадокс: уменьшение времени решения увеличивает точность
Fig. 2. Process of solving the *speed–accuracy* tradeoff problem using the paradox pattern: a decrease in time increases the accuracy of the solution

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-123-132

распределения, как логнормального, при помощи критерия Колмогорова-Смирнова также оказалась неудачной.

Тем не менее оказалось возможным разделить испытуемых на несколько подгрупп по тому, что для некоторых из показателей времени или точности по различным фазам инструкции нормальность распределения была подтверждена (табл. 1). Соотношение частот встречаемости нормального распределения и отклоняющегося от него может быть использовано как своеобразный критерий оценки генеральной совокупности. Можно предположить, что различные механизмы решения задачи определяют нормальность распределения. Таким образом, нормальность распределения и характер проявления нормальности с точки зрения T1, T2, A1 и A2 возможно использовать как способ оценки индивидуальных различий с позиций решения когнитивных задач. Нормальность распределения хотя бы одного из основных показателей (T1, T2, A1, A2) возможно подтвердить менее чем у половины испытуемых (табл. 1).

Следующий этап обработки предусматривает использование средств, позволяющих оценить возможность связи между двумя основными переменными – время и пройденный путь, а также точность и пройденный путь. Обычно для этого достаточно знания о том, что величины распределены нормальным образом. Однако расширенные средства пакета *gvlma* [19] позволяют использовать целый комплекс критериев применимости линейной модели к эмпирическим данным. Даже при использовании сглаживания данных мы можем рассчитывать на то, что дисперсионный анализ может быть надежным методом оценки связи переменных не более чем в 620 случаях из 1024 (табл. 2). При этом логарифмическое преобразование в ряде случаев как увеличивает частоту положительных исходов, так и уменьшает ее. Преобразование Бокса-Кокса оказывается недостаточно эффективным и использовать его для такого рода задач нецелесообразно.

Несмотря на то, что дисперсионный анализ в соответствии с линейной моделью данных может оказаться недостаточно валидным, мы все же провели оценку связи между временем и точностью с его помощью [20]. В таблице 3 показано, как часто в выборке из 1024 задач, решенных различными испытуемыми, подтверждается гипотеза о связи времени и точности с длиной пройденного пути.

Табл. 1. Оценка частоты встречаемости нормального распределения в полной выборке
Tab. 1. Frequency of occurrence of the normal distribution in the full sample

Нормальность по тесту Шапиро-Уилка								
Частота нормального распределения	**T1**	**T1_log**	**A1**	**A1_log**	**T2**	**T2_log**	**A2**	**A2_log**
Исходные данные	91	278	103	96	182	335	111	170
Удаление выбросов, переменная *время*	219	512	115	104	369	530	134	192
Удаление выбросов, переменная *точность*	103	364	168	78	200	405	223	158
Нормальность по тесту Лиллиенфорса								
Исходные данные	188	367	59	82	279	389	124	175
Удаление выбросов, переменная *время*	346	546	78	88	438	533	141	188
Удаление выбросов, переменная *точность*	192	469	96	67	287	460	190	145

Прим.: T1, A1 – последовательность значений времени и точности при решении инструкции на точность; T2, A2 – последовательность значений времени и точности при решении инструкции на время; постфикс _log указывает на вариант с преобразованием Бокса-Кокса.

Табл. 2. Оценка частоты соответствия критериям комплексного теста соответствия линейной модели при помощи пакета R gvlma
Tab. 2. Frequency of correspondence with the criteria of a complex test of compliance with a linear model using the R gvlma package

Частота / Условия	**T1**	**T1_log**	**A1**	**A1_log**	**T2**	**T2_log**	**A2**	**A2_log**
Исходные данные	111	250	354	214	189	260	354	309
Удаление выбросов, переменная *время*	332	502	387	232	475	483	400	339
Удаление выбросов, переменная *точность*	127	326	620	270	210	310	600	333

Прим.: T1, A1 – последовательность значений времени и точности при решении инструкции на точность; T2, A2 – последовательность значений времени и точности при решении инструкции на время; постфикс _log указывает на вариант с преобразованием Бокса-Кокса.

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-123-132

Табл. 3. Частота подтверждения гипотезы о связи времени и точности для основных показателей методики *компромисс скорость–точность* (команда lm пакета R)
Tab. 3. Confirmation of the hypothesis about the relationship between time and accuracy for the main indicators of the *speed–accuracy* tradeoff method (lm command of the R package)

Условия \ Частота	T1	T1_log	A1	A1_log	T2	T2_log	A2	A2_log
Исходные данные	91	213	80	48	162	219	86	65
Удаление выбросов, переменная время	289	446	101	51	430	437	100	73
Удаление выбросов, переменная точность	107	273	151	61	189	263	134	75

Прим.: T1, A1 – последовательность значений времени и точности при решении инструкции на точность; T2, A2 – последовательность значений времени и точности при решении инструкции на время; постфикс _log указывает на вариант с преобразованием Бокса-Кокса.

Здесь мы обнаруживаем, что только для 430 испытуемых, действующих с инструкцией на скорость, подтверждается гипотеза о справедливости закона Фиттса. В том случае, если действия пользователя опосредуются требованиями быть точнее, это значение составляет не более четверти всех испытуемых. Эти данные могут сориентировать в уточнении гипотезы, однако не дают окончательного решения, т. к. основаны на методе анализа, который не вполне соответствует имеющейся модели данных и не учитывает влияния всех переменных.

Несколько более точную картину дает параметрический двухфакторный дисперсионный анализ, результаты которого мы здесь не приводим в полном объеме, однако частоты здесь оказываются несколько меньше. Гораздо более интересен вариант с оценкой двух зависимых переменных, подразумевающий многомерное распределение времени и точности решения задачи. Количество случаев многомерного нормального распределения для инструкции на точность, где независимая переменная – длина пути, зависимые – время и точность, оценивалось при помощи функции *mshapiro.test* из пакета *mvnormtest* [21]. Для фазы на точность количество подтвержденных случаев многомерного нормального распределения оказалось 64 из 1024, а для фазы на время – 91 из 1024. При этом функция *manova* из пакета *stats* показывает подтверждение гипотезы о связи между точностью и временем как зависимыми переменными и длиной пройденного пути как независимой, для этих случаев соответственно для 58 и 84 испытуемых. Речь здесь идет о сырых данных. В том случае, если производится сглаживание, то подтвержденные связи выглядят как 58 и 81 для удаления выбросов с точки зрения времени, и 13 и 20, если критерием для усреднения выбросов оказывается точность. Очевидно, что в этом случае гипотеза о связи между временем и точностью выполняется менее чем в 7 % случаев. Но и здесь мы ограничены в окончательных выводах, т. к. эмпирические данные недостаточно подходят для примененных вариантов анализа. Тем не менее мы предпринимаем такой подход как иллюстрацию того, насколько легко применение очевидных подходов может стать источником заблуждений.

Применение непараметрического дисперсионного анализа дает заметно отличающийся результат, который также в большей степени согласуется с теоретическими представлениями. Так, метод *adonis* из пакета *vegan* [22] показывает частоту подтверждения гипотезы о связи времени и точности с длиной пройденного пути в диапазоне от 858 до 882 случаев из 1024 в одномерном варианте.

Наиболее надежными оказываются результаты перестановочного дисперсионного анализа. В однофакторном варианте мы видим следующие частоты:

- время на первой фазе задачи – длина пройденного пути: 731 подтвержденный случай связи;
- точность на первой фазе задачи – длина пройденного пути: 176 подтвержденных случев связи;
- время на второй фазе задачи – длина пройденного пути: 882 подтвержденных случая связи;
- точность на второй фазе задачи – длина пройденного пути: 223 подтвержденных случая связи.

Основной вывод: несмотря на то, что в большинстве случаев закономерность, установленная в законе Фиттса, выполняется для переменной *время решения*, остается большое количество случаев, когда это не так. Более того, в отношении переменной *точность решения* эта закономерность не работает в большинстве случаев. Важным кажется нам вывод, что однозначной закономерности в распределении связи времени точности и пройденного пути нет с точки зрения тех целей, которые мы ставим перед испытуемыми. Это же справедливо и в той части, которую исследователь не всегда может непосредственно проконтролировать. Так мы можем видеть, что часть испытуемых не принимает целей, поставленных в инструкции, и решает обе части задачи, ориентируясь только на скорость. Об этом свидетельствует равенство показателей кумулят T1 и T2.

Решение задачи выделения отдельных типов действий пользователей может быть проведено при помощи кластерного анализа [23]. В данном случае использовался метод *K-means* [24]. В одной из наших предыдущих работ [25],

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-123-132

Табл. 4. Результат кластерного анализа для 7 кластеров
Tab. 4. Cluster analysis result for 7 clusters

Количество участников	mean_t1	mean_t2	mean_a1	mean_a2
8	438	158,5	4,695	3,848
10	65,22	20,47	42,51	79,73
27	237,2	92,16	6,954	3,904
91	150,2	79,81	5,502	5,078
232	105,8	62,79	4,893	5,809
299	50,97	37,49	8,173	10,58
355	75,62	50,64	5,618	7,131

мы выделили пять основных типов действий пользователей, основываясь на визуализации результатов решения задач. Имея более представительную выборку, мы можем провести эту работу более объективно при помощи статистических методов. При этом для оценки результатов кластерного анализа можно использовать в качестве содержательного критерия предварительно установленные закономерности. Мы будем ориентироваться на возможность получения не менее пяти кластеров, некоторые из которых должны обладать характерными признаками. Одним из таких признаков является изображенный на рис. 2 парадоксальный вариант решения. Еще одним признаком будем считать упомянутую ранее близость времени выполнения на первой и второй фазах задачи. Таким образом, мы оценивали четыре варианта решения: на пять, шесть, семи и восемь кластеров. Первые два варианта были отброшены, т. к. не удовлетворяли содержательному критерию на количество кластеров. Дело в том, что в этих случаях мы выявляли по два кластера, имеющих в составе восемь и менее испытуемых. Очевидно, что здесь мы сталкиваемся со статистической лакуной, не представляющей реальной тенденции. Аналогичный эффект мы можем видеть и в двух остальных случаях, однако здесь мы можем иметь соответственно пять и шесть интерпретируемых факторов.

Результаты анализа из 7 кластеров показаны в таблице 4. Несмотря на то, что результаты анализа получены как для сырых данных, так и сглаженных, мы показываем только вариант, прошедший через удаление выбросов с точки зрения параметра времени. Первый столбец показывает количество участников, вошедших в кластер, четыре последующие столбца отражают средние арифметические величины четырех основных последовательностей данных – времени и точности соответственно на первой и второй фазе задачи. Два младших кластера не проходят критерий количества. Третий кластер, состоящий из 27 участников, иллюстрирует парадоксальную стратегию. Четвертый кластер соответствует стратегии нечувствительности к требованиям повышения

Табл. 5. Результат кластерного анализа для 8 кластеров
Tab. 5. Cluster analysis result for 8 clusters

Количество участников	mean_t1	mean_t2	mean_a1	mean_a2
8	438	158,5	4,695	3,848
24	242,1	92,92	6,864	3,819
51	164,2	88,18	5,673	4,462
107	40,92	30,9	13,18	17,64
116	126,3	66,42	5,983	8,358
174	99,14	61,15	4,761	5,698
246	78,71	52,52	5,764	7,013
296	59,23	41,92	6,358	8,493

точности. Остальные три кластера характеризуют различную степень проявления оптимальной стратегии.

В результатах кластерного анализа для восьми кластеров описанные тенденции предстают в детализированном виде (табл. 5). Парадоксальному стилю решения соответствует уже 2 фактора общей емкостью 75 испытуемых. Оставшиеся 5 факторов, подлежащие интерпретации, могут быть отнесены к оптимальному стилю, однако заметно большое различие во времени, которое тратят на решение различные группы. Очевидно, что дальнейшая типология может быть проведена путем более глубокого анализа закономерностей, в том числе частотного распределения данных. В рамках данной статьи этот подход не может быть рассмотрен в связи с его значительным объемом и информативностью. Однако это и задает перспективы дальнейшего исследования.

Заключение

Установка на скорость или точность решения задачи в пространственном определении цели приводит к статистически существенным различиям как времени, так и показателей точности, что может интерпретироваться с точки зрения привлечения испытуемым различных механизмов решения задач. Можно ожидать, что таким образом возможна дифференциация таких видов движения, которые имеют программную основу или выполняются со значительным вкладом визуальной коррекции. Различия в результатах испытуемых определяются наличием специфических навыков, которые можно интерпретировать как функциональные органы, специфические психологические новообразования, источником которых является возраст, предшествующий опыт решения аналогичных задач, готовность принять задачу и т. д.

Введение дополнительных независимых переменных позволяет определить наличие различных навыков решения когнитивной задачи и уточнить характер этих навыков – пространственно-временные характеристики,

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-123-132

генез, устойчивость, зависимость от различных факторов. В большинстве случаев время решения задачи *компромисс скорость–точность* зависит от длины пути, который нужно преодолеть для поражения цели, однако в ряде случаев такая закономерность не фиксируется. Это можно обнаружить в результатах дисперсионного анализа. Точность решения задачи *компромисс скорость–точность* в меньшей степени зависит от длины пути, который нужно преодолеть для поражения цели. Существуют парадоксальные варианты решения задачи *компромисс скорость–точность*, подразумевающие объяснение с точки зрения механизмов, выходящих за пределы традиционного представления о сенсомоторных реакциях.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Финансирование: Результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 0721-2020-0040.

Литература

1. Fitts P. M. The information capacity of the human motor system in controlling the amplitude of movement // Journal of Experimental Psychology. 1954. Vol. 47. № 6. P. 381–391. DOI: 10.1037/h0055392
2. Hoffmann E. R., Drury C. G. Comment on "Visual layout modulates Fitts's law: The importance of first and last positions" // Psychon Bull Rev. 2012. Vol. 19. P. 146–150. DOI: 10.3758/s13423-011-0183-9
3. Tang R., Shen B., Sang Z., Song A., Goodale M. A. Fitts' Law is modulated by movement history // Psychon Bull Rev. 2018. Vol. 25. P. 1833–1839. DOI: 10.3758/s13423-017-1367-8
4. Augustyn J. S., Rosenbaum D. A. Metacognitive control of action: Preparation for aiming reflects knowledge of Fitts's law // Psychon Bull Rev. 2005. Vol. 12. P. 911–916. DOI: 10.3758/BF03196785
5. Zhai S., Kong J., Ren X. Speed-accuracy tradeoff in Fitts' law tasks: on the equivalency of actual and nominal pointing precision // International Journal of Human-Computer Studies. 2004. Vol. 61. № 6. P. 823–856. DOI: 10.1016/j.ijhcs.2004.09.007
6. Gorniak S. L. The relationship between task difficulty and motor performance complexity // Attention, Perception, & Psychophysics. 2019. Vol. 81. P. 12–19. DOI: 10.3758/s13414-018-1634-4
7. Stanovich K. E., Pachella R. G. The effect of stimulus probability on the speed and accuracy of naming alphanumeric stimuli // Bull. Psychon. Soc. 1976. Vol. 8. P. 281–284. DOI: 10.3758/BF03335140
8. Karşılar H., Simen P., Papadakis S., Balcı F. Speed accuracy trade-off under response deadlines // Front. Neurosci. 2014. Vol. 8. DOI: 10.3389/fnins.2014.00248
9. Starns J. J., Ratcliff R. The effects of aging on the speed-accuracy compromise: Boundary optimality in the diffusion model // Psychol Aging. 2010. Vol. 25. № 2. P. 377–390. DOI: 10.1037/a0018022
10. Sleimen-Malkoun R., Temprado J.-J., Berton E. Age-related changes of movement patterns in discrete Fitts' task // BMC Neurosci. 2013. Vol. 14. DOI: 10.1186/1471-2202-14-145
11. Bogacz R., Wagenmakers E.-J., Forstmann B. U., Nieuwenhuis S. The neural basis of the speed–accuracy tradeoff // Trends Neurosci. 2010. Vol. 33. № 1. P. 10–16. DOI: 10.1016/j.tins.2009.09.002
12. Liu C. C., Watanabe T. Accounting for speed–accuracy tradeoff in perceptual learning // Vision Research. 2012. Vol. 61. P. 107–114. DOI: 10.1016/j.visres.2011.09.007
13. Boag R. J., Strickland L., Loft S., Heathcote A. Strategic attention and decision control support prospective memory in a complex dual-task environment // Cognition. 2019. Vol. 191. DOI: 10.1016/j.cognition.2019.05.011
14. Miletić S., Boag R. J., Forstmann B. U. Mutual benefits: Combining reinforcement learning with sequential sampling models // Neuropsychologia. 2020. Vol. 136. DOI: 10.1016/j.neuropsychologia.2019.107261
15. Позолотин В. Е., Султанова Е. А. Применение алгоритмов преобразования данных при анализе временных рядов на предмет устранения выбросов // Программные системы и вычислительные методы. 2019. № 2. С. 33–42. DOI: 10.7256/2454-0714.2019.2.28279
16. Kabacoff R. R in Action. Shelter Island. N. Y., USA: Manning publications, 2011. 472 p.
17. Fox J., Weisberg S. An R companion to applied regression. Thousand Oaks CA: Sage, 2011. 608 p.
18. Gross J., Ligges U. Nortest: Tests for normality. Nortest. R package version 1.0-4. 2015.
19. Pena E. A., Slate E. H. Gvlma: Global validation of linear models assumptions. R package version 1.0.0.2. 2014.
20. Faraway J. J. Extending the linear model with R: generalized linear, mixed effects and nonparametric regression models. 2nd ed. CRC press, 2016. 413 p. DOI: 10.1201/9781315382722
21. Jarek S. Mvnormtest: Normality test for multivariate variables. R package version 0.1-9. 2012.
22. Oksanen J., Blanchet F. G., Friendly M., Kindt R., Legendre P., McGlinn D., Minchin P., O'Hara R., Simpson G., Solymos P., Stevens H., Szöcs E., Wagner H. Vegan: Community ecology package. R package version 2.5-2. 2018.

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-123-132

23. Blashfield R. K., Aldenderfer M. S. The literature on cluster analysis // Multivariate Behav Res. 1978. Vol. 13. № 3. P. 271–295. DOI: 10.1207/s15327906mbr1303_2
24. Celebi M. E., Kingravi H. A., Vela P. A. A comparative study of efficient initialization methods for the k-means clustering algorithm // Expert systems with applications. 2013. Vol. 40. № 1. P. 200–210. DOI: 10.1016/j.eswa.2012.07.021
25. Баланёв Д. Ю. Возможности визуализации результатов экспериментального исследования компромисса скорость–точность // Экспериментальная психология в России: традиции и перспективы / ред. В. А. Барабанщиков. М.: ИП РАН, 2010. С. 80–86.

original article

The Speed–Accuracy Tradeoff as a Subject of Psychological Analysis

Dmitriy Yu. Balanev
Tomsk State University, Russia, Tomsk
balanevd@gmail.com
https://orcid.org/0000-0001-9461-7973

Ekaterina V. Bredun
Tomsk State University, Russia, Tomsk
https://orcid.org/0000-0003-4214-8065

Received 26 Jan 2021. Accepted 29 Mar 2021.

Abstract: The present research featured the regularities, according to which the accuracy of human movements is associated with the length of these movements and time. The author considered the speed–accuracy tradeoff problem by analyzing the procedural aspect of cognitive performance. The experiment included more than a thousand participants and was performed on a portable touch screen device that tested the subject's attitude to solving problems in terms of speed or accuracy. The research objective was to identify significantly different ways of solving the speed–accuracy tradeoff dilemma. At the fine motor level, the participants failed to accomplish a one-to-one correspondence between target area and target time. This ambiguity was a manifestation of various cognitive strategies for performing a speed–accuracy tradeoff task. The Fitts law violations were determined using a wide range of statistical methods and manifested themselves at the level of criteria analysis for the normality of data distribution, types of variance analysis, and multivariate data analysis. The cluster analysis could register various strategies for performing the speed–accuracy tradeoff task. Additional variables, e.g. professional status of the subjects, made it possible to interpret the differences according to specific skills in solving cognitive tasks and to clarify the nature of these skills.
Keywords: Fitts law, task, motion, time, analysis of variance, skill, cluster analysis

Citation: Balanev D. Yu., Bredun E. V. The Speed–Accuracy Tradeoff as a Subject of Psychological Analysis. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(1): 123–132. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-123-132

Conflicting interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Funding: The research was part of the state task of the Russian Ministry of Education and Science, project No. 0721-2020-0040.

References

1. Fitts P. M. The information capacity of the human motor system in controlling the amplitude of movement. *Journal of Experimental Psychology*, 1954, 47(6): 381–391. DOI: 10.1037/h0055392
2. Hoffmann E. R., Drury C. G. Comment on "Visual layout modulates Fitts's law: The importance of first and last positions". *Psychon Bull Rev,* 2012, 19: 146–150. DOI: 10.3758/s13423-011-0183-9
3. Tang R., Shen B., Sang Z., Song A., Goodale M. A. Fitts' Law is modulated by movement history. *Psychon Bull Rev*, 2018, 25: 1833–1839. DOI: 10.3758/s13423-017-1367-8
4. Augustyn J. S., Rosenbaum D. A. Metacognitive control of action: Preparation for aiming reflects knowledge of Fitts's law. *Psychon Bull Rev,* 2005, 12: 911–916. DOI: 10.3758/BF03196785
5. Zhai S., Kong J., Ren X. Speed-accuracy tradeoff in Fitts' law tasks: on the equivalency of actual and nominal pointing precision. *International Journal of Human-Computer Studies*, 2004, 61(6): 823–856. DOI: 10.1016/j.ijhcs.2004.09.007
6. Gorniak S. L. The relationship between task difficulty and motor performance complexity. *Attention, Perception, & Psychophysics*, 2019, 81: 12–19. DOI: 10.3758/s13414-018-1634-4

© 2021. The Author(s). This article is distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-123-132

7. Stanovich K. E., Pachella R. G. The effect of stimulus probability on the speed and accuracy of naming alphanumeric stimuli. *Bull. Psychon. Soc.*, 1976, 8: 281–284. DOI: 10.3758/BF03335140
8. Karşılar H., Simen P., Papadakis S., Balcı F. Speed accuracy trade-off under response deadlines. *Front. Neurosci.*, 2014, 8. DOI: 10.3389/fnins.2014.00248
9. Starns J. J., Ratcliff R. The effects of aging on the speed-accuracy compromise: Boundary optimality in the diffusion model. *Psychol Aging*, 2010, 25(2): 377–390. DOI: 10.1037/a0018022
10. Sleimen-Malkoun R., Temprado J.-J., Berton E. Age-related changes of movement patterns in discrete Fitts' task. *BMC Neurosci*, 2013, 14. DOI: 10.1186/1471-2202-14-145
11. Bogacz R., Wagenmakers E.-J., Forstmann B. U., Nieuwenhuis S. The neural basis of the speed–accuracy tradeoff. *Trends Neurosci*, 2010, 33(1): 10–16. DOI: 10.1016/j.tins.2009.09.002
12. Liu C. C., Watanabe T. Accounting for speed–accuracy tradeoff in perceptual learning. *Vision Research*, 2012, 61: 107–114. DOI: 10.1016/j.visres.2011.09.007
13. Boag R. J., Strickland L., Loft S., Heathcote A. Strategic attention and decision control support prospective memory in a complex dual-task environment. *Cognition*, 2019, 191. DOI: 10.1016/j.cognition.2019.05.011
14. Miletić S., Boag R. J., Forstmann B. U. Mutual benefits: Combining reinforcement learning with sequential sampling models. *Neuropsychologia*, 2020, 136. DOI: 10.1016/j.neuropsychologia.2019.107261
15. Pozolotin V. E., Sultanova E. A. Application of data transformation algorithms in time series analysis for elimination of outliers. *Software systems and computational methods*, 2019, (2): 33–42. (In Russ.) DOI: 10.7256/2454-0714.2019.2.28279
16. Kabacoff R. *R in Action. Shelter Island*. N. Y., USA: Manning publications, 2011, 472.
17. Fox J., Weisberg S. *An R companion to applied regression*. Thousand Oaks CA: Sage, 2011, 608.
18. Gross J., Ligges U. *Nortest: Tests for normality. Nortest.* R package version 1.0-4. 2015.
19. Pena E. A., Slate E. H. *Gvlma: Global validation of linear models assumptions*. R package version 1.0.0.2. 2014.
20. Faraway J. J. *Extending the linear model with R: generalized linear, mixed effects and nonparametric regression models*, 2nd ed. CRC press, 2016, 413. DOI: 10.1201/9781315382722
21. Jarek S. *Mvnormtest: Normality test for multivariate variables*. R package version 0.1-9. 2012.
22. Oksanen J., Blanchet F. G., Friendly M., Kindt R., Legendre P., McGlinn D., Minchin P., O'Hara R., Simpson G., Solymos P., Stevens H., Szöcs E., Wagner H. *Vegan: Community ecology package*. R package version 2.5-2. 2018.
23. Blashfield R. K., Aldenderfer M. S. The literature on cluster analysis. *Multivariate Behav Res.*, 1978, 13(3): 271–295. DOI: 10.1207/s15327906mbr1303_2
24. Celebi M. E., Kingravi H. A., Vela P. A. A comparative study of efficient initialization methods for the k-means clustering algorithm. *Expert systems with applications*, 2013, 40(1): 200–210. DOI: 10.1016/j.eswa.2012.07.021
25. Balanev D. Yu. Possibilities of visualizing the results of the experimental study of the speed-accuracy tradeoff. *Experimental psychology in Russia: traditions and prospects*, ed. Barabanschikov V. A. Moscow: IP RAN, 2010, 80–86. (In-Russ.)

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-133-142

оригинальная статья
УДК 159

Эмоциональные компетенции в структуре параметров психологического здоровья старшеклассников с разной степенью вовлеченности в виртуальные коммуникации

Ирина Валерьевна Белашева
Северо-Кавказский федеральный университет, Россия, г. Ставрополь
https://orcid.org/0000-0002-1289-2224

Светлана Владимировна Шумакова
Северо-Кавказский федеральный университет, Россия, г. Ставрополь
nishchitenko@inbox.ru
https://orcid.org/0000-0002-1716-2765

Поступила в редакцию 09.03.2021. Принята к печати 29.03.2021.

Аннотация: Проведено исследование межличностных и внутриличностных эмоциональных компетенций как параметров психологического здоровья старшеклассников с разной степенью вовлеченности в виртуальные коммуникации. Представлены результаты эмпирического исследования внутрисистемных взаимодействий параметров психологического здоровья (нервно-психическая устойчивость, параметры саморегуляции, волевые качества личности, параметры самоотношения и самовосприятия, нравственная самооценка, смысложизненные ориентации, позитивная адаптация к социальному окружению) и межличностных и внутриличностных эмоциональных компетенций в группах старшеклассников с разным уровнем киберкоммуникативной зависимости. Проведенное исследование показало, что высокий уровень киберкоммуникативной зависимости связан с низкими показателями структурных компонентов психологического здоровья (волевые качества, система саморегуляции поведения и смысложизненные ориентации), а несформированные компоненты межличностных и внутриличностных эмоциональных компетенций (понимание эмоций, контроль экспрессии, управление и понимание эмоций других людей) могут выступать в качестве маркеров киберкоммуникативной зависимости у старшеклассников. Обнаруженные корреляционные связи на высоком уровне значимости позволяют предположить возможность включения межличностных и внутриличностных эмоциональных компетенций в число валидных диагностических критериев психологического здоровья старшеклассников в условиях виртуальных коммуникаций.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, внутриличностные эмоциональные компетенции, межличностные эмоциональные компетенции, киберкоммуникативная зависимость, нервно-психическая устойчивость, психологическое здоровье

Цитирование: Белашева И. В., Шумакова С. В. Эмоциональные компетенции в структуре параметров психологического здоровья старшеклассников с разной степенью вовлеченности в виртуальные коммуникации // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 1. С. 133–142. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-133-142

Введение

В современных условиях цифровизации общества и перевода определенной части деловых и межличностных коммуникаций в виртуальную среду в психологических исследованиях актуализируется проблема возможных угроз психологической безопасности и психологическому здоровью населения, особенно для детей и подростков с характерной для их возраста несформированностью системы эмоционально-личностной регуляции и механизмов санации собственного психического состояния. Нам представляется, что в исследовании психологического здоровья личности наиболее адекватным является системный подход, позволяющий объяснить основные виды связей между различными компонентами структуры психологического здоровья, с учетом того, что во взаимовлияниях эти компоненты образуют целостность и таким образом приобретают новые свойства, в том числе компенсаторного характера.

Анализ исследований психологического здоровья показал наличие разных точек зрения на предмет его компонентов и / или критериев. И. В. Дубровина [1] в качестве компонентов психологического здоровья выделяет развитую рефлексию, стрессоустойчивость, умение актуализировать внутренние ресурсы в трудной ситуации. А. Е. Созонов [2] основой психологического здоровья считает собственную внутреннюю сущность человека; Л. М. Аболин [3] – характер и динамику основных процессов, определяющих душевную жизнь индивида; К. А. Абульханова-Славская, Б. С. Братусь [4], С. Л. Рубинштейн – изменение параметров психической жизни личности и ее особенностей на разных этапах онтогенеза; В. С. Хомик [5] – полноту

© 2021. Авторы. Статья распространяется на условиях международной лицензии CC BY 4.0

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-133-142

эмоциональных и поведенческих проявлений личности; И. И. Галецкая [6] – способность находить, поддерживать и развивать интрапсихическое и интерперсональное равновесие. А. В. Шувалов [7], рассматривая психологическое здоровье как личностное, как научный эквивалент здоровья духовного, определяет в качестве его критериев направленность развития и характер актуализации человеческого в человеке. Г. С. Никифоров [8] выделяет психологические факторы, коррелирующие со здоровьем / болезнью: когнитивные функции и процессы, поведенческие паттерны, выносливость, силу Я, эмоциональные паттерны.

К числу проявлений психологического нездоровья относятся: негативный субъективный статус (самочувствие, активность, настроение), снижение или полная утрата трудоспособности, уменьшение объема и степени мобилизации функциональных резервов, ухудшение адаптационных возможностей, ригидность реагирования, разрыв между потенциальными возможностями человека и их применением, наличие внутренней тревоги и механизмов психологической защиты, несформированная рефлексия, узость поведенческих и эмоциональных проявлений личности, наличие девиантных и делинквентных форм поведения, психических расстройств, химических и нехимических (поведенческих) аддикций и т. д. [1; 8; 9].

Особое значение в сохранении психологического здоровья имеет эмоциональная компетентность как система интер- и интраперсональных эмоциональных способностей, включающая понимание собственных эмоций и переживаний других людей, способность регулировать свои эмоциональные состояния и контролировать их внешние проявления, влиять на интенсивность эмоций и актуализировать эмоции у партнера по взаимодействию [10]. Ряд исследований показал значительные корреляции между внутриличностными и межличностными параметрами эмоционального интеллекта и субъективным благополучием личности (A. Avsec и др. [11; 12], E. N. Gallagher и D. A. Vella-Broderiok [13], J. M. A. Landa и др. [14]). В исследовании C.-K. Liang и др. определены взаимосвязи между самоконструируемыми и эмоциональными компонентами субъективного благополучия, которые составляют ядро психологического здоровья личности [15]. Исследования C. N. Othman и др. [16] доказали, что эмоциональный контроль, эмоциональная зрелость, эмоциональная сознательность позволяют сохранить психологическое здоровье как в стрессовых ситуациях, так и в привычной жизнедеятельности.

По мнению R. Bar-On, люди, осознающие свои и чужие эмоции, оценивают повседневные трудности как менее стрессовые и поэтому ощущают себя субъективно благополучными [17]. Д. Гоулман отмечает, что умение осознавать и контролировать свои эмоции, а также эмоции окружающих способствует снижению восприимчивости человека к различным болезням (астма, артрит, головные боли, пептическая язва и болезни сердца), позволяет сохранить психологическое благополучие и обеспечивает успешность профессиональной деятельности [18]. Е. Ю. Брель и И. Я. Стоянова на примере алекситимии, коррелирующей с усилением нарушений психосоматического спектра у пациентов с сердечно-сосудистыми расстройствами, отмечают, что осознание собственных эмоциональных переживаний, умение их идентифицировать и дифференцировать от соматических проявлений способствуют сохранению психологического здоровья [19].

Основной фокус нашего исследования направлен на сформированность внутриличностных и межличностных эмоциональных способностей и компетенций как параметров психологического здоровья в условиях активного погружения в виртуальные коммуникации. Прежде всего, нас интересовали эти проявления у старших подростков и юношей (старшеклассников), поскольку общение со сверстниками выступает ведущим видом деятельности для них, определяя наиболее важные изменения в психических процессах и личностном функционировании.

В исследованиях Л. Д. Разумовой показано, что подростки умеют определять не только простые эмоции и их оттенки, но и некоторые сложные эмоциональные переживания (например, уверенность в себе), а также владеют выражением собственных чувств. Развитие коммуникативных навыков и умений вербализировать свои эмоции способствует лучшему распознаванию эмоций других людей [20]. Таким образом, у подростков идет активный процесс формирования эмоциональных компетенций.

Способность человека «читать» чувства других людей как важнейший компонент эмоционального интеллекта (EQ) [21] зависит от коммуникаций, причем во многом (от 65 % до 90 %) от невербальных каналов коммуникации, во всей полноте доступных только в реальном «живом» общении [22]. R. Rosenthal и R. Lawson доказали, что общий коэффициент EQ напрямую связан с этой способностью [23].

Современные реалии таковы, что имеет место масштабный перенос общения подростков в формат виртуальных коммуникаций. По данным результата опроса Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), 68 % старшеклассников (14–16 лет) практически постоянно находятся в режиме онлайн-общения. В психологической науке сформировалось несколько ключевых исследовательских проблем, связанных с влиянием виртуальных коммуникаций и погруженности в интернет-пространство на психику: как изменяются психические функции в плане их структурирования и реализации; как трансформируется образ Я и осуществляются процессы идентификации; как изменяются представления о времени, пространстве и собственной личности; насколько деструктивными являются изменения в аспекте реальных социальных взаимоотношений и др.

Основные теоретические предпосылки нашего исследования заключаются в следующем:

1. К исследовательскому конструкту *психологическое здоровье* мы подходим с позиции И. В. Дубровиной [1], согласно которой в качестве диагностических критериев

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-133-142

психологического здоровья старшеклассников можно выделить: нервно-психическую устойчивость, параметры саморегуляции, волевые качества личности, параметры самоотношения и самовосприятия, нравственную самооценку, смысложизненные ориентации, позитивную адаптацию к социальному окружению.

2. Внутриличностные и межличностные эмоциональные компетенции могут рассматриваться как параметры психологического здоровья через доказанное в ряде исследований влияние на субъективное, психологическое благополучие человека и успешность самореализации.

3. Степень вовлеченности в виртуальные коммуникации в контексте формирования киберкоммуникативной зависимости является одним из проявлений психологического здоровья в континууме *здоровье – пограничное состояние – нездоровье*.

Цель – изучить внутриличностные и межличностные эмоциональные компетенции как параметры психологического здоровья у старшеклассников с разной степенью вовлеченности в виртуальные коммуникации.

Методы и материалы

В исследовании приняли участие 320 старшеклассников из двух общеобразовательных школ и двух лицеев г. Ставрополь в возрасте от 15 до 17 лет (167 девушек и 153 юноши).

Для оценки степени вовлеченности старшеклассников в виртуальные коммуникации использовался опросник А. В. Тончевой [24]; для оценки состояния направленности личности на достижение смысложизненных ценностей и смысла жизни – тест смысложизненных ориентаций (методика СЖО) Д. А. Леонтьева [25]; параметры самоотношения исследовались с помощью соответствующей методики С. Р. Пантилеева [26]; для изучения уровня нравственной самооценки использовалась методика Л. Н. Колмогорцевой [27]; для определения особенностей адаптации к социальному окружению – метод социометрии (Я. Л. Морено) [28]; для оценки нервно-психической устойчивости – методика «Прогноз» ЛВМА им. С. М. Кирова [29]; для изучения системы саморегуляции – опросник «Стиль саморегуляции поведения» В. И. Моросановой [30]; для диагностики волевых качеств личности – опросник «Волевые качества личности» М. В. Чумакова [31]; для изучения внутриличностных и межличностных эмоциональных компетенций – опросник эмоционального интеллекта «ЭмИн» Д. В. Люсина [32]. Статистический анализ данных осуществлялся с применением метода ранговой корреляции Спирмена, Н-критерия Краскала-Уоллиса и первичного частотного анализа.

Результаты

По данным, полученным по методике А. В. Тончевой, старшеклассники были разделены на две группы по уровню киберкоммуникативной зависимости (КЗ): 1 группа – старшеклассники с низким и средним, с тенденцией к низкому, уровнем КЗ (58,5 %); 2 группа – с высоким и средним, с тенденцией к высокому, уровнем КЗ (41,5 %). Наличие аддикции как неконтролируемой потребности школьников в определенном виде деятельности (виртуальном общении) позволяет говорить о снижении уровня психологического здоровья у них, поэтому дальнейший анализ результатов ориентирован на определение изменений параметров психологического здоровья в группе киберкоммуникативно зависимых школьников в сравнении с группой киберкоммуникативно независимых.

При анализе системы смысложизненных ориентаций старшеклассников с различным уровнем КЗ были выявлены статистически значимые корреляции между показателями КЗ и шкалами *Процесс* ($r=-0{,}177$, $p<0{,}01$), *Результат* ($r=0{,}133$, $p<0{,}05$), а также шкалой *Общий показатель осмысленности жизни* ($r=-0{,}112$, $p<0{,}05$), которая характеризует восприятие испытуемым процесса своей жизни, удовлетворенность или неудовлетворенность своей жизнью в настоящем. Корреляции со шкалами *Цели*, *Локус контроля – Я* и *Локус контроля – жизнь* составили соответственно –0,42; 0,002 и –0,074.

Учитывая особенности интерпретации данной диагностической методики, следует отметить, что положительная корреляционная связь между КЗ и результативностью жизни (шкала *Результат*), отражающей удовлетворенность самореализацией, означает, что киберкоммуникативно зависимые старшеклассники более ориентированы на прошлое и в нем находят источник смысла жизни. В то же время отрицательная корреляция с общим показателем осмысленности жизни свидетельствует о неудовлетворенности киберкоммуникативно зависимых старшеклассников своей жизнью в настоящем. Отрицательная корреляция с показателем процесса жизни (шкала *Процесс*), отражающим интерес и эмоциональную насыщенность жизни, дополнительно подтверждает неудовлетворенность своей жизнью в настоящем у киберкоммуникативно зависимых старшеклассников, при этом смысл жизни им могут придавать воспоминания о прошлом или ориентация в будущее.

Анализ показателей и уровня значимости r-критерия корреляций Пирсона между шкалой КЗ и шкалами методик диагностики нравственной самооценки (Л. Н. Колмогорцева), самоотношения (С. Р. Пантилеев), социометрии (Я. Морено) определил отсутствие значимых связей: Самоуверенность (0,043), Самоценность (–0,040), Самопринятие (0,007), Нравственная самооценка (–0,016), Успешность в обществе (0,020). Таким образом, не доказана изменчивость этих параметров психологического здоровья у киберкоммуникативно зависимых старшеклассников.

Частотный анализ показателей успешности старшеклассников в социуме выявил, что в группе киберкоммуникативно независимых старшеклассников процент успешных больше, чем в группе аддиктов (46 % и 34 % соответственно), но различия не достоверны. Отсутствие

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-133-142

связи между показателями КЗ и шкалами *Самоуверенность*, *Самоценность* и *Самопринятие* свидетельствует о том, что в группе аддиктов могут находиться старшеклассники с различным уровнем самоотношения, в том числе и самооценки. Данные других исследователей расходятся. Так, в исследованиях индивидуальных особенностей подростков, предрасположенных к интернет-зависимости [33], было показано, что для групп подростков со средним и высоким уровнем зависимости характерна низкая самооценка. Е. Ю. Сирота приводит данные по подросткам и студентам, которые часто посещают ресурс *ВКонтакте*: робость, пугливость и неуверенность в себе являются маловыраженными их чертами [34].

В нашем исследовании показатели нравственной самооценки старшеклассников как эмоционально-ценностного отношения к своим личностным качествам, поступкам и действиям, основанного на этических знаниях и нравственных чувствах, одинаковы в группах аддиктов и киберкоммуникативно независимых старшеклассников. Вероятно, КЗ не связана со снижением общего уровня самооценки и нравственной самооценки, поскольку виртуальное общение в среде сверстников оценивается как необходимый атрибут современного молодого человека.

Проведенный сравнительный частотный анализ позволяет отметить, что для старшеклассников с высоким и средним уровнями КЗ в меньшей степени свойственна нервно-психическая устойчивость (НПУ) (методика «Прогноз»), чем для группы киберкоммуникативно независимых учащихся (рис. 1). Но значимые корреляции между КЗ и уровнем НПУ нами не были обнаружены. При этом некоторые исследователи предлагают рассматривать НПУ в качестве главного фактора в процессе профилактики интернет-зависимости подростков [35].

Диагностика индивидуальных особенностей осознанной саморегуляции произвольной активности позволила построить индивидуальные профили саморегуляции старшеклассников с различными уровнями КЗ. Были обнаружены семь типов профилей, частотное распределение которых в группах сравнения представлено в таблице. Обращает на себя внимание тот факт, что у старшеклассников с высоким уровнем КЗ чаще встречаются профили, отличающиеся сформированностью регуляторных процессов моделирования и несформированностью процессов планирования, в отличие от старшеклассников с низким уровнем КЗ, у которых процессы планирования чаще всего сформированы. Эти различия подтверждаются статистически Н-критерием Краскала-Уоллиса.

Была определена взаимосвязь высокого уровня значимости между показателями КЗ и общим уровнем саморегуляции ($r=0{,}453$, $p<0{,}01$). Полученные результаты сравнительного анализа профилей саморегуляции старшеклассников с различным уровнем КЗ, применение статистического критерия ранговой корреляции в двух группах сравнения позволяют нам сделать вывод о сформированной саморегуляции, особенно процессов планирования, как факторе психологического благополучия учащихся в контексте возможного деструктивного воздействия примата коммуникаций в виртуальной среде по отношению к «живым» коммуникациям.

При исследовании устойчивых диспозиций личности, определяющих предрасположенность старшеклассников проявлять волевые усилия, была обнаружена статистически достоверная отрицательная взаимосвязь между показателями КЗ и *общим показателем волевых качеств* ($r=-0{,}137$, $p<0{,}05$), показателями по шкалам *Выдержка* ($r=-0{,}629$, $p<0{,}01$) и *Настойчивость* ($r=-0{,}432$, $p<0{,}01$); положительная корреляция обнаружена со шкалой *Ответственность* ($r=0{,}127$, $p<0{,}05$). Корреляции с другими шкалами составили: Инициативность (–0,006), Решительность (–0,004), Самостоятельность (–0,042), Энергичность (0,096), Внимательность (0,063), Целеустремленность (–0,016).

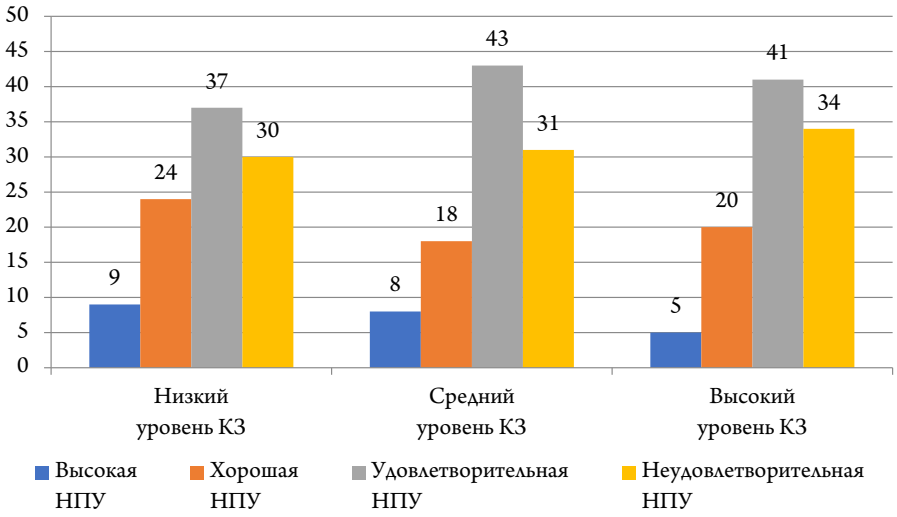

Рис. 1. Частотное распределение показателей НПУ старшеклассников с различным уровнем КЗ
Fig. 1. Frequency distribution of neuropsychic stability indicators in high school students with different levels of cybercommunicative addiction

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-133-142

Табл. Частотное распределение профилей саморегуляции в группах старшеклассников с различным уровнем КЗ
Tab. Frequency distribution of self-regulation profiles in high school students with different levels of cyber-communication addiction

Профиль	Характеристика профиля самоорегуляции	Независимые	Зависимые
Профиль 1	Высокое развитие процессов планирования целей и программирования действий, по сравнению с моделированием значимых условий достижения цели и оцениванием результатов действий	26 %	15 %
Профиль 2	Сформированные регуляторные звенья моделирования и оценки результатов, низкое развитие звена планирования и программирования, высокий общий уровень саморегуляции	16 %	16 %
Профиль 3	Низкая сформированность процесса планирования и высокий уровень развития процесса моделирования	13 %	18 %
Профиль 4	Недостаточная осознанность целей деятельности, фрагментарность и неустойчивость планов; развитость регуляторной гибкости, позволяющая быть восприимчивым ко всему новому, определяющая хорошую приспособляемость и социальную адаптивность	14 %	15 %
Профиль 5	Четкость в постановке целей деятельности, тщательное планирование, организованность, энергичность, быстрая переключаемость с одного вида деятельности на другой	12 %	14 %
Профиль 6	Развитость звена планирования поведения и деятельности, недостаточное развитие звена моделирования	9 %	12 %
Профиль 7	Упорство в достижении целей, чрезмерная детализация программы действий, повышенная аккуратность	10 %	10 %

Эти результаты говорят в пользу того, что у подростков, несдержанных в эмоциональных проявлениях, испытывающих трудности при необходимости переносить нагрузки или выполнять неинтересную работу, легко деморализующихся при неудачах и часто отказывающихся от намеченного под влиянием препятствий, выше вероятность формирования КЗ. В то же время для них характерна обязательность, дисциплинированность и старательность при выполнении своих обязанностей. У автора опросника «Волевые качества личности» М. В. Чумакова [31] есть ссылка на повышенную тревожность у испытуемых с высокими показателями по шкале *ответственность*, а также на положительную корреляцию этой шкалы с фактором G 16-факторного опросника Кеттелла (нормативность поведения), что опосредованно указывает на связь между КЗ, тревожностью и тенденцией к высокой нормативности поведения.

Корреляционный анализ показал наличие достоверных взаимосвязей между показателями КЗ и шкалами эмоционального интеллекта ($p<0,01$), что свидетельствует об их прогностической значимости как маркеров психологического здоровья у старшеклассников, вовлеченных в виртуальные коммуникации: общий уровень эмоционального интеллекта ($r=-0,405$), внутриличностный эмоциональный интеллект ($r=-0,381$), межличностный эмоциональный интеллект ($r=-0,376$), понимание чужих эмоций ($r=-0,349$).

Обнаружены отрицательные корреляции КЗ как с внутриличностными эмоциональными компетенциями, так и межличностными эмоциональными компетенциями. Низкая способность старшеклассников понимать и анализировать собственные эмоции и эмоции других людей, различать их и использовать эту информацию для управления мышлением и действиями приводит к ощущению низкой самоэффективности в общении, формированию чувства непонятости и, как следствие, к поиску новых реальностей и возможности перевести «живое» взаимодействие в виртуальные коммуникации. Это, вероятно, создает предпосылки для формирования КЗ.

Исходные корреляционные матрицы КЗ, компонентов психологического здоровья, внутриличностных и межличностных эмоциональных компетенций представлены в виде графов (рис. 2, рис. 3).

На графе рис. 2 отображены достоверные корреляционные связи внутриличностных и межличностных эмоциональных компетенций с исследуемыми параметрами психологического здоровья. Внутриличностные эмоциональные компетенции положительно коррелируют

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-133-142

на уровне p<0,01 с общим уровнем саморегуляции, настойчивостью, выдержкой; на уровне p<0,05 – с общим уровнем волевых качеств. Межличностные эмоциональные компетенции положительно коррелируют на уровне p<0,01 с общим уровнем саморегуляции, самостоятельностью, целеустремленностью, выдержкой, самоуверенностью, экстернальным локусом контроля, удовлетворенностью процессом жизни; на уровне p<0,05 – с настойчивостью, планированием, общим показателем осмысленности жизни. Обнаруженные связи позволяют говорить о межличностных и внутриличностных эмоциональных компетенциях как параметрах психологического здоровья.

На графе рис. 3 отображены статистически достоверные корреляции показателя КЗ с межличностными и внутриличностными эмоциональными компетенциями и их компонентами. КЗ отрицательно коррелирует на уровне p<0,01 с комплексными показателями межличностных и внутриличностных эмоциональных компетенций и отдельными показателями управления и понимания эмоций других людей, контроля экспрессии. Анализ показывает, что при высоком уровне КЗ показатели эмоциональных компетенций, связанные с пониманием эмоций других людей, внешним выражением собственных эмоций и контролем за ними, умением изменять эмоциональное состояние партнера по взаимодействию, не сформированы. КЗ мы рассматриваем как проявление психологического нездоровья. Ее корреляционные связи с межличностными и внутриличностными эмоциональными компетенциями отличаются высокой значимостью и силой, что является основанием для вывода о том, что эмоциональные компетенции – это диагностически значимые маркеры психологического здоровья старшеклассников с разной степенью вовлеченности в виртуальные коммуникации.

Заключение

В проведенном исследовании мы исходили из положения о том, что наличие КЗ – это проявление нарушения психологического здоровья личности. Полученные корреляционные связи между компонентами психологического здоровья и КЗ позволяют подтвердить это положение.

Выявленные значимые прямые и обратные связи КЗ с волевыми качествами личности (ответственность, выдержка, настойчивость), системой саморегуляции (звено планирования и моделирования) и смысложизненными ориентациями (результативность и удовлетворенность процессом жизни) показывают, что развитая система саморегуляции, волевые качества и смысложизненные ориентации могут выступать в качестве диагностических маркеров психологического здоровья старшеклассников в условиях виртуальных коммуникаций.

Старшеклассники с высоким уровнем КЗ по результатам проведенного корреляционного анализа демонстрируют

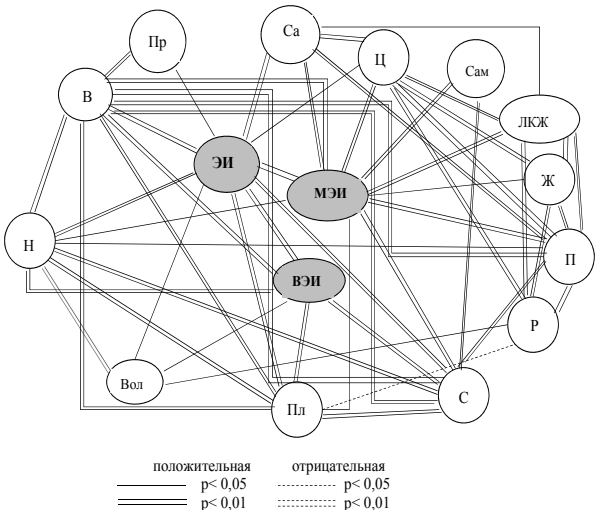

Рис. 2. Корреляционный граф взаимосвязи компонентов психологического здоровья и внутриличностных и межличностных эмоциональных компетенций
Fig. 2. Correlation between the components of psychological health and intra- and interpersonal emotional competencies

Прим.: Са – самоуверенность; Ц – цели; Сам – самостоятельность; ЛКЖ – Локус контроля – Жизнь; Ж – общий показатель осмысленности жизни; П – процесс; Р – результат; С – общий уровень саморегуляции; Пл – планирование; Вол – общий уровень волевых качеств; Н – настойчивость; В – выдержка; Пр – программирование.

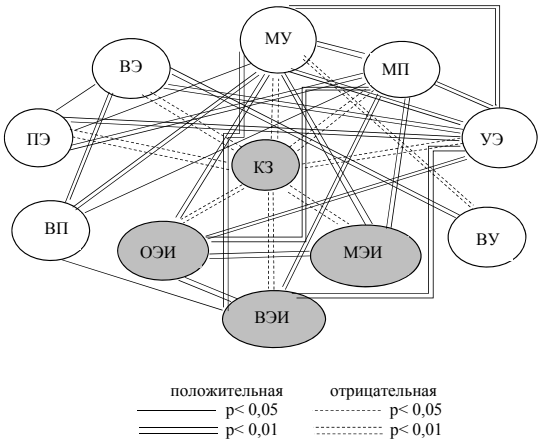

Рис. 3. Корреляционный граф взаимосвязи КЗ и внутриличностных и межличностных эмоциональных компетенций
Fig. 3. Correlation between cybercommunicative addiction and intra- and interpersonal emotional competencies

Прим.: КЗ – киберкоммуникативная зависимость; ОЭИ – общий уровень эмоционального интеллекта; МЭИ – межличностный эмоциональный интеллект; ВЭИ – внутриличностный эмоциональный интеллект; МУ – управление чужими эмоциями; МП – понимание чужих эмоций; ВУ – управление своими эмоциями; ВП – понимание своих эмоций; ПЭ – понимание эмоций; УЭ – управление эмоциями; ВЭ – контроль экспрессии.

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-133-142

отсутствие четких жизненных целей, ориентацию на прошлое или будущее, недостаточную удовлетворенность процессом реальной жизни и ее эмоциональной насыщенностью, неверие в свои силы контролировать события собственной жизни, несдержанность в эмоциональных проявлениях, плохую переносимость нагрузок и неинтересной для них работы, быструю деморализацию при неудачах, низкую сформированность процессов планирования. При этом у них развито моделирование как регуляторный процесс и ответственность, связанная с тревожностью и стремлением к нормативности поведения.

Выявленные сильные отрицательные корреляции КЗ с компонентами внутриличностных и межличностных эмоциональных компетенций (понимание эмоций, контроль экспрессии, управление и понимание эмоций других людей) дают возможность предположить, что несформированные эмоциональные компетенции могут выступать в качестве маркеров КЗ старшеклассников.

Связи межличностных и внутриличностных эмоциональных компетенций с параметрами саморегуляции, осмысленности жизни и волевыми качествами позволяют говорить о них как о параметрах психологического здоровья.

Таким образом, проведенное нами исследование обосновывает включение межличностных и внутриличностных эмоциональных компетенций в число валидных диагностических критериев психологического здоровья старшеклассников в условиях виртуальных коммуникаций.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Литература

1. Дубровина И. В. Психическое и психологическое здоровье в контексте психологической культуры личности // Вестник практической психологии образования. 2009. № 3. С. 17–21.
2. Созонтов А. Е. Гедонистический и эвдемонистический подходы к проблеме психологического благополучия // Вопросы психологии. 2006. № 4. С. 105–114.
3. Аболин Л. М. Эмоциональная устойчивость и пути ее повышения // Вопросы психологии. 1989. № 4. С. 141–149.
4. Братусь Б. С. Русская, советская, российская психология. М.: Флинта, 2000. 88 с.
5. Хомик В. С. Теоретико-методологические проблемы изучения социального здоровья личности. Феноменологический подход // Мир психологии. 1998. № 1. С. 184–207.
6. Галецкая И. И. Общая характеристика психологического здоровья и его основных критериев // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2015. № 2. С. 66–69.
7. Шувалов А. В. Психологическое здоровье человека // Вестник ПСТГУ. Сер. IV: Педагогика. Психология. 2009. № 4. С. 87–101.
8. Психология здоровья / под ред. Г. С. Никифорова. СПб.: Питер, 2006. 607 с.
9. Сергиенко Е. А. Психологическое здоровье: субъективные факторы // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2017. № 4. С. 98–117.
10. Белашева И. В. Эмоциональная компетентность как критерий и ресурс психологического здоровья личности // Акмеология. 2016. № 3. С. 143–152.
11. Avsec A., Masnec, P., Komidar L. Personality traits and emotional intelligence as predictors of teachers' psychological well-being // Psihološka Obzorja / Horizons of Psychology. 2009. Vol. 18. № 3. P. 73–86.
12. Avsec A., Belasheva I., Cenek J., Khan A., Mohorić T., Takšić V., Zager Kocjan G. Cross-cultural and gender measurement invariance of the intrapersonal and interpersonal emotional competence questionnaire // Psychological Topics. 2020. Vol. 29. № 1. P. 167–190. DOI: 10.31820/pt.29.1.10
13. Gallagher E. N., Vella-Broderick D. A. Social support and emotional intelligence as predictors of subjective well-being // Personality and Individual Differences. 2008. Vol. 44. № 7. P. 1551–1561. DOI: 10.1016/j.paid.2008.01.011
14. Landa J. M. A., Martos M. P., López-Zafra E. Emotional intelligence and personality traits as predictors of psychological well-being in Spanish undergraduates // Social Behavior and Personality. 2010. Vol. 38. № 6. P. 783–793. DOI: 10.2224/sbp.2010.38.6.783
15. Liang C.-K., Cheng C.-C., Lai Y.-C., Chen L.-G., Chen H. H. Hardware-efficient belief propagation // IEEE Transactions on Circuits and Systems for Video Technology. 2011. Vol. 21. № 5. P. 525–537. DOI: 10.1109/TCSVT.2011.2125570
16. Othman C. N., Yusof M. S. B., Din A. M., Zakaria L. A. Emotional intelligence and personality traits in relation to psychological health among pharmacy students in Malaysi // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2016. Vol. 222. P. 253–262. DOI: 10.1016/j.sbspro.2016.05.154
17. Bar-On R. Emotional and social intelligence: Insights from the Emotional Quotient Inventory // Handbook of emotional intelligence: Theory, development, assessment, and application at home, school, and in the workplace / eds. R. Bar-On, J. D. A. Parker. San Francisco: Jossey-Bass, 2000. P. 363–388.
18. Гоулман Д. Эмоциональный интеллект: почему он может значить больше, чем IQ. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019. 544 с.

BULLETIN
Kemerovo State University
https://vestnik.kemsu.ru
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-133-142

19. Брель Е. Ю., Стоянова И. Я. Характеристики алекситимии в контексте психического здоровья // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 1. С. 102–108. DOI: 10.21603/2078-8975-2018-1-102-108
20. Познание в структуре общения / под. ред. В. А. Барабанщикова, Е. С. Самойленко. М.: ИП РАН, 2009. 365 с.
21. Гарскова Г. Г. Введение понятия «эмоциональный интеллект» в психологическую // Ананьевские чтения – 99: тез. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 26-28 октября 1999 г.) СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 1999. С. 25–26.
22. Ильин Е. П. Эмоции и чувства. СПб.: Питер, 2001. 752 с.
23. Rosenthal R., Lawson R. A longitudinal study of the effects of experimenter bias of the operant learning of laboratory rats // Journal of Psychiatric Research. 1964. Vol. 2. P. 61–72. DOI: 10.1016/0022-3956(64)90003-2
24. Тончева А. В. Диагностика киберкоммуникативной зависимости // Науковедение. 2012. № 4. Режим доступа: http://naukovedenie.ru/PDF/64pvn412.pdf (дата обращения: 25.02.2021).
25. Леонтьев Д. А. Тест смысложизненных ориентаций. М.: Смысл, 2000. 18 с.
26. Пантилеев С. Р. Методика исследования самоотношения. М.: Смысл, 1993. 32 с.
27. Программа воспитания и социализации обучающихся: примерный диагностический инструментарий / сост. И. В. Адоевцева. Кострома: КОИРО, 2017. 19 с.
28. Морено Я. Л. Социометрия: Экспериментальный метод и наука об обществе. М.: Академ. проект, 2001. 383 с.
29. Рыбников В. Ю. Экспресс-методика «Прогноз-2» для оценки нервно-психической неустойчивости кандидатов на учебу в ВУЗ // Тез. докл. на I всеарм. совещании. М.: Воениздат, 1990. С. 132–135.
30. Моросанова В. И., Коноз Е. М. Стилевая саморегуляция поведения человека // Вопросы психологии. 2000. № 2. С. 118–127.
31. Чумаков М. В. Диагностика эмоционально-волевой регуляции деятельности. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2008. 100 с.
32. Люсин Д. В. Новая методика для измерения эмоционального интеллекта: опросник ЭмИн // Психологическая диагностика. 2006. № 4. С. 3–22.
33. Киселёва Т. Г. Индивидуальные особенности подростков, предрасположенных к интернет-зависимости // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2017. Т. 23. № 3. С. 46–50.
34. Сирота Е. Ю. Личностные особенности постоянных посетителей сайта www.vkontakte.ru // Вестник Кемеровского государственного университета. 2010. № 3. С. 115–118.
35. Атаскевич Н. О. Формирование психологической устойчивости личности подростков как фактор профилактики интернет-зависимости // Современная психология: мат-лы II Междунар. науч. конф. (Пермь, 20–23 июля 2014 г.) Пермь: Меркурий, 2014. С. 10–13.

original article

Emotional Competencies as Part of the Parameter Structure of Psychological Health in High School Students with Different Virtual Communication Engagement Rates

Irina V. Belasheva
North-Caucasus Federal University, Russia, Stavropol
https://orcid.org/0000-0002-1289-2224

Svetlana V. Shumakova
North-Caucasus Federal University, Russia, Stavropol
nishchitenko@inbox.ru
https://orcid.org/0000-0002-1716-2765

Received 9 Mar 2021. Accepted 29 Mar 2021.

Abstract: The research featured inter- and intrapersonal emotional competencies as parameters of the psychological health in high school students with different virtual communication engagement rates. The psychological health parameters included neuropsychiatric stability, self-adjustment parameters, volitional qualities, self-attitude, self-perception, moral self-esteem, life-purpose orientations, and positive social adaptation. The authors studied the intrasystem interactions between these parameters and the inter- and intrapersonal emotional competencies. The high level of cybercommunicative addiction appeared to be connected with poor volitional qualities, self-regulation, and life-sense orientations. Immature inter- and intrapersonal

© 2021. The Author(s). This article is distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-133-142

emotional competencies, e.g. empathy, expression control, etc., indicated cybercommunicative addiction in high school students. Therefore, inter- and intrapersonal emotional competencies cam be reliable diagnostic tools in this sphere.
Keywords: emotional intelligence, intrapersonal emotional competencies, interpersonal emotional competencies, cybercommunicative addiction, neuropsychic stability, psychological health

Citation: Belasheva I. V., Shumakova S. V. Emotional Competencies as Part of the Parameter Structure of Psychological Health in High School Students with Different Virtual Communication Engagement Rates. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(1): 133–142. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-133-142

Conflicting interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

References

1. Dubrovina I. V. Mental and psychological health in the context of the psychological culture of the individual. *Vestnik prakticheskoi psikhologii obrazovaniya*, 2009, (3): 17–21. (In Russ.)
2. Sozontov A. E. Hedonic and eudaimonic approaches to a problem of psychological wellbeing. *Voprosy psikhologii*, 2006, (4): 105–114. (In Russ.)
3. Abolin L. M. The emotional stability and the ways of its improvement. *Voprosy psikhologii*, 1989, (4): 141–149. (In Russ.)
4. Bratus B. S. *Russian, Soviet, and Russian Federation psychology*. Moscow: Flinta, 2000, 88. (In Russ.)
5. Khomik V. S. Theoretical and methodological problems of social health studies. A phenomenological approach. *Mir psixologii*, 1998, (1): 184–207. (In Russ.)
6. Haletska I. I. General characteristics of psychological health and its main criteria. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniia*, 2015, (2): 66–69. (In Russ.)
7. Shuvalov A.V. Man's psychological well-being. *Vestnik PSTGU. Ser. IV: Pedagogika. Psikhologiia*, 2009, (4): 87–101. (In Russ.)
8. *Health psychology*, ed. Nikiforov G. S. St. Petersburg: Piter, 607. (In Russ.)
9. Sergienko E. A. Psychological health. Subjective factors. *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*, 2017, (4): 98–117. (In Russ.)
10. Belasheva I. V. Emotional competence as a criterion and a resource of psychological health of a person. *Akmeologiia*, 2016, (3): 143–152. (In Russ.)
11. Avsec A., Masnec, P., Komidar L. Personality traits and emotional intelligence as predictors of teachers' psychological well-being. *Psihološka Obzorja / Horizons of Psychology*, 2009, 18(3): 73–86.
12. Avsec A., Belasheva I., Cenek J., Khan A., Mohorić T., Takšić V., Zager Kocjan G. Cross-cultural and gender measurement invariance of the intrapersonal and interpersonal emotional competence questionnaire. *Psychological Topics*, 2020, 29(1): 167–190. DOI: 10.31820/pt.29.1.10
13. Gallagher E. N., Vella-Broderick D. A. Social support and emotional intelligence as predictors of subjective well-being. *Personality and Individual Differences*, 2008, 44(7): 1551–1561. DOI: 10.1016/j.paid.2008.01.011
14. Landa J. M. A., Martos M. P., López-Zafra E. Emotional intelligence and personality traits as predictors of psychological well-being in Spanish undergraduates. *Social Behavior and Personality*, 2010, 38(6): 783–793. DOI: 10.2224/sbp.2010.38.6.783
15. Liang C.-K., Cheng C.-C., Lai Y.-C., Chen L.-G., Chen H. H. Hardware-efficient belief propagation. *IEEE Transactions on Circuits and Systems for Video Technology*, 2011, 21(5): 525–537. DOI: 10.1109/TCSVT.2011.2125570
16. Othman C. N., Yusof M. S. B., Din A. M., Zakaria L. A. Emotional intelligence and personality traits in relation to psychological health among pharmacy students in Malaysi. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2016, 222: 253–262. DOI: 10.1016/j.sbspro.2016.05.154
17. Bar-On R. Emotional and social intelligence: Insights from the Emotional Quotient Inventory. *Handbook of emotional intelligence: Theory, development, assessment, and application at home, school, and in the workplace*, eds. Bar-On R., Parker J. D. A. San Francisco: Jossey-Bass, 2000, 363–388.
18. Goleman D. *Emotional intelligence. Why it matters more than IQ*. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber, 2019, 544. (In Russ.)
19. Brel E. Iu., Stoianova I. Ia. Characteristics of alexithymia in the context of mental health. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2018, (1): 102–108. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2018-1-102-108
20. *Knowledge of structure of dialogue*, eds. Barabanschikov V. A., Samoilenko E. S. Moscow: IP RAN, 2009, 365. (In Russ.)
21. Garskova G. G. The introduction of the concept of "emotional intelligence" in psychological theory. *Ananiev readings – 99*: Proc. Sci.-Prac. Conf., St. Petersburg, 26–28 Oct 1999. St. Peterburg: Izd-vo Sankt-Peterb. un-ta, 1999, 25–26. (In Russ.)
22. Ilyin E. P. *Emotions and feelings.* St. Petersburg: Piter, 2001, 752. (In Russ.)

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-133-142

23. Rosenthal R., Lawson R. A longitudinal study of the effects of experimenter bias of the operant learning of laboratory rats. *Journal of Psychiatric Research*, 1964, 2: 61–72. DOI: 10.1016/0022-3956(64)90003-2
24. Toncheva A. V. Diagnosis cyber communication addiction. *Naukovedenie*, 2012, (4). (In Russ.) Available at: http://naukovedenie.ru/PDF/64pvn412.pdf (accessed 25 Feb 2021).
25. Leontiev D. A. *Test the meaning of life orientations*. Moscow: Smysl, 2000, 18. (In Russ.)
26. Pantileev S. R. *Methodology of self-attitude research*. Moscow: Smysl, 1993, 32. (In Russ.)
27. *The program of education and socialization of students: an approximate diagnostic tool*, comp. Adoevtseva I. V. Kostroma: KOIRO, 2017, 19 (In Russ.)
28. Moreno J. L. *Sociometry, Experimental method and the science of society.* Moscow: Akad. proekt, 2001, 383. (In Russ.)
29. Rybnikov Yu. V. Express method "Prognoz-2" to assess neuro-psychical instability of university applicants. *Proc. I All-armymeeting*. Moscow: Voenizdat, 1990, 132–135. (In Russ.)
30. Morosanova V. I., Konoz E. M. Stylistic self-regulation of human behavior. *Voprosy psikhologii*, 2000, (2): 118–127. (In Russ.)
31. Chumakov M. V. *Diagnostics of emotional-volitional regulation of activity*. Kurgan: Izd-vo Kurganskogo gos. un-ta, 2008, 100. (In Russ.)
32. Lyusin D. V. A new measure for emotional intelligence: Emotional Intelligence Questionnaire. *Psikhologicheskaia diagnostika*, 2006, (4): 3–22. (In Russ.)
33. Kiselyova T. G. The individual characteristics of adolescents who are at risk for internet addiction. *Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*, 2017, 23(3): 46–50. (In Russ.)
34. Sirota E. J. Personal peculiarities of regular visitors of the site www.vkontakte.ru. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2010, (3): 115–118. (In Russ.)
35. Ataskevich N. O. Formation of psychological stability in teenagers as a factor of prevention of Internet addiction. *Modern Psychology*: Proc. II Intern. Sci. Conf., Perm, 20–23 July 2014. Perm: Merkurii, 2014, 10–13. (In Russ.)

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-143-155

оригинальная статья
УДК 159.9

Идентичность как предиктор субъективной оценки качества жизни студентов: кросскультурный аспект

Татьяна Геннадьевна Бохан
Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия, г. Томск
https://orcid.org/0000-0002-9628-1470

Марина Владимировна Шабаловская
Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия, г. Томск
Сибирский государственный медицинский университет, Россия, г. Томск
https://orcid.org/0000-0003-2622-3491

Ольга Владимировна Терехина
Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия, г. Томск
https://orcid.org/0000-0003-0964-9175

Анна Леонидовна Ульянич
Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия, г. Томск
FiALe@yandex.ru
https://orcid.org 0000-0003-3154-3756

Юлия Витальевна Бородич
Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия, г. Томск
https://orcid.org/0000-0002-4256-7641

Урсула Владимировна Танабасова
Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия, г. Томск
https://orcid.org/0000-0001-8556-9631

Поступила в редакцию 05.03.2021. Принята к печати 25.03.2021.

Аннотация: Обсуждается проблема предикторов субъективного качества жизни студенческой молодежи в условиях международной образовательной миграции. Приводятся результаты эмпирического исследования социальной идентичности, представленной идеологическим и этническим компонентами, как значимого предиктора субъективного качества жизни студентов различных культуральных групп. Субъективное качество жизни изучалось с учетом мотивационного, эмоционального и когнитивного компонентов. В качестве респондентов в исследовании принимали участие студенты вузов г. Томск (представители стран Африки, Европы, Китая, Индии, России). Структура социальной идентичности студентов изучалась с помощью психодиагностических опросников «Типы этнической идентичности» (Г. У. Солдатова и С. В. Рыжова) и «Шкала идеологической эго-идентичности» (Дж. Р. Адамс); компоненты субъективного качества жизни у студентов определялись с помощью опросников «Шкала позитивного и негативного аффекта» (Д. Уотсон и др.), «Шкала удовлетворенности жизнью» (Е. Динер и др.), «Ценности счастья»» (B. Ford и др.). В результате определена факторная структура социальной идентичности, имеющая как специфичные для каждой культуральной группы студентов, так и общие особенности. Во всех культуральных группах студентов выявлены определенные факторы социальной идентичности, которые могут выступать в качестве значимых предикторов представлений о счастье, эмоционального (доминирующий аффект) и когнитивного (оценка удовлетворенности жизнью) компонентов субъективного качества жизни. Выявленные особенности структуры социальной идентичности и ее вклада в субъективное качество жизни студентов свидетельствуют о культуральных различиях, указывают на мишени и задачи психолого-образовательного сопровождения процессов образования и самореализации студентов в поликультурном образовательном пространстве университета.

Ключевые слова: образовательная миграция, поликультурная образовательная среда, студенты культуральных групп, субъективное качество жизни, социальная идентичность, этническая идентичность, идеологическая идентичность, предикторы, психолого-образовательное сопровождение

Цитирование: Бохан Т. Г., Шабаловская М. В., Терехина О. В., Ульянич А. Л., Бородич Ю. В., Танабасова У. В. Идентичность как предиктор субъективной оценки качества жизни студентов: кросскультурный аспект // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 1. С. 143–155. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-143-155

Введение

Субъективное качество жизни студенческой молодежи рассматривается как наличный трудовой потенциал нашего общества, как индикатор безопасности их жизнедеятельности [1]. Субъективное качество жизни можно определить как «интегративную характеристику, проявляющуюся в восприятии и отношении личности к изменениям жизни, определяющую душевное и моральное удовлетворение собственной жизнью, даже в том случае, когда объективные характеристики говорят об обратном» [2, с. 511]. Особенно актуальной становится проблематика субъективного

© 2021. Авторы. Статья распространяется на условиях международной лицензии CC BY 4.0

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-143-155

качества жизни студенческой молодежи в условиях международной образовательной миграции [3; 4], когда интернационализация образования становится критерием международного признания российского образования.

Исследовательский интерес определяется наряду с задачей повышения престижности образования в России важностью изучения и учета культурального фактора в организации условий поликультурной образовательной среды. Показано, что в поликультурной среде этнические признаки, культура консервируются и тем самым оказываются более устойчивыми и влиятельными [4]. В то же время отмечается, что «в условиях смешения культур, все более сильной автономизации личности происходит значительный уход от традиционных (этнических и даже национальных) ценностей и культурных феноменов, и обращение к универсальным, надэтническим и наднациональным. Такое рассогласование этнических традиционных ценностей с реализуемым поведением в широком спектре его проявлений приводит к дезадаптации личности и различным дисгармониям» [5, с. 157].

Объективируется проблема этнокультурных детерминант субъективного благополучия личности [6; 7], к которым относят традиционные ценностные предпочтения этнических групп, качество идентификации, религиозность (не только сама по себе, но и традиционная конфессиональная принадлежность), этническую компетентность (владение культурой) и ряд других. В научной литературе показано, что сильная идентичность оказывает благоприятное воздействие на социально-культурную адаптацию и межэтническую коммуникацию для обеих сторон, как принимающей, так и мигрирующей [8]. Некоторые исследования указывают на то, что уровень сформированности этнической и расовой идентичности является ключевым фактором, способствующим позитивному психосоциальному функционированию молодежи и их субъективному благополучию [9–12]. Самоидентичность и социальная идентичность, по мнению некоторых исследователей, являются ключевыми элементами в понимании стремления человека к здоровью и благополучию [13].

Учитывая, что на сегодняшний день в российских вузах получают образование представители многих стран всех континентов, проблема изучения субъективного качества жизни студентов и определяющих его факторов является социально значимой задачей. Например, в томских вузах учится около 59 тыс. студентов из 70 регионов России и 58 иностранных государств. Граждане иностранных государств составляют 21,1 % среди студентов очной формы обучения всех образовательных организаций высшего образования, включая филиалы иногородних вузов[1]. В то же время разработанность данной проблемы в научной психологической литературе пока ограничена отдельными немногочисленными работами [3–6; 14; 15].

В данном исследовании мы предположили, что такой культуральный фактор, как социальная идентичность, представленная идеологическим и этническим компонентами, может выступать в качестве предиктора субъективного качества жизни, имея свои специфические особенности в культуральных группах студентов. Цель – в рамках кросскультурного исследования выявить связь социальной идентичности как интегративного феномена, представленного этническим и идеологическим компонентами, с субъективной оценкой качества жизни у студенческой молодежи.

Методы и материалы

Структура социальной идентичности студентов изучалась с помощью опросников «Типы этнической идентичности» Г. У. Солдатовой, С. В. Рыжовой [16] и «Шкала идеологической эго-идентичности» (OMEIS-R, Дж. Р. Адамс, адаптированный Т. А. Гавриловой и Е. В. Глушак) [17]. Опросник «Типы этнической идентичности» позволяет диагностировать этническое самосознание, определить его трансформации в условиях поликультурной среды и доминирующую склонность к одному из шести типов этнической идентичности (этнонигилизм, этническая индифферентность, норма, этноэгоизм, этноизоляция, этнофанатизм). Согласно методике, выраженность любого из шести типов этнической идентичности может варьироваться от 0 до 20 баллов. Респондент в анкете самостоятельно выбирает числовой показатель: чем выше балл, тем большее значение в сознании опрошенного имеет данный тип. Линейка оценок условно разделена на степени выраженности: 0 – тенденция отсутствует; 1–4 балла – низкая интенсивность; 5–8 баллов – пониженная степень интенсивности; 9–12 баллов – средняя степень; 13–16 баллов – повышенная степень интенсивности; 17–20 баллов – высокая степень значимости типа этнической идентичности.

«Шкала идеологической эго-идентичности» позволяет определить структуру идеологической эго-идентичности. Модель структурного строения представлена следующими статусами: диффузная идентичность, принятая идентичность, мораторий идентичности, достигнутая идентичность. Согласно методике, выраженность любого из шести статусов эго-идентичности может варьироваться от 0 до 48 баллов. Респондент в анкете самостоятельно выбирает числовой показатель: чем выше балл, тем большее значение в сознании опрошенного имеет данный статус. Линейка оценок условно разделена на степени выраженности: 0–11 баллов – степень выраженности очень низкая; 12–23 балла – низкая выраженность; 24–35 баллов – средняя степень выраженности; 36–48 баллов – высокая степень выраженности статуса.

Субъективная оценка качества жизни у студентов определялась с помощью опросников «Шкала позитивного и негативного аффекта» (PANAS) (Д. Уотсон, Л. Кларк,

[1] Томская область. Официальный интернет-портал Администрации Томской области. Режим доступа: https://tomsk.gov.ru/Nauchno-obrazovatelyniy-kompleks (дата обращения: 01.02.2021).

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-143-155

А. Телледжен; адаптация Е. Н. Осина) [18], «Шкала удовлетворенности жизнью» (SWL) (Е. Динер, Р. Эммонс, Р. Ларсен, С. Гриффин; адаптация и валидизация Е. Н. Осина и Д. А. Леонтьева) [19], «Ценности счастья» (B. Ford, Ю. О. Дмитриева и др.) [20]. «Шкала позитивного и негативного аффекта» определяет широкий спектр позитивных и негативных эмоциональных состояний. Испытуемым предлагалось оценить представленные позитивные и негативные эмоции по 5-балльной шкале выраженности их в жизни. При обработке учитывался балл по каждой отдельной эмоции и сравнивался средний балл, набранный по всей совокупности позитивных и негативных эмоций.

Для выявления когнитивного компонента субъективного качества жизни применялась «Шкала удовлетворенности жизнью» (SWL), которая измеряет эмоциональное переживание индивидом собственной жизни как целого, отражающее общий уровень психологического благополучия. Опросник включает 5 утверждений (1. Жизнь близка к идеалу, 2. Условия жизни замечательные, 3. Я доволен своей жизнью, 4. Получил от жизни все, чего хочу и считаю важным, 5. Если можно прожить жизнь заново, не изменил бы в ней ничего), каждое оценивалось по 7-балльной шкале, сумма баллов определяла общий уровень удовлетворенности жизнью.

Мотивационный компонент субъективного качества жизни изучался с помощью опросника «Ценности счастья», который определяет направленность ценностей, достижение которых приносит испытуемым ощущение счастья. Опросник состоит из 80 утверждений, объединенных по направленности ценностей: эгоцентрированные – ценности самоутверждения и саморазвития, собственного физического, психического и материального благополучия; группоцентрированные – ценности близких и эмоционально теплых социальных связей и социальных отношений (собственно группоцентрические), ценности помощи другим, обществу (просоциальные); религиозные – ценности близкой связи с Богом и религиозных убеждений.

Статистическая обработка данных осуществлялась в программе IBM SPSS Statistics 24. Для определения структуры идентичности в каждой группе студентов использовался факторный анализ (метод главных компонент, Варимакс вращение). Для определения вклада идентичности в субъективную оценку качества жизни студентов использовался регрессионный анализ.

В исследовании приняли участие 289 человек в возрасте от 19 до 28 лет, студенты вузов г. Томск. Выборка разделена на 5 групп по культурной принадлежности: 53 человека – представители стран Африки (средний возраст 22,7±3,68 лет), 55 человек – представители стран Европы (средний возраст 23,8±3,22 лет), 65 участников – представители Индии (средний возраст 20,5±1,44 лет), 58 студентов – представители Китая (средний возраст 21,1±2,64 лет), 58 участников – представители России (средний возраст 21,9±1,75 лет).

Результаты

Решение задачи по выявлению особенностей вклада идентичности в субъективную оценку качества жизни у представителей студентов разных культуральных групп происходило в несколько этапов. Сначала проводился факторный анализ для определения значимых факторов структуры идентичности (метод главных компонент, Варимакс вращение), в каждой группе студентов выделились факторы, которые сохранялись как новые переменные (табл. 1). Далее они были включены в регрессионный анализ в качестве независимых переменных (зависимыми переменными выступали показатели субъективной оценки качества жизни). Таким образом в каждой группе определялись предикторы субъективной оценки качества жизни.

В группе студентов ***российской выборки*** выделилось четыре значимых фактора (общая дисперсия 70,5 %). Первый фактор, представленный положительными связями шкал этнической идентичности *этноэгоизм*, *этноизоляция* и *этнофанатизм*, был условно назван Этнический нарциссизм. Второй фактор наполнен значимыми положительными связями шкал *принятая идентичность*, *мораторий идентичности* и *позитивная этноидентичность (норма)*. На основании связей этих показателей данный фактор получил условное название Позитивное отношение к собственному народу и к другим народам как принятая культурная ценность и возможность поиска собственных убеждений. Третий фактор представлен положительными связями шкал *диффузная идентичность*, *этноиндифферентность* и *этнонигилизм*, в связи с этим данный фактор получил название Неопределенность идеологической и этнической идентичности. Четвертый фактор, условно названный Достигнутая идентичность, представлен одноименной шкалой.

В группе студентов ***европейской выборки*** выделилось три значимых фактора (общая дисперсия 69 %). Первый фактор, названный условно Деструктивная этноидентичность как принятая личностно не переработанная система ценностей и убеждений, объединил с положительной нагрузкой шкалы *этноэгоизм*, *этноизоляция*, *этнофанатизм*, *этнонигилизм*, *принятая идентичность* и с отрицательной нагрузкой – *позитивную этноидентичность*. Второй фактор представлен положительными связями шкал *достигнутая идентичность*, *этноиндифферентность* и отрицательной связью шкалы *диффузная идентичность*. Данный фактор получил условное название Сформированность личностной идентичности и неактуальность этноидентичности. Третий фактор представлен одной шкалой Мораторий идентичности, свидетельствующей об активном поиске личной системы ценностей и убеждений.

В группе ***индийских студентов*** было выделено три фактора (общая дисперсия 71,7 %). Первый фактор, названный условно Конфликтная этноидентичность, объединил шкалы *этноэгоизм*, *этноизоляция*, *этнофанатизм*, *этнонигилизм*. Второй фактор наполнен значимыми положительными связями шкал *диффузная идентичность*, *мораторий*

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-143-155

Табл. 1. Факторная структура показателей идентичности студентов (с факторными нагрузками и % дисперсии)
Tab. 1. Factor structure of indicators of students' identity (with the factor loads and % of the variance)

Российские студенты (70,5 %)	Европейские студенты (69 %)	Индийские студенты (71,7 %)	Китайские студенты (70,2 %)	Африканские студенты (73,6 %)
Фактор 1				
24,019 % этноэгоизм (0,845) этноизоляция (0,823) этнофанатизм (0,744)	**29,796 %** этноэгоизм (0,855) этноизоляция (0,710) этнофанатизм (0,679) норма (–0,655) этнонигилизм (0,637) принятая (0,585)	**39,712 %** этноэгоизм (0,886) этноизоляция (0,834) этнофанатизм (0,733) этнонигилизм (0,712)	**37,276 %** этноизоляция (0,857) этноэгоизм (0,843) этнофанатизм (0,842) норма (–0,633) этнонигилизм (0,497)	**32,450 %** этнофанатизм (0,804) этноизоляция (0,779) этноэгоизм (0,745) принятая (0,644)
Фактор 2				
17,916 % принятая (0,728) мораторий (0,695) норма (0,625)	**21,643 %** достигнутая (0,809) этноиндифферентность (0,694) диффузная (–0,573)	**18,742 %** диффузная (0,824) мораторий (0,813) достигнутая (0,742) принятая (0,725)	**22,333%** мораторий (0,823) принятая (0,791) диффузная (0,760) достигнутая (0,623)	**16,881 %** мораторий (0,926) диффузная (0,837)
Фактор 3				
16,500 % диффузная (0,846) этноиндифферентность (0,731) этнонигилизм (0,607)	**17,660 %** мораторий (0,926)	**13,334%** норма (0,883) этноиндифферентность (0,752)	**10,633 %** этноиндифферентность (0,894)	**13,836 %** норма (0,883) этнонигилизм (–0,693)
Фактор 4				
12,085 % достигнутая (0,932)	–	–	–	**10,507 %** достигнутая (0,906) этноиндифферентность (–0,610)

идентичности, достигнутая идентичность, принятая идентичность и условно назван Поиск собственной идентичности. Третий фактор представлен переменными *позитивная этноидентичность (норма)* и *Этноиндифферентность* и имеет название Позитивное отношение к собственному народу и к другим народам и неактуальность этнической идентичности.

В группе студентов ***китайской выборки*** выделилось три значимых фактора, объясняющих 70,2 % общей кумулятивной дисперсии. В первый фактор, условно названный Деструктивная этноидентичность, вошли шкалы с положительной нагрузкой *этноизоляция, этноэгоизм, этнофанатизм, этнонигилизм* и с отрицательной – *позитивная этноидентичность*. Второй фактор представлен положительными связями показателей идеологической идентичности шкал *мораторий идентичности, принятая идентичность, диффузная идентичность, достигнутая идентичность* и условно назван Поиск собственной идентичности. Третий фактор представлен одной шкалой *этническая индифферентность* и имеет название Неактуальность этнической идентичности.

В группе ***африканских студентов*** выделилось четыре значимых фактора (общая дисперсия 73,6 %). Первый фактор, названный условно Этнический нарциссизм как принятая система ценностей и убеждений, объединил шкалы *этнофанатизм, этноизоляция, этноэгоизм, принятая идентичность*. Второй фактор представлен положительными связями показателей идеологической идентичности по шкалам *мораторий идентичности, диффузная идентичность* и условно назван Поиск и незавершенность становления идентичности. Третий фактор наполнен значимой положительной связью *позитивной этноидентичности (норма)* и отрицательной связью *этнонигилизма* и имеет условное название Позитивное отношение к собственному народу и к другим народам и значимость этнической идентичности. Четвертый фактор, условно названный Достигнутая личностная идентичность и определенность этнической принадлежности, представлен положительной связью *достигнутой идентичности* и отрицательной связью *этноиндифферентности*.

В результате регрессионного анализа (табл. 2) в каждой группе респондентов были определены факторы идентичности, которые являются значимыми предикторами представлений о счастье – ценностей, реализация которых

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-143-155

в понимании студентов дает им ощущение счастья, а также результирующих показателей субъективного качества жизни, представленных доминирующими эмоциями и удовлетворенностью жизнью. В группе студентов российской выборки фактор Неопределенность идеологической и этнической идентичности имеет прямую связь с ценностями благополучия, самоутверждения и саморазвития, обратную связь – с религиозными ценностями. На субъективное качество жизни оказывают влияние два фактора: Достигнутая идентичность имеет прямую связь с показателями шкал *позитивный аффект* и *общая удовлетворенность жизнью*.

В группе студентов европейской выборки фактор Сформированность личностной идентичности и неактуальность этноидентичности положительно связан с ценностями личного благополучия, самоутверждения и саморазвития, просоциальными ценностями; фактор Деструктивная этноидентичность как принятая личностно не переработанная система ценностей и убеждений отрицательно связан с группоцентрическими ценностями; факторы Деструктивная этноидентичность как принятая личностно не переработанная система ценностей и убеждений и Мораторий идентичности имеют отрицательную связь с просоциальными ценностями счастья. В результирующем компоненте субъективного качества жизни предикторами переживания негативного аффекта являются факторы Деструктивная этноидентичность как принятая личностно не переработанная система ценностей и убеждений и Мораторий идентичности с положительными связями. Предикторами переживания позитивного аффекта оказались факторы Деструктивная этноидентичность как принятая личностно не переработанная системы ценностей и убеждений с отрицательным знаком и Сформированность личностной идентичности и неактуальность этноидентичности – с положительным.

Для группы индийских студентов характерна отрицательная связь между фактором Конфликтная этноидентичность и просоциальными ценностями. В качестве положительных предикторов общего показателя удовлетворенности жизнью определились три фактора: Конфликтная этноидентичность, Поиск собственной идентичности, Позитивное отношение к собственному народу и к другим народам и неактуальность этноидентичности.

В группе студентов китайской выборки фактор Деструктивная этноидентичность определился как значимый отрицательный предиктор для таких ценностей, как самоутверждение и саморазвитие, группоцентрические и просоциальные; фактор Неактуальность этнической идентичности положительно влияет на ценности самоутверждения и саморазвития, собственного благополучия, группоцентрические, просоциальные и религиозные ценности. Фактор Деструктивная этноидентичность оказывает отрицательное влияние на позитивный аффект и общий показатель удовлетворенности жизнью.

В группе студентов африканской выборки фактор Поиск и незавершенность становления идентичности является значимым положительным предиктором ценностей благополучия, самоутверждения и саморазвития, группоцентрических ценностей. Позитивное отношение к собственному народу и к другим народам и значимость этнической идентичности является значимым отрицательным предиктором негативного аффекта (табл. 2).

Табл. 2. Результаты регрессионного анализа: независимые переменные – факторы идентичности, зависимые переменные – показатели субъективной оценки качества жизни

Tab. 2. Regression analysis: independent variables are the factors of identity; the dependent variables are the subjective assessment of the quality of life

Зависимые переменные (данные модели)	Независимые переменные (коэффициенты)
Российские студенты	
Позитивный аффект (R^2=0,170, p=0,050, F=2,155)	Фактор 4 (β=0,336, p=0,021)
Общий показатель удовлетворенности жизнью (R^2=0,186, p=0,049, F=2,403)	Фактор 4 (β=0,332, p=0,022)
Самоутверждение и саморазвитие (R^2=0,182, p=0,050, F=2,339)	Фактор 3 (β=0,359, p=0,014)
Благополучие (R^2=0,232, p=0,023, F=3,174)	Фактор 3 (β=0,448, p=0,002)
Религиозные ценности (R^2=0,267, p=0,010, F=3,815)	Фактор 3 (β=–0,504, p=0,000)
Европейские студенты	
Негативный аффект (R^2=0,185, p=0,040, F=3,034)	Фактор 1 (β=0,293, p=0,047)
	Фактор 3 (β=0,301, p=0,041)
Позитивный аффект (R^2=0,276, p=0,004, F=5,082)	Фактор 1 (β=– 0,357, p=0,011)
	Фактор 2 (β=0,362, p=0,010)
Самоутверждение и саморазвитие (R^2=0,238, p=0,012, F=4,157)	Фактор 2 (β=0,403, p=0,006)
Благополучие (R^2=0,248, p=0,009, F=4,399)	Фактор 2 (β=0,429, p=0,003)

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-143-155

Зависимые переменные (данные модели)	Независимые переменные (коэффициенты)
Группоцентрические ценности (R^2=0,187, p=0,039, F=3,058)	Фактор 1 (β=–0,290, p=0,049)
Просоциальные ценности (R^2=0,314, p=0,002, F=6,103)	Фактор 1 (β=–0,348, p=0,011)
	Фактор 2 (β=0,340, p=0,013)
	Фактор 3 (β=–0,278, p=0,040)
Индийские студенты	
Общий показатель удовлетворенности жизнью (R^2=0,881, p=0,000, F=123,048)	Фактор 1 (β=0,250, p=0,000)
	Фактор 2 (β=0,965, p=0,000)
	Фактор 3 (β=0,147, p=0,007)
Просоциальные ценности (R^2=0,157, p=0,032, F=3,172)	Фактор 1 (β=–0,341, p=0,011)
Китайские студенты	
Позитивный аффект (R^2=0,299, p=0,002, F=5,972)	Фактор 1 (β=–0,510, p=0,000)
Общий показатель удовлетворенности жизнью (R^2=0,325, p=0,001, F=6,909)	Фактор 1 (β=–0,552, p=0,000)
Самоутверждение и саморазвитие (R^2=0,311, p=0,001, F=6,462)	Фактор 1 (β=–0,307, p=0,020)
	Фактор 3 (β=0,458, p=0,001)
Благополучие (R^2=0,317, p=0,001, F=6,664)	Фактор 3 (β=0,529, p=0,000)
Группоцентрические ценности (R^2=0,324, p=0,001, F=6,858)	Фактор 1 (β=–0,310, p=0,017)
	Фактор 3 (β=0,471, p=0,001)
Просоциальные ценности (R^2=0,249, p=0,006, F=4,747)	Фактор 1 (β=–0,313, p=0,022)
	Фактор 3 (β=0,360, p=0,009)
Религиозные ценности (R^2=0,220, p=0,013, F=4,038)	Фактор 3 (β=0,447, p=0,002)
Африканские студенты	
Негативный аффект (R^2=0,412, p=0,001, F=5,778)	Фактор 3 (β=–0,555, p=0,000)
Самоутверждение и саморазвитие (R^2=0,286, p=0,022, F=3,311)	Фактор 2 (β=0,493, p=0,002)
Благополучие (R^2=0,335, p=0,008, F=4,161)	Фактор 2 (β=0,563, p=0,000)
Группоцентрические ценности (R^2=0,387, p=0,002, F=5,200)	Фактор 2 (β=0,611, p=0,000)

Прим.: представлены только значимые регрессионные модели.

Рассмотрим факторную структуру социальной идентичности – общие для всех групп и специфические признаки. Самый большой процент кумулятивной дисперсии у всех групп приходится на фактор, который представлен гипер- и гипоэтноидентичностью. При этом у европейских студентов усиление деструктивных тенденций гипер- и гипоидентичности в сочетании с принятой и личностно не переработанной системой ценностей сопровождается снижением позитивного отношения как к собственному народу, так и к другим. Также у африканских студентов деструктивная гиперэтноидентичность как этнический нарциссизм связана с принятой и личностно не переработанной системой ценностей и убеждений. Выявленные данные согласуются с результатами исследований, которые показывают, что при изменении социальной ситуации может меняться идентичность мигрантов [21]. Г. У. Солдатова и Л. А. Шайгерова отмечают [22], что этническое самосознание мигрантов может разрушаться, деформироваться или усиливаться, что проявляется в отказе от ценностей собственной этнической группы, этническом нигилизме или этноэгоизме, национальном фанатизме. Данную тенденцию следует учитывать при определении задачи и методов психолого-педагогического сопровождения, направленного на развитие эффективной межкультурной коммуникации, возможности самореализации студентов в поликультурном образовательном пространстве университета [23].

У индийских, китайских и африканских студентов второй фактор объединяет положительными связями все статусы идеологической идентичности, что может указывать на отсутствие доминирования определенного статуса идеологической идентичности и возможность кризиса, состояния поиска собственного выбора, решения и принятия социальных обязательств, т. е. на различные этапы процесса становления личностной идентичности. В европейской группе отдельным значимым фактором оказался мораторий, который свидетельствует о состоянии кризиса идентичности, активных попытках его разрешения – поиска информации, способствующей разрешению кризиса идентичности, в том числе и в новом пространстве поликультурной среды университета и среды проживания.

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-143-155

Полученные данные подтверждают исследования [24] относительно того, что в этом возрасте происходит активный процесс самоидентификации, и молодые люди чаще находятся в ситуации активного проживания кризиса идентичности и поиска его разрешения независимо от этнической принадлежности. Существуют исследования, которые выявляют специфику формирования идентичности у некоторых групп молодежи, обучающихся в университете, которая заключается в стремлении поддержания «отложенной идентичности» или сохранения статуса моратория идентичности в период обучения [25].

У российских и европейских студентов второй фактор по значимости и выраженности дисперсии указывает на определенные различия. Так, для российских студентов наполнение данного фактора свидетельствует о связи позитивного отношения к собственному народу и к другим народам с принятой идентичностью и мораторием, что позволяет рассматривать это отношение как принятую культурную ценность и основание для поиска собственных убеждений. В группе европейских студентов второй фактор в структуре социальной идентичности представляет связь достигнутой идеологической идентичности и неактуальности этнической принадлежности, свидетельствующей о том, что при сформированности определенной совокупности личностно значимых целей, ценностей и убеждений, обеспечивающих чувство направленности и осмысленности жизни, этническая идентификация становится не значимой и не актуальной для смыслообразующих целей и стремлений европейской молодежи.

У индийских студентов выделился фактор, который указывает на неактуальность этнической идентичности, которая сопровождается положительным отношением к своему народу и другим. Фактор неактуальности этнической идентичности встречается и в структуре социальной идентичности китайской группы студентов. Некоторыми исследователями отмечается, что незначимость этнической принадлежности в условиях глобализации представляется естественным для большинства сфер взаимодействия [26; 27]. В то же время у африканских студентов отмечена противоположная тенденция в отношении значимости этнической идентификации в структуре социальной идентичности – достигнутая личностная идентичность связана у них со значимостью этнической идентичности. Отмечается, что значимость идентификации себя как представителя собственной этнической группы сопровождается у них позитивным отношением к собственному народу и к другим народам – ростом позитивной этнической идентичности. Проявление позитивной этнической идентичности «формирует определенное социальное самочувствие человека и позволяет ему ощущать себя комфортно в окружающей его социальной реальности» [28] и служит основанием для стратегии межкультурного взаимодействия.

В структуре социальной идентичности российских студентов выделяется фактор, указывающий на связь неопределенности этнической и идеологической идентичности. Фактор достигнутой идентичности свидетельствует, что значимым в социальной идентичности российских студентов является результат кризиса и самоисследований, представленный в сформированной совокупности личностно значимых целей, ценностей и убеждений, определяющих направленность и осмысленность жизни. Этот процесс сопровождается положительными чувствами оптимизма, стабильности, доверия, что подтверждается данными регрессионного анализа.

Второй основной исследовательской задачей являлось определение факторов социальной идентичности как возможных предикторов субъективного качества жизни, которое в данном исследовании рассматривается в виде идеальных представлений о счастье (ценностях, реализация которых приносит переживания счастья), результирующего контекста – доминирующего аффекта и удовлетворенности жизнью. Регрессионный анализ показал, что параметры субъективного качества жизни (ценности счастья, позитивный и негативный аффект, удовлетворенность жизнью) у представителей всех культуральных групп детерминированы определенными факторами социальной идентичности.

В группе российских студентов неопределенность собственной идеологической и этнической идентичности выступает предиктором значимости ценностей самоутверждения, собственного физического, психического и материального благополучия и снижения значимости религиозных ценностей. Вероятно, такая неопределенность обусловливает необходимость самоидентификации, что находит свое отражение в значимости эгоцентрированных ценностей, связанных как с собственным благополучием, так и с самоутверждением, саморазвитием. Активный поиск собственной системы ценностей, принятия собственных решений и социальной ответственности может снижать значимость ценностей, связанных с заботой и помощью людям и обществу у европейских студентов. В то же время у африканских студентов поиск собственной идентичности выступает предиктором повышения значимости для переживания счастья реализации ценностей как личного благополучия, самоутверждения и саморазвития, так и группоцентрических – ценностей эмоционально положительных социальных связей. Для европейских студентов определенность личностной идентичности и неактуальность этноидентичности позволяет переживать счастье от реализации как эгоцентрированных ценностей – самоутверждения и саморазвития, собственного физического, психического и материального благополучия, так и целей, направленных на помощь людям и обществу.

Принятая идеологическая деструктивная этноидентичность у европейских студентов может выступать предиктором снижения значимости группоцентрированных ценностей – заботы о людях и обществе, позитивных, эмоционально теплых социальных отношений. В группе индийских студентов конфликтная этноидентичность, когда

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-143-155

процессы гиперидентичности, связанные с традиционными этническими ценностями, сопровождаются возникновением новой тенденции – отходом от своей этнической группы и поиском устойчивых социально-психологических ниш не по этническому критерию, могут определять снижение значимости просоциальных ценностей, переживания счастья от служения людям, обществу.

В группе китайских студентов деструктивная идентичность, когда начинают доминировать тенденции гипер- или гипоэтноидентичности и формируется негативное отношение к другим народам или к своему, снижает значимость ценностей, как эгоцентрированных, так и группоцентрированных, тем самым обедняя смысловую наполненность жизни человека, что приводит, согласно литературным данным, к депрессии и другим нервно-психическим расстройствам, социальной дезадаптации [29; 30]. Регрессионный анализ показал, что деструктивная идентичность влияет на снижение позитивного аффекта и удовлетворенность жизни у китайских студентов. В то же время фактор неактуальности этноидентичности в китайской группе, которая, вероятно, может возникать в условиях поликультурной среды университета, оказывает положительное влияние как на значимость эгоцентрированных ценностей – собственного благополучия, самоутверждения и саморазвития, так и группоцентрированных – ценностей близких и эмоционально теплых межличностных отношений, помощи людям и обществу, а также религиозных ценностей, тем самым расширяя жизненное пространство и наполняя его различными значимыми смыслами, требующими своей реализации в образе жизни студентов, и позволяя переживать различные положительные эмоции.

Данные регрессионного анализа в отношении предикторов эмоциональных состояний и удовлетворенности жизнью указывают на наличие четырех значимых факторов социальной идентичности у студентов культуральных групп. Так, достигнутая идентичность, т. е. сформировавшаяся система убеждений и ценностей, оказывает положительное влияние на доминирование позитивных эмоций у европейских и российских студентов, а также выступает предиктором удовлетворенности жизнью у российских студентов. Фактор поиска идентичности оказывает положительное влияние на удовлетворенность жизнью у индийских студентов, однако, для европейских студентов поиск и исследование возможностей личностных выборов в различных жизненных сферах на пути конструирования личностной идентичности сопряжен с усилением негативных эмоциональных состояний. Деструктивная этноидентичность определилась как негативный предиктор, влияющий на качество эмоциональных состояний, понижая положительный и повышая отрицательный аффект у европейских и китайских студентов, а также удовлетворенность жизнью у китайских студентов. Конфликтная идентичность, когда у индийских студентов наряду с явлениями гиперэтноидентичности появляется тенденция гипоэтноидентичности, т. е. возможность оценивать не только по этническому принципу, а по широкому спектру других социально-психологических критериев, определяется в качестве возможного предиктора их удовлетворенности жизнью.

Еще одним значимым предиктором субъективного качества жизни оказался фактор позитивной этноидентичности и характера значимости этнической принадлежности. В группе индийских студентов сочетание позитивной этноидентичности и размывание, неактуальность этноидентификации явились значимыми предикторами удовлетворенности жизнью, в то время как у африканских студентов фактором, определяющим положительные эмоции, стало сочетание позитивной этноидентичности и значимости собственной этнической группы. Вероятно, в условиях поликультурного образования тесная связь со своим народом, усиление коллективизма в своей этнической группе способствует ощущению психологической безопасности и субъективному благополучию представителей одной культуры, а для представителей другой таким фактором личностной безопасности становится возможность найти в новых социокультурных и образовательных условиях устойчивые социально-психологические ниши самоидентификации и самореализации не по этническому критерию [5].

Заключение

Полученные результаты свидетельствуют о существовании общих и специфично культуральных особенностей в факторной структуре социальной идентичности в культуральных группах студентов. К общим особенностям можно отнести наличие фактора деструктивной этноидентичности, проявляющегося в гипер- и гипоидентичности. При этом у европейских и африканских студентов деструктивная идентичность прямо связана с принятой идеологической идентичностью, у индийских студентов тенденции гипер- и гипоэтноидентичности представлены вместе и не противопоставлены позитивной идентичности, как в группе китайских студентов. Общим для российских, индийских и африканских студентов стал фактор позитивной этноидентичности, содержание которого имело некоторую специфику в данных группах: у российских студентов позитивная этноидентичность связана как с принятой системой идеологических ценностей, так и с собственным активным поиском самоидентичности; у индийских студентов рост позитивной этноидентичности сопровождается снижением значимости, нивелированием этнического критерия в самоидентификации; у африканских студентов отмечается противоположная тенденция – позитивное отношение к собственному народу и к другим народам сопряжено с усилением значимости этнической идентичности. Общий фактор достигнутой идентичности в структуре социальной идентичности у европейских и африканских студентов имеет специфическое наполнение – у европейских студентов сформированность личностной идентичности связана с неактуальностью этноидентичности и поиском других социально-психологических

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-143-155

ниш для самоидентификации, у африканских студентов противоположная тенденция – достигнутая личностная идентичность усиливается значимостью определенности этнической принадлежности. Фактор активного поиска личностной идентичности характерен для всех зарубежных групп студентов, что, вероятно, связано как с возрастными особенностями, так и с изменившейся в условиях международной образовательной миграции социальной ситуацией развития; в российской выборке отмечаются два фактора идеологической идентичности: фактор достигнутой идентичности и неопределенность идентичности.

Выявлены факторы социальной идентичности, которые могут выступать в качестве значимых предикторов субъективного качества жизни. В мотивационном компоненте субъективного качества жизни у российских студентов неопределенность идентичности фиксирует значимость эгоцентрированных ценностей. У европейских студентов активный поиск собственной идентичности ограничивает значимость просоциальных ценностей, а сформированность личностной идентичности позволяет переживать счастье как от реализации эгоцентрированных, так и просоциальных ценностей. В отличие от них у африканских студентов поиск собственной идентичности является предиктором значимости для переживания счастья реализации эгоцентрированных и группоцентрированных ценностей. Деструктивная идентичность у европейских, китайских и индийских студентов снижает значимость эгоцентрированных, группоцентрированных и просоциальных ценностей, тем самым сужая смысловое поле позитивных переживаний. У китайских студентов неактуальность этноидентичности позволяет получать удовольствие от реализации эгоцентрированных, группоцентрированных и религиозных ценностей, тем самым расширяя жизненное пространство значимыми смыслами и позволяя переживать различные положительные эмоции.

Детерминантами, положительно влияющими на эмоциональный и когнитивный компоненты субъективного качества жизни, выступают достигнутая идентичность у европейских и российских студентов, активный поиск самоидентичности у индийских студентов, позитивная идентичность и характер значимости этнической принадлежности у африканских и индийских студентов, этноидентичность, включающая в себя как явления гипер-, так и гипоидентичности у индийских студентов. Значимым предиктором, отрицательно влияющим на субъективное качество жизни, является деструктивная этноидентичность у европейских и китайских представителей студенчества. Выявленные особенности структуры социальной идентичности и ее вклада в субъективное качество жизни свидетельствуют о культуральных различиях, указывают на мишени и задачи психолого-образовательного сопровождения процессов образования и интеграции студентов в поликультурное образовательное пространство университета.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта «Становление идентичности как психологического фактора субъективной оценки качества жизни у молодежи в поликультурной среде университетов (кросскультурные исследования)» (грант № 19-413-700007).

Литература

1. Галажинский Е. В., Бохан Т. Г., Ульянич А. Л., Терехина О. В., Шабаловская М. В. Связь субъективного качества жизни с представлениями о счастье (ценностной обусловленностью счастья, интенсивностью мотивации счастья и ответственностью за собственное счастье) у студенческой молодежи // Science for Education Today. 2019. Т. 9. № 6. С. 19–38. DOI: 10.15293/2658-6762.1906.02
2. Рубанова Е. Ю. Субъективное качество жизни: подходы к изучению // Ученые заметки ТОГУ. 2018. Т. 9. № 1. С. 506–511.
3. Шамионов Р. М. Характеристики субъективного благополучия личности в условиях миграции // Социально-психологическая адаптация мигрантов в современном мире: мат-лы 2-й Междунар. науч.-практ. конф. (Пенза, 27–28 февраля 2014 г.) М.: Перо, 2014. С. 193–199.
4. Шамионов Р. М. Теоретические подходы к этнопсихологическим и кросс-культурным исследованиям субъективного благополучия личности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2016. № 1. С. 7–19.
5. Шамионов Р. М., Султаниязова Н. Ж. Ценности и отношение к этнической культуре и традициям как предикторы субъективного благополучия русских и казахов // Российский психологический журнал. 2018. Т. 15. № 1. С. 157–186. DOI: 10.21702/rpj.2018.1.8
6. Шамионов Р. М. Этнопсихологические детерминанты субъективного благополучия личности // Теоретические проблемы этнической и кросскультурной психологии: мат-лы 5-й Междунар. науч. конф. (Смоленск, 27–28 мая 2016 г.) Смоленск: СмолГУ, 2016. Т. 1. С. 268–272.
7. Taormina R. J., Shamionov R. M. A new measure of traditional values across cultures: China and Russia compared // Psychological Thought. 2016. Vol. 9. № 2. P. 197–221. DOI: 10.5964/psyct.v9i2.202

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-143-155

8. Schotte K., Stanat P., Edele A. Is integration always most adaptive? The role of cultural identity in academic achievement and in psychological adaptation of immigrant students in Germany // Journal of Youth and Adolescence. 2018. Vol. 47. № 1. P. 16–37. DOI: 10.1007/s10964-017-0737-x
9. Umaña-Taylor A. J., Kornienko O., Bayless S. D., Updegraff K. A. A universal intervention program increases ethnic-racial identity exploration and resolution to predict adolescent psychosocial functioning one year later // Journal of Youth and Adolescence. 2018. Vol. 47. № 1. P. 1–15. DOI: 10.1007/s10964-017-0766-5
10. Umaña-Taylor A. J., Douglass S., Updegraff K. A., Marsiglia F. F. A small-scale randomized efficacy trial of the identity project: promoting adolescents' ethnic-racial identity exploration and resolution // Child Development. 2018. Vol. 89. № 3. P. 862–870. DOI: 10.1111/cdev.12755
11. Piña-Watson B., Martinez A. J., Cruz L. N., Llamas J. D., López B. G. Ethnic identity affirmation as a strength for Mexican descent academic outcomes: Psychological functioning and academic attitudes as mediators // Psychology in the Schools. 2018. Vol. 55. № 10. P. 1155–1170. DOI: 10.1002/pits.22188
12. Oliveira D. R., Pankalla A., Cabecinhas R. Ethnic Identity as predictor for the well-being: An exploratory transcultural study in Brazil and Europe // Summa psicol. UST (En línea). 2012. Vol. 9. № 2. P. 33–42.
13. Sharma S., Sharma M. Self, social identity and psychological well-being // Psychological Studies. 2010. Vol. 55. № 2. P. 118–136. DOI: 10.1007/s12646-010-0011-8
14. Новгородова Е. Ф., Бакина А. В., Махова И. Ю., Шмакова В. А., Яремчук С. В. Социально-психологические факторы удовлетворенности жизнью молодежи: региональный аспект проблемы // Вопросы психологии. 2017. № 4. С. 102–117.
15. Федотова В. А., Жданова С. Ю. Адаптация студентов из Индии и арабских стран к образовательному пространству российского вуза // Социальная психология и общество. 2020. Т. 11. № 2. С. 93–106. DOI: 10.17759/sps.2020110206
16. Солдатова Г. У., Рыжова С. В. Типы этнической идентичности // Солдатова Г. У., Шайгерова Л. А., Прокофьева Т. Ю., Кравцова О. А. Психодиагностика толерантности личности. М.: Смысл, 2008. С. 140–146.
17. Гаврилова Т. А., Глушак Е. В. К вопросу об адаптации методики объективного измерения статуса Эго-идентичности Дж. Р. Адамса // Психологическая диагностика. 2009. № 5. С. 53–65.
18. Осин Е. Н. Измерение позитивных и негативных эмоций: разработка русскоязычного аналога методики PANAS // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9. № 4. С. 91–110.
19. Осин Е. Н., Леонтьев Д. А. Краткие русскоязычные шкалы диагностики субъективного благополучия: психометрические характеристики и сравнительный анализ // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 117–142. DOI: 10.14515/monitoring.2020.1.06
20. Ford B. Q., Dmitrieva J. O., Heller D., Chentsova-Dutton Y., Grossmann I., Tamir M., Uchida Yu., Koopmann-Holm B., Floerke V. A., Uhrig M., Bokhan T., Mauss I. B. Culture shapes whether the pursuit of happiness predicts higher or lower well-being // Journal of Experimental Psychology: General. 2015. Vol. 144. № 6. P. 1053–1062. DOI: 10.1037/xge0000108
21. Шоркина Н. А. Социальная и личностная идентичность мигрантов // Современная социальная психология: теоретические подходы и прикладные исследования. 2012. № 2. С. 91–95.
22. Солдатова Г. У., Шайгерова Л. А. Психологическая адаптация вынужденных мигрантов // Психологический журнал. 2002. Т. 23. № 4. С. 66–81
23. Бохан Т. Г., Шабаловская М. В., Бородич Ю. В., Терехина О. В., Ульянич А. Л. Особенности личностной и этнической идентичности студентов в аспекте кросскультурного сравнения // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 4. С. 962–973. DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-4-962-973
24. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996. 344 с.
25. Sica L. S., Luyckx K., Goossens L., Ragozini G., Sestito L. A. Identity statuses and event-Focused narratives at university starting point in Italy // Journal of Adult Development. 2017. Vol. 24. № 2. P. 89–108. DOI: 10.1007/s10804-016-9249-2
26. Истомина О. Б. Психология межэтнического взаимодействия: диспозиции и особенности в современном обществе // European Social Science Journal. 2016. № 11. С. 325–329.
27. Гришина А. В., Лунин С. Л. Типы этнической идентичности российской молодежи как показатель позитивной готовности к принятию вынужденных мигрантов из Украины // Российский психологический журнал. 2015. Т. 12. № 2. С. 46–55.
28. Бохан Т. Г., Шабаловская М. В., Бородич Ю. В., Терехина О. В., Ульянич А. Л. Культуральная обусловленность структуры социальной идентичности у студентов, обучающихся в поликультурной среде университета // Мир науки. Педагогика и психология. 2020. Т. 8. № 1. Режим доступа: https://mir-nauki.com/PDF/17PSMN120.pdf (дата обращения: 14.02.2021).
29. Витко Ю. С., Лебедева А. А. Духовность как индикатор качества жизни, связанного с психическим здоровьем // Неврологический вестник. 2019. Т. 51. № 4. С. 88–91.
30. Сергиенко Е. А. Психологическое здоровье: субъективные факторы // Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование. 2017. № 4. С. 98–117.

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-143-155

original article

Identity as a Predictor of Subjective Assessment of Quality of Campus Life: Cross-Cultural Aspect

Tatiana G. Bokhan
Tomsk State University, Russia, Tomsk
https://orcid.org/0000-0002-9628-1470

Marina V. Shabalovskaya
Tomsk State University, Russia, Tomsk
Siberian State Medical University, Russia, Tomsk
https://orcid.org/0000-0003-2622-3491

Olga V. Terekhina
Tomsk State University, Russia, Tomsk
https://orcid.org/0000-0003-0964-9175

Anna L. Ulyanich
Tomsk State University, Russia, Tomsk
FiALe@yandex.ru
https://orcid.org 0000-0003-3154-3756

Julia V. Borodich
Tomsk State University, Russia, Tomsk
https://orcid.org/0000-0002-4256-7641

Ursula V. Tanabasova
Tomsk State University, Russia, Tomsk
https://orcid.org/0000-0001-8556-9631

Received 5 Mar 2021. Accepted 25 Mar 2021.

Abstract: The research featured predictors of subjective quality of students' life in the context of international student migration. The paper focuses on the ideological and ethnic components of social identity as a key predictor of the subjective quality of life in students of different ethnicities. The subjective quality of life was studied from the point of view of its motivational, emotional, and cognitive components. The research involved foreign students of Tomsk universities that came from various African or European countries, China, India, and Russia. The social identity was defined based on two questionnaires, namely The Types of Ethnic Identity by G. U. Soldatova and S. V. Ryzhova and The Scale of Ideological Ego Identity by J. R. Adams; components of the subjective quality of life – according to The Scale of Positive and Negative Affect by D. Watson et al., The Scale of Life Satisfaction by E. Diener et al., and The Values of Happiness by B. Ford et al. The authors managed to define the factor structure of social identity, which appeared to have both ethnically-specific and universal features. All cultural groups demonstrated certain factors of social identity that can act as key predictors of ideas about happiness, as well as about emotional (dominant affect) and cognitive (assessment of life satisfaction) components of the subjective quality of life. The results can help to set goals for psychological and educational support of foreign students.
Keywords: educational migration, multicultural educational environment, students of cultural groups, subjective quality of life, social identity, ethnic identity, ideological identity, predictors, psychological and educational support

Citation: Bokhan T. G., Shabalovskaya M. V., Terekhina O. V., Ulyanich A. L., Borodich J. V., Tanabasova U. V. Identity as a Predictor of Subjective Assessment of Quality of Campus Life: Cross-Cultural Aspect. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(1): 143–155. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-143-155

Conflicting interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Funding: The study was carried out with the financial support of the Russian Federal Property Fund in the framework of the research project "The Formation of Identity as a Psychological Factor of the Subjective Assessment of the Quality of Life among Young People in the Multicultural Environment of Universities (Cross-Cultural Studies)" (grant No. 19-413-700007).

References

1. Galazhinskiy E. V., Bokhan T. G., Ulyanich A. L., Terekhina O. V., Shabalovskaya M. V. The connection between the subjective well-being and ideas of happiness (the direction of values, intensity of the motivation and ideas about responsibility) among university students. *Science for Education Today,* 2019, 9(6): 19–38. (In Russ.) DOI: 10.15293/2658-6762.1906.02
2. Rubanova E. Y. Subjective quality of life: approaches to studying. *Scientists notes PNU*, 2018, 9(1): 506–511. (In Russ.)
3. Shamionov R. M. Characteristics of the subjective well-being of an individual in conditions of migration. *Socio-psychological adaptation of migrants in the modern world*: Proc. 2nd Intern. Sci.-Prac. Conf., Penza, 27–28 Feb 2014. Moscow: Pero, 2014, 193–199. (In Russ.)

© 2021. The Author(s). This article is distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-143-155

4. Shamionov R. M. Theoretical approaches to ethno-psychological and cross-cultural studies of subjective well-being of the personality. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 2016, (1): 7–19. (In Russ.)
5. Shamionov R. M., Sultaniyazova N. Zh. Values and attitudes to ethnic culture and traditions as predictors of subjective well-being among Russians and Kazakhs. *Russian Psychological Journal*, 2018, 15(1): 157–186. (In Russ.) DOI: 10.21702/rpj.2018.1.8
6. Shamionov R. M. Ethno-psychological determinants of personal subjective well-being. *Theoretical problems of ethnic and cross-cultural psychology*: Proc. 5th Intern. Sci. Conf., Smolensk, 27–28 May 2016. Smolensk: SmolGU, 2016, vol. 1, 268–272. (In Russ.)
7. Taormina R. J., Shamionov R. M. A new measure of traditional values across cultures: China and Russia compared. *Psychological Thought*, 2016, 9(2): 197–221. DOI: 10.5964/psyct.v9i2.202
8. Schotte K., Stanat P., Edele A. Is integration always most adaptive? The role of cultural identity in academic achievement and in psychological adaptation of immigrant students in Germany. *Journal of Youth and Adolescence*, 2018, 47(1): 16–37. DOI: 10.1007/s10964-017-0737-x
9. Umaña-Taylor A. J., Kornienko O., Bayless S. D., Updegraff K. A. A universal intervention program increases ethnic-racial identity exploration and resolution to predict adolescent psychosocial functioning one year later. *Journal of Youth and Adolescence*, 2018, 47(1): 1–15. DOI: 10.1007/s10964-017-0766-5
10. Umaña-Taylor A. J., Douglass S., Updegraff K. A., Marsiglia F. F. A small-scale randomized efficacy trial of the identity project: promoting adolescents' ethnic-racial identity exploration and resolution. *Child Development*, 2018, 89(3): 862–870. DOI: 10.1111/cdev.12755
11. Piña-Watson B., Martinez A. J., Cruz L. N., Llamas J. D., López B. G. Ethnic identity affirmation as a strength for Mexican descent academic outcomes: Psychological functioning and academic attitudes as mediators. *Psychology in the Schools*, 2018, 55(10): 1155–1170. DOI: 10.1002/pits.22188
12. Oliveira D. R., Pankalla A., Cabecinhas R. Ethnic Identity as predictor for the well-being: An exploratory transcultural study in Brazil and Europe. *Summa psicol. UST (En línea)*, 2012, 9(2): 33–42.
13. Sharma S., Sharma M. Self, social identity and psychological well-being. *Psychological Studies*, 2010, 55(2): 118–136. DOI: 10.1007/s12646-010-0011-8
14. Novgorodova E. F., Bakina A. V., Mahova I. Yu., Shmakova V. A., Yaremchuk S. V. Socio-psychological factors of satisfaction by life in youngsters: regional aspect of a problem. *Voprosy psikhologii*, 2017, (4): 102–117. (In Russ.)
15. Fedotova V. A., Zhdanova S. Yu. Adaptation of students from India and Arab countries to the educational contex institutions of higher education in Russia. *Social Psychology and Society*, 2020, 11(2): 93–106. (In Russ.) DOI: 10.17759/sps.2020110206
16. Soldatova G. U., Shaigerova L. A., Prokofieva T. Yu., Kravtsova O. A. *Psychodiagnostics of personality tolerance*. Moscow: Smysl, 2008, 140–146. (In Russ.)
17. Gavrilova T. A., Glushak E. V. Adaptation of the method of objective measurement of the status of ego-identity by J. R. Adams. *Psikhologicheskaia diagnostika*, 2009, (5): 53–65. (In Russ.)
18. Osin E. N. Measuring positive and negative affect: development of a Russian-language analogue of PANAS. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 2012, 9(4): 91–110. (In Russ.)
19. Osin E. N., Leontiev D. A. Brief Russian-language instruments to measure subjective well-being: psychometric properties and comparative analysis. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2020, (1): 117–142. (In Russ.) DOI: 10.14515/monitoring.2020.1.06
20. Ford B. Q., Dmitrieva J. O., Heller D., Chentsova-Dutton Y., Grossmann I., Tamir M., Uchida Yu., Koopmann-Holm B., Floerke V. A., Uhrig M., Bokhan T., Mauss I. B. Culture shapes whether the pursuit of happiness predicts higher or lower well-being. *Journal of Experimental Psychology: General*, 2015, 144(6): 1053–1062. DOI: 10.1037/xge0000108
21. Shorkina N. A. Social and personal identity of migrants. *Sovremennaia sotsialnaia psikhologiia: teoreticheskie podkhody i prikladnye issledovaniia*, 2012, (2): 91–95. (In Russ.)
22. Soldatova G. U., Shaygerova L. A. Psychological adaptation of forced migrants. *Psikhologicheskii zhurnal*, 2002, 23(4): 66–81. (In Russ.)
23. Bokhan T. G., Shabalovskaya M. V., Borodich J. V., Terekhina O. V., Ulyanich A. L. Personal and ethnic identity in students: a cross-cultural comparison. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(4): 962–973. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-4-962-973
24. Erikson E. *Identity: youth and crisis*. Moscow: Progress, 1996, 344. (In Russ.)
25. Sica L. S., Luyckx K., Goossens L., Ragozini G., Sestito L. A. Identity statuses and event-Focused narratives at university starting point in Italy. *Journal of Adult Development*, 2017, 24(2): 89–108. DOI: 10.1007/s10804-016-9249-2
26. Istomina O. B. Psychology of interethnic interaction: dispositions and features in modern society. *European Social Science Journal*, 2016, (11): 325–329. (In Russ.)

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-143-155

27. Grishina A. V., Lunin S. L. Ethnic identity types of Russian youth as an indicator of a positive readiness to accept the forced migrants from Ukraine. *Russian Psychological Journal*, 2015, 12(2): 46–55. (In Russ.)
28. Bohhan T. G., Shabalovskaya M. V., Borodich J. V., Terekhina O. V., Ulyanich A. L. Cultural conditionality of the social identity structure among students studying in the multicultural university environment. *World of Science. Pedagogy and psychology*, 2020, 8(1). Available at: https://mir-nauki.com/PDF/17PSMN120.pdf (accessed 14 February 2021). (In Russ.)
29. Vitko Yu. S., Lebedeva A. A. Spirituality as an indicator of mental health-related quality of life. *Nevrologicheskii vestnik*, 2019, 51(4): 88–91. (In Russ.)
30. Sergienko E. A. Psychological health: subjective factors. *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogy. Education" Series*, 2017, (4): 98–117. (In Russ.)

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-156-165

оригинальная статья
УДК 159.9.072.43

Технологические задачи психологического обеспечения мониторинга действий пользователей в электронной образовательной среде современного вуза

Екатерина Валерьевна Бредун
Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия, г. Томск
bredun.88@mail.ru
https://orcid.org/0000-0003-4214-8065

Татьяна Анатольевна Ваулина
Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия, г. Томск
https://orcid.org/0000-0002-3837-3756

Виктор Анатольевич Шамаков
Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия, г. Томск
https://orcid.org/0000-0002-3716-7707

Элеонора Анатольевна Щеглова
Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия, г. Томск
https://orcid.org/0000-0003-3360-038X

Поступила в редакцию 26.01.2021. Принята к печати 29.03.2021.

Аннотация: Представлен краткий анализ существующих подходов к использованию возможностей мониторинга цифрового следа пользователя в электронной образовательной среде для решения задач проектирования интеллектуальных сред обучения и прогнозирования моделей взаимодействия с информационной средой. Описаны основные методические приемы анализа содержания результатов мониторинга действий пользователей в электронной информационно-образовательной среде (модели действий пользователей в LMS Moodle), в том числе и возможности использования образовательных датасетов как удобного ресурса для дистанционного образования студентов. Показаны технические приемы аутентификации не на основе знания, которым обладает человек, а на основе подтверждения индивидуального цифрового портрета пользователя. Представлены обобщенные результаты исследования, отражающие стилевые особенности поведения и наиболее типичные сценарии работы студентов в электронной информационно-образовательной среде и позволяющие выделить наиболее характерные типологические признаки когнитивного поведения. Полученные аналитические данные обсуждаются в контексте привлечения технологических подходов к психологическому обеспечению мониторинга действий пользователей в электронной образовательной среде современного вуза для решения задач создания более эффективных когнитивных интерфейсов, которые могут адаптироваться к пользователю учебной среды, персонализируя среду под конкретного пользователя.

Ключевые слова: цифровой след, информационная среда, биометрические данные, обучающая платформа, психологические особенности пользователя

Цитирование: Бредун Е. В., Ваулина Т. А., Шамаков В. А., Щеглова Э. А. Технологические задачи психологического обеспечения мониторинга действий пользователей в электронной образовательной среде современного вуза // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 1. С. 156–165. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-156-165

Введение

Возрастающая информационно-технологическая насыщенность современного образовательного пространства неизбежно обусловливает запросы на эффективные форматы психологического обеспечения реализации существующего многообразия когнитивных моделей обучения. Все более отчетливо проявляются и тенденции смещения образовательных технологий, акцентирующихся на содействие процессам индивидуализации в обучении, в сторону их реализации в условиях сетевых и платформенных сред. И в этой связи особую значимость обретают задачи синхронизации пространственно-временного континуума самообучаемости со спецификой соответствующей информационной среды.

В последнее время для решения такого рода задач стали активно применять набирающие популярность технологии мониторинга цифрового следа пользователя в электронной образовательной среде. Действительно, возможность контроля за действиями пользователя, который предоставляют современные компьютерные системы, порождает постановку дополнительных целей, кроме тех, которые достигаются базовой функциональностью прикладного программного обеспечения. Цели эти могут иметь «сквозной» характер, и достижение их становится дополнительным «измерением» функционирования компьютерной системы, рассматриваемой в этом случае как поставщика знаний о деятельности

© 2021. Авторы. Статья распространяется на условиях международной лицензии CC BY 4.0

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-156-165

человека, опосредованной использованием современных информационных систем. Целями такого мониторинга могут быть биометрические характеристики пользователя, его функционального состояния, эмоционального статуса, когнитивных стилей, степени вовлеченности в полезную деятельность и т. д. Так, приложения для мониторинга биометрических характеристик имеют широкий диапазон использования для защиты информации, построения индивидуального портрета пользователя, идентификации и т. д. Современные исследования в данной сфере сосредоточены на разработке точных, гибких способов оценки распознания индивидуального портрета пользователя [1–3]. Цель подобного прогнозирования состоит в поиске четких метрик различения пользователей за счет поиска эффективного способа распознания [4].

В цифровом моделировании человека необходимо учитывать его взаимодействие с устройством, т. к. физические, поведенческие, социальные алгоритмы влияют на производительность всей биометрической системы. Определение физических пределов работы пользователя имеет большое значение, поскольку они основаны на характеристиках человека, которые можно измерить и которые нелегко воспроизвести. Потенциальные преимущества поведенческой биометрии заключаются в том, что ее можно использовать в профилировании поведенческих и семантических характеристик [5]. Это подтверждено рядом исследований, показывающих, что пользователи с разными физическими характеристиками по-разному воспринимают среду и взаимодействуют с оборудованием, отличаются когнитивными способностями [6]. Сюда относится динамика нажатия клавиш, работа с мышкой, темпоральные особенности, индивидуальные когнитивные стили, что подтверждено рядом исследований.

Например, исследования, проведенные в 2005–2016 гг., направленные на анализ биометрических характеристик для аутентификации человека через движение мыши, показали, что ритм движения индивидуален и характерен для каждого человека, поэтому его можно использовать для идентификации пользователей [7; 8]. Кроме того, в исследовании 2015 г. представлены возможности мониторинга эмоционального состояния пользователя на основе динамики движения мыши [9]. Эксперименты показали, что динамические характеристики нажатия клавиш являются отличительной характеристикой, что позволяет создать индивидуальные модели и впоследствии отличать пользователей системы [10; 11]. Другие авторы предлагают смежную технику считывания биометрических данных, основанную на динамике нажатия клавиш и движении мыши [12]. Также включены исследования эмоционального состояния в приложениях когнитивной стимуляции, цель которых состоит в построении модели идентификации эмоций и определения пользовательского опыта [13]. Один из способов сделать биометрические алгоритмы более надежными – объединить несколько биометрических функций.

Современное образование требует проектирования интеллектуальных сред обучения, из чего вырастает необходимость прогнозирования моделей взаимодействия с информационной средой для создания более эффективных когнитивных интерфейсов, которые могут адаптироваться к пользователю учебной среды [14–16]. Такой адаптивный отбор основывается на предварительной диагностике и последующей адаптации системы обучения [17]. На данный момент многие исследователи занимаются разработками различных адаптивных систем обучения, основанных на биометрических и иных характеристиках и предпочтениях учащихся [18; 19]. Кроме того, разработка системы аутентификации приобретает важное значение в академической среде для проверки авторства и аутентификации обучающихся для получения доступа к экзаменационному, тестовому и иному оценочному контенту. При этом биометрические данные основаны на поведенческих, физиологических характеристиках и являются наиболее значимыми, поскольку аутентификация происходит не на основе знания, которым обладает человек, а на основе подтверждения индивидуального цифрового портрета пользователя [20–23]. Соответственно, решение технологических задач психологического обеспечения такого рода мониторинга когнитивной деятельности в условиях электронных образовательных сред позволит в будущем обеспечить полностью персонализированную среду под конкретного пользователя, основываясь на его физических, темпоральных и когнитивных характеристиках.

Методы

Мониторинг действий пользователя традиционно может быть отнесен к различным отрезкам времени работы пользователя – от нескольких секунд до нескольких лет, или от элементов рабочих операций до оценки деятельности в целом (если речь идет о хронологическом времени или психологическом). Особенно актуальным такого рода мониторинг становится в случае конструирования и эксплуатации образовательных систем. Более того, возможность осуществления обратной связи, нелинейно агрегирующей и обобщающей действия пользователя, может быть положена в основу образовательных технологий, выходящих за пределы отдельной обучающей платформы. Источниками данных для такого рода мониторинга становятся устройства интерфейса ввода данных, такие как клавиатура, мышь, микрофон, видеокамера, устройства нейроинтерфейса, полиграфические устройства, трекеры двигательной активности и т. д. В конечном счете возможна постановка проблемы разработки специализированных элементов интерфейса, ориентированных на решение задач мониторинга действий пользователя.

Основным методическим приемом анализа психологического содержания результатов мониторинга действий пользователей в электронной информационно-образовательной среде был статистический анализ открытого

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-156-165

набора данных обучающей аналитики Open University (OULAD) в Moodle LMS. Для выбора плагина, позволяющего отслеживать действия пользователя в Moodle LMS, были проанализированы возможности существующих различных плагинов и дополнений: admin tools: Web Analytics[1]; blocks: Analytics graphs[2] (данный плагин генерирует графики активности студентов на курсах); grade reports: Quiz Analytics[3] (этот плагин предоставляет пользователям аналитику опросов, викторин и экзаменов); reports: Device Analytics[4] (данный плагин предоставляет администратору обзор об используемых устройств); blocks: Behaviour Analytics[5] (данный плагин предназначен для извлечения моделей поведения пользователей и изображает их на графах); reports: My Grades report[6] (плагин предоставляет отчеты по оценкам пользователей курса); real-Time-Online-Mouse-Tracking-Animation[7] (данный плагин представляет из себя js-, jquery-, css-, html-код и позволяет отслеживать многие события в браузере пользователя).

В связи с тем, что ни один из найденных готовых плагинов moodle-аналитики в полной мере не соответствует задачам психологического обеспечения мониторинга действий пользователя в электронной образовательной среде конкретного вуза, было принято решение разработать собственный плагин – Mouse Tracking TSU. Данный плагин разработан для Moodle LMS, написан с использованием js, библиотеки jquery. Плагин относится к типу плагинов Moodle-block, основной его целью является сбор данных действий пользователя на сайте.

Плагин собирает следующие данные:

- позиция курсора по оси X;
- позиция курсора по оси Y;
- наведение мыши на элемент страницы;
- покидание мыши с элемента страницы;
- отправка формы;
- фокус поля;
- снятие фокуса;
- скролл от верха страницы;
- скролл от левого края страницы;
- тип события;
- элемент события;
- нажатие клавиш на клавиатуре;
- отпускание клавиш на клавиатуре;
- нажатие клавиш мыши;
- Timestamp;
- имя пользователя;
- E-mail пользователя;
- Ip адрес пользователя;
- Url адрес страницы.

Штамп состояния собирается каждые 10 мс и по факту произошедшего события. Формируется два массива, которые передаются с помощью POST запроса на сервер каждые 5 секунд, чтобы не перегружать клиентскую часть приложения. Все данные пользователя хранятся в формате JSON в файловой системе модуля на сервере.

Таким образом, организованный анализ действий пользователей в LMS Moodle позволяет выявить наиболее типичные сценарии работы студентов в электронной информационно-образовательной среде (модели действий пользователей Moodle).

Набор данных из LMS Moodle включает для каждого пользователя параметры (показатели) его достижений (продуктивности) и параметры (показатели) его действий в электронной образовательной среде конкретного вуза:

достижения (продуктивность):

- количество электронных учебных курсов (ЭУК) (дисциплин),
- перечень ЭУК (дисциплин),
- количество оценок,
- результаты освоения дисциплин – оценки,
- какие дисциплины освоены, какие брошены и на каком этапе обучения,
- средняя отметка за все этапы обучения (проходной балл, чтобы двигаться дальше, или необходимо выравнивание);

действия:

- количество действий,
- количество обращений к отдельным дисциплинам (ЭУК),
- количество обращений к отдельным элементам каждого ЭУК,
- продолжительность обращения к элементам ЭУК (сколько времени уделяет),
- время выполнения отдельных видов заданий (тест, кейс, проект, эссе и пр.),
- частота обращения к отдельным заданиям,
- какие задания выполнены сразу, к каким возвращается (доделывает, переделывает), какие бросает и на каком этапе,
- движение руки (клики мышкой, движение по экрану, по элементам курса) и т.д.

[1] Страница плагина на сайте Moodle: https://moodle.org/plugins/pluginversions.php?plugin=tool_webanalytics

[2] Страница плагина на сайте Moodle: https://moodle.org/plugins/block_analytics_graphs

[3] Страница плагина на сайте Moodle: https://moodle.org/plugins/gradereport_quizanalytics

[4] Страница плагина на сайте Moodle: https://moodle.org/plugins/report_deviceanalytics

[5] Страница плагина на сайте Moodle: https://moodle.org/plugins/block_behaviour

[6] Страница плагина на сайте Moodle: https://moodle.org/plugins/report_mygrades

[7] Github репозиторий плагина: https://github.com/0fajarpurnama0/Real-Time-Online-Mouse-Tracking-Animation

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-156-165

В целом различаются три разных типа данных:

1) демографические – предсавляют основную информацию о студентах, включая их возраст, пол, регион, предыдущее образование и т. д.;

2) производительность – отражает результаты и достижения студентов за время обучения в OU;

3) учебное поведение – журнал действий учащихся в VLE.

Процесс анонимизации набора данных разрабатывается в соответствии с этическими требованиями и требованиями конфиденциальности применяется в OU. Весь процесс создания и выпуска набора данных контролировался OU управлением и утвержден вице-канцлером исполнительного комитета. Сама анонимизация выполняется в несколько этапов. Первым делом удаляется личная информация о студентах и модулях. Это включает в себя номер социального страхования, дату рождения и уникальные идентификаторы, используемые в OU для студентов. Имена модулей были заменены символами без семантики, а вся временная информация была выражена в относительном выражении относительно начала презентации. Кроме того, все числовые идентификаторы (т. е. student_id, code_module и т. д.) были переназначены и полностью рандомизированы.

В качестве квазиидентифицирующих атрибутов выступили пол, индекс множественной депривации (IMD-полоса) 5, уровень образования, возраст, регион, в котором живет студент, наличие инвалидности. Данные атрибуты могут быть использованы для идентификации человека с использованием других общедоступных источников. Таким образом, необходимость сохранения анонимности требует применения дополнительных методов анонимизации. Для этой цели мы использовали инструмент анонимизации ARX6, который широко используется в медицинских областях. Используя информацию и экспертные знания в области, мы создали анонимную иерархию для каждого квазиидентифицирующего атрибута, а затем применили несколько правил анонимизации к набору данных с использованием ARX.

Набор данных обучающей аналитики Open University (OULAD) содержит подмножество данных о студентах OU: демографические данные и данные взаимодействия с электронной системой университета. Чтобы лучше понять данные, следует описание OU и его системы обучения и преподавания.

Данные учащихся включают информацию об их местоположении и регистрации для модулей. Для каждого триплета презентации набор данных содержит результаты оценок студентов. Взаимодействие студентов с электронной системой обучения регистрируется как краткое изложение их повседневной деятельности. Набор данных содержит 22 модуля-презентации с 32593 зарегистрированными студентами[8]. OULAD был сертифицирован Институтом открытых данных[9]. Набор данных может использоваться в различных исследовательских сценариях. Это позволяет оценить модели для прогнозирования оценки результатов студента, итоговые результаты курса и сравнение моделей с другими моделями разработки другими исследователями. Данные VLE позволяют изучать структуру курса с точки зрения обучения, и сами данные могут быть использованы для оценки влияния VLE на результаты обучения студентов. Процесс сбора данных в открытом университете OU осуществляют различные информационные системы для поддержки студентов и модулей. Из-за изменчивости в информации, собранной в каждой системе, OU находится в хранилище данных, которое объединяет информацию из всех доступных систем.

Результаты

Типичная схема прохождения студентом электронного курса представлена на рис. 1. Последовательно выполняя учебные задания после старта модуля, студент получает ряд текущих оценок. Перед окончанием модуля сдается итоговый экзамен, представленный в виде набора стандартных задач.

Информация о каждом студенте, его действия в системе и достижения фиксируются в специальных протоколах, представленных двумерными таблицами. Набор взаимосвязанных протоколов-таблиц представлен в электронном виде и называется набором данных (dataset).

Основная информация об успеваемости студентов содержится в таблице studentAssessment. Не все студенты имеют одинаковое количество оценок. Это хорошо видно на рис. 2 – с наибольшей частотой встречаются количество оценок 1 и 11 (более 3000). Всего по одному студенту имеется 25, 26, 28 оценок.

Рис. 1. Схема прохождения студентом электронного курса обучения
Fig. 1. Roadmap of an e-learning course

[8] Это свободно доступно: https://analyse.kmi.open.ac.uk/open_dataset

[9] Open data institute. Режим доступа: http://theodi.org/ (дата обращения: 15.01.2021).

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-156-165

Распределение усредненных оценок, полученных за все промужеточные этапы, заметно смещено в сторону 100 баллов (рис. 3). Средняя отметка приходится на значение 75,8 балла. Следует также отметить, что отметка 40 баллов является в данной системе «проходной». В том случае, если студент получает меньшую оценку, то он не может продолжать обучение, пока не исправит результат курса. На отметках 100 и 1 балл хорошо заметны всплески, которые можно объяснить наличием двух полярных групп студентов. Одни получают минимальную оценку, очевидно, не выполняя задания, и только симулируют учебную деятельность, другие стремятся к идеальному выполнению заданий. Очевидно, что такие всплески можно оценивать с точки зрения стилевых особенностей поведения студентов.

Для уточнения характера распределения оценок мы выделили три подгруппы студентов с точки зрения их продуктивности. При этом использовался подход, основанный на процентилях. Первая группа составляет 33,3 % студентов, имеющих худшую среднюю оценку, третья (33,3 %) – лучшие по успеваемости студенты, вторая группа представлена средними оценками. Для того чтобы выполнить разделение на группы, использовалась статистическая система R и библиотека манипулирования данными dplyr. Это вызвано тем, что для решения проблемы группировки необходимо использовать данные из нескольких таблиц, совмещая их в новой таблице либо добавляя в уже имеющуюся.

На рисунках 4, 5 и 6 приведены гистограммы распределения для трех групп оценок. Особый интерес на этих диаграммах представляют всплески на ключевых значениях. Кроме значений 1 и 100 мы видим хорошо заметный всплеск на границе 40 баллов, 60 и 80. Всплески с низкими значениями полностью исчезают в группе лучших студентов, где наибольшее значение приобретает отметка 100 баллов.

Распределение количества обращений студентов к курсам показано на рисунках 7, 8 и 9. На рис. 7 мы видим полную картину, несколько искаженную наличием экстремальных значений. В датасете есть некоторое количество студентов, обращение которых к курсам превышает 2000. Рис. 8 в этом смысле более информативен, т. к. позволяет понять характер распределения данных. На рис. 9 показаны распределения студентов, представляющих наибольшую группу. Они обращались к элементам курса от 1 до 100 раз.

Дисперсионный анализ зависимости частоты обращения студентов к элементам курса от их успеваемости показывает высокий уровень статистической значимости. В данном случае можно уверенно говорить о том, что характер обращения к элементам курса однозначно указывает на успешность студента в освоении программы, предлагаемой электронной системой обучения.

Наиболее характерным с точки зрения стилевых особенностей является случай рассмотрения распределения количества студентов в зависимости от величины дисперсии времени обращения к элементам курса (рис. 10). Здесь мы используем интегральную характеристику

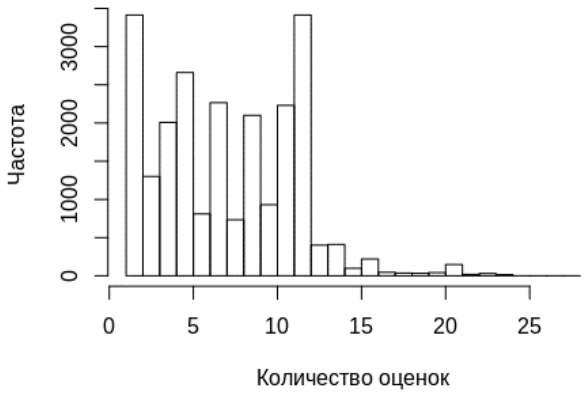

Рис. 2. Частота распределения количества оценок, полученных в системе электронного обучения
Fig. 2. Frequency array of the scores in an e-learning system

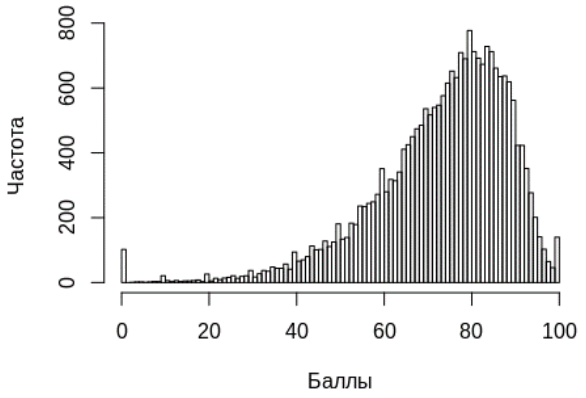

Рис. 3. Распределение усредненных оценок
Fig. 3. Distribution of average ratings

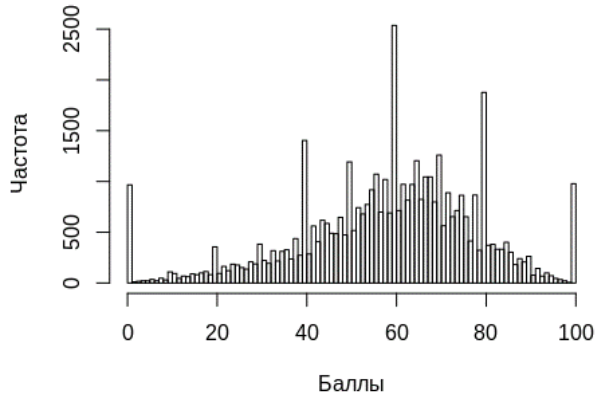

Рис. 4. Распределение усредненных оценок для группы малоуспевающих студентов
Fig. 4. Low-performing students: mean score

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-156-165

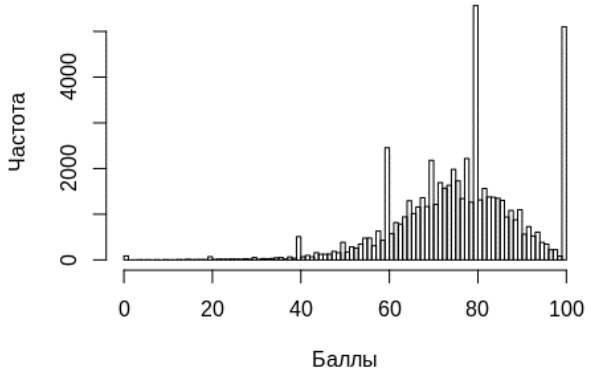

Рис. 5. Распределение усредненных оценок для группы студентов со средней успеваемостью
Fig. 5. Average students: mean score

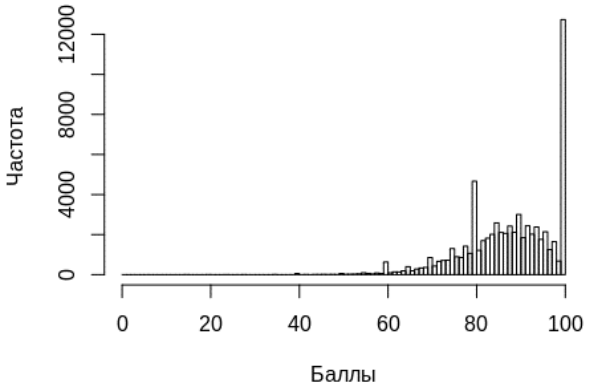

Рис. 6. Распределение усредненных оценок для группы наиболее успешных студентов
Fig. 6. Successful students: average score

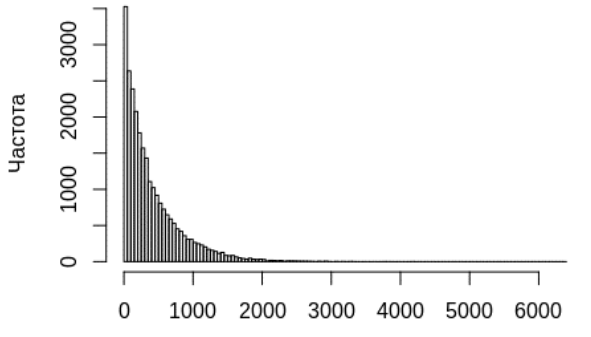

Рис. 7. Распределение количества обращений студентов к элементам электронного курса
Fig. 7. Students' access rate to the elements of the e-learning course

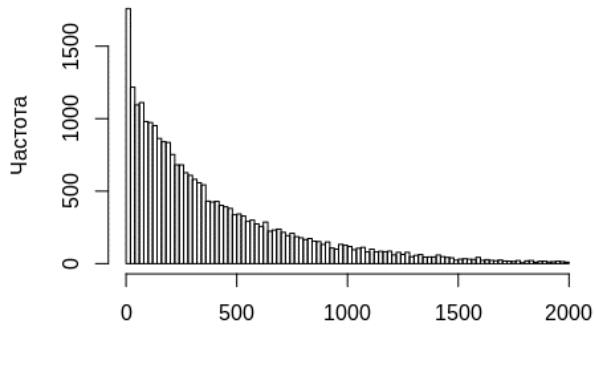

Рис. 8. Распределение количества обращений студентов к элементам курса до 2000 раз
Fig. 8. Access rate, below 2,000 times

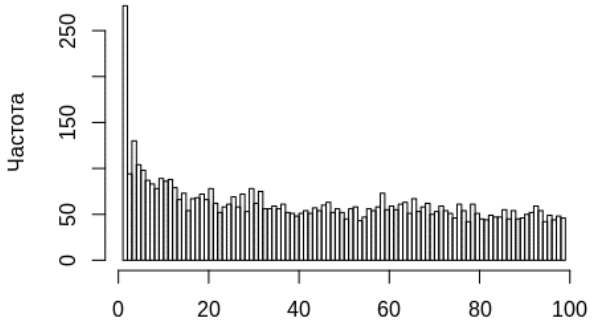

Рис. 9. Распределение количества обращений студентов к элементам курса до 100 раз
Fig. 9. Access rate, below 100 times

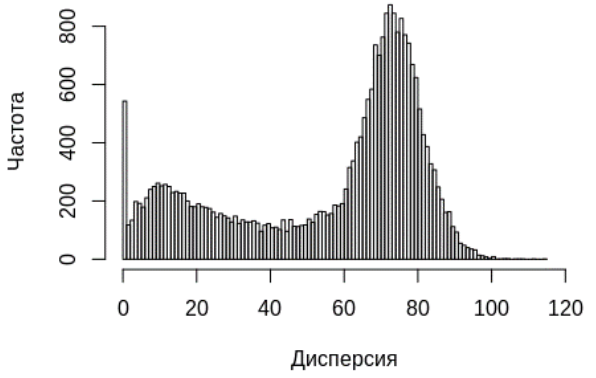

Рис. 10. Распределение количества студентов в зависимости от величины дисперсии времени обращения к элементам курса
Fig. 10. Number of students depending on the variance of the time of access to the e-learning course

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-156-165

когнитивного стиля, заключающуюся в том, что чем больше количество обращений к различным элементам курса, тем выше показатель среднеквадратического отклонения от средней по всей выборке величины времени прохождения курса. Очевидно, что здесь мы имеем дело с нелинейным характером распределения, что свидетельствует о большом количестве факторов, влияющем на поведенческие особенности пользователя в среде электронного обучения.

Заключение

Анализ полученных аналитических данных, позволяющих собрать информацию для описания образовательных датасетов, дает основание для заключения о том, что это удобный ресурс для дистанционного образования студентов. Данные ресурсы обладают системностью изложения материалов, фиксацией успеваемости студентов, обратной связью. Современные образовательные датасеты позволяют:

- развивать культуру использования данных для принятия учебных решений;
- привлекать ИТ-отделы к планированию сбора и использования данных в образовательных и исследовательских целях;
- планировать учебные предложения, исходя из спроса студентов.

Кроме того, данные образовательные площадки гарантируют студентам анонимность в использовании их данных для различных исследований: от оценки образовательного курса до статистики успеваемости всего студенческого сообщества в образовательной дистанционной среде. Использование образовательных датасетов, хранящих помимо общих демографических данных об образовательной истории пользователя еще и сведения, отражающие результаты и достижения студентов за время обучения в OU, а также журнал действий учащихся, открывает ряд новых возможностей для психолога, оценивающего действия пользователя в электронной образовательной среде.

К числу актуальных задач собственно психологического обеспечения мониторинга действий пользователей в электронной образовательной среде современного вуза следует, с нашей точки зрения, отнести следующие:

- использование уже существующих психодиагностических методик и разработку новых, направленных на поиск и оценку психологических новообразований, являющихся целью образовательного процесса;
- использование деятельностных внешних критериев для оценки психометрических характеристик психодиагностических методик;
- оценка процессуальных характеристик решения мыслительных задач;
- оценка рисков «сбоя» образовательного процесса с точки зрения причин психологического характера;
- оценка пространственно-временной организации учащихся, их когнитивных способностей;
- автоматизация оценки учебной деятельности как учащихся, так и преподавателей;
- поиск «смысловых узлов» в учебной деятельности.

На основании информации, полученной в результате мониторинга действий пользователей в LMS Moodle, возможны прогнозирование успешности в обучении (тех, кто стремится к идеалу, «середнячках», малоуспевающих, кто имитирует обучение, кто симулирует и пр.), выявление талантов, разработка рекомендаций по построению образовательного трека с учетом индивидуальных психологических особенностей пользователей.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Финансирование: Результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 0721-2020-0040.

Литература

1. Kukula E. P., Elliott S. J., Duffy V. G. The effects of human interaction on biometric system performance // Digital Human Modeling. ICDHM 2007. Lecture Notes in Computer Science. Springer, Berlin, Heidelberg, 2007. Vol. 4561. P. 904–914. DOI: 10.1007/978-3-540-73321-8_102
2. Чуйков А. В., Вульфин А. М., Васильев В. И. Нейросетевая система преобразования биометрических признаков пользователя в криптографический ключ // Доклады Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники. 2018. Т. 21. № 3. С. 35–41. DOI: 10.21293/1818-0442-2018-21-3-35-41
3. Гришко А. К., Лукин В. С., Юрков Н. К. Синтез тестовых образов для оценки стойкости нейросетевых преобразователей в системах биометрической идентификации // Надежность и качество сложных систем. 2017. № 2. С. 32–40. DOI: 10.21685/2307-4205-2017-2-5
4. Morales A., Fierrez J., Ortega-Garcia J. Towards predicting good users for biometric recognition based on keystroke dynamics // Computer Vision – ECCV 2014 Workshops. ECCV 2014. Lecture Notes in Computer Science. Springer, Cham, 2014. Vol. 8926. P. 711–724. DOI: 10.1007/978-3-319-16181-5_54
5. Saevanee H., Clarke N. L., Furnell S. M. Multi-modal behavioural biometric authentication for mobile devices // Information Security and Privacy Research. SEC 2012. IFIP Advances in Information and Communication Technology. Springer, Berlin, Heidelberg, 2012. Vol. 376. P. 465–474. DOI: 10.1007/978-3-642-30436-1_38

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-156-165

6. Maple C., Norrington P. The usability and practicality of biometric authentication in the workplace // First International Conference on Availability, Reliability and Security (ARES06), Vienna University of Technology. 2006. P. 958–964. DOI: 10.1109/ARES.2006.133
7. Elbahi A., Omri M. N., Mahjoub M. A., Garrouch K. Mouse movement and probabilistic graphical models based e-learning activity recognition improvement possibilistic model // Arab. J. Sci. Eng. 2016. Vol. 41. № 8. P. 2847–2862. DOI: 10.1007/s13369-016-2025-6
8. Panasiuk P., Szymkowski M., Dąbrowski M., Saeed K. A multimodal biometric user identification system based on keystroke dynamics and mouse movements // 15th IFIP International Conference on Computer Information Systems and Industrial Management (CISIM), Sep 2016, Vilnius, Lithuania. 2016. P. 672–681. DOI: 10.1007/978-3-319-45378-1_58
9. Pentel A. Patterns of confusion: using mouse logs to predict user's emotional state // 5th International Workshop on Personalization Approaches in Learning Environments (PALE 2015) in conjunction with 23rd Conference on User Modelling, Adaptation and Personalization (UMAP 2015). Dublin, 2015. Vol. 1388. P. 40–45.
10. Eltahir W. E., Salami M. J. E., Ismail A. F. Lai W. K. Design and evaluation of a pressure-based typing biometric authentication system // EURASIP Journal on Information Security. 2008. DOI: 10.1155/2008/345047
11. Стародубов К. В., Громов Ю. Ю. Усовершенствование идентификации пользователей по клавиатурному почерку // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 10: Инновационная деятельность. 2017. Т. 11. № 4. С. 6–10. DOI: 10.15688/jvolsu10.2017.4.1
12. Motwani A., Jain R., Sondhi J. A multimodal behavioral biometric technique for user identification using mouse and keystroke dynamics // International Journal of Computer Applications. 2015. Vol. 111. № 8. P. 15–20. DOI: 10.5120/19558-1307
13. Carrillo I., Meza-Kubo V., Moran A., Galindo-Aldana G., García-Canseco E. Emotions identification to measure user experience using brain biometric signals // Human Aspects of IT for the Aged Population. Design for Aging. ITAP 2015. Lecture Notes in Computer Science. Springer, Cham, 2015. Vol. 9193. P. 15–25. DOI: 10.1007/978-3-319-20892-3_2
14. Yin Y., Alqahtani Y., Feng J. H., Chakraborty J., McGuire M. P. Classification of eye tracking data in visual information processing tasks using convolutional neural networks and feature engineering // SN Computer Science. 2021. № 2. DOI: 10.1007/s42979-020-00444-0
15. Chen X., Zou D., Xie H., Wang F. L. Past, present, and future of smart learning: a topic-based bibliometric analysis // International Journal of Educational Technology in Higher Education. 2021. № 18. DOI: 10.1186/s41239-020-00239-6
16. Slade S., Prinsloo P. Learning analytics: Ethical issues and dilemmas // American Behavioral Scientist. 2013. Vol. 57. № 10. P. 1510–1529. DOI: 10.1177/0002764213479366
17. Zhang S., Chang H.-H. A multilevel logistic hidden Markov model for learning under cognitive diagnosis // Behavior research methods. 2020. Vol. 52. № 1. P. 408–421. DOI: 10.3758/s13428-019-01238-w
18. Mampadi F., Chen S. Y., Ghinea G., Chen M.-P. Design of adaptive hypermedia learning systems: A cognitive style approach // Computers & Education. 2011. Vol. 56. № 4. P. 1003–1011. DOI: 10.1016/j.compedu.2010.11.018
19. Wang K. Y., Thongpapanl N., Wu H.-J., Ting I-H. Identifying structural heterogeneities between online social networks for effective word-of-mouth marketing // International Conference on Advances in Social Networks Analysis and Mining. Kaohsiung, Taiwan, 2011. P. 418–422. DOI: 10.1109/ASONAM.2011.24
20. Laamanen M., Ladonlahti T., Uotinen S., Okada A., Bañeres D., Koçdar S. Acceptability of the e-authentication in higher education studies: views of students with special educational needs and disabilities // International Journal of Educational Technology in Higher Education. 2021. № 18. DOI: 10.1186/s41239-020-00236-9
21. Karim N. A., Shukur Z. Review of user authentication methods in online examination // Asian Journal of Information Technology. 2015. Vol. 14. № 5. P. 166–175. DOI: 10.3923/ajit.2015.166-175
22. Traore I., Nakkabi Y., Saad S., Sayed B., Ardigo J., de Faria Quinan P. M., Quinan P. Ensuring online exam integrity through continuous biometric authentication // Information Security Practices. 2017. P. 73–81. DOI: 10.1007/978-3-319-48947-6_6
23. Curum B., Khedo K. K. Cognitive load management in mobile learning systems: principles and theories // Journal of Computers in Education. 2021. № 8. P. 109–136. DOI: 10.1007/s40692-020-00173-6

BULLETIN
Kemerovo State University
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-156-165

original article

Activity Monitoring in the Digital Learning Environment of a Modern University: Technological Tasks of Psychological Support

Ekaterina V. Bredun
Tomsk State University, Russia, Tomsk
bredun.88@mail.ru
https://orcid.org/0000-0003-4214-8065

Tatiana A. Vaulina
Tomsk State University, Russia, Tomsk
https://orcid.org/0000-0002-3837-3756

Viktor A. Shamakov
Tomsk State University, Russia, Tomsk
https://orcid.org/0000-0002-3716-7707

Eleonora A. Shcheglova
Tomsk State University, Russia, Tomsk
https://orcid.org/0000-0003-3360-038X

Received 26 Jan 2021. Accepted 29 Mar 2021.

Abstract: The paper reviews the existing approaches to using digital footprints in the digital learning environment. Monitoring digital footprints of university students can help to design smart learning environment and predict models of interaction between this environment and the user. The article covers the main analysis tools that can be applied to activity monitoring in LMS Moodle, including datasets as a convenient resource for distant learning. The authors studied authentication techniques that are based not on one's knowledge but on the confirmation of one's digital profile. The research results revealed some personal styles and patterns of cognitive behavior that reflect students' work in the digital learning environment. The research results can be used to develop new psychological support of activity monitoring of the digital university environment, as well as to create new effective cognitive user-friendly interfaces.

Keywords: digital footprint, information environment, biometric data, learning platform, psychological profile of the user

Citation: Bredun E. V., Vaulina T. A., Shamakov V. A., Shcheglova E. A. Activity Monitoring in the Digital Learning Environment of a Modern University: Technological Tasks of Psychological Support. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(1): 156–165. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-156-165

Conflicting interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Funding: The research was part of the state task of the Ministry of Education and Science of Russia, project No. 0721-2020-0040.

References

1. Kukula E. P., Elliott S. J., Duffy V. G. The effects of human interaction on biometric system performance. *Digital Human Modeling. ICDHM 2007. Lecture Notes in Computer Science*. Springer, Berlin, Heidelberg, 2007, vol. 4561, 904–914. DOI: 10.1007/978-3-540-73321-8_102
2. Chuikov A. V., Vulfin A. M., Vasilyev V. I. Neural network system for converting the user biometric characteristics into a cryptographic key. *Proceedings of TUSUR University*, 2018, 21(3): 35–41. (In Russ.) DOI: 10.21293/1818-0442-2018-21-3-35-41
3. Grishko A. K., Lukin V. S., Yurkov N. K. Synthesis of test patterns for assessing the resistance of neural network transducers in biometric identification systems. *Reliability & Quality of Complex Systems*, 2017, (2): 32–40. (In Russ.) DOI: 10.21685/2307-4205-2017-2-5
4. Morales A., Fierrez J., Ortega-Garcia J. Towards predicting good users for biometric recognition based on keystroke dynamics. *Computer Vision – ECCV 2014 Workshops. ECCV 2014. Lecture Notes in Computer Science*. Springer, Cham, 2014, vol. 8926, 711–724. DOI: 10.1007/978-3-319-16181-5_54
5. Saevanee H., Clarke N. L., Furnell S. M. Multi-modal behavioural biometric authentication for mobile devices. *Information Security and Privacy Research. SEC 2012. IFIP Advances in Information and Communication Technology.* Springer, Berlin, Heidelberg, 2012, vol. 376, 465–474. DOI: 10.1007/978-3-642-30436-1_38
6. Maple C., Norrington P. The usability and practicality of biometric authentication in the workplace. *First International Conference on Availability, Reliability and Security (ARES06), Vienna University of Technology*, 2006, 958–964. DOI: 10.1109/ARES.2006.133
7. Elbahi A., Omri M. N., Mahjoub M. A., Garrouch K. Mouse movement and probabilistic graphical models based e-learning activity recognition improvement possibilistic model. *Arab. J. Sci. Eng.*, 2016, 41(8): 2847–2862. DOI: 10.1007/s13369-016-2025-6

© 2021. The Author(s). This article is distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-156-165

8. Panasiuk P., Szymkowski M., Dąbrowski M., Saeed K. A multimodal biometric user identification system based on keystroke dynamics and mouse movements. *15th IFIP International Conference on Computer Information Systems and Industrial Management (CISIM),* Sep 2016, Vilnius, Lithuania, 2016, 672–681. DOI: 10.1007/978-3-319-45378-1_58
9. Pentel A. Patterns of confusion: using mouse logs to predict user's emotional state. *5th International Workshop on Personalization Approaches in Learning Environments (PALE 2015) in conjunction with 23rd Conference on User Modelling, Adaptation and Personalization (UMAP 2015)*. Dublin, 2015, vol. 1388, 40–45.
10. Eltahir W. E., Salami M. J. E., Ismail A. F. Lai W. K. Design and evaluation of a pressure-based typing biometric authentication system. *EURASIP Journal on Information Security,* 2008. DOI: 10.1155/2008/345047
11. Starodubov K. V., Gromov Yu. Yu. Improvement of user identification by keyboard rhythm. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia 10: Innovatsionnaia deiatelnost*, 2017, 11(4): 6–10. (In Russ.) DOI: 10.15688/jvolsu10.2017.4.1
12. Motwani A., Jain R., Sondhi J. A multimodal behavioral biometric technique for user identification using mouse and keystroke dynamics. *International Journal of Computer Applications*, 2015, 111(8): 15–20. DOI: 10.5120/19558-1307
13. Carrillo I., Meza-Kubo V., Moran A., Galindo-Aldana G., García-Canseco E. Emotions identification to measure user experience using brain biometric signals. *Human Aspects of IT for the Aged Population. Design for Aging. ITAP 2015. Lecture Notes in Computer Science*. Springer, Cham, 2015, vol. 9193, 15–25. DOI: 10.1007/978-3-319-20892-3_2
14. Yin Y., Alqahtani Y., Feng J. H., Chakraborty J., McGuire M. P. Classification of eye tracking data in visual information processing tasks using convolutional neural networks and feature engineering. *SN Computer Science*, 2021, (2). DOI: 10.1007/s42979-020-00444-0
15. Chen X., Zou D., Xie H., Wang F. L. Past, present, and future of smart learning: a topic-based bibliometric analysis. International *Journal of Educational Technology in Higher Education*, 2021, (18). DOI: 10.1186/s41239-020-00239-6
16. Slade S., Prinsloo P. Learning analytics: Ethical issues and dilemmas. American Behavioral Scientist, 2013, 57(10): 1510–1529. DOI: 10.1177/0002764213479366
17. Zhang S., Chang H.-H. A multilevel logistic hidden Markov model for learning under cognitive diagnosis. *Behavior research methods*, 2020, 52(1): 408–421. DOI: 10.3758/s13428-019-01238-w
18. Mampadi F., Chen S. Y., Ghinea G., Chen M.-P. Design of adaptive hypermedia learning systems: A cognitive style approach. *Computers & Education,* 2011, 56(4): 1003–1011. DOI: 10.1016/j.compedu.2010.11.018
19. Wang K. Y., Thongpapanl N., Wu H.-J., Ting I-H. Identifying structural heterogeneities between online social networks for effective word-of-mouth marketing. *International Conference on Advances in Social Networks Analysis and Mining*. Kaohsiung, Taiwan, 2011, 418–422. DOI: 10.1109/ASONAM.2011.24
20. Laamanen M., Ladonlahti T., Uotinen S., Okada A., Bañeres D., Koçdar S. Acceptability of the e-authentication in higher education studies: views of students with special educational needs and disabilities. *International Journal of Educational Technology in Higher Education*, 2021, (18). DOI: 10.1186/s41239-020-00236-9
21. Karim N. A., Shukur Z. Review of user authentication methods in online examination. *Asian Journal of Information Technology*, 2015, 14(5): 166–175. DOI: 10.3923/ajit.2015.166-175
22. Traore I., Nakkabi Y., Saad S., Sayed B., Ardigo J., de Faria Quinan P. M., Quinan P. Ensuring online exam integrity through continuous biometric authentication. *Information Security Practices*, 2017, 73–81. DOI: 10.1007/978-3-319-48947-6_6
23. Curum B., Khedo K. K. Cognitive load management in mobile learning systems: principles and theories. *Journal of Computers in Education*, 2021, (8): 109–136. DOI: 10.1007/s40692-020-00173-6

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-166-173

оригинальная статья
УДК 159.9.072

Доминирующее психическое состояние и настроение субъектов с разными видами отношения к себе как профессионалу

Сергей Витальевич Духновский
Югорский государственный университет, Россия,
г. Ханты-Мансийск
dukhnovskysv@mail.ru
https://orcid.org/0000-0003-3118-9988

Владимир Александрович Мищенко
Югорский государственный университет, Россия,
г. Ханты-Мансийск
https://orcid.org/0000-0002-0135-712X

Поступила в редакцию 18.01.2021. Принята к печати 16.02.2021.

Аннотация: Рассмотрены взаимосвязь особенностей доминирующего психического состояния с параметрами отношения к себе как профессионалу, виды настроения, присущие субъектам с разным профессиональным самоотношением. В психодиагностическом обследовании, проводившемся в рамках кадрового аудита, приняли участие 113 работников агрохолдинга со стажем работы на предприятиях от 1 до 5 лет. В исследовании использовались методики «Отношение к себе как профессионалу» и «Определение доминирующего состояния». Установлено, что величина *активность* (уровень притязаний и установка на профессиональное саморазвитие) как показатель профессионального самоотношения взаимосвязана с такими параметрами психического состояния, как активное (пассивное) отношение к жизненной ситуации и тонус высокий (низкий). Показатель величины *позитивность* (принятие и представление о себе как профессионале) взаимосвязан с *бодростью* как показателем психического состояния субъекта. У субъектов с активно-позитивным отношением к себе как профессионалу преобладают синтонный и деятельный виды настроения. В ситуациях, когда активность доминирует над позитивностью, имеет место деятельное настроение. Если показатели позитивности более выражены, чем активности, у обследованных доминирует синтонное настроение. Выявлено, что субъекты с уравновешенным профессиональным самоотношением обладают благополучным и воодушевленным настроением. При доминировании активности у обследованных преобладает воодушевленное настроение, при позитивности – благополучное. У субъектов с пассивно-негативным отношением к себе как профессионалу доминирующим видом настроения является созерцательное. Полученные данные необходимо использовать для разработки и реализации профилактики тонических состояний риска, таких как переутомление и астенические состояния, в сочетании с формированием и поддержанием активно-позитивного отношения к себе как профессионалу, а также профессионально-психологического благополучия субъектов трудовой деятельности.

Ключевые слова: активность, позитивность, тонус, самоотношение, трудовая деятельность, определение доминирующего состояния

Цитирование: Духновский С. В., Мищенко В. А. Доминирующее психическое состояние и настроение субъектов с разными видами отношения к себе как профессионалу // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 1. С. 166–173. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-166-173

Введение

Осуществление трудовой деятельности предполагает актуализацию и использование психологических и профессионально-психологических ресурсов и потенциалов работника, что может выражаться в изменении у субъектов трудовой деятельности активности в отношении к жизненной ситуации, тонуса, бодрости, эмоционального тона, отношения к себе как профессионалу. Кроме того, сочетание особенностей психического состояния и самоотношения является одним из условий, влияющих как на эффективность и удовлетворенность трудовой деятельностью, карьерой, так и на профессионально-психологическое благополучие субъекта трудовой деятельности в целом. В то же время обращает на себя внимание, что профессиональное самоотношение, сопровождающееся стремлением работника к более высоким профессиональным целям, ориентацией на развитие своих личностных и личностно-профессиональных качеств, позитивным принятием и представлением о себе как профессионале, требует большего вовлечения психологических ресурсов, что отражается в качественных характеристиках психического состояния, определяющего настроение субъекта трудовой деятельности.

В научном плане вопросы роли психических состояний, включая профессиональную деятельность, рассматривались в работах В. А. Ганзена и В. Н. Юрченко [1], С. В. Духновского [2], А. О. Прохорова [3; 4], Л. В. Куликова [5–7], Н. И. Наенко [8], Т. А. Немчина [9] и др. Проблемы отношения к себе и профессионального самоотношения поднимались в трудах В. В. Столина [10], С. Р. Пантилеева [11],

© 2021. Авторы. Статья распространяется на условиях международной лицензии CC BY 4.0

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-166-173

К. В. Карпинского и А. М. Колышко [12], М. Н. Дарижаповой [13], Л. В. Давиденко [14], П. Е. Герасимова [15], Л. Л. Лесных [16], Н. И. Сарджвеладзе [17], С. В. Духновского и В. А. Мищенко [18], М. В. Хватовой [19] и др.

Несмотря на наличие исследований, проблема соотношения психических состояний с профессиональным самоотношением изучена недостаточно. Актуальными в научном плане являются ответы на вопросы, какие особенности доминирующего психического состояния взаимосвязаны с параметрами отношения к себе как профессионалу; какие виды настроения присущи субъектам с разным отношением к себе как профессионалу.

Применительно к нашему исследованию, опираясь на положения, представленные в работах [7; 20–22], под *отношением к себе как профессионалу* будем понимать познание себя, самооценку, саморегуляцию и осознание себя, проявляющиеся в представлении и принятии себя как профессионала, а также в установках на профессиональное саморазвитие и должностное развитие субъекта профессиональной (в том числе и будущей) деятельности [23]. Рассматривая психическое состояние и настроение личности, мы использовали позицию Л. В. Куликова, согласно которой *психическое состояние* – это форма саморегуляции психики, один из важнейших механизмов интеграции человека как целостности – как единства его духовной, психической и телесной организации [6], тогда как *настроение* – относительно устойчивая составляющая (компонента) психического состояния, которая связывает структуры личности (мало изменяемые образования) с другими компонентами психического состояния – соматическим состоянием, интенсивностью психических процессов, психофизиологическими параметрами, эмоциями (более динамичными явлениями, чем личностные образования) [7].

Методика исследования

В исследовании мы исходили из предположения о взаимозависимости особенностей профессионального самоотношения, в частности активности и позитивности, с параметрами психического состояния субъекта трудовой деятельности. Кроме того, считаем, что субъекты с разными видами отношения к себе как профессионалу будут различаться в плане благоприятности (неблагоприятности) психического состояния и соответствующего ему вида настроения.

Объектом психодиагностического обследования выступили сотрудники агрохолдинга, расположенного на территории Курганской области, специализирующегося на производстве элитных семян зерновых и зернобобовых культур, в том числе и научной деятельности в этой сфере; закупке, поставке, приемке и хранении зерна и мукомольном производстве; хранении и переработке маслосемян, экологически чистом производстве масла. Обследование являлось частью кадрового аудита с целью выявления личностных и профессионально-психологических ресурсов, необходимых для построения эффективной карьеры на предприятиях холдинга, возможной ротации кадров, разработки комплексной программы развития кадрового потенциала работников холдинга. В психодиагностическом обследовании приняли участие 113 работников (стаж работы на предприятиях холдинга составил от 1 до 5 лет), среди обследованных – 33 женщины (31–39 лет) лет и 80 мужчин (33–37 лет). Данная категория работников претендует на замещение руководящих должностей на предприятиях холдинга (юридического, производственного, экономического, транспортного и научного отделов). В рамках исследования не ставилось задачи выявить гендерные различия обследованных по измеряемым параметрам и по их профессиональной специализации.

В обследовании нами использовался комплекс психодиагностических методик:

- Отношение к себе как профессионалу (ОСП) [23], с ее помощью производили оценку выраженности содержательных характеристик в отношении к себе как профессионалу (активности – пассивности, позитивности – негативности) на основании сочетания уровня притязаний, представления и принятия себя как профессионала, а также установки на профессиональное саморазвитие;
- Определение доминирующего состояния (ДС-8), разработана Л. В. Куликовым [6], ее данные позволили выявить особенности относительно устойчивых (доминирующих) состояний и настроений обследуемых.

Выбор психодиагностических методик обусловлен тем, что они в наибольшей степени отвечают основной цели исследования и соответствуют основным психометрическим требованиям, предъявляемым к разработке профессиональных тестов, соответственно надежность их результатов не вызывает сомнений.

В качестве методов математической статистики использовались анализ первичных статистик, корреляционный анализ, а для сравнения выборок – параметрический критерий t-Стьюдента (обусловлено нормальностью распределения данных).

Описание результатов исследования

Считаем, что особенности отношения к себе как профессионалу взаимосвязаны с содержательными характеристиками доминирующего состояния. Так, благоприятное психическое состояние (или приближенное к нему) способствует поддержанию и является индикатором активно-позитивного профессионального самоотношения. И наоборот – отношение к себе способствует поддержанию и свидетельствует о благоприятном состоянии субъекта трудовой деятельности.

В результате корреляционного анализа установлены значимые взаимосвязи показателей по шкалам ОСП и ДС-8 (табл. 1). Величина *активность* и входящие в нее показатели – уровень притязаний и установка на профессиональное саморазвитие (ОСП) – взаимосвязаны с показателем *активное (пассивное) отношение к жизненной ситуации*

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-166-173

и *тонус высокий (низкий)* (ДС-8). Коэффициенты корреляции находятся в диапазоне от –0,23 до 0,35 при p≤0,05.

Соответственно, активное, оптимистическое отношение к жизненной ситуации в сочетании с готовностью и ощущением сил для преодоления препятствий и верой в свои возможности присуще субъектам, у которых выражены стремления к достижению профессиональных целей, к изменению ситуации в желаемую для себя сторону. Это сопровождается стремлением к достижению более трудных, значимых, престижных профессиональных целей, которые способствуют переживанию благополучия, формированию позитивной самооценки; ориентацией на развитие своих личностно-профессиональных качеств, способностей и умений с использованием новой профессиональной информации (технологий и способов) в своей деятельности и выстраиванием коммуникации с другими профессионалами.

В то же время прямая корреляционная связь показателя *активность* (ОСП) с показателем *тонус* (ДС-8) демонстрирует, что с повышением активности в отношении к себе как профессионалу происходит большее вовлечение внутренних ресурсов субъекта, что сопровождается их истощением. Во многом это связано с поддержанием на высоком уровне своих притязаний, что требует больших психологических затрат субъекта трудовой деятельности.

Установлено, что показатель величины *позитивность*, включая шкалы *принятие* и *представление о себе как профессионале* (ОСП), взаимосвязан с показателем *бодрость* (ДС-8), коэффициенты корреляции находятся в диапазоне от –0,24 до –0,31 при p≤0,05. Таким образом, субъекты с повышенным, бодрым настроением, положительным эмоциональным фоном, сопровождающимся желанием действовать, более позитивно относятся к себе как профессионалу, зная и принимая свои профессионально-психологические особенности. Это находит отражение в осознании себя как профессионала, обладающего необходимыми личностно-профессиональными качествами и способностями, соответствующей квалификацией, способного успешно разрешать более сложные профессиональные задачи; в переживании позитивных чувств (гордости, уважения, уверенности, удовлетворенности) за себя, свой профессиональный и карьерный выбор, свои личностно-профессиональные качества и способности.

В ходе исследований на основании сочетания величины активности и позитивности нами были выявлены ***доминирующие виды профессионального самоотношения обследованных***: активно-позитивное, пассивно-негативное и уравновешенное. Для установления достоверности различий по шкалам ОСП у обследованных с разным видом профессионального самоотношения использовали параметрический критерий t-Стьюдента (табл. 2).

Получены достоверные различия показателей шкал ОСП у обследованных с разным видом отношения к себе как профессионалу. Различия в средних значениях оказались достоверно отличными на уровне p<0,01 и p<0,001, что является, с одной стороны, отражением конструктной валидности данной методики, а с другой – возможности ее использования для оценки видов отношения к себе как профессионалу. Кроме этого, эмпирические данные показывают:

1) ***активно-позитивное самоотношение*** выражено у 31,4 % обследованных. Показатели активности и позитивности находятся на повышенном и высоком уровнях (в диапазоне от 7 до 8 стэнов). Для субъектов свойственен высокий уровень притязаний в сочетании с принятием себя и сформированными позитивными представлениями о себе как профессионале, выраженной ориентацией на профессиональное саморазвитие;

2) ***пассивно-негативное отношение*** к себе преобладает у 22,8 % обследованных. Показатели активности и позитивности выражены на низком и пониженном уровне (от 3 до 4 стэнов). У субъектов нет стремления к достижению высоких профессионально- и личностно-значимых целей, развитию своих личностно-профессиональных качеств, ресурсов и способностей для повышения профессиональной компетентности в сочетании с недостаточно

Табл. 1. Матрица интеркорреляций показателей по шкалам ОСП с показателями по шкалам ДС-8
Tab. 1. Intercorrelations of indicators according to Professional Self-Awareness and Determination of Dominant State

Шкалы ДС-8	Шкалы ОСП					
	Уп	Ср	Акт	Предст	Принят	Поз
Активное (пассивное) отношение к жизненной ситуации	0,38*	0,23*	0,36	0,27*	0,26*	0,29
Бодрость (уныние)	–0,17	–0,27	–0,25	–0,24	–0,31*	–0,27*
Тонус высокий (низкий)	0,33	0,29	0,31*	0,10	–0,14	0,13
Раскованность (напряженность)	0,01	–0,17	–0,19	–0,10	–0,24*	–0,19
Спокойствие (тревога)	0,06	–0,14	–0,15	–0,18	–0,22	–0,17
Устойчивость (неустойчивость) эмоционального тона	0,10	–0,13	–0,19	–0,12	–0,11	–0,13
Удовлетворенность (неудовлетворенность) жизнью	0,11	–0,17	–0,18	–0,13	–0,13	–0,14

Прим.: Уп – уровень притязаний, Ср – установка на профессиональное саморазвитие, Акт – активность, Предст – представление о себе как профессионале, Принят – принятие себя как профессионала, Поз – позитивность; * – корреляции на уровне p≤0,05.

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-166-173

Табл. 2. Выраженность показателей по шкалам ОСП у обследованных с разным видом профессионального самоотношения
Tab. 2. Results of the Professional Self-Awareness methodology for subjects with different types of professional self-awareness

Шкала	Виды отношения к себе как профессионалу			Диапазон значений t-критерия
	АП	ПН	УР	
Уровень притязаний	53,2±7,1	35,5±4,6	45,1±5,4	3,0–4,7
Установка на профессиональное саморазвитие	57,0±7,8	41,4±4,9	46,3±5,7	3,2–4,3
Интегральный показатель активности самоотношения	103,7±12,0	76,6±5,2	90,2±5,1	3,2–5,1
Представление о себе как профессионале	55,4±7,2	36,3±4,7	44,4±4,4	3,0–3,9
Принятие себя как профессионала	52,7±6,9	37,7±5,0	45,3±4,6	3,1–4,2
Интегральный показатель позитивности самоотношения	106,2±13,4	73,4±4,4	87,5±5,2	3,5–4,9

Прим.: АП – активно-позитивное самоотношение, ПН – пассивно-негативное самоотношение, УР – уравновешенное самоотношение.

развитым представлением о себе как профессионале и неприятием себя как профессионала, своего профессионального карьерного выбора;

3) ***уравновешенное профессиональное самоотношение*** свойственно 45,7 % обследованным субъектам. Показатели величины активности, включая уровень притязаний и установку на профессиональное саморазвитие, а также величины позитивности (принятия и представления о себе как профессионале) выражены на среднем уровне (значения по шкалам ОСП находятся в диапазоне от 5 до 6 стэнов). Сниженные активность и позитивность позволяют осуществлять профессиональную деятельность на необходимом уровне, несмотря на неудовлетворенность собой как профессионалом и многими значимыми сторонами жизненной, в том числе и профессиональной ситуации.

Далее в зависимости от выраженности параметров психического состояния (по ДС-8) нами были установлены преобладающие виды настроения у обследованных с разным видом отношения к себе как профессионалу (табл. 3). Для количественной характеристики уровня настроения мы использовали предложенный Л. В. Куликовым показатель эмоционального тона Ср-эм: средняя стандартных оценок

Табл. 3. Выраженность показателя эмоционального тона (СР-эм) у обследованных с разным уровнем величины активности и позитивности профессионального самоотношения
Tab. 3. Emotional tone indicator in subjects with different levels of activity and positivity of professional self-awareness

Уровень выраженности	Показатели отношения к себе как профессионалу	
	Активность	Позитивность
Повышенный и высокий	47,3	51,7
Средний	56,1	57,5
Пониженный и низкий	54,6	53,3

шкал эмоциональной оси ДС – спокойствие (тревога), устойчивость (неустойчивость) эмоционального тона, удовлетворенность (неудовлетворенность) жизнью [6, с. 27].

На основании соотношения показателя эмоционального тона (ДС-8) с выраженностью показателей *активность* и *позитивность* (ОСП) правомерно сделать вывод, что субъектам с разным видом отношения к себе как профессионалу присущи разные виды настроения. У субъектов ***с активно-позитивным отношением к себе как профессионалу*** преобладают *синтонный* и *деятельный* виды настроения. Если показатели активности выражены на высоком уровне (9–10 стэнов), а показатели позитивности – на повышенном (7–8 стэнов) – у субъектов выражено *деятельное настроение*. Как указывает Л. В. Куликов, «это настроение при пониженном тонусе и повышенной активности. Для этого вида настроения характерен мотив старания. Усердие при этом настроении сочетается с некоторым утомлением» [6, с. 33].

В ситуации, когда у субъектов показатели позитивности более выражены, чем активности, у обследованных доминирует *синтонное настроение*, им свойственна более высокая оценка личностной успешности и своего потенциала, они уверены в себе и своих успехах, их меньше всего беспокоят трудности с возможностью выразить себя, они менее чувствительны к социально-бытовым трудностям, вместе с тем у них имеет место «острая неудовлетворенность многими значимыми сторонами жизненной ситуацией» [6, с. 33]. Этим, на наш взгляд, объясняется установленное у них различие между активностью и позитивностью в отношении к себе как профессионалу.

У субъектов ***с пассивно-негативным отношением к себе как профессионалу*** (показали активности и позитивности выражены на низком и пониженном уровне (3–4 стэна)) доминирующим видом настроения является *созерцательное*, для которого характерны пониженная активность в сочетании с повышенным тонусом. Субъекты с таким настроением низко оценивают свою личностную успешность, не ожидают больших достижений в будущем. Как отмечает Л. В. Куликов, «неверие в будущие успехи –

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-166-173

одна из наиболее значимых причин инертности настроения личности» [6, с. 31].

Установлено, что субъекты ***с уравновешенным профессиональным самоотношением*** (показатели *активность* и *позитивность* выражены на среднем уровне (5–6 стэнов)) обладают *благополучным* и *воодушевленным* настроением.

В случае, когда показатель активности доминирует над позитивностью, у обследованных преобладает *воодушевленное настроение* – они высоко оценивают свою личностную успешность и ожидают оценок со стороны других людей, что «свойственно людям, с большей полнотой принимающим характер установившихся межличностных отношений, удовлетворенным социальным "Я" своей личности» [6, с. 31]. В то же время у них имеет место беспокойство по поводу возможности выразить себя и некоторая неудовлетворенность достигнутым, не меняющие общего позитивного эмоционального фона.

В ситуациях, когда показатель позитивности в уравновешенном самоотношении доминирует над активностью, у обследованных наблюдается *благополучное настроение*. Такое настроение «поддерживается верой человека в свои потенциалы и в то, что в будущем способности могут быть реализованы. Однако эта уверенность не сопровождается желанием прилагать силы для достижения успехов в настоящее время. Свои достижения люди этого настроения оценивают как средние, но удовлетворены достигнутым» [6, с. 29].

Обсуждение результатов исследований

С точки зрения психологической устойчивости как способности противостоять жизненным трудностям и неблагоприятному давлению обстоятельств наиболее благоприятным является уравновешенное профессиональное самоотношение с присущими ему воодушевленным и благоприятным настроением. Субъекты с активно-позитивным отношением к себе как профессионалу отличаются сниженным уровнем настроения, например, в зависимости от доминирования активности и позитивности у них выражены деятельный и синтонный вид настроения. Данный факт мы объясняем тем, что для поддержания данного вида профессионального самоотношения необходимо большее вовлечение ресурсов (энергии, сил), что приводит к их истощению – вялости, инертности, усталости, соответственно сказывается на выраженности тонической характеристики психического состояния и настроения.

Для субъектов с пассивно-негативным отношением к себе поддержание благополучного психического состояния и релевантного ему настроения идет за счет снижения активности, в том числе уровня притязаний, стремления к развитию своих личностно-профессиональных качеств и способностей, ригидности в профессиональной деятельности. Низкая оценка личностной успешности, свойственная субъектам с созерцательным настроением, обусловлена отсутствием профессиональных результатов и стремления к ним, что отражается в неприятии себя как профессионала, недостаточно развитом представлении о себе как профессионале.

Чем активнее и позитивнее отношение к себе как профессионалу, тем менее благоприятно психическое состояние и настроение. В то же время для карьерного развития, эффективного выполнения соответствующих трудовых функций наиболее подходящим является именно активно-позитивное отношение. У субъектов с активно-позитивным отношением к себе как профессионалу возможно развитие тонических состояний риска, проявляющихся в утомлении и переутомлении, астении, что негативно сказывается как на эффективности трудовой деятельности, так и на здоровье, профессионально-психологическом благополучии. У работников с уравновешенным и пассивно-негативным самоотношением, несмотря на их благоприятное состояние и настроение, как показали результаты наших предыдущих исследований [18; 24], изменения будут происходить в мотивационной сфере и удовлетворенности карьерой, в частности, в выраженной избегательной (где на первый план выходит минимизация своих трудовых усилий на уровне, допустимом со стороны непосредственного руководителя), патриотической мотивации (с преобладанием ориентации на благоприятный социально-психологический климат в трудовом коллективе, чувство включенности и причастности к общим целям организации) и разочаровании обусловленным выбором профессии и пройденным профессиональным путем, сожалении об упущенных, неиспользованных карьерных возможностях

Исходя из этого, встает проблема, центральным моментом которой является вопрос, как поддерживать данный вид профессионального самоотношения, сохраняя благоприятное (или приближенное к нему) психическое состояние и настроение, и таким образом сохранять профессионально-психологическое благополучие работника.

Таким образом, особенности психического состояния взаимосвязаны с величиной активности и позитивности как интегральными показателями профессионального самоотношения, что находит свое выражение в видах отношения к себе и присущих им настроениях.

Заключение

Величина *активность* (уровень притязаний и установка на профессиональное саморазвитие) как показатель профессионального самоотношения взаимосвязана с такими параметрами психического состояния, как активное (пассивное) отношение к жизненной ситуации и тонус высокий (низкий). Показатель величины *позитивность* (принятие и представление о себе как профессионале) взаимосвязан с бодростью как показателем психического состояния субъекта.

У субъектов с активно-позитивным отношением к себе как профессионалу преобладают синтонный и деятельный виды настроения. В ситуациях, когда активность доминирует над позитивностью, имеет место деятельное настроение.

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-166-173

Если показатели позитивности более выражены, чем активности, у обследованных доминирует синтонное настроение. Субъекты с уравновешенным профессиональным самоотношением (показатели *активность* и *позитивность* выражены на среднем уровне) обладают благополучным и воодушевленным настроением. При доминировании активности у обследованных преобладает воодушевленное настроение, при позитивности – благополучное настроение. У обследованных с пассивно-негативным отношением к себе как профессионалу (показали активности и позитивности выражены на низком и пониженном уровне) доминирующим видом настроения является созерцательное.

Полученные данные могут быть использованы для разработки и реализации психологических программ по профилактике тонических состояний риска, таких как переутомление и астенические состояния, в сочетании с формированием и поддержанием активно-позитивного отношения к себе как профессионалу, а также профессионально-психологического благополучия субъектов трудовой деятельности.

Установленные факты дополняют психометрические характеристики разработанной нами методики «Отношение к себе как профессионалу» в плане ее конструктной валидности, в частности ее возможности дифференцировать виды профессионального самоотношения, основаниями чего выступают величина активности (включающая уровень притязаний и установку на профессиональное саморазвитие) и величина позитивности (предполагающая принятие и представление о себе как профессионале).

Методику «Отношение к себе как профессионалу» и ее отдельные шкалы возможно использовать в рамках как кадрового аудита, так и профессионального отбора на замещение вакантных должностей, в том числе и управленческих кадров.

Перспективным направлением исследований в русле заявленной проблематики является изучение особенностей отношения к себе как профессионалу в сочетании с релевантными видами настроения как ресурса конструктивного переживания нормативных профессиональных кризисов, а также динамики самоотношения на разных этапах профессионализации и карьерного развития субъектов трудовой деятельности.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Литература

1. Ганзен В. А., Юрченко В. Н. Систематика психических состояний человека // Вестник ЛГУ. Сер. 6. 1991. № 1. С. 47–55.
2. Духновский С. В. Психология личности и деятельности педагога. М.: РИОР; ИНФРА-М, 2018. 299 с.
3. Прохоров А. О. Психические состояния и их функции. Казань: Изд-во Казанского пед. института, 1994. 168 с.
4. Прохоров А. О. Функциональные структуры психических состояний // Психологический журнал. 1996. Т. 17. № 3. С. 9–18.
5. Куликов Л. В. Психогигиена личности. Вопросы психологической устойчивости и психопрофилактики. СПб.: Питер, 2004. 464 с.
6. Куликов Л. В. Руководство к методикам диагностики психических состояний, чувств и психологической устойчивости личности. Описание методик, инструкции по применению. СПб.: СПбГУ, 2003. 81 с.
7. Куликов Л. В. Психология настроения. СПб.: Изд-во С. Петерб. ун-та, 1997. 225 с.
8. Наенко Н. И. Психическая напряженность. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. 112 с.
9. Немчин Т. А. Состояния нервно-психического напряжения. Л.: Изд-во ЛГУ, 1983. 166 с.
10. Столин В. В. Самосознание личности. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. 285 с.
11. Пантилеев С. Р. Методика исследования самоотношения. М.: Смысл, 1993. 32 с.
12. Карпинский К. В., Колышко А. М. Профессиональное самоотношение личности и методика его психологической диагностики. Гродно: ГрГУ, 2010. 139 с.
13. Дарижапова М. Н. Акмеологические особенности самоотношения государственных служащих: автореф. дис. … канд. психол. наук. М., 2008. 26 с.
14. Давиденко Л. В. Формирование позитивного самоотношения будущего учителя: автореф. дис. … канд. пед. наук. Майкоп, 2006. 22 с.
15. Герасимов П. Е. Теоретические аспекты проблемы «самоотношения» // Ученые записки Педагогического института СГУ им. Н. Г. Чернышевского. Серия: Психология. Педагогика. 2010. № 4. С. 80–84.
16. Лесных Л. Л. Динамика формирования самоотношения личности педагогов-психологов в процессе профессиональной подготовки: автореф. дис. … канд. пед. наук. Калининград, 2005. 20 с.
17. Сарджвеладзе Н. И. Самоотношение личности // Психология самосознания / ред.-сост. Д. Я. Райгородский. Самара: Бахрах-М, 2003. С. 174–208.
18. Духновский С. В., Мищенко В. А. Установка на должностное развитие государственных гражданских служащих: результаты эмпирических исследований // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2020. № 3. С. 247–251. DOI: 10.22394/2079-1690-2020-1-3-247-251

BULLETIN
Kemerovo State University
https://vestnik.kemsu.ru
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-166-173

19. Хватова М. В. Самоотношение в структуре психологически здоровой личности // Психолого-педагогический журнал «Гаудеамус». 2015. № 1. С. 9–17.
20. Ананьев В. А. Введение в потрясающую психотерапию // Журнал практического психолога. 1999. № 7-8. С. 15–31.
21. Толочек В. А. Профессиональная карьера как социально-психологический феномен. М.: ИП РАН, 2017. 262 с.
22. Поварёнков Ю. П. Уточнённая характеристика типов и видов деятельности профессионала // Институт психологии Российской Академии Наук. Организационная психология и психология труда. 2018. Т. 3. № 2. С. 4–26.
23. Духновский С. В. Психодиагностика. М.: Юрайт, 2021. 353 с.
24. Духновский С. В. Психологическая надежность и кадровая безопасность (на примере государственной гражданской и муниципальной службы). Курган: Курганский фил. РАНХиГС, 2018. 314 с.

original article

Dominant Mental State and Mood in People with Different Professional Self-Awareness

Sergey V. Dukhnovsky
Yugra State University, Russia, Khanty-Mansiysk
dukhnovskysv@mail.ru
https://orcid.org/0000-0003-3118-9988

Vladimir A. Mishchenko
Yugra State University, Russia, Khanty-Mansiysk
https://orcid.org/0000-0002-0135-712X

Received 18 Jan 2021. Accepted 16 Feb 2021.

Abstract: The research featured the effect of dominant mental state on professional self-awareness. The survey was conducted as part of personnel audit and involved 113 employees of an agricultural holding with 1–5 years of experience. The empirical data were provided by two questionnaires: Professional Self-Awareness and Determining the Dominant State. The activity parameter reflected the level of claims and setting for professional self-development. As an indicator of professional self-awareness, it is connected with such parameters of mental state as "active (passive) attitude to the life" and "high (low) tonus". The positivity indicator defines one's acceptance and perception of oneself as a professional. It is interconnected with "vigor" as a mental state indicator. In subjects with an active-positive professional self-awareness, synthonic and active types of mood prevailed. In situations where activity dominated over positivity, active mood also domineered. Synthonic mood dominated if positivity indicators were more pronounced than activity. Subjects with a balanced professional self-awareness demonstrated a happy and enthusiastic mood. Enthusiastic mood prevailed when activity dominated, a happy mood increased with increasing positivity. Passive-negative professional self-awareness was associated with a contemplative mood. The research can help to prevent tonic "risk conditions", e.g. overwork and asthenic conditions. In addition, the study can be used to develop an active-positive professional self-awareness in employees, as well as the sense of vocational and psychological well-being.
Keywords: activity, positivity, tone, self-awareness, labor activity, determination of dominant state

Citation: Dukhnovsky S. V., Mishchenko V. A. Dominant Mental State and Mood in People with Different Professional Self-Awareness. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(1): 166–173. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-166-173

Conflicting interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

References

1. Ganzen V. A., Iurchenko V. N. Systematics of human mental states. *Vestnik LGU. Ser. 6*, 1991, (1): 47–55. (In Russ.)
2. Dukhnovsky S. V. *Psychology of personality and activity of a teacher*. Moscow: RIOR; INFRA-M, 2018, 299. (In Russ.)
3. Prokhorov A. O. *Mental states and their functions*. Kazan: Izd-vo Kazanskogo ped. instituta, 1994, 168. (In Russ.)
4. Prokhorov A. O. Functional structures of mental states. *Psikhologicheskii zhurnal*, 1996, 17(3): 9–18 (In Russ.)
5. Kulikov L. V. *Psychogygiene of personality. Issues of psychological stability and psychoprophylaxis*. St. Petersburg: Piter, 2004, 464. (In Russ.)
6. Kulikov L. V. *A guide to methods for diagnosing mental states, feelings, and psychological stability of the personality. Procedure description and application instructions*. St. Petersburg: SPbGU, 2003, 81. (In Russ.)

© 2021. The Author(s). This article is distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-166-173

7. Kulikov L. V. *Psychology of mood.* St. Petersburg: Izd-vo S. Peterb. un-ta, 1997, 225. (In Russ.)
8. Naenko N. I. *Mental tension*. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 1976, 112. (In Russ.)
9. Nemchin T. A. *States of neuropsychiatric tension.* Leningrad: Izd-vo LGU, 1983, 166. (In Russ.)
10. Stolin V. V. *Self-awareness of personality*. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 1983. 285. (In Russ.)
11. Pantileev S. R. *Methodology for the study of self-relation*. Moscow: Smysl, 1993, 32. (In Russ.)
12. Karpinski K. V., Kolyshko A. M. *Professional self-presentation of personality and the method of its psychological diagnosis.* Grodno: GrGU, 2010, 139. (In Russ.)
13. Darizhapova M. N. *Akmeological features of self-awareness in public servants*. Cand. Psychol. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 2008, 26. (In Russ.)
14. Davidenko L. V. *Formation of positive self-awareness in future teacher.* Cand. Ped. Sci. Diss. Abstr. Maykop, 2006, 22. (In Russ.)
15. Gerasimov P. E. Theoretical aspects of selfrelation problems. *Uchenye zapiski Pedagogicheskogo instituta SGU im. N. G. Chernyshevskogo. Seriia: Psikhologiia. Pedagogika,* 2010, (4): 80–84. (In Russ.)
16. Lesnykh L. L. *Dynamics of the formation of self-awareness of the personality in teachers and psychologists during professional training*. Cand. Ped. Sci. Diss. Abstr. Kaliningrad, 2005, 20. (In Russ.)
17. Sardzhveladze N. I. Self-awareness of personality. *Psychology of self-awareness*, ed. and comp. Raigorodskii D. Ia. Samara: Bakhrakh-M, 2003, 174–208. (In Russ.)
18. Dukhnovsky S. V., Mishchenko V. A. Setting for carrier development of civil servants: empirical research. *Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski*, 2020, (3): 247–251. (In Russ.) DOI: 10.22394/2079-1690-2020-1-3-247-251
19. Khvatova M. V. Self-relation to the structure of psychologically strong person. *Psikhologo-pedagogicheskiy zhurnal "Gaudeamus"*, 2015, (1): 9–17. (In Russ.)
20. Ananiev V. A. Introduction to stunning psychotherapy. *Zhurnal prakticheskogo psihologa*, 1999, (7-8): 15–31. (In Russ.)
21. Tolochek V. A. *Professional career as a socio-psychological phenomenon*. Moscow: IP RAN, 2017, 262. (In Russ.)
22. Povarenkov Yu. P. Specific characteristics of types and activities of the professional. *Institut Psikhologii Rossiyskoy Akademii Nauk. Organizatsionnaya Psikhologiya i Psikhologiya Truda*, 2018, 3(2): 4–26. (In Russ.)
23. Dukhnovsky S. V. *Psychodiagnostics*. Moscow: Iurait, 2021, 353. (In Russ.)
24. Dukhnovsky S. V. *Psychological reliability and personnel security (the case of the state civil and municipal service)*. Kurgan: Kurganskii fil. RANKhiGS, 2018, 314. (In Russ.)

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-174-182

оригинальная статья
УДК 159.9.07

Особенности отношения к режиму самоизоляции в период пандемии у студентов с разными показателями ответственности и ценностных ориентаций

Сергей Иванович Кудинов
Российский университет дружбы народов, Россия, г. Москва
rudn.tgu@yandex.ru
https://orcid.org/0000-0002-2117-6975

Владислав Сергеевич Кудинов
Российский университет дружбы народов, Россия, г. Москва
https://orcid.org/0000-0001-7743-8965

Станислав Сергеевич Кудинов
Российский университет дружбы народов, Россия, г. Москва
https://orcid.org/0000-0002-1515-8754

Поступила в редакцию 20.02.2021. Принята к печати 12.03.2021.

Аннотация: Представлены результаты эмпирического исследования, характеризующие отношение студентов к ограничительным мерам в период коронавирусной инфекции. Рассматриваются различные паттерны отношения представителей юношеского возраста к самоизоляции с разными показателями ценностных ориентаций и личностной ответственности. Для выявления доминирующего отношения использовалась авторская анкета, включающая три блока: эмоциональный, когнитивный и поведенческий. При исследовании ответственности использовался тест суждений ответственности А. И. Крупнова, разработанный в рамках диспозиционной концепции свойств личности и индивидуальности. Ценностные ориентации исследовались опросником Ш. Шварца. Полученные результаты исследования позволили выявить некоторые закономерности соблюдения режима самоизоляции у респондентов с разными личностными качествами. В ходе исследования было установлено, что отдельные доминирующие ценности и уровень проявления ответственности могут выступать детерминантами позитивного либо негативного отношения к режиму самоизоляции. Результаты проведенного исследования позволили сформулировать вывод относительно перспектив учета возрастных и субъектных характеристик личности для разработки профилактических мероприятий в период пандемии с целью соблюдения режима самоизоляции.

Ключевые слова: личность, респонденты, характеристики, переменные, компоненты, критерии, самоограничение

Цитирование: Кудинов С. И., Кудинов С. С., Кудинов В. С. Особенности отношения к режиму самоизоляции в период пандемии у студентов с разными показателями ответственности и ценностных ориентаций // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 1. С. 174–182. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-174-182

Введение

Коронавирусная пандемия, распространившаяся в 2020 г. по всей планете, изменила жизнь миллионов граждан. За год от инфекции по всему миру погибло более 2 млн человек и в России – более 70 тысяч. Сохранность здоровья населения во многом обеспечивается государственными профилактическими мероприятиями, направленными исключительно на режим самоизоляции. Проблеме самоизоляции посвящено огромное количество публикаций в интернет-сетях, научной и популярной литературе, где разные авторы имеют противоречивые позиции по данному вопросу. Одним из самых распространенных требований является самоизоляция в течение двух недель и более, а также обязательное ношение масок и перчаток. Дискуссии по данному вопросу в обществе не утихают по сей день. Чаще всего оппонентами режима самоизоляции и обязательного ношения средств защиты указывается, что данные профилактические мероприятия являются малоэффективными. В то же время официальная медицина утверждает, что риск заболевания данной инфекцией увеличивается в случае несоблюдения режима самоизоляции и профилактических мер.

В настоящем исследовании основная цель сводилась к выявлению особенностей отношения к режиму самоизоляции студентов с разными показателями ценностных ориентаций и ответственности как свойств личности. Известно, что сформированные ценностные ориентации личности выступают базовой предпосылкой поведения и жизнедеятельности личности, о чем неоднократно отмечалось в отечественных и зарубежных исследованиях. Так, в работах А. Маслоу фиксируется, что сформированные позитивные ценности являются залогом самоактуализации личности [1]. Отечественные научные школы рассматривают данный феномен весьма неоднозначно, например, в понимании С. Л. Рубинштейна ценности

© 2021. Авторы. Статья распространяется на условиях международной лицензии CC BY 4.0

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-174-182

представлены в виде динамической тенденции [2]. В трудах А. Н. Леонтьева ценности представляют смыслообразующий мотив [3]. Б. Г. Ананьев интерпретирует данное образование как основную жизненную направленность [4]. В работах В. Н. Мясищева ценности рассматриваются как доминирующие отношения и др. [5]. Учитывая вышеуказанные подходы к пониманию ценностей, представляется возможным указать, что, несмотря на некоторые авторские разночтения, основной смысл ценностей сводится к тому, что, выступая определенной общественной формой, они встроены в механизм поведения, деятельности и общения субъекта.

В исследованиях О. М. Краснорядцевой отмечается, что «готовность поступить тем или иным образом уже содержит в себе оценку, а оценивание предполагает установку как готовность определенным образом реализовать ценности» [6, с. 26]. В то же время М. С. Яницкий доказывает, что «ценностные ориентации как регулятивный механизм охватывают более широкий круг проявлений активности человека, чем установки» [7, с. 91]. В современной отечественной психологии наиболее разработанной и эмпирическим путем выверенной является структурно-динамическая концепция системы ценностных ориентаций личности и социальных общностей М. С. Яницкого. Автор обосновывает наличие типологии ценностей, выделяя адаптирующийся, социализирующийся и индивидуализирующийся типы ценностных ориентаций, которые обуславливают проявление различных личностных качеств [8].

Достаточно прогрессивной представляется идея включения ценностей в психологическую модель оказания психотерапевтической помощи студентам, оказавшимся в кризисных ситуациях, предложенная А. В. Серым, М. С. Яницким и Е. В. Харченко [9].

Еще одна идентичная позиция на предмет понимания ценностей обнаруживается в работах В. М. Момова, где ценности рассматриваются как нормативы и регуляторы деятельности и поведения личности [10]. Анализируя динамику самореализации медицинских работников, С. Р. Айбазова отводит важную роль в данном аспекте именно ценностям личности, которые выступают детерминантами этого процесса, обеспечивая разную степень успешности [11].

Опираясь на данные научные исследования, можно констатировать, что ценности выступают одним из основных триггеров отношения личности к окружающей действительности и предпосылкой поведения субъекта в разных сферах жизнедеятельности.

Немаловажная роль в отношении личности к действительности и вариативности поведения принадлежит такому личностному свойству, как ответственность. Данное качество неоднократно становилось предметом исследования в контексте общей психологии и психологии личности, социальной, педагогической и юридической психологии, а также смежных отраслей наук. В контексте общей психологии ответственность понимается как личностное качество, обеспечивающее внутренний самоконтроль субъекта поступков и действий в разных сферах жизнедеятельности в соответствии с социальными нормами.

Исследования ответственности, проведенные на протяжении XX в., позволяют интерпретировать данный феномен как психологическую категорию саморегуляции и самодетерминации субъекта деятельности. Современные исследования значительно расширяют границы предметного поля данного психологического образования через призму его анализа в контексте этноса, гендера, возраста, профессии и т. д. Значительная часть работ посвящена проблеме воспитания, формирования и исследованию зависимости ответственности и успешности учебной, спортивной, творческой и профессиональной деятельности [12].

В работах А. И. Крупнова и его последователей ответственность рассматривается как многомерное системное свойство личности, включающее в структурную организацию совокупность мотивационно-смысловых и формально-динамических характеристик [13]. Необходимо отметить, что данный подход выигрышно отличается от зарубежных и многих отечественных концепций, где ответственность часто анализируется как упрощенная линейная характеристика, сводимая либо к цели и установкам, либо к потребностям и мотивам. В рамках данного концептуального подхода были изучены этнические аспекты ответственности [14], ответственность педагогов [15], взаимосвязь ответственности и эмоционального выгорания у педагогов [16], соотношение ответственности и патриотичности личности [17] и др.

Достаточно близкое в методологическом плане исследование ответственности можно найти в работах В. П. Прядеина, который анализировал проблему воспитания данного качества [18]. Интересный подход в исследовании ответственности отмечается у Л. И. Дементий и В. Е. Купченко [19]: по мнению авторов, ответственность представляет собой центральное личностное образование, определяющее поведение человека в разнообразных ситуациях, встречающихся в жизни.

Еще один подход можно обнаружить в работах С. В. Быкова, где ответственность анализируется в контексте мотивации деятельности как необходимое условие достижения цели при наличии независимости, самостоятельности и активности [20].

Несколько отличительными видятся современные зарубежные исследования ответственности: M. Berndsen и A. S. R. Manstead [21], S. Cehajic-Clancy и др. [22], A. Zimmermann и др. [23], A. Glavas [24] и др. Представленные исследования направлены преимущественно на решение практических задач в контексте социальной психологии, где анализируются вопросы коллективной ответственности, ответственности и морали, а также ответственности и воли [12, с. 54].

Принимая во внимание указанные аспекты интерпретации ответственности различными авторами, можно констатировать, что в контексте настоящего исследования

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-174-182

данное свойство, как и ценностные ориентации личности, будут выступать существенными катализаторами отношения субъекта к режиму самоизоляции в период пандемии.

Материалы и методы

Для подтверждения выдвинутого предположения было осуществлено эмпирическое исследование, в котором приняли участие 317 человек, молодые люди в возрасте 19–25 лет, 160 юношей и 157 девушек, студенты вузов Москвы. Все респонденты на начало исследования не испытывали проблем со здоровьем и не были заражены вирусом. Самочувствие отмечали как удовлетворительное и хорошее. Для выявления отношения к режиму самоизоляции и его соблюдению была использована разработанная авторская анкета. Анкета включала три шкалы: эмоциональную, когнитивную и конативную. Эмоциональный блок анкеты ориентировал на выявление доминирующих позитивных и негативных эмоций у респондентов в связи с их отношением к самоизоляции. Когнитивный блок характеризовал степень понимания и обоснования необходимости самоограничения. Конативный блок позволял выявить как отношение к ограничительным мерам, так и соблюдение режима самоизоляции: активное соблюдение проявлялось в выполнении всех требований, пассивное – в соблюдении режима в случае крайней необходимости, например, ношение масок при скоплении людей в магазине, где отказывались обслуживать без средств защиты.

Для определения ответственности использовался тест суждений ответственности А. И. Крупнова. При изучении ценностных ориентаций применялась методика Ш. Шварца. Математико-статистический анализ результатов исследования включал сравнительный анализ t-критерия Стьюдента, корреляционный и факторный анализ.

Результаты

На первом этапе статистического анализа результатов эмпирического исследования было выявлено отношение к режиму самоизоляции в период пандемии. Полученные данные позволили выделить две подгруппы по доминированию отношения к режиму самоизоляции. В первую группу вошли 198 респондентов с доминированием позитивного отношения к самоограничению по всем трем компонентам: эмоциональному, где демонстрируется эмоционально положительное отношение к самоизоляции; когнитивному с преобладанием принятия аргументов власти о необходимости соблюдения режима и понимание опасности пандемии; поведенческому, характеризующемуся строгим соблюдением установленных запретов. Вторую группу представили 119 респондентов с противоположными результатами. На эмоциональном уровне отмечалось стойкое негативное восприятие режима самоограничения, на когнитивном – непонимание и непринятие аргументов по ограничению, на поведенческом – нарушение данного режима.

Результаты выраженности указанных характеристик представлены на гистограмме (рис.). У респондентов с негативным, отрицательным отношением к режиму самоизоляции зафиксированы низкий показатель по положительному эмоциональному отношению к режиму самоизоляции, ниже среднего показатель *активное и полное соблюдение требований по соблюдению режима самоизоляции*. На среднем уровне отмечаются такие характеристики, как принятие доводов власти по режиму самоограничения, когнитивный компонент и в то же время отторжение такой аргументации по соблюдению режима самоизоляции. На высоком уровне зафиксированы такие характеристики, как отрицательное эмоциональное отношение к самоизоляции и самый высокий показатель *пассивное, эпизодичное соблюдение режима самоограничения*.

Из представленных данных следует, что молодые люди с негативным отношением к режиму самоизоляции в целом отрицательно относятся к самоограничению, испытывают недовольство ношением защитных средств в виде перчаток и масок. Их не устраивает отсутствие возможности объединяться в группы для общения либо занятия спортом, искусством и т. д. Аргументы, представленные властями разного уровня по ограничению личностного

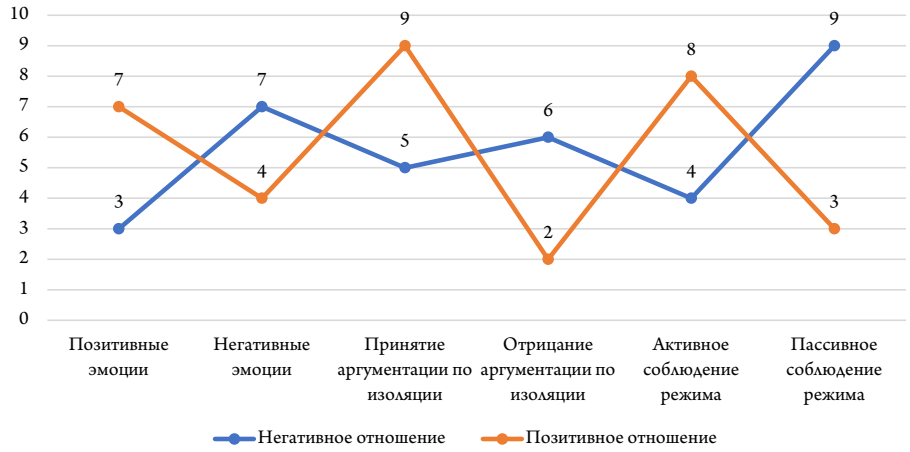

Рис. Выраженность показателей отношения к режиму самоизоляции респондентов разных возрастных групп, n=317
Fig. Attitudes to lockdown in different age groups, n=317

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-174-182

и социального пространства, видятся недостаточно убедительными. В целом в период самоизоляции молодые люди не всегда и не в полном объеме придерживались рекомендаций по режиму самоограничения.

У респондентов с положительным отношением к самоизоляции в период пандемии выявлены значительно отличающиеся показатели по указанным параметрам. Так, на средневысоком уровне зафиксировано позитивное эмоциональное отношение к самоограничению и на низком уровне отмечается негативная тенденция. Данная группа респондентов с пониманием относится к вынужденной мере, позитивно настроена на соблюдение всех ограничений. Показатель *принятие аргументации власти по ограничению* находится на высоком уровне выраженности, а характеристика *непринятие* – на низком. Из этого следует, что респондентов вполне устраивают доводы специалистов-эпидемиологов и представителей власти о том, что режим самоограничения позволит не распространиться эпидемии и, возможно, избежать заражения непосредственно каждому, кто соблюдает данный режим. По поведенческому компоненту наблюдается схожая выраженность переменных. На высоком уровне отмечается активное соблюдение режима самоограничения и на низком – пассивное. Иными словами, респонденты строго следуют всем рекомендациям специалистов и органов власти, соблюдают масочный режим, не посещают места скопления людей, пользуются дезинфицирующими средствами.

Для выявления особенностей проявления ответственности личности в каждой подгруппе были проанализированы результаты, полученные по методике А. И. Крупнова «Тест суждений ответственности» с использованием t-критерия Стьюдента (табл. 1). Большинство показателей ответственности доминируют у респондентов с позитивным отношением к режиму самоизоляции. На статистически значимом уровне у указанных испытуемых наиболее ярко выражены такие характеристики, как социально-ориентированные установки к проявлению ответственности, эргичность, стеничность, интернальность, осмысленность, предметная и субъектная продуктивность.

Доминирование указанных составляющих ответственности свидетельствует о том, что молодые люди, строго соблюдающие режим самоизоляции и выражающие к нему положительное отношение, обладают более сформированной личностной ответственностью. Данный вывод подтверждается тем, что их ответственное поведение в большей степени нацелено на содействие в деятельности и поведении окружающих людей. Они готовы через свою ответственность решать проблемы, касающиеся какой-либо социальной группы либо общества в целом. Их отличает активность в проявлении ответственности, они готовы возлагать на себя сложные дела или проблемы, при этом воспринимают свое ответственное отношение к данным трудностям весьма позитивно и перспективно. Кроме того, у них зафиксирован высокий уровень

Табл. 1. Выраженность показателей ответственности у респондентов с негативным и позитивным отношением к режиму самоизоляции в период пандемии, n=317
Tab. 1. Responsibility in respondents with negative and positive attitudes to the lockdown, n=317

Шкала	Высокий уровень	Низкий уровень	Разность	t-критерий	p
Социальные установки	28,2	17,4	10,8	3,54	<0,001
Личностные установки	19,6	22,3	2,7	1,62	–
Эргичность	24,8	16,1	8,7	3,02	<0,01
Аэргичность	11,2	21,3	10,1	3,47	<0,001
Стеничность	20,8	16,4	4,4	2,54	<0,05
Астеничность	14,3	16,1	1,8	1,54	–
Интернальность	29,5	19,7	9,8	4,1	<0,001
Экстернальность	19,8	21,0	1,2	0,87	–
Социоцентричность	25,5	23,7	1,8	1,15	–
Эгоцентричность	16,9	18,4	1,5	1,07	–
Осмысленность	26,2	14,5	11,7	4,63	<0,001
Осведомленность	12,7	17,2	4,5	2,75	<0,01
Предметная продуктивность	23,4	11,6	11,8	4,69	<0,001
Субъектная продуктивность	21,7	14,2	7,5	2,98	<0,01

интернальной саморегуляции ответственного поведения и поступков, что указывает на самостоятельность принятия ответственных решений. Выраженная осмысленность процесса ответственного поведения, указывающая на то, что они хорошо представляют, каким образом через ответственное поведение можно решить ту или иную проблему или реализовать свои внутренние планы. И наконец, их отличает широта проявления данного качества – от учебной и профессиональной деятельности, общения и поведения в социуме до самосовершенствования.

У респондентов с отрицательным, негативным отношением к режиму самоизоляции выявлена отличительная иерархия показателей ответственности. Наиболее значимыми выступают личностные установки к реализации ответственного поведения, пассивность проявления ответственности, экстернальная саморегуляция данного поведения и социально ориентированная мотивация. Указанный набор базовых характеристик анализируемого свойства позволяет отметить, что ответственное отношению демонстрируется чаще в личностно значимой ситуации, когда респонденты вынуждены проявлять данное качество в силу сложившихся обстоятельств либо когда за этим следует усиление их позиций в социуме. В большинстве социальных ситуаций они стремятся игнорировать подобный стиль поведения, не брать на себя ответственность и всячески

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-174-182

избегать ее появления. В доказательство данного тезиса выступает высокий уровень проявления экстернальной саморегуляции ответственного поведения, т. е. ответственное поведение определяется и регулируется другими людьми и обстоятельства, когда кто-то или что-то требует взять ответственность на себя, что подтверждается также социально-ориентированной мотивацией проявления данного качества. Выше представленные факты свидетельствуют о средне-низком уровне сформированности ответственности в данной подгруппе респондентов.

В целом можно отметить, что у молодых людей с позитивным и негативным отношением к режиму самоизоляции в период пандемии отмечаются существенные количественные и качественные отличия в проявлении ответственного поведения. Студенты с позитивным отношением к режиму самоизоляции обладают более высоким уровнем сформированной личностной ответственности, в то время как у респондентов с негативным отношением к самоограничению отмечается бессистемный характер проявления ответственности, соответствующий средне-низкому уровню сформированности.

Анализируя доминирующие ценности в указанных группах с использованием методики Ш. Шварца, обратимся к результатам факторного анализа (табл. 2). Наиболее важные ценности со значимыми весами расположены в первом факторе. К таким ценностям в группе респондентов с позитивным отношением к ограничительным мерам в период пандемии относятся универсализм, достижение и безопасность. Для данных студентов определяющим выступают стремление к единению с окружающими миром, людьми и природой, терпимость, толерантность к позиции других людей, социальная справедливость, экологичность. Их отличает целеустремленность, активность, трудолюбие, социальный авторитет, успешность, умение взаимодействовать с другими, честолюбие и стремление к совершенству в деятельности. Они достаточно любознательны, энергичны, склонны к социальным одобрениям, озабочены безопасностью себя и окружающих, стремятся к стабильности и уравновешенности во всем.

У студентов с негативным отношением к режиму самоизоляции в период пандемии зафиксированы наиболее значимые ценности в первом факторе (самостоятельность и гедонизм). Доминирование отмеченных ценностей проявляется в стремлении к обретению свободы и независимости, позиционировании креативности и познавательной активности, программировании индивидуальных целей и жизненных установок. Эти респонденты самостоятельны в выборе стратегий поведения и деятельности, увлечены новым и необычным, стремятся не зависеть от окружающих людей и внешних обстоятельств. Их самостоятельность и упорство направлены на получение удовольствия. Они занимаются только тем, что им нравится, и не хотят выполнять то, что для них не представляет интерес. Нацелены на получение удовольствия от процесса жизни. Не переносят ограничений, стремятся избегать жестких требований и правил, насколько это позволяет ситуация.

Во втором факторе у студентов с позитивным отношением к самоизоляции доминируют такие ценности, как конформность и традиции. Респонденты этой группы исполнительны, послушны, стремятся быть вежливыми и внимательными по отношению к окружающим, особенно старшим по возрасту и превосходящим их по социальному статусу. Следуют установленным порядкам, склонны себя ограничивать в проявлении желаний ради соблюдения установленных правил. Достаточно дисциплинированы и послушны, стремятся соответствовать общим требованиям и ожиданиям окружающих людей. Привержены общим традициям, убеждениям и обычаям. Проявляют

Табл. 2. Факторная структура ценностных ориентаций у респондентов с позитивным отношением к режиму самоизоляции в период пандемии, n=317
Tab. 2. Factor structure of value orientations in respondents with a positive attitude to the lockdown, n=317

Ценностные ориентации	1 фактор		2 фактор		3 фактор	
	ПО	НО	ПО	НО	ПО	НО
Конформность	0,141	–0,153	**0,813**	0,187	0,147	–
Традиции	0,175	0,091	**0,765**	0,112	0,119	–
Доброта	0,213	–0,007	0,203	0,210	**0,916**	–
Универсализм	**0,842**	0,176	0,406	0,013	0,221	–
Самостоятельность	0,201	**0,809**	0,047	0,122	**0,662**	–
Стимуляция	–0,261	0,201	–0,159	**0,763**	0,148	–
Достижения	**0,695**	0,221	–0,169	0,109	–0,284	**0,812**
Власть	0,223	–0,172	0,322	**0,834**	0,182	–
Безопасность	**0,886**	0,106	0,102	0,028	–0,116	–
Гедонизм	0,045	**0,763**	0,122	0,211	0,178	–

Прим.: ПО – позитивное отношение к самоизоляции; НО – негативное, отрицательное отношение к самоизоляции; полужирным шрифтом выделены статистически значимые показатели.

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-174-182

сдержанность чувств и эмоций. Скромны в общении и поведении, довольствуются тем, что есть, подчиняются жизненным обстоятельствам.

В то же время у респондентов с негативным отношением к самоизоляции второй фактор со значимыми весами включает ценность власти и стимуляции. Иными словами, для данных студентов имеет ключевое значение жизнь, наполненная событиями и новыми впечатлениями, они не переносят рутины, статичности и медлительности. Склонны к риску и смелым поступкам, ищут острые ощущения для полноты самовыражения. Стремятся доминировать в группах и брать на себя обязанность по руководству и управлению другими. Тяготеют к лидерству и доминированию над окружающими, во всем пытаются контролировать близких и навязывают им свои правила, испытывают потребность в материальных благах.

В третьем факторе у респондентов с позитивным отношением доминируют доброта и самостоятельность, а у респондентов с негативным отношением к самоизоляции в качестве ведущей выступает ценность *достижения*. Для студентов, относящихся положительно к самоизоляции, характерно проявление заботы о других, помощь нуждающимся, преданность и верность в отношениях, ответственность в делах и поступках, честность и искренность во взаимодействии. В то же время они склонны к проявлению независимого поведения, самостоятельности, пытливости ума и креативности. Респонденты с негативным отношением демонстрируют в данном случае целеустремленность, стремление к успешности и эффективности в деятельности и взаимодействии с окружающими.

Итак, согласно факторному анализу, можно заключить, что у студентов с противоположным отношением к режиму самоизоляции сформированы разные ценностные ориентации. Респонденты, одобрительно относящиеся к режиму самоизоляции, в большей степени разделяют ценности социально-ориентированного характера, направленные на защиту и заботу других, ценности гуманистической, здоровьесберегающей и экологической направленности. У студентов с негативным отношением к самоизоляции, напротив, доминируют ценности эгоцентрической направленности, обеспечивающие благоприятное жизненное пространство, успех в профессиональной и социальной среде, достижение общественного признания и материального благополучия.

Заключение

Проведенное эмпирическое исследование позволило выявить некоторые психологические аспекты, раскрывающие особенности отношения к ограничительным мерам в период пандемии. Прежде всего, необходимо отметить неоднозначность отношения студенческой молодежи к вынужденным мерам самоограничения. Данный фактор представляет особую социальную и медицинскую значимость как для распространения, так и предотвращения пандемии, поскольку студенты с негативным отношением к самоизоляции выступают той категорией населения, которая вносит негативный вклад в распространение заболеваемости.

При исследовании ответственности и ценностных ориентаций в выявленных группах студентов установлено, что респонденты с позитивным отношением к вынужденной социальной мере обладают более высоким уровнем сформированности личностной ответственности. Для противоположной группы студентов характерно перекладывание ответственности на других людей либо на внешние обстоятельства. Определенные различия показал и анализ ценностных ориентаций в исследуемых выборках. Для студентов с положительным отношением к самоизоляции характерны гуманистически ориентированные ценности, в то время как у студентов с негативным отношением доминируют эгоцентрические, направленные на достижение личностных достижений.

Полученные в исследовании факты могут являться основой в непосредственной работе с респондентами по усилению ограничительных мероприятий в период пандемии. В этом случае особое внимание ответственных работников должно быть адресовано молодым людям с негативными тенденциями относительно выполнения самоограничений. С другой стороны, результаты исследования являются отправной точкой для более широких исследований по выявлению субъектной детерминации поведения личности, а также разных возрастных и социальных групп в период вынужденной ограничительной ситуации в обществе.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Литература

1. Маслоу А. Психология бытия. М.: Рефл-бук; Киев: Ваклер, 1997. 304 с.
2. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003. 508 с.
3. Леонтьев А. Н. Деятельность, сознание, личность. М.: Политиздат, 1975. 304 с.
4. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. 3-е изд. СПб.: Питер, 2001. 288 с.
5. Мясищев В. Н. Структура личности и отношение человека к действительности // Психология личности. Тексты / под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, А. А. Пузырея. М.: Изд-во МГУ, 1982. С. 35–38.
6. Краснорядцева О. М. Ценностная детерминация профессионального поведения педагогов // Сибирский психологический журнал. 1998. № 7. С. 25–29.
7. Яницкий М. С. Ценностные ориентации личности как динамическая система. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2000. 204 с.

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-174-182

8. Яницкий М. С. Система ценностных ориентаций личности и социальных общностей: структурно-динамическая модель и ее применение в психологических исследованиях и психологической практике // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 1. С. 194–206. DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-194-206
9. Серый А. В., Яницкий М. С., Харченко Е. В. Ценностно-смысловые аспекты психологической работы со студенческой молодежью, находящейся в кризисной ситуации // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2014. № 2. С. 40–48. DOI: 10.15293/2226-3365.1402.04
10. Момов В. М. Человек, мораль, воспитание: (теорет.-методол. проблемы). М.: Прогресс, 1975. 163 с.
11. Айбазова С. Р. Роль ценностно-смысловой направленности в динамике самореализации личности: автореф. дис. … канд. психол. наук. М., 2015. 22 с.
12. Волкова Е. В., Башкатов С. А., Чернышова Л. В. Обзор исследований ответственности в отечественной и зарубежной психологии XXI века // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2019. Т. 25. № 4. С. 53–59. DOI: 10.34216/2073-1426-2019-25-4-53-59
13. Крупнов А. И. Системно-диспозиционный подход к изучению личности и ее свойств // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2006. № 1. С. 63–73.
14. Фалах Расми А.-Р. М. Этнопсихологические особенности ответственности у арабских и российских студентов: автореф. дис. … канд. психол. наук. М., 1997. 16 с.
15. Куренков И. А. Психологические особенности ответственности у различных групп учителей: автореф. дис. … канд. психол. наук. М., 1994. 22 с.
16. Кудинов С. И., Кудинов С. С., Седова И. В. Роль ответственности в эмоциональном выгорании учителей на начальном этапе профессионализации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2016. № 1. С. 26–41.
17. Гаврилушкин С. А. Ответственность как профессиональное качество личности // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2011. № 1. С. 155–157.
18. Прядеин В. П. Понятия ответственности, исполнительности, воли как объекты психолого-педагогического исследования // Научный диалог. 2012. № 1. С. 32–45.
19. Дементий Л. И., Купченко В. Е. Жизненная стратегия личностей с различным типом ответственности // Вестник Омского университета. 2011. № 4. С. 317–324.
20. Быков С. В. Социально-психологическая регуляция ответственности личности: дис. … д-ра психол. наук. Казань, 2006. 337 с.
21. Berndsen M., Manstead A. S. R. On the relationship between responsibility and guilt: Antecedent appraisal or elaborated appraisal? // European Journal of Social Psychology. 2007. Vol. 37. № 4. P. 774–792. DOI: 10.1002/ejsp.397
22. Cehajic-Clancy S., Effron D. A., Halperin E., Liberman V., Ross L. D. Affirmation, acknowledgment of in-group responsibility, group-based guilt, and support for reparative measures // Journal of Personality and Social Psychology. 2011. Vol. 101. № 2. P. 256–270. DOI: 10.1037/a0023936
23. Zimmermann A., Abrams D., Doosje B., Manstead A. S. R. Causal and moral responsibility: Antecedents and consequences of group-based guilt // European Journal of Social Psychology. 2011. Vol. 41. № 7. P. 825–839. DOI: 10.1002/ejsp.826
24. Glavas A. Corporate social responsibility and organizational psychology: an integrative review // Frontiers in Psychology. 2016. Vol. 7. № 144. P. 1–13. DOI: 10.3389/fpsyg.2016.00144

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-174-182

original article

Attitudes to Lockdown in Students with Different Indicators of Responsibility and Value Orientations

Sergey I. Kudinov
Peoples' Friendship University of Russia, Russia, Moscow
rudn.tgu@yandex.ru
https://orcid.org/ 0000-0002-2117-6975

Vladislav S. Kudinov
Peoples' Friendship University of Russia, Russia, Moscow
https://orcid.org/0000-0001-7743-8965

Stanislav S. Kudinov
Peoples' Friendship University of Russia, Russia, Moscow
https://orcid.org/ 0000-0002-1515-8754

Received 20 Feb 2021. Accepted 12 Mar 2021.

Abstract: The empirical study featured the attitude of students to restrictive measures during the COVID-19 pandemic. The paper introduces various patterns of attitudes that adolescents with different indicators of value orientations and personal express to the lockdown. An authentic questionnaire with emotional, cognitive, and behavioral blocks was used to define the dominant attitude, A. I. Krupnov's test – to study the responsibility patterns, and Sh. Schwartz's questionnaire – to describe the system of values. The obtained results made it possible to identify some coping strategies in respondents with different personal qualities. Certain dominant values and the level of responsibility proved to be able to determine a positive or negative attitude to the lockdown. By taking into account the age and personal qualities of the population, authorities one can develop better preventive measures in future.
Keywords: personality, respondents, characteristics, variables, components, criteria, self-restriction

Citation: Kudinov S. I., Kudinov S. S., Kudinov V. S. Attitudes to Lockdown in Students with Different Indicators of Responsibility and Value Orientations. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(1): 174–182. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-174-182

Conflicting interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

References

1. Maslow A. *Toward a Psychology of Being*. Moscow: Refl-buk; Kiev: Vakler, 1997, 304. (In Russ.)
2. Rubinshtein S. L. *Being and consciousness. Man and the world.* St. Petersburg: Piter, 2003, 508. (In Russ.)
3. Leontiev A. N. *Activity. Consciousness. Personality.* Moscow: Politizdat, 1975, 304. (In Russ.)
4. Ananiev B. G. *Man as a subject of knowledge*, 3rd ed. St. Petersburg: Piter, 2001, 288. (In Russ.)
5. Myasishchev V. N. Personality structure and human attitude to reality. *Psychology of personality,* eds. Gippenreiter Yu. B., Puzirey A. A. Moscow: Izd-vo MGU, 1982, 35–38. (In Russ.)
6. Krasnoryadtseva O. M. Value determination of professional behavior of teachers. *Sibirskiy Psikhologicheskiy Zhurnal*, 1998, (7): 25–29. (In Russ.)
7. Yanitskiy M. S. *Value orientations of a person as a dynamic system*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2000, 204. (In Russ.)
8. Yanitskiy M. S. System of value orientations of personality and social communities: structural and dynamic model and its application in psychological research and psychological practice. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(1): 194–206. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-194-206
9. Seryy A. V., Yanitskiy M. S., Kharchenko E. V. Valuable and semantic aspects of psychological work with the student's youth which is in the crisis situation. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta,* 2014, (2): 40–48. (In Russ.) DOI: 10.15293/2226-3365.1402.04
10. Momov V. M. *Man, morality, and education: theoretical and methodological problems*. Moscow: Progress, 1975, 163. (In Russ.)
11. Aybazova S. R. *The role of the value-semantic orientation in the dynamics of personality self-realization*. Cand. Psyhol. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 2015, 22. (In Russ.)
12. Volkova E. V., Bashkatov S. A., Chernyshova L. V. Review of responsibility studies in Russian and foreign psychology of the 21st century. *Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*, 2019, 25(4): 53–59. (In Russ.) DOI: 10.34216/2073-1426-2019-25-4-53-59

© 2021. The Author(s). This article is distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-174-182

13. Krupnov A. I. The system-dispositional approach to studying the personality and its properties. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 2006, (1): 63–73. (In Russ.)
14. Falakh Rasmi A.-R. M. *Ethnopsychological features of responsibility in Arab and Russian students*. Cand. Psychol. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 1997, 16. (In Russ.)
15. Kurenkov I. A. *Psychological features of responsibility in various groups of teachers*. Cand. Psychol. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 1994, 22. (In Russ.)
16. Kudinov S. I., Kudinov S. S., Sedova I. V. Role of responsibility in emotional burnout of teachers at initial stage of professionalization. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 2016, (1): 26–41. (In Russ.)
17. Gavrilushkin S. A. Responsibility as the professional quality ofpersonality. *Vektor nauki Tolyattinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2011, (1): 155–157. (In Russ.)
18. Pryadein V. P. Responsibility, effort and will as objects of psychological and pedagogical research. *Nauchnyi dialog*, 2012, (1): 32–45. (In Russ.)
19. Dementiy L. I., Kupchenko V. E. Life strategy of individuals with various type of the responsibility. *Vestnik Omskogo universiteta*, 2011, (4): 317–324. (In Russ.)
20. Bykov S. V. *Socio-psychological regulation of personality responsibility.* Dr. Psyhol. Sci. Diss. Kazan, 2006, 337. (In Russ.)
21. Berndsen M., Manstead A. S. R. On the relationship between responsibility and guilt: Antecedent appraisal or elaborated appraisal? *European Journal of Social Psychology*, 2007, 37(4): 774–792. DOI: 10.1002/ejsp.397
22. Cehajic-Clancy S., Effron D. A., Halperin E., Liberman V., Ross L. D. Affirmation, acknowledgment of in-group responsibility, group-based guilt, and support for reparative measures. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2011, 101(2): 256–270. DOI: 10.1037/a0023936
23. Zimmermann A., Abrams D., Doosje B., Manstead A. S. R. Causal and moral responsibility: Antecedents and consequences of group-based guilt. *European Journal of Social Psychology*, 2011, 41(7): 825–839. DOI: 10.1002/ejsp.826
24. Glavas A. Corporate social responsibility and organizational psychology: an integrative review. *Frontiers in Psychology*, 2016, 7(144): 1–13. DOI: 10.3389/fpsyg.2016.00144

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-183-190

оригинальная статья
УДК 159.96

Особенности стратегии конкуренции у работающих субъектов с Я-ориентированной и ориентированной на других перфекционистской направленностью

Алиса Владимировна Тузлукова
Южный федеральный университет, Россия, г. Ростов-на-Дону
alisa.tuzlukova@gmail.com
https://orcid.org/0000-0002-1968-345X

Поступила в редакцию 13.02.2021. Принята к печати 17.03.2021.

Аннотация: Представлены результаты исследования, посвященного установлению своеобразия содержания адресованной достижению различных целей стратегии конкуренции в профессиональной деятельности у работающих субъектов с различной выраженностью перфекционистской направленности. Предложено определение перфекционистской направленности личности, основанное на представлениях о роли направленности в конкурентоспособности личности в профессиональной деятельности, предметном содержании направленности личности, а также имеющихся в литературе данных о предметном содержании перфекционизма и его различных типах и их взаимосвязи с мотивацией достижения и когнитивными установками. Многочисленные данные о связи типов перфекционизма с личностными особенностями субъектов, проявляющимися в ситуациях конкуренции, позволили предположить, что перфекционистская направленность личности выступает фактором построения стратегии конкуренции работающих субъектов. Эмпирическим объектом выступили 142 работающих субъекта (112 женщин, 30 мужчин) в возрасте от 19 до 62 лет. Описаны процедура выделения различных видов перфекционистской направленности на основе сочетания типа перфекционизма, мотивации достижения и когнитивных установок, а также критерии выделения Я-ориентированной и ориентированной на других перфекционистской направленностью. Установлено своеобразие содержания стратегии конкуренции у субъектов с Я-ориентированной перфекционистской направленностью и ориентированной на других перфекционистской направленностью, определены ведущие цели их стратегии конкуренции и содержание компонентов стратегии конкуренции по их достижению. Стратегия конкуренции по достижению цели *демонстрация индивидуального стиля деятельности* у субъектов с Я-ориентированной перфекционистской направленностью обусловлена внутренней мотивацией деятельности, проявляется в форме зависимости от других, однако критика и неодобрение с их стороны может негативно влиять на их стремление к цели. Стратегия конкуренции по достижению цели *высокое качество деятельности* у субъектов с ориентированной на других перфекционистской направленностью подкрепляется стремлением к безопасности и основывается на совершении стабилизирующих конкурентных действий. Для стратегий конкуренции обеих групп характерно снижение осознавания коллег как конкурентов при стремлении к данным целям.
Ключевые слова: компоненты стратегии конкуренции, цели конкуренции, перфекционизм, работающие субъекты

Цитирование: Тузлукова А. В. Особенности стратегии конкуренции у работающих субъектов с Я-ориентированной и ориентированной на других перфекционистской направленностью // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 1. С. 183–190. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-183-190

Введение

Рост конкуренции в России и мире, затрагивающий главным образом сферу профессиональной деятельности, связан с усилением «принуждения к совершенствованию» результатов своего труда и особых отношений между людьми в обществе [1]. Следствием этого является понимание необходимости повышения требований к себе и другим, качеству результатов деятельности и построению стратегии конкуренции ради получения больших преимуществ по сравнению с другими в профессиональной деятельности.

Изучение конкуренции носит междисциплинарный характер [2]. В различных областях психологии конкуренция определяется по-разному: в социальной психологии – как один из главных способов организации социального и межличностного взаимодействия, включающий социальные сравнения; в экономической – как попытки превзойти соперника в чем-то более перспективном вследствие несовместимых интересов; в психологии личности – как мотивационно-операциональная направленность субъектов деятельности на обретение желаемых преимуществ по сравнению с конкурентами и т. д. [3]. В каждой из областей авторы подчеркивают значимость в конкуренции стремления к преимуществу, соперничества, достижения лучшего результата вследствие сравнения с результатами других.

© 2021. Авторы. Статья распространяется на условиях международной лицензии CC BY 4.0

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-183-190

Стратегия конкуренции личности в профессиональной деятельности рассматривается как организованная целью конкуренции и устойчивыми способами ее достижения сознательная мотивированная активность, обеспечивающая субъекту деятельности желаемые преимущества в профессиональной деятельности на базе его представлений о себе как субъекте деятельности, о ее предмете и ближайшем профессиональном окружении. В строении стратегии конкуренции выделяют следующие компоненты: мотивационно-целевой (мотивы профессиональной деятельности, цель и мотивы конкуренции), операциональный (инновационные (привнесение новых приемов), стабилизирующие (удержание достигнутых преимуществ) и адаптивные (копирование) конкурентные действия и поведенческие установки в адрес конкурентов) и когнитивный (представления о коллегах, руководителе и о себе как сотруднике) [4].

Исследователи конкуренции в рамках психологии личности сосредотачивают внимание на поиске ее личностных детерминант [5–7]. Особое внимание авторы уделяют конкурентоспособности, психологическую основу которой составляет высокий уровень развития интегральных качеств личности, центральное место среди которых занимает направленность [8]. Согласно С. Л. Рубинштейну, она представляет собой систему всех мотивационных тенденций, установок и идеалов личности и обладает предметным содержанием, включающим общество, труд и самого себя. Направленность личности на конкретное предметное содержание усиливает ее сознательную активность по овладению этими явлениями действительности, что приводит к закреплению отдельных личностных свойств. П. Л. Хьюитт и Г. Л. Флэтт рассматривают перфекционизм как устойчивое свойство личности, обладающее предметным содержанием в виде стремления к совершенствованию себя и других и к высокому соответствию социальным нормам, сопоставимым с выделяемыми отечественными авторами тремя основными видами предметного содержания направленности как таковой: самой личностью, обществом и деятельностью [9]. Поэтому мы полагаем, что перфекционизм может выступать как психологический фактор, обусловливающий достижение целей конкуренции и определяющий своеобразие построения стратегии по их достижению.

Результаты множества исследований перфекционизма позволили исследователям выявить значимые положительные связи между его типами и мотивацией достижения, между представлениями о себе, мире и других, проявляющимися в когнитивных установках [10–12]. Связанность мотивов личности, ее установок, среди которых наиболее значимым выступает поддерживаемое обществом стремление к некому идеалу как способ ответить на требования рыночной экономики и получению лучших результатов деятельности по сравнению с другими, а также направленность этих мотивов и установок на некий предмет ставит вопрос о рассмотрении перфекционистской направленности личности в ее связи с конкуренцией в профессиональной деятельности.

В течение всей истории изучения перфекционизма предпринимались попытки определения критериев для разграничения его невротических и конструктивных проявлений, среди которых были выделены реалистичность и сознательность при установлении высоких стандартов деятельности, настойчивая избирательность способа их реализации, подконтрольность личности переживаний неуспеха, наличие мотивации для достижения цели и убеждений о ее достижимости [9]. Данные критерии обусловливают целесообразность введения термина перфекционистской направленности личности, предполагающего интеграцию общего перфекционизма и составляющих его типов, мотивации достижения и установок личности.

Под перфекционистской направленностью (ПН) мы понимаем комплекс мотивов и установок личности, устойчиво проявляющихся в различных видах деятельности в ее осознанном стремлении к совершенству на основе высокой требовательности к другим, воспринимаемой от других, а также к себе самому, что может обеспечивать преимущества в достижении целей конкуренции.

В многочисленных исследованиях обнаружены взаимосвязи общего перфекционизма и его типов с личностными особенностями субъектов, проявляющимися в ситуациях конкуренции: с мотивацией достижения [13], с постановкой целей по получению более высоких результатов по сравнению с другими [12] и доминирование над ними [14], особенностями самооценивания [15] и восприятия других как соперников [16; 17], результативностью и эффективностью в работе [18]. Содержание каждой из перечисленных взаимосвязей может быть соотнесено с содержанием компонентов стратегии конкуренции. Это дает основание полагать, что ПН, выражающаяся в ориентации на достижение лучших по сравнению с другими результатов и преимуществ в профессиональной деятельности, в оценивании себя как субъекта конкуренции и других ее субъектов, а также в особенностях выполнения деятельности выступает фактором построения стратегии конкуренции работающих субъектов.

Анализ целей конкуренции позволяет обозначить направленность их предметного содержания на социально-психологические показатели, возникающие вследствие социального сравнения (должность, лидерство) самого себя как субъекта конкуренции (демонстрация индивидуальности) и результатов деятельности (стабильность результатов, высокое качество) [4]. В ряде исследований перфекционизма можно выделить цели, соотносимые с содержанием приведенных целей конкуренции: социальные – лидерство, доминирование, получение одобрения [19; 20]; цели создания и поддержания позитивного образа Я [21]; связанные с деятельностью – достижение мастерства, демонстрация своих способностей [22; 23]. Однако работы, адресованные целям субъектов с различными типами перфекционизма, немногочисленны, а эмпирическим объектом изучения в них выступают студенты [20; 22] или спортсмены [23], что обуславливает новизну настоящего исследования.

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-183-190

Предмет, методы и процедура исследования

Цель – установить своеобразие содержания адресованной достижению различных целей стратегии конкуренции в профессиональной деятельности у работающих субъектов с различной выраженностью ПН. *Предметом* исследования выступает стратегия конкуренции по достижению различных целей субъектов с различной выраженностью ПН личности; *объектом* – ПН работающих субъектов. Эмпирическим объектом исследования стали 142 представителя различных профессий (30 мужчин, 112 женщин) от 19 до 62 лет с общим стажем работы от полугода до 43 лет и со стажем работы в текущей должности от полугода до 39 лет, из них 118 человек являются штатными сотрудниками и 24 – руководителями среднего звена. Общий объем выборки составил 230 респондентов.

Методы исследования включали в себя анкетирование: авторская анкета (С. Т. Джанерьян, Е. А. Панина), в которую вошел бланк оценки значимости целей конкуренции для реализации успешной стратегии конкуренции, ведущего конкурента, ведущей цели конкуренции и способа ее достижения; тестирование: Многомерная шкала перфекционизма (П. Л. Хьюитт, Г. Л. Флэтт), Структура мотивации трудовой деятельности (К. Замфир), Q-сортировка (В. Стефансон), опросник «Мотивация достижения» (А. Мехрабиан), Методика иррациональных установок (А. Эллис), Методика диагностики межличностных отношений (Т. Лири); методы математической статистики: критерий нормальности Колмогорова-Смирнова, биномиальный критерий, множественный линейный регрессионный анализ; процедура квартилирования; коэффициент ранговой корреляции r-Спирмена, критерии Фридмана, Вилкоксона.

Интегральный характер ПН личности, позволяющий включить в него перфекционистские стремления, мотивы и установки личности, стал основой для определения в качестве критериев ее видов следующих показателей: ведущий тип перфекционизма (на других, себя и социальные предписания), мотив достижения и содержание когнитивных установок. Сообразно этим критериям с целью выделения видов ПН определялся индивидуальный показатель выраженности ПН на основе выраженности каждого из типов перфекционизма и его общего показателя, согласно методике П. Л. Хьюитта, Г. Л. Флэтта. Для установления мотивации достижения применялась методика «Диагностика измерения мотивации достижения» (А. Мехрабиан). Для определения уровней выраженности перфекционизма и мотивации достижения использовались процедуры квартилирования и биномиальный критерий. С помощью Методики иррациональных установок (А. Эллис) и применения критериев Фридмана и Вилкоксона были выявлены доминирующие когнитивные установки.

В ходе корреляционного анализа связей между возрастно-стажевыми особенностями общей выборки и каждым из критериев выделения ПН установлено не было.

Результаты

Разработанная нами теоретическая модель ПН и результаты статистического анализа позволили выявить и охарактеризовать различные виды ПН (табл. 1). В данной статье мы обратимся к двум группам работающих субъектов – с Я-ориентированной ПН (ЯОПН) и ориентированной на других ПН (ОДПН) – имеющим цели конкуренции, отличающиеся от субъектов с иными видами ПН, и рассмотрим стратегии конкуренции по достижению этих целей.

Группу субъектов с ЯОПН составили 38 человек (32 женщины, 6 мужчин) в возрасте от 19 до 56 лет (средний возраст – 30,8 лет) со стажем работы от 4 месяцев до 23 лет (33 штатных сотрудника, 5 руководителей среднего звена), с высокой выраженностью перфекционизма, ориентированного на себя, и стремления к достижению успеха, доминирующей когнитивной установкой долженствования по отношению к себе.

Группу субъектов с ОДПН составили 20 человек (15 женщин, 5 мужчин) в возрасте от 26 лет до 61 года (средний возраст – 33,5 лет) со стажем работы от полугода до 37 лет (26 штатных сотрудников, 4 руководителя среднего звена), с высокой выраженностью перфекционизма, ориентированного на других, и стремления к достижению успеха, доминирующей когнитивной установкой долженствования по отношению к другим.

Табл. 1. Выраженность типа перфекционизма, мотивации достижения и доминирующей иррациональной установки у субъектов с ЯОПН и ОДПН

Tab. 1. Intensity of perfectionism type, achievement motivation, and the main irrational attitude in subjects with self-oriented and socially-oriented perfectionism

Вид ПН	Тип перфекционизма ($p \leq 0{,}01$)	Мотивация достижения ($p \leq 0{,}05$)	Доминирующая иррациональная установка ($p \leq 0{,}05$)
ЯОПН	Очень высокие и высокие значения по шкале *перфекционизм, направленный на себя*	Очень высокие и высокие значения при $p \leq 0{,}01$	Долженствование по отношению к себе
ОДПН	Очень высокие и высокие значения по шкале *перфекционизм, направленный на других*	Индивидуально-вариативные значения	Долженствование по отношению к другим

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-183-190

Для описанных видов ПН было определено содержание стратегии конкуренции, в которую входит мотивационно-целевой компонент, включающий в себя ведущие цели конкуренции, мотивы конкуренции и мотивы деятельности; когнитивный компонент, включающий ведущего конкурента, его характеристику, актуальные и отраженные самооценки; поведенческий компонент, в который входят поведенческие установки в ситуациях общения и конкурентные действия.

В строении стратегии конкуренции субъектов с ЯОПН доминируют цели *демонстрация индивидуального стиля деятельности* и *лидерство*, внутренняя мотивация деятельности, мотивы конкуренции уважения, безопасности и самоактуализации (мотивационно-целевой компонент); восприятие коллег внутри и вне компании в качестве конкурентов, оценка себя как зависимого сотрудника, а коллег – как зависимых, авторитарных, эгоистичных и подозрительных сотрудников (когнитивный компонент); инновационные конкурентные действия, установки в поведении на общительность и зависимость (операциональный компонент).

В строении стратегии конкуренции субъектов с ОДПН доминируют цели *высокое качество деятельности* и *лидерство*, внешняя отрицательная мотивация деятельности, мотивы конкуренции уважения, безопасности и самоактуализации (мотивационно-целевой компонент); восприятие руководителя и коллег в другой компании в качестве конкурентов, оценка себя как эгоистичных, агрессивных, зависимых сотрудников при индивидуальной вариативности оценок конкурентов (когнитивный компонент); стабилизирующие и инновационные конкурентные действия, установки в поведении на общительность (операциональный компонент).

Немногочисленные работы, посвященные перфекционизму, ориентированному на других, констатируют его взаимосвязь с такими особенностями поведения и общения, как враждебность, доминирование, тенденции к обвинению других, индивидуалистическая ориентация [24], отсутствие доброжелательности и заинтересованности в других [18]. Однако эти данные были получены в исследованиях, посвященных взаимосвязи перфекционизма, ориентированного на других с достижением просоциальных целей, в то время как данная работа посвящена построению стратегии конкуренции, включающей достижение не только просоциальных целей (лидерство), но и целей деятельности (высокое качество деятельности), что, с одной стороны, обуславливает отличие полученных нами данных, а с другой стороны, расширяет представления о стратегии конкуренции работающих субъектов с выраженной ПН, ориентированной на других.

В соответствии с данным выше определением стратегии конкуренции для ее построения системообразующее значение имеет цель как сформированное представление о предпочитаемом результате, обеспечивающем, по мнению субъекта, преимущество в конкретной деятельности.

Установлено содержание компонентов стратегии конкуренции по достижению различных целей представителей разнотипных профессий с ЯОПН и ОДПН. Стратегии конкуренции по достижению содержательно сходной для обеих групп ведущей цели *лидерство* были описаны ранее [25], поэтому в данной работе мы рассмотрим предметное содержание иных ведущих целей конкуренции.

Стратегия конкуренции по достижению цели *демонстрация индивидуального стиля деятельности* субъектов с ЯОПН обеспечивается внутренней мотивацией деятельности, сопровождается негативным влиянием внешней отрицательной мотивации, которая проявляется в критике со стороны других (мотивационно-целевой компонент), элиминацией восприятия коллеги внутри структуры как конкурента (когнитивный компонент) и тенденцией к зависимости от других (поведенческий компонент) (табл. 2).

Табл. 2. Влияние содержания компонентов (независимые переменные) на выраженность цели (зависимая переменная) в структуре стратегии конкуренции субъектов с ЯОПН и ОДПН (по результатам множественной линейной регрессии)
Tab. 2. Effect of the content of the components (independent variables) on the intensity of the goal (dependent variable) in the structure of the competition strategy of subjects with self-oriented and socially-oriented perfectionism (based on the results of multiple linear regression)

Вид ПН	Цель	Мотивационно-целевой компонент	Когнитивный компонент	Операциональный компонент
ЯОПН, R=0,87 при p≤0,00001	Демонстрация индивидуального стиля деятельности	Мотив деятельности: Внутренняя мотивация (β=0,308) Внешняя отрицательная мотивация (β=–0,472)	Восприятие в качестве конкурента коллеги внутри структуры (β=–0,331)	Поведенческая установка: Зависимость (β=0,263)
ОДПН, R=0,95 при p≤0,00002	Высокое качество деятельности	Мотив конкуренции: Уважение (β=0,327)	Восприятие в качестве конкурентов большинства коллег (β=–0,451)	Конкурентные действия: Стабилизирующие (β=0,952) Инновационные (β=–0,934)

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-183-190

Стратегия конкуренции по достижению цели *высокое качество деятельности* у субъектов с ОДПН поддерживается мотивом безопасности в качестве мотива конкуренции (мотивационно-целевой компонент), сопровождается элиминацией восприятия большинства коллег как конкурентов (когнитивный компонент) и опирается главным образом на стабилизирующие конкурентные действия по достижению цели, при этом инновационные действия снижают вероятность достижения цели (поведенческий компонент) (табл. 2).

Таким образом, стратегия конкуренции субъектов с ЯОПН по достижению цели *демонстрация индивидуального стиля деятельности* обусловлена внутренней мотивацией деятельности, критика и неодобрение со стороны других могут негативно влиять на стремление субъектов этой группы к достижению цели, при этом в поведении достижение данной цели сопровождается зависимостью от других. Кроме того, стремление к ней сопровождается редуцированием осознания коллег внутри компании как конкурентов.

Стратегия конкуренции субъектов с ОДПН по достижению цели *высокое качество деятельности* подкрепляется стремлением к безопасности и основывается на совершении стабилизирующих конкурентных действий. Вместе с тем осознавание стремления к данной цели приводит к снижению осознавания субъектами с ОДПН большинства коллег как конкурентов за демонстрацию высокого качество деятельности.

Полученные данные расширяют представления о целях конкуренции работающих субъектов с ЯОПН и ОДПН и стратегиях их построения.

Заключение

На основе рассмотрения ПН как комплекса мотивов и установок личности, устойчиво проявляющихся в различных видах деятельности в ее осознанном стремлении к совершенству на основе высокой требовательности к другим, воспринимаемой от других, а также к себе самому, и обеспечивающей преимущества в достижении целей конкуренции, и результатов проведенного эмпирического анализа были выделены субъекты с ЯОПН и ОДПН. Установлены ведущие цели конкуренции в профессиональной деятельности субъектов с ЯОПН и ОДПН. Установлено своеобразие содержания стратегий конкуренции и их компонентов в профессиональной деятельности субъектов с ЯОПН и ОДПН при стремлении к достижению разных целей конкуренции, предметное содержание которых направлено на самого себя как субъекта конкуренции и на результаты деятельности.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Литература

1. Curran T., Hill A. P. Perfectionism is increasing over time: A meta-analysis of birth cohort differences from 1989 to 2016 // Psychological Bulletin. 2019. Vol. 145. № 4. P. 410–429. DOI:10.1037/bul0000138
2. Шмелев А. Г. Конкуренция как метакатегория современной психологии. Сообщение 1 // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. 2014. Т. 7. № 3. С. 105–115.
3. Клюева О. А. Проблема конкурентоспособности личности в современных социально-экономических условиях (психологический аспект) // Психология человека в современном мире. Т. 5. Личность и группа в условиях социальных изменений: мат-лы Всерос. юбилейной науч. конф., посв. 120-летию со дня рождения С. Л. Рубинштейна. (Москва, 15–16 октября 2009 г.) М.: ИП РАН, 2009. С. 333–337.
4. Джанерьян С. Т., Панина Е. А. Ценностно-мотивационные основания типов конкурентных стратегий официантов // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2013. № 5. С. 97–103.
5. Базаров Т. Ю., Шевченко Ю. С. Кооперативные стратегии поведения в конкурентной среде // Национальный психологический журнал. 2010. № 1. С. 80–85.
6. Fletcher T. D., Major D. A., Davis D. D. The interactive relationship of competitive climate and trait competitiveness with workplace attitudes, stress, and performance // Journal of Organizational Behavior. 2008. Vol. 29. № 7. P. 899–922. DOI: 10.1002/job.503
7. Garcia S., Tor A., Schiff T. The psychology of competition: A social comparison perspective // Perspectives on Psychological Science. 2013. Vol. 8. № 6. P. 634–650. DOI:10.1177/1745691613504114
8. Митина Л. М. Психология развития конкурентоспособной личности. Воронеж: МОДЭК, 2002. 400 с.
9. Ильин Е. П. Работа и личность: трудоголизм, перфекционизм, лень. СПб.: Питер, 2011. 224 с.
10. Гаранян Н. Г., Клыкова А. Ю., Сорокова М. Г. Перфекционизм, зависть и конкурентные установки в студенческой среде // Консультативная психология и психотерапия. 2018. Т. 26. № 2. С. 7–32. DOI: 10.17759/cpp.2018260202
11. Rice K. G., Dellwo J. P. Perfectionism and self-development: Implications for college adjustment // Journal of Counseling & Development. 2002. Vol. 80. № 2. P. 188–196. DOI: 10.1002/j.1556-6678.2002.tb00182
12. Stoeber J., Joormann J. Worry, procrastination, and perfectionism: Differentiating amount of worry, pathological worry, anxiety, and depression // Cognitive Therapy and Research. 2001. Vol. 25. № 1. P. 49–60. DOI: 10.1023/A:1026474715384

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-183-190

13. Виндекер О. С., Иргашева К. А. Исследование взаимосвязи перфекционизма и мотивации достижения (на примере студенческой выборки) // Приволжский научный вестник. 2014. № 5. С. 151–156.
14. Stoeber J., Davis C. R., Townley J. Perfectionism and workaholism in employees: The role of work motivation // Personality and Individual Differences. 2013. Vol. 55. № 7. P. 733–738. DOI: 10.1016/j.paid.2013.06.001
15. Бескова Т. В. Взаимосвязь перфекционизма со способами реагирования на успех и неудачу Другого // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 2. Режим доступа: http://science-education.ru/ru/article/view?id=6046 (дата обращения: 14.11.2020).
16. Stoeber J., Harris R., Moon P. Perfectionism and the experience of pride, shame, and guilt: Comparing healthy perfectionists, unhealthy perfectionists, and non-perfectionists // Personality and Individual Differences. 2007. Vol. 43. № 1. P. 131–141. DOI: 10.1016/j.paid.2006.11.012
17. Kilduff G. J., Elfenbein H. A., Staw B. M. The psychology of rivalry: A relationally dependent analysis of competition // Academy of Management Journal. 2010. Vol. 53. № 5. P. 943–969. DOI: 10.5465/AMJ.2010.54533171
18. Klein R. G., Dooley D., Lapierre K., Pitura V. A., Adduono D. Trait perfectionism and competitiveness: Conceptual similarities and differences in a lab-based competitive task // Personality and Individual Differences. 2020. Vol. 153. DOI: 10.1016/j.paid.2019.109610
19. Shim S. S., Fletcher K. L. Perfectionism and social goals: what do perfectionists want to achieve in social situations? // Personality and Individual Differences. 2012. Vol. 52. № 8. P. 919–924. DOI: 10.1016/j.paid.2012.02.002
20. Stoeber J. How other-oriented perfectionism differs from self-oriented and socially prescribed perfectionism // Journal of Psychopathology and Behavioral Assessment. 2014. Vol. 36. № 2. P. 329–338. DOI: 10.1007/s10862-013-9397-7
21. Nepon T., Flett G. L., Hewitt P. L. Self-image goals in trait perfectionism and perfectionistic self-presentation: Toward a broader understanding of the drives and motives of perfectionists // Self and Identity. 2016. Vol. 15. № 6. P. 683–706. DOI: 10.1080/15298868.2016.1197847
22. Leea Y. J., Anderman E. M. Profiles of perfectionism and their relations to educational outcomes in college students: The moderating role of achievement goals // Learning and Individual Differences. 2020. Vol. 77. DOI: 10.1016/j.lindif.2019.101813
23. Dunn J. G. H., Gotwals J. K., Lizmore M. R. Perfectionism, pre-competitive worry, and optimism in high-performance youth athletes // International Journal of Sport and Exercise Psychology. 2020. Vol. 18. № 6. P. 749–763. DOI: 10.1080/1612197X.2019.1577900
24. Zeigler-Hill V., Terry C. Perfectionism and explicit self- esteem: The moderating role of implicit self-esteem // Self and Identity. 2007. Vol. 6. No 3. P. 137–153. DOI: 10.1080/15298860601118850
25. Тузлукова А. В., Джанерьян С. Т. Содержание стратегии конкуренции у работающих субъектов с различной выраженностью общей перфекционистской направленности // Мир науки. Педагогика и психология. 2020. Т. 8. № 6. DOI: 10.15862/79PSMN620

original article

Competitive Strategy in Employees with Self-Oriented and Socially-Oriented Perfectionism

Alisa V. Tuzlukova
Southern Federal University, Russia, Rostov-on-Don
alisa.tuzlukova@gmail.com
https://orcid.org/0000-0002-1968-345X

Received 13 Feb 2021. Accepted 17 Mar 2021.

Abstract: The present research featured competitive strategy aimed at achieving different goals in professional activity of employees with different intensity of perfectionism. It resulted in a definition of perfectionism based on the role of personality orientation in competitiveness, the subject content of personality orientation, and available publications on the subject content of perfectionism, its types, and their relationship. The type of perfectionism depends on personal characteristics that manifest themselves in competitive environment. Therefore, perfectionist orientation shapes completive strategy in employees. The research involved 142 employees (112 women, 30 men) aged 19–62. The procedure for identifying various types of perfectionist orientation combined the type of perfectionism, achievement motivation, and cognitive attitudes. The paper also introduces

© 2021. The Author(s). This article is distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-183-190

criteria for distinguishing self-oriented and socially-oriented perfectionism. The main goal of competition strategy in subjects with self-oriented perfectionism was formulated as *demonstration of individual work pattern*, while in subjects with socially-oriented perfectionism it was *high quality of activity*. The first appeared to be fuelled by the internal motivation and dependence on others. However, criticism and disapproval can affect the desire to achieve the goal. The second was fuelled by security reasons and resulted in actions aimed at retaining the achieved advantages. Both groups hardly saw colleagues as rivals.
Keywords: competition strategy components, competition goals, perfectionism, employees

Citation: Tuzlukova A. V. Competitive Strategy in Employees with Self-Oriented and Socially-Oriented Perfectionism. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(1): 183–190. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-183-190

Conflicting interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

References

1. Curran T., Hill A. P. Perfectionism is increasing over time: A meta-analysis of birth cohort differences from 1989 to 2016. *Psychological Bulletin*, 2019, 145(4): 410–429. DOI:10.1037/bul0000138
2. Shmelyov A. G. Competition as a metacategory of modern psychology. Part 1. *Vestnik Iuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Psikhologiia*, 2014, 7(3): 105–115. (In Russ.)
3. Klyueva O. A. The problem of individual competitiveness in modern socio-economic conditions (psychological aspect). *Human psychology in the modern world. Vol. 5. Personality and group in conditions of social change*: Proc. All-Russian anniversary Sci. conf., dedicated to the 120th birthday of S. L. Rubinstein, Moscow, October 15–16, 2009. Moscow: IP RAN, 2009, 333–337. (In Russ.)
4. Dzhaneryan S. T., Panina E. A. The value-motivational reasons types of competitive strategies of waiters. *Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye nauki*, 2013, (5): 97–103. (In Russ.)
5. Bazarov T. Yu., Shevchenko Yu. S. Cooperative strategies for behavior in a competitive environment. *National Psychological Journal*, 2010, (1): 80–85. (In Russ.)
6. Fletcher T. D., Major D. A., Davis D. D. The interactive relationship of competitive climate and trait competitiveness with workplace attitudes, stress, and performance. *Journal of Organizational Behavior*, 2008, 29(7): 899–922. DOI: 10.1002/job.503
7. Garcia S., Tor A., Schiff T. The psychology of competition: A social comparison perspective. *Perspectives on Psychological Science*. 2013. Vol. 8. № 6. P. 634–650. DOI:10.1177/1745691613504114
8. Mitina L. M. *Psychology of development of a competitive personality*. Voronezh: MODEK, 2002, 400. (In Russ.)
9. Ilyin E. P. *Work and personality: workaholism, perfectionism, and laziness*. St. Petersburg: Piter, 2011, 224. (In Russ.)
10. Garanian N. G., Klykova A. Yu., Sorokova M. G. Perfectionism, envy and hypercompetitiveness among university students. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya*, 2018, 26(2): 7–32. (In Russ.) DOI: 10.17759/cpp.2018260202
11. Rice K. G., Dellwo J. P. Perfectionism and self-development: Implications for college adjustment. *Journal of Counseling & Development*, 2002, 80(2): 188–196. DOI: 10.1002/j.1556-6678.2002.tb00182
12. Stoeber J., Joormann J. Worry, procrastination, and perfectionism: Differentiating amount of worry, pathological worry, anxiety, and depression. *Cognitive Therapy and Research*, 2001, 25(1): 49–60. DOI: 10.1023/A:1026474715384
13. Vindeker O. S., Irgasheva K. A. A study of interconnection between perfectionism and achievement motivation (based on a sample group of students). *Privolzhskiy nauchniy vestnik*, 2014, (5): 151–156. (In Russ.)
14. Stoeber J., Davis C. R., Townley J. Perfectionism and workaholism in employees: The role of work motivation. *Personality and Individual Differences*, 2013, 55(7): 733–738. DOI: 10.1016/j.paid.2013.06.001
15. Beskova T. V. Interrelation of perfectionism with the ways of reaction to the success and failure of other person. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia*, 2012, (2). Available at: http://science-education.ru/ru/article/view?id=6046 (accessed 14 Nov 2020). (In Russ.)
16. Stoeber J., Harris R., Moon P. Perfectionism and the experience of pride, shame, and guilt: Comparing healthy perfectionists, unhealthy perfectionists, and non-perfectionists. *Personality and Individual Differences*, 2007, 43(1): 131–141. DOI: 10.1016/j.paid.2006.11.012
17. Kilduff G. J., Elfenbein H. A., Staw B. M. The psychology of rivalry: A relationally dependent analysis of competition. *Academy of Management Journal*, 2010, 53(5): 943–969. DOI: 10.5465/AMJ.2010.54533171
18. Klein R. G., Dooley D., Lapierre K., Pitura V. A., Adduono D. Trait perfectionism and competitiveness: Conceptual similarities and differences in a lab-based competitive task. *Personality and Individual Differences*, 2020, 153. DOI: 10.1016/j.paid.2019.109610

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-183-190

19. Shim S. S., Fletcher K. L. Perfectionism and social goals: what do perfectionists want to achieve in social situations? *Personality and Individual Differences*, 2012, 52(8): 919–924. DOI: 10.1016/j.paid.2012.02.002
20. Stoeber J. How other-oriented perfectionism differs from self-oriented and socially prescribed perfectionism. *Journal of Psychopathology and Behavioral Assessment,* 2014, 36(2): 329–338. DOI: 10.1007/s10862-013-9397-7
21. Nepon T., Flett G. L., Hewitt P. L. Self-image goals in trait perfectionism and perfectionistic self-presentation: Toward a broader understanding of the drives and motives of perfectionists. *Self and Identity*, 2016, 15(6): 683–706. DOI: 10.1080/15298868.2016.1197847
22. Leea Y. J., Anderman E. M. Profiles of perfectionism and their relations to educational outcomes in college students: The moderating role of achievement goals. *Learning and Individual Differences,* 2020, 77. DOI: 10.1016/j.lindif.2019.101813
23. Dunn J. G. H., Gotwals J. K., Lizmore M. R. Perfectionism, pre-competitive worry, and optimism in high-performance youth athletes. *International Journal of Sport and Exercise Psychology*, 2020, 18(6): 749–763. DOI: 10.1080/1612197X.2019.1577900
24. Zeigler-Hill V., Terry C. Perfectionism and explicit self- esteem: The moderating role of implicit self-esteem. *Self and Identity*, 2007, 6(3): 137–153. DOI: 10.1080/15298860601118850
25. Tuzlukova A. V., Dzhaneryan S. T. The content of the competitive strategy in employed workers with different intensity of the general perfectionistic orientation. *World of Science. Pedagogy and psychology*, 2020. 8(6). (In Russ.) DOI: 10.15862/79PSMN620

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-191-201

оригинальная статья
УДК 159.923.2

Особенности переживания жизненной ситуации, обусловленной пандемией COVID-19, в контексте жизнестойкости личности

Оксана Петровна Цариценцева
Оренбургский государственный педагогический университет,
Россия, г. Оренбург
Oks-ternovskay@yandex.ru

Мария Михайловна Елфимова
Оренбургский государственный педагогический университет,
Россия, г. Оренбург

Поступила в редакцию 25.12.2020. Принята к печати 18.02.2021.

Аннотация: Жизненную ситуацию, которая сложилась на современном этапе, можно охарактеризовать как нетипичную и сопровождающуюся существенной трансформацией во всех сферах нашей жизни. Переживания, связанные с COVID-19, заставили каждого человека по-новому взглянуть на себя и свою дальнейшую жизнь. Цель исследования – выявить особенности переживания человеком жизненной ситуации, обусловленной пандемией, и определить специфику их взаимосвязи с жизнестойкостью личности и ее социально-демографическими характеристиками. В связи с необходимостью соблюдать самоизоляцию исследование проводилось в формате онлайн-тестирования на платформе *Google*. Онлайн-исследование проводилось в марте-апреле 2020 г. В исследовании приняли участие 131 человек: 74 женщины (56 %) и 57 мужчин (44 %). Возрастной диапазон респондентов – от 18 до 75 лет (18–21 – 39 человек; 22–35 – 50 человек; 36–60 – 37 человек; 61–75 – 5 человек). Семейное положение опрошенных: холост / не замужем – 74 человека; женат / замужем – 57 человек. Для анализа данных использовались приемы описательной статистики, статистический анализ различий между группами (H-критерий Краскела-Уоллиса, U-критерий Манна-Уитни, критерий φ* – угловое преобразование Фишера). В эмпирическом исследовании для диагностических целей применялся тест жизнестойкости С. Мадди (адаптация Д. А. Леонтьева, Е. И. Рассказовой) и методика «Семантический дифференциал жизненной ситуации» О. В. Александровой, И. Б. Дермановой. На первом этапе мы проанализировали особенности переживания жизненной ситуации, обусловленной пандемией COVID-19, участниками исследования. Полученные нами результаты дают основания отнести переживаемую жизненную ситуацию к трудным ситуациям. Именно такие ситуации прерывают процесс непрерывности жизни субъекта и препятствуют реализации внутренних необходимостей жизни (мотивов, стремлений, ценностей и пр.). Различия в переживании жизненной ситуации в группах, различающихся по социально-демографическим характеристикам, не являются столь выраженными, как различия по уровню жизнестойкости. Однако, анализируя различия в переживании жизненной ситуации в группах с разным уровнем жизнестойкости, мы обнаружили следующую тенденцию: высокий уровень жизнестойкости обеспечивает позитивные ожидания от актуальной ситуации и переживание ее не как критически сложной, а в остальном существенных различий обнаружено не было. В некоторых случаях более конструктивно переживалась жизненная ситуация, обусловленная пандемией COVID-19 в группах со средним и низким уровнем жизнестойкости. Содержание внутренней работы личности в трудной жизненной ситуации представляется нам как самостоятельно организуемый процесс понимания, осмысления ситуации в контексте жизненного пути, обретения новых смыслов, укрепления собственных ресурсов.

Ключевые слова: осмысление, актуальная ситуация, трудная жизненная ситуация, переживание актуальной ситуации, уровень жизнестойкости

Цитирование: Цариценцева О. П., Елфимова М. М. Особенности переживания жизненной ситуации, обусловленной пандемией COVID-19, в контексте жизнестойкости личности // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 1. С. 191–201. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-191-201

Введение

Ситуацию, в которой мы сейчас пребываем, можно охарактеризовать как новую, не бывшую ранее, наполненную серьезными трансформациями во всех сферах жизни. За короткое время в результате стремительного распространения COVID-19 жизнь людей во всем мире кардинально изменилась: перестроился ритм жизни, поменялось количество и теснота социальных контактов, возникли новые материальные проблемы, произошло переосмысление траектории карьеры и образования и т. д. Подобные процессы не могли не отразиться на субъективной картине мира и жизненном пути личности [1; 2]. Событий такого рода и такого масштаба на памяти людей предыдущего поколения не было. Переживания, связанные с COVID-19, заставили каждого человека по-новому взглянуть на себя и свою дальнейшую жизнь. По мнению многих философов, политологов, экономистов, психологов, педагогов, возврата к прежним

© 2021. Авторы. Статья распространяется на условиях международной лицензии CC BY 4.0

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-191-201

условиям жизнедеятельности уже не будет, следовательно, необходимо адаптироваться к новой реальности и научиться плодотворно существовать в ней [3–9]. В связи с обозначенными положениями представляет интерес проблема субъективного отношения человека к ситуации пандемии и осмысления им ее последствий. Возникает необходимость исследования личностного потенциала индивида, его возможностей для конструктивного совладения с ней.

В проблемное поле попадают следующие вопросы: Как воспринимается сложившаяся ситуация, считается ли она самим субъектом жизнедеятельности преодолимой, разрешимой? Осознает ли он себя к способным противостоять негативным последствиям? С чем связывает свою жизнестойкость? Для поиска ответов на эти вопросы было проведено эмпирическое исследование.

Цель – выявить особенности переживания человеком жизненной ситуации, обусловленной пандемией COVID-19, и определить специфику их взаимосвязи с жизнестойкостью личности и ее социально-демографическими характеристиками.

Переживание не является просто эмоциональным отношением к окружающей среде, в том числе социальной. Вслед за Л. С. Выготским мы рассматриваем его как работу сознания по смыслообразованию в определенных ситуациях [10; 11]. Переживание представляет собой особый режим функционирования сознания, когда возникает субъективное, пристрастное отражение, причем отражение не окружающего предметного мира самого по себе, а мира, взятого в отношении к субъекту, с точки зрения предоставляемых им (миром) возможностей удовлетворения актуальных мотивов и потребностей субъекта. Переживание представляет собой то, каким образом человек осознает, осмысливает, как он аффективно относится к известному событию. По существу, не само событие как таковое оказывает влияние на человека, а событие, преломленное через призму переживания. Социальная среда как источник развития влияет на развитие, и в свою очередь переживание среды определяет влияние среды [12; 13].

Переживание надо понимать как внутреннее отношение человека к тому или иному моменту действительности [10, с. 382]. Через переживание человек формирует определенное отношение, занимает некоторую позицию к событию, случившемуся в его жизни. Событие же является одним из элементов ситуации. В наиболее общем виде ситуацию можно рассматривать как сегмент социальной реальности человека, который определяется местом, временем, включенными людьми, событиями и пр. Конкретизируется это понятие в многочисленных работах психологов поразному: акцент ставится на внешнем характере ситуации [14], внутренних особенностях [15] или на диалектике взаимодействия [16].

Мы рассматриваем ситуацию как процесс диалектического взаимодействия субъекта и его окружающей действительности. В структуре ситуации можно выделить предметы окружающего мира, действующих лиц, их деятельность, коммуникацию, взаимоотношения, пространственные и временные характеристики, включенные события. Событийная канва описывает внешнюю сторону ситуации. События совершаются вне желания самой личности, однако объединяются ею в некоторую систему – ситуацию.

Переживание индивидом различных ситуаций лежит в основе формирования его индивидуального опыта и ведет к развитию «ядра субъективности» [17], которое в последующем поддерживает само себя. Субъективный опыт предстает в виде семантического пространства, осями которого являются обобщенные смысловые основания, используемые индивидом для соотнесения и противопоставления стимулов или объектов [18]. Можно говорить о том, что переживание личности выступает системообразующим фактором, приводящим к объединению условий и обстоятельств внешнего мира в целостную системно организованную ситуацию [19; 20]. Происходит следующее: человек, переживая внешнюю жизненную ситуацию, переводит ее во внутренний (интрапсихический) план сознания, и далее она начинает определять субъективную картину жизненного пути, трансформируя ее во внешнем плане, становясь жизненной ситуацией [11].

Рассматривая переживание жизненной ситуации в контексте жизнестойкости личности, следует отметить, что жизнестойкость, являясь неспецифическим фактором саморегуляции, препятствует возникновению внутреннего напряжения в стрессовых ситуациях за счет стойкого совладания со стрессами и восприятия их как менее значимых [21]. Жизнестойкость приводит к нарастанию активности человека. В результате, сталкиваясь со стрессом, он способен ему сопротивляться [22; 23]. В своей структуре жизнестойкость имеет три относительно автономных компонента: вовлеченность, контроль и принятие риска. Вовлеченность позволяет человеку ощущать себя «в жизненном потоке», наслаждаясь деятельностью и чувствуя себя частью того, что происходит вокруг. Контроль позволяет рассматривать человека как автора своей жизни и деятельности. Принятие риска имеет в своей основе убеждение, что все происходит во благо и для развития человека. Таким образом, система жизнестойких убеждений о себе и мире, об отношениях с ним может являться тем фактором, который сгладит восприятие актуальной ситуации, предотвратит ее интерпретацию как трудную, поддерживая оптимальную для личности умственную и физическую работоспособность.

Методы и материалы

В связи с необходимостью соблюдать самоизоляцию исследование проводилось в формате онлайн-тестирования на платформе Google. Выборка набиралась путем объявлений в социальных сетях и по принципу «снежного кома». Онлайн-исследование проводилось в марте-апреле 2020.

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-191-201

В исследовании приняли участие 131 человек: 74 женщины (56 %) и 57 мужчин (44 %). Возрастной диапазон респондентов – от 18 до 75 лет (18–21 – 39 человек; 22–35 – 50 человек; 36–60 – 37 человек; 61–75 – 5 человек). Семейное положение опрошенных: холост / не замужем – 74 человека; женат / замужем – 57 человек.

Для анализа данных использовались приемы описательной статистики, статистический анализ различий между группами (H-критерий Краскела-Уоллиса, U-критерий Манна-Уитни, критерий φ* – угловое преобразование Фишера). В эмпирическом исследовании для диагностических целей применялся тест жизнестойкости С. Мадди (адаптация Д. А. Ленотьева, Е. И. Рассказовой) [21; 23] и методика «Семантический дифференциал жизненной ситуации» (СДЖС) О. В. Александровой, И. Б. Дермановой [24; 25].

Тест жизнестойкости С. Мадди (адаптация Д. А. Леонтьева, Е. И. Рассказовой) позволяет сделать вывод о способности личности выдерживать стрессовую ситуацию, сохраняя внутреннюю сбалансированность и не снижая успешности деятельности.

Выбор методики СДЖС для исследования особенностей переживания актуальной ситуации осуществлен при следующих допущениях: 1) с помощью семантического дифференциала можно получить данные о переживании ситуации, ее осознании и осмыслении, выявить эмоциональное отношение к ней; 2) оценить, как актуальная ситуация, переживаясь человеком, трансформирует всю его жизненную ситуацию в целом. В качестве основных смысловых осей восприятия авторы выделяют следующие шкалы: владение ситуацией, эмоциональное переживание ситуации, позитивные ожидания, обыденность и повседневность, разрешимость, личностная включенность и вера в преодолимость ситуации, энергетический заряд, уровень понимания.

Результаты

На первом этапе мы проанализировали особенности переживания актуальной жизненной ситуации. Все показатели по переживанию жизненной ситуации, обусловленной пандемией (табл. 1), снижены, находясь в зонах «очень низкий уровень» и «пониженный уровень». Средние значения по выборке ниже нормативных значений по методике. Стандартное отклонение также ниже, чем по нормативным данным, что свидетельствует о наименьшем разбросе результатов и их концентрации вокруг низких значений по шкалам. Большинство показателей не выходят в зону повышенного и очень высокого уровней или представлены в незначительном диапазоне значений. В целом, ориентируясь на типичные ответы и преобладающие уровни выраженности, мы можем отметить, что актуальная ситуация переживается как неподконтрольная, сопровождающаяся ощущением угрозы, пессимистичная, неразрешимая, трудная, публичная, тупиковая, иррациональная и непонятная. Ключевым изменением в эмоциональном состоянии россиян в ситуации пандемии стал всплеск тревожности [1].

Табл. 1. Переживание респондентами жизненной ситуации, обусловленной пандемией COVID-19
Tab. 1. Coping with the reality situation caused by the COVID-19 pandemic

Шкала	Средние значения по выборке		Нормативные значения [25]	
	M	σ	M	σ
Владение ситуацией	2,18	0,50	4,12	1,23
Эмоциональное переживание ситуации	2,43	0,43	3,91	1,21
Позитивные ожидания от ситуации	4,40	0,97	4,03	1,13
Обыденность и повседневность ситуации	3,09	0,77	3,44	1,20
Разрешимость ситуации	2,23	0,51	3,80	1,20
Личная включенность	2,08	0,57	3,84	1,38
Энергетический заряд	2,30	0,59	3,64	1,28
Уровень понимания ситуации	2,60	0,52	3,65	1,23

В то же время, осмысляя ожидания от ситуации и оценивая обыденность ситуации, ответы респондентов распределились несколько иначе: более выражены позитивные ожидания, которые проявляются в том, что ситуация описывается как обнадеживающая, активная, жизнеутверждающая и информативная. Объяснить полученный результат можно тем, что работа и обучение в дистанционном формате сделали возможным то, на что раньше не хватало времени, например, прослушивание вебинаров, участие в онлайн-мероприятиях. В то же время многие порталы открыли свободный доступ к музыке, фильмам, книгам, выставки в музеях стали доступны в виртуальном пространстве, создалось ощущение безграничных возможностей для саморазвития. А вот в переживании обыденности ситуации ответы распределились примерно одинаково между пониженным и повышенным уровнем. На наш взгляд, данный результат можно связать с тем, что среди населения есть те, кто воспринимают ситуацию как обыденную, не считают, что происходит что-то сверхъестественное, все в пределах допустимого. По нашим данным, таких респондентов было 36 %. Однако больший процент опрошенных переживают ситуацию как неустойчивую и сложную.

На следующем этапе мы провели сравнительный анализ особенностей переживания жизненной ситуации, обусловленной пандемией COVID-19, в разных возрастных группах (табл. 2). В качестве частной гипотезы выступило предположение, что переживание актуальной жизненной ситуации в разных возрастных группах будет отличаться [26].

Сложно выделить яркие различия в средних значениях по отдельным шкалам, кажется, что данные распределены относительно равномерно. Данный факт, по нашему

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-191-201

мнению, свидетельствует о том, что жизненная ситуация, в которой оказались россияне, одинаково непривычна для разных возрастных категорий и вызывает негативные переживания по всем направлениям независимо от возраста. Общая тенденция такова, что в группе 18–21 года средние значения чуть выше, чем в других группах, на втором месте – группа опрошенных в возрасте 36–75 лет. Самые низкие показатели средних значений по большинству показателей обнаружены в группе 22–35 лет.

Анализируя переживание жизненной ситуации, обусловленной пандемией COVID-19, в возрастных группах, мы обнаружили статистически значимые различия между группами (табл. 2). По трем показателям из восьми мы можем наблюдать статистически значимые различия: владение ситуацией, эмоциональное переживание ситуации и энергетический заряд ситуации существенно отличаются по уровню в разных возрастных группах. Первое, что мы отметили, с возрастом ситуация в большей степени переживается как угрожающая и неподконтрольная. Среднее значение (M) в группе 18–21 года – 2,33; в группе 22–35 – 2,10; в группе 36–75 – 2,16. Эмоциональное переживание ситуации также различно в зависимости от возраста. Переживание ситуации как нежеланной, пессимистической и неприятной более выражено в группе 22–35 лет, а в группах 18–21 года и 36–75 лет данная шкала выражена менее негативно. Среднее значение (M) в группе 18–21 года – 2,59; в группе 22–35 лет – 2,33; в группе 36–75 лет – 2,41. Энергетический заряд ситуации проявляется в том, что она переживается в возрастной группе 18–21 года как более логичная и возбуждающая, чем иррациональная и расслабляющая – в двух других группах. Среднее значение (M) в группе 18–21 года – 2,51; в группе 22–35 – 2,22; в группе 36–75 – 2,26.

По остальным параметрам переживания актуальной ситуации существенных различий не обнаружено. Таким образом, возраст 18–21 год – возраст поздней юности, когда чаще всего юноши и девушки находятся на иждивении и осуществляют преимущественно учебно-профессиональную деятельность, не состоя в браке и не имея детей, отсюда и уменьшение выраженности негативных оценок переживаемой жизненной ситуации, обусловленной пандемией. В других возрастных группах, вероятно, повышается доля ответственности, спектр решаемых профессиональных и жизненных задач, что может сказываться на повышении тревоги и иных негативных переживаний, обусловленных COVID-19 [2; 20]. «Содержание и динамика страхов были мало связаны с самим коронавирусом. Граждан волновали, прежде всего, социальные и экономические последствия, триггером которых пандемия с высокой вероятностью могла стать» [1, с. 150].

На следующем этапе мы провели сравнение переживания жизненной ситуации, обусловленной пандемией COVID-19, в группах, разных по полу (табл. 3). Анализируя переживание жизненной ситуации, обусловленной пандемией в разных гендерных группах, мы не обнаружили статистически значимых различий. Однако мы обратили внимание на то, что очень повышенный уровень по шкале *Позитивные ожидания от ситуации* в группе женщин встречается реже (16 %), чем в группе мужчин (32 %). Проверив данную тенденцию с помощью φ*-критерия, мы получили: $\varphi_{эмп}$=2,127, p=0,0167 (p≤0,05). Если мы обратимся к описательным статистикам по данной характеристике переживания ситуации, то мы можем обнаружить подтверждающую тенденцию в распределении показателей: M – 4,29 и 4,57, σ – 1,0 и 0,92 соответственно. По остальным шкалам и уровням выраженности переживания жизненной ситуации существенных различий не обнаружено. Обратившись к статье, посвященной апробации данной методики [25], мы обнаружили, что позитивные ожидания более выражены у людей, попавших в объективно более сложную ситуацию. Если мы возьмем за основу

Табл. 2. Переживание актуальной ситуации, обусловленной пандемией COVID-19, в различных возрастных группах
Tab. 2. Coping with the reality situation caused by the COVID-19 pandemic: age

Шкала	Возраст (количество респондентов)						H-критерий Краскела-Уолиса	
	18–21 (39)		22–35 (50)		36–75 (42)			
	M	σ	M	σ	M	σ	$h_{эмп}$	p
Владение ситуацией	2,33	0,55	2,10	0,45	2,16	0,45	7,47	0,023
Эмоциональное переживание ситуации	2,59	0,42	2,33	0,42	2,41	0,39	7,58	0,022
Позитивные ожидания от ситуации	4,27	0,94	4,36	1,09	4,6	0,84	2,49	0,286
Обыденность и повседневность ситуации	3,06	0,74	3,15	0,72	3,13	0,88	0,238	0,887
Разрешимость ситуации	2,3	0,51	2,18	0,53	2,24	0,47	1,21	0,544
Личная включенность	2,22	0,64	2,01	0,48	2,06	0,56	4,44	0,108
Энергетический заряд	2,51	0,54	2,22	0,64	2,26	0,52	6,48	0,039
Уровень понимания ситуации	2,69	0,40	2,56	0,52	2,59	0,57	1,43	0,487

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-191-201

наших рассуждений традиционную модель взаимодействия в семье, то можно предположить, что оказавшись в ситуации удаленной работы или приостановленной работы фирм, предприятий, снижения заработной платы и неясности перспектив, именно мужчины, традиционно воспринимаемые как ответственные за материальное обеспечение семьи, оказываются в более сложной ситуации и с выраженным позитивным ожиданием от ситуации.

Завершающей социально-демографической характеристикой, которую ввели в нашем эмпирическом исследовании, стало семейное положение опрошенных: холост / не замужем – 74 человека; женат / замужем – 57 человек. Мы не обнаружили статистически значимых различий между шкалами методики. В то же время мы обратили внимание на низкий уровень переживания ситуации по шкале *Эмоциональное переживание ситуации* в группе женатых и замужних, чем в группе незамужних и холостых: $\varphi_{эмп}$=2,45, p=0,0071 (p≤0,01). Если обратиться к описательным статистикам по данной шкале, то мы можем отметить следующие показатели: M – 2,49 и 2,36, σ – 0,45 и 0,38 соответственно. То есть в группе замужних и женатых чаще встречались негативные эмоциональные переживания, выражающееся в эпитетах *нежеланная*, *пессимистическая*, *вынужденная* и пр. Одним из объяснений может служить тот факт, что самоизоляция, удаленная работа существенно сократили дистанцию между членами семьи и увеличили время совместного пребывания, трансформировали увлечения и учебу, что не могло не сказаться на росте напряжения в отношениях.

Рассматривая шкалу *Позитивные ожидания от ситуации*, мы обратили внимание, что очень повышенный уровень чаще встречается у женатых и замужних респондентов, чем у холостых и неженатых: $\varphi_{эмп}$=4,226, p≤0,01. В то же время в группе неженатых и незамужних чаще встречается пониженный уровень: $\varphi_{эмп}$=1,927, p=0,027 (p≤0,05). Приведем показатели описательных статистик: M – 4,27 и 4,59, σ – 1,05 и 0,83 соответственно. Если мы рассматриваем в соотношении с предыдущим параметром, то вполне очевидно, что попадая в более негативную ситуацию, человек в большей степени настроен на позитивные изменения. Кроме того, находясь в браке, партнеры могут чувствовать большую опору в лице супруга(и), нежели находясь в одиночестве. И последний параметр переживания ситуации, где мы обнаружили различия, – *Разрешимость*

Табл. 3. Переживание жизненной ситуации, обусловленной пандемией COVID-19, женщинами и мужчинами
Tab. 3. Coping with the reality situation caused by the COVID-19 pandemic: gender differences

Шкала	Женщины		Мужчины		U-критерий Манна-Уитни	
	M	σ	M	σ	$U_{эмп}$	p
Владение ситуацией	2,21	0,50	2,16	0,48	0,69	0,49
Эмоциональное переживание ситуации	2,46	0,43	2,40	0,41	0,91	0,35
Позитивные ожидания от ситуации	4,29	1,00	4,57	0,92	1,58	0,11
Обыденность и повседневность ситуации	3,06	0,77	3,18	0,79	0,71	0,47
Разрешимость ситуации	2,25	0,52	2,21	0,48	0,87	0,37
Личная включенность	2,14	0,56	2,02	0,56	1,39	0,16
Энергетический заряд	2,34	0,58	2,29	0,59	0,57	0,56
Уровень понимания ситуации	2,57	0,55	2,65	0,47	–0,49	0,61

Табл. 4. Переживание жизненной ситуации, обусловленной пандемией COVID-19, опрошенными с разным семейным статусом
Tab. 4. Coping with reality situation caused by the COVID-19 pandemic: marital status

Шкала	Холост / не замужем		Женат / замужем		U-критерий Манна-Уитни	
	M	σ	M	σ	$U_{эмп}$	p
Владение ситуацией	2,22	0,51	2,14	0,47	1,17	0,24
Эмоциональное переживание ситуации	2,49	0,45	2,36	0,38	1,91	0,05
Позитивные ожидания от ситуации	4,27	1,05	4,59	0,83	–1,62	0,10
Обыденность и повседневность ситуации	3,09	0,71	3,14	0,86	–0,52	0,59
Разрешимость ситуации	2,27	0,53	2,18	0,47	1,26	0,20
Личная включенность	2,14	0,59	2,02	0,50	1,42	0,15
Энергетический заряд	2,34	0,61	2,30	0,54	0,61	0,54
Уровень понимания ситуации	2,60	0,50	2,61	0,53	0,27	0,78

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-191-201

ситуации, а именно очень низкий уровень более выражен в группе женатых и замужних: $\varphi_{эмп}$=1,924, p=0,0272 (p≤0,05), M – 2,27 и 2,18, σ – 0,53 и 0,47 соответственно. По остальным шкалам и уровням различий не обнаружено.

Таким образом, анализируя различия в переживании жизненной ситуации, обусловленной пандемией, мы можем отметить, что различия между группами с разными социально-демографическими характеристиками не выражены существенно.

В целях нашего исследования мы провели сравнительный анализ особенностей жизненной ситуации, обусловленной пандемией COVID-19, предварительно разделив респондентов на группы по критерию жизнестойкости. Жизнестойкость выступает личностной характеристикой, позволяет человеку выдерживать стрессовую ситуацию, сохраняя внутреннюю сбалансированность и не снижая успешность деятельности, поэтому ее можно рассматривать как фактор, способствующий конструктивному совладанию с актуальной жизненной ситуацией, в отличие от социально-демографических характеристик.

В процентном выражении по некоторым параметрам и характеристикам переживания актуальной ситуации достаточно сложно обнаружить различия в процентном соотношении, поэтому для этих целей мы рассчитали описательные статистики (табл. 5). Владение ситуацией в переживании проявляется в том, насколько респонденты считают ситуацию управляемой, контролируемой. Повышенных и высоких уровней по данному параметру переживания мы не обнаруживаем, и это является свидетельством того, что в целом ситуация переживается как неконтролируемая. Показатели в группе с высокой жизнестойкостью ниже, чем в других группах. Например, если среднее значение по владению ситуацией в группе с высоким уровнем жизнестойкости равен 1,94, то в группе со средним уровнем – 2,23, а в группе с низким уровнем – 2,34.

Эмоциональное переживание ситуаций отражает то, насколько ситуация переживается в позитивных или негативных тонах. В нашем исследовании переживание окрашено в негативных тонах как раз в группе с высокой жизнестойкостью. То есть в группах со средним и низким уровнем жизнестойкости пониженных результатов больше, чем в группе с высокой жизнестойкостью. Значит острота негативного переживания ситуации несколько снижается вместе со снижением жизнестойкости. Средние значения в группах представлены следующими значениями: 2,2; 2,51; 2,46 соответственно. По другим описательным статистикам мы видим аналогичную тенденцию, показатели асимметрии незначительны.

Позитивные ожидания от ситуации характеризуют настрой относительно потенциальных изменений, которые может принести ситуация. Позитивные ожидания ярче выражены в группе с высокой жизнестойкостью, описательные статистики (табл. 5) также подтверждают отмеченную закономерность. То есть жизнестойкость в нашем исследовании проявляется не столько в эффективном совладании с ситуацией, сколько в позитивном ожидании от нее.

Обыденность и повседневность ситуации включает привычность или необычность и сложность ситуации. В нашем исследовании чаще обнаруживается в группе со средним и высоким уровнем жизнестойкости, чем в группе с низкой. В группе с низкой жизнестойкостью чаще, чем в других группах, встречаются очень низкие показатели, свидетельствующие о переживании ситуации как сложной.

Разрешимость ситуации переживается как установка на определенность и разрешимость ситуации. В целом

Табл. 5. Переживание жизненной ситуации, обусловленной пандемией COVID-19, опрошенными с разным уровнем жизнестойкости

Tab. 5. Coping with reality situation caused by the COVID-19 pandemic: resilience level

Шкала	Уровень жизнестойкости						H-критерий Краскела-Уолиса	
	Высокий		Средний		Низкий			
	M	σ	M	σ	M	σ	$h_{эмп}$	p
Владение ситуацией	1,94	0,43	2,23	0,49	2,34	0,47	13,50	0,001
Эмоциональное переживание ситуации	2,22	0,39	2,51	0,40	2,46	0,47	11,33	0,003
Позитивные ожидания от ситуации	5,08	0,66	4,50	0,80	3,19	0,75	48,90	0,001
Обыденность и повседневность ситуации	3,10	0,63	3,21	0,82	2,79	0,74	6,52	0,038
Разрешимость ситуации	2,04	0,53	2,29	0,49	2,27	0,48	6,03	0,049
Личная включенность	1,98	0,55	2,09	0,60	2,23	0,39	2,73	0,254
Энергетический заряд	2,19	0,58	2,33	0,61	2,43	0,48	2,29	0,316
Уровень понимания ситуации	2,55	0,52	2,68	0,47	2,42	0,60	3,70	0,150

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-191-201

данная характеристика снижена, но в группе со средним уровнем жизнестойкости очень низкий уровень не так выражен, чем в двух других, что может свидетельствовать о снижении контрастно негативного переживания актуальной ситуации, переходе к «размыванию» отрицательной окраски.

Личная включенность, энергетический заряд и уровень понимания ситуации не имеют выраженных, статистически значимых различий в группах с разным уровнем жизнестойкости.

Таким образом, группа опрошенных с высоким уровнем жизнестойкости представлена 45 % женщин и 55 % мужчин, рассматривая возрастную категорию, наибольший процент участников этой группы находится в возрасте 36–75 лет – 51 % (22–35 лет – 31 % и 18–21 год – 18 %); семейное положение распределилось равномерно: 45 % – холост / не замужем, 55 % – замужем / женат. В данной группе отмечается очень низкий уровень владения актуальной ситуацией, негативные эмоции в ее переживании; выраженные позитивные ожидания; амбивалентное отношение к обыденности повседневности ситуации; переживание актуальной ситуации как неразрешимой.

Средним уровнем жизнестойкости обладают 45 % мужчин и 55 % женщин; распределение по возрасту выглядит следующим образом: 18–21 год – 31 %; 22–35 лет – 40 %; 36–75 лет – 29 %; семейное положение: 55 % – холост / не замужем, 45 % – замужем / женат. Эта группа характеризуется низким уровнем владения ситуацией, чуть менее негативными эмоциями, связанными с переживаемой ситуацией; амбивалентным ожиданием от ситуации и противоречивым переживанием обыденности и повседневности ситуации; разрешимость ситуации чуть менее негативно выражена, чем в предыдущей группе.

Низкий уровень жизнестойкости выявлен у 26 % мужчин и 74 % женщин; возраст опрошенных данной группы: 18–21 год – 43 %; 22–35 – 39 %; 36–75 – 18 %; семейное положение: 73 % – холост / не замужем, 27 % – замужем / женат. Сниженное переживание владения ситуацией; эмоциональное переживание ситуации также негативное, но не такое выраженное, как в двух других группах; ситуация скорее переживается как безнадежная и жестокая, и амбивалентное переживание обыденности или уникальности актуальной ситуации, настрой на разрешимость ситуации чуть лучше, чем в группе с высоким уровнем жизнестойкости, но ниже, чем в группе со средним уровнем.

Заключение

Полученные нами результаты дают основания отнести переживаемую жизненную ситуацию к трудным ситуациям. Именно такие ситуации прерывают процесс непрерывности жизни субъекта и препятствуют реализации внутренних необходимостей жизни (мотивов, стремлений, ценностей и пр.). Подтверждение данному выводу мы можем найти в трудах отечественных психологов [16; 27–29].

Изучение особенностей переживания жизненной ситуации, обусловленной пандемией COVID-19, позволило сделать ряд выводов:

- с возрастом снижается переживание контроля над ситуацией, ситуация в большей степени переживается как угрожающая и неподконтрольная;
- пессимистическое переживание ситуации более выражено в группе 22–35 лет, а в группах 18–21 года и 36–75 лет эмоциональное переживание ситуации выражено менее негативно;
- энергетический заряд ситуации проявляется в том, что она переживается в возрастной группе 18–21 года как более логичная и возбуждающая, а не иррациональная и расслабляющая – как в двух других группах;
- меньший процент мужчин ориентирован на позитивные ожидания от актуальной ситуации;
- эмоционально негативно переживают актуальную жизненную ситуацию женатые и замужние, в отличие от незамужних и холостых, но именно замужние / женатые чаще переживают позитивные ожидания;
- владение ситуацией более снижено в группе с высоким уровнем жизнестойкости в сравнении с другими группами;
- острота негативного переживания ситуации несколько снижается вместе со снижением уровня жизнестойкости;
- позитивные ожидания от ситуации ярче выражены в группе с высоким уровнем жизнестойкости, снижаясь в других группах;
- обыденность и повседневность – именно в таком ключе переживается актуальная ситуация в группах со средним и высоким уровнями жизнестойкости;
- разрешимость ситуации в целом снижена, но в группе со средним уровнем жизнестойкости очень низкий уровень не так выражен, как в группе с высоким уровнем.

Проведенное нами исследование позволило сделать вывод, что различия в переживании жизненной ситуации, обусловленной пандемией COVID-19, в группах, различающихся по социально-демографическим характеристикам, не являются столь выраженными, как различия по уровню жизнестойкости [23; 30; 31]. Однако здесь мы обнаружили следующую тенденцию, которая заключается в том, что высокий уровень жизнестойкости обеспечивает только позитивные ожидания от актуальной ситуации и переживание ее не как критично сложной, а в остальном кардинальных различий обнаружено не было. Теоретическое осмысление данного феномена свидетельствует, что жизнестойкость препятствует возникновению внутреннего напряжения в стрессовых ситуациях за счет стойкого совладания со стрессами и восприятия их как менее значимых [1; 21]. Вовлеченность, влияние и вызов вместе образуют жизнестойкость как диспозицию, которая помогает снижать и легче переносить онтологическую тревогу, связанную с выбором будущего [23]. Однако наше исследование было посвящено осмыслению особенностей

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-191-201

переживания жизненной ситуации, обусловленной пандемией COVID-19, поэтому мы в данной статье не будем акцентировать внимание на обнаруженной тенденции. Отметим только, что переживаемая жизненная ситуация, в которой мы оказались, – нестандартная, не бывшая ранее, поэтому, вероятно, в подобных ситуациях требуется переосмысление и выработка новых моделей и стратегий совладания, в то время как жизнестойкость формируется на ранних этапах возрастного развития [30].

Нам представляется, что содержание внутренней работы личности в трудной жизненной ситуации, обусловленной пандемией, должно быть представлено психологическим сопровождением или самостоятельно организуемыми процессами понимания, осмысления ситуации в контексте жизненного пути, укрепления собственных ресурсов, обретением новых смыслов. В результате данных работ формируется новое отношение в единстве эмоционального, когнитивного и поведенческого компонентов, выражающее позицию человека по отношению к жизни. Как прежде – не будет, но будет что-то другое [2; 32–37].

Результаты исследования могут быть использованы в практике разработки программ психологической помощи взрослым с целью повышения из жизнестойкости. Данное осмысление и разработки в обозначенном направлении могут стать перспективным направлением дальнейших исследований.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Литература

1. Общество и пандемия: опыт и уроки борьбы с COVID-19 в России / гл. ред. В. А. Мау. М.: РАНХиГС, 2020. 744 с.
2. Buheji M., Sisk C. W. You and the New Normal: Jobs, Pandemics, Relationship, Climate Change, Success, Poverty, Leadership and Belief in the Emerging New World. Herausgeber: AuthorHouse UK, 2020. 264 p.
3. Асмолов А. Г. Сегодня надо не выживать, а жить // Психологическая газета. 27.03.2020. Режим доступа: https://psy.su/feed/8063/ (дата обращения: 24.02.2021).
4. Федосенко Е. В. Жизнь после карантина: психология смыслов и коронавирус COVID-19 // Психологические проблемы смысла жизни и акме: мат-лы XXV Междунар. симпозиума. (Москва, 15–16 апреля 2020 г.) М.: Психологический институт РАО, 2020. С. 34–47. DOI: 10.24411/9999-042A-2020-00040
5. Первушина О. Н., Федоров А. А., Дорошева Е. А. Переживание пандемии COVID-19 и толерантность к неопределенности // Reflexio. 2020. Т. 13. № 1. С. 5–20. DOI: 10.25205/2658-4506-2020-13-1-5-20
6. Абрамов А. В., Багдасарян В. Э., Бышок С. О., Володенков С. В., Евстафьев Д. Г., Егоров В. Г., Комлева Н. А., Крамаренко Н. С., Манойло А. В., Михайленок О. М., Петренко А. И., Прокофьев В. Ф. Пандемия covid-19: конец привычного мира? // Вестник Московского государственного областного университета. 2020. № 2. С. 3–83. DOI: 10.18384/2224-0209-2020-2-1001
7. Тхостов А. Ш., Рассказова Е. И. Психологическое содержание тревоги и профилактики в ситуации инфодемии: защита от коронавируса или «порочный круг» тревоги? // Консультативная психология и психотерапия. 2020. Т. 28. № 2. С. 70–89. DOI: 10.17759/cpp.2020280204
8. Garbe L., Rau R., Toppe T. Influence of perceived threat of Covid-19 and HEXACO personality traits on toilet paper stockpiling // PLoS ONE. 2020. Vol. 15. № 6. DOI: 10.1371/journal.pone.0234232
9. Brooks S. K., Webster R. K., Smith L. E., Woodland L., Wessely S., Greenberg N., Rubin G. J. The psychological impact of quarantine and how to reduce it: rapid review of the evidence // Lancet. 2020. № 395. P. 912–920. DOI: 10.1016/S0140-6736(20)30460-8
10. Выготский Л. С. Психология развития человека. М.: Смысл; Эксмо, 2005. 1136 с.
11. Вересов Н. Н. Переживание как психологический феномен и теоретическое понятие: уточняющие вопросы и методологические медитации // Культурно-историческая психология. 2016. Т. 12. № 3. С. 129–148. DOI: 10.17759/chp.2016120308
12. Изотова Е. И., Марцинковская Т. Д. Проблема переживания в концепциях Выготского и Теплова: современный контекст // Культурно-историческая психология. 2016. Т. 12. № 4. С. 4–13. DOI: 10.17759/chp.2016120401
13. Fleer M., Hammer M. Perezhivanie in group settings: A cultural-historical reading of emotion regulation // Australasian Journal of Early Childhood. 2013. Vol. 38. № 3. P. 127–134. DOI: 10.1177/183693911303800316
14. Бурлачук Л. Ф., Михайлова Н. Б. К психологической теории ситуации // Психологический журнал. 2002. Т. 23. № 1. С. 5–17.
15. Трифонова Е. А. Адаптационный потенциал личности и психосоматический риск: проблема копинг-компетентности // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2013. № 155. С. 71–83.
16. Данилова Е. Е. Психологический анализ трудных ситуаций и способов овладения ими у детей 9–11 лет: автореф. дис. … канд. психол. наук. М., 1990. 20 с.

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-191-201

17. Москвитина О. А. Особенности анализа личностью трудных жизненных ситуаций // Вестник Омского университета. Серия «Психология». 2018. № 4. С. 43–47. DOI: 10.25513/2410-6364.2018.4.43-47
18. Вассерман Л. И., Беребин М. А., Косенков Н. И. О системном подходе в оценке психической адаптации // Обозрение психиатрии и медицинской психологии имени В. М. Бехтерева. 1994. № 3. С. 16–25.
19. Романов К. М. И. А. Ильин о переживании трудных жизненных ситуаций // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2020. Т. 20. № 1. С. 103–113. DOI: 10.15507/2078-9823.049.020.202001.103-113
20. Chen F. Parents' perezhivanie supports children's development of emotion regulation: a holistic view // Early child development and care. 2015. Vol. 185. № 6. P. 851–867. DOI: 10.1080/03004430.2014.961445
21. Леонтьев Д. А., Рассказова Е. И. Тест жизнестойкости. М.: Смысл, 2006. 63 с.
22. Личностный потенциал: структура и диагностика / под ред. Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2011. 679 с.
23. Мадди С. Р. Смыслообразование в процессе принятия решений // Психологический журнал. 2005. Т. 26. № 6. С. 87–101.
24. Александрова О. В. Дифференциально-психологические факторы переживания и копинг-поведения взрослых в трудной жизненной ситуации: автореф. дис. … канд. психол. наук. СПб., 2017. 27 с.
25. Александрова О. В., Дерманова И. Б. Семантический дифференциал жизненной ситуации // Консультативная психология и психотерапия. 2018. Т. 26. № 3. С. 127–145. DOI: 10.17759/cpp.2018260307
26. Brown N. A., Rauthmann J. F. Situation characteristics are age graded: mean-level patterns of the situational eight diamonds across the life span // Social Psychological and Personality Science. 2016. Vol. 7. № 7. P. 667–679. DOI: 10.1177/1948550616652207
27. Василюк Ф. Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. 200 с.
28. Вахромов Е. Е. Психологические концепции развития человека: теория самоактуализации. М.: Междунар. пед. акад., 2001. 158 с.
29. Гришина Н. В. Психология социальных ситуаций // Вопросы психологии. 1997. № 1. С. 121–132.
30. Fischer R., Boer D. Motivational basis of personality traits: a meta-analysis of value-personality correlations // Journal of Personality. 2015. Vol. 83. № 5. P. 491–510. DOI: 10.1111/jopy.12125
31. Kocjan G. Z., Avsec A. Bringing the psychology of situations into flow research: personality and situation characteristics as predictors of flow // Psychological Topics. 2017. Vol. 26. № 1. P. 195–210. DOI: 10.31820/pt.26.1.9
32. Герген К. Дж. Социальное конструирование и трансформация социальных наук // Симпозиум. Studia Humanitatis. 2005. Вып. 2. Ч. 1. С. 75–90.
33. Чудновский В. Э. К проблеме соотношения внешнего и внутреннего в психологии // Психологический журнал. 1993. Т. 14. № 5. С. 3–12.
34. Духновский С. В. Психологическое сопровождение подростков в критических ситуациях. Курган: Кург. гос. ун-т, 2003. 123 с.
35. Benet-Martínez V., Donnellan M., Fleeson W., Fraley R., Gosling S., King L., Robins R., Funder D. Six visions for the future of personality psychology // APA Handbook of Personality and Social Psychology. Vol. 4. Personality Processes and Individual Differences / eds. M. Mikulincer, P. R. Shaver, M. L. Cooper, R. J. Larsen. Washington, DC: APA Press, 2015. P. 665–689. DOI: 10.1037/14343-030
36. Folkman S., Moskowitz J. T. Coping: pitfalls and promise // Annual Reviews of Psychology. 2004. № 55. P. 745–774. DOI: 10.1146/annurev.psych.55.090902.141456
37. Kesberg R., Keller J. The relation between human values and perceived situation characteristics in everyday life // Frontiers in Psychology. 2018. № 9. DOI: 10.3389/fpsyg.2018.01676

BULLETIN
Kemerovo State University
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-191-201

original article

Coping with the Reality Situation during the COVID-19 Pandemic in the Context of Individual Resilience

Oksana P. Tsaritsentseva
Orenburg State Pedagogical University, Russia, Orenburg
Oks-ternovskay@yandex.ru

Mariya M. Elfimova
Orenburg State Pedagogical University, Russia, Orenburg

Received 25 Dec 2020. Accepted 18 Feb 2021.

Abstract: The current reality situation can be described as atypical and caused significant changes in all areas of human life. COVID-related experiences made people revaluate themselves and reconsider their plans. The research objective was to describe the current reality situation and its effect on resilience. Because of the lock down of March-April 2020, the research was conducted as online testing and involved 131 people (female – 56 %) aged 18–75 years (18–21 years – 39 respondents; 22–35 – 50 respondents; 36–60 – 37 respondents; 61–75 – 5 respondents), of whom 74 people were single and 57 were married. The obtained data were processed using methods of descriptive statistics, while statistical analysis of differences between groups were described based on H-Kraskel-Wallis Test, Mann-Whitney U-test, and Fischer Angular Transformation Criterion. The empirical study included S. Maddi's Resilience Test as adapted by D. A. Leontyev and E. I. Rasskazova, as well as the method of Semantic Differential of the Reality Situation developed by O. V. Alexandrova and I. B. Dermanova. The authors analyzed the way the participants coped with the pandemic situation and attributed it to the type of adversities. The pandemic interrupted the continuity of life and interfered with the internal needs, e.g. motives, aspirations, values, etc. Groups with different socio-demographic background showed little difference in the way they coped with the reality situation; however, the differences in the level of resilience were more pronounced. The major difference between the groups was that a high level of resilience appeared to provide positive expectations and made it possible to see it not as critically complex. In some cases, participants with medium and low levels of resilience coped with the current situation better than the rest. The authors see the content of one's inner work in an adverse situation as a self-organized process of understanding the situation in the context of one's life path, gaining new meanings, and strengthening one's resources.

Keywords: understanding, current situation, adversity, coping with the reality situation, level of resilience

Citation: Tsaritsentseva O. P., Elfimova M. M. Coping with the Reality Situation during the COVID-19 Pandemic in the Context of Individual Resilience. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(1): 191–201. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-191-201

Conflicting interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

References

1. *Society and pandemic: experience and lessons in the fight against COVID-19 in Russia*, ed. Mau V. A. Moscow: RANKhiGS, 2020, 744. (In Russ.)
2. Buheji M., Sisk C. W. *You and the New Normal: Jobs, Pandemics, Relationship, Climate Change, Success, Poverty, Leadership and Belief in the Emerging New World*. Herausgeber: AuthorHouse UK, 2020, 264.
3. Asmolov A. G. Today it is necessary not to survive, but to live. *Psikhologicheskaya gazeta*, 27.03.2020. Available at: https://psy.su/feed/8063/ (accessed 24 Feb 2021). (In Russ.)
4. Fedosenko E. V. Life after the quarantine: psychology of sense and coronavirus COVID-19. *Psychological problems of the meaning of life and Acme*: Proc. XXIV Intern. Symposium, Moscow, 15–16 Apr 2020. Moscow: Psikhologicheskii institut RAO, 2020, 34–47. (In Russ.) DOI: 10.24411/9999-042A-2020-00040
5. Pervushina O. N., Fedorov A. A., Dorosheva E. A. The experience of the COVID-19 pandemic and tolerance to uncertainty. *Reflexio*, 2020, 13(1): 5–20. (In Russ.) DOI: 10.25205/2658-4506-2020-13-1-5-20
6. Abramov A. V., Bagdasaryan V. E., Byshok S. O., Volodenkov S. V., Evstaf'ev D. G., Egorov V. G., Komleva N. A., Kramarenko N. S., Manoilo A. V., Mikhailenok O. M., Petrenko A. I., Prokof'ev V. F. Pandemic covid-19: the end of the familiar world? *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2020, (2): 3–83. (In Russ.) DOI: 10.18384/2224-0209-2020-2-1001
7. Tkhostov A. Sh., Rasskazova E. I. Psychological contents of anxiety and the prevention in an infodemic situation: protection against coronavirus or the "vicious circle" of anxiety? *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya*, 2020, 28(2): 70–89. (In Russ.) DOI: 10.17759/cpp.2020280204

© 2021. The Author(s). This article is distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-191-201

8. Garbe L., Rau R., Toppe T. Influence of perceived threat of Covid-19 and HEXACO personality traits on toilet paper stockpiling. *PLoS ONE*, 2020, 15(6). DOI: 10.1371/journal.pone.0234232
9. Brooks S. K., Webster R. K., Smith L. E., Woodland L., Wessely S., Greenberg N., Rubin G. J. The psychological impact of quarantine and how to reduce it: rapid review of the evidence. *Lancet*, 2020, (395): 912–920. DOI: 10.1016/S0140-6736(20)30460-8
10. Vygotskii L. S. *Psychology of human development*. Moscow: Smysl; Eksmo, 2005, 1136. (In Russ.)
11. Veresov N. Perezhivanie as a psychological phenomenon and a concept: questions on clarification and methodological meditations. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya*, 2016, 12(3): 129–148. (In Russ.) DOI: 10.17759/chp.2016120308
12. Izotova E. I., Martsinkovskaya T. D. The problem of experience in the concepts of Vygotsky and Teplov: a modern context. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya*, 2016, 12(4): 4–13. (In Russ.) DOI: 10.17759/chp.2016120401
13. Fleer M., Hammer M. Perezhivanie in group settings: A cultural-historical reading of emotion regulation. *Australasian Journal of Early Childhood*, 2013, 38(3): 127–134. DOI: 10.1177/183693911303800316
14. Burlachuk L. F., Mikhailova N. B. Psychological theory of the situation. *Psikhologicheskii zhurnal*, 2002, 23(1): 5–17. (In Russ.)
15. Trifonova E. A. Adaptive potential and psychosomatic risk: the coping competence problem. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena*, 2013, (155): 71–83. (In Russ.)
16. Danilova E. E. *Psychological analysis of difficult situations and ways of mastering them in children of 9–11 years old*. Cand. Psyhol. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 1990, 20. (In Russ.)
17. Moskvitina O. A. The peculiarities of analysis of difficult life situations by the person. *Herald of Omsk University. Series "Psychology"*, 2018, (4): 43–47. (In Russ.) DOI: 10.25513/2410-6364.2018.4.43-47
18. Wasserman L. I., Berebin M. A., Kosenkov N. I. Systemic approach to assessing mental adaptation. *Obozrenie psikhiatrii i meditsinskoi psikhologii imeni V. M. Bekhtereva*, 1994, (3): 16–25. (In Russ.)
19. Romanov K. M. I. A. Ilyin about experience of difficult life situations. *Gumanitarian: aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniia*, 2020, 20(1), 103–113. (In Russ.) DOI: 10.15507/2078-9823.049.020.202001.103-113
20. Chen F. Parents' perezhivanie supports children's development of emotion regulation: a holistic view. *Early child development and care*, 2015, 185(6): 851–867. DOI: 10.1080/03004430.2014.961445
21. Leontiev D. A., Rasskazova E. I. *Test hardiness*. Moscow: Smysl, 2006, 63. (In Russ.)
22. *Personal potential: structure and diagnostics*, ed. Leontiev D. A. Moscow, Smysl, 2011, 679. (In Russ.)
23. Maddy S. R. Creating meaning through making decision. *Psikhologicheskii zhurnal*, 2005, 26(6): 87–101. (In Russ.)
24. Aleksandrova O. V. *Differential-psychological factors of experience and coping with the behavior of adults in a difficult life situation*. Cand. Psyhol. Sci. Diss. Abstr. St. Petersburg, 2017, 27. (In Russ.)
25. Alexandrova O. V., Dermanova I. B. Semantic differential of a life situation. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya,* 2018, 26(3): 127–145. (In Russ.) DOI: 10.17759/cpp.2018260307
26. Brown N. A., Rauthmann J. F. Situation characteristics are age graded: mean-level patterns of the situational eight diamonds across the life span. *Social Psychological and Personality Science*, 2016, 7(7): 667–679. DOI: 10.1177/1948550616652207
27. Vasilyuk F. E. *The psychology of experiencing. An analysis of how critical situations are dealt with*. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 1984, 200. (In Russ.)
28. Vakhromov E. E. *Psychological concepts of human development: theory of self-actualization*. Moacow: Mezhdunar. ped. akad., 2001, 158. (In Russ.)
29. Grishina N. V. Psychology of social situations. *Voprosy psykhologii*, 1997, (1): 121–132. (In Russ.)
30. Fischer R., Boer D. Motivational basis of personality traits: a meta-analysis of value-personality correlations. *Journal of Personality*, 2015, 83(5): 491–510. DOI: 10.1111/jopy.12125
31. Kocjan G. Z., Avsec A. Bringing the psychology of situations into flow research: personality and situation characteristics as predictors of flow. *Psychological Topics*, 2017, 26(1): 195–210. DOI: 10.31820/pt.26.1.9
32. Gergen K. J. Social design and transformation of social sciences. *Symposium. Studia Humanitatis*, 2005, iss. 2, pt. 1, 75–90. (In Russ.)
33. Chudnovsky V. E. Ratio of the external and the internal in psychology. *Psikhologicheskii zhurnal*, 1993, 14(5): 3–12. (In Russ.)
34. Dukhnovsky S. V. *Psychological support of adolescents in critical situations*. Kurgan: Kurg. gos. un-t, 2003, 124. (In Russ.)
35. Benet-Martínez V., Donnellan M., Fleeson W., Fraley R., Gosling S., King L., Robins R., Funder D. Six visions for the future of personality psychology. *APA Handbook of Personality and Social Psychology. Vol. 4. Personality Processes and Individual Differences*, eds. Mikulincer M., Shaver P. R., Cooper M. L., Larsen R. J. Washington, DC: APA Press, 2015, 665–689. DOI: 10.1037/14343-030
36. Folkman S., Moskowitz J. T. Coping: pitfalls and promise. *Annual Reviews of Psychology*, 2004, (55): 745–774. DOI: 10.1146/annurev.psych.55.090902.141456
37. Kesberg R., Keller J. The relation between human values and perceived situation characteristics in everyday life. *Frontiers in Psychology*, 2018, (9). DOI: 10.3389/fpsyg.2018.01676

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-202-210
https://vestnik.kemsu.ru

оригинальная статья
УДК 811.512.161

Концепт как лингвокультурная единица в когнитивной лингвистике: концептосфера *Ғаилә* (Семья) в башкирском языке

Гульдания Миннигалиевна Гимашева
Башкирский государственный университет, Россия, г. Уфа
saginbaeva.guldaniya@mail.ru
https://orcid.org/0000-0002-1630-3650

Поступила в редакцию 31.08.2020. Принята к печати 24.12.2020.

Аннотация: Концепт рассматривается нами как лингвокультурная единица в когнитивной лингвистике. Цель исследования – выявить культурные и языковые универсалии в башкирском языке. Раскрывается национальная специфика определенного языка, дается обоснование изучения языковой личности. На примере трудов ученых в области русского и башкирского языков приводятся определение и классификация концептов, а также понятия ключевых слов как ментальных символов в лингвокультурологии. В башкирском языкознании исследование концептов подвергается анализу на основе языковых и культурных особенностей. Методами изучения концептов послужили анализ и описание в лингвистическом и культурологическом аспектах. Рассмотрение языковой картины мира башкирского народа способствует раскрытию национального характера, многовекового опыта сохранения и передачи лингвистических ценностей из поколения в поколение как неиссякаемого богатства народа. Языковая картина мира башкирского народа многообразна и богата: в легендах, преданиях, пословицах и поговорках, сказках, эпосах, песнях, литературных произведениях поэтов, писателей отражаются нравственные, эстетические, национальные особенности, которые остаются актуальными по сей день. Рассмотрена концептосфера *Ғаилә* (Семья) в башкирском языке на примере творчества Мустая Карима, включающая концепты *Әсә* (Мать), *Инәй* (Тетя), *Өләсәй* (Бабушка), *Атай* (Отец), *Ул* (Сын), *Олатай* (Дядя), *Ағай* (Брат) и отражающая такие понятия, как верность, любовь, взаимоуважение, взаимопонимание, забота о близких, доброта, духовное родство между членами семьи, что свидетельствует о многогранности и сложности его содержания.
Ключевые слова: культура, этнокультурология, психолингвистика, этнолингвистика, языковая картина мира, лингвокультурология

Цитирование: Гимашева Г. М. Концепт как лингвокультурная единица в когнитивной лингвистике: концептосфера *Ғаилә* (Семья) в башкирском языке // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 1. С. 202–210. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-202-210

Введение

Лингвокультурология как наука возникла в середине XX в. на основе лингвистики и культурологии и стала одним из основных направлений современного языкознания. Важным элементом науки является язык, в котором из поколения в поколение передаются национальное мировоззрение, исторические верования, фольклорные образцы, народное творчество, языковые и стилистические особенности определенного народа. Именно изучение языковой картины мира позволяет раскрыть и описать на основе когнитивной лингвистики характер понятий, значений слов, лексем.

Культурология изучает познание человека в области природы, общества, истории, искусства и других областей знаний; языкознание рассматривает мировоззрение, отражающееся в различных моделях языка. Основными предметами лингвокультурологии являются язык и культура. Лингвистика XXI в. рассматривается как средство общения, познания языка и как новое направление культуры определенной нации. Известный языковед В. фон Гумбольдт отметил, что «Границы языка моей нации означают границы моего мировоззрения» [1]. Язык не просто отражает реальность, а создает жизнь человека.

Процесс формирования башкирской лингвокультурологии плодотворно развивается в последние десятилетия. В башкирском языкознании лингвокультурология подвергается анализу в теоретическом плане в трудах М. В. Зайнуллина и Л. М. Зайнуллиной [2], Г. Х. Бухаровой [3], Л. Х. Самситовой [4–7], Ф. Б. Санъярова [8], Р. Р. Янмурзиной [9], З. Я. Рахматуллиной [10], А. Г. Сагитовой [11] и др. В монографиях, книгах и сборниках исследуются башкирские концепты на примере художественных произведений и фольклорных текстов. А. Г. Сагитова [11] проанализировала концепт *Язмыш* (судьба) на примере пословиц и поговорок башкирского языка, комментируя особое значение этого понятия в жизни башкир. К примеру, в таких пословицах, как *Язмыштан уҙмыш юк* (От судьбы не убежишь), *Вакыты етмәй язмыш сәғәте һукмай* (Без времени и рок не ударит), *Язмыш юлдан*

© 2021. Авторы. Статья распространяется на условиях международной лицензии CC BY 4.0

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-202-210

яҙҙырмаҫ (Судьба с пути не собьет), отражена роль судьбы как высшей силы и дара человеку Богом. Издавна башкирский народ верит в свою судьбу и принимает испытания смиренно. При этом в древнем веровании и в доисламский период концепт *Язмыш* являлся универсальным понятием человеческой сущности.

Концепт – некая культурная установка человеческого разума. Термин *концепт* определяется в языкознании в различных аспектах. Например, Л. Г. Саяхова в своей работе отметила, что концепт – это единица слова, представляющая собой какой-то смысл [12, с. 14]. Е. С. Кубрякова и др. указывают, что концепт – это культурное идеальное представление человека о реальности [13]. Объектом изучения лингвокультурологии является концепт – лингвоментальная единица, раскрывающая состояние человека, отношение к жизни, информационную структуру сознания, опыта, ментальные и психологическиие ресурсы и уровень образования.

Лингвокультурология рассматривает науку не только как инструмент языкового общения, но и как культурное наследие нации. Ментальные средства языка и культуры, в свою очередь, выражаются через концепты-фразы. Они формируют антропоцентрическую парадигму языкознания, функционального и семантического синтаксиса, этнопсихолингвистики, национальной языковой картины мира, повышают интерес к исследованию произведений отдельных писателей и искусствоведов. Отметим, что изучение национальной языковой картины мира в современном башкирском языкознании проводится в основном в лингвистических аспектах. Это естественно, потому что вопрос сохранения национального языка народа тесно связан с проблемами защиты народной культуры и нации.

Лингвистические аспекты национальной концептосферы и концепции языка, темы его изучения являются тенденциями эволюции языковой сферы. Язык как система является сложным кодом, он кодирует объекты реальности, такие как семантические значения, распознавание и качество их признаков. Огромное значение в современном языкознании имеют термины *концепт*, *языковая картина мира* и *концептосфера*. В рамках антропоцентрической концепции общего языкознания сформировалась методология изучения концептов, определяющих культуру и духовно-нравственные ценности каждого народа. Изучение концептуальной сферы современной науки основывается в лингвокультурологическом и лингвокогнитивном направлениях, представляет собой совокупность исследований языкознания и выявляет репрезентации ментальных явлений [14].

Таким образом, языковая картина мира башкирского народа базируется в основном на национальном творчестве и художественных произведениях поэтов и писателей. Диалекты, историзмы, лексические особенности башкирского языка свидетельствуют о том, что концептосфера данного народа многообразна и не изучена в полной мере. Целью нашего исследования является анализ особенностей функционирования концептосферы *Ғаилә* (Семья) в языковой картине мира башкирского народа. Актуальность исследования определяется отсутствием комплексного исследования концептов в башкирском языкознании. В данной работе применяется статистическое и динамическое описание концептов на основе когнитивной лингвистики. Для достижения цели выбраны следующие задачи: выявить общие черты терминов *лингвокультурология*, *языковая картина мира* и *концепт*; изучить концептосферу *Ғаилә* (Семья) в творчестве Мустая Карима; описать ценностную характеристику исследуемого концепта. Научная новизна заключается в комплексном изучении языковой картины мира в башкирской лингвокультуре на примере концепта *Ғаилә* (Семья) в творчестве Мустая Карима.

Методы исследования

В данной статье концептосфера башкирского языкознания изучается на основе лингвистических и культурологических методов в пределах анализа и описания. В современной лингвистике триада *язык – культура – национальная личность* анализируется в различных направлениях. Одним из наиболее распространенных способов является исследование языковой картины мира с помощью отдельно взятых концептов. По мнению З. Х. Бижевой, человек старается вложить в свою жизнь какой-то смысл. В целом это проявляется в характере, обычаях и культуре общества. Культурные ценности накапливаются в сознании человека. Они содержат символы, и эти же особенности принадлежат определенному народу, в конечном итоге относящиеся к этой культуре. Именно эти концепции отражают картину языка, которая характерна для различных культурных концептов [15, с. 18].

В качестве основного используется специальный лингвокультурологический метод – контекстуальный анализ – для выявления содержания концептосферы *Ғаилә* (Семья); также использовались методы теоретического исследования: компонентный анализ, синтез и дедуктивный метод (переход от общих представлений о концептосфере *Ғаилә* (Семья) к частным выводам), сравнение.

Термин *концепт* в лингвокультурологии: понятие и классификации

Лингвокультурология – отдельное научное направление, развивающееся в рамках лингвистики и культурологии. В центре внимания лингвокультурологии стоит языковая личность, отражающая культуру своего народа. Лингвокультурология рассматривает отношения языка и культуры в целом, духовно-нравственные ценности человека [16].

Язык – сложное явление, имеющее множество функций в человеческом обществе. Современное языкознание оценивает роль родного языка в формировании и развитии национальной культуры населения. Функциональная лингвистика, этническая лингвистика, социальная лингвистика, когнитивная лингвистика, лингвофилософия, лингвофольклористика являются отраслями данной науки.

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-202-210

Среди этих направлений особое место занимают когнитивная лингвистика и лингвокультурология в практике изучения языков в теории современного языка. Важное значение имеет решение актуальных проблем языкознания: особенности объективной реальности национальных языков и их отражения в формировании национальной культуры языков, роль отдельных творческих личностей в развитии национальных языков, система концептов национальных языков, картина мира определенных национальностей.

Лингвокультурология представляет собой синтез наук, изучающих национальный язык и культуру. Язык в процессе выполнения своих функций изучает создание целостной системы культуры. Как известно, человек становится частью общества, когда вместе с родным языком осваивает культуру своего народа. Все подробности народной культуры отражаются в ее уникальном языке [17].

В современном языкознании с опорой на В. фон Гумбольдта возрождалась традиция рассматривать язык как создатель культуры. При обсуждении вопроса о языковой картине мира главным конструктором направления было принято называть понятие *концепт*. При выявлении связей между языком и культурой необходимо проводить анализ концептов, отражающих те или иные этнические особенности [18; 19].

При определении объектов и предметов лингвокультурологических исследований принято учитывать, что предметом исследования выступают:

1) языковые единицы, получившие уровень символической, образно-метафорической, эталонной культуры;
2) языковые единицы (архетипы и мифологемы), имеющие мифологическое значение;
3) паремиологический состав языка (пословицы, поговорки, фразеологизмы), потому что часто они олицетворяют собой народную культуру, ее самобытность.

Таким образом, лингвокультурология изучает языковую картину мира с точки зрения ее культуры. Кроме того, человек – языковая личность и является основным объектом лингвокультурологии. Преобладают социально-психологические, социально-философские, сравнительно-исторические и иные виды исследований. Академик Д. С. Лихачев отметил, что концептосфера национального языка – это и есть мифология, религия, обычаи, философия, этнопсихология, наука, литература, язык и система мировоззрения каждого народа [20].

Определение и описание отдельных форм мышления остается актуальной проблемой лингвокультурологической науки. В целом образ мышления писателя отражается в его творчестве. Огромный интерес в сегодняшнем башкирском языкознании вызывают вопросы этнолингвистики и лингвокультурологии, когнитивной лингвистики. Проблема фольклорной мировой картины мира в башкирском языкознании неотделима от проблем, таких как исследование общенациональной концептуальной языковой картины на примере художественных текстов и ее национально-ментальных особенностей. Важным вопросом современной лингвистики являются концептуальные и объективные языковые картины мира.

В последние годы когнитивные исследования стали неотъемлемой частью языкознания. Эти исследования демонстрируют, что термин *концепт* трактуют по-разному. Классификация концептов стала важной отраслью языкознания. В современной лингвистике ученые выделяют несколько разновидностей концептов, применяемых в теории познания. В качестве примера приведем классификацию Т. Б. Радбиля, он делит концепты на 5 типов:

1) философские концепты (концепция такого типа отражает модели мира, жизни, религии, мифологии);
2) концепты, отражающие атрибуты человечества, половые, родственные и иные связи (женщина, мужчина, семья, род);
3) нравственные (этические) концепты (преступление, наказание, мужество, прощение, грех);
4) концепты, отражающие вкусы и желания человека (красота, прелесть);
5) психологические концепты (откровение, грусть, душевное состояние) и т. д., отражающие различные состояния и внутренний мир человека [21].

А. П. Бабушкин рассматривает концепты как общие для человеческого сознания схемы, фреймы, гиперонимы, инсайты, а Н. Н. Болдырев призывает изучать концепты как отдельные образы, представления, схемы, прототипы, пропозиции, гештальты. С. Г. Воркачев выделяет концепты высокого уровня (любовь, долг, честь) и простые концепты (метаконцепты), пропорции, рудиментальные, давно сформированные и ныне существующие в процессе формирования лингвокультурных концептов. В. И. Карасик делит концепты на параметрические и непараметрические (нерегулятивные и регулятивные) в когнитивной лингвистике.

В современной лингвистике концепты можно разделить на следующие группы:

1) универсальные категории культуры – *время (вакыт), пространство (арауык), движение (хәрәкәт), изменение (үзгәреш), причина (сәбәп), результат (нәүмтә), число (һан), качество (сифат)* и т. д.;
2) общественно-культурные категории – *свобода (азатлык), правда (хаклык), труд (хезмәт), богатство (байлык)* и т. д.;
3) категории национальной культуры – *свобода (ирек), воля (ихтыяр), справедливость (гәзеллек), сердце (йөрәк), душа (йән)* и т. д.;
4) категории нравственности – *добро (изгелек), зло (яуызлык), долг (бурыс), истина (хәкикәт)* и т. д.;
5) мифологические категории – *Бог (Тәңре), Бог Небес (Күк Тәңреһе), Бог Солнца (Кояш Тәңреһе), Бог Счастья (Кот Тәңреһе), ангел (фәрештә), домовой (өй эйәһе), водяной (һыу эйәһе), леший (урман эйәһе), Хомай (птица – Һомай кош)* и т. д.

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-202-210

Существуют другие различные классификации в лингвистике [22].

Концепт – это лингвоментальная единица, включающая в себя многослойное изложение понятий логического центра и различных его проявлений. С. Г. Воркачев в своей монографии дал три определения лингвистическому смыслу термина концепт:

1) одним из наиболее распространенных концептов являются лексемы, выражающие понимание национального языка, которые создают картину мира и концептосферу языковых представителей;
2) рассматривает лингвокультурологические особенности за счет концептов в более узком смысле, характеризующих концептуальное пространство представителей отдельной этнокультуры;
3) концепты по количеству ограничены и включают только семантические объединения, выполняющие ключ в понимании национального менталитета [17].

Концепция языковой картины мира не может рассматриваться только как основа исключительно этнокультурологических свойств высказывания. Концептуальная языковая картина мира представляет собой специфический языковой процесс, в котором используются различные лексико-семантические термины. Понятие концепт охватывает широкий круг проблем по вопросам языковой личности. Вербализация концептов, т. е. устное отражение ментальных единиц, является одним из фундаментальных вопросов сегодняшней лингокультурологии и семантической теории языкознания. Однако концепты тщательно изучаются в рамках когнитивной семантики и остаются одной из актуальных проблем языковой науки. Лексический состав языка является основным средством вербализации концепта, но до сих пор проблемы с выбором единиц не решены, особенно в художественной литературе, когда речь заходит о всемирном контексте, да и вообще о семантических свойствах языка [23–26].

Концептуальная картина мира и проблема языковой личности изучены в лингвистике в работах Н. М. Караулова, Е. С. Яковлевой, С. Е. Никитиной, М. К. Корнилова, Р. И. Павилениса. Некоторые лингвисты считают, что в концептуальной системе реальность формируется раньше, чем концептуальная картина мира [27–35].

В области математической логики или же в широко известной системе Г. Фреге и А. Черча термин изначально применялся в системах, в которых понятия имеют содержание. Таким образом, термин *концепт* является синонимом смысла слова. Как и в математической логике, термин *концепт* используется при изучении строения, а не содержания культуры. Структура слова также употребляется в современном языкознании.

Известны 3 компонента концепта: 1) признак, который составляет основу и актуальность; 2) дополнение или несколько неактуальных, исторических, пассивных признаков; 3) внутренняя форма, т. е. этимология [36, с. 4].

Концептосфера *Ғаилә* (Семья) в башкирском языке

В башкирской лингвистике концептосфера *Ғаилә* (Семья) отражает ментальность башкирского народа, выявляется в языке на уровне лексики (ключевых слов) и на уровне грамматики (категории и структуры). Данный концепт изучается сквозь призму ментальности. В башкирской языковой картине мира концептосфера *Ғаилә* (Семья) выражает такие понятия, как верность, любовь, взаимоуважение, взаимопонимание, забота о близких, доброта, духовное родство между членами семьи, что свидетельствует о многогранности и сложности его содержания.

Концептуальный мир концептосферы *Ғаилә* (Семья) обогащается за счет башкирской культуры, которая находится в непосредственной взаимосвязи с жизнью и самобытностью народа. Вторичные смыслы концепта наслаиваются на культурные и авторские коннотации лексем. Концептосфера *Ғаилә* (Семья) семантически обретает толкования с позиции этнокультурной специфики и раскрывает модель мироустройства ментального поля творчества исследуемого автора. Она является важной составляющей в башкирской культуре, т. к. для каждого этноса семья имеет особую ценность и значение.

Языковая личность автора – это личность, реализующая ту или иную стратегию и тактику речемыслительного процесса. Рассмотрим некоторые исследуемые концепты произведений и выделим их индивидуально-речевой и концептуальный уровни в языковой картине мира Мустая Карима. В произведениях «Радость нашего дома», «Помилование», «Долгое-долгое детство» концепты *Әсә* (Мать), *Инәй* (Тетя) и *Өләсәй* (Бабушка) содержание изучаемого нами концепта раскрывают через такие слова, как домохозяйка (*хужабикә*), хранительница домашнего очага (*йорт усағын һаклаусы*), мать (*әсә кеше*), находящиеся в ближней периферии концептосферы *Ғаилә* (Семья), т. к. передают прямое значение концептуальной сферы. При лингвокультурологическом анализе произведений Мустая Карима мы видим особое отношение к матерям, смысловое наполнение концептосферы *Ғаилә* (Семья), которое является для автора ценностью и нравственным идеалом: *ул арала әсәйем дә, эшен бөтөрөп, табынға килә* – Тогда мама завершает свою работу и присоединяется к нам попить чай; *Өләсәйем сәй яһай башлай* – бабушка с любовью начинает всем нам наливать чай; *Өләсәйем йомшаҡ ҡулдары менән биттәремдән һөйә* – бабушка с нежными ручками ласкает нас по лицу; *Әсәйем ҡапыл ғына эйелеп, ике ҡулы менән икебеҙҙе ҡосаҡлап, битебеҙҙән үбеп ала* – мама, внезапно склонившись, обхватывает руками и целует нас; *Мин әсәйемдең шулай һөйләгәнен яратам. Ҡояштың ни әйтерен дә белә шул ул әсәй кеше булғас* – я люблю, когда моя мама говорит. Даже она знает все секреты мира и понимает речь Солнца; *Бәхетле, тәүфиҡле бул, ҡыҙым, – ти. Өләсәйҙең ҡуҙҙәре* берсә асыла, *берсә йомола* – Бабушка постоянно желает нам счастья и благополучия. И тогда ее глаза в раздумьях то открываются, то закрываются.

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://vestnik.kemsu.ru
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-202-210

Концепт *Әбей* (Тетя) раскрывает содержание концептосферы *Ғаилә* (Семья) через образ Федоры и характеризуется следующими ключевыми понятиями: *әкиәт оҫтаһы* (знаток сказок), *селтәр бәйләусе* (мастерица), *йолалар белеусе* (знаток традиций), *фатиха* (благословение): *Бәләкәс кенә, сибек кенә Федораның уң аяғы байтаҡҡа ҡыҫҡараҡ. Йыраҡтан ҡараганда, уның йөрөшө велосипедта барған төҫлө күренә. Шул аркала уны «Самокат Федора» йәки «Самокат» тип кенә йөрөтәләр. Кәмһетеп, мыҫкыллап түгел, былай яратып, үҙ күреп шулай тиҙәр. Әбейҙең быға иҫе китә лә китмәй. «Самокат» булғас, «Самокат» инде, тәғәрләй бирә. Ыҙғыш-ҡырылыш ҡупҡан ергә лә, туй уйнаған төбәккә лә, үлем–етем булған өйгә лә иң алдан Федора һылтыҡлап килеп етә. Һәммә ерҙә уны ихлас ҡабул итәләр, сөнки ул һәр эштең яйын, гөрөф-йоланың рәтен белә. Сырхауҙы дауалай, күңеле төшкәнде йыуата, хәсрәтленең хәсрәтен бүлешә…* – У маленькой и слабенькой Федоры правая нога была значительно короче. Издалека это движение было похоже на катание на велосипеде. Поэтому ее и называли «Самокат Федора» или же просто «Самокат». Не прибегая к неким насмешкам, с огромным уважением народ называл ее таким именем. Федора уже ко всем привыкла и не обижается. «Самокат», то пускай «Самокат», она двигается вперед. Она всегда первой прибывает в те места, где неспокойно и где проходит торжество, и посещает тех, кого постигла беда. Где бы она ни была, всегда оказывалась в центре событий и в окружении заботы. Ее все любили и встречали с особой нежностью и искренностью. Потому что она знает все виды работ: исцеляет, помогает, учит, умеет сопереживать и поддержать…

Концептосфера *Ғаилә* (Семья) в башкирской языковой картине мира тесно связана с концептом *гостеприимство* вкупе с дружелюбным отношением, радушным приемом, душевной щедростью. В следующем высказывании раскрыт характер *Оло инәй* – Старшей Матери, выявлены ее наиболее значимые социально-психологические черты, которые исторически вырабатывались у нации под воздействием условий проживания, образа жизни, социально-экономического строя и др. Семантическое поле конструкции раскрывает национальный образ Старшей матери, доброжелательное отношение, сострадание, гостеприимство, уважение к окружающим, стремление помочь в трудную минуту: *Был имән минең Оло инәйем булып сыға. Уның тирәһендә инде балалар ғына түгел, беҙҙең бөтә ғаиләбеҙ – атайым, Кесе инәйем, ағайҙарым, апайҙарым әйләнә. Хатта бер пар кук атыбыҙ, ике ала, һыйырыбыҙ, быҙауҙарыбыҙ, тауык-каҙҙарыбыҙ әйләнә. Шул кеше тирәһендә беҙҙең барлыҡ бәхет-шатлыҡтарыбыҙ, ҡайғы-хәсрәттәребеҙ, көндәлек мәшәҡәттәребеҙ, өмөт-хыялдарыбыҙ әйләнә – донъябыҙ әйләнә. Минең Оло инәйем ошо әйләнеп торған донъяның үҙәге ул. Шуға күрә тыныс һәм хәүефһеҙ баҫып тора. Уның өсөн, әйтерһең. Һәләкәт тә, ғазап та юк. Йөҙөндә шәфҡәтле йылмайыу...* – А этот дуб – это моя Старшая мать. Вокруг нее не только дети, но и вся наша семья – отец, Младшая мать, братья, сестры вращаются. Даже пара лошадей, две коровы, телята и куры вращаются. Вокруг этого человека вращается мир всех наших радостей, переживаний, повседневных забот, надежд и фантазий. Моя Старшая мать и есть центр мира. Поэтому он спокоен и безопасен. Все будто для нее. Нет ни разорения, ни испытания. А на лице ее нежная улыбка…; *Мине ышығына алған имән әле иҫәндерме-юктырмы, белмәйем. Шул имәнде хәтерләткән Оло инәйем инде унан да элек үзенең мәңгелек йортона күскәйне* – Тот дуб из детства все еще существует или нет, я не знаю. Но Старшая Мать, напоминавшая этот дуб, давно уже переселилась в свой вечный дом.

В трагедии «В ночь лунного затмения» поэт описывает древние обычаи и традиции башкирского народа. В данном случае изучаемый нами концепт выступает как ментальное образование, раскрывая менталитет башкир. Концепт *Әсә* (Мать) связано с понятиями *йолаларҙы һаҡлаусы* (хранительница обычаев), *йола ҡорбаны* (жертва традиций), *быуындар бәйләнеше* (связь поколений), *милләт әсәһе* (мать нации). В трагедии концепт *Ул* (Сын) наполняется по смыслу такими лексемами, как *батырлыҡ* (героизм), *азатлыҡ* (свобода), *рух ҡоло* (душевный раб). Аҡъегет является трагическим героем. Автор в его имени раскрывает несломленный характер и чистоту души, называя белым джигитом: *Аҡъегет: Күрәҙгә, төрлө ырымға ғүмер буйы ныҡ ышандың, әсәй. Ҡара, ана, бер ни үҙгәрмәне. Кояш баяғыса уҡ балҡый, үләндәр баяғыса уҡ йәшелдәр. Шомло уйҙарыңды ситкә ат, әсәй. Бөгөнгө көуаныска күләгә төшөрмәйек. Һин фатихаңды бирҙең. Бер түгел, биш туҫтаҡ түгелһә лә, хәҙер һис ни булмаясаҡ* – Акъегет: Мама, ты всю свою жизнь верила в разные суеверия. Вот посмотри, ничего ведь не изменилось. Вот солнце ярко светит, как и раньше, травы так же зеленеют, как и раньше. Не думай о плохом, избавь свои чувства от дурных мыслей. Давай не очерним благую весть, пришедшую в наш дом. Ты дала нам свое благословение. Ничего не будет, даже если вылился не один кувшин, а пять.

Лингвокультурный анализ концептов *Отец (Атай)* и *Сын (Ул)* в произведении «Салават» выражается в понятиях *яҡты киләсәк* (светлое будущее), *аманат* (наследие), *һынмаҫ рух* (непобедимый дух), *кешелеклелек* (человечность), *аманатҡа тоғро ҡалыу* (верность наследию). Автор в данном произведении описывает исторические события из жизни башкирского народа. Прототипами образов являются национальные герои Юлай Азналин и Салават Юлаев. Отец Юлай Азналин был старшиной улуса Шайтан-Кудей и участником многих сражений, поэтому всегда являлся примером для сына. Концепт *Отец* (*Атай*) характеризуется понятиями *глава семьи* (*баш, йәғни ғаилә башлығы*), *опора семьи* (*ғаилә тоткаһы, ғаилә терәге*), *защитник семьи* (*ғаилә һаҡсыһы*), *идеал, пример для детей* (*балалары өсөн өлгө*).

В произведениях «Радость нашего дома», «Похищение невесты», «Помилование», «Страна Айгуль» концепты *Атай* (Отец), *Олатай* (Дядя), *Агай* (Брат), *Бабай* (Дядя – диалект) выражаются в понятиях *ил һаҡсыһы* (защитник

родины), *гаилә башлыгы* (глава семьи), *терәк* (опора), *мираҫ* (наследство), *шәжәрә һаклаусы* (хранитель родословной).

В произведении «Радость нашего дома» дед Мансур и бабушка Фархениса являются ярким примером счастливой семейной пары, где царят доброта, взаимоуважение, милосердие, терпение: *Мансур бабайҙар беҙгә йәнәшә торалар. Мансур бабайҙың өйөндә шул әбей ҙә үҙе генә; Кайһы сакта Фәрхениса әбейҙе лә эйәртә. Әле лә шулай икәү етәкләшеп килеп инделәр* – Дед Мансур живет рядом с нами. В его доме та бабушка тоже одна. Иногда они к нам вместе приходят. Вот сегодня они вместе пришли, держась за руки; *Иҫәнгенәме, һаугынамы, кәрендәш? – ти ул һәм әбейҙе етәкләп һандык өҫтөнә килтереп ултырта* – «Как вы поживаете, родные мои?», – обращаясь к нам с таким вопросом, помогает бабушке сесть на сундук, слега приподнимая ее.

Концепты *Кусты* (Братишка), *Еҙнә* (Зять), *Кейәү* (Жених), *Коҙа* (Сват) в комедии «Похищение невесты» Мустая Карима характеризуют статус, возраст и мудрость башкирского народа. Автор описывает свадебный обряд как праздник родства, в котором каждому участнику праздника присваивается статус по возрасту со стороны жениха и невесты. Необходимо отметить, что концептосфера *Ғаилә* (Семья) рассматривается в огромном масштабе: единство не только членов семьи, но и односельчан.

Заключение

В последние годы в результате формирования антроцентрической парадигмы языкознания функциональный и семантический синтаксис, этнопсихолингвистический смысл взаимосвязаны национальной языковой картиной мира, усиливается интерес к художественным текстам на примере отдельно взятых произведениях писателей и поэтов. Вопрос определения национальной культуры малочисленного народа тесно связан с вопросами защиты народной культуры, сохранением национального языка.

Концептосфера *Ғаилә* (Семья) определяется разнообразием терминов родства в башкирском языке и указывает на богатство языка. У каждого рода, племени, родового подразделения, даже у каждой семьи были свои термины. Если не считать отдельные диалекты, у башкир нет определенных терминов родства для обозначения дяди, тети, племянника и племянниц. Важная особенность системы родства заключается в дифференциации терминов родства по старшинству и полу и разграничении в терминологии отцовской и материнской линии родства. Более того, термины родства и свойства отображают своеобразие языка, специфику национального пути, следовательно, характеризуют национальную картину мира. Мустай Карим как представитель башкирского народа сумел отразить нравственные, моральные, ментальные особенности понятий концептосферы *Ғаилә* (Семья) в своих произведениях.

Результаты выполненной работы подтверждают наше наблюдение о том, что концептосфера *Ғаилә* (Семья) обладает национально-культурной и национально-лингвистической спецификой, понятие *семья* является наиболее значимым в кругу ценностных ориентиров, которые отражаются в культуре башкирского народа. В творчестве Мустая Карима концептосфера *Ғаилә* (Семья) представлена следующими концептуальными признаками и приращенными смыслами: 1) семья – тяжелое испытание, требующее усердия, внутренних сил, ума и трудолюбия; 2) дружная семейная жизнь – испытание дружбы, верности, товарищества; 3) семья – защита; 4) прожитая вместе жизнь – это пример для следующих поколений; 5) любовь в семье – это награда за верность людям, которые уважают, любят и ценят друг друга; 6) дети в семье – божий дар, подарок за настоящую любовь; 7) семья – нечто правильное, хорошее, благое.

Таким образом, рассматривая иерархию концептов в модели индивидуально-авторской копцептосферы, мы приходим к выводу, что моделирование концептосферы *Ғаилә* (Семья) осуществляется посредством концептуальной схемы, отражающей предельно обобщенные модели концептов произведения. Модель концептосферы – схематическое представление связи номинативного поля языковых образований, социальной и ментальной сферы, культурных ценностей.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Литература

1. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. Новгород: Прогресс, 1984. 397 с.
2. Зайнуллин М. В., Зайнуллина Л. М. Общие проблемы лингвокультурологии. Уфа: БашГУ, 2008. 204 с.
3. Бухарова Г. Х. Башкирский народный эпос «Урал-батыр»: когнитивно-дискурсивный и концептуальный анализ. Уфа: Ваган, 2008. 352 с.
4. Самситова Л. Х. Культурные концепты в башкирской языковой картине мира. Уфа: Гилем, 2015. 360 с.
5. Самситова Л. Х. Лингвокультурологическое образование как условие формирования толерантной языковой личности в полилингвальной среде // Этнокультурное (национальное) образование в Российской Федерации / под ред. Р. С. Бозиева, С. Н. Чистяковой, С. А. Боргоякова. Уфа: БГПУ, 2016. Вып. 1. С. 184–189.
6. Самситова Л. Х., Ташбулатова Р. М. Концепт в современной лингвистической литературе: основные подходы и направления его изучения // Вестник Башкирского университета. 2015. Т. 20. № 1. С. 220–226.
7. Сәмситова Л. Х. Башҡорт тел картинаһында мәҙәниәт концепттары. Өфө: Китап, 2010. 162 бит.

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-202-210

8. Саньяров Ф. Б. Эмоциональный концепт «душа» в русской и башкирской лингвокультурологии // Языковые и культурные контакты народов Республики Башкортастан в условиях двуязычия: мат-лы Всерос. науч. конф. (Уфа, 28 сентября 2007 г.) Уфа: БашГУ, 2007. С. 385–388.
9. Янмурзина Р. Р. Когнитивная лингвистика и лингвокультурология: черты и различия // Вестник Башкирского университета. 2014. Т. 19. № 1. С. 132–135.
10. Рахматуллина З. Я. Этикет как ценность культуры. Уфа: Гилем, 2004. 240 с.
11. Сагитова А. Г. Концепт «Яҙмыш» («судьба») в башкирской языковой картине мира: автореф. дис. … канд. филол. наук. Уфа, 2012. 17 с.
12. Саяхова Л. Г. Лингвокультурологическая концепция обучения русскому языку и учебники нового поколения. Уфа: Китап, 2006. 223 с.
13. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Лузина Л. Г., Панкрац Ю. Г. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М.: Изд-во МГУ, 1996. 245 с.
14. Мартинович Г. А. К проблеме аспектов языковых явлений (в свете учения Л. В. Щербы) // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 2001. № 2. С. 37–40.
15. Бижева З. Х. Язык и культура. Нальчик: Каб.-Балк. ун.-т, 2000. 46 с.
16. Абишева А. К. О понятии «ценность» // Вопросы философии. 2002. № 3. С. 139–146.
17. Воркачев С. Г. Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа. Краснодар: Изд-во КубГТУ, 2002. 142 с.
18. Воробьев В. В. Лингвокультурология: Теория и методы. М.: Изд-во Российск. ун-та дружбы народов, 1997. 331 с.
19. Воробьев В. В., Морозкина Е. А., Фаткуллина Ф. Г. Триада Язык – Культура – Личность как основа современной лингвокультурологии // Вестник Башкирского университета. 2016. Т. 21. № 2. С. 355–359.
20. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1993. Т. 52. № 1. С. 3–9.
21. Радбиль Т. Б. Основы изучения языкового менталитета. М.: Наука; Флинта, 2010. 325 с.
22. Фаткуллина Ф. Г., Воробьев В. В. Интернациональная языковая личность в лингвокультурном пространстве. Уфа: БашГУ, 2017. 204 с.
23. Гимашева Г. М. Милли донъя тел картинаһы һәм концепт мәсьәләһенең өйрәнелеү кимәле // Современные проблемы изучения башкирского и родных языков: мат-лы III Всерос. (с Междунар. участием) науч.-методич. конф. (Уфа, 15 февраля 2018 г.) Уфа: БашГУ, 2018. С. 135–139.
24. Гимашева Г. М. Репрезентация и категоризация концептосферы «Ғаилә» («Семья») в башкирском языкознании // Вопросы духовной культуры народов Урало-Поволжья: история и современность: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. (с Междунар. участием) молодых ученых, аспирантов, магистрантов, студентов. (Уфа, 26 апреля 2019 г.) Уфа: БашГУ, 2019. С. 68–70.
25. Гимашева Г. М., Султанбаева Х. В. Лингвокультурологическое исследование как объект изучения языка и культуры // Филологические науки: состояние, перспективы, новые парадигмы исследований: мат-лы Междунар. заоч. (электр.) науч. конф. для молодых ученых, посв. 60-летию филол. факультета. (Уфа, 13–14 декабря 2017 г.) Уфа: БашГУ, 2017. С. 85–88.
26. Султанбаева Х. В., Гимашева Г. М. Языковая картина мира в башкирском языкознании // Доклады Башкирского университета. 2017. Т. 2. № 4. С. 628–631.
27. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
28. Колшанский Г. В. Объективная картина мира в познании и языка. М.: Наука, 1990. 103 с.
29. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика. Мн.: ТетраСистемс, 2004. 256 с.
30. Маслова В. А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2004. 208 с.
31. Пименова М. В. Языковая картина мира. Кемерово: КемГУ, 2011. 113 с.
32. Попова З. Д., Стернин И. А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. 2-е изд., исп. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2000. 30 с.
33. Колесов В. В., Пименова М. В. Введение в концептологию. М.: Флинта; Наука, 2016. 248 с.
34. Маслова В. А., Пименова М. В. Коды лингвокультуры. 3-е изд. М.: Флинта; Наука, 2018. 180 с.
35. Пименова М. В., Кондратьева О. Н. Концептуальные исследования. Введение. 2-е изд., стер. М.: Флинта, 2016. 176 с.
36. Токарев Г. В. Концепт как объект лингвокультурологии (на материале репрезентаций концепта «Труд» в русском языке). Волгоград: Перемена, 2003. 232 с.

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-202-210

original article

Concept as a Linguacultural Unit in Cognitive Linguistics: Conceptual Framework *Ғailə* (Family) in the Bashkir Language

Guldaniia M. Gimasheva
Bashkir State University, Russia, Ufa
saginbaeva.guldaniya@mail.ru
https://orcid.org/0000-0002-1630-3650

Received 31 Aug 2020. Accepted 24 Dec 2020.

Abstract: This article considers the concept as a linguacultural unit in cognitive linguistics. The research objective was to identify cultural and linguistic universals in the Bashkir language, as well as to reveal its national specificity. The paper gives a review of Russian and Bashkir publications about concepts in the language: definitions, classification, keywords as mental symbols, etc. Bashkir cognitive linguistics studies concepts on the basis of their linguistic and cultural features. The author used the methods of analysis and description in their linguistic and cultural aspects. Studies of the Bashkir national linguistic world view can reveal the national character and ancient linguistic values that are passed from generation to generation. The Bashkir linguistic world view is diverse and rich: the legends, traditions, proverbs, tales, epics, songs, poetry, and fiction reflect the moral, aesthetic, and national features that remain relevant to this day. The research featured the conceptual framework of Failə (Family) in works by Mustai Karim. It included such concepts as *Әсә* (Mother), *Инәй* (Aunt), *Өләсәй* (Grandmother), *Атай* (Father), *Ул* (Son), *Олатай* (Uncle), *Ағай* (Brother), etc. They reflect such concepts as loyalty, love, mutual respect, mutual understanding and care, kindness, and spiritual kinship, which reveals the versatility and complexity of this content.
Keywords: culture, ethnocultural studies, psycholinguistics, ethnolinguistics, linguistic world view, linguaculturology

Citation: Gimasheva G. M. Concept as a Linguacultural Unit in Cognitive Linguistics: Conceptual Framework *Failə* (Family) in the Bashkir Language. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(1): 202–210. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-202-210

Conflicting interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

References

1. Humboldt V. von. *Selected works on linguistics.* Moscow: Progress, 1984, 397. (In Russ.)
2. Zaynullin M. V., Zaynullina L. M. *General problems of linguaculturology.* Ufa: BashGU, 2008, 204. (In Russ.)
3. Bukharova G. Kh. *Bashkir folk epic "Ural-Batyr": cognitive-discursive and conceptual analysis.* Ufa: Vagan, 2008, 352. (In Russ.)
4. Samsitova L. Kh. *Cultural concepts in the Bashkir language picture of the world*. Ufa: Gilem, 2015, 360. (In Russ.)
5. Samsitova L. Kh. Linguacultural education as a condition for the formation of a tolerant linguistic personality in a multilingual environment. *Ethno-Cultural (national) education in the Russian Federation*, eds. Boziev R. S., Chistyakova S. N., Borgoyakov S. A. Ufa: BGPU, 2016, iss, I, 184–189. (In Russ.)
6. Samsitova L. Kh., Tashbulatova R. M. The definition, approaches and structure in the modern linguistic-themed literature. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, 2015, 20(1): 220–227. (In Russ.)
7. Samsitova L. Kh. *Concepts on Bashkir linguaculturology*. Ufa: Kitap, 2010, 162. (In Bashk.)
8. Sanyarov F. B. Emotional concept of "soul" in Russian and Bashkir linguaculturology. *Language and cultural contacts of the peoples of the Republic of Bashkortstan in the conditions of bilingualism:* Proc. All-Russian Sci. Conf., Ufa, September 28, 2007. Ufa: BashGU, 2007, 385–388. (In Russ.)
9. Yanmurzina R. R. Cultural linguistics and cognitive linguistics: similarities and differences. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, 2014, 19(1): 132–135. (In Russ.)
10. Rakhmatullina Z. Ia. *Etiquette as the value of culture.* Ufa: Gilem, 2004, 240. (In Russ.)
11. Sagitova A. G. *The concept "Iazmysh" ("Fate") in the Bashkir language picture of the world*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Ufa, 2012, 17. (In Russ.)
12. Sayakhova L. G. *The linguaculturological concept of teaching Russian and textbooks of the new generation*. Ufa: Kitap, 2006, 223. (In Russ.)
13. Kubriakova E. S., Demiankov V. Z., Luzina L. G., Pankrats Iu. G. *Short dictionary of cognitive terms*, ed. Kubryakova E. S. Moscow: Izd-vo MGU, 1996, 245. (In Russ.)

© 2021. The Author(s). This article is distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License

BULLETIN
Kemerovo State University
https://vestnik.kemsu.ru
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-202-210

14. Martinovich G. A. Aspects of language phenomena according to L. V. Shcherba). *Vestnik SPbGU. Ser. 2*, 2001, (2): 37–40. (In Russ.)
15. Bizheva Z. Kh. *Language and culture.* Nalchik: Kab.-Balk. un-t, 2000, 46. (In Russ.)
16. Abisheva A. K. The concept of "value". *Voprosy filosofii*, 2002, (3): 139–146. (In Russ.)
17. Vorkachev S. G. *The concept of happiness in the Russian language consciousness: the experience of linguoculturological analysis.* Krasnodar: Izd-vo KubGTU, 2002, 142. (In Russ.)
18. Vorobiev V. V. *Linguaculturology: Theory and methods*. Moscow: Izd-vo Rossiisk. un-ta druzhby narodov, 1997, 331. (In Russ.)
19. Vorobiev V. V., Morozkina E. A., Fatkullina F. G. Triad Language – Culture – Personality as the basis of modern linguocultural studies. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, 2016, 21(2): 355–359. (In Russ.)
20. Likhachev D. S. Russian conceptual sphere. *Izvestiia RAN. Seriia literatury i iazyka*, 1993, 52(1): 3–9. (In Russ.)
21. Radbil T. B. *The foundations of studying in language mentality*. Moscow: Nauka; Flinta, 2010, 325. (In Russ.)
22. Fatkullina F. G., Vorobiev V. V. *International language personality in the linguistic-cultural space*. Ufa: BashGU, 2017, 204. (In Russ.)
23. Gimasheva G. M. Available information on the national linguistic worldview and concept. *Contemporary issues of studying the Bashkir and native languages*: Proc. III All-Russian (with Intern. participation) Sci.-method. Conf., Ufa, February 15, 2018. Ufa: BashGU, 2018, 135–139. (In Bashk.)
24. Gimasheva G. M. Representation and categorization of the concept sphere "Ғаилә" ("Family") in Bashkir linguistics. *Questions of spiritual culture of the peoples of the Ural-Volga region: history and modernity*: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf. (with Intern. participation) of young scientists, students, and postgraduates, Ufa, 26 Apr 2019. Ufa: BashGU, 2019, 68–70. (In Russ.)
25. Gimasheva G. M., Sultanbayeva Kh. V. Linguaculturological research as an object of language and culture studies. *Philological Sciences: state, prospects, and new research paradigms:* Proc. Intern. correspondence (electronic) Sci. Conf. for young scientists dedicated to the 60th anniversary of the Department of Philology, Ufa, 13–14 Dec 2017. Ufa: BashGU, 2017, 85–88. (In Russ.)
26. Sultanbayeva Kh. V., Gimasheva G. M. Language picture of the world in the Bashkir linguistics. *Doklady Bashkirskogo universiteta*, 2017, 2(4): 628–631. (In Russ.)
27. Karasik V. I. *Lingual circle: personality, concepts, discourse*. Volgograd: Peremena, 2002, 477. (In Russ.)
28. Kolshansky G. V. *Objective world view in knowledge and language.* Moscow: Nauka, 1990, 103. (In Russ.)
29. Maslova V. A. *Cognitive linguistics.* Minsk: TetraSystems, 2004, 256. (In Russ.)
30. Maslova V. A. *Linguoculture*. Moscow: Akademiia, 2004, 208. (In Russ.)
31. Pimenova M. V. *Language picture of the world*. Kemerovo: KemGU, 2011, 113. (In Russ.)
32. Popova Z. D., Sternin I. A. *The notion of "concept" in linguistic research*, 2nd ed. Voronezh: Izd-vo Voronezh. un-ta, 2000, 30. (In Russ.)
33. Kolesov V. V., Pimenova M. V. *Introduction to conceptology*. Moscow: Flinta; Nauka, 2016, 248. (In Russ.)
34. Maslova V. A., Pimenova M. V. *Codes of linguoculture,* 3rd ed. Moscow: Flinta; Nauka, 2018, 180. (In Russ.)
35. Pimenova M. V., Kondratyeva O. N. *Conceptual research. Introduction*, 2nd ed. Moscow: Flinta, 2016, 176. (In Russ.)
36. Tokarev G. V. *Concept as an object of linguaculturology (based on the material of representations of the concept "Labor" in the Russian language)*. Volgograd: Peremena, 2003, 232. (In Russ.)

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-211-219

оригинальная статья
УДК 81

Отражение семейных отношений в пословицах и поговорках русского и китайского языков (на материале фреймов *свекровь – невестка, теща – зять, золовка – невестка*)

Лихун Го
Цицикарский университет, Китайская Народная Республика, г. Цицикар
guolihong2477@126.com
https://orcid.org/0000-0002-7615-0369

Поступила в редакцию 08.02.2021. Принята к печати 22.03.2021.

Аннотация: Статья посвящена пропозиционально-фреймовому моделированию языковой картины мира русских и китайцев на материале пословиц и поговорок, относящихся к области родственных отношений. Цель – выявить универсальное и национально-специфичное в семантике пословиц на материале фреймов *свекровь – невестка*, *теща – зять*, *золовка – невестка* методом пропозиционального моделирования. Когнитивный потенциал паремиологического фонда огромен: пословицы и поговорки выполняют гносеологическую функцию, в них отражен познавательный опыт человека. Как известно, пропозициональные структуры универсальны для всех языков, но на уровне пропозиций под влиянием внешней детерминанты (в понимании Г. П. Мельникова) реализуются в каждом из языков по-разному. Проведенный пропозиционально-фреймовый анализ семантики пословиц двух языков позволил выделить следующую логико-тематическую классификацию: 1) особенности характера и поведения каждого родственника; 2) взаимоотношения между свекровью и невесткой, тещей и зятем, золовкой и невесткой; 3) семейный статус свекрови, невестки, тещи, зятя, золовки; 4) семейные традиции, жизненный уклад; 5) источники семейных конфликтов; 6) пути решения конфликтных ситуаций.

Ключевые слова: языковая картина мира, фрейм, пропозициональная структура, пропозиция, родственные отношения, русский язык, китайский язык

Цитирование: Го Л. Отражение семейных отношений в пословицах и поговорках русского и китайского языков (на материале фреймов *свекровь – невестка, теща – зять, золовка – невестка*) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 1. С. 211–219. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-211-219

Введение

В современной лингвистике актуальным является когнитивный подход к изучению языка. Когнитивный анализ пословиц и поговорок в русском и китайском языках способствует раскрытию национально-культурной специфики, особенностей мышления народов. Сравнительно-сопоставительное исследование фреймов *свекровь, невестка, теща, зять и золовка* осуществляется на материале пословиц двух разноструктурных языков [1, с. 66], в чем заключается новизна работы.

Один из подходов к подобному изучению языка – пропозиционально-фреймовый анализ. Данный метод исследования позволяет рассмотреть взаимодействие семантического и мыслительного пространств единиц двух типологически разных языков – русского и китайского, изучить принципы структурирования и отражения определенных человеческих знаний и опыта в языке [2, с. 1061]. В. фон Гумбольдт писал о том, что на самом абстрактном уровне все языки устроены одинаково и можно говорить о едином человеческом языке [3, с. 74]. «Пропозициональные структуры – наиболее абстрактные, предикативно связанные субъектно-объектные отношения, проявляющие дискурсивность мыслительной деятельности человека, – едины для всех представителей современной цивилизации» [4, с. 190]. «С одной стороны, люди современной цивилизации выражают мысль в словах по одним и тем же абстрактным логическим схемам, пропозициональным структурам, с другой – под влиянием внутреннего формально-семантического устройства каждого конкретного языка и культурных концептов, представленных в языке, – пропозициональные структуры реализуются в свойственных вербализованных пропозициях, проявляющих его самостийность» [5, с. 20].

Фрейм, как известно, состоит из верхних и нижних уровней. Верхние уровни несут более абстрактную информацию об объекте, нижние уровни, называемые терминалами, заполняются конкретными данными в процессе приспособления фрейма к конкретной ситуации из внешнего мира [6, с. 7]. Фрейм состоит из отдельных единиц, называемых слотами. Слоты, взаимодействуя между собой, могут быть представлены в рамках различных пропозициональных структур (ПС). Фрейм рассматривается нами как пропозиционально организованный фрагмент языковой картины мира.

© 2021. Авторы. Статья распространяется на условиях международной лицензии CC BY 4.0

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://vestnik.kemsu.ru
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-211-219

Отношения между свекровью и невесткой являются самыми особенными в семье с древних времен. Отношения между ними ограничивают отношения между мужем и женой, братьями и другими родственниками. Умение выстроить правильные взаимоотношения способствует семейной гармонии, в противном случае в семье могут возникнуть конфликты. Гармония между свекровью и невесткой связана со стабильностью и процветанием всей семьи.

Методы и материалы. В настоящей статье мы ставим перед собой цель с использованием метода пропозиционально-фреймового анализа выявить универсальные и национально-культурные, специфические признаки в семантике пословиц на материале фреймов *свекровь – невестка, теща – зять, золовка – невестка* как культурно значимых фрагментов мира в сознании носителей русского и китайского языков. Материалом предпринятого исследования выступают пословичные единицы двух языков. Опираясь на современные словари пословиц и поговорок исследуемых языков, было отобрано 133 единицы (55 единиц русского языка и 78 единиц китайского языка[1]). Данный фрейм выбран неслучайно, поскольку он является одним из составляющих концепта *семья*.

Результаты

Проведенный пропозиционально-фреймовый анализ семантики пословиц двух языков позволил выделить следующую логико-тематическую классификацию: 1) особенности характера и поведения каждого родственника; 2) взаимоотношения между свекровью и невесткой, тещей и зятем, золовкой и невесткой; 3) семейный статус свекрови, невестки, тещи, зятя, золовки; 4) семейные традиции, жизненный уклад; 5) источники семейных конфликтов; 6) пути решения конфликтных ситуаций.

В древнем китайском обществе рассматривали защиту интересов всей семьи в качестве основного принципа, сыновнее почтение стало основным столпом традиционной семейной этики, а также основой и источником других моральных норм в традиционной китайской системе ценностей. Поэтому когда девушка выходит замуж, она должна не только уважать своего мужа и научиться быть хорошей женой, но и должна служить свекру и свекрови, чтобы соответствовать этическим нормам сыновнего почтения.

В книге «Внутреннее обучение», составленной императрицей Сюй из династии Мин, отмечено: «Когда девушка вышла замуж, она должна быть сыновней по отношению к своему свекру и свекрови. Ее свекор и свекровь становятся для нее близкими как свои родители. Уважение к ним должно быть равносильно уважению к небу и земле, невестка должна быть прилежной и трудолюбивой, не может быть ни дня безделья. Если бы было хоть малейшее отсутствие сыновней почтительности к свекру и свекрови, то это было похоже на отсутствие уважения»[2] [7]. Данный фрейм реализован следующими ПС:

ПС субъект по результату действия:

- 孝顺公婆自有福, 勤种田头自有谷 (*xiào shùn gōng pó zì yǒu fú, qín zhòng tián tóu zì yǒu gǔ*) – *Уважай свекра и свекровь – будет счастье, сей поле с трудолюбием – будет урожай.*

ПС субъект по отношению к субъекту:

- 严婆不打哑媳 (*yán pó bù dǎ yǎ xí fù*) – *Даже строгая свекровь не бьет глупую невестку.* То есть невестка должна уважительно относиться к свекрови. Даже если свекровь ее бьет или ругает, ей не следует хамить;
- 要得家庭和, 媳妇敬婆婆 (*yàodé jiātíng hé, xífù jìng pópo*) – *Если хотите семейное согласие, то невестка должна уважать свекровь*;
- 婆婆嘴碎, 媳妇耳背 (*pópo zuǐsuì, xí fù ěr bèi*) – *Свекровь не умеет держать язык за зубами, невестка должна быть глухой.*

ПС субъект по характерному признаку:

- 好媳妇不怕恶公婆 (*hǎo xí fù bù pà è gōng pó*) – *Хорошие невестки не боятся злых свекровей*;
- 好女两头遮, 遮了娘家遮郎家 (*hǎo nǚ liǎng tóu zhē, zhē le niáng jia zhē láng jiā*) – *Хорошая невестка скрывает плохое в своей родной семье и в семье мужа, чтобы две семьи жили в гармонии.*

В ряде пословиц утверждается мысль о том, что отношения свекрови и невестки связаны со стабильностью и гармонией всей семьи:

ПС субъект – действие – результат:

- 婆媳和, 全家乐 (*pó xí hé, quán jiā lè*) – *Если свекровь и невестка живут в гармонии, то вся семья будет счастливой*;
- 婆媳亲, 家业兴 (*pó xí qīn, jiā yè xīng*) – *Если отношения между свекровью и невесткой близкие, то семья процветает*;
- 婆媳成冤家, 不愁不败家 (*pó xíchéng yuānjia, bù chóu bù bài jiā*) – *Если свекровь и невестка станут врагами, семья обязательно придет в упадок.*

ПС субъект по отношению к субъекту:

- 家庭和不和, 看看儿媳和公婆 (*jiātíng hé bùhé, kàn kan érxí hé gōng pó*) – *Семейная гармония заключается в гармонии между свекровью и невесткой.*

Если свекровь относится к невестке как к родственнице, конфликтов в семье не будет. Хорошая свекровь уважает невестку и относится к ней так же, как и к своей дочери. В свою очередь, невестка тоже будет уважать хорошую свекровь: 家庭和不和, 要个好婆婆 (*jiātíng hé bùhé, yào gè hǎo pópo*) – *Семейная гармония зависит от хорошей свекрови.*

[1] Большой Китайско-Русский Словарь. Режим доступа: https://bkrs.info/ (дата обращения: 10.12.2020); 温端政. 中国谚语大辞典 (辞海版). 上海: 上海辞书出版社, 2011. 1261 页; 周静琪. 汉语谚语词典. 北京: 商务印书馆国际有限公司, 2006. 1699 页.

[2] Здесь и далее по тексту перевод выполнен автором статьи.

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-211-219

ПС субъект по характерному признаку:

- 会疼的疼媳妇, 不会疼的疼闺女 (*huì téng de téng xífù, bù huì téng de téng guīnü*) – *Мудрая свекровь заботится о невестке, а неразумная свекровь заботится о дочери*;
- 小要贤, 老要爱, 媳妇要当女儿待 (*xiǎo yāo xián, lǎo yào ài, xí fù yào dāng nǚ'ér dāi*) – *Невестка должна уважать свекровь, свекровь должна любить невестку и рассматривать её как свою дочь*;
- 媳妇接进门, 算得自家人 (*xí fù jiējìn mén, suàn dé zìjiārén*) – *Невестка, пришедшая в семью свекрови, считается своей.*

ПС субъект по действию, направленному на субъект:

- 婆婆在家疼媳妇, 媳妇在外夸婆婆 (*pó po zàijiā téng xí fù, xífù zài wài kā pópo*) – *Свекровь заботится о невестке дома, невестка хвалит свекровь вне дома.*

ПС субъект по отношению к субъекту:

- 媳妇也是半个女儿 (*xí fù yě shì bàn ge nǚ ér*) – *Невестка – наполовину дочь. Значит, свекровь и невестка должны быть так же близки, как мать и дочь*;
- 婆婆有德, 媳妇有贤 (*pó po yǒu dé, xí fù yǒu xián*) – *Свекровь добродетельна, невестка высоконравственна.*

ПС субъект – действие – результат:

- 婆婆惜儿媳, 吃穿样样有 (*pó po xī ér xí, chī chuānyàng yàng yǒu*) – *Если свекровь заботится о невестке, то она не будет беспокоиться о еде и одежде и будет жить счастливо.*

В русском языке встречаются пословицы, свидетельствующие о гармоничных взаимоотношениях свекрови и невестки:

ПС субъект по отношению к субъекту:

- *Добрая свекровь – вторая мать для невестки.*

Свекровь – мать сына, невестка – жена сына, а мужчина – самый важный человек в сердцах двух женщин, поэтому неизбежно возникают конфликты. Как правило, они враждебно относятся друг к другу, что отражено в пословицах.

ПС субъект по отношению к субъекту:

- 自古婆媳和谐少 (*zì gǔ pó xí hé xié shǎo*) – *С давних времен свекровь и невестка не в гармонии*;
- 谁家婆媳无是非 (*shéi jiā pó xí wú shì fēi*) – *У какой свекрови и невестки нет конфликтов*?

ПС субъект – действие – субъект:

- 丑媳妇总要见公婆 (*chǒu xí fù zǒng yào jiàn gōng pó*) – *Уродливая невестка все-таки встретится со свекровью.* Означает, что невестка не может не показать своего некрасивого вида.

Сходное представление закрепляется в русских пословицах и поговорках. Например:

ПС субъект по отношению к субъекту:

- *Удивительное явление, когда меж невесткой и свекровью разумение.*

ПС субъект по отношению к субъекту:

- *Свекровь сушит кровь;*
- *Свекровь попьёт твою кровь.*

ПС субъект – действие – результат:

- *Свекровь в дом – все вверх дном.*

В традиционных китайских семьях невестка должна уважать свекра и свекровь и обеспечить гармонию в семье, что даже более важно, чем ее отношения с мужем. В древней китайской классике Ли Цзи «Записки о правилах благопристойности обряда свадьбы» написано: «Невестка сначала должна быть сыновней по отношению к свекру и свекрови, быть в гармонии со всеми членами семьи, затем служить мужу» [8, 页 1187]. Свёкор и свекровь должны быть на первом месте, а муж должен быть вторым. Невестка должна завоевать расположение свекрови: в случае если муж захочет развестись с женой, свекровь встает на сторону невестки. Напротив, если свекровь недовольна невесткой, независимо от того, насколько хороши отношения с мужем, невестка может быть выгнана из дома. Китайская пословица гласит: 起晚了得罪婆婆, 起早了得罪丈夫 (*qǐ wǎn le dé zuìpó po, qǐ zǎo le dé zuì zhàng fu*) – *Невестка поздно встает – обижает свекровь, а рано встает – обижает мужа.*

В Толковом словаре русского языка В. И. Даля написано: «В старину в России существовал свадебный обычай, то есть рано утром после брачной ночи свекровь бьёт невестку короткой плеткой трижды и говорит: *Это свёкрова гроза; это свекровина гроза; это мужнина гроза* (говорит свекровь, ударяя невестку слегка плеткой, на другое утро брака)»[3]. Намерение свекрови делать это – предупредить невестку о соблюдении семейной иерархии после замужества. Невестка должна не только подчиняться мужу, но и подчиняться всем родственникам, которые старше нее.

В русской культуре невестка, как и китайская невестка, должна служить свекрови. Когда появляется невестка в семье, свекровь расслабляется и сразу же перекладывает всю работу по дому на невестку. Ей нужно не только выполнять все домашние дела, которые возложила на нее свекровь, но и заботиться о муже и детях. В русском языке данный фрейм реализован следующими ПС:

ПС субъект по отношению к субъекту:

- *Сноха во двор, а свекровь за стол; сноха за пирог – свекровь за порог; свекровь снохе говорила: невестушка, полно молоть, отдохни – потолки.*

ПС субъект по статусу в семье:

- *Все в семье спят, а невестке молоть велят.*

Невестка должна хорошо служить своей свекрови. Если она не действует так, как предполагала свекровь, то не избежать побоев и обвинений. Это видно из пословиц и поговорок:

ПС субъект по статусу в семье:

- 婆打媳妇天下有 (*pó dǎ xí fù tiān xià yǒu*) – *Свекровь бьёт невестку, такое везде существует;*

[3] Даль В. И. Пословицы и поговорки русского народа. М.: ЭКСМО-пресс, 2000. Режим доступа: https://www.litres.ru/vladimir-dal/poslovicy-i-pogovorkirusskogo-naroda/read-online/page-28/ (дата обращения: 12.09.2020).

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-211-219

- 新买的猪仔放不得, 新过门的媳妇惯不得 (*xīn mǎi de zhū zǎi fàng bù dé, xīn guò mén de xí fù guàn bù de*) – *Новоприобретённых поросят выпускать нельзя, новую невестку баловать нельзя.*

После замужества русская невестка становится основной рабочей силой в семье мужа, целыми днями занимаясь домашним хозяйствами, заботясь о муже, стариках и детях. Она берет на себя всю работу по дому, работая с раннего утра до поздней ночи, но свекровь все равно всегда недовольна ею. Невестка должна следовать указаниям свекрови и действовать в соответствии с пожеланиями матери. Все это она может терпеть молча до того дня, пока не станет свекровью сама. Данные ситуации отражены в семантике русских пословиц и поговорок:

ПС субъект по статусу в семье:

- *Сноха свекрови – битая полоса; чужая сторонка без ветра сушит, свекровь-матушка без петли мучит.*

ПС субъект по отношению к субъекту:

- *Свекор – гроза, а свекровь выест глаза; кому свекровь свекровушка, а кому и свекровища.*

Русская свекровь всегда наблюдает за поведением невестки и шпионит за ней, например:

ПС субъект по характерному признаку:

- *У лихой свекрови и сзади глаза; блудливая свекровь и невестке не верит.*

ПС субъект по отношению к субъекту:

- *Свекровь на печи, что собака на цепи.*

ПС субъект – действие – субъект:

- *Помнит свекровь свою молодость и снохе не верит.*

Русская свекровь всегда на стороне своего сына, она испытывает ревность по отношению к невестке: *Свекровь злится, что невестка веселится*. Свекровь часто ругает невестку за мелочи.

Иногда свекровь не напрямую отмечает ошибки невестки, а вместо этого «указывает на тутовник, а бранит акацию». На первый взгляд свекровь ругает свою дочь, но на самом деле она предупреждает невестку: *Свекровь дочку бранит – невестке науку дает*. Сходное представление также закрепилось в китайских пословицах и поговорках: 对着女儿讲, 是让媳妇听 (*duì zheniǔ'ér jiǎng, shì ràng xí fù tīng*) – *Свекровь отругала дочь, чтобы невестка послушала* [9, 页 65]. Русская поговорка гласит: *Двум хозяйкам на одной кухне не бывать*.

Русская свекровь и невестка часто не могут договориться о семейном питании, семейном уходе и воспитании детей, между ними бывает много неразрешимых конфликтов и отчуждений.

ПС субъект по характерному признаку:

- *Свекровь – что назойливая муха;*
- *Брюзжит, как свекровь на невестку;*
- *Кукушка соловушку журит (свекровь сноху).*

Женатый сын должен тратить часть своего времени на жену. Матери больше не могут заботиться о питании и повседневной жизни своего сына, как раньше, обмен мыслями и чувствами между ними соответственно уменьшится, что неизбежно заставит свекровь чувствовать разочарование.

ПС субъект – действие – результат:

- 娶个媳妇过继出个儿 (*qǔ gè xífù guòjì chū gè ér*) – *Женитьба на невестке все равно что усыновить сына другим;*
- 娶了媳妇忘了娘 (*qǔ le xí fù wàng le niáng*) – *Сын взял жену и забыл о матери;*
- 媳妇不是婆养的, 扁担不是草长的 (*xí fù bù shì pó yǎng de, biǎn dan bù shi cǎo cháng de*) – *Невестка не воспитала свекровь, шест не сделан из травы.*

Эта пословица указывает на то, что важная причина, по которой противоречие между свекровью и невесткой трудно уладить, заключается в том, что они не связаны кровными узами, обе стороны считают друг друга чужими, что отражено в китайских пословицах.

ПС субъект по статусу в семье:

- 女儿嫁出门, 总是自家人; 媳妇抬进门, 还是外头人 (*nǚér jià chū mén, zǒngshì zì jiārén, xífù tái jìnmén, háishi wài tóu rén*) – *Дочь, которая вышла замуж, всё ещё осталась своей; а невестка, вышедшая замуж за своего сына, все ещё осталась чужой.*

ПС субъект по отношению к субъекту:

- 好性婆婆不如歹性娘 (*hǎo xìng pópo bùrú dǎi xìng niáng*) – *Злая мать лучше, чем хорошая свекровь;*
- 公公当不了生身父, 婆婆当不了自己的娘 (*gōng gong dǎng buliǎo shēng shēnfù, pópo dǎng buliǎo zìjǐ de niáng*) – *Свекор не станет родным отцом, свекровь не станет родной матерью;*
- 跟着婆婆吃肉, 不如跟着爹娘受穷 (*gēn zhe pópo chīròu, bù rú gēn zhe diē niáng shòu qióng*) – *С бедными родителями лучше, чем с богатой свекровью;*
- 媳妇公婆两条心, 要亲还是娘家人 (*xífù gōng pó liǎn tiáo xīn, yào qīn hái shi niáng jia rén*) – *У невестки и свекрови два сердца, самые близкие для невестки – свои родные.*

ПС субъект по отношению к субъекту:

- 媳妇是个锣, 到处说婆婆; 婆婆是个鼓, 逢人道媳妇 (*xí fù shì gè luó, dào chù shuō pó po, pó po shì gè gǔ, féng rén dào xí fù*) – *Невестка как гонг – везде говорит о недостатках свекрови, а свекровь как барабан – говорит о недостатках невестки;*
- 提起闺女笑盈盈, 提起媳妇牙根疼 (*tí qǐ guī nü xiào yíng yíng, tí qǐ xífù yá gēn téng*) – *Говоря о дочке, свекровь улыбается, упоминая о невестке, у нее зубы болят;*
- 河埠头讲婆母, 念佛堂讲媳妇 (*hé bù tóu jiǎng pó mǔ, niàn fó táng jiǎng xí fù*) – *Стирая на берегу, жалуются на свекровей, молясь, жалуются на невесток.*

Невестка находится под контролем свекрови, она должна выполнять самую тяжелую и утомительную работу. Невестка не только должна много работать, но и слушать оскорбления. Статус невестки дома подобен служанке. Только когда ее свекровь скончается, ее сын женится, она сможет вырваться и, наконец, ощутить, что значит быть свекровью.

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-211-219

ПС субъект по статусу в семье:

- 十年媳妇熬成婆, 三十年小渠流成河 (*shí nián xí fù áo chéng pó, sān shínián xiǎo qú liú chéng hé*) – *На десять лет невестка становится свекровью, как небольшой канал превращается в реку на тридцать лет*;
- 媳妇能忍千般气, 为的明朝当婆婆 (*xí fù néng rěn qiān bān qì, wèi de míng zhāo dāng pó po*) – *Невестка может проглотить разный гнев, чтобы в будущем стать свекровью.*

В китайском языке тёщу называют 丈母娘 (*zhàng mǔ niáng*), зятя – 姑爷 (*gū ye*). Отношения между тёщей и зятем продиктованы этическими нормами, которые нельзя игнорировать в традиционных китайских семейных отношениях.

Китайская идиома гласит: «Любя человека, нужно любить и все, что с ним связано»[4]. Тёща любит свою дочь, поэтому ей также нравится ее зять. В таких пословицах раскрывается любовь тёщи к зятю. В китайском языке данный фрейм реализован следующими ПС:

ПС субъект по статусу в семье:

- 姑爷是百年之客 (*gū ye shì bǎi nián zhī kè*) – *Зять всегда будет самым почетным гостем в доме тещи.*

ПС субъект по отношению к субъекту:

- 丈母娘看女婿, 越看越喜欢(*zhàng mǔ niáng kān nǚ xu, yuè kān yuè xǐ huan*) – *Чем больше тёща смотрит на зятя, тем больше тёще нравится он*;
- 丈母见了女婿, 好似喳窝母鸡 (*zhàng mu jiàn le nǚ xu, hǎo sì zhā wō mǔ jī*) – *Тёща при виде зятя напоминает курицу, откладывающую яйцо.*

ПС средство – действие – субъект:

- 好酒好肉待女婿, 好粪好料上庄稼 (*hǎo jiǔ hǎo ròu dài nǚ xu, hǎo fèn hǎo liào shàng zhuāng jia*) – *Хорошее вино и хорошее мясо для зятя, хороший навоз и хорошее удобрение для посева.* Эта пословица означает, что тёща предпочитает зятя, когда зять приходит в гости, она всегда угощает его хорошим вином и мясом, как фермер заботится о поле и не жалеет удобрений.

ПС субъект по действию, направленному на субъект:

- 姑爷进门, 小鸡没魂 (*gū ye jìn mén, xiǎo jī méi hún*) – *Когда зять зайдет в дом, цыпленок остолбенеет (о радушном приеме зятя);*
- 当一日闺女作一日官, 做一日媳妇坐一日监 (*dāng yīrìguī nü zuō yī rì guān, zuò yīrì xífù zuò yī rì jiān*) – *Быть дочерью – как быть чиновником, а быть невесткой – как сидеть в тюрьме.* Тёща относится к зятю лучше, чем к собственной дочери, чтобы зять обращался с дочерью вдвое лучше.

ПС субъект – действие – причина:

- 不是丈母娘看见女婿亲, 是闺女连着娘的心 (*bù shìzhàng mǔ niángkànjiànnǚxu qīn, shìguīnüliánzheniángde xīn*) – *Дело не в том, что тёща видит зятя добрым, а в том, что сердце дочери и матери связано;*
- 岳母都见女婿亲, 就怕女婿没良心 (*yuè mǔdōujiàn nǚ xu qīn, jiù pà nǚ xu méiliáng xin*) – *Все тёщи добры к зятю, но боятся, что зять бессовестный.*

В отличие от отношений свекрови и невестки, «в русской культуре отношения между тещей и зятем более интимные, чаще всего он становится почетным гостем в ее доме и вторым сыном» [10, с. 57]. В русском языке данный фрейм реализован следующими ПС:

ПС субъект по статусу в семье:

- *Зять да сват у тёщи – первые гости.*

ПС субъект по отношению к субъекту:

- *У тёщи зятёк – любимый сынок; у хорошей тёщи зять не будет тощим.*

ПС субъект по действию, направленному на субъект:

- *Зять на порог – теща за яйца;*
- *Зять на двор – пирог на стол;*
- *Придёт зять, где сметанки взять.*

ПС субъект – действие – результат:

- *Думала теща, пятерым не съесть; а зять-то сел, да за присест и съел.*

В Китае зять несет обязанность сыновней почтительности и поддержки своих родителей. В таких пословицах отражается сыновнее почтение зятя по отношению к тёще.

ПС субъект по отношению к субъекту:

- 女婿顶半个儿 (*nǚ xu dǐng bàn ge ér*) – *Зять – половина сына*;
- 半子之靠 (*bàn zǐ zhī kào*) – *Зять – опора и защита на половину для тёщи и тестя*;
- 女婿半个儿, 有事他就来 (*nǚ xu bàn ge ér, yǒu shì tā jiù lái*) – *Зять – половина сына, он сразу придет, если у тёщи будут какие-то дела.*

ПС субъект по статусу в семье:

- 乘龙快婿 (*chéng lóng kuài xù*) – *Полностью удовлетворенный зять*;
- 得婿如龙 (*dé xùrúlóng*) – *Получают зятя как дракона (обозначает, что зять полностью удовлетворен).*

В некоторых случаях невестка и зять играют большую роль, чем их собственные дети: 好儿子不如好媳妇, 好闺女不如好女婿 (*hǎo ér zi bù rú hǎo xí fù, hǎo guī nü bù rú hǎo nǚ xu*) – *Хороший сын не лучше хорошей невестки, хорошая дочь не лучше хорошего зятя.*

Зять – спутник, который сопровождает дочь на протяжении всей жизни, поэтому при выборе зятя китайские родители уделяют особое внимание его нравственности и воспитанности, а не высокому семейному положению и прочим вещам, символизирующим материальное благополучие:

- 会嫁嫁对头, 不会嫁嫁门楼 (*huì jià jià duì tóu, bù huì jià jià mén lóu*) – *Умные родители выбирают для дочери влюбленного в нее зятя, а глупые родители – могущественного зятя;*

[4] 成语大词典编委会.成语大词典. 北京: 商务印书馆国际有限公司, 2004. 页 6.

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-211-219

- 宁嫁高郎, 不嫁高墙; 高郎卧下一只虎, 高墙塌了一堆土 (*níng jià gāo láng, bù jià gāo qiáng; gāo láng wò xià yī zhī hǔ, gāo qiáng tā le yī duī tǔ*) – *Лучше выйти замуж за парня высокого роста, чем парня с высокой стеной: Высокий парень похож на тигра, когда ляжет. И просто куча земли, когда высокая стена рухнет.*

Примечательно, что в китайской культуре отношение к зятю варьируется в зависимости от возраста: 大女婿吃馒头, 小女婿吃拳头 (*dà nǚ xu chī mán tou, xiǎo nǚ xu chī quán tou*) – *Зять старшей дочери ест хлеб, зять младшей ест кулак.*

Примером оппозиции *свой – чужой* является русская пословица *Чуж – чуженин, а стал семьянин* (о зяте) и китайские пословицы:

ПС субъект по характерному признаку:

- 儿子哭是惊天动地, 姑娘哭是实心实意, 媳妇哭是浪声浪气, 姑爷哭是驴子放屁 (*ér zi kū shì jīng tiān dòngdì, gūniang kū shì shíxīn shíyì, xífù kū shì làngshēng làngqì, gūye kū shì lǘzi fàngpì*) – *Плач сына словно землетрясение, плач дочери – искренний, плач снохи наигранный, плач зятя словно выпускание ослом газов;*
- 女婿外甥是狗, 吃完了往家走 (*nǚ xu wài sheng shì gǒu, chīwánle wǎng jiā zǒu*) – *Зять и племянник – собаки, идут домой, как только поели;*
- 女婿花了丈人的钱, 毛驴吃了傍道的田 (*nǚ xu huāle zhàng rén de qián, máo lǘ chī le bàng dàode tián*) – *Зять тратит деньги тестя, словно осел ест траву в поле у дороги.*

Когда русские мужчины выбирают себе жен, некоторые из них ожидают щедрой тёщи, которая сможет дать его жене много приданого.

ПС субъект – действие – субъект:

- *Брат сестру любит богатую, а тёщу – тароватую;*
- *Муж любит жену богатую, а тёщу тороватую.*

Родители любят своих дочерей и не хотят, чтобы дочери страдали, выходя замуж за бедных зятьев: *Бедному зятю и тесть не рад*. Данные ситуации отражены в семантике следующих пословиц:

ПС субъект по действию, направленному на субъект:

- *Бери зятя в дом – неси Бога вон;*
- *Прими зятя в дом, а сам убирайся вон.*

ПС субъект по характерному признаку:

- *Зятек – покупной щеголек;*
- *Зять да шурин – черт их судит;*
- *Зять любит взять, тесть любит честь;*
- *Не зять бы был, кабы на Сырной тещу не навестил.*

ПС субъект – действие – субъект:

- *Зятек едет – на похмелье зовет.*

Русские пословицы представляют тещу как нежелательного гостя в доме зятя, в русской семье теща изначально воспринимается зятем как обуза, источник всех проблем и бед, разжигатель ссор и обид [11, с. 209].

ПС субъект по характерному признаку:

- *Тёща в дом – чёрт в дом;*
- *Теща в дом, всё вверх дном.*

ПС субъект – действие – место:

- *Был у тещи, рад утекши.*

ПС субъект по действию, направленному на субъект:

- *Теща в гости катит, зять из дома бежит;*
- *Жениться надо на сироте, дабы не обременять себя тёщей.*

«Теща уподобляется черту, то есть является символом лукавства, раздора в семье (черт – олицетворенье зла, враг рода человеческого: нечистый, черная сила, сатана, дьявол, лукавый)» [12, с. 115]. Русская теща очень любит свою дочь и будет вмешиваться в жизнь зятя и дочери. Поэтому зять ненавидит тещу и даже ругает и бьет ее: *Лучше моей тёщи нет – когда она спит*. Хотя у тещи и зятя часто возникают трения, русские пословицы все же советуют не ссориться и уважать ее [13, 页 26].

ПС средство – действие – субъект:

- *Тёщу палкой не испортишь;*
- *Чтобы тёща не каркала, купи ей сыр.*

ПС субъект – действие – результат:

- *Зять с тещею говорит день до вечера, а послушать нечего.*

Приведённые пословицы свидетельствуют о том, что русский зять более снисходителен к своей теще, хотя также выделяется сема *негативное отношение*, но признак «смерть, как счастливое избавление от тещи» находится на крайней периферии поля [13].

С древних времен в Китае существует брачный обычай Чжаочжуй «赘 – взять в дом зятя», который означает, что женщина несет ответственность за брак и другие расходы. После свадьбы мужчина живет в доме женщины, но такая ситуация не очень распространена. По сравнению с традиционным браком, брак Чжаочжуй «взять в дом зятя» имеет следующие характеристики: во-первых, женщина выходит замуж, и муж живет в ее доме, во-вторых, цель брака Чжаочжуй «взять зятя в дом его жены» – унаследовать родословную от женской семьи. Обычно мужчина делает такой выбор, когда у него нет денег, поэтому он имеет низкий статус в семье жены [14, 页 146].

ПС субъект по статусу в семье:

- 男儿无志气, 上门当女婿 (*nán' ér wú zhì qì, shàng mén dāng nǚ xu*) – *Мужчина не имеет устремления и становится примаком* (зять, живущий в доме жены);
- 上门当女婿, 早晚怄闷气 (*shàng méndāngnǚxu, zǎo wǎndòumènqì*) – *Примак с утра до вечера дуется*;
- 无钱的人上门做女婿, 受她娘儿母子的气 (*wú qián de rén shàng mén zuò nǚ xu, shòu tā niáng ér mǔ zǐ de qì*) – *Бедный мужчина идёт в примак и терпит обиды тёщи и шуринов.*

ПС субъект по отношению к субъекту:

- 灯盏无油靠月亮, 家里无儿靠女婿 (*dēng zhǎn wú yóu kào yuè liang, jiāli wú ér kào nǚ xu*) – *Масляные лампы без масла полагаются на Луну, семья без сына – на зятя.*

Пословица в китайском языке гласит: 小姑贤, 婆媳亲; 小姑不贤乱了心 (*xiǎo gū xián, pó xí qīn; xiǎo gū bù xián luàn le xīn*) – *Младшая золовка добродетельна, и свекровь с невесткой*

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-211-219

близка, младшая золовка недобродетельна, и свекровь с невесткой враждебна друг к другу. Действительно, в реальной изни существует много разногласий между невесткой и золовкой. Согласно китайскому традиционному этикету, если невестка старше золовки, то младшая золовка должна уважать старшую невестку так же, как и уважать старшего брата. Невестка тоже должна любить свою младшую золовку, как муж любит свою младшую сестру, как гласит пословица: *старшая невестка как мать* [15, 页 22]. На самом деле в большой китайской семье невестка с золовкой часто не ладят друг с другом. В китайском языке данный фрейм реализован следующими ПС:

ПС субъект по статусу в семье:

- 大姑大似婆, 小姑赛阎罗 (*dà gū dà sì pó, xiǎo gū sài yán luó*) – *Старшая золовка – свекровь, младшая золовка – Ямараджа*;
- 女儿可以讲话, 媳妇总能听话 (*nǚ'ér kěyǐ jiǎnghuà, xífùzǒng néngtīng huà*) – *Дочь имеет право говорить в семье, а невестка может только подчиняться (слушаться)*.

ПС субъект по отношению к субъекту:

- 两姑之间难为妇 (*liǎng gū zhījiān nán wei fù*) – *Невестка находится под давлением с обеих сторон – от старшей и младшей золовки*.

ПС субъект по признаку:

- 十个小姑九不贤 (*shí gè xiǎo gū jiǔ bù xián*) – *Девять из десяти младших золовок злые*.

ПС субъект – действие – результат:

- 大姑子多婆婆多, 小姑子多舌头多 (*dà gū zi duō pó po duō, xiǎo gū zi duō shé tou duō*) – *Много старших золовок словно много свекровей, много младших золовок – к критике*;
- 妯娌多了是非多, 小姑多了麻烦多 (*zhóu li duō le shìfēi duō, xiǎo gū duō le má fan duō*) – *Много невесток – много проблем, много младших золовок – к критике*.

ПС субъект – действие – субъект:

- 大姑小姑, 气破肚肚 (*dà gū xiǎo gū qìpò dù dù*) – *Если старшие и младшие золовки вместе, то они злятся*.

ПС субъект – действие – результат:

- 巷里娶个好嫂嫂, 大姑小姑都学好 (*xiàng lǐ qǔ gè hǎo sǎo sao, dà gū xiǎo gū dōu xué hǎo*) – *Хорошая невестка служит примером и для старших, и младших золовок*.

Свекровь обладает властью хозяина и занимает высшее положение в семье. Невестка ей подчиняется, она должна тщательно обслуживать не только свекровь, но и золовку, чтобы золовка не пошла к свекрови ее критиковать. Возможно, то, что расскажет золовка, повлияет на ее судьбу. Следовательно, замужество золовки – освобождение для невестки.

ПС субъект по действию, направленному на субъект:

- 小姑出嫁嫂欢喜 (*xiǎo gū chū jià sǎo huān xǐ*) – *Младшая золовка выходит замуж, чему радуется ее невестка*;
- 拔了萝卜田地宽, 嫁了小姑嫂心宽 (*bále luóbo tiándì kuā, jiàle xiǎo gūsǎo xīn kuān*) – *Редьку вытащили и поле широким стало, младшая золовка вышла замуж, невестка радостная в душе стала*.

Когда золовка вышла замуж, свекровь становится старше, невестка, наконец, становится хозяйкой. Отношения между ними меняются на противоположные. Пословицы также описывают положение золовки в семье в это время, например: 姑娘本是堂前客, 嫂子才是当家人 (*Gū niáng běn shì táng qián kè, sǎo zi cái shìdāng jiārén*) – *Вышедшая замуж золовка – гость в семье, а её невестка – хозяйка* (***ПС субъект по отношению к субъекту***).

Более высокое положение в семейной иерархии занимают золовки. Именно через золовку невестки добивались расположения свекрови, но, с другой стороны, именно они проявляли враждебность к невесткам. Данный фрейм в русском языке реализован следующими ПС:

ПС субъект по признаку:

- *Золовка хитра на уловки;*
- *Золовка – змеиная головка;*
- *Золовка – зловка; золовка – колотовка; золовка – мутовка;*
- *Золовки-колотовки, побей головки.*

ПС субъект по отношению к субъекту:

- *Мы не в лиху сноху: что бог подаст, то и людям (так говорят золовки);*
- *Золовушкины речи репьем стоят.*

«Образ женщины, никогда не выходившей замуж (старой девы) в русском народном сознании отрицателен: *Собаку не держи в доме, если есть вековуха*; *Ничего нет злей весенней мухи и девки вековухи*» [16, с. 50].

Заключение

Сопоставительное исследование показало, что моделт поведения каждого члена семьи, заложенная в пословицах и поговорках, взаимоотношения членов семьи и сообщества в русском и китайском языках в целом во многом схожи, но есть и различия, паремии отражают народные представления о семейно-бытовом укладе жизни, традиции и обычаи носителей языка, обладают огромным когнитивным потенциалом, передают культурный опыт и знания.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Литература

1. Абдуллаева Ф. Э., Го Л. Специфика семейных отношений между представителями некровного родства: «свекровь-невестка», «тёща-зять», «золовка-невестка» (на материале пословиц русского китайского и телеутского языков) // Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири: мат-лы III Всерос. науч.-практ. конф. (Абакан, 16–17 мая 2019 г.) Абакан: Хакас. гос. ун-т им. Н. Ф. Катанова, 2019. С. 65–67.

BULLETIN
Kemerovo State University
https://vestnik.kemsu.ru
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-211-219

2. Го Л., Абдуллаева Ф. Э. Пропозиционально-фреймовый анализ семантики пословиц в русском и китайском языках (на материале фрейма *отец – сын*) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 4. С. 1061–1068. DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-4-1061-1068
3. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. 397 с.
4. Араева Л. А., Ли С. И. Метод пропозиционально-фреймового моделирования в обучении иностранным языкам // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2019. Т. 18. № 1. С. 187–195. DOI: 10.15688/jvolsu2.2019.1.16
5. Араева Л. А. Мир во фразеологизмах мира // Слово. Текст. Время XII. «Фразеология в идеолексии и системе славянских языков. К 200-летию Тараса Шевченко». Szczecin, Greifswald, 2014. С. 15–23.
6. Минский М. Фреймы для представления знаний. М.: Энергия, 1979. 152 с.
7. 仁孝文皇后徐氏. 内训. (明). Режим доступа: https://www.jinchutou.com/p-18315941.html (дата обращения: 15.12.2020).
8. 孔丘等. 胡平生, 张萌译. 礼记. 北京: 中华书局, 2017. 1234 页.
9. 张璐. 俄汉谚语中女性形象的对比研究. 哈尔滨工业大学硕士论文. 哈尔滨, 2018. 87 页.
10. Соболева Т. Е., Ломоносова Ю. Е. Объективизация аксиологического концепта «родственные отношения» в русской и французской языковых картинах мира // Евразийский союз ученых. 2015. № 3-6. С. 55–57.
11. By Т. Ф. Т. Семейные ценности в рекламных текстах в национально-культурном аспекте // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 4. С. 206–210.
12. Карташова Е. Н. Образ тёщи в произведениях В. М. Шукшина // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 2. С. 114–118.
13. 陈赟. 谚语中女性家庭角色的定型研究. 东北师范大学硕士论文. 长春, 2015. 56 页.
14. 王歌雅. 社会性别与招赘婚姻 // 黑龙江社会科学. 2009. 页 146–148.
15. 高玉霞. 谚语中的中国传统家庭伦理关系透视. 河北大学硕士论文. 保定, 2007. 43 页.
16. Глотова Е. А. Семья в русском национальном сознании // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2014. № 3. С. 47–50.

original article

Reflection of Family Relations in the Russian and Chinese Languages (Based on Frames *husband's mother – daughter-in-law, wife's mother – son-in-law, husband's sister – sister-in-law*)

Li Hong Guo
Qiqihar University, China, Qiqihar city
guolihong2477@126.com
https://orcid.org/0000-0002-7615-0369

Received 8 Feb 2021. Accepted 22 Mar 2021.

Abstract: Propositional frame-based modeling is one of the most effective methods of cognitive linguistics. This method considers the interaction between the semantic and cognitive aspects of units of two typologically different languages, e. g. Russian and Chinese, in order to study the way language structures and reflects human knowledge and experience. Propositional structures are the same for all languages, but they are implemented differently in every language. The authors used the propositional frame-based analysis to identify universal and specific aspects in the semantics of proverbs based on frames *husband's mother – daughter-in-law, wife's mother – son-in-law and husband's sister – sister-in-law*, which are important fragments of the Russian and Chinese linguistic world view. The cognitive potential of paroemiological units is enormous: proverbs reflect historical, cultural, linguistic, and extralinguistic cognitive experience. The propositional-frame analysis of the semantics of Chinese and Russian proverbs made it possible to distinguish the following logical-thematic classification: 1) features of the character and behavior of each relative; 2) the relationship between mother-in-law and daughter-in-law, mother-in-law and son-in-law, between sisters-in-law; 3) the family status of the mother-in-law, daughter-in-law, mother-in-law, son-in-law, and sister-in-law; 4) family traditions, way of life; 5) sources of family conflicts; 6) ways of solving conflict situations.
Keywords: linguistic world view, frame, propositional structure, proposition, kinship, Russian, Chinese

© 2021. The Author(s). This article is distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-211-219

Citation: Guo L. Reflection of Family Relations in the Russian and Chinese Languages (Based on Frames *husband's mother – daughter-in-law, wife's mother – son-in-law, husband's sister – sister-in-law*). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(1): 211–219. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-211-219

Conflicting interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

References

1. Abdullayeva F. E., Guo L. The specifics of family relations between in-laws: "mother-in-law – daughter-in-law", "mother-in-law – son-in-law", "sister-in-law – daughter-in-law" (as in the case of paroemia of the Russian, Chinese, and Teleut languages). *Preservation and development of languages and cultures of indigenous peoples of Siberia*: Proc. III All-Russian Sci.-Prac. Conf., Abakan, 16–17 May 2019. Abakan: Khakas. gos. un-t im. N. F. Katanova, 2019, 65–67. (In Russ.)
2. Guo L., Abdullayeva F. E. Propositional frame-based analysis of the semantics of proverbs in Russian and Chinese languages (based on frame father – son). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(4): 1061–1068. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-4-1061-1068
3. Humboldt V. von. *Selected works on linguistics.* Moscow: Progress, 1984, 397. (In Russ.)
4. Araeva L. A., Li S. I. The method of the propositional framem in teaching a foreign language. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie*, 2019, 18(1): 187–195. (In Russ.) DOI: 10.15688/jvolsu2.2019.1.16
5. Araeva L. A. Peace in phraseological units of the world. *Word. Text. Time XII. "Phraseology in ideolexy and the system of Slavic languages. To the 200th anniversary of Taras Shevchenko"*. Szczecin, Greifswald, 2014, 15–23. (In Russ.)
6. Minskiy M. *Frames for presentation of knowledge.* Moscow: Energiia, 1979, 152. (In Russ.)
7. The Queen of Ren Xiaowen Xu Family. *Internal training.* (Ming Dynasty). Available at: https://www.jinchutou.com/p-18315941.html (accessed 15 Dec 2020). (In Chin.)
8. Translated by Hu Pingsheng and Zhang Meng. *The Book of Rites*. Beijing: Zhonghua Book Company, 2017, 1234. (In Chin.)
9. Zhang Lu. *A comparative study of female images in the Russian and Chinese proverbs.* Master Thesis of Harbin Institute of Technology. Harbin, 2018, 87. (In Chin.)
10. Soboleva T. E., Lomonosova Yu. E. Objectification of the axiological concept of "family relations" in the Russian and French language worldviews. *Evraziiskii Soiuz Uchenykh*, 2015, (3-6): 55–57. (In Russ.)
11. Vu T. P. T. The national cultural view on family values reflected in advertising texts. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 2012, (4): 206–210. (In Russ.)
12. Kartashova E. N. The image of mother-in-law in the works by V. M. Shukshin. *Nauchnyi vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitelnogo universiteta. Seriia: Lingvistika i mezhkulturnaia kommunikatsiia*, 2016, (2): 114–118. (In Russ.)
13. Chen Yun. *Research on the stereotypes of female family roles in proverbs.* Master's Thesis of Northeast Normal University. Changchun, 2015, 56. (In Chin.)
14. Wang Geya. Social Gender and Recruiting Marriage. *Social Sciences Heilongjiang*, 2009, 146–148. (In Chin.)
15. Gao Yuxia. *Perspective of Chinese traditional family ethical relationship in proverbs*. Master's Thesis of Hebei University. Baoding, 2007, 43. (In Chin.)
16. Glotova E. A. Family in Russian national consciousness. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniia*, 2014, (3): 47–50. (In Russ.)

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-220-228

оригинальная статья
УДК 81'22:119

Юридический дискурс как многомерный интегративный феномен и юрислингвистика как синкретическая наука

Александр Леонидович Дединкин
Витебский филиал Международного университета «МИТСО», Республика Беларусь, г. Витебск
alexanderdedinkin@yandex.by

Поступила в редакцию 19.02.2021. Принята к печати 29.03.2021.

Аннотация: Дискурс рассматривается как сложное коммуникативно-деятельностное явление, в рамках которого выделяется юридический дискурс со специфическими характеристики. Он показан как интегративный феномен, требующий активного участия ряда наук, прежде всего, юриспруденции и лингвистики. Цель – установить составляющие части данного дискурса, включающего в себя не только тексты законов и научной литературы на юридические темы, других правовых документов, но и целый ряд других текстов; а также предложить юрислингвистику как обобщающую дисциплину для исследования взаимодействия языка и права. В ходе анализа было установлено, что четкую грань между юридическим и другими типами дискурса провести сложно. Для юридического (правового) дискурса характерны унифицированные субъекты, процедуры, обстоятельства и т. д., обезличенность, т. е. отсутствие указаний на адресата и адресанта, обилие безличных глагольных форм и безличных конструкций. Правовые тексты в большинстве своем лишены национальной маркированности, а лексика имеет эквиваленты в других языках. В статье впервые был обозначен набор текстов, из совокупности которых состоит юридический дискурс – это тексты законов, указов, научной литературы на юридические темы, другие правовые документы, судебные тексты, тексты допросов, адвокатские речи, экспертные заключения и другие аналогичные тексты. И хотя у юридического дискурса и юридической лингвистики – разные предметы и задачи исследования, но объект один – взаимодействие языка и права, что и позволяет их объединить. Юрислингвстика – это интегративная наука, сложившаяся при взаимодействии усилий и интересов лингвистики и теории права, но при этом в ней широко используются научные достижения целого ряда наук – философии, психологии, социологии, этики, лингвокогнитологии, прагмалингвистики, лингвоконфликтологии и др.

Ключевые слова: интегративность, правовая коммуникация, лингвистическая экспертиза, правовое речеведение, юридический язык

Цитирование: Дединкин А. Л. Юридический дискурс как многомерный интегративный феномен и юрислингвистика как синкретическая наука // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 1. С. 220–228. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-220-228

Введение

Дискурс – сложное коммуникативно-деятельностное явление, словами Н. Д. Арутюновой, это «текст, погруженный в жизнь» [1, с. 3], поэтому, кроме самого текста, дискурс включает в себя не только автора, творящего данный текст, но и ситуацию общения (время, место, условия), и воспринимающего – его опыт, установки и ценности. Сам дискурс изначально интегративен, что доказывается фактом создания его теории специалистами различных областей знания: Э. Бенвенист (лингвист), Режин Робен (историк), Д. Гоулднер (политик и социолог), М. Фуко (философ), А.-Ж. Греймас (семиотик) и др. Сейчас вместе с лингвистами исследованием дискурса занимаются политологи, социологи, психологи, специалисты по идеологии, этнографы, семиотики, философы, юристы. Работая с таким объектом, как дискурс, мы понимаем, что исполнилась мечта Э. Сепира о преодолении главного подхода XX в. – системно-структурного языкознания: «Остается лишь надеяться, что лингвистика осознает важность своего предмета изучения для общего развития наших знаний о мире и не останется в стороне, прикрывшись традицией, которая рискует стать схоластической, если ее не оживить обращением к областям, лежащим за пределами формального изучения собственно языка» [2, с. 74]. Он написал эти слова еще в первой трети XX в., но только сейчас лингвисты осознали возможности своей науки, которая стала методологической для значительного числа гуманитарных областей знания [3].

В XXI в. лингвистика стала телеономной. Под телеономностью мы понимаем такую методологию гуманитарного знания, в которой присутствует целесообразность, каузативность, т. е. полученные знания способны создать некую причинно-объяснительную конструкцию, а не просто фиксировать и анализировать отдельные факты языка, даже такие сложные, как, например, модальность, видо-временные формы глагола и т. д. Чтобы получить причинно-объяснительную конструкцию, нужны коллективные

© 2021. Авторы. Статья распространяется на условиях международной лицензии CC BY 4.0

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-220-228

действия различных специалистов, потому что причины того или иного языкового явления могут корениться в области интересов других наук, например, ответ на причины молчания в диалоге находим в философии у М. Бубера. Поэтому без междисциплинарного осмысления почти любой сложной проблемы обойтись невозможно. Нужна интеграция результатов исследования одних и тех же проблем разными науками, что позволит решить многие теоретические и практические задачи.

Оказалось, что именно в юриспруденции работы для широко мыслящих лингвистов – непочатый край. И хотя у юридического дискурса и юридической лингвистики (с ее составляющими – лингвоэкспертологией, правовым речеведением и др.) – разные предметы и задачи исследования, но объект один – область взаимодействия языка и права, что и позволяет их объединить в одном исследовании. Более того, речь в статье идет о консолидации результатов разных наук, а здесь, по большому счету, разные области знания об одном – о роли языка в оформлении и функционировании правовых текстов (в широком смысле).

Цель статьи – установить составляющие части данного дискурса, включающего в себя не только тексты законов и научной литературы на юридические темы, другие правовые документы, но и судебные тексты, тексты допросов, адвокатские речи, экспертные заключения и другие аналогичные тексты. Сопутствующие задачи: показать, что юридический дискурс есть сложный многомерный феномен, требующий для своего исследования подключения разных наук – от теории права и лингвистики до психологии, философии, социологии и ряда других наук; предложить юрислингвистику как обобщающую дисциплину для исследования взаимодействия языка и права.

Методы и материалы. Приоритетными методами исследования явились дискурсивные методы и приемы анализа юридического текста; традиционные общенаучные методы – наблюдение, описание и теоретическое осмысление материала. В работе используются описательный метод, проводится системная интерпретация фактологического материала. Материалом явилась совокупность текстов правовой жизни в Республике Беларусь.

Юридический дискурс: понятие и характеристики

Юридический дискурс – это связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами, т. е. текст в событийном аспекте в его совокупности и взаимодействии с нормами права.

Поскольку юридический дискурс – сложное и многомерное явление, он может быть исследован, прежде всего, с интегративных позиций. Во-первых, юридический дискурс следует анализировать с точки зрения психологии и коммуникативной лингвистики как коммуниативно-деятельностное явление [4; 5]. Это один из наиболее популярных и продуктивных в современной науке подходов, основоположником которого, наряду с А. Н. Леонтьевым, А. Р. Лурия и др., стал Е. В. Сидоров – он считает, что в результате языковой действительности человека возникают вербальные тексты, требующие своего осмысления и понимания [6, с. 6]. Поэтому в анализ нужно включать имеющуюся в тексте информацию адресата: он соотносит описываемое с реальным или ментальным миром, устанавливает функциональную перспективу (тему высказывания, т. е. то, о чем говорится, и рему – то, что говорится о теме) и т. д. При этом неминуемы собственное видение описанного и собственные оценки. Следовательно, при анализе юридического дискурса важнейшим является интерпретирующий подход.

Во-вторых, сам юридический дискурс, являясь многомерным и многогранным явлением, есть интегративный феномен. Фактически – это совокупность текстов, в которых отражаются нормы и правила проживания и поведения в обществе. Современные исследователи (например, Д. Н. Шлепнев) выделяют первично прескриптивные (законы, распоряжения, договоры), смешанные тексты, в большинстве своем дескриптивные, но в них есть и прескриптивные элементы (иски, заявления), и дескриптивные (учебная литература) [7]. Это функциональный подход, но мы применяем и чисто системно-структурный анализ, используемый для классификации текстов, составляющих юридический дискурс – тексты указов, законов, судебных лингвистичеких экспертиз, научные тексты на юридические темы и т. д.

К сегодняшнему дню существует целый ряд работ по интересующей нас проблеме, например, работы М. Фуко, И. В. Плашевской и др., защищено довольно много диссертаций – Т. В. Дубровской, Л. В. Колесниковой, Ю. В. Косоноговой, Е. И. Крапивкиной, А. А. Мирошниченко, Л. Е. Поповой и др.

Анализ существующей литературы позволил нам так охарактеризовать данный тип дискурса. Юридический дискурс, как и дискурс другого типа, нельзя отождествлять с фразой, языком, текстом, высказыванием, хотя все названные понятия тесно взаимосвязаны. Если дискурс вообще социально и культурно-исторически обусловлен, то в обусловленности юридического дискурса отсутствует культурная составляющая. Он обусловлен законами государства, а не конкретного народа, входящего в это государство. Это язык (текст) в действии, включающий в себя экстралингвистические факторы, отсюда его процессуальность, на первый план выступают признаки дискурса как процесса, а также интеракциональность – его обусловленность социальной ситуацией. Поэтому можно говорить о влиянии на юридический дискурс не только внутренних, но и внешних факторов, определяющих назначение, основные мысли и смысловую нагрузку самого текста как формы представления дискурса.

Важнейшей функцией юридического дискурса является установление и поддержание стабильных отношений в социуме через законы и нормы, выработанные в обществе [8; 9].

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-220-228

К юридическому дискурсу можно отнести все речевые высказывания, которые связаны с юриспруденцией [10]. Четкую грань между юридическим и другими типами дискурса провести сложно. Например, бытовой разговор на юридические темы имеет целый ряд признаков и бытового, и юридического дискурсов. Следовательно, юридический дискурс связан с другими дискурсами.

Отдельные юридические (в широком понимании) тексты – это письменное представление и эмпирическая база для описания юридического дискурса.

Для юридического (правового) дискурса характерны унифицированные субъекты, процедуры, обстоятельства и т. д. Схожесть основных категорий обуславливает тот факт, что правовые тексты в большинстве своем лишены национальной маркированности, а лексика имеет эквиваленты в других языках. Одной из характерных черт юридического текста является его обезличенность, т. е. отсутствие указаний на адресата и адресанта (на структурно-морфологическом и синтаксическом уровнях, о чем свидетельствуют безличные глагольные формы, безличные и пассивные конструкции, чрезвычайно сложная структура предложений). При этом правовой дискурс не имеет резко очерченных границ: многие его характерные черты являются либо универсальными для многих видов, либо встречаются хотя бы в двух типах. В юридических текстах должно обязательно содержаться указание на необходимость выполнения определенных действий или, наоборот, запрещение каких-то действий, а сама иллокуция в юридическом тексте имеет статус правовой нормы, обязательной для исполнения.

Все юридические тексты направлены на адресата (общество), в них указаны формы и нормы поведения, предписываемые личности и обществу в целом. Юридический текст – это коммуникативное событие, происходящее между государством и народом, обществом (как в дискурсе власти), а не говорящим и слушающим, как в других видах дискурса. Поэтому в юридическом дискурсе часто содержится прямой приказ, выраженный с помощью императива, а сами высказывания, как и полный текст, относятся к побудительным. При всей динамичности и процессуальности дискурса вообще юридический дискурс отличается консервативностью, т. к. законы опираются на длительные традиции, обычаи, стереотипное коммуникативное поведение. Поскольку адресант – государство (люди, создающие законы), то само тело текста (текст как таковой) имеет гораздо большее значение в триаде *автор (адресант) – текст – адресат (член общества)*. Юридический текст не может быть истолкован свободно и индивидуально-личностно, как текст в художественном дискурсе, потому что законодательные акты, нормы и правила, сформулированные в законах и предписаниях юридического дискурса, не могут толковаться многозначно, иначе бы это привело к развалу государства и общества.

Несмотря на консервативность в юридическом дискурсе действуют те же законы, что и в любом другом дискурсе: его нужно воспринимать и истолковывать в определенном временном, пространственном и прочих контекстах. Это коммуникативное действие может быть речевым или письменным, иметь вербальные и невербальные составляющие. Но конкретная ситуация, в которой функционирует юридический дискурс, накладывает отпечаток на поведение обеих сторон. Например, в ситуации конкретного суда аргументация прокурора или адвоката может в определенной степени повлиять на решение суда, хотя законы, на основании которых выносится приговор, неизменны.

Функции юридического дискурса тоже отличаются: если иным видам присуща многофункциональность, то юридическому – суггестивная (информационно-воздействующая) функция.

Существует много научных текстов, которые также можно отнести к юридическому дискурсу. Например, научные тексты о жанрах юридического дискурса – жанр допроса, жанр обвинительного заключения, жанр адвокатской речи, жанр судебных прений и др.

Много работ посвящено правовым идеологемам, под которыми ученые понимают «совокупность лексических и грамматических средств, которые объединены определенным юридическим мировоззрением и целевой установкой на передачу и хранение правовой информации» [11, с. 78]. Т. В. Губаева выделяет четыре разновидности правовой идеологемы: словоупотребление в процессах общения законодателя с гражданами посредством правовых установлений (слово в правотворчестве); словоупотребление в процессах общения специалистов при объяснении и обосновании правовых норм (слово в юридической науке); словоупотребление в процессах массового общения с целью правового воспитания личности (слово в правовоспитательном процессе); словоупотребление в ходе реализации права – в процессах использования, соблюдения и применения правовых норм (слово в юридической практике) [11, с. 78–79]. Данный подход чрезвычайно важен для исследования юридического дискурса, т. к. кроме юридических аспектов охватывает и ряд языковых проблем. А мы знаем, что через язык право воздействует на сознание людей, способствует тому, чтобы они вели себя должным образом, предписываемым законом, поэтому норма правового документа обязательна для исполнения.

Выявление критериев и важнейших категорий юридического дискурса плохо разработано на сегодняшний день. Часто классификации, созданные разными авторами, не просто различаются, но противоречат друг другу. Изучив соответствующую литературу, мы склонны выделять следующие категории-характеристики данного дискурса: чаще всего юридические тексты выражены в письменной форме; имеют ясную структурную оформленность, т. е. довольно четкое деление текстов на отдельные статьи, в форме которых оформляются законы; они имеют смысловую завершенность, логичность и последовательность изложения, тематическое и стилистическое единство. При этом тематика юридического дискурса довольно

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-220-228

ограничена: государство, право, преступление, наказание, вина, ответственность, судимость, экстремизм и др.

Вследствие того, что тексты юридического дискурса хорошо формализованы, в них много стереотипных, стандартных формулировок, клише при изложении юридических документов. С точки зрения стиля, для этих текстов характерен официальный характер написанного.

Характеристика языка требует особого рассмотрения, что будет сделано далее. Но особо нужно отметить абстрактность категорий юридического языка и их системность.

Таким образом, юридический дискурс обладает следующими характеристиками: 1) консервативность, т. е. относительная стабильность юридического дискурса; 2) преимущественно письменная форма, абстрактность и нейтральность языка, а с другой стороны, конкретность, свидетельствующая о том, что юридический дискурс существует в реальном правовом пространстве и времени; 3) системность – все элементы юридического дискурса объединены в систему, которой присуще тематическое и стилистическое единство; 4) смысловая завершенность, логичность и последовательность изложения, 5) целостность – юридический дискурс воспринимается как единое целое.

Специфика языка юридического дискурса

Поскольку содержание юридического дискурса, учитывая его чрезвычайную важность, исключает любую двусмысленность, в языке дискурса должны быть по возможности исключены многозначные слова. В большинстве работ он рассматривается как средство реализации закона, поэтому он может рассматриваться как средство оценки правонарушения, и одновременно является субъектом преступной деятельности (о «преступных действиях языка» еще в конце 1980-х гг. прошлого века писала Н. Д. Арутюнова [12, с. 3]).

Одним из ключевых типов отношений, связывающих лингвистику и юриспруденцию, является то, что «язык выступает как объект правового регулирования» [13, с. 31; 14] и исследуется в этой связи в рамках правовых аспектов коммуникации.

В работах современных юрислингвистов к специфическим особенностям языка юридического дискурса относятся нейтральность стиля изложения, выражающаяся в отсутствии экспрессивных языковых средств, оценочности, эмоциональности, и обилие терминов в лексическом составе документов [15; 16]. Следовательно, язык юридического дискурса ориентирован на логическое восприятие.

Лексические единицы, используемые в юридическом дискурсе, обычно употребляются в своих прямых значениях; слова, имеющие оценочные, эмоциональные, экспрессивные созначения (коннотации), не употребляются. Стилистически окрашенные, устаревшие, многозначные слова и выражения, образные сравнения, эпитеты, метафоры практически не используются в юридическом дискурсе, поэтому стиль изложения получается спокойным и сухим. Даже если описываются самые страшные преступления, они должны быть представлены в нейтральном стиле.

Значения слов при употреблении в юридическом дискурсе могут расширяться или сужаться по сравнению со значениями слов в обычных словарях языка. В языке юридического дискурса пассивные формы глаголов преобладают над активными, отсутствуют слова в переносном значении, разговорная и жаргонная лексика и т. д. Абстрактные лексемы обладают большой зоной вариативности (*достаточный, исключительный случай, надлежащее, иной, определенный*).

Из-за синтаксически сложного построения предложения юридического дискурса, избежать которого невозможно, предложения могут быть поняты неоднозначно. Для того чтобы такое случалось как можно реже, сознательно вводится достаточно простой синтаксис: например, в предложениях определение должно быть рядом или очень близко к определяемому слову. Рассмотрим пример из Гражданского Кодекса Республики Беларусь, размещенного на Национальном правовом Интернет-портале РБ, в котором подчеркнули рядом стоящие определения с определяемым словом: *Гражданское законодательство – система нормативных правовых актов, которая включает в себя нормы гражданского права*[1]. При этом определение в правовом дискурсе часто сливается с определяемым словом, образуя с ним термин: *гражданское законодательство* и др. Такая структура предложений вкупе с обилием терминов делает минимальной смысловую неопределенность.

Особое значение при анализе языка юридического дискурса должно уделяться терминологии, поскольку юридическая терминология образует идейно-смысловой центр юридического дискурса. Это достаточно интересный исследовательский материал, он имеет ряд особенностей, многие из них уже описаны [17].

Поскольку накопление информации в любой науке не останавливается, а находится в стадии развития, пополнения, то динамично развивается и ее терминологический аппарат. Так и в юрислингвистике постоянно образуются новые термины. Например, в следующей фразе почти все слова терминологичны: *Наказание является принудительной мерой уголовно-правового воздействия, применяемой по приговору суда к лицу, осужденному за преступление, и заключающейся в предусмотренных законом лишении или ограничении прав и свобод осужденного*[2]. Слова обыденного языка становятся здесь терминами: *наказание, принудительная мера, уголовно-правовое воздействие, приговор, лишение прав и свобод, осужденный* и др.

Как известно, особую строгость языку придает терминология. Термин – это языковой знак более высокого уровня абстракции, чем обычное слово или словосочетание.

[1] Гражданский Кодекс Республики Беларусь от 07.12.1998 № 218-З. Принят Палатой представителей 28.10.1998. Одобрен Советом Республики 19. 11.1998.
[2] Там же. Ст. 47.

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-220-228

Термин относится к специальной лексике; он выражает понятие в определенной области знания. Как видно из приведенного нами примера, на обычное слово *наказание* наслаивается дополнительное специальное значение – *мера воздействия за преступление*. Это слово превращается в термин, знак второго порядка, в котором исходное слово перекодируется, превращаясь в метаязыковой знак. Аналогичным способом слова перекодируются и при трансфере их в другие области науки. Если, например, В. З. Демьянков называет этот процесс трасферизацией, то А. В. Суперанская – транстерминологизацией. Слово *транс-* обозначает движение через какое-то пространство, пересечение его. А само слово *трансфер* в переводе с французского означает *переносить, переводить*. В данном случае – это движение обыденного языка в язык юриспруденции, а может быть еще переход из одного научного пространства в другие. В юридической терминологии трансфер терминов – достаточно частотное явление.

Лингвистам хорошо известно, что существует различие между словом в словаре и в сфере его функционирования. *Мягкий* – о погоде, о воде, о характере (кроткий), замечание в мягкой форме, не очень строгий (о приговоре) и т. д. Как видим, данная лексема может быть использована и в юридическом языке, но при этом ее значение ограничивается, т. к. функционирует только одно из значений лексемы – *нестрогий*. Для юридических терминов сфера фиксации – это не только юридические словари, но и тексты законодательных актов. Например, глагол *укрыть* по словарю имеет позитивное созначение *спрятать, защитить*, а юридический термин *укрывательство* – это общественно опасная деятельность. В юридическом дискурсе много терминов из общелитературного языка: *неосторожность, вина* и т. д. С ними при проведении экспертизы нужно быть особенно осторожными. Необходимо также учитывать лингвистическое несовершенство нашего законодательства.

В большинстве своем юридические термины являются составными и включают в себя оценочные компоненты, но при этом сохраняют нейтральность в значении: *отягощающие обстоятельства, множественность преступления, насильственные действия* и др. Большинство юридических терминов (как и терминов других наук) имеют одно значение, но встречаются и многозначные термины: *лицензия – 1) выдаваемое специально уполномоченным органом государственного управления или местного самоуправления разрешение на осуществление видов деятельности, которые в соответствии с действующим законодательством подлежат лицензированию; 2) разрешение на использование изобретения промышленного образца, полезной модели или другого технического достижения, представляемое на основании лицензионного договора либо судебного или административного решения компетентного государственного органа* [18, с. 42].

Юридическая терминосистема находится в постоянной динамике, потому что она, как и терминосистема любой науки, стремится к более точному обозначению юридических понятий, к избавлению от многозначности. В этом отношении очень активны словообразовательные процессы: так, от слова *наказание* образуется целая цепочка терминов: *наказуемость, наказуемый*; многие цепочки терминов отличает труднопроизносимость, т. е. фонетическое неблагозвучие: правоспособность, правоприменение, правоприемлемость и др. Это один из крупных недостатков именно юридической терминологии, в которой в одном термине может быть несколько приставок или суффиксов одновременно: *довзыскание* (две приставки *до-* и *вз-*). Часто в юридической и юрислингвистической терминологии встречаются составные термины, содержащие сравнение, оценку – *более мягкий вид наказания* и др. А мы знаем, что это недопустимо в терминологической системе науки. Таким образом, можно говорить о несовершенстве не только юрислингвистической, но и юридической терминологии.

Юрислингвистика как наука о взаимодействии языка и права

Поскольку образовался особый объект исследования, особая область интереса лингвистов, стали говорить о формировании самостоятельной науки – юрислингвистики, которая возникла в результате сложного взаимодействия юридического и лингвистического аспектов [19–21]. Однако юрислингвистика не ограничилась областью знаний языкознания и правоведения, а включила в себя ряд сведений из других наук – психологии, социологии, философии и др., потому что не хватало собственной теоретической базы для решения ряда прикладных задач.

В современной юрислингвистике можно выделить несколько основных направлений:

1) исследование специального юридического дискурса и юридического языка (язык как инструментарий законотворчества и толкования правовых актов – юридико-лингвистическая герменевтика);
2) судебное (правовое) речеведение;
3) лингвоэкспертология (судебно-лингвистическая, лингвоправовая экспертиза), тексты оцениваются (в широком смысле) на предмет наличия в них преступления, совершаемого вербальным способом, например, угрозы, оскорбления и др.;
4) правовая коммуникация.

Рассмотрим более подробно те из них, которые представляют интерес для нашего исследования –правовую коммуникацию и лингвоэкспертологию.

Правовая коммуникация в широком смысле имеет ряд отличий от других типов коммуникации, важнейшим из которых является то, что главное в ней – не заражение эмоциями или передача информации – знаний о реальности, о мире идей, а исключительно регуляция правовых отношений между государством и личностью: предписания и запреты с точки зрения их соответствия юридическим

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-220-228

нормам. Еще одно отличие: правовая коммуникация в широком смысле не ограничена тематикой, социальным статусом участников, каналом общения и т. д., ибо практически любой текст может стать объектом правового контроля. Для узкого понимания правовой коммуникации характерно то, что она реализуется на уровне правых институтов, т. е. включает в себя юридические тексты, а ее субъекты – участники различных процессуальных правовых практик (судебного разбирательства, досудебного следствия, правовых договорных отношений и т. д.). По этому поводу А. В. Поляков пишет, что «в результате определенной "химической реакции" – при возникновении правовой коммуникации – возникает право» [16, с. 36]. На этом основании правовую коммуникацию нельзя ставить в один ряд, например, с научной или религиозной коммуникацией. Она может охватывать любой корпус текстов, порождаемых и воспринимаемых человеком, независимо от уровня его воспитания, моральных принципов, религиозных и политических убеждений и т. д. Главная идея правовой формы коммуникации – соблюдение в ее процессе реализации закона. Правовая коммуникация способна помочь в самоорганизации и сохранении единства общества.

Ситуация, в которой проходит правовая коммуникация, сходна с ситуациями других типов общения, потому что ее составляющими становятся не только адресат и адресант, но и сам текст, а также объект и предмет обсуждения, обстоятельства, цели и задачи, результат. Кроме того, некоторые исследователи, например Н. Д. Голев, полагают, что вопросы, связанные с регулированием социально-языковых вопросов (проблемы государственного языка, защиты родного языка малых этнических групп и т. д.), входят в компетенцию юрислингвистики [21].

Еще одно важное направление в рамках правового дискурса – лингвоэкспертология. Это прикладная дисциплина, обеспечивающая проведение специальных экспертных исследований текста с целью выявления в нем признаков правонарушения. На практике судебные органы обращаются к лингвистам, чтобы подготовить юрислингвистические экспертные заключения на предмет выявления в них вербальных преступлений – оскорбления, клеветы, призывов к экстремистской деятельности и др.

Здесь предметом исследования является любой текст – от анализа статей серьезных государственных документов до бытового письма-жалобы или объяснения своего поступка, надписи на стене автобусной остановки. При лингвистической экспертизе анализу подвергается текст в широком смысле не только по его содержанию, но и форме; это могут быть устные или письменные тексты, вербальные тексты с графическими вставками и т. д. Следовательно, для осуществления лингвоправовой экспертизы берется текст в широком его понимании (устный, письменный, креализованный, рисунок, граффити и т. д.) и рассматривается всегда в единстве с конкретной ситуацией: «отдельные слова и выражения не могут быть предметом вербальных правонарушений» [22, с. 9], ибо «отдельное слово, взятое из словаря, если оно не соотнесено с действительностью – это просто слово, единица языка» [22, с. 9]. Обязательно необходим учет ситуации, включающей в себя не только время и пространство, но и цели, мотивы, канал связи и ряд других менее значимых параметров, которые должны анализируются с учетом национального законодательства.

Судебная лингвистическая экспертиза проводится с применением проверяемых процедур выявления признаков преступлений. В последние десятилетия появился целый ряд подходов и методологий проведения лингвистических экспертиз (см. труды А. Н. Баранова, Е. И. Галяшиной, М. В. Горбаневского, Л. Г. Антонова, К. И. Бринева, Г. В. Кусова, М. А. Осадчего, И. А. Стернина и др.). Одним из наиболее удачных методологических подходов следует признать параметризацию, верифицированную на материале российского законодательства и предложенную М. А. Осадчим в его работе «Русский язык на грани права».

Лингвоэкспертология – в основе своей прикладная дисциплина. Она занимается выявлением признаков правонарушения, зафиксированных в тексте. Для решения данных задач может быть составлен речевой портрет потенциального преступника (подозреваемого), который в конечном счете поможет обнаружить его. Как видим, лингвистическая экспертология – интегративная дисциплина, она использует знания из различных наук: от философии и психологии до физики и химии, в компетенции которых лежит уточнение проведенных лингвистами почерковедческих экспертиз, кроме того, она использует общую для ряда наук методологию (параметризация, триангуляция) и т. д. Таким образом, это наиболее интегративная область юридического дискурса.

Особый интерес в последние годы вызывает проблемное поле правового речеведения, занимающегося изучением вопросов лингвоправовой конфликтологии [15; 23; 24]: не только самого факта конфликтной коммуникации, но и причин его возникновения [25], возможности нивелирования и др., что требует обращения к философским направлениям [26] (этика, аксиология), культурологии и истории (межкультурное и межнациональное взаимодействие), социологии.

Заключение

Сейчас появилось довольно много интегративных направлений, в которых объединяются знания, методы и результаты ряда наук. К таковым относится юридический дискурс и юридическая лингвистика. Причем последняя способна объединить в себе результаты разных наук, разных областей знания об одном – о роли языка в оформлении и функционировании правовых текстов (в широком смысле), т. е. о взаимодействии языка и права.

В статье впервые был обозначен набор текстов, из совокупности которых состоит юридический дискурс, – это тексты законов, указов, научной литературы на юридические темы, другие правовые документы, судебные тексты,

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://vestnik.kemsu.ru
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-220-228

тексты допросов, адвокатские речи, экспертные заключения и другие аналогичные тексты. Мы склонны выделять следующие категории-характеристики данного дискурса: чаще всего юридические тексты выражены в письменной форме; имеют ясную структурную оформленность, т. е. довольно четкое деление текстов на отдельные статьи, в форме которых оформляются законы; они имеют смысловую завершенность, логичность и последовательность изложения, тематическое и стилистическое единство. При этом тематика юридического дискурса довольно ограничена: государство, право, преступление, наказание, вина, ответственность, судимость, экстремизм и др. Установлено, что юридический дискурс обладает следующими характеристиками: 1) консервативность, т. е. относительная стабильность юридического дискурса; 2) преимущественно письменная форма, абстрактность и нейтральность языка, а с другой стороны – конкретность, свидетельствующая о том, что юридический дискурс существует в реальном правовом пространстве и времени; 3) системность – все элементы юридического дискурса объединены в систему, которой присуще тематическое и стилистическое единство; 4) смысловая завершенность, логичность и последовательность изложения, 5) целостность – юридический дискурс воспринимается как единое целое.

Юрислингвистика предлагается на роль обобщающей дисциплины для исследования взаимодействия языка и права. И хотя у юридического дискурса и юридической лингвистики (с ее составляющими) – разные предметы и задачи исследования, но объект один – взаимодействие языка и права, что и позволяет их объединить. Юрислингвстика – интегративная наука, сложившаяся при взаимодействии усилий и интересов лингвистики и теории права, но при этом в ней широко используются научные достижения целого ряда наук – философии, психологии, социологии, этики, лингвокогнитологии, прагмалингвистики, лингвоконфликтологии и др., а для лингвоэкспертологии – данные физики для подчерковедческой экспертизы и т. д. Кроме того, для решения ряда проблем юридической лингвистики необходимо привлекать социокультурные данные об уровне правовой грамотности языковой личности, о роли национального языка в этом процессе и т. д.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М.: Яз. рус. культуры, 1999. 895 с.
2. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993. 656 с.
3. Маслова В. А. Концептуальные основы современной лингвистики. М.: Флинта, 2019. 328 с.
4. Борботько В. Г. Принципы формирования дискурса. От психолингвистики к лингвосинергетике. М.: URSS, 2011. 286 с.
5. Плеханова Т. Ф. Дискурс-анализ текста. Мн.: ТетраСистемс, 2011. 369 с.
6. Сидоров Е. В. Онтология дискурса. 2-е изд. М.: URSS, 2009. 232 с.
7. Шлепнев Д. Н. Юридический перевод, юридический текст, юридический дискурс: к вопросу об определении // Филологические науки. Вопросы терии и практики. 2017. № 12-2. С. 174–177.
8. Архипов С. И. Понятие правовой коммуникации // Российский юридический журнал. 2008. № 6. С. 7–17.
9. Лавицкий А. А. Категория закона в ментальных представлениях белорусов и русских: от слова божьего к национальным традициям и правовому нигилизму // Би-, поли-, транслингвизм и языковое образование: мат-лы V Междунар. науч.-практ. конф. под эгидой МАПРЯЛ. (Москва, 6–7 декабря 2019 г.) М.: РУДН, 2019. С. 85–92.
10. Лившиц Р. З. Теория права. М.: БЕК, 1994. 224 с.
11. Губаева Т. В. Язык и право. Искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности. М.: Норма, 2004. 160 с.
12. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 341 с.
13. Осадчий М. А. Русский язык в судебном процессе. М.: ЛЕНАНД, 2020. 256 с.
14. Лавицкий А. А. Русскоязычный правовой дискурс: правонарушение, совершаемое вербальным способом // Русистика. 2019. Т. 17. № 3. С. 300–314. DOI: 10.22363/2618-8163-2019-17-3-300-314
15. Осадчий М. А. Русский язык на грани права. Функционирование современного русского языка в условиях правовой регламентации речи. М.: ЛИБРОКОМ, 2016. 256 с.
16. Поляков А. В. Нормативность правовой коммуникации // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2011. № 5. С. 27–45.
17. Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева. 3-е изд., доп. и перераб. М.: ИНФРА-М, 2007. 858 с.
18. Голев Н. Д. Юридический аспект языка в лингвистическом освещении // Юрислингвистика. 1999. № 1. С. 12–59.
19. Лебедева Н. Б. О метаязыковом сознании юристов и предмете юрислингвистики // Юрислингвистика. 2000. № 2. С. 50–64.
20. Александров А. С. Введение в судебную лингвистику. Н. Новгород: Нижегор. правовая акад., 2003. 420 с.

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-220-228

21. Голев Н. Д. Правовое регулирование речевых конфликтов и юрислингвистическая экспертиза конфликтогенных текстов // Правовая реформа в Российской Федерации: общетеоретические и исторические аспекты / под ред. В. Я. Музюкина, В. В. Сорокина. Барнаул: АлтГУ, 2002. С. 110–123.
22. Осадчий М. А. Правовой самоконтроль оратора. М.: Альпина Бизнес Букс, 2007. 320 с.
23. Бринев К. И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза. Барнаул: АлтГПА, 2009. 252 с.
24. Осадчий М. А. Судебно-лингвистическая параметризация вербальной угрозы // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 6. Режим доступа: https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=7633 (дата обращения: 23.01.2020).
25. Палашевская И. В. Судебный дискурс: функции, структура, нарративность. Волгоград: Парадигма, 2012. 346 с.
26. Фуко М. Назидать и наказывать: Рождение тюрьмы. М.: Ад Маргинем, 2019. 384 с.

original article

Legal Discourse as a Multi-Dimensional Integrated Phenomenon and Legal Linguistics as a Syncretic Science

Alexander L. Dedinkin
Vitebsk branch of International Institute for Labor and Social Relations, Vitebsk, Republic of Belarus
alexanderdedinkin@yandex.by

Received 19 Feb 2021. Accepted 29 Mar 2021.

Abstract: The article introduces legal discourse as part of a complex communicative activity. It is an integrative interdisciplinary phenomenon on the border of jurisprudence and linguistics. The research objective was to establish the constituent parts of legal discourse, which includes legal texts, related scientific literature, and other documents. Legal linguistics is a generalizing discipline that studies the interaction of language and law. The line between legal discourse and other discourses is hard to define. Legal discourse is characterized by unified subjects, procedures, circumstances, and impersonality, that is, the absence of recipient and sender, hence the abundance of impersonal verb forms and impersonal constructions. Legal texts are devoid of national marks, and the vocabulary has equivalents in other languages. The present research was the first to designate a set of texts that make up legal discourse, i.e. texts of laws, decrees, scientific literature on legal matters, various legal documents, judicial texts, texts of interrogations, court speeches, expert opinion, etc. Although legal discourse and legal linguistics have different subjects and tasks, they share the same object, i.e. the interaction of language and law. Legal linguistics is an integrative science based on linguistics and legal theory, which uses achievements of philosophy, psychology, sociology, ethics, cognitive linguistics, pragmalinguistics, linguistic conflictology, etc.
Keywords: integrity, legal communication, linguistic expertise, legal speech, legal language

Citation: Dedinkin A. L. Legal Discourse as a Multi-Dimensional Integrated Phenomenon and Legal Linguistics as a Syncretic Science. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(1): 220–228. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-220-228

Conflicting interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

References

1. Aroutiounova N. D. *Human language and world*, 2nd ed. Moscow: Iaz. rus. kultury, 1999, 895. (In Russ.)
2. Sapir E. *Selected works on linguistics and cultural studies*. Moscow: Progress, 1993, 656. (In Russ.)
3. Maslova V. A. *Conceptual foundations of modern linguistics*. Moscow: Flinta, 2019, 328. (In Russ.)
4. Borbotko V. G. *Discourse formation principles. From psycholinguistics to linguasynergetics*. Moscow: URSS, 2011, 286. (In Russ.)
5. Plekhanova T. F. *Discourse analysis of the text*. Minsk: TetraSystems, 2011, 369. (In Russ.)
6. Sidorov E. V. *Ontology of discourse*, 2nd ed. Moscow: URSS, 2009, 232. (In Russ.)
7. Shlepnev D. N. Legal translation, legal text, legal discourse: on definition. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2017, (12-2): 174–177. (In Russ.)
8. Arkhipov S. I. Conception of the legal communication. *Russian Juridical Journal*, 2008, (6): 7–17. (In Russ.)

© 2021. The Author(s). This article is distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License

BULLETIN
Kemerovo State University
https://vestnik.kemsu.ru
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-220-228

9. Lavitski A. A. The category of law in the mental representations of Belarusians and Russians: from the word of God to national traditions and legal nihilism. *Bi-, poly-, translinguism and language education*: Proc. V Intern. Sci.-Prac. Conf. under the auspices of International Association of Teachers of Russian Language and Literature, Moscow, 6–7 Dec 2019. Moscow: RUDN, 2019, 85–92. (In Russ.)
10. Livshits R. Z. *Theory of law*. Moscow: BEK, 1994, 224. (In Russ.)
11. Gubaeva T. V. *Language and law. The art of word control in professional legal practice*. Moscow: Norma, 2004, 160. (In Russ.)
12. Aroutiounova N. D. *Types of language values. Assessment. Event. Fact*. Moscow: Nauka, 1988, 341. (In Russ.)
13. Osadchy M. A. *The Russian language at court*. Moscow: LENAND, 2020, 256. (In Russ.)
14. Lavitski A. A. The Russian language legal discourse: offences committed verbally. *Russian Language Studies*, 2019, 17(3): 300–314. (In Russ.) DOI: 10.22363/2618-8163-2019-17-3-300-314
15. Osadchy M. A. *The Russian language on the verge of law. Functioning of the modern Russian language in the conditions of legal regulation of speech*. Moscow: LIBROKOM, 2016, 256. (In Russ.)
16. Polyakov A. V. Normativity of legal communication. *Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie*, 2011, (5): 27–45. (In Russ.)
17. *Large legal dictionary*, ed. Sukharev A. Ia., 3rd ed. Moscow: INFRA-M; 2007, 858. (In Russ.)
18. Golev N. D. Legal aspect of language in linguistic coverage. *Legal Linguistics*, 1999, (1): 11–58. (In Russ.)
19. Lebedeva N. B. About the metalanguage consciousness of lawyers and the subject of jurisprudence. *Legal Linguistics*, 2000, (2): 50–64. (In Russ.)
20. Aleksandrov A. S. *An introduction to forensic linguistics*. Nizhny Novgorod: Nizhegor. pravovaia akad., 2003, 420. (In Russ.)
21. Golev N. D. Legal regulation of speech conflicts and legal linguistic expertise of conflictogenic texts. *Legal reform in the Russian Federation: general theoretical and historical aspects*, eds. Muziukin V. Ia., Sorokin V. V. Barnaul: AltGU, 2002, 110–123. (In Russ.)
22. Osadchy M. A. *Legal self-control of the speaker*. Moscow: Alpina Bisnes Buks, 2007, 320. (In Russ.)
23. Brinev K. I. *Theoretical linguistics and forensic linguistic expertise*. Barnaul: AltGPA, 2009, 252. (In Russ.)
24. Osadchy M. A. Parametrizations of verbal threat in forensic linguistics aspect. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia*, 2012, (6). Available at: https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=7633 (accessed 23 Jan 2020). (In Russ.)
25. Palashevskaya I. V. *Legal discourse: function, structure, and narrative*. Volgograd: Paradigma, 2012, 346. (In Russ.)
26. Foucault M. *Discipline and Punish: The Birth of the Prison*. Moscow: Ad Marginem, 2019, 384. (In Russ.)

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-229-236

оригинальная статья
УДК 81`42

Стратегии и тактики формирования бренда (на материале рекламных слоганов компаний на французском, английском и русском языках)

Елена Геннадьевна Желудкова
Кемеровский государственный университет, Россия, г. Кемерово
jld@rambler.ru
https://orcid.org/0000-0001-6502-7798

Кристина Максимовна Пургина
Средняя общеобразовательная школа № 44, Россия, г. Кемерово

Поступила в редакцию 20.12.2020. Принята к печати 18.02.2021.

Аннотация: Рассмотрены коммуникативные стратегии и тактики, используемые компаниями с целью создания бренда. Анализ проводился с помощью диахронического метода, чтобы пронаблюдать стратегии развития бренда. Опираясь на классификацию коммуникативных стратегий Ю. К. Пироговой, в результате анализа 104 рекламных лозунгов 11 компаний были выявлены стратегии и тактики коммуникативного воздействия, используемые в процессе брендинга и свойственные данному типу дискурса. Стратегии рассматриваются как цели создания образа компании. Тактики как более конкретные ходы по реализации стратегий материализуются путем использования специфической лексики, синтаксических конструкций и средств вовлечения адресата в рекламный дискурс. Лидерами в дискурсе рекламных слоганов стали стратегии завоевания потребителя и воздействия на эмоции, реализуемые тактиками: *соответствие потребностям адресата*, *повышение ценности бренда в глазах потребителя*, *информирование о продукции бренда*, *интимизация*, *метафоризация продукта*, *воздействие на органы чувств*. Стратегия рациональности воплощается тактиками *популяризация здорового образа жизни* и *демонстрация практической пользы*. Для ценностно-ориентированной стратегии характерна тактика *информирование о продукции бренда*. Результаты исследования способствуют лучшему пониманию стратегий и тактик в деловой коммуникации и могут быть использованы в качестве демонстрационного и доказательного материала в курсах лингвокультурологии, анализа дискурса, копирайтинга.

Ключевые слова: прагматика, диахронический подход, дискурс, анализ дискурса, адресат, адресант, коммуникация, речевое воздействие, коммуникативный акт, брендирование, реклама, перевод, переводческие трансформации, метафора, фразеологизм, переводческие эквиваленты

Цитирование: Желудкова Е. Г., Пургина К. М. Стратегии и тактики формирования бренда (на материале рекламных слоганов компаний на французском, английском и русском языках) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 1. С. 229–236. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-229-236

Введение

Лингвистика в последние годы идет вслед за развитием различных областей человеческой деятельности, анализируя роль языка в создании неязыкового продукта, демонстрируя необходимость понимания языковых процессов в достижении целей политического, экономического, культурного характера. В связи с важной ролью языка в создании экономического продукта возникает интерес к брендированию. Цель данного исследования – выделить ключевые коммуникативные стратегии, используемые для продвижения бренда в разные периоды существования компании и их продукта, проанализировать тактики реализации данных стратегий на материале рекламных слоганов компаний, являющихся девизом и основным элементом бренда и влияющих на выбор тех или иных языковых средств при создании слогана. Актуальность заключается в диахроническом подходе к изучению лозунгов компаний для выявления стратегического подхода в процессе создания бренда. Материал для исследования получен методом сплошной выборки лозунгов с сайтов крупных, по мнению авторов, компаний, классифицирован с учетом временной последовательности возникновения слоганов.

Бренд и его составляющие

Большинство исследователей трактуют брендирование (брендинг) как маркетинговую деятельность по созданию особого потребительского впечатления, которое является частью имиджа и формирует отношение целевого сегмента рынка к бренду. Брендинг во всех основных концепциях представлен как процесс разработки, планирования и реализации комплекса мероприятий для формирования потребительской лояльности к продукту [1, с. 24]. Классическое определение бренда приведено в большом количестве учебников и монографий по маркетингу: «Это неосязаемая сумма свойств продукта: его имени, упаковки и цены, его истории, репутации и способа рекламирования. Бренд также является сочетанием впечатления, которое

© 2021. Авторы. Статья распространяется на условиях международной лицензии CC BY 4.0

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-229-236

он производит на потребителей, и результатом их опыта в использовании бренда» [2, с. 36].

Бренд – это все то, что напрямую ассоциируется с репутацией компании, ее имиджем или статусом. Бренд включает различные компоненты взаимодействия с аудиторией, которые позволяют донести идею, философию, уникальность и прочие принципы осуществления деятельности. К. Л. Келлер выделяет основные составляющие бренда: его наименование, логотип, мотив, слоган и упаковку [3, с. 56]. Бренды функционируют в психологической сфере и полностью завоевывают эмоции и чувства современного потребителя. Бренды основаны на ассоциациях с ценностями, с которыми мы себя идентифицируем. В свою очередь бренды формируют новые ценности и установки [4].

Слоган является незаменимой частью успешного бренда и основой долгосрочной коммуникации. Он выполняет такие важные функции, как повышение лояльности целевой аудитории по отношению к самому бренду, привлечение внимания, стимулирование роста продаж. И. Д. Морозова характеризует слоган как краткую рекламную фразу, которая в сжатом виде излагает основное рекламное предложение и является девизом рекламной кампании [5, с. 5]. Схожее определение дает Ю. С. Бернадская: «Слоган – это краткая афористичная фраза, выражающая основную идею всех сообщений в рамках рекламной кампании» [6, с. 7]. Л. Г. Фещенко подчеркивает, что слоган – это доведенная до лингвистического совершенства запоминающаяся мысль [7, с. 222].

М. М. Блинкина-Мельник, определяя слоган, делает акцент на его назначении: «Слоган – краткая запоминающаяся фраза, основа рекламной коммуникации, своеобразный девиз, выражающий основную мысль коммерческого предложения, озвучивая которую, рекламодатель рассчитывает привлечь внимание потенциального потребителя к своему продукту или услуге» [8, с. 57]. Проявлением успешности слогана является его частое упоминание в повседневной жизни как удачной интересной фразы, запомнившейся потребителю. По мнению И. Д. Морозовой, для того чтобы слоган успешно выполнял свои рекламные функции и задачи, копирайтеру необходимо использовать основные знаковые единицы: имя бренда и уникальное предложение [5, с. 13].

О лексических, стилистических, прагматических средствах, используемых при создании лозунга бренда, пишут Т. П. Романова [9], Э. П. Слободянюк [10], Дж. Ф. Джоунс [11], М. А. Аршинова [12], Л. А. Казанова [13], И. Д. Новгородцева [14], Т. П. Свекла [15], Е. П. Гаран [16], М. В. Данильчук [17], В. Ю. Кожанова [18], А. Н. Володина [19], Л. Середняк [20], отмечая его большую образность и одновременно лаконичность.

Коммуникативные стратегии и тактики

Понятие стратегий и тактик восходит к теории анализа дискурса. Понятия коммуникативной стратегии и тактики активно изучаются с конца XX в. (Т. А. Ван Дейк, С. А. Сухих, В. З. Демьянков и др). По определению Е. В. Клюева, коммуникативная стратегия – это часть коммуникативного поведения или коммуникативного взаимодействия, в которой серия различных вербальных и невербальных средств используется для достижения определенной коммуникативной цели, стратегического результата, на который направлен коммуникативный акт [21, с. 34].

М. Л. Макаров с точки зрения прагматики характеризует стратегию как цепочку решений говорящего, его выборов определенных коммуникативных действий и языковых средств [22, с. 192]. О. С. Иссерс, следуя когнитивному подходу к изучаемой проблеме, определяет коммуникативную стратегию как «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативных целей, который включает в себя планирование процесса речевой коммуникации в зависимости от конкретных условий общения и личностей коммуникантов, а также реализацию этого плана» [23, с. 100].

Коммуникативная тактика понимается как практический ход, средство реализации стратегии. В. Б. Кашкин подчеркивает: «Коммуникативная тактика – более мелкий масштаб рассмотрения коммуникативного процесса, по сравнению с коммуникативной стратегией. Она соотносится не с коммуникативной целью, а с набором отдельных коммуникативных намерений» [24, с. 136].

Специфические особенности коммуникативных стратегий в рекламном дискурсе раскрывает классификация Ю. К. Пироговой. Исследователь утверждает, что реклама – это один из видов коммуникации, информационное сообщение, направленное на достижение коммерческих целей, обращенное к потенциальному потребителю и оказывающее коммуникативное воздействие на него. Основная цель коммуникативных стратегий в рекламе состоит в том, чтобы выделить объект среди конкурентных объектов и акцентировать (или даже искусственно сконструировать) его привлекательные для адресата свойства (реальные и / или символические). Автор выделяет коммуникативные стратегии двух типов: позиционирующие стратегии, формирующие определенное восприятие рекламируемого объекта, и оптимизирующие стратегии, направленные на оптимизацию воздействия рекламного сообщения, на преодоление неблагоприятных условий коммуникации. В качестве более частных выделяются стратегии дифференциации, ценностно-ориентированные стратегии, стратегии присвоения оценочных значений, повышения распознаваемости рекламы, повышения притягательной силы, а также мнемонические стратегии, позволяющие повысить запоминаемость сообщения, и аргументативные стратегии [25].

Стратегии и тактики в лозунгах брендов

Опираясь на классификацию коммуникативных стратегий Ю. К. Пироговой, проанализировав 104 рекламных слогана 11 компаний на французском, английском и русском языках с точки зрения стратегии создания бренда, были выявлены стратегии и тактики, направленные на успешное

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-229-236

позиционирование бренда, поддержание его имени. В качестве гипотезы для формулировки стратегий были взяты цели брендинга: создать имидж компании, сформулировать языковыми средствами ее философию, привлечь своего потребителя. Были рассмотрены лозунги разных периодов времени, чтобы пронаблюдать в диахронии развитие философии бренда.

Основной стратегией лозунгов многих компаний является ***стратегия завоевания потребителя***. В рамках данной стратегии применяется несколько тактик, таких как *соответствие потребностям адресата*, *повышение ценности бренда в глазах потребителя*, *информирование о продукции бренда*. В статье рассмотрим лишь некоторые из них.

Тактика ***соответствие потребностям адресата*** используется в рекламных слоганах французской компании *L'Oréal* (Лореаль), лидера мирового рынка парфюмерии и косметики. Слоганы *L'Oréal* менялись вместе с эпохами. В 1970-е гг., когда женщины впервые начали бороться за свои права, слоганом бренда были слова *Parce que je le vaux bien – Because I'm worth It*[1] *– Ведь я этого достойна*[2], а косметика служила способом самовыражения и данью зарождающемуся феминизму. В начале 2000-х гг. слоган претерпел изменения с Я на Вы и звучал так: *Parce que vous le valez bien – Because you're worth It – Потому что Вы этого достойны*, отражая идею широкой аудитории бренда. Новый слоган *L'Oreal* (с 2017 г. по настоящее время) гласит: *Parce que nous le valons bien – Because we're worth It – Ведь мы этого хотим*. Бренд совершенствует диалог с потребителем, ставя во главу угла идею объединения. Таким образом, тактика *соответствие потребностям адресата* ориентирована на включение адресата в некое сообщество. Использование адресного компонента, выраженного личными местоимениями *je – I – я*, *vous – you – вы*, *nous – we – мы*, создает впечатление приближения предмета рекламы к потребителю, выделения его среди других людей. При переводе на английский язык наблюдается такой вид трансформации, как грамматическая перестановка, т. к. в оригинале слогана *le* находится в середине предложения, а в переводе оно стоит уже на последнем месте (такой перевод считается адекватным, ведь был произведен с учетом особенностей английского языка). Если смотреть на графическую особенность, то в англоязычных слоганах выделяется местоимение *It*, следовательно, в английском варианте акцент сделан на продукцию рекламы, а во французском и русском – на потребителя. Слоган построен как ответ на вопрос, который с очевидностью прочитывается в ответе: *Почему вы используете продукцию L' Oreal*? Глагол *vouloir – worth – стоить* повышает статус адресата рекламы и объективирует пользу бренда. В диахронии бренд не изменил философию, но его взаимодействие с адресатом изменилось, возникла идея совместного действия, вовлечение потребителя в свой дискурс.

Тактику ***повышение ценности бренда в глазах потребителя*** пронаблюдаем на примере рекламного слогана французской компании по производству шин *Michelin* (Мишлен). Первым известным слоганом были слова *L'excellence en longévité – Excellence in longevity – Долговечность совершенства*[3] (официальный перевод), краткий слоган, в котором имя бренда не включено в состав. Стратегия выражается эксплицитно путем сообщения о двух важнейших качествах продукта с помощью абстрактных существительных *совершенство* и *долговечность*. Позже слоганом, формирующим политику компании, стала фраза *Une meilleure façon d'avancer – A better way forward – Лучший путь вперед*. В данном слогане наблюдается использование превосходной степени прилагательных *meilleure, лучший* (в англоязычной же версии сравнительная степень *better*) для усиления воздействия на адресата. В слогане содержится прагматическая установка говорящего на приобретение, представленная не напрямую в виде команды, а в виде ненавязчивого предложения. Таким образом, компания не переосмысливает идею бренда, но фокусирует внимание на движении.

Был найден и товарный слоган компании, семантически отличающийся в разных культурах: *Ton ange gardien sur la route – When it pours, it reigns – Повелитель зимних дорог*. Можно говорить о целостном преобразовании рекламного слогана. Французский слоган передает посыл о том, что шины данного бренда надежды и безопасны, их можно даже сравнить с ангелом-хранителем, который защищает их собственников в любое время года, в любых погодных условиях. Что касается англоязычного варианта, то он воспроизводит знаменитую английскую поговорку *When it rains, it pours*. Можно увидеть прием игры слов, т. к. слова *reigns* и *rains* являются омофонами[4]. Особое внимание обращено на преимущества рекламируемого товара: качественные шины пригодны к эксплуатации в дождливую погоду, и можно сказать буквально, что они «управляют дорогой». В русскоязычном варианте лозунга значение эмоционально окрашенного английского глагола *reign* сохраняется и выражается словом *повелитель*, однако речь уже идет о зимних дорогах. Тем не менее ярко передается ощущение властности и могущества. В европейской культуре наблюдается тенденция к сближению с адресатом через притяжательное прилагательное *ton* и использование прециозного текста, в русском языке – акцент

[1] Parce que je le vaux bien. Режим доступа: https://fr.wikipedia.org/wiki/Parce_que_je_le_vaux_bien (дата обращения: 10.09.2020).

[2] Бессмертный слоган красоты // Cosmopolitan. 25.11.2011. Режим доступа: https://www.cosmo.ru/editors/promo/bessmertnyy-slogan-krasoty/ (дата обращения: 10.09.2020).

[3] Michelin. Режим доступа: https://www.michelin.com/ (дата обращения: 11.09.2020).

[4] Переводческие трансформации при переводе рекламных слоганов. Режим доступа: https://studbooks.net/961479/marketing/perevodcheskie_transformatsii_perevode_reklamnyh_sloganov (дата обращения: 11.09.2020).

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://vestnik.kemsu.ru
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-229-236

на надежности как на исключительном свойстве. Такое несоответствие объясняется особенностями географической среды, в которой рекламируется товар.

Для привлечения покупателей данную тактику использует и крупнейшая алкогольная компания России *Белуга* (*Beluga*). Первый слоган звучал следующим образом: *Сила роскоши – The power of luxury – Le pouvoir du luxe*[5]. В основу рекламного слогана легла идея уникальности. Выпуск водки ограничен (бренд позиционируется как эксклюзивный благодаря определенной доле ручного труда при изготовлении), поэтому в рекламном обращении *Белуга* приравнивается к дорогому ювелирному изделию. Перевод удовлетворяет всем требованиям и легко запоминается на трех языках. Чуть позже бренд запустил новую рекламную кампанию со слоганом *Сделанная с гордостью – Made with pride – Fabriquée avec fierté*[6]. В данном слогане чувствуется национальный характер. Продукт, выпускаемый данным брендом, является не только благородным напитком, но еще и шедевром российского водочного ремесла. С помощью абстрактного слова *гордость – pride – fierté* слоган производит сильное эмоциональное впечатление, придает бренду вес в собственных глазах и в глазах потребителей. Все лексические единицы эквивалентны на трех языках, следовательно, перевод дословный. Последний известный слоган – *Водка Белуга. Создаем, а не производим*[7] (эквивалента на английском и французском языках не было найдено). Слоган хорошо подчеркивает то, что создание вкуса требует творчества, а не навыка. В основе слогана – антитеза *создавать / производить* (в данном случае противопоставляются синонимы, приобретающие в контексте антонимические значения). В слогане акцентируется творческая составляющая, а значит подразумевается уникальность, ремесленный подход как современная тенденция производства.

Следующая стратегия, которую используют бренды для того, чтобы адресат узнал о товаре, обратил на него внимание и запомнил его, – ***стратегия рациональности***. При использовании данной стратегии акцентируются реальные характеристики товара. Реализуется данная стратегия посредством тактик *популяризация здорового образа жизни* и *демонстрация практической пользы*.

Тактику популяризация здорового образа жизни демонстрирует французский бренд минеральной воды *Evian* (Эвиан). Его слоган *L'eau Evian, issue des Alpes, a le goût délicieux des sources de montagnes*[8] *– The secret is in the Alps – Секрет в Альпах*[9] утверждает, что вода *Evian* обладает приятным вкусом и полезными свойствами, т. к. добывается из чистого родника, расположенного в Альпах. Во французском варианте слоган очень развернутый, а в английском и русском – краткий и лаконичный. Несмотря на то, что название торговой марки не включено в его состав, слоган указывает на географическую локализацию. Для французской аудитории специфицируется качество воды, для иноязычной – само географическое положение *the Alps / Альпы* является знаком качества продукта. С трендом на здоровый образ жизни появляется следующий слоган: *Evian. La source de jeunesse par votre corps – Evian. Your natural source of youth – Evian*. Естест*венный источник молодости*[10]. *Evian* позиционируется для потребителей как «живая вода», которая вобрала в себя силу и энергию альпийского источника и стала символом здоровой жизни и молодости. Данный рекламный слоган является связанным (имя бренда гармонично включено в слоган и является его полноправным членом). Прилагательное *natural – естественный* создает идею главного достоинства рекламируемого товара. Сегодня имиджевый слоган звучит следующим образом: *Vivons jeune – Live young*[11] *– Оставайся молодым*[12]. В рекламном сообщении акцентируется не столько характеристика продукта, сколько эффект от потребления. Во франко- и англоязычной версии фигурирует глагол *жить* (*vivons*, *live*), содержащий в семантике динамическую составляющую. В русскоязычной версии слогана – глагол *оставаться*, ассоциирующийся с сохранением молодости, лишенный динамики.

Помимо стратегии рациональности можно выделить ***эмоциональную стратегию***, которой часто пользуются бренды для успешной самопрезентации. В рамках данной стратегии существует несколько основных тактик: *интимизация*, *метафоризация продукта*, *воздействие на органы чувств*.

Использование данных тактик непосредственно связано с видом выпускаемого продукта. Так, тактика ***метафоризация продукта*** наблюдается в лозунгах компании *Skittles* (Скитлс). Лозунги построены на использовании

[5] Водка Beluga стала силой роскоши. 06.08.2008. Режим доступа: https://mmr.ua/show/vodka-beluga-stala-siloj-roskoshi (дата обращения: 14.09.2020).

[6] Beluga сделали с гордостью. 10.09.2012. Режим доступа: https://www.sostav.ru/news/2012/09/10/beluga/ (дата обращения: 14.09.2020).

[7] Beluga signature 2017. Режим доступа: https://drinking-culture.com/2017/09/09/beluga-signature-2017-pobeditel/ (дата обращения: 14.09.2020).

[8] La Revue des marques 1993–2020. Режим доступа: https://la-revue-des-marques.fr/sagas_marques/evian/evian.php (дата обращения: 17.09.2020).

[9] Моя водичка знает один секрет. 07.07. 2006. Режим доступа: https://www.sostav.ru/news/2006/07/07/5e/ (дата обращения: 17.09.2020).

[10] Золотые правила американского копирайтинга: концепция. 28.09.2017. Режим доступа: https://www.sostav.ru/publication/zolotye-pravila-amerikanskogo-kopirajtinga-kontseptsiya-28496.html (дата обращения: 17.09.2020).

[11] Live young. Режим доступа: https://www.danone.com/content/dam/danone-corp/medias/medias-fr/2018/brandnews/the%20baby%20bare%20necessities%20communique%20de%20presse.pdf (дата обращения: 17.09.2020).

[12] Evian // Слоганы, девизы, лозунги. Режим доступа: http://voxfree.narod.ru/slogan/water.html (дата обращения: 17.09.2020).

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-229-236

синестетической метафоры. Первым слоганом было выражение *Taste the rainbow – Goûte l'arc-en-ciel*[13] *– Попробуй радугу*. Метафора *rainbow* отсылает к внешнему виду самих конфет, ведь они выпускаются в различных вариантах вкусов и цветов и напоминают радугу. Следующий слоган усиливает первоначальную метафору: *Touch the rainbow! Taste the rainbow! – Touche l'arc-en-ciel! Goûte l'arc-en-ciel! – Дотянись до радуги! Попробуй радугу!*[14]. Появляется побудительная конструкция, призыв к действию, однако глаголы *touch* и *taste* в англоязычном слогане создают элемент звуковой игры, отсутствующий в русской и французской версии лозунга.

Тактику *воздействие на органы чувств* рассмотрим на примере рекламных слоганов международной сети ресторанов общественного питания *KFS*. *It's finger lickin' good – C'est bon à s'en lécher les doigts*[15] *– Пальчики оближешь* – один из самых популярных слоганов бренда, который был создан по воле случая еще в 1950 г. и использовался на протяжении 64 лет. Данный стратегический слоган передает не только ценности бренда, но и суть продукции *KFC*: это единственный ресторан быстрого обслуживания, в основе меню которого – настоящее куриное филе, не подвергавшееся заморозке и приготовленное непосредственно перед заказом покупателя. В оригинале рекламного слогана можно увидеть такой фонетический прием, как апокопа (выпадение одного или нескольких звуков в конце слова). В нашем случае это отсутствие конечного согласного звука *g* в аффиксе *ing*, помечаемого апострофом. Такая краткая форма способствуют ритмической организации слогана, приближению письменной рекламной речи к разговорной, что благоприятствует созданию коммуникативной близости и подчеркивает ориентацию рекламного сообщения на массовое восприятие. Во французском варианте слоган получился довольно длинным, звучащим сухо. Экспрессия не выражена, соответственно, пропадает оригинальность и запоминаемость. В русскоязычной адаптации слогана используется фразеологизм. Слоган, приведенный выше, относительно недавно был заменен на *So good – Tellement bon – Так вкусно*[16]. Лаконичная, легко запоминающаяся фраза на трех языках. Эффект заключается в наречиях-интенсификаторах, которые употребляются для убедительности и выразительности прилагательных, усиливая их значение. Это придает рекламному слогану правдивость и легкую запоминаемость.

Интерес представляет и ***ценностно-ориентированная стратегия***, позволяющая связать рекламируемый объект с важными для целевой группы ценностными понятиями. Ее использует крупная французская автомобилестроительная корпорация *Renault* (Рено) для формирования имиджа бренда. В начале истории компании данная стратегия актуализировалась благодаря тактике *информирование о продукции бренда*. Первый рекламный слоган появился в 1925 г.: *L'Automobile de France – French car*[17] *– Автомобиль Франции*. Слоган довольно простой и короткий на трех языках, однако в нем чувствуется национальный характер. С целью повышения аттрактивности и содержательности делается акцент на указании страны-производителя. Слоган переведен на английский и русский языки дословно (полностью отображает смысл исходного слогана и не нуждается в применении дополнительных средств при переводе).

Следующий рекламный слоган, появившийся в 1985 г., звучит следующим образом: *Les voitures à vivre – Cars for living – Автомобили для жизни*[18]. Данный слоган равнозначен для представителей разных культур. Он является слоганом общей адресации, а по способу включения имени бренда – свободным. Выполняет аттрактивную функцию и наилучшим образом отражает философию бренда: создание вместительных и комфортных для жизни автомобилей. Использован рациональный мотив – удобство, ценовая доступность, качество. Однако в процессе перевода на английский и русский языки произошла грамматическая трансформация, инфинитив *vivre – жить* был заменен существительным с предлогом *for living – для жизни*.

В 2000 г. *Renault* приняла новый слоган: *Créateur d'automobiles – Car maker – Создатель автомобилей*, предвещая новшества в технологиях электромобилей. Слоган на трех языках выделяется лаконичностью, сдержанностью и простотой. Не придает никакой экспрессивности высказыванию, просто констатирует факт. Построен на основе номинативной синтаксической модели, где главным элементом является имя существительное в именительном падеже. Переведен дословно: в оригинале и в переводе слоган несет одинаковую смысловую нагрузку и производит одинаковый эффект.

Спустя несколько лет компания внедряет инновации, чтобы облегчить вождение и улучшить комфорт, и меняет слоган на *Changeons de vie! – Drive the change! – Изменим*

[13] Skittles: la nouvelle publicité complètement dingue. Режим доступа: https://www.24matins.fr/skittles-la-nouvelle-publicite-completement-dingue-11362 (дата обращения: 20.09.2020).

[14] Skittles. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Skittles (дата обращения: 20.09.2020).

[15] "Bon à s'en lécher les doigts": KFC retire temporairement son slogan à cause du coronavirus. 25.08.2020. Режим доступа: https://www.bfmtv.com/economie/bon-a-s-en-lecher-les-doigts-kfc-retire-temporairement-son-slogan-a-cause-du-coronavirus_AN-202008250181.html (дата обращения: 21.09.2020).

[16] Не в тренде: пандемия заставила KFC отказаться от слогана «Так вкусно, что пальчики оближешь» // Коммерческие вести. 25.08.2020. Режим доступа: http://kvnews.ru/news-feed/122106 (дата обращения: 21.09.2020).

[17] Renault and the French: a passion story expressed through advertising... 30.06.2015. Режим доступа: https://group.renault.com/en/news-on-air/news/renault-and-the-french-a-passion-story-expressed-through-advertising/ (дата обращения: 10.09.2020).

[18] Renault сменила слоган и дизайн фирменного «ромба». 23.04.2015. Режим доступа: https://www.kolesa.ru/news/renault-smenila-slogan-i-dizajn-firmennogo-romba-2015-04-23 (дата обращения: 10.09.2020).

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-229-236

жизнь, изменим автомобиль! В данном примере можно отметить восклицательное повелительное предложение, которое придает больше экспрессивности тексту и призывает к активным действиям. Отсутствуют личные местоимения, однако прослеживается призыв к сотрудничеству между компанией и потребителем. Параллелизм во французском и русском текстах придает слогану динамизм. Особую роль играет и ритм, делая слоган более структурированным. Однако стоит обратить внимание на англоязычную версию слогана данного бренда – *Drive the change! – Управляй переменами!* При локализации в английском языке к слогану применили прием сужения, сохранив при этом смысл, заключенный в оригинале.

La vie, avec passion – Passion for life – Страсть к жизни – так звучит слоган компании с апреля 2015 г. по настоящее время. Слоган краткий, в виде номинативной конструкции, но запоминающийся, ведь это больше, чем слоган, это некое обещание покупателям. Для того чтобы слоган успешно выполнял свои рекламные функции, в примере представлено «истинное уникальное товарное предложение» (по Ю. К. Пироговой), т. е. неудержимость, страсть к приключениям, любовь к жизни, что является главным преимуществом товара перед конкурентами. Присутствует эмоциональный мотив – энергия, активность, полнота жизни. Во французской версии слогана слово *la vie – жизнь* отделено запятой, которая служит средством отражения индивидуально-интонационной окраски фразы. Таким образом, акцент переносится на выгоду адресата – комфортная жизнь с новыми автомобилями *Renault*: *Changeons de vie! – Drive the change!* Однако на самом деле выгоду от продажи извлекает чаще всего только адресант, тем не менее он создает иллюзию своей заботы о выгоде потребителя с помощью абстрактного понятия *passion – страсть*.

Заключение

В результате анализа слоганов были установлены стратегии-фавориты. Так, с целью повышения ценности бренда и привлечения целевой аудитории к рекламируемому товару компании выбирают *стратегию завоевания потребителя* (*L'Oréal, Michelin, Белуга*). Созданию позитивной репутации бренда способствует и *эмоциональная стратегия*, на которую ссылаются такие бренды, как *Skittles* и *KFS*. Их слоганы апеллируют к эмоциональной сфере, позволяя повысить заинтересованность и быструю узнаваемость бренда. Для успешного позиционирования бренда на рынке, его привлекательности и лояльности клиентов компании (*Evian*) опираются на *рациональную стратегию*. Наименьшим успехом при формировании имиджа бренда пользуется *ценностно-ориентированная стратегия* (Renault). Тактики, используемые для реализации упомянутых стратегий, могут совпадать, например, тактика *информирование о продукции бренда*, которая присутствует в меньшей степени для реализации *стратегии завоевания потребителя* и в большей степени для *ценностно-ориентированной стратегии*, а могут использоваться исключительно для одной стратегии, как тактика *метафоризация продукта* в *эмоциональной стратегии*.

Резюмируя анализ использованных стратегий и тактик при создании рекламных лозунгов брендов в диахроническом срезе, следует отметить, что выбор стратегии зависит от типа продукта (чем он дороже, тем больше лозунг воздействует на чувства и амбиции), от потенциального потребителя (ребенок / взрослый), от страны, на рынок которой ориентирован продукт бренда. Меняется философия брендов и их ценности, отныне потребитель – не только объект завоевания, но и партнер, имеющий ценность эксперта, наблюдается демократизация лозунгов, стремление компаний следовать духу времени, сохраняя слоганы лаконичными и емкими одновременно.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Литература

1. Лебедев-Любимов А. Н. Психология рекламы. СПб.: Питер, 2002. 368 с.
2. Лейни Т. А., Семенова Е. А., Шилина С. А. Бренд-менеджмент. М.: Дашков и К°, 2008. 228 с.
3. Келлер К. Л. Стратегический брэнд-менеджмент: создание, оценка и управление марочным капиталом. 2-е изд. М.: Вильямс, 2005. 704 с.
4. Костышева Я. В. Брендинг как манипулятор сознания потребителя // Молодежь и наука: сб. мат-лов IX Всерос. науч.-техн. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых с Междунар. участием, посв. 385-летию со дня основания г. Красноярска. (Красноярск, 13–25 апреля 2013 г.) Красноярск: СФУ, 2013. Режим доступа: http://elib.sfu-kras.ru/handle/2311/10856?show=full (дата обращения: 10.09.2020).
5. Морозова И. Д. Слагая слоганы. М.: РИП-Холдинг, 2003. 172 с.
6. Бернадская Ю. С. Текст в рекламе. М.: ЮНИТИ, 2008. 288 с.
7. Фещенко Л. Г. Структура рекламного текста. СПб.: Петерб. ин-т печати, 2003. 225 с.
8. Блинкина-Мельник М. М. Рекламный текст: Задачник для копирайтеров. 2-е изд. М.: ОГИ, 2007. 200 с.
9. Романова Т. П. Современная слоганистика. Самара: Бахрах-М, 2013. 192 с.
10. Слободянюк Э. П. Настольная книга копирайтера. М.: Вершина, 2008. 256 с.
11. Роль рекламы в создании сильных брендов / под ред. Дж. Ф. Джоунса. М.: Вильямс, 2015. 485 с.

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-229-236

12. Аршинова М. А. Имидж бренда как результат его восприятия потребителем // Инновации и инвестиции. 2018. № 4. С. 168–171.
13. Казанова Л. А. Прагматические особенности рекламного слогана (на материале русско- и франкоязычной рекламы) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 10-2. С. 102–105.
14. Новгородцева И. Д. Роль рекламного слогана в стратегии позиционирования бренда // Контентус. 2016. № 1. С. 237–242.
15. Свекла Т. П. Слоган как основной компонент рекламного сообщения и его влияние на массовое сознание // Коммуникативные исследования. 2015. № 3. С. 87–95.
16. Гаран Е. П. Рекламный слоган как особый маркер языка рекламы // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2018. № 2. С. 133–136.
17. Данильчук М. В. Особенности перевода названий брендов и рекламных слоганов // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2017. № 183. С. 107–114.
18. Кожанова В. Ю. Лингвистические основы наименований брендов (на примере английского и русских языков): автореф. дис. … канд. филол. наук. Краснодар, 2007. 19 с.
19. Володина А. Н. Влияние рекламы на формирование отношения потребителя к бренду // Сибирский психологический журнал. 2011. № 42. С. 67–78.
20. Середняк Л. Роль слоганов в позиционировании бренда // Вестник МГУП имени Ивана Федорова. 2013. № 6. С. 228–231.
21. Клюев Е. В. Речевая коммуникация. М.: Приор, 1998. 224 с.
22. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003. 280 с.
23. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: КомКнига, 2006. 288 с.
24. Кашкин В. Б. Введение в теорию коммуникации. Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2000. 175 с.
25. Пирогова Ю. К. Стратегии коммуникативного воздействия в рекламе: опыт типологизации // Труды международного семинара «Диалог'2001». М., 2001. Режим доступа: http://www.dialog-21.ru/digest/2001/articles/pirogova/ (дата обращения: 07.09.2020).

original article

Strategies and Tactics of Brand Formation (Based on the Material of Advertising Slogans in French, English, and Russian)

Elena G. Zheludkova
Kemerovo State University, Russia, Kemerovo
jld@rambler.ru
https://orcid.org/0000-0001-6502-7798

Kristina M. Purgina
Secondary School, Russia, Kemerovo

Received 20 Dec 2020. Accepted 18 Feb 2021.

Abstract: This article describes communicative strategies and tactics used by companies to build a brand. The diachronic method made it possible to observe brand development strategies. The analysis featured 104 advertising slogans of 11 companies. Strategies and tactics of communicative influence were identified according to Yu. Pirogova's classification of communicative strategies. The authors see strategies as the goals of creating a company's image, while tactics depend on specific vocabulary, syntactic structures, and means of involving the addressee in the advertising discourse. The list of prevailing strategies included those implemented by the following tactics: Compliance with the needs of the addressee, Increasing brand value in the eyes of the consumer, Informing about brand products, Intimization, Product metaphorization and Influence on the senses. The strategy of rationality was embodied by the tactics of Popularization of a healthy lifestyle and Demonstration of practical benefits. The value-oriented strategy was characterized by the tactic of Informing about brand products. The research results contribute to a better understanding of strategies and tactics in business communication and can be used as demonstration and evidentiary material in teaching cultural linguistics and discourse analysis, as well as for copywriting purposes.
Keywords: pragmatics, diachronic approach, discourse, discourse analysis, addressee, locutionary source, communication, speech impact, communicative act, branding, advertising, translation, translation transformations, metaphor, phraseological unit, translation equivalents

© 2021. The Author(s). This article is distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License

BULLETIN
Kemerovo State University
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-229-236

Citation: Zheludkova E. G., Purgina K. M. Strategies and Tactics of Brand Formation (Based on the Material of Advertising Slogans in French, English, and Russian). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(1): 229–236. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-229-236

Conflicting interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

References

1. Lebedev-Liubimov A. N. *Psychology of advertising.* St. Petersburg: Piter, 2002, 368. (In Russ.)
2. Leini T. A., Semenova E. A., Shilina S. A. *Brand management.* Moscow: Dashkov i K°, 2008, 228. (In Russ.)
3. Keller K. L. *Strategic brand management: creation, valuation and management of brand capital*, 2nd ed. Moscow: Viliams, 2005, 704. (In Russ.)
4. Kostysheva Ia. V. Branding as a manipulator of consumer's consciousness. *Youth and Science*: Proc. IX All-Russian Sci.-technical Conf. students, graduate students, and young scientists from Intern. participation, dedicated to the 385th anniversary of the city of Krasnoyarsk, Krasnoyarsk, 13–25 Apr 2013. Krasnoyarsk: SFU, 2013. Available at: http://elib.sfu-kras.ru/handle/2311/10856?show=full (accessed 9 Oct 2020). (In Russ.)
5. Morozova I. D. *Composing slogans.* Moscow: RIP-Kholding, 2003, 172. (In Russ.)
6. Bernadskaia Iu. S. *Text in advertising*. Moscow: IuNITI, 2008, 288. (In Russ.)
7. Feshchenko L. G. *The structure of the advertising text.* St. Petersburg: Peterb. in-t pechati, 2003, 225. (In Russ.)
8. Blinkina-Melnik M. M. *Promotional text: copywriter problem book.* Moscow: OGI, 2007, 200. (In Russ.)
9. Romanova T. P. *Modern sloganistic.* Samara: Bakhrakh-M, 2013, 192. (In Russ.)
10. Slobodianiuk E. P. *Copywriter's go-to book.* Moscow: Vershina, 2008, 256. (In Russ.)
11. *How to use advertising to build strong brands, ed.* Jones J. P. Moscow: Viliams, 2015, 485. (In Russ.)
12. Arshinova M. A. The brand image as a result of its perception by the consumer. *Innovations and investments*, 2018, (4): 168–171. (In Russ.)
13. Kazanova L. A. Pragmatic peculiarities of an advertising slogan (by the material of Russian and French advertising). *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2016, (10-2): 102–105. (In Russ.)
14. Novgorodtseva I. D. The role of advertising slogan in brand positioning strategy. *Kontentus*, 2016, (1): 237–242. (In Russ.)
15. Svekla T. P. Slogan as a major component of the advertising message and its influence on the mass consciousness. *Communication Studies (Russia)*, 2015, (3): 87–95. (In Russ.)
16. Garan E. P. The advertising slogan as a special marker of advertisement language. *Actual issues of modern philology and journalism*, 2018, (2): 133–136. (In Russ.)
17. Danilchuk M. V. Special aspects of brand names and advertising slogans translation. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena*, 2017, (183): 107–114. (In Russ.)
18. Kozhanova V. Yu. *Linguistic foundations of brand names (English and Russian languages)*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Krasnodar, 2007, 19. (In Russ.)
19. Volodina A. N. Influence of advertising on formation of the relation of the consumer to the brand. *Sibirskiy Psikhologicheskiy Zhurnal*, 2011, (42): 67–78. (In Russ.)
20. Seredniak L. The role of slogans in brand positioning. *Vestnik MGUP imeni Ivana Fedorova*, 2013, (6): 228–231. (In Russ.)
21. Kliuev E. V. *Speech communication*. Moscow: Prior, 1998, 224. (In Russ.)
22. Makarov M. L. *Foundations of discourse theory*. Moscow: Gnozis, 2003, 280. (In Russ.)
23. Issers O. S. *Communication strategies and tactics of Russian speech*. Moscow: KomKniga, 2006, 288. (In Russ.)
24. Kashkin V. B. *Introduction to communication theory.* Voronezh: Izd-vo VGTU, 2000, 175. (In Russ.)
25. Pirogova Iu. K. Communication strategies in advertising: the experience of typology. *Proceedings of the international seminar "Dialog'2001"*. Moscow, 2001. Available at: http://www.dialog21.ru/digest/2001/articles/pirogova/ (accessed 7 Sep 2020). (In Russ.)

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-237-246

оригинальная статья
УДК 81'42

Истинность / ложность как свойства рекламного дискурса: адресатоцентрический аспект

Лидия Густовна Ким
Кемеровский государственный университет, Россия, г. Кемерово
kimli09@mail.ru
http://orcid.org/0000-0003-1712-9663

Екатерина Алексеевна Рафикова
Кемеровский государственный университет, Россия, г. Кемерово

Поступила в редакцию 20.01.2021. Принята к печати 22.03.2021.

Аннотация: Обсуждается проблема истинности / ложности как свойств рекламного дискурса. Описание рекламы осуществляется, с одной стороны, в аспекте лингвистики лжи, а с другой – в русле интерпретирующей лингвистики. В работе предлагается лингвистическое изучение феномена лжи с субъективистских позиций, т. е. в аспекте взаимодействия участников коммуникативного процесса: человека лгущего и адресата ложного дискурса. При субъективистском подходе текст рассматривается в аспекте *соответствует – не соответствует моему представлению о действительности*, т. е. оценивается соответствие миру мыслей. Рекламный дискурс описывается как текст, являющийся объектом рецептивно-интерпретационной деятельности адресата. В статье рассматривается речевое поведение адресата ложного дискурса как его интерпретатора, т. е. в аспекте *как отзовется в адресате ложное слово*. Ставится задача обосновать положение о том, что ложный дискурс определяется не только сферой говорящего, его неискренним речевым поведением, но и сферой адресата. Материалом исследования являются два текста, различающиеся степенью содержания ложной / достоверной информации. Исследование ложного потенциала рекламного дискурса осуществляется методом лингвистического эксперимента. Результаты эксперимента показывают, что каждый рекламный текст оценивается адресатом как содержащий в разной степени ложную информацию. Результат интерпретации текста обусловливается презумпциями адресата и используемыми интерпретационными стратегиями – рационально-логической или эмоционально-чувственной.
Ключевые слова: рекламный текст, интерпретация, адресат, стратегии восприятия, ложный дискурс, коммуникативный процесс, лингвистический эксперимент

Цитирование: Ким Л. Г., Рафикова Е. А. Истинность / ложность как свойства рекламного дискурса: адресатоцентрический аспект // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 1. С. 237–246. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-237-246

Введение

Данное исследование, посвященное изучению проблемы истинности / ложности как свойств рекламного дискурса, выполняется, с одной стороны, в аспекте лингвистики лжи, а с другой – в русле интерпретирующей лингвистики как изучение рецептивно-интерпретационной деятельности адресата.

Лингвистика лжи, основы которой были заложены Х. Вайнрихом [1], сегодня развивается в русле коммуникативно-прагматического изучения проблемы ложного дискурса: в сопоставительном аспекте рассматриваются концепты *истина* и *ложь* [2; 3], обсуждаются вопросы, связанные с коммуникативной целью высказывания, создается языковой портрет человека лгущего [4] и устанавливаются его интенции [5], исследуются условия неискреннего поведения автора, вскрывается психология обмана [6, с. 13–16]. В монографических работах представлена систематизация теоретического материала по проблеме лжи и вырабатываются рекомендации по применению теоретических наработок в прикладных сферах [2; 7].

Изучение феномена лжи как лингвистического объекта осуществляется преимущественно с *объективистских позиций*: текст получает лингвистическую оценку в аспекте *соответствует – не соответствует действительности*, т. е. анализируется соответствие содержания текста миру вещей в русле прагмалингвистической теории лжи [5]. При этом авторы используют как традиционные методики выявления маркеров ложного дискурса, в частности контент-анализ [8], так и современные компьютерные программы, например программу *Linguistic Inquiry and Word Count* [9].

В русле современных коммуникативно-прагматических исследований не менее значимым представляется лингвистическое изучение феномена лжи с *субъективистских позиций*, т. е. в аспекте взаимодействия участников коммуникативного процесса: человека лгущего и адресата ложного дискурса. При субъективистском подходе текст оценивается в аспекте *соответствует – не соответствует моему представлению о действительности*, т. е. оценивается соответствие миру мыслей [10].

© 2021. Авторы. Статья распространяется на условиях международной лицензии CC BY 4.0

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-237-246

Идеи, развиваемые в настоящей статье, продолжают исследования Н. Д. Голева и ряда лингвистов возглавляемой им научной школы «Социально-когнитивное функционирование языка» [11; 12]. Направление предлагаемого исследования осуществляется в русле интерпретирующей лингвистики в ее адресатоцентрическом преломлении. Успешная реализация этого подхода представлена не только в указанных работах известного ученого, но и в ряде публикаций представителей этой научной школы.

Актуальность и новизна предлагаемого исследования рекламного дискурса определяется тем, что его описание выполнено не в традиционном текстоцентрическом аспекте, в фокусе которого – реализация образных средств языка и использование приемов языковой игры. Новизна работы заключается в ее соотнесенности с лингвистикой лжи и, что особенно важно, реализацией идей интерпретирующей лингвистики в адресатоцентрическом аспекте, т. е. с учетом фактора адресата [13]. Мы исходим из презумпции, согласно которой коммуникативный процесс рассматривается не только как событие реализации авторской интенции, но и событие встречной мыслительной активности адресата, его ментально-продуцирующей деятельности [14].

Деятельность адресата – не механическое обратное действие декодирования замысла автора, как это утверждается сторонниками информационно-кодовой модели коммуникации, а креативный и потому относительно самостоятельный и независимый процесс по созданию собственного текста. В этой деятельности наличествует, как мы полагаем, собственная интенциональность и соответственно источники энергетики. Следовательно, коммуникацию можно представить как двухэтапный процесс: на первом этапе осуществляется реализация и текстовое воплощение замысла говорящего, а на втором – восприятие адресатом текстовой формы и ее интерпретация [15]. Причем только совокупность этих этапов обеспечивает механизм реализации коммуникативного процесса, цель которого состоит, с одной стороны, с позиции автора, в речевой реализации замысла и достижении перлокутивного эффекта, а с другой стороны, с позиции адресата – в получении некоего «коммуникативного удовлетворения» как результата рецептивного когнитивно-семантизирующего процесса [16].

В соответствии со способами восприятия и интерпретации текста реципиентом мы выделяем две противопоставленные интерпретационные стратегии – ***рационально-логическую и эмоционально-чувственную***. При использовании рационально-логической стратегии интерпретатор воспринимает текст на рациональном уровне, т. е. определяет, насколько текст соответствует действительности и какова практическая польза от извлечения заключенной в тексте информации. При использовании эмоционально-чувственной стратегии происходит процесс восприятия рекламного текста на эмоционально-интуитивном уровне; текст оценивается с таких позиций, как *нравится, хорошо, уместно* или *не нравится, плохо, неуместно*.

Еще одна классификация интерпретационных стратегий основывается на критерии исходной установки. Интерпретационные стратегии адресата по этому основанию подразделяются на ***стратегии языкового доверия*** и ***стратегии языкового скепсиса***. Первый вид стратегий предполагает, что адресат исходит из презумпции *Верю всему, что написано*, основанной на коммуникативных принципах. Язык и мир в данном случае представляются адресату симметричными. Процесс интерпретации заключается в выявлении положительно оцениваемых ключевых слов. Стратегия языкового скепсиса следует иной модели коммуникативного поведения и не поддерживает принцип симметрии слова и мира. Адресат исходит из презумпции *Не доверяю тому, что написано, так как знаю, что…* При восприятии текста адресат апеллирует к собственному опыту, и это определяет его скептическое отношение к представленному тексту.

Разрабатываемые в русле лингвистики лжи проблемы решаются нами на материале рекламного дискурса, интерес к которому в последнее десятилетие активно возрастает. В работах, посвященных этому жанру, отмечаются следующие его содержательно-формальные характеристики: актуальность, релевантность, стереотипность, интегративность, стандартизированность, персуазивность.

Актуальность и релевантность (соответствие запросам потребителя) рекламного дискурса связаны с обслуживанием современных нужд и потребностей общества. Стереотипность есть отражение существующих в обществе представлений и устоявшихся оценок. Стандартизированность обусловлена наличием в рекламе жанровых, речевых, стилистических стандартов, помогающих идентифицировать рекламное сообщение. Под персуазивностью же понимается воздействие адресанта на сознание получателя с заданной коммуникативно-прагматической целью [17–19].

Реализуя данную цель, автор рекламного сообщения пользуется различными способами воздействия. Исследователи выделяют два вида рекламы по способу воздействия на адресата – рациональную (предметную) и эмоциональную [18]. Объектом воздействия в рациональном рекламном сообщении является разум покупателя, поэтому важными составляющими рекламного текста в таком виде рекламы являются аргументы, факты, доводы, а также наглядно подтверждающие их чертежи или рисунки. В отличие от рациональной, эмоциональная, или по-другому ассоциативная, реклама вызывает воспоминания и ассоциации идей и представлений покупателя, концентрируется на различных чувствах и эмоциях, на подсознательной области человеческого мышления. Важным в данном виде рекламы являются рисунки, цвета и в некоторой степени звук; а в словесной составляющей рекламного текста важны яркие описания, лексические единицы, вызывающие какие-либо ассоциации покупателя, эмоциональная окрашенность лексики, экспрессивность.

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-237-246

Данные виды рекламы могут сочетаться, что и наблюдается в большинстве рекламных сообщений [14; 18; 20].

Оппозиция *разум – чувства* реализуется и в интерпретационной деятельности адресата. При восприятии рекламы адресат может пользоваться рационально-логической либо эмоционально-чувственной стратегией.

Таким образом, в литературе, посвященной специфике рекламы в прагматическом и лингвистическом аспектах, данный дискурс, как правило, исследовался с точки зрения психологии адресата [20–22]. Реклама в современном обществе становится главным инструментом в продвижении товара на рынке, поэтому рекламный текст как основное средство рекламодателя требует особого внимания лингвистов. При этом рекламный дискурс, изучаемый прежде всего в аспекте отражения в нем иллокуции, т. е. коммуникативного намерения автора [23], необходимо исследовать также и в перлокутивном аспекте, т. е. с учетом восприятия адресатом содержащейся информации и отношения к ней потенциального потребителя рекламируемого товара или услуги. Именно этот аспект – лингвоинтерпретационный – определяет специфику предлагаемого исследования.

Такие явления в рекламе, как ложь, утаивание каких-либо реальных свойств продукта, преувеличение его положительных качеств, хоть и являются искажением реальных фактов, тем не менее довольно часто используются рекламодателями. Особенности языка и принципы его употребления в рекламном тексте используются с целью воздействия на адресата (языковое манипулирование). Данный процесс часто является скрытым, т. е. неосознаваемым адресатом. В свете лингвистики лжи рекламный текст является репрезентативным для изучения, т. к. в силу своей клишированности и типизации содержит различные маркёры, указывающие на ту или иную тактику языкового манипулирования, а некоторые индикаторы могут даже выявить вероятно ложные высказывания. В исследованиях указываются следующие приемы, искажающие реальную информацию о продукте: преувеличение его достоинств («дутая реклама»); прием «заманить и подменить» – в магазине покупателю предлагаются иные условия покупки; прием тонкого подтекста – использование намеков, вызывающих у покупателя определенные ассоциации и т. д. [6]. Некоторые приемы считаются мошеннической практикой и в ряде стран наказуемы.

В Федеральном законе 2006 г. «О рекламе» зафиксированы случаи, когда реклама считается недобросовестной и недостоверной. С проблемой лжи в рекламе связана «недостоверная реклама», которая, в соответствии с текстом закона, содержит сведения, не соответствующие действительности.

Вследствие манипулятивного характера рекламы у адресата формируется предвзятое отношение к ней. Однако это не препятствует тому, что адресат становится жертвой манипуляции и лжи. В данной статье мы рассматриваем речевое поведение адресата ложного дискурса как его интерпретатора, т. е. в аспекте *как отзовется в адресате ложное слово*. Иными словами, мы ставим задачу обосновать положение о том, что ложный дискурс определяется не только сферой говорящего, его неискренним речевым поведением, когда говорящий нарушает постулат качества «Будь искренним», но и сферой адресата. В этом аспекте можно вести речь о закономерной асимметрии характеристики текста: ложный в пространстве говорящего дискурс оценивается как правдивый в пространстве слушающего, и, напротив, правдивый в аспекте говорящего дискурс может характеризоваться как ложный в пространстве адресата.

Непосредственным материалом исследования являются два рекламных текста: Салон красоты «Лавали» в Кемерово; Тера онлайн – безрисковый криптотрейдинг. Рекламные тексты различаются степенью содержания правдивой / ложной информации и соответственно разной степенью доверия адресата при восприятии рекламируемого продукта или услуги. Данные рекламные тексты исследуются в условиях лингвистического эксперимента, участниками которого были студенты Кемеровского государственного университета. Эксперимент проходил в два этапа, на каждом этапе испытуемым предлагался один из рекламных текстов с целью выявления восприятия содержания текста в аспекте соответствия / несоответствия действительности. При проведении эксперимента верифицировалась следующая гипотеза: восприятие адресатом рекламного текста в аспекте содержания ложной / правдивой информации обусловлена следующими факторами: а) содержанием текста; б) стратегиями интерпретации (рационально-логической или эмоционально-чувственной; стратегией языкового доверия или языкового скепсиса).

Лингвистический эксперимент рекламного текста

1. Салон красоты «Лавали» в Кемерово

На первом этапе участникам эксперимента (30 человек) был предложен следующий рекламный текст:

САЛОН КРАСОТЫ «ЛАВАЛИ» В КЕМЕРОВО

Салон красоты «Лавали» – это неповторимая атмосфера уюта, высокий уровень сервиса, опытные специалисты, сертифицированные методики и материалы.

Каждый день мы дарим своим клиентам красоту, молодость и уверенность – эффект, сравнимый со спа-салоном. Сотрудники центра красоты делают свою работу качественно и ценят комфорт посетителей. Здесь Вы сможете отвлечься от всех дневных забот и расслабиться в руках профессионального косметолога, опытного мастера ногтевого сервиса или талантливого парикмахера-стилиста, а внимательный и компетентный администратор поможет Вам записаться на услугу в удобное для Вас время. На сайте Вы можете ознакомиться с ценами салона красоты. Приятным преимуществом нашего салона является автомобильная парковка и удобное расположение.

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-237-246

Лингвопрагматическая характеристика рекламного текста. Иллокутивной целью автора в данном тесте является привлечение внимания адресата к салону красоты «Лавали» и предлагаемым услугам. При описании перечня преимуществ рекламируемого салона автор (рекламодатель) использует преимущественно эмоциональную стратегию, которая реализуется в используемых лексических единицах и грамматических конструкциях: *неповторимая атмосфера уюта; дарим красоту, молодость и уверенность; вы сможете отвлечься от дневных забот и расслабиться; талантливый парикмахер-стилист; внимательный и компетентный администратор; приятное преимущество.* Эмоциональная стратегия направлена на стимулирование положительных эмоций адресата и достигается за счет фатики: *сотрудники центра красоты делают свою работу качественно и ценят комфорт посетителей.* Кроме того, автор использует прием индивидуализации адресата: *Вы сможете отвлечься от всех дневных забот.* Воздействие реализуется на всех языковых уровнях: фонетическом (*Лавали*), лексическом (*мы дарим клиентам; ценят комфорт посетителей; удобное для Вас время; приятное преимущество*).

Признаки содержания недостоверной информации в тексте. Данный текст обнаруживает признаки недостоверной информации. Адресант, реализуя свои интенции, использует следующие манипулятивные стратегии:

- употребление рекламных **штампов**: *Каждый день мы дарим своим клиентам красоту, молодость и уверенность*;
- **прием навязывания темы**, заключающийся в переключении внимания с вопроса о качестве предлагаемой услуги и ее стоимости к вопросу о преимуществах: *автомобильная парковка и удобное расположение*;
- содержание текста вследствие **насыщенности эпитетами**, направленными на то, чтобы ввести в заблуждение потенциального клиента, не передает конкретной информации: *неповторимая атмосфера уюта, высокий уровень сервиса, опытные специалисты; талантливого парикмахера-стилиста; внимательный и компетентный администратор*.

Анализ показывает, что текст имеет некоторые признаки ложного дискурса и содержит манипулятивный потенциал. Указанные характеристики оказывают воздействие на адресата и детерминируют необходимый автору перлокутивный эффект.

В результате эксперимента было получено 30 ответов, которые представляют собой в генетическом плане вторичные высказывания, а в семантико-прагматическом – метаконструкции, содержащие интерпретацию первичного текста [24]. Ответы-интерпретации адресатов позволяют сгруппировать их в соответствии с двумя смысловыми версиями: Да, я воспользуюсь услугой; Нет, я не воспользуюсь услугой.

1. **Да, я воспользуюсь услугой** (14 ответов, 47 %): *Текст убедителен и заинтересовывает; Названы все условия, при которых клиенту будет комфортно в салоне; Названы преимущества салона; Привлекает предложение удобной парковки; Хочется испытать комфорт этого салона и предложенные удобства; Стиль рекламы завораживающий; Красочное и красивое описание; Информация в данной рекламе не вызывает сомнений и предельно ясна; Приятно попасть в руки опытного мастера и в уютную обстановку; В этом салоне женщина может расслабиться, преобразиться и стать лучше; Привлекает подчеркнутая опытность и профессиональность кадров; Реклама интересная; Не заявлены слишком высокие требования; Это именно то, что средний салон красоты на российском рынке должен предлагать клиенту; Удобное расположение и парковка важны для удобства посещения; Мастера имеют опыт.*

2. **Нет, я не воспользуюсь услугой** (16 ответов, 53 %): *Текст содержит информацию типичного характера; Слабая аргументация; Не внушает доверия; Не привлекло; Не вызвало интереса; Реклама слишком положительна; Возникает ощущение навязчивости; Не указано какие именно и по какой цене оказываются услуги; Набор «красивых фраз», «абстрактное» описание; Не понятно, какие услуги предлагает данный салон; Формулировки в тексте более подходят для рекламы массажного салона; Оценочные прилагательные, не подкрепленные доказательствами, по сути, не имеют никакого влияния; Текст слишком напыщенный; Реклама примитивна и не выполняет своих функций; Слишком много пафоса, лишних определений; Впечатление дешевого салона с низким уровнем обслуживания; Неубедительная терминология («сертифицированные методики»); Перегруженность пустыми, заумными фразами; Мало преимуществ названо; Парковка и расположение – сомнительно; Многие фразы сформулированы некорректно; Вводит в сомнение фраза «сертифицированные методики»; впечатление, что косметолог перепутан с массажистом; Смущает, что преимущество салона – это парковка, а не скидки или высокая квалификация работников, например; Не интересны преимущества, т. к. нет автомобиля; «Сертифицированные методики»; В салон ходят за услугами, а не за тем, чтобы «отвлечься от забот», расслабляются от процедур, а не «от рук профессионалов»; Смущает формулировка «сертифицированные методики»; «Талантливый парикмахер» – в данной профессии не на талант рассчитываешь, а на умение; обычно не пишут о расположении и парковке; Настораживает обилие определений; Нет уверенности в опытности работников; Вряд ли салон может подарить* молодость *и уверенность.*

Результаты эксперимента показывают, что 53 % реципиентов отказалось от предлагаемой в рекламе услуги. Соотношение положительных и отрицательных ответов составляет 47 % и 53 %. Для полученного соотношения существуют объективные языковые основания, связанные со степенью доверия информации, содержащейся в тексте. Различные варианты ответа на вопрос анкеты свидетельствуют о разной степени доверия адресата к тексту. Некоторые элементы текста вызывают различные реакции адресатов.

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-237-246

В ходе анализа рекламного текста салона красоты были выявлены причины доверительного отношения к тексту:

- создание образа комфорта и уюта: *неповторимая атмосфера уюта, отвлечься от забот*;
- преимущества салона являются для некоторых адресатов мотивацией для посещения салона: *парковка и расположение;*
- красочность описания, использование эпитетов;
- для некоторых адресатов информация, представленная в тексте, является исчерпывающей;
- акцент на опытность мастеров: *опытные специалисты, опытный мастер, сертифицированные методики*.

Данные факторы влияют на восприятие адресатами текста как содержащего достоверную информацию. Данная реакция (ответ «Да») присуща языковым личностям, доверяющим языковой форме.

Участники эксперимента, ответившие утвердительно на данный вопрос, реализуют ***эмоционально-чувственную интерпретационную стратегию***, заключающуюся в том, что при восприятии и интерпретации текста реципиенты реагируют на его лексические единицы, которые оказывают воздействие на эмоциональную сферу, т. е. в своих ответах-реакциях повторяют ключевые лексические единицы исходного текста, тем самым выявляют свою пресуппозицию: *Я верю тому, что написано в этом тексте*.

Статистические данные (53 % опрашиваемых не воспользовались бы данной услугой) показали, что данный текст может показаться адресату в определенной степени недостоверным. Данная интерпретация текста адресатом обусловлена свойствами рекламного текста:

- принадлежность текста к жанру рекламы;
- наличие сложных для понимания терминов: *сертифицированные методики*;
- обилие определений: *неповторимая атмосфера; высокий уровень сервиса; опытные специалисты; сертифицированные методики; профессионального косметолога; опытного мастера; талантливого парикмахера; приятным преимуществом.* Всего обнаружено 12 определений, выраженных полными прилагательными.

Адресаты, которые оценивают текст как содержащий недостоверную информацию, отмечают его особенности:

- шаблонное построение некоторых предложений: *Текст начинается с заголовка, который содержит название товара или услуги; В конце упоминание преимуществ фирмы; Текст содержит часто используемое предложение решения проблем – «сможете отвлечься от всех дневных забот и расслабиться»*;
- информация не исчерпывающая: *нет перечисления услуг*;
- некорректная формулировка фраз: *в руках косметолога, а не массажиста*;
- преимущества, не мотивирующие некоторых адресатов на посещение заведения: *парковка и расположение*;
- происходит подмена понятий: *вместо конкретного получения услуг предлагается «отвлечься» и «расслабиться»; «талант» вместо «умение», «опыт»*.

Отмеченные особенности текста влияют на восприятие адресатами текста как содержащего недостоверную информацию, т. е. на восприятие текста как ложного. Данная реакция (ответ «Нет») присуща ***языковым личностям, не доверяющим языковой форме***.

Участники эксперимента, ответившие отрицательно на данный вопрос, реализуют ***рационально-логическую интерпретационную стратегию***, заключающуюся в том, что при восприятии и интерпретации текста они не копируют диктумную составляющую исходного текста (содержание), а осуществляют анализ его формы и содержания, т. е. в своих ответах-реакциях критически анализируют ключевые лексические единицы исходного текста. Тем самым выявляют свою пресуппозицию: *Я не верю тому, что написано в этом тексте*.

При ответе на вопросы адресатами представлены различные аргументы. Так, в группе ответов 1 («Да») отмечается меньшая вариативность аргументов. Адресат, доверяющий языковой форме, воспринимает информацию текста в целом, не актуализируя конкретные детали: *Текст убедителен и заинтересовывает; Названы преимущества салона; Информация в данной рекламе не вызывает сомнений и предельно ясна; Реклама интересна; Стиль рекламы завораживающий*. Как следует из ответов, реципиенты воспринимают текст на эмоционально-чувственном уровне: *заинтересовывает, клиенту комфортно, информация ясна, реклама интересна, завораживает*.

В группе ответов 2 («Нет») наблюдается противоположная тенденция – адресаты используют значительное количество аргументов и обращают внимание на отдельные элементы текста: *смущает формулировка «сертифицированные методики»; «талантливый парикмахер» – в данной профессии не на талант рассчитываешь, а на умение; Обычно не пишут о расположении и парковке; Впечатление, что косметолог перепутан с массажистом*.

Таким образом, данный рекламный текст характеризуется как свойствами истинности, так и свойствами ложности в зависимости от характера рецептивно-интерпретационной деятельности адресата: большинство реципиентов использовали рационально-логическую интерпретационную стратегию, основанную на анализе отдельных элементов рекламного текста. При этом определенная часть реципиентов исходила из установки *Верю тому, что написано*, в то время как другие адресаты выразили скептическое отношение к содержанию рекламного текста, исходя из презумпции *Не верю тому, что написано*.

2. Тера онлайн – безрисковый криптотрейдинг

Далее предлагается исследование второго рекламного текста, который противопоставлен первому не только

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-237-246

по содержанию – рекламируемой услуги, но и по степени репрезентации недостоверной (ложной) информации. Кроме того, данный рекламный текст существенно отличается от предыдущего перлокутивным эффектом, который был выявлен в результате лингвистического эксперимента.

ТЕРА ОНЛАЙН
безрисковый криптотрейдинг

Нам часто задают такой вопрос: «А подойдет ли мне этот вид заработка?» Давайте попробуем понять, подойдет ли этот вид заработка именно вам.

Скорее включайтесь и начинайте зарабатывать на криптовалюте по 45 500 ₽ в день!

Законно ли зарабатывать на криптовалюте, если результат всех сделок известен заранее?

Однозначно – да. Зарабатывать на криптовалюте – это легально. Закон не запрещает подобной деятельности, поскольку заранее известный результат сделок в криптоторговле – это не «внутренняя игра», а точный расчет в силу отсутствия криптоинфляции. На данный момент о нашей стратегической разработке знают не многие, поэтому сейчас наш звездный час, друзья, и вместе мы еще долгое время сможем зарабатывать большие деньги.

ПОЛУЧИТЕ НАШУ ПРОГРАММУ СЕЙЧАС
И ЗАРАБОТАЙТЕ ЕЩЕ СЕГОДНЯ СВОИ ПЕРВЫЕ
45 500 ₽!

Предметом данного рекламного текста является криптотрейдинг «Тера онлайн». Источником рекламы является одноименный сайт «Тера онлайн».

Лингвопрагматическая характеристика рекламного текста. Иллокутивной целью автора в данном тексте является привлечение внимания адресата к новому виду заработка. Автор использует рациональную и эмоциональную стратегии. Рациональная стратегия проявляется в приводимых автором аргументах (*это легально, точный расчет в силу отсутствия криптоинфляции, долгое время сможем зарабатывать*), использовании нумеративной лексики. Эмоциональная стратегия направлена на эмоции адресата и достигается за счет фатики (*друзья, наш звездный час*). Кроме того, автор использует прием индивидуализации адресата (*какой заработок подходит именно вам*). Воздействие реализуется на всех языковых уровнях.

Признаки содержания недостоверной информации в тексте. Данный текст обнаруживает явные признаки недостоверной информации. Адресант, реализуя свои интенции, использует следующие манипулятивные стратегии:

- употребление рекламных **штампов**: *получите нашу программу сейчас и заработайте*;
- **прием навязывания темы**, заключающийся в переключении внимания с вопроса о легальности к вопросу о преимуществах такого заработка; данный прием реализуется на основе **инициативы первой реплики**, когда автор сам задает вопросы, которые могут возникнуть у адресата;
- содержание текста вследствие насыщенности терминологией не вполне раскрыто для адресата, не знакомого с данной сферой;
- приемы **апелляции** к тщеславию (*наш звездный час*), доверию (*друзья*);
- **мотив приобщения к тайне** (*о нашей стратегической разработке знают не многие*), обретения привилегий;
- **экономический мотив** за счет указания точной суммы заработной платы (*45 500 ₽ в день*).

Анализ показывает, что текст имеет явные признаки ложного дискурса и содержит манипулятивный потенциал. Указанные характеристики оказывают воздействие на адресата и детерминируют перлокутивный эффект.

Далее мы провели лингвистический эксперимент. Участникам эксперимента (студентам Кемеровского университета – 30 человек) был предложен данный текст, при прочтении которого им предстояло ответить на вопрос: *Воспользуетесь ли Вы предлагаемой в рекламе услугой? Свой ответ аргументируйте.*

1. **Да, я воспользуюсь услугой** (1 ответ, 3 %): *Я поддаюсь влиянию такой рекламы, не раз попадала в ловушки с рекламой в интернете, к сожалению. Деньги мои необоснованно улетучивались. Сама реклама заинтересовывает, много неизвестных терминов, о значении которых тут же хочется узнать.*

2. **Нет, я не воспользуюсь услугой** (29 ответов, 97 %): *Это ложь. Слишком большая сумма предлагается за один день работы; Не воспользуюсь, так как я консерватор на уровне натурального обмена; Проблематично доверять деньгам, основанным на наборе цифр. Такого не бывает в реальности. Фраза «О нашей стратегической разработке знают не многие» настораживает, впрочем, как и само предложение зарабатывать такую сумму в день; Криптотрейдинг не может быть безрисковым, как я знаю, это не всегда легально. Точного расчета быть не может, все базируется на прогнозах. Если бы все было так просто, бедности бы не знал никто. Всё может рухнуть в один момент, свои вложения не вернешь; Данная сфера меня не интересует, я не разбираюсь в данных понятиях. Сумма заработка слишком высокая, источник заработка сомнительный, условия слишком просты, текст составлен в разговорной форме в некоторых местах; Я не верю в легкие деньги. Это классический развод на деньги. Так быстро нельзя заработать такое количество денег, Это всего лишь реклама. Чтобы получить эту программу, вероятно, нужно будет внести определенную сумму; Мне не понятен принцип криптотрейдинга. Я не интересуюсь подобным заработком; Много непонятных слов. Не раскрыта суть проекта; Это авантюра. Бесплатного сыра в мышеловке не бывает; Мало известно о данной сфере. Построено по шаблонному примеру; Вызывающий и кричащий, не конкретизирующий и не дающий гарантий текст отторгает; Эта сфера*

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-237-246

не развита. Трудно понять, в чем состоит суть данного вида заработка; Ничего не понятно.

Как видим, текст вызвал негативную реакцию адресатов (97 % дали ответ «Нет»). Предложенный текст не вызывает доверия по ряду причин. **Экстралингвистические причины** связаны с явлениями внеязыковой действительности, так или иначе влияющими на восприятие данного текста. К ним относится существование стереотипов, касающихся сфер рекламы и заработка в интернете (*бесплатный сыр бывает только в мышеловке*), жизненный опыт пользования предложенным видом услуг (*Такого не бывает в реальности*), наличие многочисленных фактов мошенничества в Интернете (*Это классический развод на деньги*) и т. д. Все эти факторы формируют предвзятое отношение к текстам данного типа, заставляя адресата рассматривать их сквозь призму недоверия и пренебрежения.

Собственно **лингвистическими факторами** недоверия к содержанию текста являются:

- псевдонаучная манера выражения, насыщенность профессиональными терминами (криптовалюта, криптоинфляция и т. д.): *Я не разбираюсь в данных понятиях; Мне не понятен принцип криптотрейдинга; Много непонятных слов; Трудно понять, в чем состоит суть данного вида заработка*;
- использование шаблонных приемов привлечения внимания адресата: *Построено по шаблонному примеру*; *Это классический развод на деньги*, а именно:
  - создание дефицита: *На данный момент о нашей стратегической разработке знают не многие*;
  - призыв к действию, использование глаголов повелительного наклонения: *Скорее включайтесь и начинайте зарабатывать*;
  - создание чувства необходимости воспользоваться услугой как можно скорее: *Скорее включайтесь, Сейчас наш звездный час, друзья*;
  - обозначение большой суммы заработка: *Начинайте зарабатывать на криптовалюте по 45 500 ₽ в день*;
- элементы разговорной речи: обращение *друзья*, фраза *сейчас наш звездный час*;
- содержательная неполнота данного рекламного текста: *Не раскрыта суть проекта, не конкретизирующий и не дающий гарантий текст; Трудно понять, в чем состоит суть данного вида заработка*;
- использование метафоры, значение которой становится понятным адресату лишь при наличии у него базовых знаний в данной сфере: *Результат сделок в криптоторговле – это не «внутренняя игра», а точный расчет*.

Таким образом, большинство реципиентов отказались от данной услуги и интерпретировали текст как ложный, что характеризует их как языковых личностей, не доверяющих языковой форме, а текст – как обладающий свойствами ложности. При ответах на вопросы участники эксперимента, отказавшиеся от услуги, реализуют рационально-логическую интерпретационную стратегию, обращают внимание на конкретные детали и отдельные элементы, критически подходят к анализу текста. Данный текст слишком очевидно обнаруживает несоответствие действительности, является ложным и не вызывает доверия у реципиентов.

Заключение

Исследование рекламного дискурса с субъективистских позиций, т. е. в аспекте взаимодействия участников коммуникативного процесса: человека лгущего, с одной стороны, и адресата ложного дискурса – с другой, предполагает рассмотрение рекламы в адресатоцентрическом аспекте. Рекламный дискурс при таком подходе описывается как текст, являющийся объектом рецептивно-интерпретационной деятельности адресата. Анализ рекламных текстов позволяет выявить признаки содержания в нем недостоверной (ложной) информации. Экспериментальная верификация гипотезы подтверждает, что каждый рекламный текст оценивается адресатом как содержащий в разной степени ложную информацию. Результат интерпретации текста обусловливается содержанием рекламы, презумпциями адресата и используемыми им интерпретационными стратегиями – рационально-логической или эмоционально-чувственной.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Финансирование: Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ (проект № 19-012-00202 «Обыденная политическая коммуникация в социальных сетях: комплексный лингвистический анализ»).

Литература

1. Вайнрих Х. Лингвистика лжи // Язык и моделирование социального взаимодействия / ред. В. В. Петров. М.: Прогресс, 1987. С. 44–87.
2. Земскова Н. А. Концепты «истина», «правда», «ложь» как факторы вербализации действительности: когнитивно-прагматический аспект (на материале русского и английского языков): дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2006. 200 с.
3. Tarski A. The semantic conception of truth and the foundations of semantics // Philosophy and Phenomenological Reseach. 1944. Vol. 4. № 3. P. 341–375.
4. Шаховский В. И. Человек лгущий в реальной и художественной коммуникации // Человек в коммуникации: аспекты исследования / науч. ред. В. И. Шаховский. Волгоград: Перемена, 2005. С. 173–204.

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-237-246

5. Ленец А. В. Прагмалингвистическая теория лжи // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2013. № 1. С. 86–90.
6. Форд Ч. Психология обмана. Как, почему и зачем лгут даже честные люди. М.: Эксмо, 2013. 400 с.
7. Ленец А. В. Прагматика лжи. Ростов н/Д: ЮФУ, 2008. 284 с.
8. Глаголев Н. В. Ложная информация и способы ее выражения в тексте // Филологические науки. 1987. № 4. С. 61–67.
9. Литвинова Т. А., Литвинова О. А. Исследование лингвистических характеристик текстов, содержащих намеренно искаженную информацию, с помощью программы Linguistic Inquiry and Word Count // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2015. № 4. С. 71–77. DOI: 10.18384/2310-712X-2015-4-71-77
10. Ким Л. Г. Дискурс лжи в аспекте интерпретационной деятельности адресата // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 5. С. 80–84.
11. Голев Н. Д., Ким Л. Г. Лингвоперсонология и обыденное метаязыковое сознание (варианты и инварианты интерпретирующей языковой личности рядового носителя русского языка) // Языковая личность: моделирование, типология, портретирование. Сибирская лингвоперсонология / ред. Н. Н. Шпильная. М.: Ленанд, 2014. Т. 1. С. 81–94.
12. Голев Н. Д., Ким Л. Г. Обыденные политические интернет-комментарии в зеркале конфликта интерпретаций // Социально-когнитивное функционирование языка / гл. ред. Н. Д. Голев; отв. ред. Е. В. Кишина. Кемерово: КемГУ, 2017. С. 19–34.
13. Арутюнова Н. Д. Фактор адресата // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1981. Т. 40. № 4. С. 356–367.
14. Крапивкина О. А. Две грани дискурса – две ипостаси субъекта // Сибирский филологический журнал. 2016. № 1. С. 137–143. DOI: 10.17223/18137083/54/16
15. Ким Л. Г., Голев Н. Д. Об отношениях адресата, автора и текста в парадигме лингвистического интерпретационизма // Сибирский филологический журнал. 2008. № 1. С. 144–153.
16. Ким Л. Г. Вариативно-интерпретационное функционирование текста. 3-е изд., исп. и доп. Кемерово: КемГУ, 2012. 72 с.
17. Кохтев Н. Н. Реклама: искусство слова. М.: МГУ, 1997. 96 с.
18. Лившиц Т. Н. Специфика рекламы в прагматическом и лингвистическом аспектах: дис. ... канд. филол. наук. Таганрог, 1999. 354 с.
19. Пирогова Ю. К., Баранов А. Н., Паршин П. Б. Рекламный текст: лингвистика и семиотика. М.: Изд. дом Гребенникова, 2000. 270 с.
20. Мокшанцев Р. И. Психология рекламы. М.: ИНФРА-М; Новосибирск: Сибирское соглашение, 2007. 228 с.
21. Стрельникова Е. С. Реклама как объект изучения в современной лингвистической литературе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2006. № 5. С. 62–68.
22. Терпугова Е. А. Рекламный текст как особый тип императивного дискурса: дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2000. 181 с.
23. Федотова Л. Н. Реклама в коммуникационном процессе. М.: Камерон, 2005. 464 с.
24. Перфильева Н. П. Метаконструкции: семантико-прагматический подход // Сибирский филологический журнал. 2018. № 4. С. 195–204. DOI: 10.17223/18137083/65/18

original article

Truth / Falsity as Properties of Advertising Discourse: Addressee-Centered Aspect

Lidia G. Kim
Kemerovo State University, Russia, Kemerovo
kimli09@mail.ru
http://orcid.org/0000-0003-1712-9663

Ekaterina A. Rafikova
Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

Received 13 Mar 2021. Accepted 17 Mar 2021.

Abstract: The research featured the problem of truth / falsity as properties of advertising discourse. Advertising is described both within the linguistics of lying and the interpretive linguistics. The paper introduces a linguistic study of the phenomenon of lying from the subjectivist positions, i.e. as the interaction between two communicants: the liar and the recipient of the lies. Subjectivists interpret the text as compliant or non-compliant to one's idea of reality, i.e. the conformity to the world of thought.

© 2021. The Author(s). This article is distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-237-246

Advertising discourse is the object of the recipient's receptive and interpretive activity. The authors studied the speech behavior of the interpreter of the false discourse, i.e. how the lies affected the addressee. The research objective was to prove the thesis statement that discourse of lies is determined not only by the liar and their speech behavior, but also by the recipient of the lies. The study featured two texts that differed in the extent of false and reliable information. The lying potential of the advertising discourse was studied by the method of linguistic experiment. Each advertisement was evaluated by the recipient as containing information of various degrees of falsehood. The interpretation depended on the presumptions of the recipient and their choice of either rational-logical or emotional-sensual interpretive strategy.
Keywords: advertising text, interpretation, addressee, perception strategies, false discourse, communicative process, linguistic experiment

Citation: Kim L. G., Rafikova E. A. Truth / Falsity as Properties of Advertising Discourse: Addressee-Centric Aspect. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(1): 237–246. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-237-246

Conflicting interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Funding: The was supported by the grant from the Russian Foundation for Basic Research, project No. 19-012-00202 "Everyday political communication in social networks: a comprehensive linguistic analysis".

References

1. Weinrich H. Linguistics of lying. *Language and modeling of social interaction*, ed. Petrov V. V. Moscow: Progress, 1987, 44–87. (In Russ.)
2. Zemskova N. A. *Concepts "true", "truth", and "lies" as factors of verbalization of reality: cognitive-pragmatic aspect (based on the material of Russian and English languages)*. Cand. Philol. Sci. Diss. Krasnodar, 2006, 200. (In Russ.)
3. Tarski A. The semantic conception of truth and the foundations of semantics. *Philosophy and Phenomenological Reseach*, 1944, 4(3): 341–375.
4. Shakhovsky V. I. The lying man in real and artistic communication. *Man in communication: research aspects*, ed. Shakhovsky V. I. Volgograd: Peremena, 2005, 173–204. (In Russ.)
5. Lenets A. V. Pragmalinguistics theory of lie. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, 2013, (1): 86–90. (In Russ.)
6. Ford Ch. The psychology of deception. *How and why do honest people lie?* Moscow: Eksmo, 2013, 400. (In Russ.)
7. Lenets A. V. *The pragmatics of lies*. Rostov-on-Don: IuFU, 2008, 284. (In Russ.)
8. Glagolev N. V. False information and ways of expressing it in the text. *Philological Sciences,* 1987, (4): 61–67. (In Russ.)
9. Litvinova T. A., Litvinova O. A. A study of linguistic features of deceptive texts with the use of the program Linguistic Inquiry and Word Count. *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics,* 2015, (4): 71–77. (In Russ.) DOI: 10.18384/2310-712X-2015-4-71-77
10. Kim L. G. The discourse of lie in the aspect of the addressee interpretation activity. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2012, (5): 80–84. (In Russ.)
11. Golev N. D., Kim L. G. Linguapersonology and everyday metalinguistic consciousness (variants and invariants of the interpreting linguistic personality of an ordinary Russian speaker). *Linguistic personality: modeling, typology, and portraiture. Siberian linguapersonology*, ed. Shpilnaya N. N. Moscow: Lenand, 2014, vol. 1, 81–94. (In Russ.)
12. Golev N. D., Kim L. G. Ordinary Internet political commentary in the mirror of conflict of interpretations. *Social and cognitive functioning of language,* eds. Golev N. D., Kishina E. V. Kemerovo: KemGU, 2017, 19–34. (In Russ.)
13. Aroutiounova N. D. Addressee factor. *Izvestiia AN SSSR. Seriia literatury i iazyka*, 1981, 40(4): 356–367. (In Russ.)
14. Krapivkina O. A. Two edges of discourse – two guises of the subject. *Siberian Journal of Philology*, 2016, (1): 137–143. (In Russ.) DOI: 10.17223/18137083/54/16
15. Kim L. G., Golev N. D. On the relations of an addressee, author and text in the paradigm of linguistic interpretativism. *Siberian Journal of Philology*, 2008, (1): 144–153. (In Russ.)
16. Kim L. G. *Variational-interpretational functioning of the text,* 3rd ed. Kemerovo: KemGU, 2012, 72. (In Russ.)
17. Kokhtev N. N. *Advertising: the art of word*. Moscow: MGU, 1997, 96. (In Russ.)
18. Livshits T. N. *Specificity of advertising in pragmatic and linguistic aspects)*. Cand. Philol. Sci. Diss. Taganrog, 1999, 354. (In Russ.)
19. Pirogova Yu. K., Baranov A. N., Parshin P. B. *Promotional text: linguistics and semiotics*. Moscow: Izd. dom Grebennikova, 2000, 270. (In Russ.)
20. Mokshantsev R. I. *Psychology of advertising*. Moscow: INFRA-M; Novosibirsk: Sibirskoe soglashenie, 2007, 228. (In Russ.)

BULLETIN
Kemerovo State University
https://vestnik.kemsu.ru
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-237-246

21. Strelnikova E. S. Advertising as an object of study in modern linguistic literature. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie*, 2006, (5): 62–68. (In Russ.)
22. Terpugova E. A. *Advertising text as a special type of imperative discourse*. Cand. Philol. Sci. Diss. Irkutsk, 2000, 181. (In Russ.)
23. Fedotova L. N. *Advertising in the communication process.* Moscow: Kameron, 2005, 464. (In Russ.)
24. Perfilyeva N. P. Metaconstructions: the semantic-pragmatic aspect. *Siberian Journal of Philology*, 2018, (4): 195–204. (In Russ.) DOI: 10.17223/18137083/65/18

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-247-255

оригинальная статья
УДК 81-22

Специфика концептуализации стыда и совести в эвенской языковой картине мира

Раиса Петровна Кузьмина
Якутский научный центр СО РАН, Россия, г. Якутск
raisakuzmina2013@yandex.ru
https://orcid.org/000-0003-4964-3448

Поступила в редакцию 02.03.2021. Принята к печати 25.03.2021.

Аннотация: В статье дается комплексное представление ключевых концептов в эвенской языковой картине мира – стыд и совесть, не описанных ранее в работах эвеноведов. Данные концепты в говорах эвенского языка реализуются следующими лексическими единицами: *халдюн*, имеющая аналогии во всех языках тунгусо-маньчжурской группы, *нюмар*, *нюмарин* и *хадарин*, зафиксированные в говорах восточного наречия эвенского языка, и *хэркэхйи*, распространенная в одном из говоров западного наречия – в ламунхинском говоре. Семантическая структура лексем *халдюн, нюмар, нюмарин, хадарин, хэркэхйи* является сложной и включает в себя, помимо значений *стыда* и *совести*, схожие по смыслу понятия: стеснительность, смущение, скромность, робость, срам, позор. В работе были использованы описательный метод, метод сплошной выборки и метод концептуального анализа, включающий дефинирование (выделение смысловых признаков), этимологический анализ, методы сбора и обработки полевых данных. В национальном сознании эвенов стыд и совесть являются концептами, отражающими оценку поведения человека в социуме и его отношение к окружающему миру, а также содержат знаковую смысловую нагрузку, отличаются эмоциональным наполнением.

Ключевые слова: мировоззрение, этические нормы, лингвокультура, лексические единицы, речевой этикет, концепт

Цитирование: Кузьмина Р. П. Специфика концептуализации стыда и совести в эвенской языковой картине мира // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 1. С. 247–255. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-247-255

Введение

В лингвокультуре любого народа стыд и совесть относятся к тем концептам, которые отражают правила поведения человека в обществе, выражают одну из значимых эмоций человеческого индивидуума, способного быть ответственным за свои поступки и оценивать поступки окружающих людей. По мнению Н. Д. Арутюновой: «Социо-оценочные концепты, регулирующие отношение человека к другому (другим, социуму), такие как стыд, срам, посрамление, позор, совесть, достоинство, слава, честь и некоторые другие, требуют для своего формирования определенных условий. К ним принадлежат: 1. Наличие системы конвенциональных правил – этических, этикетных, эстетических. 2. Оценка Другим (другими, социумом) поступка, поведения, действия или облика Эго относительно той или другой системы норм. 3. Реакция Эго на оценку Другого» [1, с. 56–57].

Этические нормы, заложенные в смысловом содержании стыда и совести, находят аналогии и в других языках. Е. В. Урысон пишет, что совесть – это «способность человека оценивать с нравственной точки зрения свои действия, а также мысли и чувства и глубоко переживать, если они не соответствуют нравственным нормам, вследствие чего менять свои действия, мысли и чувства так, чтобы они этим нормам соответствовали» [2, с. 186].

В языковой картине мира эвенов одним из определяющих признаков концептов *стыд* и *совесть* является их локализация в душе человека, например: *Эмдэдув халдюхаке одни* – Так стыдно стало в душе. Такая же ассоциация с локализацией этих концептов в душе нравственных качеств людей выявлена в языковом сознании тувинской лингвокультуры [3], в которой душа представлена словом *сеткил*. М. В. Пименова отмечает: «Среди значимых этических признаков концепта *душа* выделяется признак 'стыд' (*душевный стыд; стыд в душе; стыдиться в душе*). Стыд понимается как внутреннее уязвление, чувство, настигающее человека» [4, с. 215–216].

Методы и материалы

С целью определения концептуальных признаков репрезентантов концептов в статье был применен дефиниционный анализ репрезентантов изучаемых концептов в языковом материале. Возможность установить способы образования дериватов, выявить семантическое содержание лексических единиц была использована при помощи словообразовательного анализа. Одним из основных методов данного исследования стал метод сплошной выборки лексического материала, зафиксированного в двуязычных словарях эвенского языка, в художественных произведениях и фольклоре

© 2021. Авторы. Статья распространяется на условиях международной лицензии CC BY 4.0

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-247-255

эвенов. Методы сбора и обработки полевых данных позволили представить языковой материал по говорам эвенского языка, ранее не отраженный в исследованиях автора, определить семантику языковых единиц и специфику их функционирования в эвенском языке. Особенностью некоторых выявленных лексических материалов является то, что они имеют функционирование исключительно в одном говоре эвенского языка – в ламунхинском – и не имеют параллелей в других эвенских говорах. Согласно исследованиям, язык ламунхинских эвенов, как и остальные эвенские говоры и диалекты, имеет специфические особенности на всех языковых уровнях (фонетика, морфология, лексика) [5]. 25 говоров и диалектов, зафиксированные на сегодняшний день в эвенском языке, отнесены исследователями в три наречия: восточное наречие – язык эвенов Магаданской области, Хабаровского края, Чукотского АО, Камчатского края, с. Березовка Среднеколымского района Якутии, среднее и западное наречия – язык эвенов Республики Саха (Якутия) [6–11]. Языковое и культурное взаимодействие эвенов с разными этносами, относящимися к различным языковым группам, и факт их дисперсного расселения имеют многовековую историю и определяют основные факторы, влияющие на формирование отличительных признаков эвенских говоров.

Результаты

В эвенском языке лексемы, обозначающие стеснительность, смущение, робость, срам, позор, скромность, имеют радиально-цепочечную семантическую структуру, поскольку зачастую мотивированы одним и тем же центральным значением лексем со значениями *стыд* и *совесть* или ближайшим к ним значением. В говорах и диалектах эвенского языка *стыд* и *совесть* представлены различными многозначными лексемами.

Во всех говорах эвенского языка в значениях *стыд* и *совесть* используются лексические единицы *халдюн, халдюнмай, халдюхи* (Л), *халдюхин*, в свою семантику включающие также значения *стеснительность, смущение, робость*. Данные лексемы имеют параллели во всех языках тунгусо-маньчжурской группы и один корень *халдю-*. Лексемы *халдюн, халдюнмай, халдюхи* (Л), *халдюхин* происходят от глагольной основы халдюдай и формантов *-н, -нмай, -хьи,* при помощи которых в эвенском языке образуются семантические компоненты разных видов: существительные с названием действий и со значением процесса или места действия. Основа *халдюдай* (стыдиться) в эвенском языке является производителем различных глагольных, адвербиальных, адъективных форм, например: *халдюхундай* (Л), *халдюсидай* (Ох) (стыдиться, стесняться, краснеть (от стыда)); *халдювкандай* (устыдить, посрамить, смутить, вогнать в краску); *халдювкаттай* (стыдить, срамить, смущать, корить, вгонять в краску); *халдюн, халдюнмай, халдюхи, халдюхин* (С, Л), *халдюхъи* (Л) (стыд, совесть, стеснительность, смущение, робость, скромность); *халдюс, халдюхи* (Л) (стыдно, совестно); *халдюхаке* (очень стыдно); *халдюта, халдюхита* (Л) (стыдливый, совестливый, скромный)[1].

В говорах восточного наречия эвенского языка концепты *стыд* и *совесть* реализуются лексемой *нюмар*, обладающей в своей семантике, кроме понятий *стыд, совесть* и *срам*, значением наречных форм – *стыдно, совестно, неловко*, прилагательного – *постыдный*. Близкой по семантике является лексическая единица *нюмарин*, функционирующая со значением *стыд, смущение*, также зафиксированная в восточных говорах эвенского языка и в некоторых говорах эвенов Якутии. Фонетические варианты лексемы *нюмар* со схожим смысловым значением используются в двух языках тунгусо-маньчжурской группы: в ульчском языке – *н`имэрэмди~н`умэрэмӡи~н`уӈэрэмӡи* (бессовестный, нахал), в нанайском языке – *н`имориӡи, н`омори* (неудобно, неловко)[2].

Лексема *нюмар* (стыдно, совестно, неловко; постыдный; стыд, совесть, срам, позор) является основой дериватов, образующихся с помощью различных именных и глагольных формантов: *нюмаралкан, нюмырымагын* (Арм) (стыдливый, совестливый); *нюмаримкандай, нёморолукондай* (Арм) (устыдить, смутить, посрамить, опозорить); *нюмариндай, нюмориндай* (Ск); *нёморолдай* (Арм) (стыдиться, смущаться, робеть, испытывать неловкость); *нюмари-та* (стыдливый, застенчивый, совестливый); *нюмурукаттай* (Алл) (стыдить, смущать)[3].

В восточных говорах со значением *стыд, стеснительность, смущение, робость* применяются лексические единицы *хадарин* и *хадаринмай*, образующиеся при помощи формантов *-н, -нмай*, производные от глагольной основы *хадаридай* (стесняться, смущаться, робеть, стыдиться), которая является образователем следующих дериватов: *хадаривкандай* (устыдить, посрамить, смутить, вогнать в краску); *хадаривкаттай* (стыдить, срамить, смущать, вгонять в краску); *хадарилкан* (стыдливый, робкий); *хадарита* (стыдливый, робкий)[4].

В одном из говоров западного наречия эвенского языка – в ламунхинском говоре – с семантикой *стыд, совесть, смущение, робость, срам, позор* используется лексема *хэркэхйи*, производная от основы *хэркэн-*. Семантическое содержание лексических единиц, производных от основы *хэркэн-*, более обширно и имеет в своей семантике дополнительную коннотацию, синонимичную стыду и совести: *хэркэндэй* (стыдиться, стесняться, робеть); *хэркэвкэттэй*

[1] Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Л.: Наука, 1975. Т. 1. А–Н; 1977. Т. 2. О–Э.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Роббек В. А., Роббек М. Е. Эвенско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2004. 356 с.

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-247-255

(стыдить, смущать, посрамить); *хэркэтэ, хэркэни* (стыдливый, совестливый, скромный, застенчивый); *хэркэмкэндэй* (устыдить, посрамить, смутить, опозорить); *хэркэхйи* (стыд, совесть, смущение, срам, робость, позор, скромность); *хэркэйэ* (стыдно, совестно); *хэркэйэке* (очень стыдно, очень совестно)[5].

В словарном составе ламунхинского говора зафиксирована еще одна лексема – *итмэхйэ*, использующаяся с семантикой *стыд* и имеющая параллель в орокском языке – *итэмэйми* (стыдясь, стесняясь), *итэмэси-* (стыдиться, стесняться, чуждаться), например: *Тачин гөнчэлэн минду хо* ***итмэхйи*** одни – Когда он так сказал, мне стало очень ***стыдно***.

Табл. Примеры функционирования лексем-репрезентантов концептов *стыд* и *совесть* в эвенском языке
Tab. Lexemes representing the concepts of shame and remorse in the Even language

Лексема	Стыд	Совесть	Другие значения
Халдюн, халдюнмай	+	+	стеснительность, смущение, робость
Нюмар	+	+	срам
Нюмарин	+	–	смущение
Хадарин	+	–	стеснительность, смущение, робость
Хэркэхьи	+	+	смущение, срам, робость, позор, скромность
Итмэхйэ	+	–	–

Семантика лексем *нюмар, халдюн, хадарин, хэркэхйи* в эвенском языке может меняться в зависимости от контекста предложения и, кроме значения стыда и совести, может иметь другое смысловое содержание, образуя разные семантические компоненты (табл.), например:

- **стыд**: *Кями ядук-та* ***эти хэркэн*** *нярибихин* – Кями был таким мужчиной, который ничего и никого ***не стеснялся***; *Идук хопкалкаман, яв некривэн, окорлан истала элэ билэклэ хөлнэдэумэн нян тадук-та хөнтэлбу эсни улгимир. Эвэн мэргэндун тачин некэн кэнели,* ***нюморси-да***[6] – Откуда родом, чем занимается, до каких пор будет в поселке и про все другое не стал спрашивать. По мнению эвенов, так делать не очень хорошо, да и ***стыдно*** (букв.);
- **робость**: *Өтэрэп кууал* ***хо халдюта*** *биврэр, бокэччэндук нэлли бихитнө* – Дети в старые времена были очень ***робкими***, всего боялись;
- **позор, срам**: *Он онди, дылас хөчэлкэн-гу, он-гу?* ***Хэркэйлэдин***[7] – Что с тобой, с ума что ли сошел, или что? Какой **позор** (стыд, срам)!;
- **стеснительность**: *Хагдыладдам-гу, он-гу, идук-тадук* ***хэркэни*** *одам урэчин*[8] – То ли старею, то ли что, всего начал ***стесняться***.

Одним из образных признаков лингвоконцепта *стыд* в языковой картине мира эвенов, проявляющимся внешне и указывающим на то, что человек испытывает чувство стыда, является покраснение лица, которое выражается глагольными единицами *халдюдай* (краснеть (от стыда) или в значении *стыдиться, стесняться*), *халдювкандай* (вогнать в краску или устыдить, посрамить, смутить), *халдювкаттай* (вгонять в краску или стыдить, срамить, смущать, корить)[9].

Другим репрезентантом является лексическая единица *хуланя* (красный) и производные от нее дериваты *хулалдай* (краснеть (виднеться, о красных предметах)), *хуанядадай, хуланялтадай* (покрасить в красный цвет, сделать красным), *хуланямрин, хуланямчири* (красноватый, розовый), *хуланян* (краснота), *хуларгадай* (краснеть, рдеть), *хуларгалдай* (закраснеться, рдеть (стать красным)), *хулас* (красным-красно, докрасна), *хулати* (рыжий, красноватый), *хулаты-н* (краснота)[10], например: *Чиктикан халдюриди итин* ***хулауакан*** *одни* – У Чиктикана от стыда даже лицо ***покраснело***.

Стыд человек может испытывать после совершения какого-либо неблаговидного поступка или проступка, и самокритичное отношение к нему вызывает муки совести. Стыд первичен, совесть вторична, муки совести проявляются после стыда. Совесть является продуктом осознания вины и переживается во внутреннем мире человека, в душе, которая локализуется в эвенской лингвокультуре в *эмдэ* (груди), в *мяван* (сердце). В национальной картине мира эвенов совесть понимается как болезнь души, выражающаяся в ощущении стыда. Согласно Ю. С. Степанову, «каждый человек имеет совесть, и он всегда ощущает в себе внутреннего судью, который наблюдает за ним, грозит ему и вообще внушает ему уважение (связанное со страхом)» [12, с. 771]. Когда совестно, начинает болеть *ханин* (душа), например: *Ханиндулав халдюхаке одни* – В душе так стыдно стало. По утверждению М. В. Пименовой: «Душа выступает синонимом совести (Все преступленья сарматов Я **на душу** принять готов. Рылеев. Наливайко…)» [4, с. 217].

[5] Полевые материалы автора (ПМ) Кузьминой Р. П. 2005 г. Местность Эндыбал Ламунхинского наслега Республики Саха (Якутия).
[6] Кривошапкин А. В. Тормита буюсэмнэ. Якутск: Бичик, 2018. С. 7.
[7] Там же. С. 14.
[8] Там же.
[9] Цинциус В. И., Ришес Л. Д. Эвенско-русский словарь. Л.: Изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1957. С. 212.
[10] Роббек В. А., Роббек М. Е. Эвенско-русский словарь… С. 308.

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-247-255

В региональных говорах русского языка «совесть не обязательно является частью души, при описании аморального поведения субъекта они отрицаются по отдельности: Я дак вот не могу́ терпе́ть вот э́тих люде́й, ни души́, ни со́вести, ничё у них нет» [13, с. 63].

Е. В. Урысон отмечает взаимоотношения между семантическими элементами слова *совесть* как сложного целого: «Как источник глубочайших нравственных переживаний совесть вновь сближается с душой, а кроме того – и с сердцем. Эта связь тем более сильна, что объектом этической, нравственной оценки обычно являются действия субъекта по отношению к другим людям, его чувства к окружающим и т. п. Кроме того, деятельность совести столь же неподвластна контролю, как и жизнь души и сердца» [2, с. 187].

Антонимами стыда и совести в эвенской языковой картине мира выступают такие понятия, как бесстыдность, бессовестность, реализующиеся в эвенском языке лексемами *ач нюмырынач* (без стыда, бессовестно), *ач нюмарина, атхалдютала, эти халдюр* (Л) (бессовестный, бесстыдный; не имеющий совести, стыда), *эти хэркэн* (Л) (бессовестный, бесстыдный; не имеющий совести, стыда), использующимися с отрицательными формами глагола *эдэй* (не делать чего-нибудь) и *ач ~ ат* (не (имеющий чего-л., кого-л.); без). В языковой картине мира эвенов бессовестность и бесстыдность приобретают зооморфные признаки и чаще всего ассоциируются с собакой, лисой, также могут обладать национальным признаком, например: *Ядук-та, ӈидук-тэ эти хэркэнэ, эти халдюр бэйэлбу ӈинмадахал гөӈнэр* – Про бесстыдных, бессовестных людей говорят, что они подобны собаке; *Нёка эсни халдютта, ӈин эсни нибганатта* – Якут не стесняется, собака не давится[11]. В эвенских паремиях, в которых порицается такое негативное качество, как *өлэкчин* (хитрость), непременно сопровождающееся чувством стыда и муками совести, хитрость чаще всего ассоциируется с лисой: *Долбусак хуличан хогдиван ясунгачинни* – Как волк, взявший взаймы лисий хвост (о хитром человеке); *Өлэкчириди ус [=нэдэми] хуличан хогдиван ясунгачанни* – Как рысь, взявшая взаймы лисий хвост (о хитром человеке)[12]. Похожие переносы встречаются в алтайских пословицах, где зооморфизмы употребляются для иносказательной характеристики человека [14].

В традиционном сознании эвенов чувство стыда должны вызывать такие отрицательные качества людей, как хвастовство, высокомерие, тщеславие, реализующиеся лексемами: *бэйсэч* (человек, много о себе воображающий), *эгдемру* (И, У-Я), *эгдемду* (Л), *бэемдури* (Л), *келу, келун* (А) (высокомерный), *хокач* (важный, самоуверенный, высокомерный; зазнайка, хвастун), *хокан, хоканмай* (зазнайство, кичливость, спесь, спесивость, тщеславие, высокомерие, самомнение, гонор, чванство, хвастовство), *няривлан, хокачин, хомрун* (высокомерие): *Эвэсэл ок-та бими мэнурнюн гудач дяватникан этыл эгдемдур бэил*[13] – Эвены никогда не ставили себя выше других; *Эгдемдус хэрилэдук гудадмар*[14] – Высокомерие (твое) выше гор.

В устойчивых сочетаниях, в которых выражается неодобрение и отрицание высокомерия, тщеславия и хвастовства, наблюдается использование, например, таких соматизмов: *босто* (почки), *оӈот* (нос), *моми* (слепая кишка). О хвастливом человеке говорят: *Момин як дираман* – Какая (у него) кишка толстая (букв. о хвастливом человеке); *Бостон имсэн як дыраман* – Какие (у него) почки жирные (о хвастливом человеке). О высокомерном человеке существует устойчивое выражение *Оӈоти хурэди төрэри бөй* – Человек, который говорит на кончике носа (букв.). В лингвокультуре эвенов лицемерие выражается фразеологическими единицами: *Дёр итилкан бэй* – Человек, имеющий два лица (букв.); *Гулун хөлилэн – уньканн, тэгэлгэн ойлан – хиркан* – У огня – ложка, на стуле – нож (о двуличном человеке)[15]. У тюркомонгольских народов лицо ассоциируется со стыдливостью, совестью [15]. Например, в якутском языке о бесстыдном, бессовестном человеке говорят *сырайа суох* – без лица (букв.). В китайской лингвокультуре большим стыдом является «потеря лица» [16].

В пословицах о хвастливом, самоуверенном человеке с осуждением говорят: *Дюллэ ануанрап эгдетэ (токи) умман депчэгчин* – Как поевший лосиного костного мозга, убитого в будущем году (о самоуверенном человеке); *Няниндула истала эди чөлэучир* – Не прыгай на одной ноге, не дойдешь до неба (о хвастуне); *Ӈин өрэучинни хокаттан бардын* – Хвастается, как собака своим хвостом (о человеке, которому нечем хвастаться)[16].

В эвенских пословицах и фразеологических единицах отражены неприятие и даже отторжение таких негативных качеств, как:

- **лживость**: *Өлэк бидуэдук ач төрэнэ хулэкэдмэр* – Чем быть обманщиком, лучше быть немым; *Уникандулий илракан курэлдэнукэнни (бэюкойча)* – Вокруг указательного пальца три раза обведет (человек, обманувший кого-то);
- **склонность к злословию (к сплетням)**: *Унипанни төмтэку (бэругэн аси)* – Наперсток у нее дырявый (женщина-сплетница);

[11] Бокова Е. Н. Эвенский фольклор. Якутск: Бичик, 2002. С. 151.

[12] Бурыкин А. А. Малые жанры эвенского фольклора. Загадки, пословицы и поговорки, запреты-обереги, обычаи и предписания, приметы (исследование и тексты). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2001. С. 177.

[13] Кривошапкин А. В. Бини – ач мудна хөвнэк. Якутск: Бичик, 2019. С. 143.

[14] Там же.

[15] Бурыкин А. А. Малые жанры эвенского фольклора … С. 178.

[16] Там же.

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-247-255

- **болтливость**: *Нюрит хопкандулан дюпти нюрит хечэ (төрэлкэн бэй)* – Из корней волос вторые волосы выросли (человек-болтун, трепло);
- **завистливость**: *Оңатан эдэмрэн (эечимэгэнбэй)* – Нос его ветер обвевает (о завистливом человеке); *Көчукэм дёлу эди хуңкиддэ, эгдендулэ бөдэли чэлгэдинри (куңав эди мөер)* – Не пинай маленький камень, на большом сломаешь ногу (не издевайся над ребенком);
- **неблагодарность**: *Өмэн-тэкэн урэкчэн хэевэн көери (тэгэм-гору эди демкатта)* – Только на одну вершину горы смотрящий (человек с короткой памятью)[17];
- **жадность и скупость**: *Надаи кукаталкань-да наутисандин* – Если нужно будет и в рукавицах схватит (о жадном человеке); *Хачик балан китэлрэн (нурутти бэй)* – На уровне щели оскалился (негостеприимный человек); *Өмнэкэн гиркундачалинилан оран течэ (гуим аси)* – Из-за одного шага три оленя отняты (плохая, скупая женщина)[18];
- **безнравственность**: *Дарамнай муңгэрэлкэн (асимаган бэй)* – С сумой-мангуркой на пояснице (мужчина – любитель женщин)[19].

В эвенской языковой картине мира понятийными составляющими концепта *стыд* являются сдержанность и тактичность, зачастую выражающиеся в соблюдении обычая т. н. неговорения. История происхождения данного обычая, отмеченного также в лингвокультуре юкагиров [17; 18], восходит к тем временам, когда в течение зимних месяцев эвены, не имея возможности контактировать с соседями, были вынуждены подолгу довольствоваться ограниченным кругом общения, что, соответственно, требовало от каждого члена сообщества предельно уважительного отношения друг к другу и предполагало умалчивание или недоговаривание взаимных претензий. Согласно этому обычаю, у эвенов сложился речевой этикет, обязывающий обращение младшего члена сообщества к старшему по возрасту на «Вы» вне зависимости от степени родства. Обычай неговорения, регламентирующий порядок общения членов семьи и сохраняющийся в некоторых группах эвенов и в наши дни [19], выражается в неприятии прямого обращения тестя к невестке, какие-либо просьбы к которой он может адресовать через жену.

О. А. Казакевич следующим образом описала сельскупский речевой этикет, предписывающий сдержанность и исключающий многословие: «Гость входит в чум и сидит молча, хозяева тоже молчат, хозяйка молча ставит перед гостем еду. Пришедшего гостя не полагается ни о чем расспрашивать. Если гость захочет что-либо сообщить, то скажет сам. Жена не должна ни о чем расспрашивать мужа, вернувшегося с промысла. И никогда нельзя никому говорить вслух о своих планах, особенно промысловых» [20, с. 338–339]. В языковой картине мира эвенов негативное отношение к человеку, не соблюдающему речевой этикет, к человеку несдержанному, всегда готовому вступить в спор, отражается в устойчивых сочетаниях и лексических единицах: *Өлөмдөли авикаттан* – Бредет по глубокому снегу; *бябаку* – человек, вступающий в спор со всеми; *Бадич төрэри – хо кэнели, ичмэй* – Рано (не вовремя) говорить – очень плохо, стыдно[20].

В эвенской лингвокультуре существует свод *тонуэкич* (запретов-оберегов), регламентирующих поведение человека в социуме, его отношение к окружающему миру, к природе, к животным, к растениям. По смысловой нагрузке эвенскому своду запретов *тонуэкич* в эвенкийской лингвокультуре аналогом предстает лексема *одё*, тоже являющаяся критерием норм морали [21–23]. Человек, нарушивший *төнуэкич* (запреты), в национальном сознании эвенов совершает *хинимкин* (грех). В эвенских запретах дается четкое пояснение того, что является грехом и что произойдет, если человек переступит через них. Аналогии подобных запретов и проистекающего из их нарушения греха можно найти в христианских заповедях. Интересно в этой связи рассуждение В. Г. Гака о грехе, пороке и добродетели: «Грехом в христианстве считается нарушение отношений между человеком и Богом, проступок, противоречащий божественному порядку. Грех есть нарушение завета, попытка освободиться от зависимости от Бога. Грех – это проступок, тогда как порок представляет собой качество, свойство человека, предрасполагающее его к совершению греха. В обыденной речи *грех* и *порок* сближаются в своих употреблениях. Так, зависть является одним из семи смертных грехов и вместе с тем обозначением отрицательного свойства человека. Добродетели указывают на положительные свойства человека и не имеют особых коррелятов, обозначающих соответствующие поступки» [24, с. 90].

В эвенских запретах по смысловому содержанию синонимами стыда и совести являются уважение, тактичность, жалость, правда и др. Свод этических или нравственных законов в эвенских запретах-оберегах можно сформулировать следующим образом:

- **Стыд+совесть=уважение**: *Мэндукий экэн, акан бэилтэки энмэй (эмнэс) баргутта, нэимэттэ – эгденнён(е)* – Нельзя грубо отвечать, ругаться с людьми, которые годятся тебе в старшие братья или сестры, – большой грех; *Бэю ок-та эди оркатта, кэнелич төрэр – эгден төнуэкич, нанмидин* – Никогда не надо смеяться над человеком, говорить о нем плохое – большой грех, тебе воздастся тем же; *Ңидук-тэ эньми эрэгэр дёучили, одяли! Эньми омуами ядук-та эгден төнуэкич* – Больше

[17] Там же. С. 184.

[18] Бокова Е. Н. Эвенский фольклор… С. 149.

[19] Роббек В. А. Фольклор эвенов Березовки. Якутск: Северовед, 2005. С. 298.

[20] ПМ Кузьминой Р. П. 2005 г. Местность Эндыбал Ламунхинского наслега Республики Саха (Якутия).

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-247-255

всех людей помни и береги свою мать! Забыть свою мать – это самый большой грех; *Кэнелич энмэй (эмнэс) төрэн – амуас хуюлкэн один* – Нельзя говорить плохо (браниться) – у тебя во рту язвы появятся[21].

- **Стыд+совесть=жалость**: *Бутэку бэю, бөкчэкэв, гөнекэв, нёнэттив эми долдир (авдатта, бэлэттэ) – хо төнуэкич* – Не заботиться, не помогать больному, горбатому, хромому, одноглазому человеку – большой грех[22].
- **Стыд+совесть=тактичность**: *Эди ок-та хопчар – тарак хо ичмэй* – Никогда не хвастайся – это очень стыдно; *Хокатникан төрэри – хо ичмэй* – Когда хвастаются, очень стыдно; *Мэн хути, ирэв-дэ-тит кууав энтэкэе эрэгэр энмэй эркэр (эскэр) – хопча один* – Своего ребенка и любого другого ребенка нельзя много хвалить – станет хвастуном[23].
- **Стыд+совесть=правда**: *Бэю эди өлэкмэр – бэйдус-тэ кэнели бидин* – Не обманывай другого человека – тебе же будет плохо; *Дёрминь гады – хо-хо ус, нёне* – Взятое воровством – очень-очень плохо, грех[24].
- **Стыд+совесть=благодарность**: *Хину айчичав бэю омуан – хо кэнели, эгден ус* – Забыть человека, который тебе помог, – это очень плохо, большая вина[25].
- **Стыд+совесть=гостеприимство**. Гостеприимство в эвенском мировосприятии не зависит от пола и возраста, его должны оказывать все и всем. О гостеприимной женщине эвены говорят: *Екэн уркэли хеттэн* – Котел виднеется со двора[26].

В национальном сознании, не только эвенов, но и всех народов Севера, быть человеком жадным и негостеприимным считалось постыдным и даже позорным. В языке ламунхинских эвенов отмечено психологическое явление, сформулированное безэквивалентной лексемой *өндэй*, лексическое значение которой передает бережное отношение человека ко всем окружающим, семантику слова можно представить следующим образом – «заболеть от того, что не угостили» [25]. Это относится не только к еде, но и другим материальным ценностям. В эвенском обществе любой человек достоин жалости и участия, независимо от возраста, социального положения. Считается, что если во время трапезы заходит человек, то его надо обязательно угостить, в противном случае он заболеет. При дарении подарков никого нельзя обделить, поскольку обделенный человек может заболеть. Такая этическая норма была зафиксирована у негидальцев [26, p. 174]. Гостеприимство является одной из положительных черт любого социума. Так, у селькупов О. А. Казакевич отмечает: «основной, подлежащей неукоснительному соблюдению этической нормой традиционного селькупского общества является гостеприимство. Женщине полагается накормить гостя, пришедшего в дом, будь то даже сам черт» [20, с. 333].

Одним из сдерживающих факторов, не позволяющих нарушать *төнуэкич* (запреты-обереги) и совершать *hинимкин* (грех), являлось опасение позора перед людьми, в старину – даже страх быть отвергнутым социумом. Занимаясь исследованиями базовых эмоций человека, К. Э. Изард соглашается с трактовкой Хелен Льюис-Хастли, что «боязнь или ожидание позора выступает как сдерживающий мотив в поведении индивида и как сила, способствующая формированию самоидентичности» [27, с. 27].

Заключение

В языковой картине мира эвенов в реализации концептов *стыд* и *совесть* участвуют полисемичные лексические единицы – *халдюн, халдюнмай, хадарин, нюмарин, нюмар, хэркэхйи*, имеющие некоторые отличия в семантическом содержании:

1) во всех говорах эвенского языка лексемы *халдюн, халдюнмай* используются со значением *стыд, совесть, стеснительность, смущение, робость*, в ламунхинском говоре лексема *халдюн* может употребляться также со смысловым значением *скромность* [5];
2) семантика лексической единицы *хадарин* несколько ограниченнее, и в восточных говорах данная лексема применяется со значением *стыд, стеснительность, смущение, робость*;
3) семантическое содержание лексем *нюмар* и *нюмарин*, имеющих функционирование в восточных говорах, имеет некоторые отличия: слово *нюмар* используется со значением *стыд, совесть, срам*; *стыдно, совестно, неловко; постыдный*; языковая единица *нюмарин* – со смысловым значением *стыд, смущение*;
4) смысловая нагрузка лексической единицы *хэркэхьи*, зафиксированной в ламунхинском говоре эвенского языка, по своему содержанию более обширна, и в говоре употребляется со значением *стыд, совесть, смущение, срам, робость, позор, скромность*.

Лексемы-репрезентанты концептов *стыд* и *совесть* в эвенской языковой картине мира в своем смысловом содержании в зависимости от контекста могут менять свою семантику и функционировать в различных значениях, синонимичных стыду и совести. Семантическая реконструкция данных языковых единиц показывает, что наиболее полнозначными в своей семантике являются три лексемы – *халдюн, нюмар, хэркэхьи*.

[21] Бурыкин А. А. Малые жанры эвенского фольклора… С. 209–210.
[22] Там же. С. 210.
[23] Там же. С. 215.
[24] Бокова Е. Н. Эвенский фольклор… С. 180.
[25] Дуткин Х. И. Эвенский фольклор. Вып. I. Якутск: Изд-во ЯГУ, 1996. С. 58.
[26] Бокова Е. Н. Эвенский фольклор… С. 151.

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-247-255

Анализ эвенских паремий и фразеологизмов с компонентами концептов *стыд* и *совесть* позволяет сделать вывод, что в национальном сознании эвенов *стыд* и *совесть* являются основными регуляторами отношений между людьми, взаимоотношений с окружающим миром, это те этические нормы, которых должен придерживаться каждый человек, живущий в социуме.

Принятые сокращения говоров:
А, Арм – арманский
Алл – аллаиховский
Л – ламунхинский
И – индигирский
Ох – охотский
С, Ск – саккырырский
У-Я –усть-янский

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. О стыде и совести // Логический анализ языка. Языки этики / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Яз. рус. культуры, 2000. С. 54–78.
2. Урысон Е. В. Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике. М.: Языки слав. культуры, 2003. 224 с.
3. Байжанова Н. Р. Метафорические образы, характеризующие человека, в алтайских пословицах (в сопоставлении с тувинским) // Языки коренных народов Сибири / отв. ред. Н. Б. Кошкарева, Н. Н. Широбокова, А. Р. Тазранова. Новосибирск: НГУ, 2004. Вып. 14. С. 60–72
4. Пименова М. В. Душа и дух: особенности концептуализации. Кемерово: Графика, 2004. 386 с.
5. Кузьмина Р. П. Язык ламунхинких эвенов. Новосибирск: Наука, 2010. 115 с.
6. Цинциус В. И. Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка. Л.: Ленингр. отд-ние Учпедгиза, 1947. 271 с.
7. Новикова К. А. Очерки диалектов эвенского языка. Ч. 1. Ольский говор. М.-Л.: Изд-во АН СССР. Ленингр. отд-ние, 1960. 263 с.
8. Бурыкин А. А. Язык малочисленного народа в его письменной форме (на материале эвенского языка). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. 384 с.
9. Шарина С. И. Диалекты эвенского языка: состояние исследований и классификация // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: мат-лы XVII Всерос. науч. конф. (Уфа, 1–2 июня 2017 г.) Уфа: УФИЦ РАН, 2017. С. 308–312.
10. Шарина С. И. Эвенская диалектология: этапы развития, перспективы // Коренные народы Якутии: территориальные и культурные диалекты: мат-лы регион. круглого стола. (Якутск, 23 апреля 2018 г.) Якутск: ИГИиПМНС СО РАН, 2018. С. 70–78
11. Шарина С. И. Фиксация и документация языков коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия) // Языки коренных народов как фактор устойчивого развития Арктики: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (Якутск, 27–29 июня 2019 г.) Якутск: ИГИиПМНС СО РАН, 2019. С. 346–348. DOI: 10.25693/NPK2019SarShar
12. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. 3-е изд., испр. и доп. М.: Академический проект, 2004. 991 с.
13. Редько Н. А. Совесть как ключевая доминанта русской национальной картины мира // Мир русского слова. 2019. № 2. С. 60–65. DOI: 10.24411/1811-1629-2019-12060
14. Ондар Ч. Ч. Имена прилагательные, обозначающие душевные качества человека, в тувинском языке // Языки коренных народов Сибири / отв. ред. Н. Б. Кошкарева, Н. Н. Широбокова, А. Р. Тазранова. Новосибирск: НГУ, 2004. Вып. 14. С. 53–59.
15. Тюнтешева Е. В. Человек и его мир в зеркале фразеологии (на материале тюркских языков Сибири, казахского и киргизского). Новосибирск: Любава, 2006. 225 с.
16. Погребняк Ю. В., Вань С. Структурно-семантические характеристики концепта «стыд» в русской и китайской лингвокультурах (на материале пословиц, поговорок и фразеологизмов) // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. 2016. № 9-10. С. 96–100.
17. Йохельсон В. И. Юкагиры и юкагизированные тунгусы. Новосибирск: Наука, 2005. 675 с.
18. Туголуков В. А. Кто вы, юкагиры? М.: Наука, 1979. 152 с.
19. Шарина С. И., Кузьмина Р. П. Нижнеколымский говор эвенского языка. Новосибирск: Наука, 2018. 185 с.
20. Казакевич О. А. Этические нормы традиционного селькупского общества сквозь призму фольклора // Логический анализ языка. Языки этики / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Яз. рус. культуры, 2000. С. 332–340.

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-247-255

21. Василевич Г. М. Эвенки: Историко-этнографические очерки (XVIII – начало XX в.). Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1969. 304 с.
22. Варламова Г. И. Мировоззрение эвенков: Отражение в фольклоре. Новосибирск: Наука, 2004. 185 с.
23. Сирина А. А. Эвенки и эвены в современном мире: самосознание, природопользование, мировоззрение. М.: Восточная литература, 2012. 604 с.
24. Гак В. Г. Актантная структура грехов и добродетелей фольклора // Логический анализ языка. Языки этики / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Яз. рус. культуры, 2000. С. 90–96.
25. Кузьмина Р. П. Концепт «жалость» в лингвокультуре эвенов // Лингвокультурные аспекты концептуальных исследований / отв. ред. М. В. Пименова. СПб.: СПбГЭУ, 2018. Вып. 16. С. 47–52.
26. Khasanova M., Pevnov A. Myths and tales of the negidals. Osaka: Osaka Gakuin university, Faculty of informatics, 2003. IV+297 p.
27. Изард К. Э. Психология эмоций. СПб.: Питер, 1999. 464 с.

original article

Conceptualization of Shame and Remorse in the Even Linguistic World View

Raisa P. Kuzmina
The Yakut Scientific Centre of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia, Yakutsk
raisakuzmina2013@yandex.ru
https://orcid.org/000-0003-4964-3448

Received 2 Feb 2021. Accepted 25 Mar 2021.

Abstract: The article introduces a comprehensive analysis of the key concepts in the Even linguistic world view, i.e. shame and remorse. These concepts are represented by the following lexical units in the Even dialects: haldyun has analogies in all languages of the Tungus-Manchu group; nyumar, nyumarin and khadarin are recorded in the Eastern dialect of the Even language; kherkehyi is common in the Lamunkhin dialect. The semantic structure of these lexemes is complex and includes similar concepts of shyness, embarrassment, modesty, and humbleness. The work used the descriptive method, the continuous sampling method, and the conceptual analysis, as well as the methods of definition (highlighting semantic features), etymological analysis, collecting and processing of field data. In the national consciousness of the Even, shame and remorse are concepts that reflect the assessment of one's behavior in society and attitude to the world. In addition, they also demonstrate strong emotional content.
Keywords: worldview, ethical norms, linguaculture, lexical units, speech etiquette, concept

Citation: Kuzmina R. P. Conceptualization of Shame and Remorse in the Even Linguistic World View. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(1): 247–255. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-247-255

Conflicting interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

References

1. Aroutiounova N. D. On shame and remorse. Logical linguistic analysis. *Languages of ethics*, ed. Aroutiounova N. D. Moscow: Iaz. rus. kultury, 2000, 54–78. (In Russ.)
2. Uryson E. V. *Research problems of the linguistic world view: Analogy in semantics*. Moscow: Iazyki slav. kultury, 2003, 224. (In Russ.)
3. Baizhanova N. R. Metaphorical images characterizing a person in Altai proverbs vs. the Tuvan language. *Languages of the indigenous peoples of Siberia*, eds. Koshkareva N. B., Shirobokova N. N., Tazranova A. R. Novosibirsk: NGU, 2004, iss. 14, 60–72. (In Russ.)
4. Pimenova M. V. *Soul and spirit: features of conceptualization*. Kemerovo: Grafika, 2004, 386. (In Russ.)
5. Kuzmina R. P. *The language of the Lamunkhinki Evens*. Novosibirsk: Nauka, 2010, 115. (In Russ.)

© 2021. The Author(s). This article is distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-247-255

6. Tsintsius V. I. *Essay on the grammar of the Even (Lamut) language*. Leningrad: Leningr. otd-nie Uchpedgiza, 1947, 271. (In Russ.)
7. Novikova K. A. *Essays on the dialects of the Even language. Pt. 1. Olsky dialect.* Moscow-Leningrad: Izd-vo AN SSSR. Leningr. otd-nie, 1960, 263. (In Russ.)
8. Burykin A. A. *The language of a small people in its written form (based on the Even language)*. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2004, 384. (In Russ.)
9. Sharina S. I. Dialects of the Even language: the state of research and classification. *Actual problems of dialectology of languages of the peoples of Russia*: Proc. XVII All-Russian Sci. Conf., Ufa, 1–2 June 2017. Ufa: UFITs RAN, 2017, 308–312. (In Russ.)
10. Sharina S. I. Even dialectology: stages of development, prospects. *Indigenous peoples of Yakutia: territorial and cultural dialects*: Proc. Region. round table, Yakutsk, 23 Apr 2018. Yakutsk: IGIiPMNS SO RAN, 2018, 70–78. (In Russ.)
11. Sharina S. I. Recording and documentation of the languages of the indigenous small-numbered peoples of the North of the Republic of Sakha (Yakutia). *Languages of indigenous peoples as a factor in the sustainable development of the Arctic:* Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Yakutsk, 27–29 June 2019. Yakutsk: IGIiPMNS SO RAN, 2019, 346–348. (In Russ.) DOI: 10.25693/NPK2019SarShar
12. Stepanov Yu. S. *Constants: dictionary of Russian culture,* 3rd ed. Moscow: Akademicheskii proekt, 2004, 991. (In Russ.)
13. Redko N. A. 'Conscience' as a key dominant of the Russian national picture of the world. *Mir russkogo slova*, 2019, (2): 60–65. (In Russ.) DOI: 10.24411/1811-1629-2019-12060
14. Ondar Ch. Ch. Adjectives denoting a person's spiritual qualities in the Tuvan language. *Languages of the indigenous peoples of Siberia*, eds. Koshkareva N. B., Shirobokova N. N., Tazranova A. R. Novosibirsk: NGU, 2004, iss. 14, 53–59. (In Russ.)
15. Tyuntesheva E. V. *Man and his world in the mirror of phraseology (based on the Turkic languages of Siberia, Kazakh, and Kyrgyz)*. Novosibirsk: Liubava, 2006, 225. (In Russ.)
16. Pogrebnyak Yu. V., Wan X. Structural and semantic features of the concept "shame" in the Russian and Chinese linguistic cultures (based on proverbs, sayings and phraseological units). *Izv. Volgogr. gos. ped. un-ta*, 2016, (9-10): 96–100. (In Russ.)
17. Iokhelson V. I. *The Yukaghirs and Yukaghized Tunguses*. Novosibirsk: Nauka, 2005, 675. (In Russ.)
18. Tugolukov V. A. *Who are you, the Yukaghirs?* Moscow: Nauka, 1979, 152. (In Russ.)
19. Sharina S. I., Kuzmina R. P. *Lower Kolyma dialect of the Even language*. Novosibirsk: Nauka, 2018, 185. (In Russ.)
20. Kazakevich O. A. Ethical norms of traditional Selkup society through the prism of folklore. *Logical analysis of language. Languages of ethics*, ed. Aroutiounova N. D. Moscow: Iaz. rus. kultury, 2000, 332–340. (In Russ.)
21. Vasilevich G. M. *The Evenks: Historical and Ethnographic Essays (XVIII – early XX century)*. Leningrad: Nauka. Leningr. otd-nie, 1969, 304. (In Russ.)
22. Varlamova G. I. *The Evenki worldview: reflection in folklore*. Novosibirsk: Nauka, 2004, 185. (In Russ.)
23. Sirina A. A. *The Evenki and Evens in the modern world: self-awareness, nature management, and worldview*. Moscow: Vostochnaia literatura, 2012, 604. (In Russ.)
24. Gak V. G. The actant structure of the sins and virtues of folklore. *Logical analysis of language. Languages of ethics*, ed. Aroutiounova N. D. Moscow: Iaz. rus. kultury, 2000, 90–96. (In Russ.)
25. Kuzmina R. P. The concept of "pity" in the linguaculture of the Evens. *Linguocultural aspects of conceptual research*, ed. Pimenova M. V. St. Petersburg: SPbGEU, 2018, iss. 16, 47–52. (In Russ.)
26. Khasanova M., Pevnov A. *Myths and tales of the negidals.* Osaka: Osaka Gakuin university, Faculty of informatics, 2003, IV+297.
27. Izard K. E. *Psychology of emotions*. St. Petersburg: Peter, 1999, 464. (In Russ.)

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-256-264

оригинальная статья
УДК 811.111

Лексико-семантический анализ прилагательного *poor* в английском языке: дефиниции, синонимы и антонимы

Мээрим Мелисовна Мендешева
Кыргызско-Турецкий университет «Манас», Кыргызстан, г. Бишкек
meerimtutor17@gmail.com

Поступила в редакцию 27.01.2021. Принята к печати 16.03.2021.

Аннотация: Исследуется прилагательное *poor* в английском языке в лексико-семантическом аспекте, его синонимы и антонимы. Для анализа сем и семем было взято 5 словарей английского языка: *Cambridge Advanced Learner's Dictionary* & *Thesaurus, Cobuild Advanced English Dictionary, The Free Dictionary, Longman dictionary of Contemporary English, Merriam-Webster Dictionary*. Статьи из перечисленных словарей позволили детально проанализировать указанные в них лексико-семантические варианты и определить набор всех значений у прилагательного *poor* в английском языке. Методом компонентного анализа у прилагательного *poor* в английском языке выделено 46 сем и семем. Мы объединили их в 8 тематических групп: 1. Человек: семы и семемы (*poor*) *people* / *a group, poverty, emaciated, not very skilful* (*in a particular activity*), *needy, humble, meek*; 2. Животное: семема (*hungry*) *animal*; 3. Материальные средства: семы и семемы *having, material, possessions, mean, petty* / (*little*) *money* / *insufficient wealth, used of land, barren* (*land*), *unproductive* (*land*); 4. Недостача / нехватка: семы *lacking* / *deficient*; 5. Нечто материальное: семы и семемы *very little of the substance*, (*little of a particular*) *substance*, (*poor*) *food*; 6. Ресурсы: семы и семемы *supply* (*of something specified – resources, materials*), (*poor*) *country*; 7. Оценка: семы и семемы *bad* / *not good*, (*being of a very low*) *quality*, (*being of a very low*) *quantity*, (*being of a very low*) *standard, inferior* / *very little* (*in quality*), *inferior* (*in value*), (*less*) *amount*, (*less*) *rate*, (*less*) *number, little* / *few*, (*in bad*) *condition, not normal, less* (*than adequate*) / *scanty* / *inadequate, negative, small* (*in worth*), *quality*; 8. Эмоциональное отношение: семы и семемы *exciting, pity*, (*deserving*) *sympathy, unlucky, disappointing, disagreeable, indifferent, unfavorable, no pleasure*. У прилагательного *poor* выявлено 37 синонимов и 13 антонимов.

Ключевые слова: синонимический ряд, сема, семема, дифференциальный признак, языковая картина мира, лингвокультурология

Цитирование: Мендешева М. М. Лексико-семантический анализ прилагательного *poor* в английском языке: дефиниции, синонимы и антонимы // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 1. С. 256–264. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-256-264

Введение

Основными терминами в работе выступают *значение* слова, *сема* и *семема*. Под лексическим значением слова понимается «предметно-понятийное содержание слова, в обобщённом виде отражающее информацию о предмете, процессе, явлении внеязыковой реальности» [1]. Под *семой* (от греч. *σῆμα* – знак) понимается минимальная, далее нечленимая единица плана содержания языкового знака, которую считают операциональной единицей компонентного анализа слова. Сема – это компонент значения слова, его дифференциальный признак. Семы представляю собой «элементарные отражения в языке различных сторон и свойств обозначаемых предметов и явлений действительности, которые выступают в качестве компонентов *семемы* – элементарного значения слова (лексико-семантического варианта слова)» [2]. Структура семемы воссоздается благодаря «сведе́нию содержания значения к его простейшим составляющим – семам» [2].

Цель – описать план содержания имени прилагательного *poor*, его синонимы и антонимы в аспекте лексико-семантического анализа. **Задачи**: 1) определить семы и семемы в дефинициях прилагательного *poor* в пяти толковых словарях современного английского языка; 2) представить выявленные семы и семемы прилагательного *poor* в виде тематической классификации; 3) определить синонимы и антонимы прилагательного *poor*.

Актуальность работы состоит в том, что в английской языковой картине мира существует определенная область, ассоциативно связанная с богатством и бедностью, обширно представленная синонимами и антонимами. То, что детально разработано с позиций категоризации в рамках определенного фрагмента мира, является областью пристального научного интереса для исследователя. **Научная новизна** работы заключается в том, что впервые семы и семемы прилагательного *poor* рассматриваются в аспекте языковой картины мира и лингвокультурологии.

Материалом исследования стали 5 современных авторитетных английских словаря. Основные **методы**: метод компонентного анализа словарных дефиниций,

© 2021. Авторы. Статья распространяется на условиях международной лицензии CC BY 4.0

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-256-264

описательный метод с применением приемов интерпретации и обобщения, сравнительно-сопоставительный метод. В статье, кроме этого, используются элементы лингвокультурологического метода.

Проблема изучения языковой картины мира в лингвокультурологическом аспекте становится актуальной на пересечении XX–XXI вв. Л. П. Лобанова описала концепцию языковой картины мира, берущую истоки в трудах Вильгельма фон Гумбольдта [3]. Лингвистов привлекает тема шкалы ценностей в языковой картине мира. О. А. Корнилов исследовал языковые картины мира в аспекте менталитетов народов [4].

Прилагательное было предметом исследования разных ученых. Об оценочной функции имени прилагательного в русском языке писала Н. Н. Белова [5], в английском языке – О. А. Козлова [6] и Н. М. Разинкина [7]. Y. Hadidi и L. Mohammadbagheri-Parvin проанализировали стилистические способы выражения оценки, в том числе с помощью прилагательных, в английских романах [8]. О. В. Ильина занималась вопросом развития семантики признаковых имен *богатый, бедный*, опираясь на данные словарей русского языка [9]. Е. И. Бондаренко описала качественные прилагательные английского языка, включая *poor* [10]. Ю. И. Горбунова, обратившись к прилагательным со значением меры и степени, в ряду других рассматривала оппозицию *богатый – бедный* [11]. Т. Ю. Воронцова представила комплексное исследование семантики историзмов аксиологических подклассов английского языка, включая прилагательное *poor* [12]. M. D. Rocklage и R. H. Fazio в своей статье обратились к оценочному лексикону: они избрали прилагательное в качестве предмета изучения средства оценки [13].

Еще одна группа ученых занимается паремиологическим фондом разных языков, в состав которых входят прилагательные *богатый* и *бедный*. Л. К. Байрамова сосредоточила свое внимание на представлениях о бедности как ценности и антиценности в фразеологии русского, татарского, английского, немецкого, французского языков [14]. Е. В. Ничипорчик рассмотрела лингвокогнитивный, сопоставительный и социопсихолингвистический аспекты отражения ценностных ориентаций в паремиях [15]. М. А. Бредис на материале пяти языков: русского, латышского, литовского, немецкого и английского – проанализировал представления о денежных отношениях в пословицах [16]. Объектом изучения Оути Лаухакангаса стали пословицы в дискуссионных интернет-форумах [17].

Некоторые лингвисты двигаются в русле новых научных направлений – когнитивной лингвистики и лингвокультурологии. Например, А. А. Гетман защитила диссертацию на тему «Концептосфера "бедность – богатство" в англоамериканской лингвокультуре» [18]. Р. Х. Хайруллина и А. В. Леднева проанализировали языковую природу паремий, в том числе включающих прилагательные *богатый* и *бедный*, и описали их роль в формировании языкового мировидения народа [19]. Е. Ю. Понамарева изучила концепт *бедный* и его аналог *poor* в афоризмах [20].

Изучение словарных статей показывает отличия в количестве лексико-семантических вариантов у одного слова, что обусловлено рядом причин. Например, в русском языке есть три слова для обозначения бедности: «**бедный** – испытывающий нужду в средствах к существованию; **нищий** – совсем не имеющий средств к существованию; **неимущий** – крайне нуждающийся, не имеющий возможности обеспечить себе средства к существованию»[1]. Представленные три синонима отражают разные степени состояния бедности.

Работа с лексикографическими источниками показывает, что словари не успевают за языковой эволюцией: «в периоды социального затишья и стабильности язык, его словарный состав развиваются эволюционно и медленно, почти незаметно для людей одного поколения. А во время социальных катаклизм лексикон языка бурно реагирует на них, стараясь удовлетворить быстро меняющиеся потребности в номинации у носителей языка» [21, с. 211]. Слово *poor* претерпевает изменения, что отражается в словарях современного английского языка.

Результаты

Бедность ассоциируется с благосостоянием. В современном мире появляются психологические, экономические, социально-политические термины, связанные с этим понятием: *порог бедности, экономическая бедность, бедность ума* и т. д. Многие из этих понятий становятся интернациональными. Обратимся к словарям английского языка. Merriam-Webster Dictionary считает основным определением бедности отсутствие материальных средств и приводит такую дефиницию прилагательного *poor*: *lacking material possessions*[2]. Три словаря: Cambridge English Dictionary[3], Cobuild English Dictionary[4] и Longman dictionary of Contemporary English[5] к бедным относят тех, у кого мало денег и мало имущества: *having little money and / or few possessions*. Один из указанных словарей уточняет, что бедные – это нуждающиеся люди с финансовыми

[1] Словарь синонимов русского языка / под ред. А. П. Евгеньевой. Л.: Наука, 1970. Т. 1: А–Н. С. 40.

[2] Merriam-Webster Dictionary. Режим доступа: https://www.merriam-webster.com/dictionary/poor (дата обращения: 21.06.2020).

[3] Cambridge Advanced Learner's Dictionary & Thesaurus. Режим доступа: https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/английский/poor (дата обращения: 21.06.2020).

[4] COBUILD Advanced English Dictionary. Режим доступа: https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/poor (дата обращения: 21.06.2020).

[5] Longman dictionary of Contemporary English. Режим доступа: https://www.ldoceonline.com/dictionary/poor (дата обращения: 21.06.2020).

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-256-264

ограничениями: *lacking financial or other means of subsistence; needy* (Cobuild)[6]. К бедным относятся иммигранты: *He came from a poor immigrant family*. У бедных свои школы, где уровень образования низкий: *The reason our schools cannot afford better teachers is because people here are poor*. Бедным не хватает средств, чтобы купить все необходимое: *Her family were so poor they couldn't afford to buy her new clothes.* Синонимами *poor* в этом значении выступают слова и сочетания *indigent* (formal), *impoverished, broke* (informal), *badly off, hard up* (informal), антонимом – *rich*.

Бедность наступает тогда, когда уровень жизни ниже, когда денег недостаточно для проживания: *less than adequate* (Merriam-Webster); *scanty or inadequate* (Cobuild). Бедность возникает из-за нехватки средств для удовлетворения потребностей или для удобства жизни: *Having insufficient wealth to meet the necessities or comforts of life or to live in a manner considered acceptable in a society*[7]. В любом обществе есть определенный уровень, который соответствует норме жизни человека. В описании суммы, ставок, различных чисел используется прилагательное *poor* для выражения значения «ниже уровня ожидаемого»: *If you describe an amount, rate, or number as poor, you mean that it is less than expected or less than is considered reasonable* (Cobuild). Например, к разряду бедности относят низкую зарплату или условия труда: *poor wages and working conditions*. В этом значении прилагательного *poor* синонимами являются слова *meagre, inadequate, insufficient, reduced*.

То, что называется бедным, имеет невысокую цену: *small in worth* (Merriam-Webster). Это значение передает социально-экономическое понятие *уровень жизни населения*.

Из-за невысокого уровня образования квалификация бедных людей – низкая: *who is not very skilful in a particular activity* (Cobuild): *make / do a poor job of doing something* (Longman), например: *The builders did a really poor job of fixing our roof*. Иногда для реализации себя в профессии человеку не хватает таланта, профессионализма, а не уровня образования: *He was a poor actor*. Особенно это заметно в сфере развлечений и досуга: *giving no pleasure; disappointing or disagreeable* (Cobuild): *a poor play*. Бесталанность и непрофессионализм вызывают у людей негативные эмоции: разочарование, неприятие, неудовольствие: a *poor performance*. Здесь у слова *poor* свой ряд синонимов: *badly, incompetently, inadequately, crudely*.

Бедность заслуживает сочувствия: *deserving sympathy* (Cambridge), *Eliciting or deserving pity; pitiable* (Free); вызывает эмоциональное состояние жалости: *exciting pity* (Merriam-Webster). Бедных считают несчастными, поэтому их жалеют: *deserving of pity; unlucky* (Cobuild): *poor John is ill again*. Люди используют прилагательное *poor*, чтобы выразить свое сочувствие по отношению к бедным: *You use poor to express your sympathy for someone* (Cobuild): *I feel sorry for that poor child*. Бедный человек или любое живое существо, которому сочувствуют, в английской языковой картине мира категоризуется как вещь: *you poor thing* (Merriam-Webster), где *thing* букв. вещь. Жалость вызывают люди: *That cold sounds terrible, you poor thing!,* животные, с которыми случилось несчастье: *Look at that dog – the poor thing only has three legs*. В этом значении у прилагательного *poor* несколько синонимов: *unfortunate, pathetic, miserable, unlucky*.

Товары, которые производятся для бедных людей, ниже по качеству и по стоимости: *inferior in quality or value* (Merriam-Webster); они имеют низшую категорию товара: *lacking in quality; inferior* (Cobuild). Это сказывается на питании, здоровье и внешнем виде бедняков. В английском языке бедность относится не только к сфере быта и материальных благ, но и к духовным, моральным качествам человека, которые определяют его роль в социуме (*poor-spirited* – робкий, трусливый, малодушный), а также к ментальной области (*he became poorer in ideas* – мысль его оскудела) [22, с. 343].

Бедные люди становятся иными по характеру – они смиренны и непритязательны: *Humble, unpretentious* (Merriam-Webster); кротки: *Humble; meek* (Free). Смирение – это известная христианская добродетель: *Let the humble ones arise, the poor in heart be glad* (John Greenleaf Whittier).

У бедных людей – ограниченные средства к существованию, они зачастую пользуются мелкой монетой: *Mean, petty* (Merriam-Webster). Чтобы добыть средства для пропитания, бедным приходится много работать. От тяжелой и изнурительной работы люди постоянно утомлены. Это является причиной появления новой черты характера – бедные становятся бережливыми: *emaciated* (Merriam-Webster). В английском языке о бедняках есть пословица: *Even the poor have their pride* (Merriam-Webster).

Земли, на которых живут бедные люди, дают скудный урожай, они неплодородны: *Barren, unproductive – used of land* (Merriam-Webster). Цена на такие земли – низкая.

Бедных людей не любят, их считают неприятными из-за их эмоционального выгорания, равнодушия, безразличия: *indifferent, unfavorable* (Merriam-Webster). Бедных людей сторонятся.

Продукты, содержащие малое количество чего-либо, тоже называются в английской языковой картине мира бедными: *If something is poor in a particular quality or substance, it contains very little of the quality or substance* (Cobuild). Например, жиры и сахар бедны витаминами, минералами и клетчаткой: *Fats and sugar are very rich in energy but poor in vitamins, minerals and dietary fibre.*

В масштабах стран бедной считается такая, в которой нет природных запасов: *lacking a normal or adequate supply*

[6] В связи с постоянным цитированием словарных статей далее в статье ссылки на словари приводятся в скобках с указанием первого слова в названии словаря.

[7] The Free Dictionary. Режим доступа: https://www.thefreedictionary.com/poor (дата обращения: 21.06.2020).

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-256-264

of something specified (Merriam-Webster); мало материальных ресурсов: *badly supplied (with resources, materials, etc.)* (Cobuild), *Deficient or lacking in a specified resource or quality* (Free). Такие страны называют, например, *oil-poor countries*. Эти страны или регионы могут быть вполне благополучными в части доходов населения, но у таких стран нет собственных природных ресурсов, либо они есть, но низкого качества: *to have very little of a particular substance or quality* (Cambridge, Cobuild): *an area poor in timber and coal*. К таким странам относится Исландия: *Unfortunately, Iceland is poor in natural resources*. Бедными могут быть названы регионы земли, в которых что-то не произрастает: *a region poor in wild flowers*. Другая часть бедных стран относится к разряду государств третьего мира: *The people in a poor country or area have very little money and few possessions* (Cobuild). В этих странах бедная экономика: *the country had a poor economy*. В политике и социологии есть специальный термин – страны третьего мира: *Many countries in the Third World are as poor as they have ever been* (Merriam-Webster).

При оценке прилагательного *poor* в устойчивых сочетаниях его эквивалентом обычно выступает слово *bad*: *poor / bad sport, bad / poor form, bad / poor loser, in (very) bad/poor taste, in poor/bad (etc.) condition* (Merriam-Webster). Longman dictionary of Contemporary English по этому поводу отмечает: *not as good as it could be or should be*. Все, что характеризуется отрицательно – имеет низкое качество, не соответствует необходимому количеству или стандарту, называется *poor*: *not good; being of a very low quality, quantity, or standard* (Cambridge), *Not adequate in quality or quantity; inferior* (Free), *poor quality* (Longman). Cobuild English Dictionary дополняет этот список тем, что находится в плохом состоянии: *that it is in bad condition.* Плохим может быть низкий урожай: *a poor harvest*. Низкие оценки в школе по предметам тоже считаются плохими – по-английски бедными: *I was always very poor at maths at school*. Низкая зарплата квалифицируется как бедная: *poor wages*. Ухудшение здоровья оценивается как бедное: *Dad had been in poor health for several years.* Так оценивается качество здоровья, когда описываются память, зрение, слух и т. д.: *poor hearing / eyesight / memory*, например: *Her hearing is poor, so speak fairly loudly*. То, что требует ремонта, тоже относится к разряду бедного состояния: *The flat was in a poor state of repair*. Низкое качество еды считается бедным: *The food was poor* (Cobuild).

Люди, живущие скудно, называются бедняками: *people who are poor* (Longman) они обычно образуют особую социально-экономическую группу: *poor people considered together as a group* (Cambridge); *characterized by or indicating poverty* (Cobuild, Free). Бедным горожанам необходимы дома: *The urban poor are in need of homes*. В городах есть районы бедноты. Для бедных в некоторых государствах строят социальное жилье: *housing for the poor*. Бедняки живут в разных социальных сообществах: *the rural / urban / working poor*. Субстантив *the poor* имеет свой антоним – *the rich*.

В английской лингвокультуре прилагательное *poor* используется для описания не только людей и регионов, но и животных. Особенно это касается недоедающих, голодающих животных: *Undernourished. Used especially of animals* (Free).

Для сравнения, в немецкой фразеологии «*бедность* концептуализируется через признаки 'ограничение в передвижении', 'ограниченность в реализации планов', 'быть вынужденным придерживаться тесных границ'; все это передаётся метафорами тесноты, описывающими бедность, словесное оформление которой опирается на образы материального и пространственного ограничения» [23, с. 58]. Похожие признаки ярко выражены в западно-мюнстерском диалекте [24]. В русской лингвокультуре *бедность* «определяется признаками 'ограничение в материальных ресурсах', 'ограничение в жизненном пространстве', 'нравственные ограничения', 'то, что вызывает жалость, сочувствие, сострадание'» [25, с. 89]. Для современной английской молодежи бедность – «существование без основополагающих (basic) вещей, таких как нормальная еда, одежда, жилье, оплата счетов» [26, с. 23].

Практически каждый из указанных выше лексико-семантических вариантов слова *poor* включает сему или семему оценки. «Семема ценностного положительного или отрицательного отношения выполняет содержательную системообразующую функцию, речевая актуализация которой обусловлена ее местом в составе парадигматической оси» [5, с. 186]. Прилагательное *poor* чаще выражает негативную оценку в отношении нехватки средств, недостатка ресурсов, низкого качества и непрофессионализма. При этом бедность воспринимается сочувственно, вызывает жалость. Это отношение также отображено в словарных дефинициях.

Бедность в большей степени обладает «негативной количественной и качественной оценкой, репрезентируется как антиценность в англо- и русскоязычной культурах. Однако акцент при этом делается на разные составляющие: материальный аспект типичен для индивидуалистской культуры (англоязычной), духовный – для коллективистской (русскоязычной)» [27, с. 3].

Полученные данные по составу сем и семем прилагательного *poor* сведены в таблице.

Как показали результаты проведенного анализа 5 словарных статей прилагательного *poor*, ни одна из словарных статей не указывает полного набора сем и семем этого слова. Словари имеют разные годы издания и разный объем. Возможно, это стало причиной неполного учета всех возможных сем и семем у изучаемого прилагательного.

В словарях приводится от 11 сем и семем (Cambridge English Dictionary) до 23 сем и семем (Merriam-Webster Dictionary). Отмеченные в Merriam-Webster Dictionary 23 семы и семемы составляют только половину из выявленного их количества в данной статье.

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-256-264

Табл. Семы и семемы прилагательного *poor*
Tab. Semes and sememes of the adjective *poor*

№	Семы и семемы	Cambridge English Dictionary	Cobuild English Dictionary	The Free Dictionary	Longman dictionary of Contemporary English	Merriam-Webster Dictionary
1.	lacking / deficient	–	+	+	–	+
2.	possessions	–	+	–	+	+
3.	material	–	–	–	–	+
4.	having	+	–	+	+	–
5.	little / few	+	+	-	+	–
6.	(poor) people / a group	+	+	+	+	–
7.	poverty	–	+	+	–	+
8.	less (than adequate)/ scanty/ inadequate	–	+	+	–	+
9.	small (in worth)	–	–	–	–	+
10.	exciting	–	–	–	–	+
11.	pity	–	+	+	–	+
12.	(deserving) sympathy	+	+	–	–	–
13.	unlucky	–	+	–	–	–
14.	no pleasure	–	+	–	–	–
15.	disappointing	–	+	+	–	–
16.	disagreeable	–	+	–	–	–
17.	negative	–	–	+	–	–
18.	indifferent	–	–	–	–	+
19.	unfavorable	–	–	+	–	+
20.	Inferior / very little (in quality)	+	+	+	–	+
21.	inferior (in value)	–	–	+	–	+
22.	very little of the substance	–	+	–	–	–
23.	mean	–	–	–	–	+
24.	petty / (little) money / insufficient wealth	+	+	+	+	+
25.	emaciated	–	–	–	–	+
26.	used of land	–	–	–	–	+
27.	barren (land)	–	–	–	–	+
28.	unproductive (land)	–	–	–	–	+
29.	not normal	–	–	–	–	+
30.	supply (of something specified – resources, materials)	–	+	+	–	+
31.	bad / not good	+	–	–	+	+
32.	(being of a very low) quality	+	+	+	+	–
33.	(being of a very low) quantity	+	–	+	–	–
34.	(being of a very low) standard	+	+	–	–	–
35.	(less) amount	–	+	–	–	–
36.	(less) rate	–	+	–	–	–
37.	(less) number	–	+	–	–	–
38.	(in bad) condition	–	+	–	+	–
39.	(little of a particular) substance	+	+	–	–	+
40.	(poor) country	–	+	–	–	–
41.	not very skilful (in a particular activity)	–	+	–	–	–
42.	(poor) food	–	+	–	–	–
43.	needy	–	+	–	–	–
44.	(hungry) animal	–	–	+	–	–
45.	humble	–	–	+	–	+
46.	meek	–	–	+	–	–

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-256-264

Заключение

Компонентный анализ словарных дефиниций позволил выявить 46 сем и семем слова *poor*. Эти семы и семемы можно разделить на 8 тематических групп: 1. Человек: (*poor*) *people/ a group, poverty, emaciated, not very skilful* (*in a particular activity*), *needy, humble, meek*; 2. Животное: (*hungry*) *animal*; 3. Материальные средства: *having, material, possessions, mean, petty* / (*little*) *money* / *insufficient wealth, used of land, barren* (*land*), *unproductive* (*land*); 4. Недостача / нехватка: *lacking* / *deficient*; 5. Нечто материальное: *very little of the substance*, (*little of a particular*) *substance*, (*poor*) *food*; 6. Ресурсы: *supply* (*of something specified – resources, materials*), (*poor*) *country*; 7. Оценка: *bad* / *not good*, (*being of a very low*) *quality*, (*being of a very low*) *quantity*, (*being of a very low*) *standard, inferior* / *very little* (*in quality*), *inferior* (*in value*), (*less*) *amount*, (*less*) *rate*, (*less*) *number, little* / *few*, (*in bad*) *condition, not normal, less* (*than adequate*) / *scanty* / *inadequate, negative, small* (*in worth*), *quality*; 8. Эмоциональное отношение: *exciting, pity*, (*deserving*) *sympathy, unlucky, disappointing, disagreeable, indifferent, unfavorable, no pleasure*. Заметно выделяется по количеству сем и семем аксиологическая составляющая, которая представляет амбивалентную оценку. С одной стороны, бедность вызывает жалость и сочувствие, с другой – неприятие, недовольство и разочарование.

В ходе исследования было обнаружено 17 синонимов у прилагательного *poor*: *indigent* (formal), *impoverished, broke* (informal), *badly off, hard up* (informal), *meagre, inadequate, insufficient, reduced, badly, incompetently, inadequately, crudely, unfortunate, pathetic, miserable, unlucky*. Словарь Merriam-Webster Dictionary дополняет этот список словами *beggared, beggarly, broke, destitute, dirt-poor, down-and-out, famished, hard up, impecunious, impoverished, indigent, necessitous, needful, needy, pauperized, penniless, penurious, poverty-stricken, skint* (chiefly British), *threadbare* (Merriam-Webster). Кроме этого, у прилагательного *poor* отмечено 13 антонимов: *affluent, deep-pocketed, fat, fat-cat, flush, moneyed* (*also monied*), *opulent, rich, silk-stocking, wealthy, well-heeled, well-off, well-to-do* (Merriam-Webster).

Прилагательное *poor* сопровождается категориальными оценочными характеристиками *a few, bad, less, little, low* и т. д. Аксиологическая составляющая, богато представленная в выделенных семах прилагательного *poor*, свидетельствует о пристальном внимании к тому, что характеризуется как не соответствующее норме, как находящееся ниже ее уровня.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Литература

1. Кустова Г. И. Лексическое значение слова // Большая российская энциклопедия. М.: БРЭ, 2010. Т. 17. Режим доступа: http://bre.mkrf.ru/linguistics/text/2138518 (дата обращения: 20.06.2020).
2. Новиков Л. А. Сема // Большая российская энциклопедия. М.: БРЭ, 2015. Т. 29. Режим доступа: http://bre.mkrf.ru/linguistics/text/3546926 (дата обращения: 20.06.2020).
3. Лобанова Л. П. Концепция языковой картины мира и ее истоки в трудах Вильгельма фон Гумбольдта. М.: Ленанд, 2015. 288 с.
4. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 4-е изд., испр. М.: КДУ, 2013. 348 с.
5. Белова Н. Н. Семантика оценки в именах прилагательных: дис. … канд. филол. наук. Мичуринск, 2011. 262 с.
6. Козлова О. А. Экспликация оценочных смыслов отклонения от нормы в английском языке: автореф. дис. … канд. филол. наук. Барнаул, 2011. 20 с.
7. Разинкина Н. М. Эмоционально-субъективная оценка прилагательных широкой семантики в английском и русском языках: научно-методический подход // Научный диалог. 2016. № 3. С. 88–104.
8. Hadidi Y., Mohammadbagheri-Parvin L. Systemic functional linguistics as interpersonal semantics: appraisal and attitude in the stylistic analysis of an English novel // International journal of linguistics. 2015. Vol. 7. № 1. P. 129–148. DOI: 10.5296/ijl.v7i1.7199
9. Ильина О. В. Развитие семантики признаковых имен *богатый, бедный* (по данным словарей русского языка) // Lingua mobilis. 2011. № 3. С. 54–67.
10. Бондаренко Е. И. Средства выражения эмоционально-оценочных отношений в современном английском языке: на материале семантической группы качественных прилагательных "old", "little", "*poor*": дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 1987. 254 с.
11. Горбунова Ю. И. Семантические особенности имен прилагательных со значением меры и степени в современном русском языке: На материале поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души»: дис. … канд. филол. наук. Саранск, 2005. 160 с.
12. Воронцова Т. Ю. Специфика коннотативного макрокомпонента семантики историзмов современного английского языка: автореф. дис. … канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2000. 24 с.
13. Rocklage M. D., Fazio R. H. The Evaluative Lexicon: Adjective use as a means of assessing and distinguishing attitude valence, extremity, and emotionality // Journal of Experimental Social Psychology. 2015. Vol. 56. P. 214–227. DOI: 10.1016/j.jesp.2014.10.005

BULLETIN
Kemerovo State University
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-256-264

14. Байрамова Л. К. Бедность как ценность и антиценность во фразеологической парадигме русского, татарского, английского, немецкого, французского языков. Казань: Центр инновационных технологий, 2014. 220 с.
15. Ничипорчик Е. В. Отражение ценностных ориентаций в паремиях: лингвокогнитивный, сопоставительный и социопсихолингвистический аспекты: автореферат дис. ... д-ра филол. наук. Мн., 2016. 54 с.
16. Бредис М. А. Представления о денежных отношениях в пословицах (на материале русского, латышского, литовского, немецкого и английского языков): дис. … канд. филол. наук. М., 2017. 346 с.
17. Лаухакангас О. Пословицы в дискуссионных интернет-форумах // Абакумова О. Б., Алешин С. А., Бочина Т. Г., Бредис М. А., Владимирова Т. Е., Головачёва Е. А., Иванов Е. Е., Котова М. Ю., Лаухакангас О., Ломакина О. В., Мидер В., Мокиенко В. М., Петрушевская Ю. А. Паремиология в дискурсе. Общие и прикладные вопросы паремиологии. Пословица в дискурсе и в тексте. Пословица и языковая картина мира. М.: Ленанд, 2015. С. 101–119.
18. Гетман А. А. Концептосфера «бедность – богатство» в англо-американской лингвокультуре: автореф. дис. … канд. филол. наук. Новосибирск, 2015. 24 с.
19. Хайруллина Р. Х., Леднева А. В. Языковая природа паремий и их роль в формировании языкового мировидения народа // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1-1. Режим доступа: https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=19008 (дата обращения: 22.06.2020).
20. Понамарева Е. Ю. Концепт БЕДНЫЙ и его аналог *POOR* в афоризмах // Молодой ученый. 2009. № 9. С. 102–104.
21. Шипицына Г. М. Обозначения бедных и богатых людей в русском языке XIX–XXI веков // Вестник Белгородского государственного технологического университета им. В. Г. Шухова. 2013. № 3. С. 211–213.
22. Пименов Е. А., Пименова М. В. Общее и специфичное социальных концептов бедность и poorness // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики: мат-лы ежегодной Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 5–6 февраля 2010 г.) Екатеринбург: УрГПУ, 2010. Ч. 1. С. 339–349.
23. Пименов Е. А. Социальные концепты *бедность* и *богатство* // Новое в славянской филологии / отв. ред. М. В. Пименова. Севастополь: Рибэст, 2009. С. 56–62.
24. Пиирайнен Е. «Область метафорического отображения» – метафора – метафорическая модель (на материале фразеологии западно-мюнстерского диалекта) // Вопросы языкознания. 1997. № 4. С. 92–100.
25. Пименова М. В. Языковая картина мира. 3-е изд., доп. М.: Флинта; Наука, 2012. 108 с.
26. Стешина Е. Г. Концепты *богатство* и *бедность* в молодежном языковом сознании русских и англичан: автореф. дис. … канд. филол. наук. Саратов, 2008. 23 с.
27. Понамарева Е. Ю. Концепт бедность в диахроническом пространстве английской и русской лингвокультур национального периода: автореф. дис. … канд. филол. наук. Пятигорск, 2010. 29 с.

original article

Lexical-Semantic Analysis of the Adjective *Poor* in English: Definitions, Synonyms, and Antonyms

Meerim M. Mendesheva
Kyrgyz-Turkish University "Manas", Kyrgyzstan, Bishkek
meerimtutor17@gmail.com

Received 27 Jan 2021. Accepted 16 Mar 2021.

Abstract: The article introduces the lexical-semantic aspect of the adjective *poor* in English, its synonyms, and antonyms. The analysis featured five English dictionaries: Cambridge Advanced Learner's Dictionary & Thesaurus, Cobuild Advanced English Dictionary, The Free Dictionary, Longman Dictionary of Contemporary English, and Merriam-Webster Dictionary. The author analyzed the lexical-semantic variants of the adjective and determined its meanings. The component analysis allocated 46 semes and sememes, which were combined into eight thematic groups: 1. People: *(poor) people / a group, poverty, emaciated, not very skilful (in a particular activity), needy, humble, meek*; 2. Animal: *(hungry) animal*; 3. Material means: *having, material, possessions, mean, petty / (little) money / insufficient wealth, used of land, barren (land), unproductive (land)*; 4. Lack / shortage: *lacking / deficient*; 5. Something material: *very little of the substance, (little of a particular) substance, (poor) food*; 6. Resources: *supply (of something specified – resources, materials), (poor) country*; 7. Evaluation: *bad / not good, (being of a very low) quality, (being of a very low) quantity, (being of a very low) standard, inferior / very little (in quality), inferior*

© 2021. The Author(s). This article is distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-256-264

(in value), (less) amount, (less) rate, (less) number, little / few, (in bad) condition, not normal, less (than adequate) / scanty / inadequate, negative, small (in worth), quality; 8. Emotional attitude: *exciting, pity, (deserving) sympathy, unlucky, disappointing, disagreeable, indifferent, unfavorable, no pleasure*. The adjective *poor* appeared to have 37 synonyms and 13 antonyms.
Keywords: synonymic series, seme, sememe, differential attribute, language picture of the world, cultural linguistics

Citation: Mendesheva M. M. Lexical-Semantic Analysis of the Adjective *Poor* in English: Definitions, Synonyms, and Antonyms. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(1): 256–264. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-256-264

Conflicting interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

References

1. Kustova G. I. Lexical meaning of the word. *Big Russian Encyclopedia*. Moscow: BRE, 2010, vol. 17. Available at: http://bre.mkrf.ru/linguistics/text/2138518 (accessed 20 June 2020). (In Russ.)
2. Novikov L. A. Seme. *Big Russian Encyclopedia*. Moscow: BRE, 2015, vol. 29. Available at: http://bre.mkrf.ru/linguistics/text/3546926 (accessed 20 June 2020). (In Russ.)
3. Lobanova L. P. *The concept of a linguistic picture of the world and its origins in the writings of Wilhelm von Humboldt*. Moscow: Lenand, 2015, 288. (In Russ.)
4. Kornilov O. A. *Linguistic pictures of the world as derivatives of national mentalities*, 4th ed. Moscow: KDU, 2013, 348. (In Russ.)
5. Belova N. N. *The semantics of evaluation in adjective names*. Cand. Philol. Sci. Diss. Michurinsk, 2011, 262. (In Russ.)
6. Kozlova O. A. *The explication of the estimated meanings of deviations from the norm in the English language*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Barnaul, 2011, 20. (In Russ.)
7. Razinkina N. M. Emotional-subjective evaluation of adjectives of broad semantics in English and Russian languages: scientific-methodological approach. *Nauchnyi dialog*, 2016, (3): 88–104. (In Russ.)
8. Hadidi Y., Mohammadbagheri-Parvin L. Systemic functional linguistics as interpersonal semantics: appraisal and attitude in the stylistic analysis of an English novel. *International journal of linguistics*, 2015, 7(1): 129–148. DOI: 10.5296/ijl.v7i1.7199
9. Ilyina O. V. Development of semantics of adjectives rich, *poor* (according to Russian dictionaries). *Lingua mobilis*, 2011, (3): 54–67. (In Russ.)
10. Bondarenko E. I. *Means of expressing emotional-evaluative relationships in modern English: on the basis of the semantic group of qualitative adjectives "old", "little", and "poor"*. Cand. Philol. Sci. Diss. Pyatigorsk, 1987, 254. (In Russ.)
11. Gorbunova Yu. I. *Semantic features of the names of adjectives with the meaning of measure and degree in modern Russian: On the material of the poem N. V. Gogol's "Dead Souls"*. Cand. Philol. Sci. Diss. Saransk, 2005, 160. (In Russ.)
12. Vorontsova T. Yu. *Specificity of the connotative macrocomponent of the semantics of the historicisms of modern English* Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Nizhny Novgorod, 2000, 24. (In Russ.)
13. Rocklage M. D., Fazio R. H. The Evaluative Lexicon: Adjective use as a means of assessing and distinguishing attitude valence, extremity, and emotionality. *Journal of Experimental Social Psychology*, 2015, 56: 214–227. DOI: 10.1016/j.jesp.2014.10.005
14. Bairamova L. K. *Poverty as a value and antiquity in the phraseological paradigm of Russian, Tatar, English, German, and French*. Kazan: Tsentr innovatsionnykh tekhnologii, 2014, 220. (In Russ.)
15. Nichiporchik E. V. *Reflection of value orientations in paremias: linguacognitive, comparative and sociopsycholinguistic aspects*. Dr. Philol. Sci. Diss. Abstr. Minsk, 2016, 54. (In Russ.)
16. Bredis M. A. *Representations of monetary relations in proverbs (based on Russian, Latvian, Lithuanian, German, and English)*. Cand. Philol. Sci. Diss. Moscow, 2017, 346. (In Russ.)
17. Abakumova O. B., Aleshin S. A., Bochina T. G., Bredis M. A., Vladimirova T. E., Golovacheva E. A., Ivanov E. E., Kotova M. Yu., Lauhakangas O., Lomakina O. V., Mider V., Mokienko V. M., Petrushevskaya Yu. A. Paramiology in discourse: General and applied questions of paramiology. Proverb in discourse and in text. *Proverb and linguistic world image*. Moscow: Lenand, 2015, 101–119. (In Russ.)
18. Getman A. A. *The concept sphere of "poverty – wealth" in the Anglo-American linguistic culture*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Novosibirsk, 2015, 24. (In Russ.)
19. Khayrullina R. Kh., Ledneva A. V. The linguistic nature of proverbs and their role in shaping the language worldview of the people. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia*, 2015, (1-1). Available at: https://www.science-education.ru/en/article/view?id=19008 (accessed 2 June 2020). (In Russ.)
20. Ponamareva E. Iu. The concept of the *Poor* and its analogue *POOR* in aphorisms. *Molodoi uchenyi*, 2009, (9): 102–104. (In Russ.)

BULLETIN
Kemerovo State University
https://vestnik.kemsu.ru
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-256-264

21. Shipitsyna G. M. Designations of *poor* and rich people in the Russian language of the XIX–XXI centuries. *Bulletin of Belgorod State Technological University named after V. G. Shukhov*, 2013, (3): 211–213. (In Russ.)
22. Pimenov E. A., Pimenova M. V. General and specific social concepts of poverty and *poor*ness. *Actual problems of German studies, Romanism, and Russian studies*: Proc. Annual Intern. Sci. Conf., Ekaterinburg, 5–6 Feb 2010. Ekaterinburg: UrGPU, 2010, pt. 1, 339–349. (In Russ.)
23. Pimenov E. A. Social concepts of poverty and wealth. *New in Slavic philology*, ed. Pimenova M. V. Sevastopol: Ribest, 2009, 56–62. (In Russ.)
24. Piirainen E. The area of metaphorical display – metaphor – metaphorical model (based on the phraseology of the West Munster dialect). *Voprosy Jazykoznanija*, 1997, (4): 92–100. (In Russ.)
25. Pimenova M. V. *Language picture of the world*, 3rd ed. Moscow: Flinta; Nauka, 2012, 108. (In Russ.)
26. Steshina E. G. *Concepts of wealth and poverty in the youth linguistic consciousness of Russians and English*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Saratov, 2008, 23. (In Russ.)
27. Ponamareva E. Iu. *The concept of poverty in the diachronic space of the English and Russian linguacultures of the national period.* Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Pyatigorsk, 2010, 29. (In Russ.)

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-265-277

оригинальная статья
УДК 81'367.625:[811.133.1+811.161.1]

Глаголы-светообозначения в русском и французском языках (лексико-семантическая классификация, грамматические признаки глаголов)

Жанна Юрьевна Полежаева
Кемеровский государственный медицинский университет, Россия, г. Кемерово
zhpolezhaeva@mail.ru
https://orcid.org/0000-0002-8158-6992

Татьяна Геннадьевна Письмак
Кемеровский государственный университет, Россия, г. Кемерово
https://orcid.org/0000-0003-0782-0063

Поступила в редакцию 28.01.2021. Принята к печати 11.03.2021.

Аннотация: Рассматривается лексико-семантическая группа глаголов-светообозначений в современном русском и французском языках: сравниваются лексико-семантические классификации глаголов-светообозначений исследуемых языков, выявляются сходства и различия в составе подгрупп глаголов, а также различия в лексико-семантической характеристике глаголов и их грамматических признаках. Используются методы сплошной выборки, компонентного анализа и метод систематизации лексики. В результате были выделены подгруппы лексико-семантический группы глаголов-светообозначений в русском и французском языках, определены ядро и периферия группы, перечислены и обоснованы параметры, позволяющие отнести глаголы к ядру и периферии. Проведенный сопоставительный анализ исследуемых глаголов показал их отличия в аспектуальной характеристике. Средства выражения видовых значений и способов действия в этих языках различны. В русском языке, языке синтетического типа, эти значения выражаются лексематически. Во французском языке с присущими ему чертами аналитизма данные грамматические значения далеко не всегда находят свое выражение на уровне одной лексемы. Важную роль играет контекст и временные формы глаголов. Все это объясняет бóльшую представленность исследуемых глаголов в русском языке, чем во французском. Несмотря на существующие различия, предложенная классификация глаголов-светообозначений является универсальной для двух разноструктурных языков.

Ключевые слова: светообозначение, семантика, лексико-семантическая группа, аспектуальность, русский язык, французский язык

Цитирование: Полежаева Ж. Ю., Письмак Т. Г. Глаголы-светообозначения в русском и французском языках (лексико-семантическая классификация, грамматические признаки глаголов) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 1. С. 265–277. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-265-277

Введение

Свет является древнейшим образом индоевропейской культуры. Для языкового сознания как русского, так и европейского человека представление о свете является концептуально значимым и занимает одно из центральных мест в языковой картине мира. В мироощущении древнего человека представления о свете формируются параллельно с представлениями о тьме. Уже в дохристианском сознании свет ассоциировался с силами добра, а тьма – с силами зла и бедами. Позднее, в христианской культуре, свет связывается с идеей о Боге. Свет относится к таким явлениям, которые получают отражение не только в духовной, но и в практической областях человеческой деятельности. Все эти представления находят свое отражение в языке, в лексике. В связи с этим исследование лексики светообозначения (далее – СО), в частности глагольной лексики СО, представляется особенно важным.

Светообозначениями на материале таких частей речи, как прилагательные, глаголы, существительные, занимались разные исследователи [1–8], отмечаются работы, посвященные изучению светонаименований в отношении идиостиля какого-либо писателя [9–22]. Все они свидетельствуют о живом интересе к данной теме. Несмотря на огромный интерес к светоообозначениям вообще и глаголам-СО в частности, русские глаголы-СО в сопоставлении с французскими глаголами-СО исследуются впервые. Этим определяется новизна данной работы.

Цель – сравнить лексико-семантическую классификацию глаголов-СО в русском и французском языках, выявить сходства и различия в составе подгрупп глаголов исследуемых языков и вытекающие из этого различия в лексико-семантической характеристике глаголов и их грамматических признаках.

© 2021. Авторы. Статья распространяется на условиях международной лицензии CC BY 4.0

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-265-277

Методы и материал

Предметом нашего исследования являются глаголы-СО в русском и французском языках. Материалы были получены из Словаря русского языка[1] и словарей Larousse[2] и Le nouveau Petit Robert[3]. В статье приводятся толкования значений глаголов, взятые из данных словарей. Цифра, стоящая при глаголе, указывает на конкретный лексико-семантический вариант, две косые черты обозначают оттенок значения. В работе использовались методы сплошной выборки, систематизации лексики и компонентного анализа.

Под глаголами-СО мы понимаем глаголы, содержащие в своей семантике световой признак. При этом световой признак нами определяется как «семантический комплекс характерных сем: специфичных – *'свет (+свет как освещение)'*, 'блеск', 'излучаемость', 'видимость (зрение)'; квалифицирующих сем – *'светоотражаемость', 'светопроникаемость', 'светопропускаемость'*; абстрактных – *'бытийность'* и *'становление'* и др.» [23, с. 7]. Все глаголы-СО содержат в своей семантике либо сему *бытийность* (например, *блестеть, лучиться*), либо сему *становление* (*светать, светлеть, темнеть*). Абстрактные семы, в отличие от специфичных и квалифицирующих сем, характеризуются предельной частотностью.

Как в русском, так и во французском языке глаголы-СО представляют собой лексико-семантическую группу (ЛСГ). Несмотря на небольшой численный состав этой группы в данных языках, эта ЛСГ четко структурирована и обладает ядром и периферией. Глаголы внутри ЛСГ распределяются между двумя полюсами: один представляют подгруппы с исходной световой семантикой, указывающей на наличие светового признака, второй – подгруппы с исходной семантикой, указывающей на значимое отсутствие светового признака.

1. Глаголы с исходной световой семантикой *наличие светового признака*

1.1. Подгруппа с общим значением *излучать, испускать, давать свет*

В русском языке эта подгруппа представлена глаголами *светить1 (1. Излучать свет), светиться1* (1. Излучать ровный, несильный свет, быть видимым (об источниках света)), *излучать – излучить, излучаться, гореть2* (2. Давать свет, пламя), *источать2* (2. Издавать, испускать, распространять (свет, запах и т. п.)), *источаться, испускать2* (2. Распространять, излучать (свет, лучи и т. п.)) и др.: *Луна светила ярко*; *На корме корабля светился фонарь*.

Во французском языке к подгруппе относятся глаголы *allumer* (*Éclairer un lieu*' – освещать место), *luire* (*Briller de sa lumière propre* – светить собственным светом), *briller* (*Émettre une vive lumière* – излучать, испускать яркий свет), *rayonner* (*Émettre des rayons lumineux* – испускать лучи света) и др.[4]

Подавляющее большинство глаголов данной подгруппы содержат в своей семантике дополнительные семантические компоненты ***интенсивность и равномерность / неравномерность (=прерывистость)***. Следует отметить, что «в русском языке преобладают глаголы с низкой интенсивностью излучения света, которая часто выступает в сочетании с компонентом "неравномерность (прерывистость) проявления признака"» [24, с. 195]. Например: *мигать3* (3. Светиться слабым, неровным, колеблющимся светом (о светящих и светящихся предметах); мерцать), *мелькать3* (3. Прерывисто светить, мерцать (о светящих и светящихся предметах)), *мерцать1* (1. Светиться неровным, колеблющимся светом), *трепетать1//* (1. Мигать, мерцать (о свете, огне)), *дрожать1//* (1. Мигать, мерцать (о свете, огне)), *померцать* и др.: *В комнате слабо мерцал фитилёк*; *Свет керосиновой лампы дрожал на ветру*.

Во французском языке также присутствуют глаголы с подобным семным составом: *scintiller* (*Présenter le phénomène de scintillation* – представлять феномен мерцания): *Les étoiles scintillent* – Звезды мерцают; *De petites flammes scintillaient derrière les arbres* – За деревьями мелькали огоньки; *clignoter* (*S'allumer et s'éteindre alternativement, à intervalles très courts, ou éclairer d'une manière irrégulière, intermittente* – Включаться и выключаться поочередно, через очень короткие промежутки времени, или освещать нерегулярно, прерывисто): *Il doit y avoir un faux contact, car la lampe clignote* – Должно быть плохой контакт, лампа моргает; *trembler1* (*Lumière*) (1. Produire une image vacillante – дрожать (о свете)) и др.

В перечисленных выше глаголах сочетаются ***низкая интенсивность*** и ***неравномерность (прерывистость)*** проявления признака.

Глаголов, характеризующихся ***высокой / максимальной степенью интенсивности*** проявления признака излучения, в два раза меньше: *сиять1* (1. Излучать яркий, сильный свет, ярко светиться), *пылать2* (2. Ярко светиться, излучать сильный свет), *прорезать – прорезать* и *прорезывать2//* (2. Резко осветить, блеснув узкой полосой), *ударить9 – ударять//* (9. Внезапно и стремительно проникнув куда-л., распространившись где-л, воздействовать с большой силой на кого-, что-л. (о свете, запахе и т. п.)), *высветить – высвечивать*,

[1] Словарь русского языка. В 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой; 3-е изд., стереотип. М.: АН СССР, 1985–1988. Режим доступа: http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp (дата обращения: 27.01.2021).

[2] Larousse Dictionnaire francais. Режим доступа: https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais-monolingue (дата обращения: 27.01.2021).

[3] Le nouveau Petit Robert: dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française / Nouvelle édition du Petit Robert de Paul Robert. Dictionnaires le Robert, P., 2003. 2951 p.

[4] Значения французских глаголов, приведенные здесь и далее, взяты из словарей Larousse и Le nouveau Petit Robert.

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-265-277

высветиться – высвечиваться и др.: *Звезды сияли на небосклоне; На горизонте пылало яркое зарево*.

Во французском языке глаголы *briller* (*Émettre une vive lumière* – излучать яркий свет), *flamber* (*Brûler avec flammes et productions de lumière* – пылать, гореть пламенем, пылать), *illuminer* (*Éclairer vivement quelque chose* – ярко освещать что-л.), *rutiler* (*Briller d'un vif éclat* – гореть ярким пламенем, сверкать); *étinceler* (*Jeter de vifs reflets de lumière* – Бросать яркие блики света, сиять, сверкать) обозначают действие с высокой или максимальной степенью интенсивности проявления признака излучения: *Les étoiles brillent haut dans le ciel* – Высоко в небе сияют звёзды; *L'extimité nord du bâtiment flambe, chef* – Северная часть здания полыхает, шеф; *Les cuivres rutilent* – Духовые инструменты сверкают; *Le soleil étincelle* – Солнце сияет. В высказывании *Là où les étoiles brillent de mille feux* (Там, где звезды сияют тысячами огней) максимальная степень интенсивности выражена дополнительно словосочетанием *de mille feux*.

Следует отметить, что часть русских глаголов-СО содержит квантитативный компонент проявления светового признака: *померцать* (неопр. временной период), *помигать* (неопр. временной период), *посветить* (неопр. временной период), *просиять3* (большой временной период), *посвечивать* (время от времени), *мелькнуть3* (один раз (одноактность)) и др.: *Лампа помигала и потухла; Время от времени посвечивали огоньками сигарет рабочие*.

Известно, что на лексико-грамматическую квалификацию любой глагольной лексемы существенно влияют такие аспектуальные признаки, как видовая принадлежность, предельность / непредельность, характер протекания действия и др. Характер протекания действия, его качественно-количественные и результативные характеристики передаются способами действия, в нашем случае – *способами проявления светового признака во времени*.

Во французском языке, в отличие от русского языка, средства выражения способов действия (далее – СД) имеют свои специфические особенности. В русском языке СД выражаются с помощью словообразовательных аффиксов (приставками, суффиксами и постфиксами). Во французском языке к значениям СД «относятся любые значения характера протекания действия, возникающие как результат взаимодействия значений глагольных и неглагольных средств. Значения способов действия носят синтагматический характер» [25, с. 30].

В русском языке глаголы ***по****мерцать*, ***по****мигать*, ***по****светить* относятся к делимитативному СД, который характеризует «проявление действия в сравнительно недлительные и неопределенные отрезки времени» [26, с. 80]. Данный СД образуется от непредельных глаголов-СО с помощью префикса *по-* и представлен одной словоформой.

Во французском языке в этом случае чаще всего используются формы глаголов passé composé или passé simple при поддержке дополнительных лексических средств, указывающих на ограниченность протекания действия во времени. В примере *La lampe de poche nous a brillé pendant un certain temps* (Фонарик посветил нам некоторое время) словосочетание *un certain temps* (некоторое время) вносит семантический компонент ***неопределенный временной период***, который ограничивает протекание действия. Ограниченность действия пределом представлена аналитической формой глагола passé composé – *a brillé*.

Глагол *мелькнуть* в русском языке относится к одноактному СД, для образования которого используется суффикс *-ну-*. Во французском языке данный СД выражается лексико-грамматически с помощью соответствующих временных форм (passé composé / passé simple). В высказывании *Quelle lumière jaillit par cette fenêtre?* (Что за свет мелькнул в окне?) для обозначения одноактного действия используется глагол *jaillir* в форме passé simple.

В русском языке в рамках подгруппы с общим значением ***излучать, испускать, давать свет*** выделяются глаголы с яркой фазисной семантикой: *засиять1* (1. Начать сиять, стать сияющим), *засветить3* (3. Начать светить), *засветиться2* (2. Начать светиться), *замерцать1* (1. Начать мерцать), *затрепетать*, *отсветить*, *отсверкать* и др. В семантике перечисленных глаголов содержится указание на начало и конец действия, они участвуют в образовании начинательного и финитивного СД.

Семантический компонент ***начинательности*** присутствует в значении возвратного глагола *s'allumer* (*Devenir lumineux* – стать светящимся, загораться (о свете), зажигаться).

В высказываниях для обозначения начинательного СД глаголы-СО употребляются в разных временах. Для выражения действия *загореться* (о свете) может быть использована форма глагола в passé composé: *La porte s'est fermée et la lumière* ***s'est allumée*** – Дверь *закрылась* и загорелся свет. Действие *загорелся* обозначено глаголом *s'allumer* в passé composé. В высказывании *et l'ampoule s'alluma enfin* (и лампочка... наконец-то зажглась) для обозначения начала действия употреблена форма passé simple. Достаточно часто для обозначения начала действия во французском языке используются аналитические конструкции с инфинитивами. В высказывании *Une étoile inconnue* ***se mit à rayonner****... et devint aussi lumineuse que la pleine lune* (Невиданная прежде звезда вспыхнула (букв. начала сиять) и стала такой же яркой, как полная луна) семантический компонент начинательности эксплицируется глаголом *se mettre* (начинать), а значение *сиять* представлено инфинитивной формой глагола *rayonner*. Для выражения повторяющегося действия используются формы глагола в imparfait: *Chaque soir des lumières* ***s'allumaient*** *dans la ferme* – Каждый вечер на ферме зажигались огни.

К подгруппе ***излучать***, ***испускать***, ***давать свет*** примыкают глаголы с общим значением *наполниться / наполняться светом*. Они приобретают дополнительную сему ***светонаполненность***, например, *осветить – освещать1* (1. Сделать светлым, видимым, наполнить светом),

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-265-277

озарить – озарять1 (1. Осветить), *озариться – озариться, осветиться – освещаться* и др.: *Кабинет медленно осветился принесенною свечой; Солнце озарило комнату весенним светом.*

Во французском языке данная сема содержится в двух значениях глагола *ruisseler*: *Être inondé, baigné de lumière, abondamment éclairé* – быть наполненным, купающимся в свете, сильно освещенным; *Se répandre à profusion* – распространяться в изобилии. Пример: *Dans la nuit, les magasins ruisselaient de lumière* – В ночное время магазины были залиты светом.

К этой же подгруппе в русском языке мы относим глаголы *струиться, сочиться, скользить – скользнуть2//* (2. Быстро, плавно перемещаться с предмета на предмет, по какой-то поверхности и т. д. (о лучах света, о тени и т. п.)), *брызнуть2//* (2. Внезапно появиться, показаться (о лучах солнца, свете, огне)), *пробежать – пробегать2//* (2. Быстро переместиться, пронестись (о ветре, облаках, свете, тени и т. п.)) и др. Они содержат в своей семантике дополнительную сему ***способ движения или перемещения света***, например: *В гостиную, сквозь сад и пыльные гардины, струится из окна веселый летний свет …; В открытые окна вдруг брызнули лучи весеннего солнца и заиграли зайчиками на столе*. Эта сема содержится во французском языке в значении глагола *ruisseler* (*Couler en abondance et de façon continue* – Течь в изобилии и непрерывно): *La lumière ruisselle* – Свет струится.

1.2. Подгруппа с общим значением *излучать, издавать блеск*

В русском языке подгруппа представлена глаголами *блестеть1, взблеснуть – взблескивать, поблёскивать, блистать1* (то же, что блестеть1), *проблистать1* (1. Издавая блеск, внезапно появиться и исчезнуть), *звездиться, искрить, искриться, переливать2* (то же, что переливаться3), *переливаться3* (3. Блестеть, сверкать, переходящими один в другой оттенками, тонами), *вспыхнуть – вспыхивать1//* и др.: *Звезды блестели и отражались в водах озера; Солнце уже не блистало, оно превратилось в красный шар*.

Глаголы данной подгруппы отличаются от глаголов предыдущей тем, что в семантике рассматриваемых глаголов появляется сема ***блеск***. Во французском языке это значение присуще таким глаголам, как *resplendir* (*Briller d'un vif éclat* – ярко блестеть), *reluire* (*Briller en ayant des reflets lumineux* – блестеть), *rutiler* (*Briller d'un vif éclat* – ярко блестеть) и др.

Приведенные выше русские глаголы представлены инфинитивными формами как совершенного, так и несовершенного вида. Категория вида является облигаторной для русского глагола. Что касается французского языка, сам вопрос о существовании вида на сегодняшний день остается дискуссионным. Среди ученых, признающих наличие категории вида, нет единства в его определении. По мнению Е. А. Реферовской, во французском языке доминирующую роль в аспектуальной характеристике действия играет семантическая оппозиция *предельность / непредельность*, какой бы глагольной формой это действие не выражалось [27].

Однако деление французских глаголов на предельные и непредельные на уровне инфинитивной формы вне контекстного окружения невозможно: один и тот же глагол может быть как предельным, так и непредельным. Глагол *briller* может обозначать действия *блестеть* и *заблестеть*, глагол *éclater – вспыхнуть* и *вспыхивать*. Выражение аспектуального значения французского глагола связано с его временной формой.

Л. П. Пицкова считает, что «дифференциальным семантическим признаком, лежащим в основе различия imparfait и passé simple лежит видовое значение, которое выражается в различном представлении протекания действия. Imparfait обозначает действие в его процессности, делимости, а passé simple – в его целостности, неделимости» [25, с. 35].

Грамматическим значением passé simple является констатация какого-либо действия, события или факта. Imparfait выражает действие или состояние в процессе его протекания, неограниченное в своем течении и не имеющее ни начала, ни конца. Так, в примере *La lune* ***brilla*** *parmi les étoiles* (Луна **засияла** среди звезд) глагол *briller* стоит в passé simple и обозначает действие в его целостности, неделимости, а в предложении *Une nuit sombre où* ***scintillaient*** *seules, comme des étoiles, les rares lumières* (Ночь была темная, лишь **блестели**, точно звезды, редкие огоньки) глагол *scintiller* употреблен в форме imparfait для обозначения прошедшего незавершенного действия в момент его протекания.

Если для реализации значения процесса в русском языке употребляются глаголы в форме несовершенного вида, то во французском языке используются как формы passé composé (в письменной речи – passé simple), так и формы imparfait в зависимости от наличия или отсутствия конкретизатора длительности. Ср.: в русском предложении *Солнце сияло весь день* для обозначения процесса протекания действия использовано прошедшее время несовершенного вида, а во французском языке для передачи данного действия употребляется passé simple (*Le soleil brilla* ***toute la journée***), т. к. обстоятельство времени *toute la journée* (весь день) ограничивает протекание данного действия временными рамками.

Таким образом, аспектуальная характеристика действия, обозначаемого глаголами-СО, получает свое однозначное определение лишь в комплексе аспектуальной ситуации, определяющим критерием для которой является согласование семантики глагольной основы, временной формы и контекстных спецификаторов длительности.

1.3. Подгруппа с общим значением *излучать, испускать отраженный свет, блеск*

В русском языке это глаголы *отсвечивать, отсвечиваться, отразить – отражать2* (2. Отбросить в обратном направлении свет, звук и т. п.), *отразиться – отражаться1*

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-265-277

(1. Встретив на своем пути преграду, получить другое, обратное направление (о световых лучах, звуковых колебаниях и т. п.)), *отливать, отблескивать, сверкать2* (2. Ярко блестеть, переливаться, отражая свет, лучи), *посверкивать, сверкнуть1* (однокр. к сверкать), *играть8, мерцать1//* и др. В семантике этих глаголов дополнительно к семам ***блеск*** и ***свет*** появляется сема ***светоотражаемость***. Например: *Монеты сверкали на солнце; Гладь озера, залитая солнечными лучами, сверкала и казалась гигантским зеркалом.*

Во французском языке подгруппа представлена глаголами *resplendir* (*Renvoyer la lumière, briller d'un vif éclat* – отражать свет, сиять ярким блеском), *luire* (*Réfléchir la lumière* – отражать свет), *miroiter* (*Réfléchir la lumière en jetant des reflets scintillants* – отражать свет, отбрасывая мерцающие блики), *briller* (*Émettre ou réfléchir une vive lumière; être lumineux* – излучать или отражать яркий свет; быть светящимся), *reluire* (*Briller en ayant des reflets lumineux* – сиять отраженным светом) и др. Например: *Les diamants ne brillent qu'à la lumière* – Бриллианты переливаются только на свету.

1.4. Подгруппа с общим значением *излучать, испускать проникающий свет, блеск*

У всех глаголов этой подгруппы ярко выражена сема ***светопроникаемость***. В русском языке это глаголы *просвечивать2* (2. Светиться сквозь что-л.), *просиять1* (1. Показаться, пробиваясь сквозь что-л. (о чем-л., испускающем сияние)), *просочиться – просачиваться1//* (1. Проникнуть сквозь что-л., куда-л. (о запахе, свете, газе и т. п.)), *прорезаться – прорезаться – прорезываться3* (3. Пройти, пробиться, проникнуть сквозь что-л. (о свете, звуках)), *пронизать – пронизывать3* (3. Пробиваясь, проникая сквозь что-л., заполнить собой (о свете)), *заглянуть1//* (перен. 1. Проникнуть куда-л., осветить лучами (о солнце, луне и т. п.)) и др.: *Огни маяка просвечивали сквозь деревья; Свет просочился сюда сквозь узкие щели; Солнце просияло сквозь тучи; Лучи зимнего солнца прорезались сквозь стеклянный купол.*

Сема ***светопроникаемость*** представлена во французском глаголе *percer* (*Apparaître, se frayer un passage à travers ce qui fait obstacle* – появляться, пробиваясь сквозь препятствие): *Le soleil a percé les nuages* – Солнечные лучи пробились сквозь тучи (букв. солнце пробило тучи); *Ce pourrait aussi être le soleil qui perce à travers les nuages et éclaire un morceau du paysage…* – Это также могут быть лучи солнца, прорывающиеся (букв.: которые прорываются) сквозь облака и освещающие участок земли… Глагол *transparaître* входит в эту подгруппу со значением *Paraître, se montrer à travers quelque chose* – показаться сквозь что-л.: *La lune transparaissait derrière la brume* – Луна просвечивала за дымкой; *Le soleil transparaît à travers le rideau* – Солнце просвечивает сквозь занавеску.

Отдельно выделяются глаголы *просветиться – просвечиваться, просвечивать4* (4. Пропускать сквозь себя свет, казаться прозрачным), *просвечиваться2, сквозить3* (3. Пропускать сквозь себя свет, просвечивать), *пропускать2* (2. Обладать свойством давать чему-л. (жидкости, свету, запаху и т. п.) пройти, проникнуть сквозь себя). В семантике данных глаголов появляется дополнительный семантический компонент ***пропускать свет через себя***, особенностью данных глаголов является то, что источник света находится вовне: *Юбка была из такой тонкой ткани, что просвечивала; Стекла солнечных очков плохо пропускали свет.*

Во французском языке действия *пропускать* и *пропустить* выражаются пермиссивной конструкцией *laisser passer* (букв. позволить пройти): *Les rideaux laissent passer beaucoup de lumière* – Занавески пропускают много света.

1.5. Подгруппа с общим значением *становиться / стать ясным, светлым*

Подавляющее большинство глаголов данной подгруппы обозначают наступление светлой, ясной погоды: *просветлеть – светлеть1* (безл.) (1. Стать светлым, ясным или более светлым, ясным), *проясниться – проясниваться, яснеть1,2* (безл.), *разъяснеть* (безл.), *распогодиться – распогаживаться* (безл.), *светлеть – посветлеть – просветлеть1, светать2, высветлить – высветлять2* и др.: *Небо немного прояснело; Дождь закончился и небо просветлело.*

Во французском языке в данную подгруппу входят глаголы *s'éclaircir* (*Devenir plus clair, plus limpide* – становиться / стать светлее, яснее), *se dégager* (*Être sans nuages, s'éclaircir, se découvrir* – становиться / стать безоблачным, проясняться, светлеть), *se découvrir* (*S'éclaircir, en parlant du temps, du ciel* – светлеть (о погоде, о небе)) и др.: *Le ciel s'éclaircit, les nuages disparaissent* – Небо проясняется, облака исчезают; *Le temps se dégage* – Погода проясняется.

Отдельно выделяются глаголы с общим значением ***наступление светлого времени суток***. Данные глаголы характеризуются дополнительной семой ***время суток***. Особенностью этих глаголов в русском языке является безличная форма употребления [24]. Например: *рассвести – рассветать* (безл.) (О наступлении рассвета (в 1 значении)), *светать1* (безл.) (О приближении восхода солнца, наступлении рассвета), *обутреть* (безл.), *брезжить//* (безл.), *брезжиться//* (безл.), *забрезжить* (безл.), *забрезжиться* (безл.), *светлеть – посветлеть2* (безл.) и др.: *Начинало светать; Уже рассвело настолько, что все вокруг было видно.*

Данные явления природы во французском языке обозначаются другими лексическими средствами. Действие *светать* передано в высказывании *Il commence à faire jour* или *Il fait presque jour*. В этих предложениях используются формы глаголов *commencer* (начинать / начинаться) и *faire* (делать / сделать), семантический компонент СО присутствует в лексическом значении имени существительного *jour* (свет, дневной свет, день). Действие светать обозначается глаголом *se lever* (подниматься / подняться) в значении *En parlant d'un astre, apparaître* à *l'horizon* (появляться на горизонте (о небесных светилах)): *Le soleil se lève* – букв. Солнце встает.

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-265-277

2. Глаголы с исходной световой семантикой *отсутствие светового признака*

2.1. Подгруппа с общим значением *делать / сделать (стать / становиться) менее проницаемым для света и недоступным для зрения, застилая, обволакивая, скрывая что-либо*

В русском языке данная подгруппа выражена глаголами *затенить – затенять1* (1. Покрыть тенью, скрыть в тени, заслонить от света), *затянуть – затягивать5//* (5. Скрыть собой, заволакивая, заполняя и т. д. (о мгле, тумане, облаках и т. д.)), *заволочь – заволакивать1, обложить – обкладывать3, окутать – окутывать2, обволочь – обволакивать, затмить – затмевать1, притенить – притенять, застить* и др.: *Солнце затянули дождевые облака*; *Туча быстро росла и уже заволокла солнце*.

Во французском языке подгруппа представлена большим количеством лексем: *obscurcir* (*Rendre un lieu obscur, moins clair, sombre* – делать / сделать место менее светлым, темным), *assombrir* (*Rendre sombre, obscurcir un lieu* – делать / сделать темным, затемнять место), *obombrer* (*Couvrir quelque chose d'une ombre, cacher* – покрывать / покрыть что-л. тенью, скрывать), *tamiser* (*Laisser passer la lumière en diminuant son intensité* – пропускать / пропустить свет, уменьшая его интенсивность), *ombrager* (*Couvrir quelque chose, un lieu de son ombre ou de son ombrage* – затенить / затенять) и др.: *Ces rideaux obscurcissent la pièce* – Эти шторы затемняют комнату; *Des globes de verre dépoli tamisent la lumière* – Светильники из матового стекла приглушают свет; *Deux rangées de hêtres ombrageaient l'avenue* – Два ряда буков затеняли проспект.

2.2. Подгруппа с общим значением *прекращение свечения или горения, сопровождаемого выделением света*

В русском языке подгруппа представлена глаголами со значением ***перестать / переставать светить(-ся), гореть***: *затухнуть – затухать – тухнуть1* (1. Постепенно угасая, перестать гореть), *меркнуть – померкнуть – смеркнуть1* (1. Перестать светить, быть светлым, гаснуть), *догореть – догорать2, гаснуть – погаснуть – угаснуть – загаснуть1, потухнуть – потухать – тухнуть1, отсветить, отсверкать, отгореть – отгорать1* (1. Перестать гореть) и др.: *Фонарь уже не горел, он затух от дождя*; *Свеча вспыхнула ярким светом, потом затрещала и померкла*.

Во французском языке к данной подгруппе можно, например, отнести глагол *s'éteindre* (*Cesser de brûler, d'être en combustion* – перестать гореть, погаснуть): *Le feu s'est éteint* – Костер потух; *Ma cigarette s'est éteinte* – У меня сигарета погасла. Для выражения форм совершенного вида этих глаголов во французском языке используются временные формы passé composé или passé simple. Для обозначения завершения действия во французском языке довольно часто употребляются аналитические конструкции. Например, в высказывании *La cigarette achevait de se consumer* (Сигарета догорала) значение действия *гореть* выражено инфинитивом глагола *se consumer*, а его прекращение – личной формой глагола *achever* (заканчивать) в imperfait.

2.3. Подгруппа с общим значением *стать / становиться темным, покрыть(-ся) / покрывать(-ся) мраком*

Ярким примером данной подгруппы в русском языке являются глаголы *темнеть – потемнеть1* (1. Становиться темным или более темным), *смеркнуться – смеркаться1, затемниться – затемняться1, мрачить – омрачить1* (1. Покрывать мраком, затемнять), *мрачиться – омрачиться1* (1. Покрываться мраком, темнеть), *тмить, тмиться* и др.: *Небо темнеет, оно все ниже нависает над землей*; *Вот мрачится свод лазурный, вот крутится вихорь бурный…*

Во французском языке: глаголы со значением *Devenir sombre* (становиться / стать темным): *s'assombrir, s'obscurcir, se rembrunir* и др.: *Le ciel s'obscurcit, il va pleuvoir* – Небо темнеет, сейчас пойдет дождь; *Je pense que ça s'assombrit* – Думаю, уже темнеет.

Отдельно выделяются глаголы, обозначающие наступление темного времени суток. В семантике глаголов появляется семантический компонент *время суток* [24]: *темнеть – стемнеть2* (безл.) (О наступлении сумерек, вечера), *меркнуть – смеркнуть1* (безл.), *смеркнуться – смеркаться2* (безл.) (О наступлении сумерек, вечерней темноты), *вечереть – свечереть1,2* (безл.) (у *вечереть2* СВ – *повечереть*) и др. В русском языке эти глаголы употребляются в безличной форме. В этом заключается их особенность. Например: *Уже темнело, и на небе показывались то там, то там звезды*; *Смеркнулось, стало темно*; *Пока отец запрягал коня, на дворе стемнело*.

Во французском языке глагол *décliner* (*En parlant du jour, tomber, laisser place à la nuit* – опускаться (о солнце); идти к закату, уступать место ночи) также содержит данный семантический компонент: *Mais si on la laisse toute seule, elle se tuera avant même que le jour tombe* – Но если мы оставим ее в покое, она покончит с собой еще до конца этого дня. Для обозначения действий смеркается и темнеет используются глаголы *tomber* (падать) и *baisser* (падать, снижаться), которые употребляются в переносном значении: *la nuit tombe, le jour baisse, le jour tombe*. Лексем, аналогичных русским *вечереть – свечереть1,2* (безл.) во французском языке обнаружено не было.

2.4. Подгруппа с общим значением *утрачивать / утратить прозрачность, яркость окраски, света*

В русском языке: *тускнеть – потускнеть1* (1. Становиться тусклым или более тусклым), *блёкнуть – поблёкнуть, бледнеть – побледнеть1, тускнуть – потускнуть* и др.: *Сальная свеча горела неярким пламенем и понемногу тускнела*. В семантике некоторых глаголов подгруппы сема ***излучать*** выражена недостаточно ярко, в других глаголах она полностью отсутствует.

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-265-277

Во французском языке: *pâlir* (*S'affaiblir, en parlant de la lumière* – ослабеть, говоря о свете), *ternir* или *se ternir* (*Perdre son brillant, son éclat* – терять / потерять свой блеск, яркость): *Les objets d'étain ternissent rapidement* – Изделия из олова быстро тускнеют. К этой подгруппе относится и глагол *se troubler* в значении *Devenir trouble, perdre de sa clarté* (становиться / стать тусклым, мутным; терять прозрачность). Следует отметить, что во французском языке глаголов значительно меньше. Для выражения действия ***замутнеть*** глагола СО во французском языке нет.

3. Периферия лексико-семантической группы глаголов-светообозначений

ЛСГ глаголов-СО имеет четкую структуру и состоит из ядра и периферии. Периферия ЛСГ представлена глаголами, в семантике которых появляются семы несветового характера. Следует отметить, что часть этих глаголов находится на пересечении нескольких ЛСГ. Особенностью ЛСГ глаголов-СО является то, что большая часть глаголов этой группы может быть отнесена к периферии.

Прежде всего, на периферии находятся глаголы, в семантике которых в качестве доминирующей выступает сема ***действие (деятельность)***. Это глаголы со значением ***держа источник, направлять его (свет) куда-либо***: *светить2* (2. Держа источник света, направлять его свет куда-л., освещать им что-л.), *осветить1//, подсветить – подсвечивать* и др.: *Светить карманным фонариком*. По причине доминирования семы ***действие (деятельность)*** эти глаголы могут быть отнесены к другой ЛСГ, а именно к ЛСГ действия (деятельности).

Сема ***действие*** является доминирующей в значении следующих французских глаголов: *éclairer* (*Fournir à quelqu'un la lumière dont il a besoin pour y voir* – посветить кому-л., чтобы увидеть что-л.): *Il fait nuit, je vais vous éclairer* – Темно, я сейчас вам посвечу; *allumer* (*Éclairer un lieu* – осветить место): *La foudre a illuminé le ciel* – Молния осветила небо; *illuminer* (*Éclairer vivement quelque chose* – ярко освещать что-л.): *Des éclairs illuminaient le ciel* – Молнии освещали небо; *Illuminer un monument, une place de village* – Освещать монумент, площадь. Лексем, аналогичных русским *подсветить* и *подсвечивать*, во французском языке не найдено.

Сема ***действие (деятельность)*** выделяется в глаголах со значением *заставить гореть (=светить)*: *зажечь – зажигать1* (1. Заставить гореть, вызвать горение), *затеплить – затеплять, засветить1*: *Зажечь лампу*; *Зажечь свет*; *Зажечь огонь*. Данное обстоятельство, как и в предыдущем случае, позволяет отнести данные глаголы к периферии.

Французские глаголы: *allumer* (*Enflammer une matière, un objet, y mettre le feu, les faire brûler* – поджечь что-л., сжечь), *allumer* (*Faire fonctionner une source de lumière* – включать / включить свет), *enflammer* (*Mettre quelque chose en flammes, l'allumer* – положить что-л. в огонь, сжечь), *embraser* (*Mettre quelque chose en feu, l'incendier* – положить что-л. в огонь, сжечь), *incendier* (*Mettre le feu à quelque chose, le détruire volontairement par le feu* – поджечь что-л., сжечь намеренно).

К периферии ЛСГ относятся глаголы со значением ***прекратить / прекращать свечение, горение***. В их семантике актуализируется сема ***действие (деятельность)***: *тушить1 – затушить – потушить1* (1. Прекращать горение чего-л.; гасить) – *утушить1, гасить – погасить – загасить – угасить 1, глушить – заглушить4* и др., например: *Тушить свечи*.

Во французском языке сема ***действие (деятельность)*** свойственна глаголам *étouffer* (*Arrêter la combustion d'un feu en posant quelque chose dessus* – потушить огонь, накрыв чем-н.) и *éteindre* (*Faire cesser d'éclarer* – погасить, выключить (о свете, электричестве)).

На периферии ЛСГ находятся глаголы с общим значением ***блестеть, стать блестящим от трения***. В русском языке: *лосниться* (Блестеть, отсвечивать (о гладкой поверхности)), *залосниться, маслиться2* (2. Лосниться, блестеть), *замаслиться – замасливаться2, залощиться – залащиваться*. Например: *Лосниться от грязи*. В семантике данных глаголов отсутствует сема ***излучать***. Это послужило основанием для включения глаголов в периферийные подгруппы. Французский глагол *se lustrer* употребляется в значении *Être brillant par le frottement, l'usure* (лосниться / залосниться); глагол *briller* – в значении *Reluire en parlant d'un objet, d'un local nettoyé, ciré, vernis* (блестеть (о предмете, месте, вычищенном, натертым воском, покрытым лаком)).

Сема ***действие*** появляется у глаголов с общим значением ***придать / придавать блеск***: *лощить – вылощить – налощить, залощить – залащивать, глянцевать – наглянцевать, отполировать – отполировывать* и *полировать, залоснить* и др.: *Лощить паркет воском*.

Во французском языке к этой подгруппе относятся глаголы *lustrer* (*Donner à quelque chose, à une surface du brillant, du poli* – придавать / придать какому-л. предмету, поверхности блеск, лоск), *frotter* (*Passer quelque chose sur quelque chose dans un mouvement répété et en exerçant une pression pour nettoyer, astiquer, faire briller* – натирать / натереть до блеска), *astiquer* (*Faire briller des objets métalliques, du cuir, des meubles, etc., en les frottant* – натирать / натереть до блеска металлические предметы, кожу, мебель и т. п.).

Глаголы с общим значением ***сделать светлым, блестящим*** также содержат в своей семантике сему ***действие (деятельность)***, сема же ***излучать*** отсутствует. В русском языке это глаголы *высветлить – высветлять1* (1. Сделать светлым, блестящим), *просветлить – просветлять1* (1. Сделать более светлым, ясным или более светлым, ясным), *осветлить – осветлять1, светлить*. Во французском языке к этой подгруппе следует отнести глагол *éclaircir* в значении *Rendre plus clair, moins sombre* (делать / сделать светлее, менее темным).

К периферии относятся глаголы с общим значением ***направление и характер движения небесных светил***: *подняться – подыматься2, встать – вставать4, выйти – выходить2, висеть, повиснуть – повисать3, катиться7* и др.,

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://vestnik.kemsu.ru
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-265-277

а также их векторные антонимы: *закатиться – закатываться2, сесть8,1, опуститься – опускаться1, зайти – заходить4,5, скрыться – скрываться3* и др. Семантика света в этих глаголах присутствует, но присутствует опосредованно: *Уже стемнело, поднялась луна*; *Солнце зашло за горизонт*.

Во французском языке глаголы *décliner* (*S'approcher de l'horizon après avoir dépassé le méridien* – клониться к закату (о солнце)), *se coucher* (*En parlant du soleil, des astres, descendre sous l'horizon* – спускаться / спуститься за горизонт (о солнце и др. небесных светилах), заходить / зайти) содержат этот семантический компонент. В высказывании *Le soleil allait se coucher et touchait presque à l'horizon* (Солнце заходило и уже почти коснулось линии горизонта) для обозначения действия употреблен глагол *se coucher*, в значении которого есть семантический компонент ***направление и характер движения***, небесное светило эксплицитно выражено существительным *le soleil* (солнце).

На периферии ЛСГ глаголов-СО оказываются не только отдельные глаголы, но и целые подгруппы.

3.1. Подгруппа с общим значением *выделиться / выделяться (виднеться, показаться) яркостью, блеском, светлым пятном или цветом*

У глаголов этой подгруппы в качестве доминирующей выступает сема ***виднеться***, у некоторых глаголов появляется сема ***цвет***, данное обстоятельство послужило основанием для перемещения подгруппы на периферию [24]. В русском языке: *светлеть4* (4. Выделяться своим светлым цветом, виднеться (о чем-то светлом, светящемся)), *светлеться, светиться2//* (2. Выделяться светлым цветом, проглядывать (о чем-то светлом)), *золотиться1* (1. Выделяться своим золотым цветом, блеском (о чем-то золотом, золотистом)), *золотеть1* (1. Выделяться своим золотым цветом; блестеть как золото (о чем-то золотистом, блестящем)), *серебриться1, сверкать3, блестеть2, заблистать1, просвечиваться2, пламенеть2* и др. Во французском языке к этой подгруппе относится глагол *briller* (*Se manifester, se distinguer* – проявляться / проявиться; выделяться / выделиться).

3.2. Подгруппа с общим значением *освещая / осветив, придать / придавать цвет, блеск; освещаясь / осветившись, приобрести / приобретать цвет, блеск*

Глаголы данной подгруппы находятся на периферии ЛСГ из-за совмещения в своей семантике признаков блеска и цвета: *золотить – позолотить – озолотить2* (2. Освещая, придавать чему-л. золотистый цвет, оттенок), *зазолотить, золотиться2, серебрить – посеребрить2, засеребрить, золотеть – позолотеть2, зазолотиться, позлатиться – позлащаться – златиться, засеребриться, осеребриться, златиться – позлатиться* и др.: *Солнце золотит вершины скал; Свет месяца серебрил упавшую листву*.

Во французском языке глаголы *argenter* (*Donner la blancheur, l'éclat de l'argent* – придавать / придать белизну, серебрить / посеребрить), *dorer* (*En parlant du soleil, de la lumière, d'une matière colorante, etc., donner à quelque chose la couleur de l'or* – придавать / придать золотистый цвет, золотить / позолотить (о солнце, свете, красителе и под.)), *incendier* (*Éclairer d'une lumière vive, rougeoyante* – освещать / осветить ярким красноватого оттенка цветом; озарять / озарить заревом) относятся к этой подгруппе. Например: *… devant elle, un soleil couchant incendiait la ville* – …а перед ней заходящее солнце зажигало город ярким пламенем; *On était alors en octobre, le soleil dorait encore les dernières feuilles d'un or tiède, clair et doux* (E. Zola) – Стоял октябрь; солнце еще золотило последние листья теплыми, ясными, нежными лучами.

3.3. Подгруппа с общим значением *поддаваться действию огня, выделяя свет*

3.3.1. Глаголы с общим значением ***гореть***: *гореть – сгореть1, загореться – загораться1, воспламениться – воспламеняться1, погореть4, тлеть2, теплиться1, заняться2 – заниматься3, пылать1, полыхать1* и др.: *Костер горит; Угли тлеют*. Во французском языке к этой подгруппе относятся глаголы *flamber* (*Brûler avec flammes et productions de lumière* – гореть, пламенеть, полыхать), *s'enflammer* (*Prendre feu* – воспламеняться, загораться), *s'allumer* (*S'enflammer, prendre feu* – загораться / загореться, вспыхнуть пламенем), *flamboyer* (*Jeter une flamme brillante et intermittente* – пылать; гореть ярким прерывистым пламенем).

3.3.2. Глаголы с общим значением ***заставить / заставлять гореть***. У этих глаголов, так же как и у глаголов предыдущих подгрупп, в качестве доминирующей выступает сема ***действие (деятельность)***, что позволило отнести их к периферии ЛСГ глаголов-СО. В русском языке: *поджечь – поджигать1,2* (1. Поднеся, приблизив огонь к чему-л., заставить гореть, вызвать горение; 2. Устроить поджог чего-л.), *разжечь – разжигать1, воспламенить – воспламенять1, запалить1 – запаливать1, подпалить – подпаливать1* и др. Во французском языке: *allumer* (*Faire qu'il y ait un feu, brûler* – заставить гореть; зажигать / зажечь, разжигать / разжечь), *embraser* (*Mettre quelque chose en feu, l'incendier* – положить что-л. в огонь; сжигать / сжечь; *Chauffer très vivement quelque chose, le rendre brûlant* – вызвать горение очень сильным накаливанием; воспламенять / воспламенить), *enflammer* (*Mettre quelque chose en flammes, l'allumer* – положить что-л. в огонь, чтобы сжечь), *incendier* (*Mettre le feu à quelque chose, le détruire volontairement par le feu* – поднеся, приблизив огонь к чему-л., поджечь, уничтожить огнем), *brûler* (*Endommager ou détruire quelque chose par le feu* – повредить или уничтожить что-л. огнем), *attiser* (*Aviver un feu en lui fournissant de nouveaux matériaux, en soufflant* – оживлять / оживить огонь, добавляя в него что-л., раздувая его; разжечь / разжигать).

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-265-277

Особенностью данной подгруппы является то, что подавляющее большинство русских глаголов, представляющих данную подгруппу, это глаголы с начинательной семантикой, и лишь один глагол имеет финитивное значение (*отгореть*), но и он относится к одной из подгрупп, указывающей на значимое ***отсутствие светового признака***. Во французском языке значение финитивности не представлено лексематически, т. е. на уровне отдельной лексемы. Например, аналогичного русскому глаголу *отгореть* во французском языке нет.

3.4. Подгруппа с общим значением *подвергать(-ся) / подвергнуть(-ся) тепловой обработке в результате воздействия света или огня*

В русском языке: *жечь2* (2. Палить, припекать, печь (о солнечных лучах и т. п.)), *жарить2* (2. Обжигать лучами, палить (о солнце)), *палить1* (5 значение), *пригреть – пригревать1, раскалить – раскалять, припечь – припекать2* и др.: *Солнце жгло израненную землю; За окном март, солнце уже пригревает, с крыш свисают сосульки*. Во французском языке: *brûler* в значениях *Causer à quelqu'un une sensation de très forte chaleur, de douleur cuisante* (вызвать у кого-то ощущение сильного жара, жгучей боли): *Le soleil me brûle les yeux* – Солнце бьет (жжет) мне в глаза; *Blesser par l'action d'une trop forte chaleur* (причинение вреда под воздействием сильной жары), *Soumettre une matière, une denrée à l'action du feu pour obtenir tel ou tel résultat* (подвергнуть предмет, продукт воздействию огня, чтобы получить тот или иной результат). В семантике глаголов этой подгруппы появляется сема ***тепло***, а сема ***свет*** отходит на второй план, что позволяет считать эту подгруппу периферийной.

3.5. Подгруппа с общим значением *уничтожать(-ся) / уничтожить(-ся) огнем, солнечным зноем*

Данная подгруппа еще дальше находится на периферии ЛСГ. Глаголы обозначают результат воздействия огня, солнечных лучей и т. п. в виде уничтоженных предметов, а также само уничтожение предметов (огнем, солнечным зноем). Ср.: *хлеба выгорели* (*выгорели* в результате воздействия солнечного тепла и света), *деревня сгорела дотла* (*сгорела* в результате воздействия огня), *солнце испепелило землю* (результат воздействия солнечного зноя) [24].

В русском языке: *сгореть – сгорать – гореть1,3* (1. Уничтожиться огнем; 3. Иссохнуть от солнечного зноя (о растительности)), *испепелить – испепелять – пепелить* (Обратить в пепел, сжечь до тла), *жечь – сжечь1, спалить – спаливать1,2, выгореть1 – выгорать1, перегореть – перегорать4, прогореть – прогорать2, испепелиться – испепеляться* и др.

Во французском языке глагол *brûler* входит в данную подгруппу в значениях *Endommager ou détruire quelque chose par le feu* (повредить, разрушить, уничтожить что-л. огнем, сжечь), *Tuer quelqu'un par le supplice du feu* (убить кого-л. путем сожжения; сжечь), *Blesser quelqu'un, une partie du corps par le feu* (обжечь кого-л. или часть тела). К этой подгруппе относится и глагол *roussir* в значении *Brûler quelque chose* (обжечь, опалить): *C'était d'ailleurs son habitude, quand il était irrité, de tisonner avec ses pieds, jusqu'à ce qu'il eût roussi ses semelles* (A. France) – Впрочем, такая у него была привычка – в раздражении сгребать ногами жар, пока не опалит себе подошвы.

К данной подгруппе относятся глаголы *загореть – загорать, позагорать, сгореть – сгорать3//, обгореть – обгорать2* (2. Получить сильные ожоги от огня; 2// Получить солнечные ожоги), *обжечь – обжигать2* (2. Повредить огнем или чем-л. горячим кожный покров чего-л.), *обжечься – обжигаться – жечься1, опалиться – опаливаться – опаляться1, подпалить – подпаливать2* и др.

Следствием воздействия огня, солнца является повреждение предмета, изменение цвета предмета, кожи. В отличие от предыдущих глаголов это воздействие не ведет к полному уничтожению предмета. Пример: *Стояли жаркие дни и его лицо обгорело на солнце*.

В некоторых глаголах появляется дополнительная сема ***цвет***: *загореть – загорать* (Стать смуглым, приобрести темный цвет под воздействием солнечных лучей), *позагорать* (Загорать некоторое время), *сгореть – сгорать3//* (Сильно загореть, сжечься, обгореть на солнце).

Действия ***загореть***, ***загорать***, ***позагорать*** обозначаются во французском языке глаголами *bronzer* (*Brunir, hâler son teint, son corps* – загорать, покрывать загаром тело), *brunir* (*Rendre brun* – покрывать загаром, делать смуглым, загорелым): *Le soleil brunit le teint* – Солнце делает смуглым цвет лица. Действия *обжечь* и *обжигать* обозначается глагольной лексемой *brûler* (*Blesser une partie du corps par le feu* – обжигать / обжечь кого-л., часть тела): *Elle se mit à parler abondamment, tout en continuant à se méfier de la cuiller qui lui brûlait la langue* – И, не переставая осторожно работать ложкой, обжигавшей (букв.: которая обжигала) ей язык, она болтала без умолку. Для обозначения действий ***обжечься*** и ***обжигаться*** используется возвратная форма глагола *se brûler* (*Subir les effets du feu, d'une chaleur trop intense, ou éprouver une sensation analogue à celle d'une brûlure* – подвергнуться воздействию огня, слишком интенсивного жара или испытать ощущение, аналогичное ощущению ожога): *… le soleil était si intense qu'on se brûlait les pieds sur le balcon* – …солнце настолько сильное, что мы сожгли ноги, сидя на балконе.

Данные глаголы также обозначают результат воздействия огня, солнца. Однако в данном случае следствием негативного воздействия солнца или огня является не повреждение (порча) предмета, а изменение кожного покрова человека.

Во французском языке для обозначения действий ***обжечься*** и ***обжигаться*** достаточно часто используются пассивные конструкции, такие как *Vous voulez être brûlés par du métal en fusion?* – Вы же не хотите обжечься расплавленным металлом?

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-265-277

3.6. Подгруппа с общим значением *уменьшить / уменьшать свет, огонь*

Данная подгруппа представляет собой периферию ЛСГ глаголов-СО из-за доминирования семы ***действие***. В русском языке в ее состав входят глаголы *погасить – погашать1* (1. Уменьшить (свет, огонь)), *приглушить – приглушать4* (4. Потушить, заставить погаснуть), *приглушиться – приглушаться//* (Стать менее сильным, ярким (о свете, красках и т. п.)), *притушить*.

Действия ***приглушить*** и ***приглушать*** во французском языке могут быть выражены глагольными лексемами *éteindre* (*Affaiblir l'éclat, la vivacité, l'intensité* – уменьшить блеск, яркость, интенсивность), *baisser* (*Diminuer la force, l'intensité, le volume de quelque chose* – уменьшать / уменьшить силу, интенсивность, громкость чего-л.). В высказывании *Je vais un peu baisser la lumière* (Я немного приглушу свет) неполнота осуществления действия эксплицитно выражена наречием *un peu* (немного).

Заключение

Глаголы-СО как в русском, так и во французском языке пронизывают различные сферы человеческой деятельности. Это находит свое отражение в разнообразии подгрупп данной ЛСГ. Ядро ЛСГ составляют глаголы, значения которых организуются доминирующими семами ***свет (блеск), излучать.*** В их семантике заключено непосредственное указание на свет (тьму): *светить1, светиться1,2, сиять1,2, сверкать1,2, блестеть1, темнеть1* и др.

В ходе анализа были выделены подгруппы глаголов-СО, относящиеся к противоположным полюсам: подгруппы с исходной световой семантикой, указывающей на наличие светового признака, и подгруппы с исходной семантикой, указывающей на значимое отсутствие светового признака. Подавляющее большинство глаголов-СО относится к первому семантическому полюсу – это глаголы с общим значением *излучать, испускать, давать свет; излучать, испускать, давать свет; излучать, испускать отраженный свет, блеск; излучать, испускать проникающий свет, блеск; становиться / стать ясным, светлым*.

Ко второму семантическому полюсу относятся глаголы с общим значением *делать / сделать (стать / становиться) менее проницаемым для света и недоступным для зрения, застилая, обволакивая, скрывая что-либо; прекращение свечения или горения, сопровождаемого выделением света; стать / становиться темным, покрыть(-ся) / покрывать(-ся) мраком; утрачивать / утратить прозрачность, яркость окраски, света*.

В процессе исследования было установлено, что значительный пласт глагольной лексики СО – не только отдельные глаголы, но и целые подгруппы в полном своем составе – относится к периферии ЛСГ. Речь идет о глаголах, в семантике которых выделяются семы несветового характера, прежде всего, сема ***действие (деятельность)***, а также семы ***цвет***, ***тепло***, ***виднеться***. Доминирование сем несветового характера позволяет включать данные глаголы в другие ЛСГ, например, ЛСГ глаголов деятельности, ЛСГ глаголов цветообозначения и др.

Проведенный анализ показал, что семантика глаголов-СО тесно связана с их грамматическими особенностями. В частности, в ходе исследования были выявлены их отличия в аспектуальной характеристике. Различия в исследуемых языках касаются в основном категории вида. В русском языке каждой грамматической форме глагола-СО присуще видовое значение, во французском четкой соотнесенности нет. Кроме того, в исследуемых языках по-разному выражаются и способы протекания действия, обозначаемого глаголом-СО. Глагольные способы действия в русском языке выражаются на уровне одной лексической единицы намного чаще, чем во французском. Русским глаголам-СО с характеризованным способом действия очень часто соответствуют французские глаголы-СО, у которых данный способ действия не имеет специального выражения.

Достаточно часто одному глаголу-СО во французском языке соответствует несколько русских глаголов, например, глаголу *éclairer* в русском языке соответствуют *светить, посветить, посвечивать, высветить, высвечивать, отсветить* и некоторые др. Это объясняется тем, что исследуемые языки принадлежат к различным структурным типам. Русский язык относят к языкам синтетического (флективного) типа. В отличие от языков с преобладанием аналитических форм, в число которых входит французский, грамматические отношения в русском языке выражаются преимущественно путем прибавления к основе суффиксов и окончаний. Во французском языке нет такой разветвленной системы морфологических показателей для выражения всего разнообразия аспектуальных значений действия, как в русском, поэтому он компенсирует это временными формами и контекстными конкретизаторами. Исходя из сказанного выше, становится понятным количественное преобладание исследуемых глаголов в русском языке по сравнению с французским.

Несмотря на перечисленные отличия, проведенный анализ глаголов с семантикой СО показал, что предложенная классификация исследуемых глаголов является универсальной для двух разноструктурных языков.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-265-277

Литература

1. Авдеева М. Д. Лексико-семантическая группа глаголов *свечение* в когнитивно-дискурсивном аспекте // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 11-1. С. 59–64.
2. Царегородцева О. В. Формирование и развитие семантики русских светообозначений в аспекте проблемы семантической эволюции // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2010. № 3. С. 48–59.
3. Шумских Е. А. О некоторых особенностях синтагматики имен прилагательных ЛСГ «световой признак» // Семантика языковых единиц: доклады IV Междунар. конф. М., 1994. Ч. 1. С. 159–162.
4. Полежаева Ж. Ю. Глагольная концептуализация света и тьмы в русском языке // Вестник НовГУ. 2007. № 43. С. 35–38.
5. Казанская М. Д. Развитие группы английских прилагательных, обозначающих понятия «света» // Исследования по английской лексикологии / под ред. В. Д. Аракина. М., 1961. С. 18–83.
6. Селиверстова О. Н. Опыт семантического анализа группы русских и английских глаголов с общим компонентом «излучать свет» // Актуальные проблемы психологии речи и психологии обучения языку / под ред. А. А. Леонтьева, Т. В. Рябовой. М., 1970. С. 98–115.
7. Заикина О. Н. Параметры комплексного анализа семантической категории: на примере средств обозначения света в русском языке: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2004. 28 с.
8. Полежаева Ж. Ю. Трудности употребления глаголов светообозначения // Слово. Грамматика. Речь: мат-лы VII Междунар. науч. конф. «Текст: проблемы и перспективы. Аспекты изучения в целях преподавания русского языка как иностранного». (Москва, 28–30 ноября 2019 г.) М.: МАКС Пресс, 2019. Вып. XX. С. 342–343.
9. Богданова О. А. О некоторых особенностях функционирования цвето- и светообозначений в системе портретных персонажей (на материале «Данцигской трилогии» Г. Грасса) // Германистика и методика: Мат-лы итоговой конф. за 1998 г. Липецк, 1999. С. 30–35.
10. Гехтляр С. Я., Федосова Д. О. О смыслообразующей роли концепта «свет» в дискурсе романа Б. Пастернака «Доктор Живаго» // Брянскому государственному педагогическому университету им. И. Г. Петровского 70 лет / ред. В. Г. Горбачев. Брянск: Изд-во БГПУ, 2000. С. 95–100.
11. Губенко Е. В. Лексико-семантические поля цвета и света в лирике Б. Л. Пастернака: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1999. 21 с.
12. Гюлумян Л. К. Языковая объективация концептов свет / тьма в рассказе Л. Андреева «Петька на даче» // Изв. ЮФУ. Филол. науки. 2013. № 1. С. 44–51.
13. Кожуховская Н. В. Свет и колорит в художественном мире В. Ф. Одоевского // Цвет и свет в художественном произведении / отв. ред. Т. Я. Гринфельд. Сыктывкар: СГУ, 1990. С. 13–20.
14. Кокорин С. А. Символический потенциал светообозначений в поэтическом творчестве С. А. Есенина // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2016. № 3. С. 168–172.
15. Кондрашова О. В. Узуальная и поэтическая семантика цвето- и свето-обозначений (на материале крымской лирики Максимилиана Волошина) // Лингвистические и психолингвистические основы изучения сущностей / отв. ред. Р. И. Мальцева. Краснодар: КубГУ, 1997. С. 71–85.
16. Масленникова К. И. Стихия света и цвета в поэзии Теофиля Готье // Иностранные языки: Герценовские чтения: мат-лы конф. (Санкт-Петербург, 15–17 мая 2001 г.) СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2001. С. 66–69.
17. Овчинникова Ю. А. Светообозначения в сборнике стихов В. Ф. Ходасевича «Путем зерна» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 2-2. С. 149–151.
18. Панкратова М. Н. Поэтика света и тьмы в творчестве Ф. М. Достоевского: автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2007. 28 с.
19. Петрусь Т. В. Слова со значением цвета и света в образно-речевой системе А. Грина (на материале романа «Золотая цепь») // Семантика. Функционирование. Текст / науч. ред. С. В. Чернова. Киров: ВГПУ, 1999. С. 24–28.
20. Прадивлянная Л. Н. Семантика светообозначений в морской прозе Дж. Конрада // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия: Филология. Социальные коммуникации. 2011. Т. 24. № 2. Ч. 1. С. 174–178.
21. Шармар С. В. Взаимодействие лексико-семантических полей цвета и света в лирике Б. Л. Пастернака: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 22 с.
22. Шкуркина Ю. А. Коннотат «нетварность» в семантической структуре светообозначений в лирике А. Блока // Семантические единицы и категории русского языка в диахронии / отв. ред. С. С. Ваулина. Калининград: КГУ, 1997. С. 90–95.
23. Полежаева Ж. Ю. Идея света в русской языковой картине мира (на материале глагольной лексики): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2008. 21 с.

BULLETIN
Kemerovo State University
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-265-277

24. Полежаева Ж. Ю. Лексико-семантическая классификация русских глаголов-светообозначений // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 2-2. С. 194–199.
25. Пицкова Л. П. Грамматическая категория вида в современном французском языке. М.: Высш. шк., 1982. 160 с.
26. Шелякин М. А. Способы действия в поле лимитативности // Теория функциональной грамматики. Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис / отв. ред. А. В. Бондарко. Л.: Наука, 1987. С. 63–85.
27. Реферовская Е. А. Аспектуальные значения французского глагола // Теория грамматического значения и аспектологические исследования / отв. ред. А. В. Бондарко. Л.: Наука, 1984. С. 91–109.

original article

Verbs of Light in Russian and French: Lexical-Semantic Classification and Grammatical Characteristics

Zhanna Yu. Polezhaeva
Kemerovo State Medical University, Russia, Kemerovo
zhpolezhaeva@mail.ru
https://orcid.org/0000-0002-8158-6992

Tatiana G. Pismak
Kemerovo State University, Russia, Kemerovo
https://orcid.org/0000-0003-0782-0063

Received 28 Jan 2021. Accepted 11 Mar 2021.

Abstract: This article deals with the lexical-semantic group of verbs that denote light in Russian and French. The authors compared their lexical-semantic classifications, characteristics, and grammatical parameters. The research involved the method of continuous sampling, lexical systematization, and component analysis. The paper introduces lexical-semantic subgroups of Russian and French verbs of light with their nucleus and periphery. A comparative analysis revealed some aspectual differences: Russian and French demonstrated different means of expressing some meanings and modes of action. The Russian language is synthetic and expresses these meanings lexematically. In the French language, which is analytical, these grammatical meanings do not always find their expression at the level of a single lexeme. The context and tense forms appeared to play an important role, and the verbs of light proved to be more numerous in Russian than in French. Despite the differences, the proposed classification of verbs of light turned out to be universal for both languages.
Keywords: light signification, semantics, lexical-semantic group, aspectuality, Russian, French

Citation: Polezhaeva Zh. Yu., Pismak T. G. Light-denoting Verbs in Russian and French (Lexical-Semantic Classification, Grammatical Characteristics of Verbs). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(1): 265–277. (In Russ.)
DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-265-277

Conflicting interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

References

1. Avdeeva M. D. Lexical-semantic group of verbs СВЕЧЕНИЕ / LUMINESCENCE in cognitive-discursive aspect. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2017, (11-1): 59–64. (In Russ.)
2. Tsaregorodtseva O. V. The formation and development of semantics of the Russian "light-denominations" in the aspect of the problem of the semantic evolution. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, 2010, (3): 48–59. (In Russ.)
3. Shumskikh E. A. On some features of the syntagmatics of adjectives of the lexical-semantic group of light. *Semantics of linguistic units*: reports IV Intern. Conf. Moscow, 1994, pt. 1, 159–162. (In Russ.)
4. Polezhaeva Zh. Yu. Verb conceptualization of light and darkness in Russian. *Bulletin of Novgorod State University*, 2007, (43): 35–38. (In Russ.)
5. Kazanskaia M. D. Development of a group of English adjectives denoting the concept of light. *Studies in English Lexicology*, ed. Arakin V. D. Moscow, 1961, 18–83. (In Russ.)

© 2021. The Author(s). This article is distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-265-277

6. Seliverstova O. N. Semantic analysis of a group of Russian and English verbs with a common component "to emit light". *Actual Problems of Speech Psychology and Psychology of Language Teaching*, eds. Leontieva A. A., Riabova T. V. Moscow, 1970, 98–115. (In Russ.)
7. Zaikina O. N. *Parameters of complex analysis of the semantic category: the case of means of designating light in Russian*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Volgograd, 2004, 28. (In Russ.)
8. Polezhaeva Zh. Yu. Difficulties of using verbs of light. *Word. Grammar. Speech*: Proc. VII Intern. Sci. Conf. Text: Problems and Perspectives. Aspects of Studying for the Purpose of Teaching Russian as a Foreign Language, Moscow, 28–30 Nov 2019. Moscow: MAKS Press, 2019, iss. XX, 342–343. (In Russ.)
9. Bogdanova O. A. On some features of the functioning of color and light designations in the system of portrait characters (based on the "Danzig Trilogy" by G. Grass). *German Studies and Method*s: Proc. final Conf. for 1998. Lipetsk, 1999, 30–35. (In Russ.)
10. Gekhtliar S. Ia., Fedosova D. O. On the meaning-making role of the concept "light" in the discourse of B. Pasternak's novel "Doctor Zhivago". *70th Anniversary of I. G. Petrovsky Bryansk State Pedagogical University,* ed. Gorbachev V. G. Bryansk: Izd-vo BGPU, 2000, 95–100. (In Russ.)
11. Gubenko E. V. *Lexico-semantic fields of color and light in the lyrics of B. L. Pasternak*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 1999, 21. (In Russ.)
12. Gyulumyan L. K. The linguistic objectification of concept "the light and the darkness" in Andreev's story "Peter in the country-house". *Bulletin of Southern Federal University. Philological sciences*, 2013, (1): 44–51. (In Russ.)
13. Kozhuhkovskaia N. V. Light and color in the artistic world of V. F. Odoevsky. *Color and light in a work of art*, ed. Grinfeld T. Ia. Syktyvkar: SGU, 1990, 13–20. (In Russ.)
14. Kokorin S. A. Symbolic potential of light marking in S. A. Yesenin verse. *Vestnik Chelibinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2016, (3): 168–172. (In Russ.)
15. Kondrashova O. V. Usual and poetic semantics of color and light designations (based on the Crimean lyric poetry of Maximilian Voloshin). *Linguistic and psycholinguistic foundations of the study of entities*, ed. Maltseva R. I. Krasnodar: KubGU, 1997, 71–85. (In Russ.)
16. Maslennikova K. I. The element of light and color in the poetry of Theophile Gaultier. *Foreign languages: Herzen's readings*: Proc. Conf., St. Petersburg, 15–17 May 2001. St. Petersburg: Izd-vo RGPU im. A. I. Gertsena, 2001, 66–69. (In Russ.)
17. Ovchinnikova Yu. A. "Light-denominations" in the anthology V. F. Khodasevich "The way of corn". *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2015, (2-2): 149–151. (In Russ.)
18. Pankratova M. N. *The poetics of light and darkness in the works by F. M. Dostoevsky*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 2007, 28. (In Russ.)
19. Petrus T. V. Words with the meaning of color and light in the figurative-speech system of A. Green (based on the novel "Golden Chain"). *Semantics. Functioning. Text*, ed. Chernova S. V. Kirov: VGPU, 1999, 24–28. (In Russ.)
20. Pradivlyannaya L. N. Semantics of Light-vocabulary in the Sea Prose of Joseph Conrad. *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsionalnogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Seriia: Filologiia. Sotsialnye kommunikatsii*, 24, (2-1): 174–178. (In Russ.)
21. Sharmar S. V. *Interaction of lexical-semantic fields of color and light in the lyrics by B. L. Pasternak*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 2005, 22. (In Russ.)
22. Shkurkina Iu. A. Connotatus "uncreatedness" in the semantic structure of light designations in the lyrics by A. Blok. *Semantic units and categories of the Russian language in diachrony*, ed. Vaulina S. S. Kaliningrad: KGU, 1997, 90–95. (In Russ.)
23. Polezhaeva Zh. Yu. *The idea of light in the Russian language picture of the world (material on verb vocabulary)*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Kemerovo, 2008, 21. (In Russ.)
24. Polezhaeva Zh. Yu. Lexical and semantic classification of the Russian verbs denoting light. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, (2-2): 194–199. (In Russ.)
25. Pitskova L. P. *The grammatical category of the species in modern French*. Moscow: Vyssh. shk., 1982, 160. (In Russ.)
26. Sheliakin M. A. Methods of action in the field of limitation. *Theory of the functional grammar. Introduction, aspectuality, temporary localization, and taxis*, ed. Bondarko A. V. Leningrad: Nauka, 1987, 63–85. (In Russ.)
27. Referovskaia E. A. Aspectual meanings of the French verb. *Theory of grammatical meaning and aspectological research*, ed. Bondarko A. V. Leningrad: Nauka, 1984, 91–109. (In Russ.)

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-278-285

оригинальная статья
УДК 811.161.1

Письмо сибирского поэта президенту США: отражение социально-политических взглядов в текстах естественной письменной речи

Капиталина Викторовна Синегубова
Кемеровский государственный университет, Россия, г. Кемерово
sinegubova@nextmail.ru
https://orcid.org/0000-0002-3917-1304

Поступила в редакцию 29.11.2020. Принята к печати 01.02.2021.

Аннотация: Цель – выявить типичные для советского человека ценностные доминанты в спонтанном письменном тексте, который не подвергался профессиональной редакторской обработке и цензурированию, то есть в естественной письменной речи. Используется аксиологический подход, позволяющий обнаружить и зафиксировать личностное начало в тексте, жизненные установки и ценности автора. Материалом исследования является письмо кузбасского поэта Михаила Александровича Небогатова президенту США Джеймсу Картеру о социально-политической проблеме диссидентства. Автор письма, не имеющий опыта профессиональной публицистической деятельности и межкультурной коммуникации, подпадает в данном случае под категорию *наивный автор*. Текст письма отражает не столько ситуативно-обусловленные нормы и прагматические установки, сколько мировоззрение и систему ценностей самого автора. М. А. Небогатов позиционирует себя не как частного человека, носителя уникальной точки зрения, а как выразителя мнения всего советского народа. Частотное употребление местоимений *мы* и *наш* и категоричность суждений базируются на представлении автора о мировоззренческом и ценностном единстве всего советского общества. Оптимальное выражение аксиосферы народа, по мнению автора письма, происходит в художественной литературе, чем обусловлены многочисленные ссылки на авторитет русских писателей. Экспрессивно-апеллятивная интенция автора способствует самопрезентации его самого как поэта, а следовательно носителя общенародной системы ценностей, в которой центральное место занимает Родина и патриотические чувства народа. Принадлежность автора к поэтам приводит к отсутствию внешней заданности высказывания. Проведенный ценностно-концептуальный анализ показывает, что тексты естественной письменной речи могут быть рассмотрены как материал для выявления базовых ценностей социальной группы, в том числе жителей региона.
Ключевые слова: письменный текст, наивный автор, аксиологический анализ, ценность, ценностная доминанта, эпистолярный жанр, адресат, аксиосфера личности, ценностно-концептуальный анализ, коммуникация

Цитирование: Синегубова К. В. Письмо сибирского поэта президенту США: отражение социально-политических взглядов в текстах естественной письменной речи // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 1. С. 278–285. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-278-285

Введение

Предпринимаемое исследование осуществлено в рамках теории естественной письменной речи (ЕПР), целью которой является описание особого вида речевой деятельности, характеризующейся спонтанностью, непрофессиональностью исполнения, отсутствием редактуры с позиции стороннего лица (редактора, корректора) [1]. Обозначенные черты ЕПР отличают ее от других видов речевой деятельности – искусственной письменной и искусственной устной речи. В силу профессиональности исполнения и специальной подготовки субъекта речи искусственная письменная речь и искусственная устная речь не обладают спонтанностью как типовым свойством, при создании текстов в рамках данных разновидностей речевой деятельности «обычно имеет место подготовленность текста, его переработка, участие в создании и трансляции адресату других лиц и инстанций (редактора, цензора), то есть всего, что отделяет непосредственный акт создания текста от восприятия его адресатом» [2, с. 8].

ЕПР понимается как особая письменноречевая деятельность, где при текстопорождении не участвуют какие-либо иные субъекты (редакторы, корректоры, цензоры) и где обнаруживается ярко выраженное авторское начало. Это понимание легло в основу следующей гипотезы: в текстах ЕПР, даже если автор текста не нацелен на решение презентационной задачи, содержатся естественные письменные репрезентации субъекта, являющиеся источником выявления ценностных предпочтений личности автора текста. Представляется, что различные жанры ЕПР [3] обладают различной степенью выраженности авторского начала и в итоге различной интенсивностью проявления аксиологической составляющей текста. Тексты ЕПР рассматриваются в научной традиции как показатели когнитивных процессов и социальных установок [4]. Имеется ряд

© 2021. Авторы. Статья распространяется на условиях международной лицензии CC BY 4.0

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-278-285

исследований, где описываются эвристические возможности жанров ЕПР как основа для ценностно-концептуального анализа и определения системы ценностей автора: народных мемуаров [5; 6], личных дневников [7–9], альбомов [10], семейных писем [11; 12].

Актуальность предпринимаемого исследования обусловливается его принадлежностью теории ЕПР в той ее области, которая нацелена на выявление специфических признаков ЕПР в ее жанровом воплощении. Тексты ЕПР представляют собой знаковые репрезентации внутреннего плана существования личности. Описание языковой личности предполагает выявление ее жизненных или ситуативных доминант, установок, мотивов, находящих отражение в процессах порождения текстов и их содержании [13, с. 43].

Вербальная природа различных жанровых форм ЕПР обусловливает наиболее явственное и доступное для изучения выражение системы ценностей автора, или аксиосферы. Ценности в данном случае понимаются как фундаментальные характеристики культуры и высшие, основополагающие ориентиры поведения [14, с. 3].

Целью исследования является ценностно-концептуальный анализ и выявление индивидуальной и общей системы ценностей в тексте ЕПР. Результаты письменноречевой деятельности носителя языка оцениваются как один из возможных источников обнаружения аксиологических доминант социальной группы, к которой относится автор [15]. Через анализ ценностных доминант в текстах ЕПР можно выйти к рассмотрению региональной ценностной картины мира [16].

Научная новизна настоящего исследования обусловливается следующими результатами: тексты ЕПР, рассматриваемые с позиции аксиологической лингвистики, привлечены как источник определения ценностных предпочтений автора; посредством описания эпистолярного материала (письмо президенту) оценивается потенциал использования текстов ЕПР как материала для проведения концептуально-ценностного анализа.

Материал и методы исследования

Материалом настоящего исследования является текст письма Михаила Александровича Небогатова, кузбасского поэта, президенту США Джимми Картеру (1977 г.)[1]. Письмо представляет собой рукописный текст на трех страницах, к нему приложен конверт со штемпелями почтовой службы США, свидетельствующий о том, что письмо было отправлено по назначению и возвращено адресату. Мы имеем дело не с черновиком, а с законченным, по мнению автора, текстом.

Основным методом исследования является метод ключевых слов. Под ключевым словом понимается «такое опорное слово, которое аккумулирует основной смысл текста, является его семантическим и композиционным центром» [17, с. 104]. Будучи наиболее важными для понимания текстового содержания, ключевые слова выполняют функцию доминантных смысловых элементов, их изменение влечет за собой искажение общего смысла текста. По мысли В. Д. Черняк, процесс понимания текста обусловлен тем, что ключевое слово, «всплыв на поверхность сознания, начинает вытягивать системнорелевантные для него ассоциаты и связи» [18, с. 29].

Результаты

Рассмотрение данного письма как жанровой реализации ЕПР имеет под собой ряд оснований. М. А. Небогатов является профессиональным литератором, но не является профессиональным публицистом, что позволяет отнести его к наивным авторам [19]. Более того, модель взаимодействия автора и адресата в публицистическом тексте кардинально иная, нежели в тексте художественном, где адресат не вовлечен в прагматическую ситуацию [20, с. 362]. Опыт работы в средствах массовой информации, профессиональная литературная деятельность и большой опыт написания различных писем в издательства и СМИ позволяют говорить о том, что автор в определенной мере обладает жанровой компетенцией. Однако М. А. Небогатов никогда не участвовал в решении политических вопросов и не имел опыта межкультурной коммуникации.

Автор осознает отсутствие у него необходимых профессиональных навыков и публицистического опыта, но полагает, что это не станет причиной коммуникативной неудачи. В начале письма он прямо заявляет о неподготовленности своего обращения: *Чтобы тебя поняли просто по-человечески, не обязательно быть талантливым публицистом*[2]. Мы видим, что автор отказывается от претензий на профессионализм и переводит свое высказывание на уровень доверительного межличностного общения. Авторское указание на то, что письмо представляет собой неподготовленный текст, появляется и в конце текста: *свое письмо я хочу закончить так, как больше всего привык выражать свои чувства и мысли*. Автор, таким образом, более ориентирован на собственную практику написания писем, нежели на зафиксированные в языке и в международной дипломатической практике нормы коммуникации.

Хотя публицистический текст допускает присутствие стихотворных цитат, которые могут выполнять композиционную, эмоционально-оценочную и иные функции [21], М. А. Небогатов аргументирует употребление цитаты словом *привык*. Приведенный в конце письма отрывок из стихотворения М. А. Небогатова показывает убежденность, непосредственность и искренность автора при написании этого текста.

В данном письме отсутствует редакторская и корректорская правка. Письмо было отправлено президенту США

[1] Небогатов М. А. Письмо президенту США // Государственный архив Кемеровской области. Ф. 3-1250. Оп. 1. Д. 579.

[2] Здесь и далее цитируется по указанному источнику с сохранением авторской орфографии и пунктуации.

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-278-285

по почте, а не подготовлено, например, к публикации в средствах массовой информации. В тщательно собранном архиве М. А. Небогатова отсутствуют какие-либо свидетельства того, что имело место обсуждение данного письма с партийным руководством или Союзом писателей. Это позволяет предположить, что сибирский поэт обратился к президенту США по собственной инициативе, не согласовывая свой текст ни с кем. Автор не является политическим деятелем, поэтому его письмо, как и другие тексты наивных авторов, предстает не политическим, а социально-политическим [22] и позволяет судить не столько о затрагиваемых политических событиях, сколько об общественных настроениях и установках, которые это письмо отражает.

Для понимания сути написанного важны биографическая справка и исторический контекст создания письма. М. А. Небогатов родился 5 октября 1921 г., являлся ветераном Великой отечественной войны, с 1962 г. входил в Союз писателей СССР. Сотрудничал в областной газете «Кузбасс», также был корреспондентом областного радиокомитета. Публиковался в Кемеровском книжном издательстве: при жизни поэта вышло 14 сборников. Попытки опубликоваться в столичных литературных изданиях оказывались безуспешными. Книга лирики должна была быть опубликована в издательстве «Библиотека сибирской поэзии» в 1977 г., но получила отрицательную рецензию.

В том же 1977 г. М. А. Небогатов написал письмо американскому президенту Джеймсу Картеру, который незадолго до того принял в Белом доме выдворенного из СССР диссидента Владимира Буковского. Одновременно с этим началась получившая международную огласку переписка американского президента Джеймса Картера с Андреем Сахаровым, лауреатом Нобелевской премии мира. Письмо А. Д. Сахарова президенту США было написано и отправлено как личное письмо, но затем его опубликовали многие американские средства массовой информации. Этот, несомненно, известный М. А. Небогатову факт заставил воспринимать письмо президенту не как личное письмо и не как официальную переписку, но как своеобразное «письмо в редакцию» [23], для которого не нужны ни личное знакомство адресанта с адресатом, ни официальный повод [24]. Очевидно, что нетипичную, исключительную коммуникативную ситуацию (письмо американскому президенту от гражданина СССР) кузбасский поэт в своем сознании трансформировал в более распространенную, что привело к созданию рассматриваемого текста. Определение жанра в данном случае представляется проблематичным, поскольку автор смешивает жанровые признаки официального и частного письма, что характерно для наивного автора [25].

Наивность автора проявляется также в том, что он не учитывает «совокупность или систему знаний о мире вообще и о референтном пространстве в частности, которая заложена в памяти участников общения» [26, с. 10]. Значительно сокращая дистанцию между собой и адресатом, автор письма игнорирует языковой барьер и пишет по-русски. Он игнорирует и социальную дистанцию. Для письма М. А. Небогатова характерна установка на доверительное общение: *Чтобы тебя поняли просто по-человечески, не обязательно быть талантливым публицистом*. Однако общественно-политическая проблематика и явная оппозиция *мы – вы* в большей степени характерны для жанровой формы письма в редакцию.

Поводом для написания данного письма стала поддержка Дж. Картером советских диссидентов. Это главная тема письма. Обращаясь к проблеме диссидентов, кузбасский поэт пытается изменить точку зрения американского президента на феномен диссидентства и поэтому ориентируется на своего адресата, делая его «соавтором текста» [27, с. 77]. В письме отражается установка на общий жизненный опыт. Хотя М. А. Небогатов обращается к американским реалиям и приводит пример с фермером, которому случайный прохожий указывает, как вести хозяйство, он убежден, что эту ситуацию они с Дж. Картером понимают одинаково: *Представьте простую житейскую ситуацию*.

Высказываясь о проблеме международного масштаба, М. А. Небогатов позиционирует себя не как частное лицо, но как советского человека и советского писателя, претендуя при этом на выражение мнения всего народа СССР: *Что касается так называемых «диссидентов», то у нас в стране никто не принимает их всерьез*. Можно видеть, что в концепции М. А. Небогатова советское общество представляет собой идеологический монолит, в котором не может быть разногласий.

Диссидентов М. А. Небогатов представляет как «неудачников», «обделенных», объясняя их оппозиционность советскому строю ущербностью: *«Диссиденты» – это отдельные неудачники, которых природа обделила, по выражению Пушкина, талантом и душой*. Главной чертой, характеризующей диссидентов, является, в представлении М. А. Небогатова, отсутствие патриотических чувств, а последние представляют собой незыблемую ценность.

М. А. Небогатов достаточно категоричен в своих выводах. Он заявляет: *Все честные, добросовестные талантливые советские писатели были, есть и будут истинными патриотами своей Родины*. Промежуточных стадий между истинным патриотизмом и предательством родины не предполагается. Предательство родины в свою очередь расценивается как серьезное преступление: *Предательство родины равносильно предательству родной матери*, – в этой фразе отражается представление М. А. Небогатова о генетической связи, глубинном родстве любого человека со своей родиной и о ценности этой связи.

Столь же крепко, по мнению автора письма, связан каждый советский человек с коммунистической партией. М. А. Небогатов приводит цитату М. А. Шолохова из речи на Втором съезде писателей СССР в 1954 г.: «Про нас говорят, что мы пишем по указке партии. Это не совсем так. Мы пишем по указке собственного сердца, а сердца наши

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-278-285

принадлежат партии»[3]. Партия перестает быть внешней по отношению к человеку организацией и становится основой его мировоззрения. Патриотизм и партийность, таким образом, являются основой концептуально-ценностной парадигмы личности писателя.

Несмотря на то, что письмо посвящено политической проблеме, оно насыщено литературными цитатами и отсылками. Следует обратить внимание на цитату «с талантом и душой» из письма А. С. Пушкина, в оригинале она звучит так: «Черт догадал меня родиться в России с душою и с талантом!»[4]. Думается, что словосочетание *талантом и душой* не требует ссылки на авторство А. С. Пушкина, М. А. Небогатов прибегает к нему для того, чтобы придать больший вес своим словам. Очевидно, что авторитетный для любого русского поэта А. С. Пушкин мыслится автором письма как непререкаемый авторитет и для американского президента Дж. Картера.

Создавая негативный образ писателя-эмигранта, М. А. Небогатов цитирует С. А. Есенина, опять же неточно: *Без чувства родины нет писателя, поэта – так говорил когда-то замечательный русский лирик Сергей Есенин*. В данном случае нам важно, что А. С. Пушкин не нуждается в комментариях, а С. А. Есенина американскому президенту надо представить. Можно интерпретировать это уточнение как своеобразную попытку М. А. Небогатова учесть «тезаурус своего коммуникативного партнера» [28]. Трансформация цитаты показывает высокую ценность патриотических чувств для М. А. Небогатова, поскольку С. А. Есенин считал чувство родины неотъемлемой частью своего творчества, но отнюдь не любого писателя или поэта. Представляется значимым, что в обоих случаях, цитируя высказывания известных авторов, М. А. Небогатов отсекает слова *мой, меня*, представляя личное и частное как общее и универсальное. В сочетании с частотным употреблением слова *мы*: *у нас в стране, про нас говорят, нашего, всемирно известного писателя* – это отражает концептуальное представление автора о мировоззренческом и ценностном единстве всего народа, в котором нет и не может быть разногласий по принципиальным вопросам. Поэтому финальным аргументом в письме М. А. Небогатова становится пословица, отражающая представления целого народа: *Есть об этом и народная пословица: человек без родины – соловей без песни.*

Идея особой важности родины для человека, выраженная в высказываниях поэта или в фольклорных жанрах, представляется автору письма достаточным основанием для убеждения своего адресата. Необходимо отметить, что для советского литературоведения и литературной критики народность была основным мерилом ценности того или иного автора. Например, в изданной в 1977 г. научно-популярной книге «Рассказы о литературе» Ст. Рассадина и Б. Сарнова целая глава посвящена проблеме народности литературы. В ней, в свою очередь, цитируется В. Г. Белинский – он любил повторять, что художественная литература – это «сознание народа», «дух народа» [29].

Многочисленные литературные цитаты в письме М. А. Небогатова президенту США объясняются не только тем, что автор – профессиональный поэт, но и общей литературоцентричностью советского интеллектуального пространства. Вся художественная литература, находясь под жестким идеологическим контролем и выполняя пропагандистскую функцию, маскировалась «наставническим» статусом [30].

В итоге историко-культурный контекст позволяет интерпретировать литературоцентричность письма М. А. Небогатова не как специфическую для данного автора или для писательского круга, а как привычную для советского человека черту мировоззрения. Письмо, адресованное представителю иной культуры, представляет базовые ценности советского народа, отраженные в литературных произведениях поэтов и писателей разных эпох, а также в их частных или публичных высказываниях. Поэт или писатель предстают как выразители общенародной аксиологической системы. Такое восприятие поэта позволяет М. А. Небогатову принять на себя роль выразителя общенародного мнения и оценить события с «народной точки зрения».

Заключение

Представленный в статье ценностно-концептуальный анализ произведения эпистолярного жанра расширяет возможности исследования ЕПР. Рассмотрение ЕПР с позиции аксиологической лингвистики базируется на восприятии текстов ЕПР как знаковых экспликаций естественной письменноречевой деятельности субъекта, не связанной с наличием внешней оценочной позиции, а потому характеризующейся спонтанностью, непринужденностью, возможностью открытого выражения личностного начала, в том числе проявления ценностного отношения к миру.

Полагаем, что эпистолярный жанр, в особенности та его реализация, где сильно́ публицистическое начало (письмо президенту, письмо в редакцию и пр.), является одной из жанровых форм, в которой особенно значим оценочно-рефлексирующий компонент. Оценочная реакция автора на описываемые события зачастую оказывается самоцелью при создании эпистолярного текста и позволяет определить, какая аксиологическая установка лежит в основе той или иной оценки, и определить ценностную систему автора или социальной группы, к которой он относится.

[3] Шолохов М. А. Речь на Втором Всесоюзном съезде советских писателей // Шолохов М. А. Собрание сочинений. Т. 8. Рассказы, очерки, фельетоны, статьи, выступления. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1960. С. 305.

[4] Пушкин А. С. Письмо Н. Н. Пушкиной // Пушкин А. С. Собр. соч. Т. 10. Письма 1831–1837. М.: ГИХЛ, 1962. С. 294.

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-278-285

Подобного рода оценочная реакция на конкретное социально-политическое событие в исследуемом эпистолярном тексте детерминирована экспрессивно-апеллятивной интенцией автора, связанной с побуждением адресата к определенной реакции посредством демонстрации автором собственного внутреннего состояния, жизненных установок, оценочной реакции на предмет высказывания. С позиции М. А. Небогатова, Родина предстает как безусловная ценность для каждого человека, а Коммунистическая партия является неотъемлемой частью этой родины. Диссиденты, эмигранты оцениваются как предатели Родины. При этом отсутствие патриотизма всегда сопрягается с другими существенными недостатками: диссиденты хуже всех остальных людей, они находятся за границей или на границе социума. В представлении автора письма его особая социальная роль (поэт, писатель) дает ему право занимать по отношению к адресату директивно-апеллятивную позицию, ибо писатель, поэт – носитель истины и всегда патриот. Любое высказывание писателя, независимо от того, является ли оно частью художественного произведения или лежит за пределами художественного дискурса, может стать аргументом в любой дискуссии в силу своей авторитетности.

Конфликт интересов: Автор заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта «Концептуально-ценностный анализ эпистолярного и мемуарного наследия жителей Кузбасса» (№ 20-412-420005 р_а).

Литература

1. Лебедева Н. Б. Естественная письменная русская речь: основные понятия и аспекты изучения // Письменная культура народов России: мат-лы Всерос. науч. конф. (Омск, 19–21 ноября 2008 г.) Омск: Омск. гос. ун-т, 2008. С. 12–18.
2. Лебедева Н. Б. Естественная письменная русская речь как объект лингвистического исследования // Вестник Барнаульского государственного педагогического университета. 2001. № 1-2. С. 4–10.
3. Тюкаева Н. И. Моделирование речевого жанра: формально-функциональный аспект (на примере текстов естественной письменной русской речи) // Культура и текст. 2019. № 2. С. 189–200.
4. Евграфова С. М. Неуместное употребление слова в естественной письменной речи и механизмы сочетаемости // Труды института русского языка им. В. В. Виноградова. 2014. № 2. С. 178–191.
5. Лебедева Н. Б. Ценностные доминанты народных мемуаров // Аксиологические аспекты современных филологических исследований: тезисы докладов Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 15–17 октября 2019 г.) Екатеринбург: Ажур, 2019. С. 252–253.
6. Сухотерина Т. П., Весёлкина М. В. Жанры естественной письменной русской речи: функционально-целевой параметр // Русская словесность в России и Казахстане: аспекты интеграции: мат-лы второй Междунар. науч.-практ. конф. (Барнаул, 19–20 сентября 2013 г.) Барнаул: АлтГПУ, 2013. С. 422–430.
7. Рабенко Т. Г. Ценностные доминанты дневникового жанра // Аксиологические аспекты современных филологических исследований: тезисы докладов Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 15–17 октября 2019 г.) Екатеринбург: Ажур, 2019. С. 257–259.
8. Рабенко Т. Г. Аксиологические доминанты дневникового жанра (на материале личных дневников) // Сибирский филологический журнал. 2020. № 2. С. 302–313. DOI: 10.17223/18137083/71/25
9. Рабенко Т. Г. Инвариантные и вариантные признаки жанров естественной письменной речи (на материале жанров «личный дневник», «личное письмо», «личная записка») // Жанры речи. 2020. № 1. С. 6–14. DOI: 10.18500/2311-0740-2020-1-25-6-14
10. Сухотерина Т. П. Характеристика автора в жанрах естественной письменной русской речи // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. № 4-4. С. 170–173.
11. Лебедева Н. Б., Рабенко Т. Г. Тексты естественной письменной речи как проявление ценностных доминант рядового носителя языка (на материале родительских писем) // Культура и текст. 2020. № 3. С. 112–125. DOI: 10.37386/2305-4077-2020-3-112-125
12. Свалова Е. Н. Наивная философия в личных письмах деревенского человека // Традиционная культура. 2018. Т. 19. № 5S. С. 229–236.
13. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. 2-е изд., стер. М.: УРСС, 2002. 264 с.
14. Карасик В. И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты / науч. ред. В. И. Карасик. Волгоград-Архангельск: Перемена, 1996. С. 3–16.
15. Смирнов Е. С. Ценностные доминанты ангарцев в устных текстах о «своих» // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. 2019. № 6. С. 140–143.
16. Чернова О. Е. Идеологизация ценностных представлений в тексте «наивного автора» // Проблемы истории, филологии, культуры. 2012. № 2. С. 349–357.

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-278-285

17. Тороп П. Тотальный перевод. Таллин: Tartu University Press, Cop., 1995. 220 с.
18. Черняк В. Д. Текстовые проекции глагольных синонимических рядов // Проблема исследования слова в художественном тексте / отв. ред. В. В. Степанова. Л.: Наука, 1990. С. 27–38.
19. Лебедева Н. Б., Корюкина Е. А. «Наивный автор» как лингвоперсона: жанровый аспект // Культура и текст. 2013. № 2. С. 251–266.
20. Арутюнова Н. Д. Фактор адресата // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1981. Т. 40. № 4. С. 356–367.
21. Саблина М. В. Цитата и цитирование в текстах современных российских газет: автореф. дис. … канд. филол. наук. Красноярск, 2011. 17 с.
22. Лебедева Н. Б. Конфликт и согласие с властью в политическом дискурсе наивного автора // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 4-4. С. 119–124.
23. Виноградова Е. М. Эпистолярные речевые жанры: прагматика и семантика текста: автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 1991. 20 с.
24. Рабенко Т. Г. Письмо в редакцию: инвариантные и вариативные признаки жанра // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 2-1. С. 136–139.
25. Корюкина Е. А. Жанроид «поэтическое послание» в творчестве наивного автора (на материале текстов естественной письменной речи) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 1. С. 179–183.
26. Долинин К. А. Интерпретация текста. Французский язык. 3-е изд. М.: URSS, 2007. 298 с.
27. Формановская Н. И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. М.: Русский язык, 2002. 216 с.
28. Рабенко Т. Г. Оппозиция автор / адресат и дискурсивные особенности ее реализации (обзор концепций) // Культура и текст. 2017. № 3. С. 180–192.
29. Рассадин Ст., Сарнов Б. Рассказы о литературе. М.: Дет. лит., 1977. 351 с.
30. Добренко Е. А. Формовка советского читателя: Социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы. СПб.: Гуманитар. агентство «Акад. проект», 1997. 323 с.

original article

A Letter from a Siberian Poet to the President of the United States of America: Natural Written Speech as a Reflection of Socio-Political Views

Kapitalina V. Sinegubova
Kemerovo state University, Russia, Kemerovo
sinegubova@nextmail.ru
https://orcid.org/0000-0002-3917-1304

Received 29 November 2020. Accepted 1 February 2021.

Abstract: The research objective was to identify the axiological values in uncensored free speech, i.e. natural written speech, of Soviet citizens. The axiological approach made it possible to identify individual life attitudes and values. The research featured a letter that the Kuzbass poet Mikhail A. Nebogatov wrote to the US President James Carter about the socio-political problem of dissidence. The author had no experience in professional journalism or in intercultural communication, which makes him a naive author. The text of the letter reflects the worldview and value system of the author himself rather than situational norms and pragmatic attitudes. M. A. Nebogatov represents himself not as a private person with a unique point of view, but as a speaker for the entire Soviet nation. He believed in the idea of the ideological and axiological unity of the Soviet society, hence the frequent use of the pronouns "we" and "our", as well as the general sense of self-righteousness. For him, Russian literature was the ultimate expression of the Soviet axiosphere, which resulted in numerous references to the authority of Russian writers. M. A. Nebogatov's expressive and appellative intention was to represent himself as a poet, which automatically made him the bearer of the national system of values, with Motherland and patriotism in its core. The axiological and conceptual analysis shows that natural written speech can help to identify the basic values of a social group, e.g., residents of a particular region.
Keywords: written text, naive author, axiological analysis, value, value dominant, epistolary genre, addressee, axiosphere of personality, value-conceptual analysis, communication

© 2021. The Author(s). This article is distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-278-285

Citation: Sinegubova K. V. A Letter from a Siberian Poet to the President of the United States of America: Natural Written Speech as a Reflection of Socio-Political Views. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(1): 278–285. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-278-285

Conflicting interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Funding: The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research as part of the project "Conceptual and value analysis of the epistolary and memoir heritage of Kuzbass residents" (No. 20-412-420005 p_a).

References

1. Lebedeva N. B. Natural written speech: basic concepts and aspects of study. *Written culture of the peoples of Russia:* Proc. All-Russian Sci. Conf., Omsk, 19–21 Nov 2008. Omsk: Omsk. gos. un-t, 2008, 12–18. (In Russ.)
2. Lebedeva N. B. The Russian naive written speech as the object of linguistic research. *Vestnik Barnaulskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2001, (1-2): 4–10. (In Russ.)
3. Tyukaeva N. I. Modeling speech genre: formal and functional aspect (on the basis of natural written Russian texts). *Kul'tura i tekst*, 2019, (2): 189–200. (In Russ.)
4. Evgrafova S. M. Improper uses of words in unpolished written speech and compatibility language mechanisms. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova*, 2014, (2): 178–191. (In Russ.)
5. Lebedeva N. B. Valuable dominants of folk memoirs. *Axiological aspects of modern philological research*: Proc. Intern. Sci. Conf., Ekaterinburg, 15–17 Oct 2019. Ekaterinburg: Azhur, 2019, 252–253. (In Russ.)
6. Sukhoterina T. P., Veselkina M. V. Genres of natural written Russian speech: a functional-purposive parameter. *Russian philology in Russia and Kazakhstan: aspects of integration*: Proc. second Intern. Sci.-Prac. Conf., Barnaul, 19–20 Sep 2013. Barnaul: AltGPU, 2013, 422–430. (In Russ.)
7. Rabenko T. G. Axiological dominants of the diary genre. *Axiological aspects of modern philological research*: Proc. Intern. Sci. Conf., Ekaterinburg, 15–17 Oct 2019. Ekaterinburg: Azhur, 2019, 257–259. (In Russ.)
8. Rabenko T. G. Axiological dominants of the diary genre (based on personal diaries). *Siberian Journal of Philology*, 2020, (2): 302–313. (In Russ.) DOI: 10.17223/18137083/71/25
9. Rabenko T. G. The genres of natural writting "personal diary", "personal letter", "personal note": invariant and variant. *Speech Genres*, 2020, (1): 6–14. (In Russ.) DOI: 10.18500/2311-0740-2020-1-25-6-14
10. Sukhoterina T. P. Author's characteristics in the Russian natural writting speech. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2012, (4-4): 170–173. (In Russ.)
11. Lebedeva N. B., Rabenko T. G. Texts of natural written speech as a manifestation of the value dominants of an ordinary native speaker (based on the material of parents' letters). *Kul'tura i tekst*, 2020, (3): 112–125. (In Russ.) DOI: 10.37386/2305-4077-2020-3-112-125
12. Svalova E. N. Naive philosophy in villagers' personal letters. *Traditional culture*, 2018, 19(5S): 229–236. (In Russ.)
13. Karaulov Iu. N. *Russian language and languistic personality*, 2nd ed. Moscow: URSS, 2002, 264. (In Russ.)
14. Karasik V. I. Cultural dominants in the language. *Language personality: cultural concepts*, ed. Karasik V. I. Volgograd-Arkhangelsk: Peremena, 1996, 3–16. (In Russ.)
15. Smirnov E. S. Value dominants of the Angara basin residents in oral texts about "locals". *Izv. Volgogr. gos. ped. un-ta*, 2019, (6): 140–143. (In Russ.)
16. Chernova O. E. Indoctrination of values and ideas in the text "naive author". *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, 2012, (2): 349–357. (In Russ.)
17. Torop P. *Total translation*. Tallinn: Tartu University Press, 1995, 220. (In Russ.)
18. Chernyak V. D. Text projections of verb synonymic series. *The problem of word research in a literary text*, ed. Stepanova V. V. Leningrad: Nauka, 1990, 27–38. (In Russ.)
19. Lebedeva N. B., Koryukina E. A. Naive author as a lingvoperson: genre dimension. *Kul'tura i tekst*, 2013, (2): 251–266. (In Russ.)
20. Aroutiounova N. D. Factor of the addressee. *Izvestiia AN SSSR. Seriia literatury i iazyka*, 1981, 40(4): 356–367. (In Russ.)
21. Sablina M. V. *Citation and citation in the texts of modern Russian newspapers*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Krasnoyarsk, 2011, 17. (In Russ.)
22. Lebedeva N. B. The conflict and consent with the power in the political discourse of the naive author. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, (4-4): 119–124. (In Russ.)
23. Vinogradova E. M. *The epistolary genres: the semantics and pragmatics of the text*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 1991, 20. (In Russ.)

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-278-285

24. Rabenko T. G. A letter to the editor: invariant and variant genre features. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2018, (2-1): 136–139. (In Russ.)
25. Koryukina E. A. Genroid "poetic message" in the works of the naive author. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2016, (1): 179–183. (In Russ.)
26. Dolinin K. A. *Text interpretation. The French language*, 3rd ed. Moscow: URSS, 2007, 298. (In Russ.)
27. Formanovskaya N. I. *Speech communication: a communicative and pragmatic approach*. Moscow: Russkii iazyk, 2002, 216. (In Russ.)
28. Rabenko T. G. Opposition, the author / addressee and discourse the peculiarities of its implementation (review concepts). *Kul'tura i tekst*, 2017, (3): 180–192. (In Russ.)
29. Rassadin St., Sarnov B. *Stories about literature*. Moscow: Det. lit., 1977, 351. (In Russ.)
30. Dobrenko E. A. *The forming of Soviet reader: Social and aesthetic prerequisites for the reception of Soviet literature*. St. Petersburg: Gumanitar. agentstvo "Akad. proekt", 1997, 323. (In Russ.)

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-286-296

оригинальная статья
УДК 81'42

Система скриптов и черный юмор в пьесах М. Макдонаха

Алиса Сергеевна Усатова
Кемеровский государственный университет, Россия, г. Кемерово

Лариса Петровна Прохорова
Кемеровский государственный университет, Россия, г. Кемерово
larpro888@gmail.com
https://orcid.org/0000-0002-2311-2385

Поступила в редакцию 15.02.2021. Принята к печати 16.03.2021.

Аннотация: Статья посвящена анализу природы комического и механизма создания черного юмора в идиостиле современного британо-ирландского драматурга Мартина Макдонаха, автора девяти пьес, переведенных на разные языки, которые с успехом ставятся на сценах всего мира. В качестве методологической базы исследования использовались семантическая теория юмора В. Раскина и разработанная на ее основе мультидисциплинарная общая теория вербального юмора В. Раскина – С. Аттардо. Теория рассматривает лингвистическую природу шутки и оперирует понятиями *скрипт* и *оппозиция*. По мнению авторов, важную роль в создании комического вообще и черного юмора в частности в текстах М. Макдонаха играют интертекстуальные средства и апелляции к прецедентным феноменам разного уровня. Авторы статьи принимают атрибутированное и неатрибутированное интекстовое включение за знак или скрипт и анализируют пьесы драматурга с данных позиций. В результате исследования представлена система *скриптов* и *оппозиций*, образующих хронотоп объемных (в отличие от короткой шутки или анекдота) текстов, а также описан механизм создания черного юмора в пьесах М. Макдонаха посредством обращения к интертекстуальному тезаурусу, которым может располагать потенциальный читатель и зритель.

Ключевые слова: комический дискурс, общая теория вербального юмора, С. Аттардо, семиотический знак, оппозиция, интертекстуальность, прецедентность, хронотоп

Цитирование: Усатова А. С., Прохорова Л. П. Система скриптов и черный юмор в пьесах М. Макдонаха // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 1. С. 286–296. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-286-296

Введение

Представлены результаты анализа феномена черного юмора в творчестве британо-ирландского драматурга Мартина Макдонаха с широких семиотических позиций. Теоретической базой работы послужили научные труды, посвященные осмыслению особенностей современной драмы в целом и специфики идиостиля М. Макдонаха в частности [1–7] и общая теория вербального юмора В. Раскина – С. Аттардо (General Theory of Verbal Humor, далее GTVH). К ключевым понятиям исследования относятся также понятия интертекстуальности, прецедентности, хронотопа.

Черный юмор трактуется вслед за концепцией А. Бретона как «объективный юмор» Гегеля, «исходящий из самой глубины человеческого естества», курсирующий по вертикали З. Фрейда (Я, сверх-Я и Оно) [8, с. 83]; как бахтинское единство низа и верха, выраженное через смех [9, с. 112].

Мы понимаем интертекстуальность как в широком (мир есть текст [10–13]), так и в узком (открытые или скрытые цитирования в виде специальных текстов: цитат, аллюзий, реминисценций [14–17]) значении. Мы ориентируемся на мнение И. В. Арнольд о том, что главной функцией всех интекстовых включений является «создание диалогичности: диалога между цитирующим и цитируемым автором и между их эпохами и культурами» [14, с. 51].

Функции интертекстов реализуются в зависимости от прагматических характеристик конкретного дискурса. В комическом дискурсе межтекстовое взаимодействие требует максимальной функциональности: эффективность шутки зависит не только от выбора ссылки, но и от качества касания когниций автора и адресата. Чем выше функциональность ссылки, тем выше вероятность ее декодирования.

При исследовании интертекстуальности в текстах художественной литературы используются понятия *прецедентность* и *прецедентный текст*. Под прецедентными текстами мы будем понимать «любую характеризующуюся цельностью и связностью последовательность знаковых единиц, обладающую ценностной значимостью для определенной культурной группы» [18, с. 45].

Теоретические основы исследования

GTVH – общая теория вербального юмора В. Раскина – С. Аттардо – построена на основе скриптов, где скрипт (фрейм, схема, сценарий) – «набор терминов, которые

© 2021. Авторы. Статья распространяется на условиях международной лицензии CC BY 4.0

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-286-296

попеременно используются для обозначения структурированного блока информации»[1] [19, p. 12], «когнитивная структура, представляющая фрагмент знания о каком-либо явлении или предмете, существующая в сознании носителя языка» [20, p. 81]. Кроме простого скрипта С. Аттардо выделяет макроскрипт (кластер скриптов, организованных в хронологическом порядке); сложный скрипт (кластер скриптов, составленных из других скриптов, но не организованных хронологически); метаскрипт – абстрактный, минимально заданный скрипт, который может быть реализован по-разному [21, p. 54].

Наш подход заключается в рассмотрении понятий *интекстовое включение*, *прецедентный текст*, *скрипт* с широких семиотических позиций и понимании их как знака. Соответственно, под включением мы совокупно подразумеваем понятия *цитата*, *аллюзия*, *референция* [15; 16], под прецедентными текстами – непосредственно текст, прецедентное высказывание, прецедентную ситуацию, прецедентное имя [22]. Мы рассматриваем включение в общем, как ссылку на претекст в значении «фрагмент знания о каком-либо явлении или предмете, существующем в сознании носителя мировоззрения» [20, p. 81], т. е. как скрипт или знак.

Все рассмотренные выше категории являются частями семиозиса (Дж. Локк) и предметом семиотики – «учения о знаках». Семиотика призвана «рассмотреть природу знаков, которыми ум пользуется для понимания вещей или для передачи своего знания другим» [цит. по: 23, с. 8]. При этом «исходной точкой любой семиотической системы является не отдельный изолированный знак (слово), а отношение минимально двух знаков» [23, с. 149]. «Семиотическое пространство предстает перед нами как многослойное пересечение различных текстов, вместе складывающихся в определенный пласт, со сложными внутренними соотношениями, разной степенью переводимости и пространствами непереводимости. Под этим пластом расположен пласт "реальности" – той реальности, которая организована разнообразными языками и находится с ними в иерархической соотнесенности. Оба эти пласта вместе образуют семиотику культуры» [23, с. 30].

Позволим себе предположить, что семиотика черного юмора имеет ту же природу. С. Аттардо замечает, что «потенциально комичными являются предметы, используемые в качестве знаков», а «юмор существует только в рамках семиозиса» [21, p. 32].

В. Раскин и другие фрейм-семантики убеждены, что для дескрипции смыслов в лексиконе человека должны быть сохранены большие объемы контекстной информации. Все скрипты языка составляют единый непрерывный граф, а лексическая запись слова является областью внутри этого графа [20, p. 81]. Емкость скрипта, на взгляд С. Аттардо, не ограничена: скрипт никогда не завершен, поскольку следующий скрипт может активировать предыдущий и / или инициировать пересмотр значений предыдущего [21, p. 6]. «Набор скриптов в лексиконе, их ссылки, а также все нелексические скрипты, их ссылки, и все связи между двумя наборами скриптов образуют "семантическую сеть", которая содержит всю имеющуюся у говорящего информацию о его / ее культуре» [21, p. 31].

Декодировать знак (скрипт, претекст, аллюзию), интерпретировать посыл того или иного автора или текста адресат сможет (или не сможет), опираясь на свою когнитивную базу, на тот набор знаков (скриптов), которым располагает [21, p. 149]. По мнению Ю. Е. Прохорова, целесообразно установить соотношение прецедентных феноменов с уровнями языковой личности [22, с. 14, 148].

В соответствии с теорией В. Раскина текст можно охарактеризовать как смешной при строгом соблюдении двух условий одновременно: текст полностью или частично совместим с двумя разными скриптами; данные скрипты противоположны [20, p. 99]. Здесь выделяются три класса оппозиций: реально / нереально, нормально / ненормально, возможно / невозможно. Эти три класса противоположностей затем воплощаются в пять наиболее распространенных оппозиций: *good / bad* (хороший / плохой), *life / death* (жизнь / смерть), *obscene / non-obscene* (пристойный / непристойный), *money / no-money* (богатство / бедность), *high / lowstature* (ум / глупость) [20, p. 113–114, 127].

Результаты

Качественные характеристики и соотношение значимых для нашего исследования параметров / понятий отражены в табл. 1.

Рассмотрим соотношение уровней прецедентности текстов и сознания языковой личности (Ю. Е. Прохоров) с уровнями скриптов (С. Аттардо). Под метаскриптом позволим себе подразумевать такие концепты, как Библейская система (максимально реализованная в эпохи Возрождения, Просвещения, Модерна), до- и постбиблейские системы (формирующиеся в «темные века» и разрушающаяся в постмодерн XX–XXI вв.). Среди тематик черного юмора к метаскриптам, на наш взгляд, можно отнести только Смерть (и оппозицию *Жизнь – Смерть*).

Сложные скрипты вбирают в себя тематики, описывающие национальную принадлежность, религию, политику, войну / военных. Мета- и сложные скрипты относятся к главным / повторяющимся скриптам (В. Хлопицкий), пронизывают и скрепляют текст. Эти скрипты задействованы в более глубоких оппозициях и способны влиять на полное восприятие юмористического текста, задавать направление когнитивному процессу [21, p. 38].

Макроскрипты включают самодостаточные составляющие и организованы хронологически, к ним мы относим такие тематики, как межличностные отношения, социальная

[1] Здесь и далее по тексту перевод выполнен авторами статьи.

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-286-296

Табл. 1. Соотношение понятий, применяемых в исследовании
Tab. 1. Correlation of research key notions

Уровень прецедентности текста	Уровень сознания языковой личности	Уровень скрипта	Тематика черного юмора
Авто-прецедентный	Индивидуум со своим собственным сознанием, объемом памяти, лексиконом	Простой скрипт	Язык, физические недостатки, пьянство и др.
Социумно-прецедентный	Личность имеет общие знания, представления, ценностные ориентации и средства их семиотизации с другими членами этого социума	Макроскрипт	Межличностные отношения, социальная жизнь и т. д.
Национально-прецедентный	Личность сформирована как член определенного национально-культурного сообщества, который владеет неким общим для всех, включенных в данное сообщество, набором культурных предметов и их символов	Сложный скрипт	Национальная принадлежность: Англия, Ирландия; религия, политика, война / военные
Универсально-прецедентный	Личность как член рода человеческого, обладающий общими для всех людей знаниями и представлениями	Метаскрипт	Наднациональная, философская категория: добиблейская система – библейская система – постбиблейская система / смерть

жизнь: семья, любовь, дружба. Простой скрипт описывает качества и характеристики коммуниканта: язык, ум / глупость, красота / физические недостатки. «Густой», насыщенный скриптами объемный юмористический текст, который можно представить структурно как своеобразный текст-матрешку, отображен на рисунке.

«Нет и не может быть юмора без противоположности взаимосоотнесенных полюсов, без контраста между консервативными ценностями – и мятежом, между правилом – и исключением, между нормой – и прагматикой, между стабильными табу унаследованной этики – и правами конкретного, единократного, действительного; и притом необходимо, чтобы эта противоположность воспринималась достаточно остро, чтобы она вправду доводила до слез – но и до смеха, иначе – какой уж юмор? А это значит, что человек способен к юмору в том случае и в той мере, в которой он остается способным к соблюдению заветов и запретов» [24, с. 138].

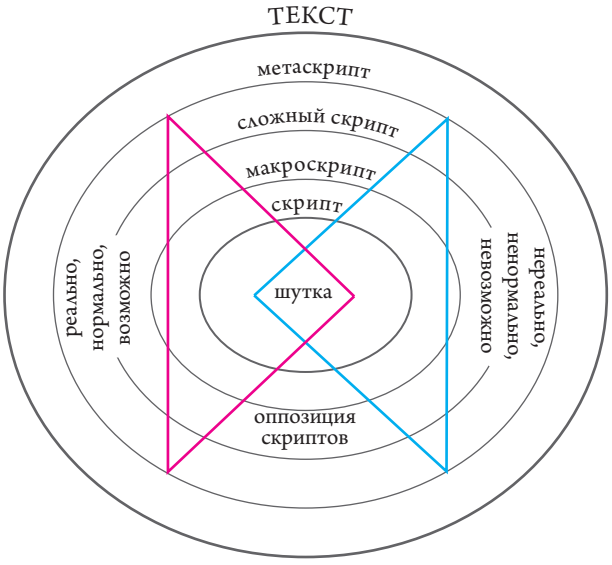

Рис. Схема организации скриптов в тексте
Fig. Scheme of script organization in the text

Было бы ошибкой рассматривать средством создания черного юмора исключительно атрибутированные аллюзии, макро- и простые скрипты, игнорируя пласты неатрибутированных сценариев. На наш взгляд, уникальность драматургии М. Макдонаха заключается в насыщенности текстов всеми типами скриптов и ма́стерской организации оппозиций. Именно за счет концентрации осознаваемых и неосознаваемых ссылок (знаков) собирается хронотоп пьесы и обеспечивается беспрецедентная степень напряжения, синхронизируются внешний и внутренний контексты, вызывая бретоновское «шипение и взрыв».

Мы попробовали выделить и, согласно классификации Ю. Е. Прохорова, ранжировать самые значимые скрипты (табл. 2).

Метаскрипты

Безусловно, базовой в системе метаскриптов представляется оппозиция Жизнь / Смерть. Важно отметить здесь скрипт Вера как аналог Жизни и, соответственно, Безверие как

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-286-296

Табл. 2. Уровни скриптов и оппозиции
Tab. 2. Levels of scripts and oppositions

Внешняя оппозиция					
Внутренняя оппозиция	Вера	Метаскрипт	Безверие		Внутренняя оппозиция
	Патриархальность		Постмодерн, глобализм		
	Жизнь		Смерть		
	Высшая ценность / Обуза / Испытание		Наказывающая	Избавляющая	
	Бог		АнтиБог		
	Всемогущий	Отсутствующий	Враг	Приятель	
	Католицизм		Язычество		
	Нравственный канон	Нравственный упадок	Опора	Пережиток	
	Ирландия	Сложный скрипт	Англия		
	Гордая	Униженная	Метрополия	Агрессор	
	Сопротивление		Смирение		
	Патриотизм	Терроризм	Эмиграция внешняя	Эмиграция внутренняя	
	Власть, ответственность		Анархия		
	Духовенство		Прихожане		
	Опора	Демотиватор	Атеисты	Потребители	
	Дом		Эмиграция		
	Убежище	Тюрьма	Возможности	Унижение	
	Мужчина	Макроскрипт	Женщина		
	Семья		Одиночество / Сиротство		
	Классическая	Маргинальная	Горе	Удача	
	Родитель		Ребенок		
	Защитник / Мудрый	Насильник / Инфант	Благополучный	Жертва	
	Автор		Произведение		
	Любовь, дружба		Равнодушие, вражда		
	Искренность, верность		Хитрость, предательство		
	Правда, факт		Ложь, не факт		
	Вечеринка, свидание, похороны		Подмена смыслов мероприятий		
	Ирландский язык	Простой скрипт	Английский язык		
	Культурный код	Второсортность	Преимущество	Преграда	
	Социально адаптированный		Социопат		
	Здоровый, сильный, красивый		Больной, слабый, безобразный		
	Умный		Глупый		
	Нравственный, добрый, трезвый		Распущенный, злой, пьяный		

аналог Смерти. Это базовые скрипты, как ассоциирующиеся со скриптами Религия, Католицизм (все ссылки на Библию), так и не ассоциирующиеся (ссылки на мифы, язычество).

В первом случае скрипт Бог воспринимается как Дух, непреодолимая сила (Всемогущий), во втором – ассоциирован с церковью (Отсутствующий). АнтиБог гоним в первом случае и забавен во втором. Эти скрипты включены в Библейскую систему с ее порядком и системой координат (Возрождение, Просвещение, Модерн), с одной стороны, и до- и постбиблейские системы (средние века, постмодерн, глобализм) – с другой.

Под Библейской системой мы понимаем свод представлений человека о правильном мире, в базе которого – Вера, Надежда, Любовь, Идеальный мир – мир справедливости, чести, нравственности, устремления человека в нем – быть ближе к Богу и быть ему нужным.

В этой системе церковь – дом / приход, духовенство – пастырь и наставник. Это история идеала, слагаемого веками и разрушаемого теперь наместниками Бога на земле. Горечь

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-286-296

утраты выражена в оппозициях метаскриптов, построенных по принципу Ожидание – Реальность.***Сложные скрипты*** Тема патриотизма и любви к Родине, с одной стороны, и горького разочарования – с другой, развивается в оппозиции *Ирландия* (символ свободы) – *Англия* (символ несвободы). Оппозиция основана на более чем 400-летней истории колонизации Ирландии. В комплексе с атрибутированными аллюзиями (ссылками на бренды и масс-медиа) суть посыла автора понятна читателю / зрителю в любой стране. Значимым является мотив вытеснения родного языка.

Каждая из сторон оппозиции Ирландия – Англия содержит внутреннюю оппозицию: Ирландия гордая – Ирландия сломленная; Англия-метрополия, дающая (работу, иллюзию свободы) – Англия-агрессор (подавляющая язык, культуру, надежды быть счастливыми на родине). Эта оппозиция – одна из основных в пьесе «Королева красоты из Линэна».

Тема ирландского Сопротивления противопоставлена Смирению. При этом скрипт Сопротивление содержит внутреннюю оппозицию Патриотизм / борьба за независимость, проявляемые ирландцами с 1560 г. (и ставшие синонимом Ирландии), и представления о нем и Терроризм XX в., проявляемый в жестоких демонстративных атаках, в том числе против мирного населения, осуждаемый прежде всего в самой Ирландии.

Оппозиция Патриотизм – Сопротивление – ключевая тема пьесы «Лейтенант с острова Инишмор». Уже в характеристике героев автор определяет стороны: часть героев – с острова Инишмор (Ирландия), другая часть – из Северной Ирландии (Великобритания). В конечном итоге разницы между сторонами нет: и те, и другие демонстрируют одни и те же заблуждения на почве цинизма и лицемерия, а самые «вменяемые» герои пьесы – Донни и Дейви – вынуждены приспосабливаться под напором неадекватных борцунов и «соответствовать», вопреки здравому смыслу.

На наш взгляд, необходимо выделить оппозицию Власть / Ответственность – Анархия. Власть (над собой и над людьми) подразумевает ответственность. И безответственное военное / террористическое Сопротивление, и безответственная, бездуховная власть духовенства – суть Анархии.

Скрипт Духовенство противопоставлен условному скрипту Прихожане и делится на оппозицию Опора (возможность преклонить колени, получить поддержку) – Упадок (духовенство весьма недвусмысленно демонстрирует кризис жанра и само нуждается в опоре). Один из ярких примеров – отец Уэлш в Линэнской трилогии. Пастырь-самоубийца принес себя в поучительную для братьев Конноров жертву и одновременно с этим разрушил жизнь единственного слышащего его человека – юной Гёлен.

Скрипт Прихожане также содержит внутреннюю оппозицию: часть героев разочарована в конфессии, но сохраняет внутренний диалог с Богом, другая – циники и лицемеры, «поймавшие Бога за бороду».

Отдельно отметим многозначность скрипта Дом: это и в общем мир, созданный Богом, и географический мир, и Родина, и родительский дом. Оппозиции действительны на каждом уровне и пронизывают текст как по горизонтали, так и по вертикали, как расширяя до «весь мир – дом» (преимущественно в тоске о лучшем), так и замыкая до коробки в «Очень-очень-очень темной материи».

Скрипту Дом в широком смысле противостоит скрипт Эмиграция (в смысле «хорошо там, где нас нет»). Эмиграция изначально лишена иллюзий и расщеплена надвое: герои покидают Дом в надежде открыть для себя Возможности, однако заведомо готовы столкнуться / пройти через Унижение, как Пато в «Королеве красоты из Линэна» или Билли в «Калеке с острова Инишмаан», либо унижать, как Падрайк из «Лейтенанта с острова Инишмор», в пользу иллюзорного *Home Sweet Home*.

На наш взгляд, только один из героев М. Макдонаха, калека Билли («Калека с острова Инишмаан»), проходит между Сциллой и Харибдой: он не бежит *из* дома, но бежит *к* мечте. Разочаровавшись в Америке, герой рад возвратиться на остров, где ему тоже рады и где исполняется еще одна его мечта – свидание с девушкой. В других пьесах дом / члены семьи так или иначе подталкивают героев в лучшем случае к побегу, в худшем – к убийству(ам).

Макроскрипты

Скрипт Семья, являющийся опорным для всех без исключения пьес, мы относим к макроскриптам по определению: кластер скриптов, организованных в хронологическом порядке. Скрипт Семья противопоставлен скрипту Одиночество / Сиротство. В свою очередь, Семья классическая, с любовью и поддержкой, противопоставлена скрипту Семья фактическая, члены которой конкурируют между собой не только за блага и деньги, но и за место в семейной системе. Ожидание «мудрый, направляющий родитель» разбивается у М. Макдонаха о Родителя инфантильного (Мэг в «Королеве красоты из Линэна»), ригидного (мать Кармайкла в «Одноруком из Спокана»), символично отсутствующего по причине убийства одним из сыновей («Сиротливый запад») или жестокого на почве благих намерений (как родители героев в «Человеке-Подушке» или «Палачах»).

От перестановки мест в системе нарушается библейский порядок: рано повзрослевшие Дети, не знавшие тепла, любви и уважения, не способны уважать Родителей. И тогда Одиночество / Сиротство перестает быть ограничением / лишением, но становится избавлением. Морин и Катурян убивают родителей, Падрайк покушается на убийство отца, Джонни Патинмайк не ограничивает родительницу в алкоголе и т. д. На их фоне калека Билли, брошенный родителями на попечение недалеких теток, – счастливый человек.

Особняком стоит тема отношений между братьями. Братья Пато и Рей Дули, Мартин и Томас Хэнланы, Вален и Коулмен Конноры, Катурян и Михаэль ассоциируются с библейскими мотивами: Каин и Авель, притча о блудном сыне и т. д.

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-286-296

На наш взгляд, оппозиция Автор – Произведение в метафорическом смысле имеет ту же природу: это ответственность порождающего перед рожденным и за рожденного. Под вопросом здесь – ответственность Катуряна за воплощение его рассказов в «Человеке-Подушке» и самого драматурга – за отражение действительности в построенной им системе зеркал. Интересными видятся в этой связи включения в некоторые пьесы писем героев – голосов от первого лица: письма Пато в «Королеве красоты из Линэна», Отца Уэлша в «Сиротливом западе» и Билли в «Калеке с острова Инишмаан» освобождают Автора от позиции ответственного и передают функцию интерпретации высказывания героев читателю / зрителю.

Отдельный интерес представляет оппозиция Мужчина – Женщина. Это и оппозиция женщины мягкой и агрессивной внутри отдельно взятой женщины (Морин в «Королеве красоты из Линэна»), и более высокая социальная динамика символической / собирательной Женщины, вызванная унижением и деградацией Мужчины. П. Лонерган [25] отмечает сообразительность, предприимчивость, агрессивность молодых героинь и бесхитростную укорененность пожилых против несостоятельности героев-мужчин. «Пацанка» Мэйрид в «Лейтенанте с острова Инишмор» потешается над своим длинноволосым братом на розовом велосипеде и убивает не оправдавшего романтических надежд возлюбленного. Кейт и Эйлин в «Калеке с острова Инишмаан» управляют магазином, Элен – поставщик яиц, которые и бьет о головы менее интеллектуальных земляков. Гелен в «Сиротливом западе» приторговывает самогоном и держит в узде клиентов, далеких от романтики. Мэрилин в «Одноруком из Спокана» руководит бандой, второй участник которой, Тоби, обладает тонкой нервной организацией. При этом имеющие нормальную работу Отец Уэлш и Том Хэнлан не в состоянии ее выполнять, а Мик Дауд, выполняющий необходимую, но ненормальную работу, несет на себе «могильную» печать – подозрение в убийстве жены Уны. Другие Мужчины не располагают роскошью иметь работу по месту жительства. Джонни Патинмайк занимается распространением новостей, Падрайк отправился в террористы, Пато Дули – в гастарбайтеры, калека Билли увлекся американской мечтой и т. д.

В «Королеве красоты из Линэна» образ Женщины комментирует старшее поколение (Мэг), мужчина средних лет (Пато Дули), младшее поколение (Рей Дули) и наконец опосредованно сама Морин, которая, желая досадить матери, неумело демонстрирует распущенность, однако имеет весьма консервативные представления о месте и роли Мужчины и Женщины в жизни друг друга. Вокруг отношений Мика Дауда и его жены (любил / не любил, убил / не убил) строится интрига в «Черепе из Коннемары». Никакого пиетета перед женщиной не имеют братья Конноры в «Сиротливом западе», женщины Кармайкла в «Одноруком из Спокана» собраны в порнографических журналах, Марджори и Оджечи в «Очень-очень-очень темной материи» – литературные «негры», лишенные не только гендерных, но и общечеловеческих характеристик. Одним словом, Мужчина у М. Макдонаха тем брутальнее, чем менее социально состоятелен.

Оппозицию Правда – Ложь мы относим к макроскриптам в том числе как сюжетообразующий прием, который позволяет персонажам ярче отыгрывать свои роли и в то же время не позволяет читателю быть уверенным до конца ни в одной из авторских «подач». «Все врут»: полицейский Том Хэнлан в погоне за карьерой собственноручно мастерит доказательство преступления, калека Билли играет на чувствах Бобби подложным письмом от имени доктора, Мэг сжигает письмо Пато из лучших материнских побуждений. В пьесах «Палачи» и «Человек-подушка» интрига сохраняется до конца повествования, чтобы разрешиться в финале, в «Одноруком из Спокана» (где / почему герой потерял руку?), в «Калеке с острова Инишмаан» (как / почему погибли родители Билли?) вопросы остаются без ответа.

Подобным образом противопоставлены в текстах М. Макдонаха понятийные макроскрипты Любовь / Дружба / Отношения – Равнодушие / Вражда / Формальность, Искренность / Верность / Жертвенность – Хитрость / Предательство / Убийство и протокольно-бытовые: Вечеринка / Свидание / Похороны – все «не по регламенту».

Простые скрипты

Образуют оппозицию Ирландский язык (содержит внутреннюю оппозицию Культурный код – Второсортность) – Английский язык (преимущество – преграда). К оппозициям простых скриптов мы относим также оппозиции Социально адаптированный человек – Социопат; Здоровый / сильный / красивый – Больной / слабый / безобразный; Умный – Глупый; Нравственный / добрый / трезвый – Распущенный / злой / пьяный. При этом герои М. Макдонаха относительно друг друга хороши или плохи, относительно читателя / зрителя – однозначно маргинальны.

Хронотоп

Общеизвестно, что каждый вид искусства и род литературы отличается своим типом хронотопа, специфика которого определяется рядом различных факторов. В хронотопе, по М. М. Бахтину, соединяются время и пространство. Пространство меняется под влиянием времени, а время раскрывается в пространстве, становится художественно зримым. Хронотоп драмы ориентирован на театральную постановку, поэтому пространство в пьесе является не только фоном, на котором разворачиваются события, но и образом мира, реализующим авторский замысел. Время же в пьесе соотносится с понятием времени сценического, оно максимально приближено к реальному.

В рамках нашего исследования мы рассматриваем скрипты и их оппозиции как строительный материал хронотопа. По С. Аттардо, активацией сценариев / скриптов запускается

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://vestnik.kemsu.ru
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-286-296

разработка модели ситуации – «наиболее полное представление общего значения текста, включая умозаключения, абдукции, вставки и явные недоразумения и чистые догадки читателя / слушателя» [21, p. 71], вслед за чем создается ментальное представление текстового мира по линиям ментального пространства Ж. Фоконье. По Ж. Фоконье, «лингвистические выражения обычно устанавливают новые пространства, элементы внутри них и отношения, сохраняющиеся между элементами» [26, p. 17], а «пространства могут быть введены строителями пространства явно или неявно на прагматических основаниях (например, художественная литература, театр, свободный косвенный стиль или (проще) случаи, когда изменения времени или убеждений формально не отмечены)» [26, p. 161].

Таким образом, хронотоп несет в себе сюжетообразующую функцию (в нашем случае – постмодернистский контекст и проблематика), изобразительную функцию (в нашем случае – место и время, созданные посредством системы сценариев / знаков, воспроизводимых на любой сцене мира) [27, с. 221], а также организует ментальные пространства, возникающие по мере активации скриптов.

Семиотическая (знаковая) система интертекстуальных включений М. Макдонаха максимально обозначает и воссоздает три уровня: топографический хронотоп – наблюдаемый мир; психологический хронотоп – мир наблюдателей и метафизический хронотоп – мир, который устанавливает язык описания [28, с. 39].

Топографический хронотоп определяется фактическим местом действия и всегда имеет оппозицию: городки Линэн и Коннемара в графстве Гэлуэй и острова Инишмаан, Инишмор в т. н. ирландских пьесах противостоят Северной Ирландии, Великобритании, Америке и Австралии. Это места надежд и разочарований и одновременно субъекты (как метрополия – Великобритания) и / или инструменты (как австралийские сериалы) колонизации / насилия. Небольшой город Спокан на северо-западе США и любой другой на пути героя («Однорукий из Спокана») незримо связан с домом матери Кармайкла, откуда, вероятно, бежит герой. В Олдеме, крупном городе на севере Англии («Палачи»), нравы и порядки подчеркнуто отличны от Запада или Юга. Место без имени / наименования в «Человеке-подушке» имеет некоторое физическое описание и зеркало – мир сказок Катуряна.

Психологический хронотоп собирается самосознанием персонажей (и уровнем сознания языковой личности). В системе предлагаемых нами скриптов это внутреннее движение героев от простого к сложному, по оси *верх – низ*. В глобальной повестке герои существуют в одинаковых мирах, в буквальном смысле промаркированных метатекстовыми ссылками. Постмодернистское мировоззрение, внутренний мир и основные конфликты формируются извне, по единым сценариям, поэтому победы и поражения героев понятны любому читателю / зрителю.

Метафизический хронотоп выстраивается вокруг провокативных попыток автора низвергнуть традиционное понимание ирландской идентичности как самими ирландцами, так и внешним – неирландским – миром. В ирландских пьесах мы встречаем множество ссылок на народные традиции и символы Ирландии: язык, земля, вода, распятие, крестьянские орудия. Все они низвергаются: земля больше не кормит и не защищает, ирландский язык препятствует интеграции за пределами страны, осквернены дом и домашний очаг – символы семейных уз, распятия и святые. Так, в «Королеве красоты из Линэна» в очаге сгорает письмо Пато, а кочергой Морин убивает мать, Миг Дауд в «Черепе из Коннемары» у очага размышляет о смерти. Также целенаправленно М. Макдонах разрушает смысл распятия: в доме Мэг и Морин Фолан распятие висит рядом с фотографиями братьев Кеннеди, в «Черепе из Коннемары» – рядом с крестьянскими орудиями, которые не используются, в «Сиротливом западе» – под ружьем, которым в недавнем прошлом был застрелен отец героев, здесь же фигурки святых отправляются в печь. Не менее разрушительны действия (или бездействие) героев в отношении орудий труда. Из имеющегося в доме сельскохозяйственного инструмента Мик Дауд использует только лопату. Он не возделывает землю. Он перекапывает ею могилы, дробит неистлевшие кости и опускает их на дно озера (предельное пространство между небом и землей). И мы, среди прочего, понимаем: места на Западе Ирландии нет ни живым, ни мертвым. Нет места и традициям. В пьесах мира [18] драматург транслирует общечеловеческий запрос на разрушение стереотипов и переоценку ценностей.

В постмодернистском дискурсе подобные изыскания оформлены постструктуралистами [17; 29], а «подлинные места, места, вписанные в конкретные общественные институты, но служащие своего рода "контрместоположениями", своего рода фактически реализованными утопиями, в которых реальные местоположения, все остальные реальные местоположения, какие можно найти в рамках культуры, сразу и представляются, и оспариваются, и переворачиваются: места, находящиеся за пределами всех остальных мест, хотя, несмотря на это, они фактически локализуемы» [29, с. 196], названы гетеротопиями.

В гетеротопии М. Макдонаха философия и поступки героев не совпадают с тем, как организована и обустроена их жизнь. По-прежнему ли родная земля и заветы предков о труде и свободе имеют сакральный смысл? Живы ли традиции и общепринятые символы? Кто такие Вера, Надежда, Любовь? Какие из существующих стереотипов утратили силу, но продолжают удерживать героев в стесненных обстоятельствах? Автор выстраивает пространство на оппозиции *стереотип – реальность* на всех уровнях языковой личности, от индивидуума со своим собственным сознанием до личности – представителя рода человеческого [22, с. 14, 148], ставит вопросы, но не дает ответов. Очевидно, что в глобальном постмодернистском мире

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-286-296

для читателя и зрителя продолжает оставаться актуальным весь спектр вопросов, от самоидентификации до попыток «достучаться до небес».

По М. Фуко, «гетеротопия начинает функционировать в полной мере, когда люди оказываются в своего рода абсолютном разрыве с их традиционным временем» [29, с. 200]. Будучи очевидно оторванными от места, герои М. Макдонаха обуславливают себя декорациями старого времени (интерьеры, фотографии, музыка и сериалы в ирландских пьесах), историей об утрате («Однорукий из Спокана» ищет руку 27 лет), семейной драмой (Катурян положил конец насилию над братом, но породил другое насилие), легендой о профессии («Палачи»). Три времени в драматургии М. Макдонаха существуют одновременно: настоящее, время повествования (постмодерн); преимущественно идеализированное прошлое, активно присутствующее в настоящем как опора или обуза – на выбор героя и читателя; призрачное будущее, которое, похоже, проистекает напрямую из прошлого, минуя досадное, убогое настоящее, и поэтому не имеющее ни силы, ни ощутимого места среди времен.

Однако, повторимся, автор далек от вынесения вердиктов и расклейки ярлыков. Финалы М. Макдонаха преимущественно открыты, герои амбивалентны, и это значит, у них всегда есть шанс продвинуться по оси *низ – верх*. Это дает нам возможность рассматривать гетеротопии М. Макдонаха как лиминальный (переходный) мир [30; 31]. В. Тэрнер определяет лиминальность следующим образом: «Свойства лиминальности или лиминальных personae ("пороговых людей") непременно двойственны, поскольку и сама лиминальность, и ее носители увертываются или выскальзывают из сети классификаций, которые обычно размещают "состояния" и положения в культурном пространстве. Лиминальные существа ни здесь, ни там, ни то ни се; они – в промежутке между положениями, предписанными и распределенными законом, обычаем, условностями и церемониалом. Поэтому их двусмысленные и неопределенные свойства выражаются большим разнообразием символов в многочисленных обществах, ритуализирующих социальные и культурные переходы. Так, лиминальность часто уподобляется смерти, утробному существованию, невидимости, темноте, двуполости, пустыне, затмению солнца или луны» [31, с. 169].

Возьмем на себя смелость предположить, что каждая оппозиция скриптов – пограничный элемент и пограничное ментальное пространство, в котором совершается один из трех микро-обрядов: разделения, перехода или объединения [30, с. 16, 25]. Пороговые пространства А. ван Геннеп определяет как промежуточные ситуации и условия, которые характеризуются смещением устоявшихся структур, обращением иерархий и неопределенностью в отношении преемственности традиции и будущих результатов. В них можно вести себя так, как не принято. Пределы пространства, согласно А. ван Геннепу, конкретно связаны с ритуалами перехода, во время которых человек переходит от одной фазы жизни к другой через серию значимых ритуальных действий [30, с. 23].

Судя по количеству выделенных нами скриптов / развилок – лиминальных элементов, судьба персонажей М. Макдонаха не определена. Они все еще находятся в переходном состоянии, и есть надежда, что, невзирая на насилие, утрату идентичности, вынужденную эмиграцию, поиски частей себя, совершенные ошибки и тяжкие грехи, у героев есть будущее.

Заключение

Природа черного юмора в пьесах М. Макдонаха основана на высокой плотности межкультурных знаков-скриптов и их оппозициях в рамках метаскриптов, в числе которых особое место принадлежит интертекстуальным средствам разного уровня (цитата, аллюзия, реминисценция, парафраз и пародия). Интертекстуальность как явление, особенно актуальное в постмодернистской культурной парадигме, позволяет автору осуществлять диалог с читателем / зрителем в макроконтексте культуры. Тем самым автору удается не только «сжимать пружину» текста и «выпускать пар», но и добиться юмористического эффекта, доступного для понимания любой публики, независимо от уровня образованности, вероисповеданий, национальной принадлежности, англоговорящих и говорящих на десятках других языков мира, физиков и лириков, способных и не способных распознать отсылки к прецедентным феноменам.

Вместе с тем мы выяснили, что при организации хронотопа скрипты и их оппозиции выступают как фрагменты «живописного полотна, рисунка, скульптурной композиции, архитектурного здания, фильма (в особенности с использованием минимума короткого монтажа и непрерывной точки зрения камеры), музыкального сочинения» [32, с. 123], и все они функционируют как непрерывные единства.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Литература

1. Болгова С. М., Болдырева Т. В., Доценко Е. Г., Журчева О. В., Журчева Т. В., Кислова Л. С., Лавлинский С. П., Лепишева Е. М., Малютина Н. П., Павлов А. М., Сейбель Н. Э., Сизова М. И., Семеницкая О. В., Синицкая А. В., Старова Е. А., Тютелова Л. Г., Шамина В. Б., Шатина Л. П., Шевченко Е. Н. Новейшая драма рубежа XX–XXI веков: предварительные итоги. Самара: СамГУ, 2016. 296 с.

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-286-296

2. Макарова Е. И. Комическое в пьесе Мартина Макдоноха «Королева красоты из Линейна» // Театр и драма: эстетический опыт эпохи: мат-лы Всерос. науч. конф. (Новосибирск, 9 октября 2017 г.) Новосибирск: НГТИ, 2018. С. 65–74.
3. Шамина В. Б. Идейно-художественное единство драматургии Мартина МакДонаха // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2018. Т. 4. № 4. С. 147–159. DOI: 10.21684/2411-197X-2018-4-4-147-159
4. Boundaries, Passages, Transitions: Essays in Irish Literature, Culture, and Politics in Honour of Werner Huber. Irish studies in Europe / ed. H. Schwall. Wissenschaftlicher Verlag Trier, 2018. Vol. 8. 265 p.
5. Edwards G. How do Martin Mcdonagh's The Cripple of Inishmaan and Jez Butterworth's Jerusalem Utilise landscape to construct and contest national identity // Leading student work in English studies, University of Nottingham. 2016. Vol. 8. 272–277.
6. CAO Jia-yu. Rewriting of the Irish identity and pastoral: a case study on *The Beauty Queen of Leenane* by Martin McDonagh // Journal of Literature and Art Studies. 2020. Vol. 10. № 2. P. 153–159. DOI: 10.17265/2159-5836/2020.02.008
7. Rigonato A. C. Humour in times of trauma: representations of the troubles in Northern Ireland theatre. Режим доступа: https://spectressnetwork.files.wordpress.com/2017/11/spectress_article.pdf (дата обращения: 01.02.2021).
8. Бретон А. Психопаты шутят. Антология черного юмора. М.: Алгоритм, 2018. 384 с.
9. Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 4(2). Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса (1965 г.); Рабле и Гоголь (Искусство слова и народная смеховая культура) (1940, 1970 гг.). Комментарии и приложение. М.: Языки славянских культур, 2010. 752 с.
10. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. 615 с.
11. Деррида Ж. Структура, знак и игра в дискурсе гуманитарных наук // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму / пер. с фр. и вступит. ст. Г. К. Косикова. М.: Прогресс, 2000. С. 407–426.
12. Genette G. Palimpsestes. La litterature au second degree. Paris: Editions du Seuil, 1982. 467 p.
13. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму / пер. с фр. и вступит. ст. Г. К. Косикова. М.: Прогресс, 2000. С. 427–458.
14. Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. 444 с.
15. Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 240 с.
16. Фатеева Н. А. Интертекст в мире текстов: контрапункт интертекстуальности. 3-е изд., стер. М.: КомКнига, 2007. 280 с.
17. Воркачев С. Г. Интертекстуальность, прецедентность и лингвокультурный концепт // Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах разных типов / науч. ред. Т. Н. Колокольцева, В. П. Москвин. М.: Флинта; Наука, 2014. С. 52–70.
18. Слышкин Г. Г., Ефремова М. А. Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа). М.: Водолей Publishers, 2004. 153 с.
19. Raskin V. The primer of humor research. Mouton de Gruyter, 2008. 680 p.
20. Raskin V. Semantic mechanisms of humor. Dordrecht: D. Reidel Publishing Company, 1985. 284 p.
21. Attardo S. Linguistic theories of humor. Berlin: Gerike GmbH, 1994. 252 p.
22. Прохоров Ю. Е. Действительность. Текст. Дискурс. 5-е изд., стер. М.: Флинта; Наука, 2016. 224 с.
23. Лотман Ю. М. Семиосфера. Спб: Искусство-СПб, 2000. 704 с.
24. Аверинцев С. С. О духе времени и чувстве юмора // Новый мир. 2000. № 1. С. 139–141.
25. Lonergan P. The theatre and films of Martin McDonagh. Bloomsbury Methuen Drama, 2012. 280 p.
26. Fauconnier G. Mental spaces: aspects of meaning construction in natural language. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. 240 p.
27. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 423 с.
28. Тороп П. Х. Проблема интекста // Труды по знаковым системам. Вып. XIX. Текст в тексте. Тарту: Тартуский гос. ун-т, 1981. С. 33–44.
29. Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М.: Праксис, 2006. Ч. 3. 311 с.
30. Геннеп А. ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М.: Вост. лит. РАН, 1999. 198 с.
31. Тэрнер В. Символ и ритуал. М.: Наука, 1983. 277 с.
32. Иванов В. В. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. 3: Сравнительное литературоведение. Всемирная литература. Стиховедение. Калуга: ГУП Облиздат, 2004. 815 с.

https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-286-296

original article

Script System and Black Humor in Plays by M. McDonagh

Alisa S. Usatova
Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

Larisa P. Prokhorova
Kemerovo State University, Russia, Kemerovo
larpro888@gmail.com
https://orcid.org/0000-0002-2311-2385

Received 15 Feb 2021. Accepted 16 Mar 2021.

Abstract: The present paper focuses on intertextuality as a means of black humor in plays by Martin McDonagh, a famous British-Irish playwright. Nine of his plays have been translated into different languages and staged in theatres around the world. However, most theories of comic effect cannot explain the phenomenon of his popularity. This prompted the authors to search for the most accurate and least conditioned way to classify intertext as a means of comic effect in general and black humor in particular. As a result, they chose the semantic theory of humor by V. Raskin and the multidisciplinary general theory of verbal humor developed by V. Raskin and S. Attardo. These theories employ the notions of "script" and "opposition" to examine the linguistic nature of the joke. Using attributed and unattributed intertext inclusions as "signs" or "scripts", the authors analyzed McDonagh's plays through the prism of this theory. The result was a system of scripts and oppositions that form the chronotope of a long text as opposed to that of a joke. The article also introduces the black humor mechanism in McDonagh's plays: it is based on references to the intertextual thesaurus of the potential reader / theatre audience.
Keywords: comic discourse, general theory of verbal humor, S. Attardo, semiotic sign, opposition, intertextuality, precedent phenomena, chronotope

Citation: Usatova A. S., Prokhorova L. P. Script System and Black Humor in Plays by M. McDonagh. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(1): 286–296. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-286-296

Conflicting interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

References

1. Bolgova S. M., Boldyreva T. V., Dotsenko E. G., Zhurcheva O. V., Zhurcheva T. V., Kislova L. S., Lavlinsky S. P., Lepisheva E. M., Malyutina N. P., Pavlov A.M., Seibel N. E., Sizova M. I., Semenitskaya O. V., Sinitskaya A. V., Starova E. A., Tyutelova L. G., Shamina V. B ., Shatina L. P., Shevchenko E. N. *The latest drama of the turn of the XX–XXI centuries: preliminary results*. Samara: SamGU, 2016, 296. (In Russ.)
2. Makarova E. I. The comic effect in the play by Martin McDonagh "The Beauty Queen of Leenane". *Theater and drama: the aesthetic experience of the era:* Proc. All-Russian Sci. Conf., Novosibirsk, 9 Oct 2017. Novosibirsk: NGTI, 2018, 65–74. (In Russ.)
3. Shamina V. B. The ideological and artistic unity of Martin McDonagh's drama. *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*, 2018, 4(4): 147–159. (In Russ.) DOI: 10.21684 / 2411-197X-2018-4-4-147-159
4. *Boundaries, Passages, Transitions: Essays in Irish Literature, Culture, and Politics in Honour of Werner Huber. Irish studies in Europe*, ed. Schwall H. Wissenschaftlicher Verlag Trier, 2018, vol. 8, 265.
5. Edwards G. How do Martin Mcdonagh's The Cripple of Inishmaan and Jez Butterworth's Jerusalem Utilise landscape to construct and contest national identity. *Leading student work in English studies, University of Nottingham*, 2016, 8: 272–277.
6. CAO Jia-yu. Rewriting of the Irish identity and pastoral: a case study on The Beauty Queen of Leenane by Martin McDonagh. *Journal of Literature and Art Studies*, 2020, 10(2): 153–159. DOI: 10.17265/2159-5836/2020.02.008
7. Rigonato A. C. *Humour in times of trauma: representations of the troubles in Northern Ireland theatre*. Available at: https://spectressnetwork.files.wordpress.com/2017/11/spectress_article.pdf (accessed 1 Feb 2021).
8. Breton A. *Anthology of black humor*. Moscow: Algoritm, 2018, 384. (In Russ.)
9. Bakhtin M. M. *Collected Works. Vol. 4 (2). Rabelais and his world (1965); Rabelais and Gogol (The Art of Word and Folk Laughter Culture) (1940, 1970). Comments and annex*. Moscow: Iazyki slavianskikh kultur, 2010, 752. (In Russ.)
10. Barthes R. *Selected works: Semiotics. Poetics*. Moscow: Progress, 1989, 615. (In Russ.)
11. Derrida J. Structure, sign, and play in the discourse of the human sciences. *French semiotics: From structuralism to poststructuralism*, tr. Kosikov G. K. Moscow: Progress, 2000, 407–426. (In Russ.)
12. Genette G. *Palimpsestes. La litterature au second degree*. Paris: Editions du Seuil, 1982, 467.

© 2021. The Author(s). This article is distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License

BULLETIN
Kemerovo State University
https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-286-296

13. Kristeva Yu. Bakhtin, word, dialogue and novel. *French semiotics: From structuralism to poststructuralism*, tr. Kosikov G. K. Moscow: Progress, 2000, 427–457. (In Russ.)
14. Arnold I. V. *Semantics. Stylistics. Intertextuality.* St. Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 1999, 444. (In Russ.)
15. Piege-Gro N. *Introduction to the theory of intertextuality*. Moscow: Izd-vo LKI, 2008, 240. (In Russ.)
16. Fateeva N. A. *Intertext in the world of texts: counterpoint of intertextuality*, 3rd ed. Moscow: KomKniga, 2006, 280. (In Russ.)
17. Vorkachev S. G. Intertextuality, precedence, and linguacultural concept. *Intertextuality and intertext figures in different types of discourses*, eds. Kolokoltseva T. N., Moskvin V. P. Moscow: Flinta; Nauka, 2014, 52–70. (In Russ.)
18. Slyshkin G. G., Efremova M. A. *Film text (linguistic and cultural analysis experience)*. Moscow: Vodolei Publishers, 2004, 153. (In Russ.)
19. Raskin V. *The primer of humor research*. Mouton de Gruyter, 2008, 680.
20. Raskin V. *Semantic mechanisms of humor*. Dordrecht: D. Reidel Publishing Company, 1985, 284.
21. Attardo S. *Linguistic theories of humor*. Berlin: Gerike GmbH, 1994, 252.
22. Prokhorov Yu. E. *Reality. Text. Discourse*, 5th ed. Moscow: Flinta; Nauka, 2016, 224. (In Russ.)
23. Lotman Yu. M. *Semiosphere*. St. Petersburg: Iskusstvo-SP, 2000, 704. (In Russ.)
24. Averintsev S. S. About Zeitgeist and sense of humor. *New world,* 2000, (1): 139–141. (In Russ.)
25. Lonergan P. *The theater and films of Martin McDonagh. Bloomsbury Methuen Drama*, 2012, 280.
26. Fauconnier G. *Mental spaces: aspects of meaning construction in natural language*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997, 240.
27. Bakhtin M. M. *Aesthetics of the written words*. Moscow: Iskusstvo, 1986, 445. (In Russ.)
28. Torop P. H. The Problem of intext. *Works on landmark systems. Iss. XIX. Text in Ttext.* Tartu: Tartuskii gos. un-t, 1981, 33–45. (In Russ.)
29. Foucault M. *Intellectuals and power: Selected political articles, speeches, and interviews*. Moscow: Praksis, 2006, pt. 3, 311. (In Russ.)
30. Gennep A. van. *Rites of passage. Systematic study of rituals.* Moscow: Vost. lit. RAN, 1999, 198. (In Russ.)
31. Turner V. *Symbol and ritual.* Moscow: Nauka, 1983, 277. (In Russ.)
32. Ivanov V. V. *Selected works on semiotics and cultural history. Vol. 3: Comparative Literature. World literature. Poem*. Kaluga: GUP Oblizdat, 2004, 815. (In Russ.)

Памяти Людмилы Алексеевны Араевой

Российский ученый, доктор филологических наук, профессор, действительный член СО МАН ВШ, руководитель научной школы «Кемеровская дериватологическая школа», Заслуженный работник высшей школы РФ, Почетный профессором Кузбасса

09.02.2021 в 74 года ушла из жизни Людмила Алексеевна Араева – известный российский ученый, доктор филологических наук, профессор, действительный член СО МАН ВШ, заведующий кафедрой стилистики и риторики КемГУ, председатель диссертационного совета. С именем Людмилы Алексеевны связаны большие научные и организационные достижения КемГУ и Кузбасса в целом в области филологии и гуманитарной культуры.

Людмила Алексеевна Араева родилась в г. Кемерово, там же – в Кемеровском государственном педагогическом институте – окончила филологический факультет. Затем поступила в аспирантуру Томского государственного университета к профессору Маине Николаевне Янценецкой, оказавшей исключительное влияние на формирование ее лингвистического мышления, чем она всегда гордилась. Словообразование русского языка стало ее магистральной научной темой, которая развилась позднее в научное направление, названное ею пропозиционально-фреймовым моделированием. Докторскую диссертацию по диалектному словообразованию она защитила в 1994 г. в Москве, в ИРЯ РАН.

Обладая незаурядными организаторскими способностями, Людмила Алексеевна сделала исключительно много в плане повышения профессионального уровня преподавателей вузов и школ Кузбасса и формирования в КемГУ крупного лингвистического центра: в 1995 г. она открыла кафедру стилистики и риторики, в 1996 г. – диссертационный совет по защитам кандидатских и докторских диссертаций по двум специальностям: 10.02.01 – русский язык и 10.02.19 – теория языка. В 1999 г. по инициативе Л. А. Араевой в университете открыта докторантура по специальности 10.02.01 – русский язык. Она является руководителем ведущей научной школы «Кемеровская дериватологическая школа». Научный коллектив, возглавляемый профессором Л. А. Араевой, наряду с проблемами регионального словообразования, исследует актуальные вопросы современной риторики, стилистики и культуры речи.

В рамках созданной научно-исследовательской лаборатории проведено описание словообразования русских говоров Кузбасса, что нашло отражение в коллективной монографии «Словообразовательная система русских говоров Кузбасса. Субстантив», Кемерово, 1992 (отв. редактор – Л. А. Араева). Насущная задача разработки методики сбора производной лексики русских говоров обусловила регулярное проведение в КемГУ рабочих семинаров, интерес к которым проявили ведущие ученые из Томска, Москвы, Иркутска, Барнаула, Новосибирска. Результатом работы этих семинаров стали коллективные монографии: «Диалектные различия русского языка. Словообразование», Кемерово, 1991. Вып. 1; 1993. Вып. 2 (выполненные совместно с учеными ИРЯ РАН); «Методические рекомендации по сбору, анализу и классификации производной лексики говоров», Кемерово, 1990 (отв. редактор – М. Н. Янценецкая).

Л. А. Араева – организатор и руководитель 10 конференций (с последующими изданиями сборников докладов), посвященных актуальным проблемам в области русского языка, а также руководитель 9 международных лингвистических школ, на которые в качестве лекторов приезжали ведущие ученые России, ближнего и дальнего зарубежья.

Незаурядная организаторская и творческая мысль Л. А. Араевой проявилась в создании научного направления по изучению культуры и языка телеутов, исследование которых началось в 2007 г. Описание и исследование особенностей телеутского языка с 2014 г. получает финансовую поддержку РГНФ. Интенсивная работа в данном направлении позволила выиграть грант по программе ФЦП «Русский язык» на 2016–2020 гг. Реализация проекта «Разработка электронных образовательных ресурсов по особенностям функционирования русского языка в среде носителей языков коренных малочисленных народов России с последующим размещением в действующей системе электронной поддержки изучения русского языка и дистанционного образования на русском» позволила возглавляемому ею научному коллективу создать цикл лекций в формате on-line. По результатам

работы в рамках трех грантов, посвященных сохранению языка и культуры телеутов, издано более 60 научных статей, коллективная монография «Языковая картина мира телеутов», электронный пропозиционально-фреймовый словарь телеутского языка и электронный лингвострановедческий мультимедийный словарь телеутско-русского языка, выставленный на портал Института русского языка А. С. Пушкина. Результаты научно-исследовательской деятельности Л. А. Араевой представлены в 340 работах, включая монографии и областные словари.

По инициативе Л. А. Араевой были открыты бакалаврские и магистерские программы, в частности «Фундаментальная и прикладная лингвистика», основная задача которой – изучение китайского языка.

Людмила Алексеевна проявила себя как талантливый учитель. Она вырастила плеяду учеников – кандидатов и докторов филологических наук, основала эффективную, работоспособную и дружную кафедру: под ее руководством защищено 26 диссертаций (21 кандидатская и 5 докторских). Большая часть работ выполнена на материале русских народных говоров, в том числе и русских говоров на территории Кузбасса.

Л. А. Араева была и продолжает оставаться известным ученым Кузбасса, ее достижения по праву получили высокую оценку: она награждена нагрудным знаком «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации», медалью «За особые заслуги перед Кузбассом» I, II и III степени, медалью «За достойное воспитание детей», медалью «За веру и добро». Она является Заслуженным работником высшей школы РФ, Почетным профессором Кузбасса; в 2017 г. признана лучшим профессором года.

Людмила Алексеевна была незаурядным, ярким человеком с идеалистическим содержанием, умеющим увлечь и своих учеников, и всех, кто оказывался в пространстве ее личности. Она любила жизнь и науку, была щедрой на добрые поступки.

Память о Людмиле Алексеевне Араевой надолго сохранится в умах и сердцах ее коллег, учеников, друзей и единомышленников.

Коллектив Института филологии,
иностранных языков и медиакоммуникаций
Кемеровского государственного университета

16+

Вестник Кемеровского государственного университета.
Научный журнал

Контакты для сотрудничества:
Серый Андрей Викторович, главный редактор
chiefeditor.vk@gmail.com
Старикова Людмила Семеновна, редактор
8(3842)58-13-01; vestnik@kemsu.ru, vestkemsu@gmail.com

Bulletin of Kemerovo State University.
Scientific Journal

Contacts for co-operation:
Andrey V. Seryy, Editor-in-Chief
chiefeditor.vk@gmail.com
Lyudmila S. Starikova, Editor
8(3842)58-13-01; vestnik@kemsu.ru, vestkemsu@gmail.com

Редакторы выпуска:
Митько Н. В., Рабкина Н. В., Старикова Л. С.

Подписано к печати 30.03.2021.
Дата выхода в свет 02.04.2021.
Печать офсетная. Бумага Sveto Copy.
Формат А4. Усл. печ. л. – 38. Уч.-изд. л. – 33.
Тираж 500 экз.
Цена свободная.
ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет».
Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6, https://kemsu.ru

Адрес типографии: Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово, пр. Советский, 73.